

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,

кандидат юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки
и техники, лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V. L. Kubyshko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,

Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyarkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of Russia
in the Field of Science and Technology, Winner of an Award
of the Government of Russia in the field of education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- С. В. Алексеев,**
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ
- Ю. М. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
- Е. В. Богданов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. А. Боголюбов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- Г. А. Василевич,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)
- А. А. Власов,**
доктор юридических наук, профессор
- Т. М. Гандилов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
- М. М. Дикажев,**
доктор юридических наук, доцент
- В. В. Долинская,**
доктор юридических наук, профессор
- А. В. Ендольцева,**
доктор юридических наук, профессор
- Л. Г. Ефимова,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ
- С. М. Зырянов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Ю. Ильина,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян,**
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- И. Б. Кардашова,**
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

- S. V. Alekseev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia
- Yu. M. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. A. Bogolyubov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- G. A. Vasilevich,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- T. M. Gandilov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- M. M. Dikazhev,**
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
- V. V. Dolinskaya,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. V. Endoltseva,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- L. G. Efimova,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia
- S. M. Zyryanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. Yu. Ilyina,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- I. B. Kardashova,**
Doctor of Legal Sciences, Professor

Н. Н. Карпов,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

И. И. Котляров,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, доцент

N. N. Karpov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

I. I. Kotlyarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илохина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

I. A. Maybuurov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,
доктор психологических наук,
доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальцев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г. С. Човдырова,
доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Sukhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G. S. Chovdyrova,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 10.10.2022
Цена договорная

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК**МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ**

Содержание № 5 • 2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АЛИВЕРДИЕВА М. А. Право человека на благоприятную окружающую среду: теоретико-правовой аспект	12
АМЕЛЬЧАКОВА В. Н., ЛИСИЦЫНА Е. В. Совершенствование административно-деликтного законодательства в сфере информационного пространства	16
АХМЕДОВ Р. М. К вопросу о древнерусских самобытных истоках до крещения Руси	21
АХЪЯДОВ Э. С.-М., АЛЬХАНОВ Н. М. Теоретико-правовые проблемы юридической техники в российском законотворческом процессе	25
БАТЫРОВ А. Х. Зарубежный опыт обеспечения условий отбывания лишения свободы в ИУ	28
БЕЖЕНЦЕВ А. А., ЛЕБЕДЕВ В. Р. Экстремизм и экстремистская деятельность: терминологические дискуссии	36
БЕЛОЗЕРЦЕВ С. М., КУЗНЕЦОВ Е. В., МАРИНОВ А. А. Понятие и сущность гражданского общества	41
БОГАТЫРЕВ В. В., КАЛАМКАРЯН Р. А. Юридическая упорядоченность системы прав человека как нормоустанавливающий феномен международно-правового строительства	44
БУТБАЯ Г. М. Хозяйственная деятельность Банка России в рамках национальной платежной системы	49
БЫЧКОВ В. В., ПРОРВИЧ В. А. Противодействие новым вызовам экстремистской деятельности с использованием информационно-сетевых технологий на уровне трансграничных экстремистских сообществ	54
ВАСИЛЕВИЧ С. Г. О некоторых аспектах усиления профилактики административных правонарушений (на примере Республики Беларусь)	61
ВЕЦКАЯ С. А., ВО КИМ ЗУНГ. Правовые подходы к пониманию процессуального механизма обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений	67
ГОРШЕНЕВА И. А., БЕЗБОРОДОВА Л. А., ЖОКОВ Д. В. Международное сотрудничество криминальной полиции Германии	72
ГРОШЕВ С. Н. Брачно-семейный статус мужчин в Российской империи XIX столетия	78
ГУСТОВА Э. В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы толкования и применения	82
ДАВИТАДЗЕ М. Д., ИВАНЬШИНА О. В. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних	87
ДАНИЛКИН И. А. Роль экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве	92
ДАНИЛКИНА В. М. О месте компьютерной криминалистики в системе криминалистических знаний	98
ДИНЕКА В. И., ДЕНИСЕНКО М. В. Правовая оценка объективных и субъективных признаков необходимой обороны	104
ДОЛГИЕВА М. М., ДОЛГИЕВ М. М. Двойные стандарты Совета Европы	108
ДОЛГИЙ М. О. Правоохранительная функция в системе функций правового государства: исторический аспект конституционных изменений	113
ЕРМАКОВА Е. Г. Некоторые вопросы международного усыновления детей согласно процедурам кафала и усыновления на расстоянии	118

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная.

Тираж 1500 экз.

(1-й завод — 300).

Заказ № 76

Московский университет

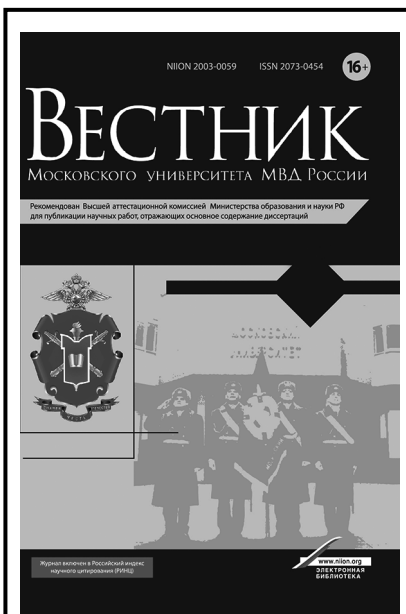
МВД России

имени В.Я. Кикотя

117997, г. Москва,

ул. Академика Волгина, д. 12

ЖАБСКИЙ В. А., КУЛИКОВА С. Г. Борьба профессиональная и общеуголовная с преступностью в Русском централизованном государстве (конец XV–XVII вв.)	124
ЖУРАВЛЕВ В. В. Административно-предупредительные меры в системе дисциплинарного принуждения: понятие и классификация	128
ЗАБАВКА В. И. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения	132
ЗАРИНА А. М., МУКЛЕЦОВА И. А. К вопросу о разграничении преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан	136
ИЛЬИН Н. Н. Осмотр места происшествия — основной источник информации для транспортной судебной экспертизы	140
КАЙНОВ В. И., ШЕНШИН В. М. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права	145
КОВШЕВАЦКИЙ В. И., МАРКИНА Э. В. Проблемы правового регулирования дисквалификации как вида административного наказания	154
КОЛОКОЛОВ Н. А. Отзыв на диссертацию Юлии Владимировны Зуевой на тему: «Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)»	159
КОСТЫЛЕВ А. О., ВОСТРОКНУТОВ А. Л. Понятие и содержание права на проведение публичных мероприятий в Российской Федерации	168
КУЛИКОВ М. А. Виды манипулирования юридическими целями и средствами в правовом регулировании	174
ЛАБАЗАНОВА С. Х., УСОВ Е. Г., ШЕЛЕГОВ Ю. В. Сущностные аспекты правореализации	180
МЕЙЕР Р. С. К вопросу о государственном протекционизме на рынке расчетов на примере системы быстрых платежей	183
ОПАЛЕВ А. В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций	187
ОСАВЕЛЮК А. М. Правовые основы социального обеспечения отдельных категорий несовершеннолетних в Российской Федерации	191
ПОНОМАРЕВА В. П. Зарубежная Россия: научная школа теоретиков государства и права юридического факультета в Харбине (1920–1937)	195
ПОПОВ В. В., ЕРОХИНА А. В., ЧЕРКАСОВА С. В. Юридическая ответственность несовершеннолетних граждан за противоправные действия в сети Интернет (сравнительно-правовой аспект)	202
ПОПОВА А. А. Правовые и организационные основы защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации от дискредитации	208
ПРАВКИНА И. Н. Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества как национальный стратегический интерес современного российского государства	213
САКУЛИНА Л. Л., КУРБАТОВА О. В. Профилактические меры противодействия коррупции в органах государственной власти	217
САМОЙЛОВ С. Ф., ДОРОШЕНКО О. М., ЖУЛАНОВ А. В. Место идеологической составляющей в структуре праворадикально настроенного экстремистского сознания	221
СЕДОЙ И. С. Роль правоохранительных органов в защите конституционных прав и свобод человека в Российской Федерации	227
СЕМОВ В. И. Производство по делам об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими, в условиях режима чрезвычайного положения	231
СИТКОВ А. С. Международное сотрудничество полиции в рамках Интерпола по противодействию киберпреступности и обеспечению кибербезопасности	238
СОЛОВЬЕВА А. С. Исторические предпосылки формирования концепции справедливого судебного разбирательства во внутригосударственном праве и международно-правовых актах	243
ТАРАСЕНКО И. В., САБУРОВА А. Б. Ретроспективный анализ процессуального положения несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам	249
ТУРИЩЕВА А. А. О реализации мер, предусмотренных национальными программами безопасности дорожного движения Федеративной Республики Германия	258

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобразования России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства «Урал-Пресс Округ» 84629, или на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>

УСТИМОВА С. А., РАССКАЗОВА Е. Н. Цифровизация исполнительного производства: преимущества и проблемы	267
ФАДЕЕВ В. В., ФАДЕЕВА И. В. О проблеме расширительного толкования положений ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ	271
ХАДИСОВ Г. Х., ШАЙХУТДИНОВА Т. Ф. Актуальные вопросы, связанные с классификацией и квалификацией административных правонарушений в сфере информационного пространства, с учетом зарубежного опыта	278
ХОДУСОВ А. А., АКИШЕВА Д. М. Транснациональная организованная преступная группа: криминологическое понятие и признаки	282
ЧЕРВОНЮК В. И. Оперативно-разыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона (в четырех статьях). Статья 1. Оперативно-разыскная деятельность как специфический механизм правоохраны	286
ЧУРСИНА А. Д. Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях	294
ШАРОНОВ С. А. Сходства, различия и проблемы договорного регулирования частной охранной и частной детективной деятельности на современном этапе развития гражданского оборота	297
ШАХОВ Ш. Б. Процессуальные особенности исполнения решений судов, связанных со сносом жилых домов	303
ШКОРОПАТ Е. А., ТОКАРЕВА Е. В. Назначение судебных экспертиз, основанных на комплексном исследовании	305
ШУРУХНОВА Д. Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации	310
ЭРИАШВИЛИ Н. Д., МАНУЙЛОВА Е. В. Влияние экологических факторов на формирование личности насильственных преступников с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости	314
ЯРОШ А. В. Правовое регулирование использования телемедицинских технологий при лечении бесплодия	319

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Математические, статистические и инструментальные методы экономики
Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

ГРАЧЕВ А. В., СИКОРСКАЯ Л. В. Латентность как фактор коррупции в системе государственных закупок	326
МИХЕЕВА М. В., НАКОВА М. Р. Цифровая трансформация деятельности субъектов хозяйствования: плюсы и минусы	330
ОРЛОВ А. В., ЛОШАКОВ А. С. Оценка состояния и перспектив российского рынка лизинговых услуг в условиях экономических санкций	334
СТАРОВЕРОВА О. В. Цифровые технологии в налогообложении	339
КУЗНЕЦОВА Е. И. Рецензия на учебник «История экономических учений», подготовленный доктором экономических наук, профессором А. В. Минаковым	343

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

АБДУЛЬМАНОВ А. А., ДЕУЛИН Д. В. Психологические аспекты осмотра места происшествия	345
БЕЛЬСКИЙ В. Ю., КАЛЬНОЙ И. И. Необходимость и целесообразность идеологии в Конституции Российской Федерации	350
ГАЛКИНА Н. Ю. Стресс и стресс-менеджмент в деятельности педагога образовательных организаций МВД России	356
ОХОТНИКОВ Ю. М. Психологические условия предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций у сотрудников органов внутренних дел в ходе переговорного процесса	361
РЕАН А. А., КОШЕЛЕВА Е. С. Связь представлений педагогов о половых особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивное поведение учащихся	366

FOUNDER:

**Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation**

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of a science and technics,
the Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Chief Editor
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
**L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina**

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

**The certificate of registration
№ 77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629**

*It is sent for the press 10.10.2022
Contractual price*

**Editorial Staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>**

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 5 • 2022

JURISPRUDENCE

*Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences*

ALIVERDIEVA M. A. Human right to a favorable environment: theoretical and legal aspect	12
AMELCHAKOVA V. N., LISITSYNA E. V. Improvement of administrative and tort legislation in the field of information space	16
AKHMEDOV R. M. On the question of the ancient Russian original origins before the Baptism of Russia.	21
AKHYADOV E. S.-M., ALKHANDOV N. M. Theoretical and legal problems of legal technique in the Russian law-making process	25
BATYROV A. KH. Foreign experience in ensuring the conditions for serving deprivation of liberty in correctional institutions.	28
BEZHENTSEV A. A., LEBEDEV V. R. Extremism and extremist activity: terminological discussions	36
BELOZERTSEV S. M., KUZNETSOV E. V., MARINOV A. A. The concept and essence of civil society.	41
BOGATYREV V. V., KALAMKARYAN R. A. Legal orderliness of the human rights system as a norm-setting phenomenon of international legal construction	44
BUTBAYA G. M. Business activities of the Bank of Russia within the framework of the national payment system	49
BYCHKOV V. V., PRORVICH V. A. Countering new challenges of extremist activity using information and network technologies at the level of cross-border extremist communities	54
VASILEVICH S. G. On some aspects of strengthening the prevention of administrative offences (by the example of the Republic of Belarus)	61
VETSKAYA S. A., VO KIM DUNG. Legal approaches to understanding the procedural mechanism for ensuring the rights and legitimate interests of legal entities victims of crimes.	67
GORSHENEVA I. A., BEZBORODOVA L. A., ZHOKOV D. V. International cooperation of the criminal police of Germany	72
GROSHEV S. N. Marital and family status of men in the Russian Empire of the XIX century.	78
GUSTOVA E. V. Criminal law novellas: problems of interpretation and application	82
DAVTADZE M. D., IVANSHINA O. V. Failure to fulfill obligations for the upbringing of minors	87
DANILKIN I. A. The role of expert-criminal and forensic activities in criminal proceedings	92
DANILKINA V. M. About the place of computer forensics in the system of forensic knowledge	98
DINEKA V. I., DENISENKO M. V. Legal assessment of objective and subjective signs of necessary defense	104
DOLGIEVA M. M., DOLGIEV M. M. Double standards of the Council of Europe	108
DOLGIY M. O. Law enforcement function in the system of functions of the rule of law: the historical aspect of constitutional changes	113
ERMAKOVA E. G. Some issues of international adoption of children according to the procedures of kafala and adoption at a distance	118

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

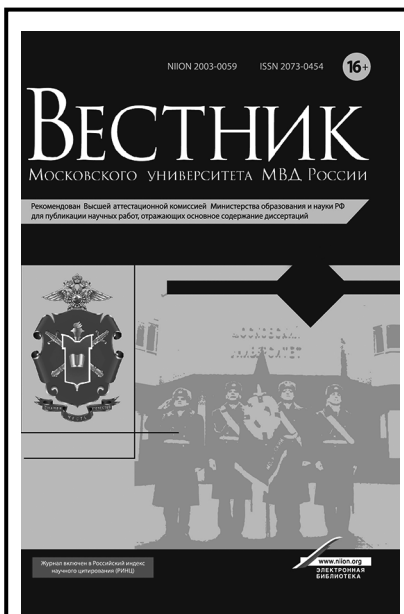
Offset printing

**Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)**

Order № 76

**Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

ZHABSKIY V. A., KULIKOVA S. G. The fight professional and ordinary against crime in the Russian centralized state (the end of the XV–XVII centuries)	124
ZHURAVLEV V. V. Administrative preventive measures in the system of disciplinary enforcement: concept and classification	128
ZABAVKA V. I. Restriction of human and civil rights and freedoms under martial law	132
ZARINA A. M., MUKLETSOVA I. A. On the issue of delimitation of crimes and administrative offenses infringing on the electoral rights of citizens	136
ILYIN N. N. Inspection of the scene — the main source of information for transport forensic examination	140
KAINOV V. I., SHENSHIN V. M. On the legal regulation of certain measures of administrative restraint applied by law enforcement agencies: innovations in administrative law	145
KOVSHVATSKY V. I., MARKINA E. V. Problems of legal regulation of disqualification as a type of administrative punishment	154
KOLOKOLOV N. A. Review of Yulia Vladimirovna Zueva’s dissertation on the topic: «Institute of Self-defense under the legislation of Russia (doctrine, practice, technique)»	159
KOSTYLEV A. O., VOSTROKNUTOV A. L. The concept and content of the right to hold public events in the Russian Federation	168
KULIKOV M. A. Types of manipulation of legal goals and means in legal regulation.	174
LABAZANOVA S. KH., USOV E. G., SHELEGOV YU. V. Essential aspects of law realization	180
MEYER R. S. To the question of state protectionism on the settlement market on the example of the fast payment system.	183
OPALEV A. V. Modern information technologies as a tool for the activities of extremist and terrorist organizations	187
OSAVELYUK A. M. Legal bases of social security of certain categories of minors in the Russian Federation	191
PONOMAREVA V. P. Foreign Russia: scientific school of state and law theorists of the faculty of law in Harbin (1920–1937).	195
POPOV V. V., EROKHINA A. V., CHERKASOVA S. V. Legal liability of minors for illegal actions on the Internet (comparative legal aspect)	202
POPOVA A. A. Legal and organizational bases of protection of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation from discreditation	208
PRAVKINA I. N. Optimization of interaction between the state and civil society as a national strategic interest of the modern Russian state.	213
SAKULINA L. L., KURBATOVA O. V. Preventive measures against corruption in public authorities.	217
SAMOILOV S. F., DOROSHENKO O. M., ZHULANOV A. V. The place of the ideological component in the structure of right-wing extremist consciousness	221
SEDOY I. S. The role of law enforcement agencies in protecting constitutional human rights and freedoms in the Russian Federation	227
SEMOV V. I. Proceedings in cases of administrative offenses committed by military personnel in a state of emergency	231
SITKOV A. S. International police cooperation within the framework of Interpol on combating cybercrime and ensuring cybersecurity	238
SOLOVYOVA A. S. Historical prerequisites for the formation of the concept of fair trial in domestic law and international legal acts.	243
TARASENKO I. V., SABUROVA A. B. Retrospective analysis of the procedural status of minors in pre-trial criminal proceedings	249
TURISHCHEVA A. A. On the implementation of the measures provided by the national road safety programs of the Federal Republic of Germany.	258

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

USTIMOVA S. A., RASSKAZOVA E. N. Digitalization of enforcement proceedings: advantages and problems	267
FADEEV V. V., FADEEVA I. V. About the problem of broad interpretation of the provisions of p. 3 of art. 19.8 of the Administrative Code of the Russian Federation	271
KHADISOV G. KH., SHAIKHUTDINOVA T. F. Topical issues related to the classification and qualification of administrative offenses in the field of information space, taking into account foreign experience	278
KHODUSOV A. A., AKISHEVA D. M. Transnational organized criminal group: criminological concept and signs	282
CHERVONYUK V. I. Operational investigative measures: instrumental value, legal certainty of the law (in four articles). Article 1. Operational search activity as a specific mechanism of law enforcement	286
CHURSINA A. D. Cyber extortion and threats in social networks	294
SHARONOV S. A. Similarities, differences and problems of contractual regulation of private security and private detective activities at the present stage of civil turnover development	297
SHAKHOV SH. B. Procedural features of the execution of court decisions related to the demolition of residential buildings	303
SHKOROPAT E. A., TOKAREVA E. V. Appointment of forensic examinations based on a comprehensive study	305
SHURUKHNOVA D. N. The main directions of the introduction of electronic proceedings in cases of administrative offenses in the Russian Federation	310
ERIASHVILI N. D., MANUYLOVA E. V. The influence of environmental factors on the formation of the personality of violent criminals with mental disorders, not excluding sanity	314
YAROSH A. V. Legal regulation of the use of telemedicine technologies in the treatment of infertility	319

ECONOMIC SCIENCE

*Mathematical, statistical and instrumental methods of economics
Regional and sectoral economics
Finance*

GRACHEV A. V., SIKORSKAYA L. V. Latency as a factor of corruption in the public procurement system	326
MIKHEEVA M. V., NAKOVA M. R. Digital transformation of the activities of business entities: pros and cons	330
ORLOV A. V., LOSHAKOV A. S. Assessment of the state and prospects of the Russian market of leasing services in the context of economic sanctions	334
STAROVEROVA O. V. Digital technologies in taxation	339
KUZNETSOVA E. I. Review of the textbook «History of Economic Doctrines», prepared by Doctor of Economic Sciences, Professor A. V. Minakov	343

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

ABDULMANOV A. A., DEULIN D. V. Psychological aspects of the inspection of the scene	345
BELSKY V. YU., KALNOY I. I. Necessity and expediency of ideology in the Constitution of the Russian Federation	350
GALKINA N. YU. Stress and stress management in the professional activity of a teacher of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	356
OKHOTNIKOV YU. M. Psychological conditions of prevention and conflict resolution employees of the internal affairs bodies during the negotiation process	361
REAN A. A., KOSHELEVA E. S. The connection of teachers' ideas about the gender characteristics of adolescent aggression with the ways of their response to aggressive and conflict behavior of students	366

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-12-15>

ИПОН: 2003-0059-5/22-407

MOSURED: 77/27-003-2022-05-606

Право человека на благоприятную окружающую среду: теоретико-правовой аспект

Муслимат Айдабековна Аливердиева

Юридический институт Дагестанского государственного университета, Махачкала, Республика Дагестан,
mail@law-books.ru

Аннотация. Рассматриваются понятие, содержание и сущность конституционного права человека на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации. Признается большая значимость международного регулирования, а международные стандарты представляются нормативным минимумом, который должны обеспечить государства. Благоприятная окружающая среда обеспечивается тремя аспектами: состоянием естественных экологических систем, состоянием природных и природно-антропогенных факторов. Вопросы состояния окружающей среды в последнее время набирают все большую популярность и, к сожалению, их возникновение в общественности связано с постепенным ухудшением экологической обстановки. На территории государств появляются новые производства, создается все больше условий для удовлетворения запросов потребителей, а вместе с тем, только некоторые государства становятся ориентированным на сохранение благоприятной окружающей среды.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, международное сотрудничество, международные стандарты, национальное законодательство, экологический аудит

Для цитирования: Аливердиева М. А. Право человека на благоприятную окружающую среду: теоретико-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 12–15. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-12-15>.

Original article

Human right to a favorable environment: theoretical and legal aspect

Muslimat A. Aliverdieva

Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, mail@law-books.ru

Abstract. The concept, content and essence of the constitutional human right to a favorable environment in the Russian Federation are considered. The great importance of international regulation is recognized, and international standards are presented as a regulatory minimum that States must provide. A favorable environment is provided by three aspects: the state of natural ecological systems, the state of natural and natural-anthropogenic factors. Environmental issues have been gaining more and more popularity lately and, unfortunately, their appearance in the public is associated with a gradual deterioration of the environmental situation. New industries are emerging on the territory of states, more and more conditions are being created to meet the needs of consumers, and at the same time, only some states are becoming focused on preserving a favorable environment.

Keywords: the right to a favorable environment, international cooperation, international standards, national legislation, environmental audit

For citation: Aliverdieva M. A. Human right to a favorable environment: theoretical and legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):12–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-12-15>.

Конституция Российской Федерации декларирует естественное и неотъемлемое право каждого гражданина Российской Федерации, неразрывно связанное с такими фундаментальными правами как право на жизнь и на охрану здоровья, — право на благоприятную окружающую среду, на получение достоверной информации о ее состоянии, а также на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу при нарушении права на благоприятную окружающую среду [1]. Вопросы охраны окружаю-

щей среды относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в связи с чем нормативное правовое регулирование данной сферы возможно и на уровне отдельного субъекта Российской Федерации.

Реализация права человека на благоприятную окружающую среду не только создает необходимые условия для осуществления остальных прав человека, но и определяет показатели качества жизни гражданина, которые характеризуют государство.

© Аливердиева М. А., 2022

Тем не менее, право на благоприятную окружающую среду не может быть реализовано изолированно на территории конкретного государства, в том числе, ввиду независимости природы и поведения природных объектов от государственных границ. Уничтожая природный объект, находящийся в поднадзорности одного государства, можно уничтожить флору и фауну целой местности, что впоследствии приведет к нарушению права на благоприятную окружающую среду граждан сразу целого ряда государств, а нарушение этого права — к глобальным экологическим проблемам. Поэтому признается большая значимость международного регулирования, а международные стандарты представляются нормативным минимумом, который должны обеспечить государства.

Благоприятная окружающая среда обеспечивается тремя аспектами: состоянием естественных экологических систем, состоянием природных и природно-антропогенных факторов. Отсюда можно сделать вывод о том, что благоприятная окружающая среда — это широкое понятие, которое включает в себя не только состояние почвы, воздуха и т. д., но и состояние того, что было создано человеком, в том числе городской среды. Поэтому защита окружающей среды со стороны органов власти не ограничивается борьбой с загрязнением воздуха или воды. Конституционный Суд РФ в одном из своих решений определил, что регламентация градостроительной деятельности направлена на обеспечение комфортной среды обитания для обеспечения благоприятных условий проживания населения [2].

Второе конституционное экологическое право — право гражданина на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Данное право в настоящий век информационных технологий имеет принципиальное значение для существования права на благоприятную окружающую среду в целом, в том числе, посредством своего влияния как на правоприменение, так и на проведение единой государственной экологической политики. Реализация конституционного права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды обеспечивается путем его установления в различных сферах, что отражается в федеральных законах, имеющих прямое отношение к состоянию окружающей среды.

Согласно ст. 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [3] к одному из прав граждан

дан в области охраны окружающей среды относится право обращаться в органы государственной власти и органы местного самоуправления для получения своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды в месте своего проживания, о тех мерах, которые предпринимаются для поддержания и охраны благоприятной окружающей среды.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4] гражданам предоставляется аналогичное право: получать в органах государственной власти информацию о санитарно-эпидемиологической обстановке, о качестве и безопасности пищевых продуктов, товаров для бытовых и личных нужд, товаров производственно-технического назначения, о потенциальной опасности для здоровья человека деятельности организаций, выполняющих работы и оказывающих услуги.

Третьей составляющей комплекса конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду, является право на возмещение вреда жизни и здоровью, в случае если такой вред причинен в результате загрязнения окружающей среды. При возмещении вреда в данном случае действует общее правило Гражданского кодекса (ст. 15 ГК РФ [5] и ст. 1064 [6]): для доказывания необходимо установить наличие вреда, противоправность поведения лица, причинно-следственную связь между вредным последствием и действиями лиц, причинивших вред, форму вины.

Анализ основных положений конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду позволяет сделать вывод о большой роли государства в лице органов власти по обеспечению защиты данного права и возможности его полноценной реализации, поэтому представляется актуальным подробно рассмотреть вопрос о деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по защите права граждан на благоприятную окружающую среду и эффективности такой деятельности в настоящее время. В контексте стандарта организации деятельности Счетной палаты Российской Федерации [7] под правоохранительными органами понимаются следующие: Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации по-

следствий стихийных бедствий, Федеральная служба исполнения наказаний, Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба судебных приставов, Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации.

Организацией Объединенных Наций в сфере охраны окружающей среды до настоящего периода выпущены три Декларации и 50 Конвенций и Соглашений, в том числе: Рио-де-Жанейрская декларация 1992 г., Всемирная хартия природы 1982 г., Стокгольмская декларация 1972 г. В данных актах, в том числе, содержатся международные стандарты, обеспечивающие реализацию права на благоприятную окружающую среду.

На основе анализа международных стандартов и национального законодательства нескольких стран было выявлено несколько пробелов в нормативном правовом регулировании обеспечения права на окружающую среду и предложены пути их решения.

I. В международном сообществе нет единого мнения о понятии благоприятной окружающей среды, а, следовательно, и о содержании права на благоприятную окружающую среду. Например, авторы Стокгольмской декларации выражают данное право косвенно, через право на благоприятные условия жизни, авторы Конституции РФ — через обеспечение функционирования трех факторов: природных, естественных экологических и природно-антропогенных, что включает в свой состав, в том числе, обеспечение комфортной среды обитания для благоприятных условий проживания, а авторы Конституции Бельгии — как право на здоровую окружающую среду.

Автору статьи также представляется затруднительным создание единого унифицированного определения понятия «благоприятная окружающая среда», которое могло бы быть универсально применимо в государствах с различным уровнем социального развития, различным политическим режимом и государственным устройством. Как показывает международный опыт, научная дискуссия по выработке единого универсального определения благоприятной окружающей среды продолжается.

II. В целях проверки исполнения юридическими лицами законодательства в сфере охраны окружающей среды специальными организациями прово-

дится независимая оценка соблюдения государственных норм и требований международных стандартов в области охраны окружающей среды — экологический аудит.

Однако в Российской Федерации Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» регламентирует только те общественные отношения, которые связаны с порядком проведения проверок финансовой деятельности юридического лица. Применение его норм к процедуре экологических проверок представляется не вполне приемлемым, так как, помимо финансовых показателей, для экологического аудита необходима оценка и производственных процессов.

Для ликвидации данного нормативного правового пробела представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон «Об аудиторской деятельности», разделив его положения на базовую часть, регулирующую общий порядок аудиторской деятельности, и специальные части, устанавливающие особенности финансового и экологического аудита, а также дополнить данный закон имеющимся в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (ст. 1) понятием «экологического аудита».

Кроме того, предлагается законодательно регламентировать перечень видов деятельности, при которых проведение экологического аудита является обязательным. А для лиц, чья деятельность не войдет в перечень, установить стимулирующие меры в виде льгот при добровольном проведении экологического аудита.

Подводя итог, следует акцентировать внимание на актуальной потребности развития как международных стандартов в области охраны окружающей среды, так и национального законодательства, ввиду их тесной взаимосвязи между собой при обеспечении функционирования механизма защиты права на благоприятную окружающую среду граждан.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2010 г. № 931-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

3. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. 12 янв.

4. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Российская газета. 1999. 6 апр.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) // Российская газета. 1996. 10 февр.

7. СОД 17. Проведение Счетной палатой Российской Федерации контрольных мероприятий с участием правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации. Стандарт организации деятельности // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with

amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL://http://www.pravo.gov.ru.

2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 931-O-O dated July 15, 2010 // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2011. № 2.

3. Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 «On Environmental Protection» // Rossiyskaya Gazeta. 2002. January 12.

4. Federal Law No. 52-FZ of March 30, 1999 «On sanitary and epidemiological welfare of the population» // Rossiyskaya Gazeta. 1999. 6 Apr.

5. Civil Code of the Russian Federation (Part I) No. 51-FZ of November 30, 1994 // Rossiyskaya Gazeta. 1994. 8 Dec.

6. The Civil Code of the Russian Federation (Part II) // Rossiyskaya Gazeta. 1996. February 10.

7. SOT 17. The Audit Chamber of the Russian Federation conducts control measures with the participation of law enforcement and other state bodies of the Russian Federation. The standard of organization of activity // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

М. А. Аливердиева — старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета.

Information about the author

M. A. Aliverdieva — Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Law Institute of Dagestan State University.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 342.49

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-16-20>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-5/22-408

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-003-2022-05-607

Совершенствование административно-деликтного законодательства в сфере информационного пространства

Венера Наимовна Амельчакова¹, Елена Васильевна Лисицына²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ venera_amel63@mail.ru

² yelena-lisitsyna@mail.ru

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с сравнительно-правовым анализом административно-деликтного законодательства в информационной сфере постсоветских стран.

Ключевые слова: информационное пространство, ответственность за нарушение авторского и смежных прав, анализ законодательства

Для цитирования: Амельчакова В. Н., Лисицына Е. В. Совершенствование административно-деликтного законодательства в сфере информационного пространства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 16–20. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-16-20>.

Original article

Improvement of administrative and tort legislation in the field of information space

Venera N. Amelchakova¹, Elena V. Lisitsyna²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ venera_amel63@mail.ru

² yelena-lisitsyna@mail.ru

Abstract. Active legal analysis of administrative and tort legislation in the information sphere of post-Soviet countries are analyzed.

Keywords: information space, responsibility for violation of copyright and related rights, analysis of legislation

For citation: Amelchakova V. N., Lisitsyna E. V. Improvement of administrative and tort legislation in the field of information space. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):16–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-16-20>.

Информационное пространство представляет собой образованные ее субъектами информационные ресурсы, средства взаимодействия субъектов, их информационных систем и информационной инфраструктуры [1]. Выделенные в контексте данного понятия элементы позволяют обстоятельно рассмотреть отечественное и зарубежное законодательство на предмет имплементации «передовых» (наиболее эффективных) охранительных норм, регулирующих административные правоотношения, возникающие в информационном пространстве и совершенствовать институт административной ответственности за их нарушение.

Как уже отмечалось, одним из элементов информационного пространства являются информа-

ционные ресурсы. Именно они, в частности, становятся предметом посягательства административных проступков, предусмотренных ст. 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [2] (нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав).

Статистические данные Федеральной таможенной службы России за 2021 г. свидетельствуют о росте правонарушений в информационной сфере. «Так, таможенниками в 2021 г. был предотвращен ущерб, который мог быть причинен правообладателям в связи с введением контрафактных товаров в гражданский оборот, на сумму 7,2 млрд руб. против 4,7 млрд руб. годом ранее. Среди них 87 дел об ад-

© Амельчакова В. Н., Лисицына Е. В., 2022

министративных правонарушения возбуждены по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ» [3].

При этом следует отметить, что полномочия по рассмотрению данной категории дел принадлежит судьям, а анализ норм КоАП РФ приводит к выводу о том, что наибольшая несогласованность обнаруживается в блоке компетенционных норм. Органы внутренних дел обладают компетенцией по рассмотрению дел об административных правонарушениях только в рамках ст. 13.24 КоАП РФ. При этом основная масса выявленных правонарушений по ст. 7.12 КоАП РФ (нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав) приходится на правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел.

Рассматривая элементы состава данного деликта, следует отметить, что объектом правонарушения выступают отношения в сфере интеллектуальной собственности, а его предметом являются:

- ◆ объекты авторских прав (произведения науки, литературы и искусства);
- ◆ объекты смежных прав (исполнения авторов и дирижеров, фонограммы, сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, базы данных, произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние).

Объективная сторона данного состава правонарушения связана с совершением деликвентами действий, которые заключаются в нарушении авторских и смежных прав при незаконном использовании фонограммы или произведения. Субъективная сторона характеризуется наличием такого обязательного для квалификации данного правонарушения признака, как умышленное извлечение прибыли (получение доходов) от противоправной деятельности.

Как уже отмечалось выше, в целях совершенствования российского административно-деликтного законодательства целесообразно обратиться к зарубежному опыту регулирования правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, посягающих в том числе на информационные ресурсы. Для этого рассмотрим законодательство об административных проступках постсоветских стран.

Так, законодательством Азербайджанской Республики [4] установлена административная ответственность за нарушение авторского и смежных прав, где в рамках регламентации объективной стороны

делается акцент на последствия такого правонарушения. Следует отметить, что данная норма права отграничивает преступные деяния в данной сфере от административного проступка таким его признаком, как незначительность причиненного ущерба.

Административно-деликтное законодательство Республики Беларусь [5] в рамках ст. 10.15 «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности» устанавливает три состава административных правонарушений в сфере права промышленной собственности, авторского права и смежных прав.

Во-первых, объективная сторона 1-го состава административного правонарушения в рассматриваемой сфере охватывает следующие правонарушения. Это огласка сущности изобретения до его официального признания, а также принуждение к соавторству либо присвоение авторства.

Во-вторых, объективная сторона 2-го состава административного правонарушения охватывает деяния в виде хранения произведений, записанных авторских исполнений, произведений, фонограмм, а субъективная сторона характеризуется наличием цели в виде распространения контрафактных экземпляров.

В-третьих, объективная сторона 3-го состава административного правонарушения, согласно положениям законодательства Республики Беларусь, состоит в незаконном использовании смежных прав, к которым можно отнести и права собственности в промышленности, авторские права и их незаконное распространение.

Примечательно то, что согласно положениям административно-деликтного законодательства Республики Беларусь рассмотренные выше деяния относятся к деликтам, влекущим административную ответственность по требованию [6], т. е. административная ответственность устанавливается в случае наличия требования (заявления) со стороны потерпевшего либо его законного представителя о привлечении виновного лица к административной ответственности. Такое требование должно быть выражено в соответствии с Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 9.1) [7].

Однако из данного правила согласно п. 2 ч. 2 ст. 4.4 «Деяния, влекущие административную ответственность по требованию» предусмотрено исключение, когда правообладатель находится в зави-

симом положении от «плагиатора» или по иным причинам не способен самостоятельно обратиться за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Как представляется, данная правовая норма выступает дополнительным гарантом лица, создавшего произведение науки, литературы, искусства или интеллектуальной собственности.

Законодательство Республики Молдова [8] предполагает ответственность за нарушения авторского и смежных прав, указывая в диспозиции ст. 96 на следующие образующие объективную сторону действия:

- ♦ воспроизведение объектов смежных прав или произведений;
- ♦ продажа, сдача в прокат, обмен произведений или фонограмм в любом виде или форме, без контрольной маркировки и в отсутствие авторских договоров, заключенных с правообладателями;
- ♦ присвоение авторства и другие ограничения в данной сфере.

Объективная сторона данных действий может заключаться в указании на экземплярах произведений или фонограмм неверной информации о принадлежности и пределах осуществления авторского права и смежных прав.

Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности [9] регламентирует ответственность за нарушение авторского и смежных прав. Диспозиция нормы содержит указание на следующую деятельность, образующую объективную сторону состава административного правонарушения в этой сфере: неправомерное распространение, воспроизведение контрафактных копий произведений, объектов смежных прав, либо указание ложной информации об изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторского права и смежных прав.

За аналогичные правонарушения, совершенные повторно в течение года при условии привлечения виновных после применения административного наказания, предусмотрена более суровая административная ответственность.

Анализ законодательства Республики Таджикистан [10] свидетельствует о том, что в данном государстве предусмотрена административная ответственность за такое деяние, как незаконное использование в коммерческих целях экземпляров произведений или фонограмм. Объективная сторона указанного состава административного правонарушения

может быть выражена в виде таких действий как: ввоз, прокат, продажа, изготовление или иное незаконное использование в коммерческих целях экземпляров произведений или фонограмм, при отсутствии признаков преступления. В качестве предметов правонарушения выступают экземпляры произведений или фонограмм, являющиеся контрафактными, а также экземпляры произведений или фонограмм, на которых указана ложная информация об их изготовителях и месте производства или уничтожен либо изменен знак защиты авторского права или знак защиты смежных прав.

Субъективная сторона состава данного правонарушения охватывает перечисленные выше действия и характеризуется таким обязательным признаком, как коммерческая цель, предполагающая получение доходов от противоправной деятельности.

Административная ответственность за совершение аналогичных действий ужесточается при их повторном совершении в течение года после применения наказания за аналогичные правонарушения.

Проведенный сравнительно-правовой анализ административно-деликтного законодательства в информационной сфере постсоветских стран свидетельствует о том, что в регулировании ответственности за нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав нет единообразия по объективной стороне указанных деликтов. Кроме того, законодательство таких государств, как Республика Молдова, Республика Таджикистан при формировании состава интеллектуальных административных правонарушений определяет в качестве обязательного признака субъективной стороны цель, выражающуюся в извлечении доходов от незаконной деятельности по использованию авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав, являющуюся общей для данных деликтов, но различающуюся в формулировках. Так в первом случае — это «получение прибыли», а во втором — «коммерческие цели».

При этом следует, что указанный признак отсутствует в административно-деликтном законодательстве Азербайджанской Республики, Республики Беларусь и Республики Узбекистан.

Следует отметить, что законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях, в частности ст. 7.12 КоАП Российской Федерации также включает такой квалифицирующий

признак субъективной стороны, как цель, связанная с «извлечением дохода», а объекты авторских прав, наряду с административным законодательством, конкретизируются нормами гражданского законодательства.

Так, согласно ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [11] объектами авторских прав, независимо от способа их выражения и достоинств, являются произведения науки, литературы и искусства. А в ст. 71 ГК Российской Федерации рассмотрены вопросы реализации смежных прав:

- ◆ исполнителя;
- ◆ на фонограмму;
- ◆ организации эфирного и кабельного вещания;
- ◆ изготовителя базы данных;
- ◆ публикатора на произведения науки, литературы или искусства.

Также необходимо отметить, что административная ответственность за нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав не исключает возможности взыскания правообладателем доходов, полученных от их реализации, а также других убытков, в том числе и упущенной выгоды в размере не меньшем полученной выгоды в порядке гражданского судопроизводства (ст. 15 Гражданского кодекса РФ).

Кроме того, ст. 7.12 КоАП Российской Федерации коррелирует со ст. 146, 147 Уголовного кодекса Российской Федерации [12] и разграничивает их друг от друга таким признаком объективной стороны указанных преступных деяний, как причинение крупного ущерба, устанавливаемого судом к каждому конкретному делу.

Подводя итог, следует отметить, что сравнительный анализ административно-деликтного законодательства постсоветских государств в информационной сфере, позволил выявить положительные аспекты в вопросе регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав и возможности их использования в российском правотворчестве в указанной сфере, что свидетельствует о сближении международного и национального нормотворчества.

Список источников

1. Указ Президента от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Рос-

сийской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.).

3. URL://https://finance.rambler.ru/economics/48097498/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

4. Ст. 185 «Нарушение авторского и смежных прав» Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках, утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ // ИС «Континент».

5. Ст. 10.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 // ИС «Континент».

6. Ст. 4.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 // ИС «Континент».

7. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-3 // ИС «Континент».

8. Ст. 96 Кодекса Республики Молдова «О правонарушениях» от 24 октября 2008 г. № 218-XVI // ИС «Континент».

9. Ст. 177.1 Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности, утвержденный Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII // ИС «Континент».

10. Ст. 376 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях, принятого Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455 // ИС «Континент».

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. IV) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.).

References

1. Presidential Decree No. 203 of May 9, 2017 «Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // SPS «ConsultantPlus».

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (ed. of March 25, 2022).

3. URL://https://finance.rambler.ru/economics/48097498/?utm_content=finance_media&utm_medium=real_more&utm_source=copylink.

4. Article 185 «Violation of Copyright and Related Rights» Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses, approved by the Law of the Republic of Azerbaijan December 29, 2015 No. 96-VQ // IP «Continent».

5. Article 10.15 of the Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses dated January 6, 2021 No. 91-Z // IS «Continent».

6. Article 4.4 of the Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses of January 6, 2021 No. 91-Z // IS «Continent».

7. Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses of January 6, 2021 No. 92-Z // IS «Continent».

8. Article 96 of the Code of the Republic of Moldova «On Offenses» of October 24, 2008 No. 218-XVI // IS «Continent».

9. Article 177.1 The Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility, approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 No. 2015-XII // IS «Continent».

10. Article 376 of the Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses, adopted by the Law of the Republic of Tajikistan dated December 31, 2008 No. 455 // IS «Continent».

11. Civil Code of the Russian Federation (Part IV) of December 18, 2006 No. 230-FZ // SZ RF. 2006. No. 52 (Part 1). Article 5496.

12. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (ed. of March 25, 2022).

Информация об авторах

В. Н. Амельчакова — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. В. Лисицына — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Amelchakova — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Lisitsyna — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-21-24>

НИОН: 2003-0059-5/22-409

MOSURED: 77/27-003-2022-05-608

К вопросу о древнерусских самобытных истоках до крещения Руси

Руслан Маратович Ахмедов

Московский финансово-промышленного университет «Синергия», Москва, Россия, ahmedov@list.ru

Аннотация. Рассматриваются научные подходы отечественных исследователей, определяющих наиболее существенные факторы, оказавшие влияние на древнеславянский язык до крещения Руси, который стал национальной ценностью отечественной государственности.

Ключевые слова: Древняя Русь, ценности, язык, государственность, Болгария, Рим

Для цитирования: Ахмедов Р. М. К вопросу о древнерусских самобытных истоках до крещения Руси // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 21–24. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-21-24>.

Original article

On the question of the ancient Russian original origins before the baptism of Russia

Ruslan M. Akhmedov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, ahmedov@list.ru

Abstract. The article considers the scientific approaches of domestic researchers who determine the most significant factors that influenced the Old Slavic language before the baptism of Russia, which became the national value of the national statehood.

Keywords: Ancient Rus, values, language, statehood, Bulgaria, Rome

For citation: Akhmedov R. M. On the question of the ancient Russian original origins before the baptism of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):21–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-21-24>.

Любое государство мира имеет свои самобытные ценности, которые являются исторически сложившимися и проецируются на общественно-политическое устройство, правовую систему, правовую культуру, правовое воспитание, правовое сознание, к которым можно отнести, прежде всего, язык, культуру, обычаи, религию. Однако, наиболее важным элементом из представленного перечня является язык, который осмысленно отражает значение каждого явления, его суть, функционал и многое другое. Фактически язык является универсальным средством коммуникации и передачи данных. Поэтому его роль в социальной среде важна и значима как средство коллективного единения.

Как отмечал Г. Клаус, «язык — независимо от того, идет ли речь о разговорном языке, языке науки или языке искусства, — есть социальный феномен, имеющий исключительно важное значение... (являющийся — авт.) вспомогательным инструментом

общественного производства... средством связи между людьми, и арсенал коллективных знаний, и действительность мысли» [4, с. 11]. Это означает, что благодаря языку человек стал способен качественно и содержательно выразить осознанные им смысловые знаки и признаки объекта, предмета внешнего мира, чувства и эмоции душевного состояния, передать сложившиеся индивидуальные и коллективные традиции, основы социального единства.

В то же время, язык не мог самостоятельно существовать на заре зарождения человечества, племенных, государственных союзов без иных неотъемлемых социальных компонентов, которые помогли ему приобрести универсальный характер и национальное значение. Этими «помощниками» являются культура, религия.

В отечественном дореволюционном научном сообществе сложилось убеждение, что глубокое содержательное значение для генезиса отечественной

© Ахмедов Р. М., 2022

юридической мысли, государственности в Древней Руси имел церковнославянский язык, основным поставщиком которого являлась Болгария, ставшая государством экспортером славянских культурных ценностей для Руси [7, с. 10]. Так, Н. Ф. Одинцов, который, изучив особенности становления и развития богослужения в Русской церкви, высказал свое предположение о том, что «в первое время существования христианства на Руси земли южно-славянские посылали в нее богослужебные книги, которыми тем более удобно было пользоваться, что язык древних «русов» был почти вполне сходен с языком жителей земель южнославянских, особенно жителей Болгарии» [9, с. 3–4]. При этом, в своих предположениях он опирается на записи «Повести временных лет», где отмечено, что «первоначально созданы буквы, названные грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских» [10, с. 134].

Таким образом, запись «Повести временных лет» указывает на то, что Древняя Русь имела схожесть языковой группы со славянскими народностями, где болгары занимали первостепенное значение.

На культурно-идеологический след и важное значение Болгарии в историческом прошлом нашей страны указывает также А. Васильев, который в своих размышлениях высказал ряд интересных мыслей. По его предположению Русь в период с V по IX вв. была объединена с Болгарией и составляла с ней единый народ, который в последующем разделился в силу произошедших геополитических событий в регионе. Тем самым, А. Васильев допускает возможную генетическую связь двух побратимых народов. При пояснении своей версии, он апеллирует к папским буллам IX в. в которых прописано, что запрещалось служить «обедни по болгарскому обычаю на русском или славянском языке» [1, с. 16]. Следовательно, по мнению А. Васильева, это является неопровержимым доказательством того, что Болгария и Русь в древности являлись едиными, народная культура и язык схожими.

По нашему мнению, подобные домыслы имеют свое право на существование, тем более если мы вспомним, что авторами-составителями упорядоченной славянской азбуки являются «славянские апостолы» Кирилл (Константин) и Мефодий. Эти солунские братья, благодаря своей деятельности на европейском континенте, как писал А. Г. Кузьмин, стали «мостиком, соединяющим Русь и Рим» [5, с. 21]. Более того, оставили значительный след в древнеславянской юриспруденции, разработав правовой кодекс — «Закон судный людям», который оказался

востребованным в социально-правовой жизни длительное время.

Однако, среди современных отечественных исследователей имеются и иные мнения относительно возможного внешнего влияния на формирование истоков древнерусских ценностей. Так, А. Виноградов в своем исследовании, направленном на поиск латинского следа в русском этногенезе, высказал мысль о том, что латынь являлась изначальной письменностью для Руси. В доказательство своих предположений он отметил, что в Древней Руси существовало множество языковых латинских заимствований, которые вошли в обиход древнего славянского языка, в имена «русов», имели сходство со скандинавами [2]. А это означает, что язык и культура возникли на Руси задолго до болгарского следа в нашей истории и имеют свою связь с латинянами.

А. Г. Кузьмин, в своих научных исследованиях, пошел еще дальше. По его мнению Русь заимствовала языковой обряд богослужения из элементов ирландской ритуальной практики [6, с. 12]. Это можно увидеть на сохранившихся древнерусских христианских артефактах (крестах).

Исходя из представленных латинских версий, можно предположить, что в данном случае Рим приобретает определенные приоритеты в области просветительской деятельности древних славян и «русов» в частности, нежели «славянские апостолы». Тем более, если вспомнить важность применения культа Климента Римского в первые моменты церковно-политического строительства христианской государственности на Руси. Однако, к сожалению, подобные научные высказывания трудны для обоснования в силу того, что не сохранились до наших дней первоисточники и сведения, позволяющие убедительно доказать первоначальность той или иной грамматики, письменности древних «русов». Следовательно, все научные изыскания в данном вопросе лишь личные домыслы исследователей, полученные ими в поисках ответов на самостоятельно поставленные вопросы.

В то же время, следует согласиться с тем предположением, что на Руси существовала грамматика и письменность задолго до начала просветительской деятельности «славянских апостолов». Об этом в своих исследованиях отмечали И. Н. Смирнов, А. Васильев.

Так, по мнению И. Н. Смирнова, язык начал слагаться в отдаленную эпоху, когда человек испытывал суеверный трепет перед своим величайшим

создателем, перед верой в мистическую силу слова. Для первобытного человека слово — это не только условный символ мыслимого явления, но и предмет, назвав который значило вызвать его обладателя или обозначаемое им явление. Соответственно, стремление оказать воздействие на окружающий мир силой слова породило рождение культа [12, с. 25–26, 88]. Это означает, что религия признавала силу слова божественной силой, которая выразилась на Руси наглядно в народной вере.

По утверждению А. Васильева, греко-славянская грамота пришла на смену древнейшей «славянско-глаголитской и рунам жрецов славянских, причем грамота глаголитская... сделалась достоянием и знаменем славян-католиков, а кирилловская — славян греко-русов» [1, с. 54].

С данным тезисом солидаризовался В. А. Томсинов, указывая на то, что церковнославянская письменность возникла на основе старославянской письменности [13, с. 51]. Схожего мнения придерживается В. В. Мавродин [8, с. 212].

Представленные научные выводы отечественных исследователей подтверждаются рядом сохранившихся письменных свидетельств. Так, в памятнике Нестора в «Повести временных лет» указано, что племена вель, моравы, русские и болгары дунайские обладали схожей грамматикой [11, с. 44]. На наличие у «русов» до христианизации письменности, отмечал арабский писатель Ибн-ан-Надим, которая была «вырезаема на дереве» [3, с. 240].

В доказательство наличия общеславянского языка до момента крещения Руси И.С. Улуховнов высказал предположение, что универсальный язык как таковой у «русов» возник в хронологическом отрезке между VII–VIII вв. В дальнейшем, по мере племенного обособления из состава общеславянского выделился восточнославянский язык, на котором говорили поляне, древляне, дулебы, уличи, тиверцы, «белые хорваты», северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи, словене новгородские, которые населяли земли от Среднего Поднепровья на юге до озера Ильмень на севере [14, с. 8]. Это дало начало древнерусскому языку, следы которого отмечены в русско-византийских договорах IX в.

Итак, на основании вышеизложенного, можно предположить, что Древняя Русь обладала универсальным коммуникативным средством общения, которое имело смысловое, языковое сходство с другими славянскими языковыми группами, проживавшими на европейском континенте. Благодаря сходству языка про-

исходил взаимообменный культурно-идеологический процесс, усвоение и преемственность обычаев, традиции. Это позволило в Древнем мире консолидировать родственные славянские племенные союзы в государствоподобное объединение, создать условия для формирования универсальных народных обычаев, традиции и религии. Заложить фундамент уникальных самобытных национальных ценностей, которые дошли до нас сквозь глубины веков и позволяют установить межпоколенческую преемственность.

Список источников

1. Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика и откуда пришел Рюрик и его варяги. СПб., 1858.
2. Виноградов А. Е. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М. : Ломоносовъ, 2018.
3. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С половины VII века до конца X века по Р.Х. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015.
4. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / пер. с нем. Н. Г. Комлева. М. : Прогресс, 1967.
5. Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси // отв. ред. А. Д. Сухов. М. : Мысль, 1987.
6. Кузьмин А. Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. М. : Мол. гвардия, 1990.
7. Мальцев Г. В. Культурные традиции права: моногр. М. : Норма–Инфра, 2018.
8. Мавродин В.В. Древняя и средневековая Русь. СПб. : Наука, 2009.
9. Одинцов Н. Ф. Порядок общественного и частного богослужения в Древней России до XVI века: церковно-историческое исследование. М. : ЛИБРОКОМ, 2015.
10. Повести Древней Руси XI–XII века. Ленинград : Лениздат, 1983.
11. Преподобный Нестор летописец «Откуда пошла Русская земля» из «Повести временных лет» // Святая Ольга — Владимир Святой: сб. / сост. Н. Н. Лисовой, М. Б. Поспелов. М. : Новатор, 1996.
12. Смирнов И. Н. Очерк культурной истории южных славян: развитие духовной жизни. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
13. Томсинов В. А. История русской юриспруденции. X–XVII века: учеб. пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Зерцало-М, 2018.

14. Улукханов И. С. О языке Древней Руси. М. : Наука, 1972.

14. Ulukhanov I. S. About the language of Ancient Russia. М. : Nauka, 1972.

References

1. Vasiliev A. About the ancient history of the Northern Slavs before the time of Rurik and where Rurik and his Varangians came from. St. Petersburg, 1858.

2. Vinogradov A. E. In search of the initial Russia. Russian Russian Ethnogenesis Latin trace. М. : Lomonosov, 2018.

3. Garkavi A. Ya. Tales of Muslim writers about Slavs and Russians. From the half of the VII century to the end of the X century A.D. 2nd ed. М. : LENAND, 2015.

4. Klaus G. The power of the word. Gnoseological and pragmatic analysis of language / translated from German by N. G. Komleva. М. : Progress, 1967.

5. Kuzmin A. G. Western traditions in Russian Christianity // Introduction of Christianity in Russia // ed. by A. D. Sukhov. М. : Mysl, 1987.

6. Kuzmin A. G. «Wisdom is great...» // Zlatostruy. Ancient Russia. X–XIII centuries. М. : Mol. guardia, 1990.

7. Maltsev G. V. Cultural traditions of law: monogr. М. : Norm–Infra, 2018.

8. Mavrodin V. V. Ancient and medieval Russia. St. Petersburg. : Science, 2009.

9. Odintsov N. F. The order of public and partial worship in Ancient Russia before the XVI century: Church-historical research. М. : LIBROCOM, 2015.

10. The stories of Ancient Russia of the XI–XII century. Leningrad : Lenizdat, 1983.

11. The Monk Nestor the Chronicler «From where the Russian land came» from the «Tale of Bygone Years» // Saint Olga — Vladimir the Saint: collection / comp. N. N. Lisova, M. B. Pospelov. М. : Innovator, 1996.

12. Smirnov I. N. Essay of cultural History The Southern Slavs: the development of spiritual life. М. : LIBROCOM, 2011.

13. Tomsinov V. A. History of Russian jurisprudence. X–XVII centuries: studies. stipend. 2nd ed. reprint. and additional М. : Zertsalo-M, 2018.

Библиографический список

1. Ахмедов Р. М. Становление национально-религиозного самосознания у восточных славян Древней Руси (VII–X вв.) // Государство, право, общество (вопросы теории, истории и практики): сб. науч. статей. Уфа : УЮИ МВД РФ, 2009. С. 202–207.

2. Ахмедов Р. М. К вопросу о генезисе взаимоотношений институтов государства и религиозных объединений в российском обществе: современный взгляд к специфике периодизации // История государства и права. 2018. № 7. С. 75–80.

3. Ахмедов Р. М. Роль и значение Десятиной церкви в устройстве Древнерусского государства. // История государства и права. 2019. № 10. С. 25–38.

4. Ахмедов Р. М. Проблемы становления и развития конфессиональных отношений на Руси (X–XV вв.). Историко-правовое исследование: моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

Bibliographic list

1. Akhmedov R. M. The formation of national-religious self-consciousness among the Eastern Slavs of Ancient Russia (VII–X centuries) // State, law, society (questions of theory, history and practice): collection of scientific. articles. Ufa : UYUI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2009. P. 202–207.

2. Akhmedov R. M. On the genesis of the relationship between state institutions and religious associations in Russian society: a modern look at the specifics of periodization // History of State and Law. 2018. No. 7. P. 75–80.

3. Akhmedov R. M. The role and significance of the Tithes Church in the structure of the Ancient Russian state. // History of State and Law. 2019. No. 10. P. 25–38.

4. Akhmedov R. M. Problems of formation and development of confessional relations in Russia (X–XV centuries). Historical and legal research: monogr. М. : UNITY-DANA, 2020.

Информация об авторе

Р. М. Ахмедов — заведующий кафедрой правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Akhmedov — Head of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 01.08.2022. The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 01.08.2022.

Научная статья
УДК 340.1
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-25-27>
NION: 2003-0059-5/22-410
MOSURED: 77/27-003-2022-05-609

Теоретико-правовые проблемы юридической техники в российском законотворческом процессе

Эльман Саид-Мохмадович Ахьядов¹, Насрудин Магомедович Альханов²

^{1,2} Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия

¹ Грозненский государственный нефтяной технический университет имени М. Д. Миллионщикова, Грозный, Россия

¹ Akhyadov1990@mail.ru

² n.alkhanov@mail.ru

Аннотация. Исследуются актуальные и проблемные вопросы, касающиеся юридической техники в законотворческом процессе. Актуальность выбранной темы также подтверждается научным интересом к проблемам юридической техники; многими исследователями отмечается недостаточная эффективность как отдельных видов юридической деятельности, так и правового регулирования, что в целом непосредственно связывается со снижением уровня технического совершенства правовых актов.

Ключевые слова: юридическая техника, законотворческий процесс, актуальные аспекты, проблемы, совершенствование.

Для цитирования: Ахьядов Э. С.-М., Альханов Н. М. Теоретико-правовые проблемы юридической техники в российском законотворческом процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 25–27. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-25-27>.

Original article

Theoretical and legal problems of legal technique in the Russian law-making process

Elman S.-M. Akhyadov¹, Nasrudin M. Alkhanov²

^{1,2} Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Grozny, Russia

¹ Grozny State Oil Technical University named after M. D. Millionshchikov, Grozny, Russia

¹ Akhyadov1990@mail.ru

² n.alkhanov@mail.ru

Abstract. The current and problematic issues concerning legal technology in the legislative process are investigated. The relevance of the chosen topic is also confirmed by scientific interest in the problems of legal technology; many researchers note the insufficient effectiveness of both individual types of legal activity and legal regulation, which in general is directly associated with a decrease in the level of technical perfection of legal acts.

Keywords: legal technique, legislative process, topical aspects, problems, improvement

For citation: Akhyadov E. S.-M., Alkhanov N. M. Theoretical and legal problems of legal technique in the Russian law-making process. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):25–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-25-27>.

Проблемы юридической техники относятся как к систематизированному научному знанию, так и к практической юридической деятельности, заключающейся в работе по подготовке нормативных актов. При этом, на наш взгляд, следует согласиться с мнением А. А. Зубкова, что с каждым годом интерес к проблемам юридической техники обуславливается в первую очередь тем, что многими исследователями отмечается недостаточная эффективность как отдельных видов юридической деятельности, так и правового регулирования в целом, что очевидно связано со

снижением уровня технического совершенства правовых актов. При этом отмечается, что повышение качества правовых актов способно оказать весомое влияние на правотворческую и правореализационную практику [1].

Одним из пробелов, который не позволяет приращивать знания в юридической технике, является отсутствие комплексных исследований в разделе техники юридического толкования. В основном ученые исследуют традиционные аспекты данной проблемы, касающиеся понятия юридического толкования, его

© Ахьядов Э. С.-М., Альханов Н. М., 2022

места и роли в механизме правового регулирования, актов официального толкования, в то же время, не уделяя надлежащего внимания интерпретационной практике. Многие проблемы в сфере упорядочения правовых актов в российской практике связаны со слабой разработкой техники юридической систематизации. Попытки ее решения на историческом, культурологическом, сравнительно-правовом, социологическом уровне будут способствовать разрешению отдельных частных моментов, однако все это до настоящего времени не позволяет решить проблемы юридической систематизации в целом [2, с. 322].

Распространенное мнение о том, что совершенствованию правовых актов может способствовать нормативное закрепление правил юридической техники, приводит к расширению сферы юридико-технической регламентации — о чем, к примеру, свидетельствует принятие «законов о законах» на региональном уровне [3], и появление многочисленных ведомственных инструкций, требований, правил, посвященных непосредственно вопросам техники создания и оформления юридических документов. Однако, как показывает практика, усиление юридико-технической регламентации, далеко не всегда обеспечивает устранение существующих проблем.

Следует поддержать мнение М. А. Соколовой о том, что довольно часто дефекты нормативного акта и необходимость внесения изменений в законодательство возникают в связи либо юридико-техническим дефектом, либо с формально-логическим на законодательном уровне. Соответственно, такие проблемы юридической техники обнаруживаются не сразу, а выявляются на практике, т. е. при правоприменении [4, с. 92].

Итак, снижение качества нормативных актов связано со многими факторами, например, с такими, как увеличение объема правотворчества, в том числе регионального и местного нормотворчества, а также с возрастанием количества подзаконных актов. В то же время, одним из дефектов актов, относящихся к нарушению правил юридической техники является стилистика акта, т. е. язык закона. Как отмечает И. Б. Тарасевич, названия некоторых законов неоправданно растянуты и громоздки, поэтому ссылаться на их официальные наименования крайне неудобно. К тому же такой недостаток способствует потере предмета правового регулирования, который должен быть отражен в названии закона. К примеру — название Феде-

рального закона от 5 апреля 2013 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в ст. 28 Федерального закона «О ветеранах» и ст. 154 Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Появляются такие названия из-за попытки зачем-то отразить названия всех актов, в которые вносятся изменения, вместо того, чтобы дать читателю возможность сразу понять о чем в законе идет речь на самом деле.

В то же время, еще одним проблемным вопросом законотворческого процесса стало становление правового мониторинга как нового вида юридической деятельности. Исследователями активно разрабатываются такие научные проблемы, как сущность правового мониторинга, его концепция, методология.

Правовой мониторинг представляет собой новый специфический вид юридической деятельности. Под ним, по определению Е. А. Магомедовой, понимается система информационных наблюдений, дающая возможность анализировать и оценивать результаты нормотворческой деятельности, прежде всего законопроектной; качество нормативных правовых актов, принятых тем или иным правотворческим органом в соответствии с предоставленной ему правотворческой компетенцией; эффективность их практического действия. К цели этой деятельности следует отнести создание эффективного механизма правового регулирования, обеспечения обратной связи законодателя и общества; соответственно, решению данной проблемы призван способствовать правовой мониторинг как комплексный институт изучения, анализа и оценки действия правовых актов.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо закрепить обязательность учета результатов проведения правового мониторинга соответствующими должностными лицами субъекта РФ, предусмотреть меры юридической ответственности, а также установить контроль за деятельностью по учету результатов, принятию мер реагирования (включая направление сведений об использовании результатов проведения

мониторинга при совершенствовании нормотворческой и правоприменительной деятельности).

Таким образом, поскольку вместе с термином «юридическая техника» в специальной литературе широко используется также термин «законодательная техника», то понятие юридической техники при всем многообразии существующих определений следует относить к технике написания и оформления текстов нормативных правовых актов.

Разработка проектов нормативно-правовых актов невозможна без практического применения многообразных правил и приемов юридической (законодательной) техники.

Кроме того, результаты проведенного нами анализа проблем юридической техники позволяют сделать вывод, что несмотря на необходимость детальной разработки законодательной техники на федеральном, региональном и локальном уровнях для повышения качества правовых актов на сегодняшний день не существует федерального закона о нормативных правовых актах, в котором бы определялись основные принципы подготовки и принятия нормативных правовых актов.

Список источников

1. Зубков А. А. Требование системности в юридической технике: некоторые проблемы реализации

ции // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 12-6(46). С. 373.

2. Малько А. В. Правотворческая политика в современной России. М. : Проспект, 2016.

3. Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа от 24 февраля 2009 г. № 25-ОЗ // URL://<https://base.garant.ru/31329025>, аналогичные законы некоторых других регионов.

4. Соколова М. А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

References

1. Zubkov A. A. The requirement of consistency in legal technology: some problems of implementation // Eurasian Scientific Association. 2018. No. 12-6(46). P. 373.

2. Malko A.V. Law-making policy in modern Russia. M. : Prospect, 2016.

3. Code of Normative Legal Acts of the Chukotka Autonomous Okrug dated February 24, 2009 No. 25-OZ // URL://<https://base.garant.ru/31329025>, similar laws of some other regions.

4. Sokolova M. A. Identification and elimination of defects of normative legal acts in the mechanism of law-making: diss. ... cand. jurid. M., 2018.

Информация об авторах

Э. С.-М. Ахъядов — доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, доцент кафедры информационного права и юриспруденции Грозненского государственного нефтяного технического университета имени М. Д. Миллионщикова, кандидат юридических наук;

Н. М. Альханов — доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

E. S.-M. Akhyadov — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security of the Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Associate Professor of the Department of Information Law and Jurisprudence of the Grozny State Oil Technical University named after M. D. Millionshchikov, Candidate of Legal Sciences;

N. M. Alkhanov — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security of the Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-28-35>

ИПОН: 2003-0059-5/22-411

MOSURED: 77/27-003-2022-05-610

Зарубежный опыт обеспечения условий отбывания лишения свободы в ИУ

Ахмед Хусенович Батыров

Уголовно-исполнительная инспекция ОФСИН России по Республике Ингушетия, Назрань, Россия,

batyrov.93.93@mail.ru

Аннотация. Лишение свободы как вид наказания занимает важное место в системе уголовных наказаний мировых обществ. Любое государство мира обязано обезопасить своих граждан от преступных посягательств, а также предпринять попытки исправить лиц, преступивших закон. Исправление лишенных свободы — сложный и многогранный процесс, который включает активное использование различных средств, методов, форм идеологического, правового воздействия на осужденных. Предполагает применение оптимальных форм, средств исправления, дифференцирования мер воспитательного воздействия с учетом мер психолого-педагогического характера.

Ключевые слова: зарубежный опыт, обеспечение условий отбывания лишения свободы в ИУ, попытки исправления лиц, принудительный характер, государство, право

Для цитирования: Батыров А. Х. Зарубежный опыт обеспечения условий отбывания лишения свободы в ИУ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 28–35. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-28-35>.

Original article

Foreign experience in ensuring the conditions for serving deprivation of liberty in correctional institutions

Ahmed Kh. Batyrov

Criminal Executive Inspectorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Ingushetia,

Nazran, Russia, batyrov.93.93@mail.ru

Abstract. Deprivation of liberty as a form of punishment occupies an important place in the system of criminal penalties of the world communities. Any state in the world is obliged to protect its citizens from criminal encroachments, as well as to make attempts to correct persons who have violated the law. Correction of persons deprived of liberty is a complex and multifaceted process, which includes the active use of various means, methods, forms of ideological, legal influence on convicts. It involves the use of optimal forms, means of correction, differentiation of measures of educational influence, taking into account measures of a psychological and pedagogical nature.

Keywords: foreign experience, provision of conditions for serving imprisonment in the IU, attempts to correct persons, coercive nature, state, law

For citation: Batyrov A. Kh. Foreign experience in ensuring the conditions for serving deprivation of liberty in correctional institutions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):28–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-28-35>.

Назначение предписаний относится к ведению тюремной / карательной политики государства; стоит согласиться со специалистами, утверждающими, что сущностью уголовного наказания выступает кара (Н. А. Беляев [1], И. И. Карпец [3], А. Н. Павлухин [6] и др.).

Объем карательных свойств наказания, выражаемых в этом отношении различных правоограничений, должен соответствовать степени тяжести преступления и личности виновного. Их соразмерность в об-

щественном обеспечении справедливости и искуплении вины осужденного перед потерпевшим. Без кары как неотъемлемого элемента уголовного наказания последнее потеряло бы всякое предупредительное значение. Следует отметить, что пенитенциарные международные стандарты также предусматривают карательные свойства наказаний, связанных с изоляцией от общества. Особенно карательные свойства наказания в этом плане проявляются при исполнении лишения свободы.

© Батыров А. Х., 2022

Зарубежные пенитенциарная наука и практика придерживаются подобной позиции. Так, американские правоведы расценивают наказание любого рода как муку, кару, страдания и ограничения, налагаемые на лицо в соответствии с нормами права по приговору суда за совершенное преступление или уголовное правонарушение либо за неисполнение обязанностей, предусмотренных правовой нормой. Признаками наказания соответственно выступают: лишение (зло, мука); принудительный характер; назначается от имени государства; влечет санкции за его нарушение / уклонение от него с констатацией в судебном решении этого факта; налагается на правонарушителя, который причинил вред обществу, а это предполагает наличие совокупности правил, с учетом которых как вред, так и наказание являются существенными с этической точки зрения; размер и тип наказания определенным образом зависят от причиненного вреда, т. е. они пропорциональны серьезности вреда, а также отягчаются или смягчаются с учетом правонарушителя, его мотивов и соблазнов [4, с. 151]. Напротив, западная пенитенциарная система лишение свободы как вид наказания строит, прежде всего, с позиций безопасности. Именно об этом подробно и пойдет ниже речь.

В мире отбывает наказание более 10 млн человек, лишенных свободы, за последние 15 лет число заключенных увеличилось на 20 % [8]. Сбором данных о продолжении политики изоляции от общества правонарушителей в разных странах по всему миру занимается Институт исследований в области уголовной политики (Институт исследований уголовной политики). Ежегодно в специальном отчете *World Prison Brief* публикуется рейтинг стран по абсолютному количеству заключенных в тюрьмах. Показательной является цифра относительного числа заключенных — количество заключенных на 100 тыс. населения.

Практика показывает, что в странах меньше всего заключенных на 100 тыс. человек. Впрочем, есть и исключение (например, США). В более милитаристских государствах, где уровень жизни ниже среднего, наблюдается высокий уровень ограничения свободы граждан. Как правило, по количеству лишенных свободы в той или иной стране можно судить о степени репрессивности правящего режима, уровне проблем с преступностью и степени общей бескомпромиссности судебной системы и правоохранительных органов в области правосудия.

Так, по состоянию на 1 января 2019 г. к группе стран с наибольшим количеством осужденных к лишению свободы относятся: США (655 заключенных на 100 тыс. жителей), Сальвадор (597), Туркменистан (552), Виргинские острова (США) (542) и Таиланд (539). Странами с наименьшим заключенными являются Индия (33), Лихтенштейн (27), Гвинея-Бисау (10) [10]. Россия к 2020 г. по количеству лишенных свободы занимает 20-е место в Европе [5].

Содержание заключенных, представляющих высокий риск, является своего рода проблемой для любой тюремной администрации в рамках обеспечения надлежащего баланса между мерами безопасности, режимом и основными правами человека. Насколько это возможно, тюремная администрация обязана поддерживать перспективы социальной реинтеграции всех заключенных, что является особенно сложной задачей в случае осужденных с высокой степенью риска, чьи досье (истории) крайне сложны и разнообразны.

Одним из основополагающих принципов, закрепленных в международном праве и соответствующих международным стандартам, касающимся содержания заключенных, является уважение их врожденного достоинства, присущего человеческой личности и гуманное содержание в исправительных учреждениях. В отношении всех категорий осужденных, со стороны администрации не допустимо применение каких-либо пыток или жестокого обращения.

При том, что этот абсолютный запрет является самым основополагающим аспектом уважения человеческого достоинства, принцип гуманного обращения и другие аспекты тюремного управления (организации и управления тюрем). Принципы отправления правосудия в отношении заключенных, закрепленные в ст. 10 Минимальных стандартных правилах ООН, распространяющихся на все категории осужденных, устанавливают, что тюремная система не должна, за исключением случаев, связанных с оправданным разделением осужденных или поддержанием дисциплин, усугублять страдания, неизбежные в такой ситуации.

Законы 3 и 5(1) этого международного документа провозгласили, что тюремный режим должен стремиться свести к минимуму любые различия между тюремной жизнью и жизнью в условиях свободы, которые, как правило, снижают ответственность заключенных или уважение их человеческого достоинства.

Принятые в соответствии с этими принципами меры касаются условий тюремного заключения, доступности продовольствия, воды и санитарных условий, надлежащего медицинского обслуживания, контактов с внешним миром, в частности, с родными и близкими заключенных. Государства несут прямое обязательство соблюдать эти основные стандарты без какой бы то ни было дискриминации, и не могут ссылаться на отсутствие материальных ресурсов и финансирования как помехи для его выполнения, что было подтверждено Комитетом по правам человека в его замечании общего порядка к ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах [13; 14].

В некоторых развивающихся государствах или в странах, находящихся в условиях военного или послевоенного времени (Венесуэла, Камбоджа, Руанда, Саудовская Аравия, Сирия и др.) удовлетворение этих основных требований может быть весьма затруднительно, особенно в тех случаях, когда тюрьмы переполнены, что чаще всего и есть на самом деле. В таких юрисдикциях можно в значительной степени полагаться на поддержку со стороны благотворительных организаций, хотя и эта возможность не всегда доступна. В таких странах осужденные, как правило, зависят от своих семей в обеспечении их достаточным питанием, но не будут иметь необходимого пространства или других условий, способствующих укреплению и защите физического и психического здоровья. Указанные обстоятельства свидетельствуют о различии зарубежных и международных аспектов исполнения лишения свободы.

Вышеупомянутые первоначально имеют важное значение для эффективного управления гуманной и справедливой тюремной системой, в том числе в учреждениях, где содержатся опасные осужденные. Дополнительные меры безопасности, необходимые для предотвращения побегов и причинения вреда себе, сотрудникам исправительного учреждения или другим осужденным, никогда не должны приравниваться к бесчеловечному обращению.

В этой связи важно отметить, что гуманное обращение со спецконтингентом не препятствует обеспечению безопасности и порядка в тюрьмах, а, напротив, имеет основополагающее значение. Передовая практика управления пенитенциарными учреждениями свидетельствует о том, что когда права человека и достоинство осужденных соблюдаются и

с ними обращаются справедливо и гуманно, они гораздо реже нарушают внутренний распорядок и с большей вероятностью признают авторитет сотрудников тюрьмы.

Сущность, порядок назначения и условия самых опасных преступников в Королевстве Нидерланды регламентированы в ст. 10–13 Уголовного кодекса Голландии от 3 марта 1881 г. Осужденные к пожизненному лишению свободы содержатся в обычных закрытых тюрьмах, но режимные требования отличны от условий и обращения осужденных к лишению свободы на определенный срок. Однако рассматриваемые преступники не находятся в полной изоляции. Как и другие осужденные, они участвуют в ежедневных программах (медицинских, психологических, образовательных, других), занимаются восстановлением сил после труда, спортом. У них сохраняются те же права на переписку, телефонные разговоры, свидания. Связь с миром через радио, телевидение, газеты. Они могут получать профессиональное обучение и образование. Положительно характеризующиеся осужденные, доказавшие свое исправление после 20 лет отбывания наказания могут обратиться с прошением к королеве о своем освобождении.

Так, например, один осужденный отбывает наказание в 24-метровой камере, которая состоит из трех комнат: в одной он спит, другой занимается (играет в видеоигру — имеется компьютер, но без доступа в Интернет, смотрит телевизор, читает литературу, дистанционно получает образование в столичном университете), третье место для спортивных тренировок. Предусмотрены ежедневные прогулки по тюремному двору. Осужденный может сам готовить себе еду, стирать вещи. Ему разрешены разговоры по телефону с близкими и родственниками, а также контакты с администрацией, адвокатом, священником и врачами [8].

Примечательно, что пенитенциарная система Голландии успешно развивается. Так, в 2017 г. в ряде тюрем проведен эксперимент: всем осужденным выдали ключи от камер, дав свободу передвижения. В любое время они могли покидать камеру, но должны возвращаться обратно до 21:30. При этом осужденных обеспечили специальными дисплеями, с помощью которых они имели возможность заказывать доставку продуктов и свидание с другими заключенными или тюремными работниками [8].

Норвежские тюрьмы также имеют отличные условия содержания. Осужденные, в том числе опасные, наслаждаются из окон панорамными видами деревень, сами готовят себе еду, выращивают овощи, содержат кур. Занимаются спортом не только в тренажерном зале, но и на открытом воздухе, где им предоставлен целый городок площадью 2 га. Свободно, без сотрудников тюрьмы, ходят в библиотеку, столовую и медсанчасть. С 2017 г. появилась возможность общаться с родными и знакомыми по Skype. Преступники смотрят телевизионные программы на 55 каналов и даже могут выбирать цвет стен в своих камерах.

Норвегия борется за неофициальное звание «самой человечной» тюрьмы на планете. Так, заключенные тюрьмы строгого режима Бастой на острове Хортен свободно передвигаются по острову. Им разрешено разводить домашних животных, готовить еду, кататься на лыжах, играть в теннис и в карты [8]; преступникам предоставлены не только спортивные программы. Осужденные могут научиться готовить, а также брать уроки музыки. Тюрьма полностью звукозаписывающая, где они могут записывать свою музыку и имеют возможность радиоротации на местных радиостанциях [12].

Подчеркнем, во всех исправительных учреждениях в мире осужденные, склонные к побегу или причинению насилия по отношению к окружающим, поставлены на спецучет и содержатся в соответствующих условиях под повышенным контролем и надзором со стороны администрации учреждения. Этот принцип требует надлежащей оценки риска по прибытии в тюрьму с тем, чтобы определить необходимый уровень безопасности для каждого заключенного.

Осужденные не должны помещаться в условия с высокой степенью безопасности лишь на основании продолжительности их приговора, что может привести к широкому использованию учреждений повышенной безопасности без определенной необходимости. Приговоренные к пожизненному заключению и к смертной казни, например, часто автоматически содержатся в условиях повышенной безопасности, иногда в полной изоляции от других заключенных, что вполне справедливо.

В настоящее время около 52 стран все еще используют смертный приговор как вид наказания, применяя достаточно разнообразные методы. Например, США продолжает использовать данную

меру государственного принуждения в 31 из 50 штатов. Однако следует отметить, что число смертных приговоров значительно сократилось за последние четверть века. Согласно последним статистическим данным, в настоящее время в США в камере смертников находятся почти 3000 заключенных, каждый из которых в среднем проводит 15 лет в ожидании казни [15]. Такому осужденному в последний день жизни позволительно заказать любое меню.

В Китае достаточно активно исполняется исключительная мера наказания — смертная казнь. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. предусматривает 68 составов преступлений, наказуемых смертной казнью: экономические преступления, незаконный сбыт наркотиков, мошенничество в налоговой сфере, взяточничество, хищение государственного имущества, побег из тюрьмы, занятие проституцией, поджоги, сепаратизм, шпионаж, торговля людьми, угон самолета, подделка лекарственных средств.

Однако большинство казней совершается в Северо-Африканских странах и странах Среднего Востока. Как правило, смертной казнью наказываются преступники, совершившие тяжкие уголовные преступления, а также преступления, связанные с нарушением законов, регулирующих вопросы морали. В Саудовской Аравии за вооруженное ограбление, убийство, повторное употребление наркотиков, изнасилование, прелюбодеяние, ложные пророчества, вероотступничество и колдовство преступники, как правило, приговариваются к смертной казни [11]. Единственной европейской страной, не имеющей моратория на смертную казнь, является Беларусь, исполнившая два смертных приговора в 2017 г. 10 января 2020 г. Могилевский областной суд провозгласил обвинительный приговор о смертной казни двум братьям, с особой жестокостью из мести причинивших смерть учительнице [9].

На самом деле, как часто отмечали практикующие сотрудники тюрем, значительную долю осужденных, приговоренных к длительным или пожизненным срокам лишения свободы, часто составляют лица, представляющие наименее деструктивное влияние на режим в исправительных учреждениях, и большинство из них не создают высокого риска побега.

Когда слишком большая численность осужденных содержится в условиях высокой степени безо-

пасности, они воспринимают это как нарушение своего справедливого содержания. Все это приводит к неудовлетворенности и напряженности, и администрация учреждения в меньшей степени способна контролировать их надлежащим образом, в результате чего повышается риск побегов и беспорядков. Чрезмерное использование условий высокой степени безопасности также ложится ненужным бременем на государство с точки зрения финансовых, кадровых и технических затрат [7].

Основополагающим требованием для решения большинства других вопросов является наличие надлежащей, основанной на фактах конструктивной системы индивидуальных оценок — оценки риска побега осужденного и риск для безопасности окружающих, других осужденных и персонала. Такая система является предварительным условием для соблюдения принципа индивидуализации приговоров, предусмотренного правилом 89 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении заключенных [7].

Оценка рисков каждого осужденного должна проводиться при его поступлении в исправительное учреждение и регулярно повторяться в течение всего срока лишения свободы. Оценка рисков требует регулярного пересмотра, чтобы осужденные, поведение которых больше не представляет риска, перераспределялись в менее ограничивающиеся условия.

Эта деятельность должна охватывать такие факторы, как риск побега лишенных свободы, опасность, которую они представляют для общества в случае побега, находясь на нелегальном положении, риск для надлежащего порядка и дисциплины в тюрьмах и опасность, которую они представляют для общества посредством наличия соучастников в условиях свободы.

Определение степени, исследуя различные виды риска со стороны осужденных, должно учитывать их при классификации и распределении по исправительным учреждениям различных уровней безопасности.

В ходе оценки также должны быть определены потребности изолированных от общества в реабилитации с тем, чтобы индивидуальные планы отбытия наказания включали соответствующие мероприятия, направленные на социальную реинтеграцию преступников.

Наконец, выводы по оценкам состояния здоровья, в частности, в отношении психического здо-

ровья и рисков причинения вреда собственному здоровью или самоубийства, должны в равной степени приниматься во внимание при распределении осужденных вообще и в индивидуальной работе в период отбытия наказания в частности. Важно понимать, что оценка рисков и потребностей преступников является непрерывным, динамичным процессом, что подразумевает ее повторное проведение через регулярные промежутки времени для подтверждения ее актуальности.

Оценка рисков и потребностей заключенных должна всегда быть связана с управлением ими, что предусматривает процесс применения целого ряда мер в тюрьмах, в том числе в период после освобождения, с целью уменьшения риска совершения или подстрекательства к насильственным и подрывным действиям в исправительном учреждении и освобожденным из такового.

Стратегия управления рисками опасных преступников должна отвечать долгосрочной цели их возвращения в общество и обеспечивать последовательность перехода от периода тюремного заключения к периоду после освобождения. Комитет Министров Совета Европы в п. 35 рекомендаций СМ/Rec (2014)3 к государствам-членам по управлению опасными преступниками рекомендует, что все планы, разработанные с этой целью, должны включать меры по: уменьшению вероятности рецидива в более долгосрочной перспективе, обеспечивая при этом необходимый уровень защиты общества; оказанию поддержки человеку в решении личных потребностей; принятию чрезвычайных мер для оперативного реагирования на признаки любого возможного совершения преступления; созданию надлежащих механизмов реагирования на положительные изменения [2].

В широком смысле управление рисками можно разбить на три компонента: профилактика преступного поведения, мониторинг и оперативное вмешательство в исправление ситуации. Каждый из этих компонентов должен быть освещен и обоснован результатами оценки рисков и потребностей осужденных.

Профилактика преступного поведения относится к мерам безопасности, принятым для минимизации рисков. В частности, они включают ограничения / временный запрет на общение осужденных (например, с бывшими соучастниками), их раздель-

ное содержание по категориям и т. д. Оперативное вмешательство в исправление ситуации включает ограничительные меры, принятые для минимизации рисков в короткие сроки, мероприятия и программы, направленные на ликвидацию причин возникающих рисков с целью достижения более долгосрочных позитивных результатов.

Лежащие в основе причины обычно комплексны, взаимосвязаны между собой, могут включать социальные, экономические, образовательные факторы, один или несколько криминогенных факторов/форм поведения, способных привести к преступной деятельности. Во избежание этого осужденных содержат в соответствующем режиме, включающем целый ряд мероприятий и программ по снижению рисков. Такие мероприятия и программы предусматривают образование, профессиональную подготовку, трудовую занятость осужденных, спорт, отдых, пастырский уход, программы по подготовке к освобождению и поддержке после такового. Одновременное создание условий для последующей социальной реинтеграции, надзор после освобождения также имеют ключевое значение для исправления опасных преступников [7].

Так, в частности, в рамках исправительных средств воздействия, воспитательной работы, поддержания надлежащего микроклимата в среде преступников, Управление по организации досуга заключенных американского бюро тюрем предлагает различные программы отдыха и использования свободного времени. Эти программы помогают разработать индивидуальную оздоровительную концепцию для спецконтингента. В них включены мероприятия во внутри- и внетюремных помещениях, варьирующиеся от индивидуальных программ по декоративно-прикладным искусствам и народным художественным промыслам до внутритюремных командных видов спорта (софтбол, баскетбол, футбол, волейбол) — общетюремные турниры. Программы физической подготовки и снижения веса также являются важными видами деятельности для заключенных, содействуя их психическому здоровью, хорошим межличностным отношениям и снижению стресса. Реализуется и программа обучения фотоискусству в разрешенных зонах исправительных учреждений, а также в утвержденное расписанием время.

Анализ зарубежного опыта обеспечения условий отбывания лишения свободы в исправитель-

ных учреждениях показал, что при разработке отечественного законодательства необходимо обращать внимание на потенциально тяжелые последствия длительного заключения в ИУ и дополнительные меры безопасности, которым подвергаются опасные преступники, а также включать в систему работы исправительных учреждений меры по профилактике психического здоровья осужденных. Ключевыми компонентами такой работы могут стать индивидуальные планы исполнения наказаний, конструктивные тюремные режимы, более тесные контакты с внешним миром (как социумом, так и родными).

Список источников

1. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963.
2. Голодов П. В., Спасенников Б. А. Анализ зарубежного опыта пенитенциарной деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5.
3. Карпец И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1973.
4. Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. М., 1997.
5. Куликов В. Тюрма пустеет // Российская газета. 2020. 30 янв.
6. Павлухин А. Н. О целях наказания в советском уголовном праве. Рязань, 1990.
7. Пушкарева И. А. Особенности содержания различных категорий осужденных к лишению свободы в зарубежных странах / И. А. Пушкарева, Л. Н. Одинцова // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 59–74.
8. Такие разные тюрьмы // Коммерсантъ. 2018. 6 янв.
9. В Черикове вынесли приговор двум братьям, которые с особой жестокостью убили учительницу // URL://<https://onlinebrest.by/novosti/bravevubivshih-uchitelnicu-v-cherikove-rasstrelyayut-starshemu-21-godmladshemu-19-podrobnosti.html>.
10. Официальный сайт новостного портала Nonews. Количество заключенных по странам // URL://<https://nonews.co/directory/lists/countries/prison-population>.

11. Death penalty in 2018: Facts and figures¹⁰. April 2019 // URL://<https://www.amnesty.org/en/latest/news/2019/04/death-penalty-facts-and-figures-2018/>

12. Inside Halden, the most humane prison in the world / Support The Guardian // URL://<https://www.theguardian.com/society/2012/may/18/halden-most-humane-prison-in-world>.

13. Hand book on the Management of High-Risk Prisoners // Criminal justice handbook. March 2016 // URL://https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/HB_on_High_Risk_Prisoners_Ebook_appr.pdf.

14. Human Rights Committee, General Comment 21, Article 10 (Forty-fourth session, 1992).

15. Webb S., Christodoulou H., Rogers J. Sentenced to death. Which countries have the death penalty and how many people are executed every year? // The Sun. 4 Dec 2020 // URL://<https://www.thesun.co.uk/news/2525739/countries-death-penalty-how-many-people-executed-world/>

References

1. Belyaev N. A. Goals of punishment and means of achieving them in correctional labor institutions. L., 1963.

2. Golodov P. V., Spasennikov B. A. Analysis of foreign experience of penitentiary activity // Penal enforcement system: law, economics, management. 2015. № 5.

3. Karpets I. I. Punishment: social, legal and criminological problems. M. : Yurid. lit., 1973.

4. Krylova N. E., Serebrennikova A. V. Criminal law of modern foreign countries (England, USA, France, Germany): studies. manual. M., 1997.

5. Kulikov V. Prison is empty // Rossiyskaya Gazeta. 2020. 30 Jan.

6. Pavlukhin A. N. On the purposes of punishment in Soviet criminal law. Ryazan, 1990.

7. Pushkareva I. A. Features of the content of various categories of persons sentenced to imprisonment in foreign countries / I. A. Pushkareva, L. N. Odintsova // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. No. 1. P. 59–74.

8. Such different prisons // Kommersant. 2018. 6 Jan.

9. In Cherkov, two brothers were sentenced, who killed a teacher with special cruelty // URL://<https://onlinebrest.by/novosti/bratevubivshih-uchitelnicu-v-cherikove-rasstrelyayut-starshemu-21-god-mladshemu-19-podrobnosti.html>.

10. The official website of the Nonews news portal. Number of prisoners by country // URL://<https://nonews.co/directory/lists/countries/prison-population>.

11. Death penalty in 2018: Facts and figures¹⁰. April 2019 // URL://<https://www.amnesty.org/en/latest/news/2019/04/death-penalty-facts-and-figures-2018/>

12. Inside Halden, the most humane prison in the world / Support The Guardian // URL://<https://www.theguardian.com/society/2012/may/18/halden-most-humane-prison-in-world>.

13. Hand book on the Management of High-Risk Prisoners // Criminal justice handbook. March 2016 // URL://https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/HB_on_High_Risk_Prisoners_Ebook_appr.pdf.

14. Human Rights Committee, General Comment 21, Article 10 (Forty-fourth session, 1992).

15. Webb S., Christodoulou H., Rogers J. Sentenced to death. Which countries have the death penalty and how many people are executed every year? // The Sun. 4 Dec 2020 // URL://<https://www.thesun.co.uk/news/2525739/countries-death-penalty-how-many-people-executed-world/>

Библиографический список

1. Букалерева Л. А. Отбывание лишения свободы: опыт Российской Федерации и Норвегии / Л. А. Букалерева, Т. Ф. Миняева // Административное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 280–283.

2. Джинджолия Р. С. Уголовное право. Общая часть. М. : Юстиция, 2017.

3. Койл Э. Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека. Международный центр тюремных исследований (МЦТИ). Лондон : Международный центр тюремных исследований, 2015.

4. Маликов Б. З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2004.

5. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты. М. : Юстиция, 2017.

6. Рекомендация NREC (2006) Комитета министров Совета Европы «Европейские пенитенциарные правила» // Официальный сайт Совета Европы // URL://<http://www.coe.int/>

7. Сторожук М. И. Европейские пенитенциарные правила и судебный контроль за обеспечением

прав и законных интересов осужденных // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 86–89.

Bibliographic list

1. Bukaleroва L. A. Serving of imprisonment: the experience of the Russian Federation and Norway / L. A. Bukaleroва, T. F. Minyazeva // Administrative and municipal law. 2013. No. 3. P. 280–283.

2. Djindjolia R. S. Criminal law. General part. M. : Justice, 2017.

3. Coyle E. Approach to prison management from the standpoint of human rights. International Center for Prison Studies (ICTI). London : International Center for Prison Research, 2015.

4. Malikov B. Z. Theoretical problems of the essence and content of deprivation of liberty and their expression in the criminal and penal enforcement legislation of Russia: autoref. diss. ... doct. jurid. sciences'. Ryazan, 2004.

5. Orlov V.N. Criminal punishment: concept, goals, system, objects and subjects. M. : Justice, 2017.

6. Recommendation NREC (2006) of the Committee of Ministers of the Council of Europe «European Penitentiary rules» // Official website of the Council of Europe // URL://http://www.coe.int/

7. Storozhuk M. I. European penitentiary rules and judicial control over ensuring the rights and legitimate interests of convicts // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2013. No. 1 (7). P. 86–89.

Информация об авторе

А. Х. Батыров — инспектор уголовно-исполнительной инспекции ОФСИН России по Республике Ингушетия.

Information about the author

A. Kh. Batyrov — Inspector of the Criminal Executive Inspectorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Ingushetia.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 01.08.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 01.08.2022.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 439 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. И. А. Климова

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Оперативно-розыскная деятельность

Учебник
Четвертое издание

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-36-40>

НИОН: 2003-0059-5/22-412

MOSURED: 77/27-003-2022-05-611

Экстремизм и экстремистская деятельность: терминологические дискуссии

Александр Анатольевич Беженцев¹, Владислав Романович Лебедев²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, adovd@mail.ru

² Центр по противодействию экстремизму Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия, bsg-75@mail.ru

Аннотация. Присутствующие в юридической литературе множественные оценки противодействия экстремизму, свидетельствуют об отсутствии единого представления о природе данного феномена. В хронологической последовательности анализируется нормативно-правовая база, регулирующая понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность»; с учетом современных реалий предложено авторское толкование данных терминов; обоснована необходимость дополнения ими Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, политический экстремизм, экстремистская идеология, противодействие экстремизму, насильственное изменение основ конституционного строя, терроризм, противодействие терроризму

Для цитирования: Беженцев А. А., Лебедев В. Р. Экстремизм и экстремистская деятельность: терминологические дискуссии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 36–40. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-36-40>.

Original article

Extremism and extremist activity: terminological discussions

Alexander A. Bezhentsev¹, Vladislav R. Lebedev²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru

² Center for Combating Extremism of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region, St. Petersburg, Russia, bsg-75@mail.ru

Abstract. The multiple assessments of countering extremism present in the legal literature indicate the absence of a unified understanding of the nature of this phenomenon. In chronological order, the regulatory framework regulating the concepts of «extremism» and «extremist activity» is analyzed; taking into account modern realities, the author's interpretation of these terms is proposed; the need for them to supplement Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering extremist Activity» is justified.

Keywords: extremism, extremist activity, political extremism, extremist ideology, countering extremism, violent change in the foundations of the constitutional order, terrorism, countering terrorism

For citation: Bezhentsev A. A., Lebedev V. R. Extremism and extremist activity: terminological discussions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):36–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-36-40>.

Исторически Россия — государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, смешивания на семейном, на дружеском, на государственном уровне сотен этносов, живущих вместе и рядом. Освоение огромных территорий России было совместным делом многих народов. Однако, в XXI в. мы постоянно сталкиваемся с проявлениями исключительности отдельных представителей общества по мотивам экстремизма, в связи с чем, необходимо знать истоки данного деструктивного понятия.

В 322 г. до нашей эры греческий ученый Аристотель в своей работе «Политика», в пятой книге, рассуждал об источнике и причинах возмущений, мятежей и переворотов, но не смог дать данному явлению имя, выделив лишь его признаки. По мнению Аристотеля, данное деструктивное явление (экстремизм) характеризуется использованием насилия, либо обмана, либо принуждения с целью проведения государственного переворота, направленного на захват власти [1, с. 194].

© Беженцев А. А., Лебедев В. Р., 2022

В 43 г. до нашей эры латинское слово «extremus» (в переводе — крайний) упоминается сенатором Римской республики Марком Тулием Цицероном как элемент «общественной погибельности» в трактате «Об обязанностях» [2, с. 60].

В 1838 г. Вильгельм Трауготт Круг в своем многотомном философском словаре дает определение экстремизма следующим образом: «экстремистами являются те, которые не хотят признавать середину и находят удовольствие в крайностях, обычно их называют ультра» [3, с. 180].

В 1921 г. М. Лерой в своей работе «Новые техники синдикализма» дает определение экстремизму, по его мнению, — это: «настоятельный призыв к своим приверженцам об абсолютной вере в политические идеалы, исповедуемые течениями» [4].

23 марта 1995 г. в Российской Федерации принят указ Президента Российской Федерации № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации», в котором впервые на государственном уровне упоминается термин «экстремизм», но не дается его определения. Данный термин упоминается в контексте незаконной, антиконституционной деятельности, противодействия националистическим проявлениям. При этом исходя из данного указа термин «экстремизм» включает в себя:

- ♦ разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни;
- ♦ распространение идей фашизма, антиконституционную деятельность экстремистски настроенных лиц и объединений;
- ♦ создание незаконных вооруженных и военизированных формирований.

При этом в указе термин «экстремизм» упоминается как «политический экстремизм».

В 2001 г. принимается, по нашему мнению, наиболее удачное в юридической науке определение экстремизма, приведенное впервые в международной практике в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., достоинством которой следует считать учет оснований ограничения понятия экстремизм от понятия терроризм. В конвенции экстремизм рассматривается как «деяние, направленное на насильственное захват власти или насильственное удержание

власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в этих целях незаконных вооруженных формирований или участие в них». Представляется, что данная дефиниция отображает конечную цель экстремизма — свержение существующего конституционного строя и легитимной государственной власти, поскольку первоочередная цель экстремистских деяний не непосредственный физический вред, а психологическое воздействие с точки зрения привлечения общественного внимания и подрыва авторитета государства в обеспечении безопасности своих граждан. Экстремизм является подготовительной стадией терроризма.

25 июля 2002 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который определяет экстремизм и экстремистскую деятельность как один термин. В законе упоминается не только экстремизм, но и терроризм, который неразрывно связан с экстремизмом, однако в нем отсутствует определение ключевого понятия «экстремизм». Определение понятия экстремистская деятельность в данном федеральном законе представляется настолько широким, что невозможно даже вообразить круг перечисленных противоправных деяний. Следовательно, необходимо законодательно закрепить определение понятий экстремизм и экстремистская деятельность на государственном уровне, не отождествляя их на основе лишь только признака противоправности.

Рассмотрим имеющиеся в отечественной науке понятия экстремизма. По мнению П. Казберова, экстремизм — это система политических взглядов (и связанных с ними действий), находящихся на краю, а чаще — вне пределов принятой в данном обществе нормы, или нарушающих принятые в обществе моральные стандарты [5, с. 3].

С. Н. Фридинский определяет экстремизм как деятельность общественных, политических и религиозных объединений либо иных организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию или иному содействию ее осуществления, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимиль-

ной и иных видов связи, информационных услуг или материально-технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной, на возбуждение социальной, имущественной, расовой, национальной или религиозной розни, унижение национального достоинства, на отрицание абсолютной ценности прав человека, на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, а равно публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению таких действий [6, с. 8].

Однако данное определение дискуссионно, поскольку в нем перечисляются лишь способы осуществления экстремизма, что порождает больше вопросов, чем понимания, к примеру, что есть «национальное достоинство» и в чем выражается его унижение, может ли расцениваться введение режима повышенной готовности, либо режима контртеррористической операции как «отрицание абсолютной ценности прав человека». Или, к примеру, тезис, что «совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной», — есть экстремизм также требуют обсуждения, так как нельзя путать политический режим и идеологию государства. Хочется также, в противовес данному мнению, отметить, несмотря на то, что запрет на установление единственной идеологии в Российской Федерации установлен ч. 2, ст. 13 Конституции Российской Федерации, в которой сказано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, тем не менее, в 2021 г. на XVIII заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент Российской Федерации в ходе сессии, отмечая опасность проникновения нетрадиционных ценностей в российское общество заявил, что во внутренней политике Российская Федерация при формировании своих подходов будет руководствоваться идеологией здорового консерватизма [7].

Анализируя вышеизложенные определения понятия экстремизм, мы сталкиваемся с проблемой установления сущности современного экстремизма. Имеющиеся в юридической литературе множественные мнения и оценки по вопросам противодействия экстремизму свидетельствуют об отсутствии единого представления о природе данного феномена.

Некоторые авторы [8, с. 6] часто ссылаются на определение экстремизма, предложенное 29 сентября

2003 г. Комиссией по политическим вопросам Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в докладе под названием «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе», где отмечено, что экстремизм — это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии [9]. Однако данное определение также требует дополнительных обсуждений, поскольку экстремизм существует и вне принципов парламентской демократии, к примеру, религиозный экстремизм.

Анализ различных мнений, касающихся административно-правового подхода к определению понятий экстремизм и экстремистской деятельности, позволяет сделать следующий вывод. Имеющиеся на сегодняшний день формулировки основных понятий в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» достаточно широки, в особенности такие термины, как «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которые оставляют возможность слишком обширного административного усмотрения в своем толковании, и, как следствие, в правоприменении.

В первой редакции Федерального закона № 114-ФЗ, опубликованной 30 июля 2002 г. на интернет-портале «Российской Газеты» [10], существовало более конкретное определение понятия экстремистская деятельность (экстремизм). Считаем, что внесение поправок в рассматриваемый закон понятия «экстремизм» и отдельно «экстремистская деятельность» позволит точно закрепить и разграничить данные понятия в юридической науке.

Таким образом, мы предлагаем закрепить авторское понятие «экстремизм» — это система взглядов и идей, обоснованных экстремистской идеологией, направленных на радикальное разрешение противозаконными средствами и методами политических, территориальных, экономических, социальных, национальных, расовых и религиозных конфликтов.

Тогда с точки зрения данной концепции предложим авторское толкование экстремистской деятельности. «Экстремистская деятельность» — это общественно опасные и противоправные деяния, совершаемые по мотивам экстремистской идеологии и направленные на насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации),

за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; публичное оправдание терроризма и террористической деятельности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Для упрощения юридического оборота понятия экстремистская деятельность мы предлагаем использовать в нормативных актах бланкетную норму: «экстремистская деятельность» — общественно опасные и противоправные деяния, совершаемые по мотивам экстремистской идеологии и направленные на совершение деяний, указанных в п. 1, ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Экстремистская деятельность неразрывно связана с экстремизмом, поскольку последний возникает тогда, когда экстремистская идеология переходит из общих представлений в личные убеждения. Тем самым, экстремизм — это не наличие в сознании каждого человека представлений о природе и сущности экстремизма, национал-социализма, терроризма, а откровенное признание и разделение основных положений такой деструктивной идеологии. Здесь экстремизм предполагает наличие аргументов в пользу правоты такой системы недемократических взглядов, полную решимость действовать в целях ее реализации в повседневной деятельности, в том числе общественно опасными, юридически наказуемыми способами. Экстремизм в такой формулировке не является наказуемым в Российской Федерации до тех пор, пока не получит свое внешнее и публичное выражение в противоправных формах — административных правонарушениях и преступлениях экстремистской направленности. Экстремизм как неблагоприятный идейно-психологический социальный климат сравним со «спящим вулканом», момент возможного пробуждения которого ближе, чем выше скорость распространения в обществе конкретной отрицательной экстремистской идеологии.

Список источников

1. Аристотель. Политика. Собр. соч. В 3 т. Т. 2. М., 1983.
2. Res publica: История понятия: сб. статей / пер. с нем.; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.
3. Погорельцев В. И. Зарождение и развитие экстремизма в мире и в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3–2 (42). С. 180.
4. Leroy M. L'extremisme // Les technique nouvelles du syndicalisme. Paris, 1921.
5. Казберов П. Противодействие должно быть равно силе действия // ЭЖ-Юрист. 2012. № 35. С. 3.
6. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. : Ростовский юридический институт МВД России, 2003.
7. Официальный сайт Президента России // URL:// <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975>.
8. Основные экстремистские организации, действующие на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области: типология, идеология и особенности противодействия: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., перераб. / А. Г. Никулин, В. В. Припечкин, О. В. Тепляков и др. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2011.
9. Официальный сайт Совета Европы // URL:// [http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res_1344_Rus.asp](http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res_1344_Rus.asp).
10. Интернет портал «Российской Газеты» // URL:// <http://rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>.

References

1. Aristotle. Politics. Sobr. op. In 3 t. t. 2. M., 1983.
2. Res publica: The history of the concept: collection of articles / translated from German; scientific ed. O. V. Kharkhordin. St. Petersburg : Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2009.
3. Pogoreltsev V. I. The origin and development of extremism in the world and in Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 3–2 (42). P. 180.
4. Leroy M. L'extremisme // Les technique nouvelles du syndicalisme. Paris, 1921.

5. Kazberov P. Counteraction must be equal to the force of action // *EZH-Yurist*. 2012. No. 35. P. 3.

6. Fridinsky S. N. The fight against extremism (criminal law and criminological aspects): autoref. diss. ... cand. jurid. sciences'. Rostov N/D. : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003.

7. Official website of the President of Russia // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/discussions/66975>.

8. The main extremist organizations operating on the territory of St. Petersburg and the Leningrad region:

typology, ideology and features of counteraction: studies.- method. stipend. 2nd ed., revised / A. G. Nikulin, V. V. Pripechkin, O. V. Teplyakov, etc. St. Petersburg : Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011.

9. Official website of the Council of Europe // URL://[http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res1344_Rus.asp](http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res1344_Rus.asp).

10. The Internet portal of "Rossiyskaya Gazeta" // URL://<http://rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>.

Информация об авторах

А. А. Беженцев — начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

В. Р. Лебедев — начальник 2-го отделения 3-го отдела Центра по противодействию экстремизму Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Information about the authors

A. A. Bezhentsev — Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. R. Lebedev — Head of the Second Branch of the Third Department of the Center for Combating Extremism of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Вклад авторов:

А. А. Беженцев — научное руководство; постановка проблемы; формулирование гипотезы и концепции исследования; развитие методологии; анализ результатов исследования; описание результатов и формирование выводов исследования;

В. Р. Лебедев — критический анализ литературы; сбор эмпирических данных, их анализ и интерпретация; написание исходного текста; доказательство гипотезы исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

A. A. Bezhentsev — scientific guidance; formulation of the problem; formulation of the hypothesis and concept of the study; development of methodology; analysis of research results; description of the results and formation of the conclusions of the study;

V. R. Lebedev — critical analysis of literature; collection of empirical data, their analysis and interpretation; writing the original text; proof of the research hypothesis; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 340.11
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-41-43>
НИОН: 2003-0059-5/22-413
MOSURED: 77/27-003-2022-05-612

Понятие и сущность гражданского общества

Сергей Михайлович Белозерцев¹, Евгений Викторович Кузнецов², Александр Андреевич Маринов³

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, zuyn03@mail.ru

² Иркутский юридический институт Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, kev300579@gmail.com

³ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, am-irk@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности гражданского общества. Дается исторический экскурс по происхождению и трансформации данного феномена. Указываются признаки гражданского общества, которые характерны только для него.

Ключевые слова: публичная власть, гражданское общество, равенство граждан, государственная власть

Для цитирования: Белозерцев С. М., Кузнецов Е. В., Маринов А. А. Понятие и сущность гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 41–43. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-41-43>.

Original article

The concept and essence of civil society

Sergey M. Belozertsev¹, Evgeny V. Kuznetsov², Alexander A. Marinov³

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, zuyn03@mail.ru

² Irkutsk Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, kev300579@gmail.com

³ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, am-irk@yandex.ru

Abstract. The features of civil society are considered. A historical digression on the origin and transformation of this phenomenon is given. The signs of civil society, which are characteristic only for it, are indicated.

Keywords: public authority, civil society, equality of citizens, state power

For citation: Belozertsev S. M., Kuznetsov E. V., Marinov A. A. The concept and essence of civil society. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):41–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-41-43>.

Идея гражданского общества возникла еще с Древних времен, о ней говорили такие ученые, как Платон, Аристотель, Цицерон. Как считал Аристотель, сущность государства, по большому счету, сводилась к минимально необходимому количеству граждан, которые были достаточно самоорганизованы, чтобы решать совместные насущные вопросы. Следовательно, можно заключить, что понятие государства, которое было предложено Аристотелем, фактически по своему смыслу совпадало с понятием гражданского общества.

Последующее развитие общества и общественных отношений повлекло и изменение взглядов ученых о гражданском обществе. Джон Локк выдвинул довольно смелое по тем временам суждение, суть которого сводилась к тому, что такая форма правления, как абсолютная монархия совершенно не сочетается с самим феноменом гражданского общества. В то же

время, основоположник течения макиавеллизма — Николло Макиавелли пришел к выводу о том, что как монархия, так и демократия и аристократия по сути своей не могут быть самостоятельно совершенны. Наиболее приемлемым вариантом, без ярко выраженных изъянов, автор считал сочетание всех трех вышеуказанных форм, каждая из которых должна уравновешивать негативные стороны другой [1].

Имеет место и материалистическая характеристика гражданского общества К. Маркса и Ф. Энгельса, которые писали, что гражданское общество включает в себя все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил.

Анализ приведенных выше точек зрения позволяет сделать вывод о том, что сам феномен гражданского общества в целом является достаточно неоднозначным, по поводу него ведутся оживленные дис-

© Белозерцев С. М., Кузнецов Е. В., Маринов А. А., 2022

куссии на протяжении достаточно длительного времени. Античный период предоставляет нашему вниманию сразу несколько моделей гражданского общества, существующих в одно время как на территории Древней Греции, так и на территории Древнего Рима. Вместе с тем, гражданское общество в различных своих проявлениях не должно отождествляться только с античным периодом — оно существовало и в Средние века, и в Новое время, и в условиях современности.

На формирование гражданского общества оказывают существенное влияние самые различные факторы, среди которых значителен вклад экономических, политических, социальных, культурных общественных отношений в государстве. Итак, под гражданским обществом следует понимать сформировавшуюся в условиях равноправного подхода общность людей и отдельных социальных групп (институтов), которые на альтернативной государству плоскости оказывают саморегулирующее воздействие на общество.

Определение признаков гражданского общества требует дифференциации подхода к двум понятиям, которые образуют данное словосочетание. Под обществом стоит понимать людей, индивидов которые взаимодействуют между собой, создают сообщества и организуются через различные формы деятельности. Понятие «гражданский» имеет несколько подходов к его пониманию, вместе с тем, в рамках нашей статьи мы будем вкладывать в него, прежде всего понятие сознательности (применительно к отдельным членам общества), особую связь между государством и человеком, которая основывается в значительной степени на началах диспозитивности [2].

Вместе с тем, наличие гражданского общества предъявляет особые требования к правосознанию и правопониманию своих членов, что обуславливается, главным образом, необходимостью оказания последними влияния на жизнь общества. В этом отношении, члены гражданского общества должны отличаться гораздо большим уровнем развития правовой культуры, чем, например, члены тоталитарного общества.

Безусловно, правовое общество не может существовать в вакууме, в связи с чем, одной из важнейших характеристик гражданского общества является территория, какое-либо физическое пространство, с которым ассоциирует себя каждый член граждан-

ского общества. Безусловно, специфика взаимоотношений внутри гражданского общества подразумевает необходимость распространения правил взаимодействия между членами конкретной группы в привязке к тому или иному пространству, с которым себя идентифицирует группа.

Безусловно, одним из наиболее важных и значимых признаков гражданского общества является независимость члена гражданского общества от государства. Это проявляется, в частности, в том, что гражданин имеет права на наличие и высказывание своей позиции, даже в том случае если она не совпадает с общегосударственной позицией. Разумеется, указанная независимость является достаточно условной, так как некоторые идеологии являются губительными как для государства, так и для индивида и общества, в котором он живет. В этой связи, следует говорить о том, что независимость, пусть даже достаточно широкая, которой обладает гражданин, все-же реализуется в некоторых рамках допустимого, возможного. Вместе с тем, если указанные границы соблюдены, то гражданское общество предполагает уважение мнений, которые имеются у индивидов. В случае если мнение индивида не совпадает с государственной позицией он не должен подвергаться каким-либо гонениям или иным неблагоприятным воздействиям со стороны государства и общества.

Еще одним незыблемым атрибутом гражданского общества является наличие частной собственности. По-нашему мнению, именно частная собственность является экономической предтечей формирования гражданского общества. Говорить о некоторой самостоятельности и обособленности от государства членов гражданского общества в том случае, если они не имеют частной собственности, пожалуй, не приходится.

Развитая демократия и легитимность власти. Для существования гражданского общества обязательно необходимо признание действующей власти народом, иначе народ просто не будет ей подчиняться и не будет взаимоотношений между государством и обществом. Демократия как важный критерий существования гражданского общества обязательно должна быть. Народ, принимая участие в государственном управлении, формировании высших органов власти через один из институтов гражданского общества — политические партии, тем самым ограничивает всевластие государства.

Наличие в обществе различных классов, социальных групп, имеющих собственные интересы. Общество в современном мире, как это было и всегда, делится на различные социальные группы, которые различаются по особым критериям. Например, та же социальная группа пенсионеров, которая обратилась в общественную палату для защиты и отстаивания своего права на отдых, которое было нарушено местными органами власти при строительстве нового торгового центра в городском сквере.

Свобода слова, отсутствие государственной монополии на СМИ, отсутствие государственной обязательной идеологии. Свобода слова и независимые СМИ необходимы для правового государства с гражданским обществом для обеспечения ясности и открытости всех политических и социально-экономических процессов, происходящих в мире. Государство не сможет подчинить себе СМИ для искажения различных статистик. Общеобязательная идеология присуща только для тоталитарного государства, а для правового демократического государства характерен плюрализм идеологий, партий, выборов.

Реальное соблюдение и защита прав и свобод человека. Гражданское общество создано по инициативе граждан и главной идеей, которую оно пре-

следует — это именно защита и отстаивание прав, свобод и законных интересов человека с помощью различных механизмов.

Список источников

1. Кошелев М. И., Везломцев В. Е. Гражданское общество и гражданская ответственность в постсоветской России // Вестник БГУ. 2021. № 3 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-grazhdanskaya-otvetstvennost-v-postsovetskoj-rossii>.

2. Низомиддинхужаев О. Формирование институтов гражданского общества // Вопросы науки и образования. 2020. № 29 (113) // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-institutov-grazhdanskogo-obschestva>.

References

1. Koshelev M. I., Vezlomtsev V. E. Civil society and civil responsibility in post-Soviet Russia // Bulletin of BSU. 2021. No. 3 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-grazhdanskaya-otvetstvennost-v-postsovetskoj-rossii>.

2. Nizomiddinhuzhaev O. Formation of civil society institutions // Issues of science and education. 2020. No. 29 (113) // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-institutov-grazhdanskogo-societies>.

Информация об авторах

С. М. Белозерцев — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России;

Е. В. Кузнецов — доцент кафедры судебного права Иркутского юридического института Иркутского государственного университета;

А. А. Маринов — доцент центра компетенций по кибербезопасности института информационных технологий и анализа данных Иркутского национального исследовательского технического университета.

Information about the authors

S. M. Belozertsev — Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. V. Kuznetsov — Associate Professor of the Department of Judicial Law of Irkutsk Law Institute of Irkutsk State University;

A. A. Marinov — Associate Professor of the Cybersecurity Competence Center of the Institute of Information Technology and Data Analysis of Irkutsk National Research Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-44-48>

NIJON: 2003-0059-5/22-414

MOSURED: 77/27-003-2022-05-613

Юридическая упорядоченность системы прав человека как нормоустанавливающий феномен международно-правового строительства

Валерий Викторович Богатырев¹, Рубен Амаякович Каламкьян²

^{1,2} Юридический институт имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Аннотация. Раскрывается сущность юридической упорядоченности системы прав человека как нормоустанавливающего феномена международно-правового строительства.

Ключевые слова: Российская Федерация, современный миропорядок, целостность системы международного права

Для цитирования: Богатырев В. В., Каламкьян Р. А. Юридическая упорядоченность системы прав человека как нормоустанавливающий феномен международно-правового строительства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 44–48. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-44-48>.

Original article

Legal orderliness of the human rights system as a norm-setting phenomenon of international legal construction

Valery V. Bogatyrev¹, Ruben A. Kalamkaryan²

^{1,2} Law Institute named after M. M. Speransky of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Abstract. The essence of the legal order of the human rights system as a norm-setting phenomenon of international legal construction is revealed.

Keyword: Russian Federation, modern world order, integrity of the system of international law

For citation: Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. Legal orderliness of the human rights system as a norm-setting phenomenon of international legal construction. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):44–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-44-48>.

Целостность системы международного права прав человека и юридически императивная востребованность всех заложенных в ней постулатов должного поведения государств–членов мирового сообщества позиционно ориентирует весь субъектный состав современных международных правоотношений на всестороннее выполнение обязанностей по уважению и обеспечению прав детей в параметрах прав каждого ребенка без какой-либо дискриминации от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или других воззрений, национального,

этнического или социального происхождения, имущественного положения, инвалидности, рождения или другого статуса ребенка или его/ее родителей или попечителей (Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 141–149).

Постановочная заинтересованность мирового сообщества в деле всестороннего обеспечения прав детей в контексте международного права прав человека обозначена объективной констатацией наличия фактов увеличения числа детей, вовлеченных в международные вооруженные

© Богатырев В. В., Каламкьян Р. А., 2022

конфликты и вооруженные конфликты немеждународного характера, пострадавших по обстоятельствам своей вовлеченности. Показательно не приемлемы и не допустимы с точки зрения международного права прав человека юридические факты увеличения числа детей, пострадавших от всех других форм насилия, в том числе бытовое насилие, сексуальные надругательства, сексуальная эксплуатация, торговля детьми. Логичным с точки зрения права ответом мирового сообщества на имеющий место юридический факт увеличения числа детей, пострадавших от всех форм насилия, представляется консолидация международного сотрудничества государств-членов системы права ООН с предметной направленностью повышения национальных возможностей каждой страны в системе права ООН улучшать юридическое и фактическое положение детей как субъектов внутригосударственного правопорядка и всесторонним образом содействовать реабилитации и интеграции детей в гражданское общество соответствующего государства. Будучи в статусе международно-правовой защиты, дети уже как потенциальные субъекты системы современных международных правоотношений позиционируют себя в режиме защиты со стороны международного права прав человека. Заявительный позитив международного права прав человека в формате Конвенции о правах ребенка 1989 г., Факультативного протокола о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах от 25 мая 2000 г., Факультативного протокола о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г., Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений 2012 г., создает собой надлежащую основу для уважения и обеспечения права каждого ребенка без каких-либо признаков проявления дискриминации применительно к расовой принадлежности, цвету кожи, полу, языковой и религиозной принадлежности, политической ориентации, национальной, имущественной, социальной принадлежности. В миропорядке на основе верховенства права каждый ребенок обозначен в параметрах равного юридического статуса и обеспечен в равнозначном юридическом режиме в системе международного правосудия.

По обстоятельствам объективной констатации целостности института прав ребенка в системе меж-

дународного права прав человека качественным юридическим показателем предметной включенности мирового сообщества в институционно-правовой процесс обеспечения прав ребенка на всесторонней основе обозначена приверженность содействию реализации и всемерной защите прав и благосостояния детей в вооруженных конфликтах как международных, так и немеждународного характера. Позитив права в части подтверждения приверженности мирового сообщества в деле содействия реализации и всемерной защите прав и благосостояния детей в вооруженных конфликтах установлен востребованностью принятия государствами как суверенами системы современных международных правоотношений соответствующих эффективных мер с целью предотвращения вербовки, использования детей в вооруженных конфликтах (в противоречие международному праву) вооруженными силами/группировками и запрещения имеющейся на этот счет практики в формате ее квалификации как преступной. Перевод заявительного посыла мирового сообщества в плане обеспечения всесторонней международно-правовой защиты детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, в режим реально юридически действенного пространства взаимодействия государств-членов мирового сообщества в деле поддержания целостности системы международного права прав человека обозначен позитивом нормотворческой деятельности мирового сообщества в области информационно-пропагандистской деятельности и разработки норм и стандартов должного поведения субъектов международных правоотношений в системе применимых норм международного права, касающихся прав и защиты детей в условиях вооруженного конфликта. При обстоятельствах, когда защита детей в условиях вооруженного конфликта в объективном порядке определяется в качестве показателя юридического аспекта всеобъемлющей стратегии по урегулированию конфликта на основе права, Совет Безопасности ООН в своей резолюции 1612 (2005) от 26 июля 2005 г. вновь подтвердил свою главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, обозначил готовность выполнять международное обязательство по разрешению проблемы повсеместного воздействия вооруженных конфликтов на детей.

В ситуации, когда на Совет Безопасности ООН государствами-членами ООН возложена главная

ответственность за поддержание международного мира и безопасности (п. 1 ст. 24 Устав ООН) и, как следствие, государства-члены ООН выразили свое согласие «подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их» (ст. 25 Устава ООН), установлена ведущая роль национальных правительств государств-членов ООН в деле обеспечения эффективной правовой защиты всех детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, предоставления детям чрезвычайной помощи и содействия. Однозначное четкое юридическое предписание прямого действия устанавливает ответственность государств-членов системы права ООН за прекращение безнаказанности, обеспечение неотвратимости наказания в рамках процесса правосудия, судебного преследования лиц, ответственных с точки зрения международного права за преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления, совершаемые против детей уже как субъектов современных международных правоотношений.

Показательное продвижение международно-правовой заинтересованности мирового сообщества в деле обеспечения целостности системы международного права прав человека в части обеспечения эффективной защиты всех детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, обозначено юридическим подтверждением (в формате Резолюции Совета Безопасности ООН 1602 (2005) от 26 июля 2005 г.) недопустимости практики вербовки и использования детей-солдат сторонами в вооруженном конфликте в нарушение применимых к ним международных обязательств и любых других нарушений и злоупотреблений, которым подвергаются дети в ситуациях вооруженного конфликта. И здесь создание в рамках системы права Организации Объединенных Наций институционно-правового механизма наблюдения и отчетности в отношении детей в вооруженных конфликтах обозначено как показательное значимое юридическое действие мирового сообщества по прогрессивному развитию современного международного права и его институтов. Механизм, согласно признанным за ним полномочиям в порядке выполнения возложенных на него функциональных обязанностей, позиционирован как конечный пункт получения и предоставления актуальной объективной, достоверной, надежной информации о вербовке и использовании детей-солдат в нарушение применимых норм международного права и о дру-

гих нарушениях и злоупотреблениях, которым подвергаются дети, затрагиваемые вооруженными конфликтами. Созданный таким образом механизм наблюдения и отчетности представляет доклады с зафиксированной в них информацией о вербовке и использовании детей-солдат в нарушение применимых норм международного права и о других нарушениях и злоупотреблениях, которым подвергаются дети, затрагиваемые вооруженными конфликтами, специально созданной рабочей группе Совета Безопасности ООН в составе всех членов Совета Безопасности ООН. Функциональные полномочия учрежденной согласно предписаниям Резолюции Совета Безопасности ООН 1612 (2005) от 26 июля 2005 г. рабочей группы Совета Безопасности, установлены в параметрах рассмотрения докладов механизма наблюдения и отчетности в отношении детей, затронутых вооруженными конфликтами с конечной юридической задачей обзора прогресса в деле разработки и осуществления планов действий в тесном сотрудничестве с миротворческими миссиями Организации Объединенных Наций и страновыми группами Организации Объединенных Наций. Установленная согласно их соответствующим мандатам ответственность миротворческих миссий Организации Объединенных Наций и страновых групп Организации Объединенных Наций распространяется на:

- 1) обеспечение эффективного контроля за выполнением решений Совета Безопасности в части его обязательства по рассмотрению повсеместного воздействия вооруженных конфликтов на детей;
- 2) осуществление скоординированного реагирования на весь спектр заявленной проблематики, касающейся положения детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами.

Показательным юридическим фактором включенности институтов системы права Организации Объединенных Наций в процессе обеспечения эффективной защиты всех детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, и оказания всем детям в равнозначном правовом режиме чрезвычайной помощи обозначены предпринимаемые миротворческими операциями Организации Объединенных Наций меры по осуществлению предметных юридических действий в плане констатации недопустимости с точки зрения права актов сексуальной эксплуатации (надругательства) и востребованности обеспечения всестороннего соблюдения персоналом миротворческих

операций Организации Объединенных Наций Кодекса поведения Организации Объединенных Наций. Постановочным с точки зрения права способом договорно-правового оформления миротворческих операций Организации Объединенных Наций (их правовой статус образуется на основе особых соглашений между Советом Безопасности ООН и государством/государствами-членами Организации Объединенных Наций согласно ст. 43 Устава ООН) предметно обозначено включение в мандаты операций Организации Объединенных Наций по поддержанию международного мира специального положения о защите детей, в частности положения о направлении советников по вопросам защиты детей.

Продвижение новационных правовых методов в формат миротворческих и целевых операций по вопросам защиты детей обозначено позитивом правоприменительной практики региональных и субрегиональных организаций по обстоятельствам включения в состав своих миротворческих и целевых операций персонала по вопросам защиты детей и организации там подготовки по заявленной проблематике; по факту пресечения вредной для детей практики в условиях вооруженного конфликта, проявляющей себя в форме трансграничной вербовки и похищения детей, незаконного перемещения стрелкового оружия, незаконной торговли природными ресурсами. Выработка и осуществление руководящих правовых принципов, касающихся детей и вооруженных конфликтов, в объективном порядке определяет себя как позиционно значимый вклад в процесс прогрессивного развития и кодификацию современного международного права и его институтов.

Концептуально качественное продвижение и резолютивное решение на основе права поставленной перед мировым сообществом задачи обеспечения эффективной защиты всех детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, и оказания всем детям чрезвычайной помощи в рамках миропорядка в режиме верховенства права установлено по обстоятельствам непосредственного включения вопросов защиты, обеспечения прав и благополучия детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, во все международно-правовые процедуры по мирному урегулированию, постконфликтному восстановлению и реконструкции. Все соответствующие субъекты международных правоотношений, в силу логики права, призваны соблюдать применимые к ним

международные обязательства, касающиеся детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами. Вопрос о положении детей в вооруженных конфликтах по своей международно-правовой значимости в параметрах неотъемлемости существа миропорядка на основе верховенства права предписывает юридическую востребованность государств и правительств стран-членов мирового сообщества в полной мере сотрудничать с миротворческими силами Организации Объединенных Наций и страновыми группами Организации Объединенных Наций в деле выполнения установленных на этот счет международных обязательств и контроля за их исполнением. Позитив права, как он представлен в таких нормоустанавливающих актах современного международного права, как Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., прямо предписывает юридическое обязательство прямого действия государств-членов системы права ООН, организаций системы Организации Объединенных Наций, региональных и субрегиональных организации принять надлежащие меры по контролю за незаконной субрегиональной и трансграничной деятельностью, пагубной для детей, а именно:

- ◆ незаконная эксплуатация природных ресурсов;
- ◆ незаконная торговля стрелковым оружием;
- ◆ похищение детей и их вербовка в качестве солдат.

Весь корпус нарушений права и злоупотребления правом в отношении детей, находящихся в ситуациях вооруженного конфликта, по обстоятельствам их недопустимости с точки зрения применимых норм международного права подлежит быть исключаем как абсолютно не приемлемый для того высокого уровня права, как он представлен Конвенцией о правах ребенка 1989 г.; Факультативным протоколом о правах ребенка, касающемся участия детей в вооруженных конфликтах от 25 мая 2000 г.; Факультативным протоколом о правах ребенка, касающемся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г.; Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающемся процедуры сообщений 2012 г. Постановочно, в порядке своей международно-правовой включенности в систему современных международных правоотношений все государства-члены системы права ООН, организации системы Организации Объединенных Наций, международные финансовые учреждения позиционированы в режиме содействия раз-

витию и укреплению потенциала национальных учреждений и местных сетей гражданского общества по пропаганде, защите, реабилитации детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, с предметной целью обеспечения реализации на устойчивой основе местных инициатив по защите прав детей. Международно-правовая готовность мирового сообщества в лице Совета Безопасности ООН (как органа, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности — п. 1 ст. 24 Устава ООН) предпринимать последовательно (по обстоятельствам принятия Советом Безопасности резолюции 1612 (2005) от 26 июля 2005 г.) все предусмотренные международным правом меры для решения задачи защиты прав детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами, подтверждает в режиме объективной констатации целостность системы международного права прав человека.

Позиционирование современного миропорядка как миропорядка на основе верховенства права обозначено предметной готовностью государств – членов системы права ООН содействовать выполнимости целей и принципов Устава ООН в режиме реального юридического действия, Последовательная реализа-

ция целей и принципов Устава ООН на всем пространстве современного миропорядка обеспечивает в объективном порядке режим поступательного (позитивного с точки зрения права) развития действующей системы современных международных отношений.

Библиографический список/ Bibliographic list

1. Lauterpacht H. The development of international law by the International Court. L., 1958. P. 345.
2. Guggenheim P. Traite de droit international public. Geneve, 1954–1959. Vol. 1. P. 75–76; Vol. 2. P. 120.
3. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the ICJ // DYDIL. 1957. L., 1958. Vol. XXXIII. P. 230–231.
4. Waldock H. Decline of the Optional Clause // BYBIL. 1956. L., 1957. Vol. XXXII. P. 250–254.
5. Rosenne Sh. The International Court of Justice. Leiden, 1957. P. 315–318.
6. Maus B. Les Reserves dans les declarations d'acceptation de la juridiction obligatoire de la CIJ. Geneve. P. 59–62.
7. Rousseau Ch. Droit international public approfondi. P., 1958. P. 46.
8. Hudson M. Twenty-fourth year of the World Court // AJIL. 1946. Vol. 40. P. 34.

Информация об авторах

В. В. Богатырев — заведующий кафедрой «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор;

Р. А. Каламкарян — профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Information about the authors

V. V. Bogatyrev — Head of the Department «International Law and Foreign Economic Activity» of the Law Institute named after M. M. Speransky of the Vladimir State university named after A. G. and N. G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor;

R. A. Kalamkaryan — Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Professor of the Department «International Law and Foreign Economic Activity» of the Law Institute named after M. M. Speransky of the Vladimir State university named after A. G. and N. G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-49-53>

НИОН: 2003-0059-5/22-415

MOSURED: 77/27-003-2022-05-614

Хозяйственная деятельность Банка России в рамках национальной платежной системы

Георгий Мангулиевич Бутбая

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт социальных наук», Москва, Россия,
advokat979@gmail.com

Аннотация. Описаны основные виды хозяйственной деятельности Центрального банка Российской Федерации (Банка России) в рамках национальной платежной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации (Банк России), национальная платежная система, хозяйственная деятельность, финансовый рынок, имущество, доходы Банка России

Для цитирования: Бутбая Г. М. Хозяйственная деятельность Банка России в рамках национальной платежной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 49–53. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-49-53>.

Original article

Business activities of the Bank of Russia within the framework of the national payment system

Georgy M. Butbaya

Autonomous Non-profit organization of Higher Education «Institute of Social Sciences», Moscow, Russia,
advokat979@gmail.com

Abstract. The main types of economic activity of the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) within the National Payment System of the Russian Federation are described.

Keywords: Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), national payment system, economic activity, financial market, property, income of the Bank of Russia

For citation: Butbaya G. M. Business activities of the Bank of Russia within the framework of the national payment system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):49–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-49-53>.

В процессе построения Национальной платежной системы, начиная с 2011 г., Банк России получил и сконцентрировал у себя множество регуляторных полномочий в области управления финансовым рынком. Это обстоятельство позволило говорить о Банке России не только как об органе регулирования строго банковской системы, но и рассматривать его в качестве «мегарегулятора» в области всего финансового рынка, имеющего полномочия в области страхового рынка, рынка ценных бумаг и защиты прав потребителей финансовых услуг. И хотя административным функциям Банка России традиционно много уделяется внимания и в научной литературе и в различного рода исследованиях, в описании функций Банка России в его ином статусе (а именно — как хозяйствующего участника финансового рынка) наблюдается явный дисбаланс.

Правовой и функциональный статус Банка России урегулирован на нормативном уровне исключительно подробно. Основы статуса и полномочий Банка России изначально заложены в Конституции Российской Федерации: ст. 75 Конституции Российской Федерации определено исключительное право Банка России на осуществление денежной эмиссии и определена основная его функция — защита и обеспечение устойчивости рубля. Другим ключевым актом является также Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». И с началом формирования в России Национальной платежной системы важная часть полномочий Банка России получила отражение в Федеральном законе «О национальной платежной системе».

Не останавливаясь на административных полномочиях Банка России, отметим несколько ключе-

© Бутбая Г. М., 2022

вых для характеристики его деятельности как хозяйствующего участника рынка обстоятельств:

◆ свои функции Банк России осуществляет независимо от других органов государственной власти;

◆ государство не отвечает по обязательствам Банка России, а Банк России — по обязательствам государства, если они не приняты на себя такие обязательства или если иное не предусмотрено федеральными законами;

◆ Банк России осуществляет свои расходы за счет собственных доходов;

◆ часть законодательно предусмотренных функций Банка России (таких как кредитование или предоставление услуг по передаче финансовых сообщений) являются возмездными;

◆ прибыль Банка России определяется как разница между суммой доходов от предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе настоящим Федеральным законом, банковских операций и сделок, доходов от участия в капиталах организаций и иных доходов от деятельности Банка России и суммой расходов, связанных с осуществлением Банком России своих функций, в том числе расходов, связанных с обеспечением деятельности Банка России, его организаций и служащих;

◆ получение прибыли не является целью деятельности Банка России.

Из содержания ст. 4 и 11 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — ФЗОБР) представляется возможным сделать вывод о том, что доходная деятельность Банка России («хозяйственная» как мы будем называть в нашей статье и по сути, отличающаяся от административной деятельности Банка России по управлению финансовой системой именно фактором получения прибыли) может быть разделена в два направления:

1) деятельность Банка России по осуществлению банковских операций и сделок;

2) деятельность Банка России при участии в капиталах организаций.

Статья 46 ФЗОБР предусматривает, что Банк России имеет право осуществлять банковские операции и сделки с российскими и иностранными кредитными организациями, Правительством Российской Федерации, Агентством по страхованию вкладов для достижения собственных целей. Перечень этих операций, допустимых для Банка России, также

определен законом и согласно раскрываемой отчетности Банка России, его доход от таких операций (в разрезе процентного дохода) в 2020 г. составил 292,9 млн руб. [3].

Самыми значимыми случаями, когда Банк России получает доход от участия в капиталах кредитных организаций, следует, вероятно, считать случаи владения регулятором капиталом ПАО Сбербанк, банка Открытие, АО НСПК и Московской биржи. Доход от этого направления в 2020 г. составил 5496 млн руб., а фактический доход (с учетом расчетов в рамках санационных процессов и расчетов с бюджетом) показали только два последних субъекта (2815 и 1850 млн руб. соответственно).

Упомянутые в ст. 4 ФЗОБР «иные доходы от деятельности» прямо не перечислены по тексту актов, регулирующих деятельность Банка России, но полагаем, что для целей настоящей статьи будет целесообразно относить к ним следующие источники доходов:

◆ доходы от управления активами в иностранных валютах и золоте (которые по существу являются не только банковской операцией по кредитованию, но и размещением средств, где Банк России выступает в качестве клиента, ориентирующегося на оптимальное сочетание сохранности, ликвидности и доходности) [4].

Уже указанная ст. 46 ФЗОБР определяет, что Банк России вправе осуществлять банковские операции и иные сделки с международными организациями, иностранными центральными (национальными) банками и иными иностранными юридическими лицами при осуществлении деятельности по управлению активами Банка России в иностранной валюте и драгоценных металлах, включая золотовалютные резервы Банка России. Банк России также вправе открывать и вести корреспондентские счета иностранных центральных (национальных) банков в российских рублях, осуществлять переводы денежных средств по поручениям иностранных центральных (национальных) банков по их счетам;

◆ доходы от управления имуществом Банка России.

Годовым отчетом Банка России за 2020 г. к прочим доходам также отнесены плата за услуги, оказываемые Банком России своим клиентам, и доходы от реализации монет из драгоценных металлов, но с учетом того, что эти операции по своему существу сле-

дует относить к банковским операциям, то и доходы по ним следует относить к доходам, полученным Банком России от банковских операций и сделок.

Отметим, что это двойственное положение Банка России (как «мегарегулятора» и как субъекта предпринимательской деятельности на рынке, который он сам же и регулирует) было предметом обсуждений среди специалистов. Л. Г. Ефимова отмечает, что управленческая деятельность Банка России и его деятельность, приносящая прибыль, взаимосвязаны и получить прибыль Банк России может не только осуществляя банковские операции и сделки, но и реализуя государственно-властные полномочия [1, с. 139]. Некоторые исследователи (например, О. В. Тарасенко) подходят к определению статуса Банка России в его хозяйственной сущности через применение к нему роли кредитной организации, которая для достижения установленных целей имеет право осуществлять направленные на получение прибыли банковские операции и сделки, ограниченные по содержанию и кругу субъектов [2]. Однако, по нашему мнению, понимание Банка России как организации, действующей аналогично иным кредитным организациям, не является верным не только в силу его административных полномочий по отношению к иным субъектам, но и в силу его исключительной экономической самостоятельности не только перед иными участниками рынка, но и перед государством.

С момента появления в России Федерального закона «О национальной платежной системе» (далее — ФЗоНПС) двойственный характер статуса Банка России в финансовой системе страны не только не был устранен, но и определенным образом усилился и этому способствовали следующие причины: ФЗоНПС прямо назвал Банк России регулятором Национальной платежной системы (Центральный банк Российской Федерации (Банк России) в пределах своих полномочий ... может принимать нормативные акты в целях регулирования отношений в национальной платежной системе) (ч. 3 ст. 2 ФЗоНПС), одновременно определив его в качестве оператора по переводу денежных средств и в качестве единственного владельца оператора национальной системы платежных карт, входящей в состав Национальной платежной системы. И вследствие этого Банк России получил прямую возможность осуществлять хозяйственную деятельность на всех уровнях существования НПС:

♦ как администратор тарифного регулирования операций в Национальной платежной системе, владеющий (и получающий прибыль) от деятельности АО НСПК.

В этой части можно отметить не только то, что Банк России одновременно владеет и двумя крупными кредитными организациями и оператором национальной системы платежных карт, но и полномочия Банка России, предусмотренные ст. 18 ФЗоБР по установлению максимальных значений размера платы, взимаемой кредитными организациями со своих клиентов по заключаемым с ними в соответствии с Федеральным законом «О национальной платежной системе» договорам о приеме электронных средств платежа.

В настоящее время, в связи с приостановлением деятельности международных платежных систем в России, обслуживание всех расчетных операций в рамках Национальной платежной системы (эмиссии, эквайринга, организации информационного обмена и т. д.) приобрело особенное значение и доля доходов Банка России от этого направления должна возрасти;

♦ как субъект Национальной платежной системы, оказывающий услуги остальным ее субъектам.

В этом статусе Банк России выступает как:

- а) оператор платежной системы Банка России;
- б) в качестве оператора услуг платежной инфраструктуры;

В платежной системе Банка России Банк России оказывает услуги по переводу денежных средств и информационные услуги, а также услуги по изготовлению на бумажном носителе копий электронных сообщений, содержащих распоряжения клиентов.

Информационные услуги Банка России включают в себя направление Банком России информации по запросу клиента, направление через Банк России клиентом информации, связанной с переводом денежных средств, другой информации с использованием электронных сообщений, инкассовых поручений, платежных требований в электронном виде; составление и направление Банком России по поручению клиента инкассовых поручений, платежных требований в электронном виде.

В декабре 2015 г. Банк России запустил сервис по передаче финансовых сообщений (СПФС), который является российским аналогом системы SWIFT. СПФС является системой обмена электронными со-

общениями между участниками расчетов, регулируемой в замкнутом программном и информационном контуре Российской Федерации, по правилам, установленным актами Банка России. Подключение к СПФС позволяет минимизировать зависимость от системы SWIFT, что является важным фактором снижения последствий экономических ограничений, принимаемых в отношении российского финансового рынка со стороны США и стран Европейского Союза. И хотя на данный момент количество участников СПФС невелико (около 350 из них 38 международных), уверены, что в сложившейся ситуации СПФС получит значительное развитие.

В соответствии со ст. 16 ФЗоНПС Банк России вправе:

- ◆ совмещать функции операционного центра, платежного клирингового центра и расчетного центра;

- ◆ совмещать функции оператора услуг платежной инфраструктуры и оператора платежной системы.

Эта конструкция позволяет Банку России одновременно оказывать услуги по переводу денежных средств и обеспечивать их исполнение, т. е. обеспечивать инфраструктурный механизм национальной платежной системы, не привлекая других операторов услуг платежной инфраструктуры.

По мнению многих исследователей, с учетом имеющихся у Банка России технологических, организационных и финансовых возможностей, Банку России практически невозможно составить конкуренцию в этом сегменте рынка, а предусмотренный ФЗоБР тезис о том, что Банк России не отвечает по обязательствам государства (и наоборот) дают ему и определенные защиты и свободу при любых действиях.

Одновременно Банк России совмещает статус центрального платежного клирингового контрагента и расчетного центра платежной системы «МИР». На основании заключенных договоров с АО НСПК, как оператором платежной системы «МИР», Банк России выполняет ряд важных функций:

- ◆ обеспечивает достаточность средств, необходимых для исполнения обязательств участников расчетов;

- ◆ осуществляет контроль за рисками неисполнения (ненадлежащего исполнения) участниками платежной системы своих обязательств по обеспечению наличия на счетах участников достаточных средств для осуществления расчетов;

- ◆ определяет порядок и условия открытия и ведения счетов участников расчетов, а также пользоваться иными правами, предусмотренными Правилами платежной системы, заключенными договорами с субъектами платежной системы, законодательством Российской Федерации;

- ◆ осуществляет контроль за рисками неисполнения (ненадлежащего исполнения) участниками своих обязательств по переводу денежных средств;

- ◆ обеспечивает сохранение банковской тайны, защиту информации о средствах и методах обеспечения информационной безопасности, персональных данных и иной информации, подлежащей обязательной защите;

- ◆ как оператор по переводу денежных средств, действующий в рамках Национальной платежной системы.

Функции оператора по переводу денежных средств Банк России вправе оказывать как в платежной системе Банка России, так и в другой платежной системе на основании договора с оператором платежной системы.

К числу банковских операций, которые вправе осуществлять Банк России в качестве оператора по переводу денежных средств, относятся:

- ◆ открытие и ведение корреспондентских счетов иностранных центральных (национальных) банков в российских рублях;

- ◆ услуги по переводу денежных средств;

- ◆ услуги по осуществлению переводов денежных средств по поручениям иностранных центральных (национальных) банков по их счетам.

Услуги по переводу денежных средств включают прием к исполнению (составление) распоряжения о переводе денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов и исполнение распоряжения. В состав услуг по переводу денежных средств также включается перевод денежных средств со счетов по кассовому обслуживанию.

В качестве оператора по переводу денежных средств в платежной системе Банк России:

- ◆ открывает и ведет банковские счета участникам системы банковских электронных срочных платежей (системы БЭСП);

- ◆ осуществляет переводы денежных средств по банковским счетам;

- ◆ предоставляет внутрисрочные кредиты и кредиты овернайт.

И ФзиБР и ФЗоНПС определяет, что указанные направления хозяйственной деятельности Банка России осуществляются им на основании договоров, заключаемых с участниками Национальной платежной системы либо на свободной основе, либо в случаях (и по форме), предусмотренных законодательством и/или правилами соответствующей платежной системы. Законодательством предусмотрены специальные исключения, когда Банк России не вправе взимать вознаграждение, однако, такие случаи являются скорее исключением, чем правилом.

В заключение сделаем некоторые выводы.

1. Хозяйственная деятельность Банка России является необходимым условием для реализации функций Банка России, поскольку именно она позволяет Банку России получить доход для комплексного обеспечения его деятельности.

2. Хозяйственная деятельность Банка России не ограничена его статусом «мегарегулятора» финансового рынка Российской Федерации и проявляется на всех уровнях Национальной платежной системы.

3. Статус Банка России при осуществлении им действий в качестве хозяйствующего субъекта Национальной платежной системы не является аналогичным статусу иных хозяйствующих субъектов Национальной платежной системы. Хотя Банк России и имеет возможность действовать аналогично иным участникам рынка, его регуляторный функционал дает ему очевидные привилегии, что в конечном итоге может привести к конфликту интересов и ограничению конкуренции.

4. Оптимальным разрешением сложившейся ситуации является либо дальнейшее нормативное ограничение хозяйственной деятельности Банка России, либо создание на финансовом рынке механизмов, позволяющих нивелировать его статус. Такими механизмами могли бы быть либо ограничения по процентным доходам Банка России либо увеличение доли процессов саморегулирования участников финансового рынка.

Список источников

1. Ефимова Л. Г. Банковское право. Т. 1. Банковская система Российской Федерации. М., 2010.
2. Тарасенко О. А. Предпринимательская деятельность субъектов банковской системы России (правовой аспект): дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2014.
3. Годовой отчет Банка России за 2021 г.
4. Обзор деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте. 2022. № 1 (61) // URL://https://www.cbr.ru/oper_br/

References

1. Efimova L. G. Banking law. Vol. 1. Banking system of the Russian Federation. M., 2010.
2. Tarasenko O. A. Entrepreneurial activity of subjects of the banking system of Russia (legal aspect): diss. ... doct. jurid. M., 2014.
3. Annual Report of the Bank of Russia for 2021.
4. Overview of the activities of the Bank of Russia on asset management in foreign currencies and gold. 2022. № 1 (61) // URL://https://www.cbr.ru/oper_br/

Информация об авторе

Г. М. Бутбая — соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

G. M. Butbaya — Applicant of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-54-60>

ИПОН: 2003-0059-5/22-416

MOSURED: 77/27-003-2022-05-615

Противодействие новым вызовам экстремистской деятельности с использованием информационно-сетевых технологий на уровне трансграничных экстремистских сообществ

Василий Васильевич Бычков¹, Владимир Антонович Прорвич²

^{1,2} Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

¹ bychkov_vasilij@bk.ru

² kse60@mail.ru

Аннотация. После начала специальной операции по демилитаризации и денацификации Украины, в информационной среде появилось множество документов и иной информации экстремистского характера, в том числе крайней формы экстремизма — общественно опасных деяний террористического характера, включая призывы к выступлениям против законной государственной власти. С точки зрения обеспечения надлежащей уголовно-правовой защиты граждан, общества и государства в целом, рассматривается ряд проблем, связанных с дифференциацией выявленных по результатам оперативно-разыскных мероприятий признаков преступлений экстремистской направленности и иного характера, а также их совокупностей. Рассмотрены особенности алгоритмов обработки интенсивных потоков электронных документов и иной информации в режиме реального времени, позволяющих контролировать сохранение правового статуса промежуточных и итоговых результатов обработки электронной документации при их практической реализации в рамках интерактивных экспертных систем оперативных сотрудников.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, экстремистские сообщества, электронные документы, информационные технологии, оперативно-разыскные мероприятия, алгоритмы обработки документированной информации

Для цитирования: Бычков В. В., Прорвич В. А. Противодействие новым вызовам экстремистской деятельности с использованием информационно-сетевых технологий на уровне трансграничных экстремистских сообществ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 54–60. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-54-60>.

Original article

Countering new challenges of extremist activity using information and network technologies at the level of cross-border extremist communities

Vasily V. Bychkov¹, Vladimir A. Prorvich²

^{1,2} Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ bychkov_vasilij@bk.ru

² kse60@mail.ru

Abstract. After the start of the special operation for the demilitarization and denazification of Ukraine, a lot of documents and other information of an extremist nature appeared in the information environment, including extreme forms of extremism — socially dangerous acts of a terrorist nature, including calls for demonstrations against the legitimate state authorities. From the point of view of ensuring adequate criminal legal protection of citizens, society and the state as a whole, a number of problems are considered related to the differentiation of signs of extremist and other crimes identified by the results of operational-search measures, as well as their totalities. The features of algorithms for processing intensive flows of electronic documents and other information in real time, allowing to control the preservation of the legal status of intermediate and final results of processing electronic documentation in their practical implementation within the framework of interactive expert systems of operational employees, are considered.

Keywords: extremism, extremist crimes, extremist communities, electronic documents, information technologies, operational-search measures, algorithms for processing documented information

For citation: Bychkov V. V., Prorvich V. A. Countering new challenges of extremist activity using information and network technologies at the level of cross-border extremist communities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):54–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-54-60>.

С началом специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины в мировой прессе началась беспрецедентная кампания с призывами экстремистского характера не только против России как государства, против руководства страны, но и против каждого русского. При этом

© Бычков В. В., Прорвич В. А., 2022

публикации экстремистского характера адресуются не только гражданам России, но и гениальным представителям мировой культуры — Чайковскому, Достоевскому, Толстому и многим другим, исключительно из-за того, что они жили и творили в России. Анализ многих из подобных высказываний показывает, что они носят откровенно нацистский характер.

Многочисленные примеры таких экстремистских проявлений показывают, что данная кампания откровенно поощряется владельцами соответствующих сетевых компаний и сетевых изданий. При этом отмечается полное бездействие надзирающих органов США, Японии, Австралии и европейских государств, несмотря на явные нарушения их национального законодательства. Более того, руководители этих государств постоянно делают откровенно русофобские заявления, фактически призывая к совершению крупномасштабных преступлений экстремистского и террористического характера. К примеру, премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий 30 марта 2022 г. сделал заявление о том, что русофобия стала уже европейским мейнстримом [11]; т. е., распространение нацистской и фашистской идеологии посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета, стало государственной политикой руководства этих государств [5].

Особенности выявления признаков преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием Интернета, в частности, предусмотренных ст. 280–282 УК РФ, уже рассматривались в ряде наших предыдущих работ [4; 3]. Надлежащее применение соответствующих научно обоснованных криминалистических методик и высокотехнологичного инструментария предопределяет и повышение эффективности следственных действий по раскрытию и расследованию преступлений данного вида.

Вместе с тем, быстро развивающаяся в негативном плане деятельность экстремистских сообществ, направляемых и поддерживаемых руководством западных государств, требует срочной разработки и принятия ряда дополнительных мер. Среди них на одно из первых мест выходят такие проблемы, как идентификация признаков экстремистской деятельности экстремистских сообществ, а также выявление признаков терроризма в деятельности отдельных членов таких формирований [7]. Особую сложность представляет выявление признаков такой деятельности после запрета деятельности в России определенных

сетевых компаний типа Мета, а также входящих в нее социальных сетей: Твиттер, Фэйсбук, Инстаграм и ряда других, с помощью более сложных информационно-сетевых технологий, нацеленных на поиск обходных путей для внедрения экстремистских материалов в действующие российские социальные сети.

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что в уголовном праве выделяется несколько видов подобной организованной преступной деятельности. Прежде всего, речь идет о ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». Законодатель отнес данные преступления к особо тяжким, а в качестве обязательных признаков состава данных преступлений предусмотрел совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Применительно к преступлениям экстремистской направленности законодатель предусмотрел преступления, связанные с организацией экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организацией деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), которые отнесены к тяжким преступлениям. Здесь важно обратить внимание на оговорку в ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, исключаящую из состава преступлений данного вида организации, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими.

Однако, как уже отмечалось выше, многие из экстремистских проявлений, характерных для самого последнего времени, граничат или даже прямо переходят в призывы к приготовлению террористической деятельности, причем многие из них также носят организованный характер на государственном и межгосударственном уровне. Беспрецедентными в этом отношении являются заявления президента США Байдена на встрече с его союзниками 28 марта 2022 г. и последующие за этим его же публичные разъяснения 29 марта, связанные со свержением государственной власти и личные выпады в адрес Президента России Владимира Путина [12; 13]. Эти преступные призывы были поддержаны и даже развиты со ссылками на исторические примеры многими государственными деятелями западных стран.

В этой связи необходимо обратить внимание на те признаки преступлений, которые предусмотрены ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное

удержание власти», ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж», ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма», которые отнесены законодателем к особо тяжким преступлениям, а в качестве меры наказания по некоторым из них предусмотрено даже пожизненное лишение свободы либо смертная казнь.

Нельзя забывать также о ряде признаков «смежных» с перечисленными выше деяниями преступлений, которые предусмотрены ст. 205 УК РФ «Террористический акт», ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», ч. 2 ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети Интернет. При этом важно также учитывать и возможности выявления в ставших аномально интенсивными потоках информации в информационно-телекоммуникационных сетях признаков таких преступлений, которые предусмотрены ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем», а также ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации».

Кроме того, в соответствии со ст. 30 УК РФ «Приготовление к преступлению и покушение на преступление» уголовная ответственность предусмотрена не только за оконченные преступления рассматриваемого вида, но и за приготовление к ним, поскольку они являются тяжкими и особо тяжкими; т. е., подобные преступные призывы, в том числе, распространяемые с помощью социальных сетей, а также иных средств информационно-сетевых коммуникаций, не должны оставаться без внимания правоохранительных органов.

Особая роль в выявлении признаков перечисленных выше преступлений экстремистского и террористического характера принадлежит органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. При этом становится особенно важным оснащение сотрудников, занимающихся конкретными оперативно-разыскными мероприятиями (далее — ОРМ), научно обоснованным и выверенным с правовой точки зрения инструментарием, позволяющим обрабатывать высокоинтенсивные потоки электронной информации в режиме реального времени, и

выявлять все признаки рассматриваемых преступлений [8].

Безусловно, обрабатывать такие потоки информации вручную невозможно, как и использовать для этого достаточно простые компьютерные программы, даже хорошо зарекомендовавшие себя в предшествующие годы. Из-за резко изменившегося характера криминальных проявлений система критериев для выявления признаков экстремизма, заложенных в такие программы, нуждается в существенном обновлении. Вполне очевидно, что возникает необходимость применения для этого элементов искусственного интеллекта, особенности которого также уже обсуждалась в наших публикациях [1; 2].

Однако из-за резкого изменения характера криминальных проявлений в информации, распространяемой в сетевом пространстве, в сторону повышения ее агрессивности, основанной на откровенной лжи и злобной клевете, речь идет уже о выявлении признаков не двух-трех составов преступлений, а более чем двух десятков составов преступлений. Тем более что развязанная западными странами информационная война сопровождается экономической войной, разрушившей уже сами основы современной рыночной экономики — неприкосновенность частной собственности.

В результате во многих случаях уже приходится сталкиваться с различными совокупностями преступлений: экстремистских и террористических, экстремистских и экономических, и т. п. Соответственно, количество возможных признаков составов преступлений, которые должны выявить сотрудники, выполняющие проблемно-ориентированные ОРМ при анализе интенсивных потоков электронной информации в сетевом пространстве, становится настолько большим, что без нового инструментария их надлежащее обнаружение и фиксация становятся просто невозможными. Кроме того, из-за достаточно высокой степени сходства перечисленных выше и иных преступлений рассматриваемого вида, возникает высокий уровень рисков юридических ошибок при идентификации состава определенного преступления и его «отграничения» от другого, «смежного» и весьма схожего по своим признакам преступления. Еще сложнее надлежащим образом выявить и зафиксировать признаки составов определенных совокупностей преступлений рассматриваемого вида.

Проведенные исследования показали, что одной из наиболее серьезных проблем, требующих первоочередного внимания и поиска научно обоснованных решений, является бланкетный, ссылочный и смешанный характер уголовно-правовых норм, сформулированных законодателем для криминализации соответствующих деяний. К примеру, в диспозиции ст. 205.4 УК РФ даны ссылки на ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, а в ст. 205.5 УК РФ указано, что речь идет об «организации деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической».

Таким образом, для раскрытия особенностей диспозиций соответствующих уголовно-правовых норм и формирования развернутой и однозначно определенной уголовно-правовой характеристики преступлений рассматриваемого вида необходимо применение многочисленных положений не только уголовного, но и гражданского и специального законодательства. При этом речь идет не только и не столько об определенных проблемах юридического и информационно-технологического характера. Не менее, если не более, важно организовать при этом надлежащий контроль за тем, чтобы при раскрытии диспозиций соответствующих уголовно-правовых норм не выйти за рамки уголовного права. Это особенно актуально при обеспечении надлежащей идентификации признаков определенных совокупностей преступлений, которые рассматривались выше.

Понятно, что оставлять сотрудников, выполняющих конкретные ОРМ по выявлению и фиксации признаков преступлений рассматриваемого вида, один на один с данными проблемами нельзя. В противном случае придется столкнуться с высоким уровнем рисков юридических ошибок, которые в современных условиях развернутой западом гибридной войны против России, в общем, и русских, в частности, недопустимы.

Поэтому обсуждаемые проблемы требуют не только повышенного внимания со стороны ученых, уже занимающихся их разработкой. Важно организовать комплексную, системную разработку данных проблем, нацеленную на создание в кратчайшие сроки высокотехнологичного инструментария, позволяющего оперативно выявлять и фиксировать признаки преступлений рассматриваемого вида и их совокупностей при обработке электронной докумен-

тации в режиме реального времени. Здесь возможно использование и проблемно-ориентированных информационных технологий с элементами искусственного интеллекта.

Вместе с тем, при организации соответствующих научных исследований и разработок важно избегать ошибок, риски совершения которых далеко не всегда учитываются из-за своей «неочевидности». Как правило, разработкой соответствующих информационных технологий и компьютерных программ занимаются крупные компьютерные фирмы, обладающие штатом высококвалифицированных программистов. В последнее время многие руководители таких фирм публично заявляли о создании «компьютерной криминалистики» как точной науки, и даже о ее практическом применении для возмещения ущерба, причиненного компьютерными преступлениями, в размере десятков миллиардов рублей. Поэтому важно организовать рассматриваемые исследования и разработки таким образом, чтобы не допустить подмены компетенций, которыми государство наделило исключительно правоохранительные органы [9].

Анализ особенностей организации таких работ показывает, что особого внимания требуют научные исследования и разработки на уровне алгоритмов выполнения ОРМ, нацеленных на выявление и фиксацию признаков преступлений рассматриваемого вида. Необходимо подчеркнуть, что поскольку речь идет о выполнении ОРМ различного вида, которое регламентируется действующим законодательством, включающим не только положения УПК РФ, ряда федеральных законов, но и ведомственных нормативных актов, то разработку таких алгоритмов должны выполнять юристы высшей квалификации, обладающие необходимыми специальными знаниями и профессиональными компетенциями. Безусловно, что при этом консультационную помощь им могут оказывать и специалисты по информатике [6].

Подобные разработки «юридических» алгоритмов, позволяющих сформировать развернутые уголовно-правовые характеристики преступлений определенного вида, были описаны в недавно опубликованной монографии [10]. Соответствующие подходы возможно использовать и для раскрытия бланкетных, ссылочных и смешанных диспозиций уголовно-правовых норм при формировании развернутых уголовно-правовых характеристик преступлений экстремистской направленности, а также их совокупностей,

обозначенных выше. При этом фактически в короткие сроки может быть создан научный фундамент для таких исследований и разработок, который было предложено называть «правовой информатикой».

При всех особенностях организации описываемых исследований и разработок необходимо подчеркнуть главное. Научная основа соответствующих алгоритмов и информационных технологий должна создаваться исключительно юристами, без какого-либо вмешательства представителей компьютерных фирм. Только после того, как разработанные алгоритмы будут юридически выверены с участием представителей всех наук уголовно-правового блока, они могут быть сориентированы на надлежащее информационно-технологическое обеспечение всего комплекса ОРМ.

Кроме того, с учетом специфики ОРМ по преступлениям рассматриваемого вида, разрабатываемые алгоритмы должны быть нацелены не только на выявление и фиксацию «первичных» признаков данных преступлений. Во многих случаях оказывается необходимость дополнительного «просеивания» сведений в электронных документах для обнаружения определенных совокупностей таких признаков, а также более детального анализа подозрительных сведений; т. е., речь идет о разработке алгоритмов своеобразного «юридического трансфокатора», позволяющего как осуществлять более детальную обработку электронных документов для выявления в них определенных совокупностей признаков преступлений, так и выполнять более широкий обзор таких документов, в которых также могут быть обнаружены признаки тех же преступлений, но рассеянные по различным документам.

Важно также обратить внимание на необходимость неоднократной повторной обработки определенных групп электронных документов оперативными сотрудниками, чтобы надлежащим образом выявить и зафиксировать признаки преступлений как в отдельных документах, так и в их определенных совокупностях. Для этого соответствующие информационные технологии и программные средства, создаваемые на основе разрабатываемых «юридических» алгоритмов, должны обеспечивать возможность работы оперативных сотрудников с электронной документацией в интерактивном режиме; т. е., оперативный сотрудник в рамках диалога со своим компьютером, оснащенный данным программным обеспечением,

сможет осуществлять необходимые действия по детализации получаемых сведений и уточнению предварительно формируемых выводов.

Еще одной функцией соответствующих интерактивных экспертных систем для выполнения ОРМ, связанным с обработкой электронной информации для выявления и фиксации признаков преступлений рассматриваемого вида, должен стать контроль за сохранением правового статуса промежуточных и итоговых результатов обработки электронных документов. Для этого в рамках диалога необходимо предусмотреть возможности осуществления контроля оперативным сотрудником соответствующих промежуточных и итоговых результатов на основе специально разработанной системы критериев. Кроме этого, необходимо предоставить ему право электронной подписи, чтобы заверить те результаты, которые прошли надлежащую проверку.

При практической реализации соответствующих информационных технологий в виде интерактивных экспертных систем оперативных сотрудников важно также обратить внимание и на те новые положения действующего законодательства, которые связаны с введением цифровых прав. Законодатель связал их с правилами определенных информационных систем, установленных обладателями этих систем. При этом правовой статус этих информационных систем, их обладателей и установленных ими правил не раскрыт в необходимой для правоприменения степени.

Соответственно, для практической реализации разрабатываемых информационных технологий возможно также провести ряд исследований по разработке проектов нормативных документов ведомственного уровня, обеспечивающих возможность контроля правового статуса тех информационных систем, в которых были обнаружены электронные документы либо иная информация, имеющая признаки преступлений экстремистского характера. Это позволит также упростить установление личности обладателя соответствующей информационной системы и выявить особенности установленных им правил. При этом возможно также выявить его отношение к содержанию той информации, для создания, хранения или распространения которой и была использована контролируемая им информационная система.

Приглашаем заинтересованных специалистов к обсуждению и дальнейшей разработке обсуждаемых проблем и способов их решения.

Список источников

1. Бычков В. В., Прорвич В. А. Искусственный интеллект в борьбе с экстремизмом // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 4. С. 9–18.
2. Бычков В. В., Прорвич В. А. Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4. С. 47–52.
3. Бычков В. В., Прорвич В. А. Особенности организационного и научно-методического обеспечения оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений экстремистского характера, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 149–155.
4. Бычков В. В., Прорвич В. А. Особенности формирования алгоритмов выявления, раскрытия и расследования «высокотехнологичных» преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием сети «Интернет» // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 7. № 1. С. 1–8.
5. Бычков В. В., Прорвич В. А. Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и их решение // Российский следователь. 2021. № 2. С. 3–6.
6. Бычков В. В., Прорвич В. А. Алгоритмы взаимодействия следователей с искусственным интеллектом в ходе раскрытия и расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием Интернета // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2(29). С. 92–97.
7. Бычков В. В., Харченко С. В. Некоторые вопросы деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия информационной активности участников террористических и экстремистских действий // Военное право. 2021. № 3(67). С. 9–16.
8. Бычков В. В., Харченко С. В. О некоторых проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования.

В 2 т. Т. 1(2). Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. С. 49–57.

9. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: моногр. М. : Экономика, 2020.

10. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты): моногр. М. : Экономика, 2019.

11. Русофобия стала мейнстримом, заявил польский премьер Матеуш Моравецкий // URL://https://www.1tv.ru/news/2022-03-30.

12. В Кремле ответили на заявление Байдена о смене власти в России // URL://https://iz.ru/1311571/2022-03-28.

13. Президент США Джо Байден пожаловался на то, что его неверно понимают // URL://https://www.1tv.ru/news/2022-03-29.

References

1. Bychkov V. V., Prorvich V. A. Artificial intelligence in the fight against extremism // Russian Journal of Legal Studies. 2020. Vol. 7. No. 4. P. 9–18.
2. Bychkov V. V., Prorvich V. A. Artificial intelligence as a means of countering extremist crimes committed using information and telecommunication networks, including the Internet // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. No. 4. P. 47–52.
3. Bychkov V. V., Prorvich V. A. Features of organizational and scientific and methodological support of operational investigative activities in the disclosure and investigation of extremist crimes committed using information and telecommunication networks, including the Internet // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 149–155.
4. Bychkov V. V., Prorvich V. A. Features of the formation of algorithms for the identification, disclosure and investigation of «high-tech» extremist crimes committed using the Internet // Russian Journal of Legal Research. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 1–8.
5. Bychkov V. V., Prorvich V. A. Problems of detection, disclosure and investigation of extremist crimes committed using the Internet information and telecommunications network, and their solution // Russian Investigator. 2021. No. 2. P. 3–6.

6. Bychkov V. V., Prorvich V. A. Algorithms of interaction of investigators with artificial intelligence in the course of disclosure and investigation of extremist crimes committed using the Internet // Law and order: history, theory, practice. 2021. No. 2(29). P. 92–97.

7. Bychkov V. V., Kharchenko S. V. Some issues of the activities of law enforcement agencies in the field of countering the information activity of participants in terrorist and extremist actions // Military law. 2021. No. 3(67). P. 9–16.

8. Bychkov V. V., Kharchenko S. V. On some problems of using the results of operational investigative activities in the disclosure and investigation of extremist crimes // Modern criminal procedural law — lessons of history and problems of further reform. In 2 t. t. 1(2). Orel : Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2020. P. 49–57.

9. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Computer criminalistics in the system of criminal legal protection of the «traditional» and digital economy: monogr. M. : Economics, 2020.

10. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Electronic legal proceedings on crimes in the field of economics (scientific and practical aspects): monogr. M. : Economics, 2019.

11. Russophobia has become mainstream, said Polish Prime Minister Mateusz Morawiecki // URL://<https://www.1tv.ru/news/2022-03-30>.

12. The Kremlin responded to Biden's statement about the change of power in Russia // URL://<https://iz.ru/1311571/2022-03-28>.

13. US President Joe Biden complained that he was misunderstood // URL://<https://www.1tv.ru/news/2022-03-29>.

Информация об авторах

В. В. Бычков — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Прорвич — профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор.

Information about the authors

V. V. Bychkov — Dean of the Faculty of Advanced Training of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Prorvich — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Technical Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья
УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-61-66>
ИПОН: 2003-0059-5/22-417
MOSURED: 77/27-003-2022-05-616

О некоторых аспектах усиления профилактики административных правонарушений (на примере Республики Беларусь)

Сергей Григорьевич Василевич

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, sergey.workmail.135@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы профилактики и предупреждения административных правонарушений. Необходимость усиления внимания к ним обусловлена нарастанием в последние годы количества административных правонарушений. Отмечается важность стимулирующей роли новых норм административно-деликтного и процессуально-исполнительного законодательства, при выполнении которых лицо не считается административно наказанным. Рассмотрены полномочия субъектов профилактики правонарушений. Акцентировано внимание на таких мерах профилактики, как мониторинг, правовое воспитание, экспертиза актов, разработка минимальных стандартов безопасности, программное и научное обеспечение деятельности по их предупреждению. Особый анализ сделан в отношении мер профилактики правонарушений в области нарушения правил дорожного движения.

Ключевые слова: профилактика, предупреждение правонарушений, административная ответственность

Для цитирования: Василевич С. Г. О некоторых аспектах усиления профилактики административных правонарушений (на примере Республики Беларусь) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 61–66. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-61-66>.

Original article

On some aspects of strengthening the prevention of administrative offences (by the example of the Republic of Belarus)

Sergey G. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, sergey.workmail.135@gmail.com

Abstract. The issues of prevention and prevention of administrative offenses are considered. The need to increase attention to them is due to the increase in the number of administrative offenses in recent years. The importance of the stimulating role of the new norms of administrative-tort and procedural-executive legislation, in the implementation of which a person is not considered administratively punished, is noted. The powers of subjects of crime prevention are considered. Attention is focused on such preventive measures as monitoring, legal education, examination of acts, development of minimum safety standards, software and scientific support for their prevention. A special analysis was made with regard to measures for the prevention of offenses in the field of traffic violations.

Keywords: prevention, prevention of offenses, administrative responsibility

For citation: Vasilevich S. G. On some aspects of strengthening the prevention of administrative offences (by the example of the Republic of Belarus). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):61–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-61-66>.

Среди общего количества деликтов, совершаемых ежегодно в Республике Беларусь, наибольшее число составляют административные правонарушения. Как следует из статистических данных, их количество в последние годы постоянно увеличивалось. Например, в 2008 г. было совершено 2,34 млн правонарушений, в 2009 г. — 2,82 млн, в 2010 г. — 2,92 млн, в 2011 г. — 3,1 млн, в 2012 и 2013 гг. произошло небольшое сокращение их числа и годовое количество правонарушений составило — 3,09 и 3,06 млн соответственно. Важно отметить, что в

2013 г. правонарушения, связанные с нарушением установленной максимальной скорости движения, начали фиксироваться в автоматическом режиме средствами фотофиксации. Из общего количества правонарушений, совершенных в 2013 г., 470 тыс. — нарушения установленной максимальной скорости движения. В 2014 г. количество совершенных правонарушений составило 3,27 млн (из них 1,13 млн — правонарушения против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта). В 2015 г. количество совершенных правонарушений составило

© Василевич С. Г., 2022

4,21 млн (из них 0,89 млн посредством фотофиксации). В 2016 г. их общее количество немного снизилось и составило 4,05 млн (из них 1,06 млн посредством фотофиксации). В 2017–2018 гг. снова отмечен рост общего количества правонарушений. Так, в 2017 г. было совершено 4,27 млн правонарушений (из них 1,54 млн посредством фотофиксации), за 2018 г. — 4,36 млн правонарушений (из них 1,71 млн посредством фотофиксации). За 2019 г. общее количество совершенных правонарушений по отношению к предыдущему году снизилось и составило 3,82 млн (из них 1,97 млн. посредством фотофиксации). В 2020 г. общее количество совершенных правонарушений по отношению к предыдущему году также снизилось и составило 2,34 млн (из них 1,31 млн посредством фотофиксации). Одной из причин снижения правонарушений, связанных с безопасностью дорожного движения и эксплуатации транспорта, могла послужить сложная социальная обстановка в обществе. В 2021 г. общее количество правонарушений по отношению к предыдущему году незначительно возросло и составило 2,43 млн (из них 1,61 млн посредством фотофиксации).

Из приведенной статистики можно сделать вывод о том, что в общей массе совершенных правонарушений значительное их количество приходится на нарушения установленной максимальной скорости движения.

Вместе с тем, для сравнения отметим, что в начале 1990-х гг. XX в. ежегодно совершалось около 2 млн административных правонарушений.

При этом обратим внимание на то, что общая численность населения нашей страны составляет около 9,4 млн человек, т. е. формально на каждого второго гражданина приходилось одно административное взыскание. Однако, если исходить из числа субъектов административной ответственности (для граждан — с 14 или 16 лет), то многие из них имели по несколько административных взысканий.

По этой причине в настоящее время приобретает особое значение профилактика. На это обращается внимание не только на практике, но и в литературе [1].

В связи с изложенным была осознана необходимость выработать комплекс мер, направленных на сокращение общего количества правонарушений, наметить пути профилактики, усилить стимулирующую роль норм административно-деликтного и процессуально-исполнительного законодательства, при

выполнении которых лицо не считается административно наказанным, устранить некоторые дефекты КоАП.

Отметим, что меры профилактики административных правонарушений способствуют не только их сокращению, но и уменьшению числа преступлений.

В литературе отмечается различие в содержании понятий «предупреждение» и «профилактика», отсутствие единого подхода к их пониманию. Особенно важно единое понимание терминов и категорий в юриспруденции. Указанные понятия близки, но не идентичны [2, с. 79].

В. Д. Малков считает профилактику составной частью предупреждения. Применительно к преступлениям он рассматривает предупреждение указанных деяний как устранение или нейтрализацию причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказание профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением [2, с. 80].

Мы солидарны с точкой зрения, высказанной в научной литературе, о том, что профилактику можно рассматривать как одну из наиболее объемных и важных частей работы, направленной на предупреждение правонарушений, а также на выявление и анализ причин и условий, способствовавших их совершению [3].

Среди основных мер профилактики преступлений выступают мониторинг, правовое воспитание, криминологическая экспертиза, разработка минимальных стандартов безопасности, программное и научное обеспечение деятельности по их предупреждению [2, с. 81].

По мнению М. Ю. Воронина, меры профилактики необходимо рассматривать в контексте с иными направлениями административной политики — определении задач и границ целевой профилактики [4].

В новом КоАП наиболее существенной новеллой стало именно определение профилактических мер воздействия на правонарушителей. Им посвящена гл. 5 КоАП. Согласно ст. 5.1 КоАП к лицу, совершившему административное правонарушение, в целях предупреждения совершения им новых административных правонарушений, могут применяться следующие профилактические меры воздействия: 1) устное замечание; 2) предупреждение; 3) меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних). Профилактические меры воздействия применяются в случаях, предусмотренных КоАП, при освобождении лица, совершившего ад-

министративное правонарушение, от административной ответственности. Важно, что в КоАП даны разъяснения сути профилактических мер. Так, устное замечание заключается в разъяснении физическому лицу противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения и предостережении о недопустимости противоправного поведения с его стороны (ст. 5.2 КоАП). Предупреждение состоит в письменном предостережении лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости противоправного поведения с его стороны и правовых последствиях повторного совершения данного административного правонарушения (ст. 5.3 КоАП). Меры воспитательного воздействия применяются к несовершеннолетним, совершившим административное правонарушение, в случаях, предусмотренных гл. 9 КоАП (ст. 5.4 КоАП).

Ключевая особенность профилактических мер воздействия — отсутствие правовых последствий привлечения к административной ответственности. Т. е. лицо, к которому применены профилактические меры воздействия, не будет считаться подвергшимся административному взысканию.

В отраслях права, которые связаны с деликтами, можно увидеть различие по объектам и субъектам правонарушений и применяемым к ним мерам. Совершенно справедливо отмечает Е. Г. Капустина, что профилактика предполагает тесное взаимодействие различных субъектов [5, с. 156].

В ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» перечислены субъекты профилактики правонарушений, к которым, в том числе, относятся органы внутренних дел Республики Беларусь; органы прокуратуры Республики Беларусь; органы государственной безопасности Республики Беларусь; органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; местные исполнительные и распорядительные органы; Министерство здравоохранения Республики Беларусь; государственные организации здравоохранения; Министерство образования Республики Беларусь; учреждения образования и др.

В соответствии со ст. 6 упомянутого Закона координация деятельности по профилактике правонарушений в пределах компетенции осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь и нижестоящими прокурорами территориальных и транс-

портных прокуратур, в том числе посредством организации работы координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией.

Субъекты профилактики правонарушений обладают широкими полномочиями. Так, в пределах своей компетенции они принимают участие в реализации государственной политики; выявляют причины и условия, способствующие совершению правонарушений, и принимают меры по их устранению; разрабатывают и проводят профилактические мероприятия; принимают участие в реализации комплексных планов по борьбе с преступностью и коррупцией и региональных комплексных планов по профилактике правонарушений; представляют в соответствии с законодательством информацию о проводимых и проведенных профилактических мероприятиях; размещают в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений информацию о формировании законопослушного поведения, здорового образа жизни, навыков по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан; проводят систематический мониторинг законодательства и вносят в установленном порядке предложения по его совершенствованию; осуществляют иные полномочия, предусмотренные законом и другими актами законодательства.

Таким образом, законодательство создает основу для эффективной профилактической работы. Важно дифференцировать меры, принимаемые в отношении профилактируемых лиц, вникая в каждую ситуацию, а не осуществлять общие профилактические мероприятия для всех.

Местные органы, как никто другой, должны знать положение дел на соответствующей территории и исходя из этого разрабатывать и принимать программы предупреждения и профилактики правонарушений. В свою очередь, вышестоящие органы на основе анализа информации, полученной от местных органов, должны вырабатывать предложения, направленные на совершенствование деятельности по профилактике правонарушений в масштабах республики и (или) отдельного региона, а также вносить предложения по совершенствованию законодательства.

Профилактика может приобрести новые качественные изменения благодаря широкому использованию информационных технологий, которые позволяют оперативно получать необходимые сведения, своевременно их анализировать и реагировать на возникшие проблемы.

Как уже было отражено выше, значительную долю составляют административные правонарушения, связанные с нарушением скоростного режима. Помимо ответственности водителей, можно было бы ввести в практику проводить их дополнительный инструктаж, демонстрировать им фильмы о последствиях аварий на дорогах из-за нарушений правил дорожного движения. Эти же действия было бы полезно осуществлять и в отношении будущих водителей перед выдачей им водительского удостоверения.

Кроме того, по мнению автора, целесообразно проанализировать существующие ограничения максимально допустимой скорости движения как в населенных пунктах, так и за их пределами. Полезно учитывать особенность дорожного покрытия, его качество, пропускную способность дорог, состояние инженерных и инфраструктурных сооружений, наличие дорожных развязок. По отдельности либо в совокупности указанные факторы могут стать причинами и условиями, способствовавшими возникновению дорожно-транспортных происшествий и, как следствие, совершению правонарушений.

На основе проведенного уполномоченными органами анализа целесообразно было бы принять решение о понижении либо о повышении установленной максимальной скорости движения на соответствующих участках дорог.

В западной практике дорожного движения есть примеры, когда полиция предъявляет претензии к водителю по причине того, что он движется с медленной скоростью, мешая общему потоку движения автомобилей. Аналогичным образом полезно было бы действовать и органам ГАИ МВД Республики Беларусь, не выходя за рамки своих полномочий.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что вопросы профилактики правонарушений значительно шире, чем просто привлечение к ответственности или освобождение от нее.

Сохраняется значительное число дорожно-транспортных происшествий по причине управления транспортными средствами лицами, находящимися в состоянии опьянения. Постоянно информация об этом

поступает из новостных передач. Дорожно-транспортные происшествия часто имеют тяжелые последствия, выражающиеся в гибели либо получении людьми травм. Результаты расследования отражают влияние алкоголя на водителей, включая их внимательность, восприятие ситуации на дороге, реакцию и контроль. Треть всех дорожно-транспортных происшествий в США со смертельным исходом происходят из-за алкогольного опьянения [6]. Аналогичная картина сложилась и в Китае, где около 34,1 % дорожно-транспортных происшествий были связаны с употреблением алкоголя [7].

Отмеченное актуализирует проблему неотвратимости наказания водителей за управление автомобилем в состоянии опьянения. В средствах массовой информации в последнее время часто звучат призывы к усилению ответственности за указанные действия. Одним из вариантов решения этой проблемы могла бы стать установка органом ГАИ либо по согласованию с ним, например, станцией, проводящей технический осмотр транспортных средств, на транспортное средство, которым пользуется правонарушитель, «алкозамка», не позволяющего запустить двигатель автомобиля, если водитель нетрезвый. Возможно полезно будет изучить систему, используемую каршеринговыми службами, при которой клиент не имеет возможности запустить двигатель автомобиля, не выразив согласие с условиями его аренды и не выбрав в мобильном приложении необходимый тарифный план.

Срок, на который будет установлен «алкозамок», необходимо предусмотреть в КоАП путем внесения соответствующих изменений и дополнений. Продолжительность этого срока можно приравнять к сроку лишения соответствующего права.

При этом с лица, привлеченного к ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, и по прошествии времени, на которое оно было лишено права, связанного с управлением транспортными средствами, полезно взять выраженное в письменной форме обязательство пользоваться исключительно транспортным средством с «алкозамком». Расходы по установке и по демонтажу «алкозамка» необходимо возложить на правонарушителя.

Соответствующий алгоритм необходимо продумать дополнительно с участием компетентных органов.

Применение такой уголовно-правовой меры, как конфискация транспортного средства за управление им в состоянии опьянения, допускается лишь за повторное в течение года после наложения административного взыскания совершение аналогичного правонарушения. Поэтому, на наш взгляд, компетентные органы (государственная инспекция безопасности дорожного движения, ГАИ или суд) при выявлении первого случая управления транспортом в состоянии опьянения обязаны информировать его собственника (владельца) о факте совершенного правонарушения.

Это позволит собственнику принимать взвешенное решение о передаче в пользование автомобиля другому лицу. В этих же целях следует предусмотреть право гражданина получать соответствующую информацию в органах внутренних дел в отношении лица, которому планируется передать автомобиль в управление [8, 223–226]. В этих случаях в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении считаем обязательным вручение виновному лицу официального предупреждения о возможной конфискации транспортного средства при повторном в течение года совершении аналогичного правонарушения.

Что касается профилактической работы среди несовершеннолетних, то в Республике Беларусь эта работа поставлена на хорошем уровне. Принят и действует ряд нормативных правовых актов, нацеленных на эту работу, в том числе Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» и др. Отметим, что в значительной мере благодаря вышеуказанному Декрету удалось консолидировать усилия большого числа органов (внутренних дел, образования, по труду и социальной защите, судебных) для профилактической работы с несовершеннолетними. Это содействовало укреплению законности и правопорядка. Вместе с тем, эта работа должна быть продолжена, в том числе с усилением позитивного воздействия комиссий по делам несовершеннолетних, организаций, обеспечивающих досуг молодежи и детей.

Согласимся с позицией авторов, что первостепенное значение для формирования у несовершеннолетних законопослушного поведения имеет семья.

Особое внимание должно уделяться семьям, находящимся в состоянии кризиса [9, с. 185].

Реализация высказанных в данной статье идей может позитивно повлиять на сокращение указанной категории правонарушений.

В свою очередь, объединение усилий субъектов профилактики, анализ причин и условий совершения правонарушений, дифференцированный подход к каждой ситуации позволит решить задачи, которые стоят в действующем КоАП.

Список источников

1. Коляго В. В. Административно-правовое регулирование профилактики правонарушений в Республике Беларусь // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 239–242.
2. Малков В. Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 25 (711). С. 79–88.
3. Раскина Т. В. Прокуратура в системе профилактики правонарушений // Юридические исследования. 2018. № 1. С. 53–60 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/prokuratura-v-sisteme-profilaktiki-pravonarusheniy>.
4. Воронин М. Ю. Правовые основы формирования системы профилактики административных правонарушений // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4(40). С. 10–12.
5. Капустина Е. Г. Реализация административно-правовых норм в профилактике правонарушений на современном этапе // Закон и право. 2020. № 8. С. 155–157.
6. Xiaohua Zhao, Xingjian Zhang, Jian Rong Study of the Effects of Alcohol on Drivers and Driving Performance on Straight Road // URL://<https://www.hindawi.com/journals/mpe/2014/607652/>
7. Y. Li, D. Xie, G. Nie, and J. Zhang, «The drink driving situation in China» Traffic Injury Prevention, vol. 13, no. 2, pp. 101–108, 2012 // URL://[The Drink Driving Situation in China \(researchgate.net\)](http://The Drink Driving Situation in China (researchgate.net)).
8. Василевич С. Г. Актуальные проблемы административно-деликтного права на современном этапе. Мн. : БГУ, 2017.
9. Бутова М. В. О современном состоянии профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 1. С. 178–187.

References

1. Kolyago V. V. Administrative and legal regulation of crime prevention in the Republic of Belarus // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3 (35). P. 239–242.
2. Malkov V. D. Prevention and prevention of crimes and other offenses in the system of combating crime // Herald of the MGLU. 2014. Issue 25 (711). P. 79–88.
3. Raskina T. V. Prosecutor's office in the system of crime prevention // Legal research. 2018. No. 1. P. 53–60 // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/prokuratura-v-sisteme-profilaktiki-pravonarusheniy.
4. Voronin M. Yu. Legal bases of formation of the system of prevention of administrative offenses // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4(40). P. 10–12.
5. Kapustina E. G. Implementation of administrative and legal norms in the prevention of offenses at the present stage // Law and Law. 2020. No. 8. P. 155–157.
6. Xiaohua Zhao, Xingjian Zhang, Jian Rong Study of the Effects of Alcohol on Drivers and Driving Performance on Straight Road // URL://https://www.hindawi.com/journals/mpe/2014/607652/
7. Y. Li, D. Xie, G. Nie, and J. Zhang, «The drink driving situation in China» Traffic Injury Prevention, vol. 13, no. 2, pp. 101–108, 2012 // URL://The Drink Driving Situation in China (researchgate.net).
8. Vasilevich S. G. Actual problems of administrative and tort law at the present stage. Mn. : BSU, 2017.
9. Butova M. V. On the current state of prevention of offenses among minors // Vestnik VSU. Series: Law. 2021. No. 1. P. 178–187.

Информация об авторе

С. Г. Василевич — доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. G. Vasilevich — Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

 <p>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</p> <h2>Административный процесс</h2> <p>Четвертое издание</p>	<h2>АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС</h2> <p>4-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 200 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Волкова В.В. и др.</p> <p>Административный процесс представлен как сложный и комплексный административно-правовой институт. Проанализированы задачи, основные принципы, участники административного процесса. Уделено внимание юрисдикционной и управленческой концепциям административного процесса. Рассмотрена структура административного процесса, виды производств.</p> <p>Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, а также студентов, обучающихся по специальности Государственное и муниципальное управление.</p>
---	---

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-67-71>

НИОН: 2003-0059-5/22-418

MOSURED: 77/27-003-2022-05-617

Правовые подходы к пониманию процессуального механизма обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений

Светлана Анатольевна Вецкая¹, Во Ким Зунг²

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, coicodon16994@gmail.com

Аннотация. Рассматривается процессуальный механизм обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших. По мнению авторов, существуют всего три основных подхода к пониманию рассматриваемого механизма: совокупность правовых норм; деятельность участников уголовного судопроизводства; система процессуальных средств. В заключении сформулировано определение данного процессуального механизма.

Ключевые слова: юридическое лицо, потерпевший, процессуальный механизм, процессуальное средство, деятельность участников уголовного судопроизводства

Для цитирования: Вецкая С. А., Во Ким Зунг. Правовые подходы к пониманию процессуального механизма обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 67–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-67-71>.

Original article

Legal approaches to understanding the procedural mechanism for ensuring the rights and legitimate interests of legal entities victims of crimes

Svetlana A. Vetskaya¹, Vo Kim Dung²

¹ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, coicodon16994@gmail.com

Abstract. The article deals with the procedural mechanism for ensuring the rights and legitimate interests of legal entities participating in criminal proceedings as a victim. According to the authors, there are only three main approaches to understanding the mechanism under consideration: a set of legal norms; activities of participants in criminal proceedings, and the system of procedural means. In conclusion, the authors formulated the definition of this procedural mechanism.

Keywords: legal entity, victim, procedural mechanism, procedural means, activities of participants in criminal proceedings

For citation: Vetskaya S. A., Vo Kim Dung. Legal approaches to understanding the procedural mechanism for ensuring the rights and legitimate interests of legal entities victims of crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):67–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-67-71>.

Общеизвестно, что преступное посягательство не только причинит вред физическому, но и юридическому лицу. На сегодняшний день возможность юридического лица быть признанным в качестве потерпевшего является действенным и необходимым шагом в тенденции развития уголовно-процессуального законодательства каждого демократического государства.

Однако, признание юридического лица потерпевшим без наличия соответствующей процедуры его реализации показывает свое действие лишь только в теории, а для правоприменительной практики не играет никакой роли. Чтобы реально действовала про-

цессуальная норма, особую роль, конечно, играет механизм ее реализации.

Прежде всего, хотелось бы перейти к рассмотрению понятия процессуального механизма. Слово «механизм» в языке употребляется в различных смыслах. Так, под механизмом, согласно мнению С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, следует понимать систему или устройство, которые определяют процедуру какой-либо формы деятельности [7, с. 1285].

Как и в других отраслях науки, существуют разные значения относительно термина «механизм» и в юридической науке, которые зависят от цели, задачи, объекта изучения.

© Вецкая С. А., Во Ким Зунг, 2022

Следует отметить, в юридической литературе редко встречается термин «правовой механизм». Однако, до настоящего времени на законодательном уровне в России, данный термин не нашел свое закрепление, из-за чего и возникает в науке дискуссионный вопрос по поводу понимания правового механизма. При этом, обосновано утверждать, что мнения ученых о правовом механизме являются полярными.

Под правовым механизмом, с точки зрения В. Е. Сизова, следует понимать «систему правовых средств, определяемых государством» [10, с. 161]. Сходной позиции придерживается и М. В. Пономарев, согласно мнению которого «правовой механизм — это взаимосвязанный, устоявшийся набор юридических средств» [8, с. 107].

Отмечается, что в уголовно-процессуальной науке, ученые также разрабатывают различные точки зрения относительно понятия правовой механизм. Соответственно, изучение понятия «правовой механизм» в данной отрасли науки требует от нас детального его рассмотрения и анализа существующих мнений ученых-процессуалистов.

В своей работе В. Н. Шпилев рассматривает уголовно-процессуальный механизм в качестве внутренней формы уголовного процесса. При этом, по его словам, «реализация данного механизма служит условием для применения уголовно-процессуального права» [11, с. 53].

Вопросы обеспечения прав и законных интересов потерпевших (в том числе и юридических лиц, признанных потерпевшими) в уголовном процессе выступают в качестве объекта исследования в различных российских и вьетнамских научных работах по уголовно-процессуальному праву [3, с. 22; 4, с. 56; 5, с. 121].

Так, Ф. Н. Багаутдинов отмечает, что «механизм обеспечения, защиты и охраны прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве включает в себя соответствующую деятельность компетентных органов государства по их обеспечению и реализации» [1, с. 68].

Следует подчеркнуть, что современные условия в сфере обеспечения прав и законных интересов потерпевших — юридических лиц требуют не только рассмотрения его как нуждающегося в решении важной социальной задачи, но и в разработке рекомендаций по совершенствованию процессуального механизма, обеспечивающего права и законные интересы юридических лиц в ходе производства предварительного расследования.

Исходя из вышеперечисленных точек зрения ученых по поводу понимания изучаемого правового механизма, а также с учетом проблемного состояния его разработки в современной уголовно-процессуальной науке, на наш взгляд, существуют три основных подхода к определению процессуального механизма обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, признанных потерпевшими от преступлений.

Первый подход заключается в том, что рассматриваемый процессуальный механизм — это совокупность правовых норм, определяющих права и обязанности участников уголовного процесса, особенно права и обязанности юридических лиц, признанных потерпевшими от преступлений, а также порядок реализации таких прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве. Здесь подчеркивается, что блок правовых норм характеризует особенности данного механизма, поскольку, на основании него определяются остальные элементы рассматриваемого нами механизма.

Содержание второго подхода состоит в том, что обеспечение прав и законных интересов юридических лиц, реализуется деятельностью:

- а) потерпевшего — юридического лица и его представителя;
- б) уполномоченных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Третий подход к пониманию данного процессуального механизма заключается в том, что он представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих процессуальных средств, с помощью которых осуществляется возмещение вреда, причиненного преступлением, восстановление нарушенных прав потерпевших юридических лиц.

Как выше отмечалось, первоочередной интерес потерпевшего — юридического лица заключается в том, чтобы быстро и в полном объеме возместить причиненный ему вред. Таким образом, предлагаем классифицировать систему процессуальных средств, обеспечивающих права и законные интересы потерпевшего юридического лица по уголовным делам, в зависимости от значимости его интересов.

Первая группа включает в себя процессуальные средства, исполнение которых позволяет возместить потерпевшему юридическому лицу вред, причиненный преступлением. Традиционно разделить данную группу на исковые и неисковые.

При этом следует отметить, что все такие средства, в зависимости от их особенностей, должны

быть направлены на полное возмещение причиненного преступлением вреда всех категорий (имущественный и неимущественный).

В России неисковые процессуальные средства представляют собой способы возмещения причиненного вреда, осуществляемые по собственной инициативе виновного или по инициативе суда, которые включают в себя: добровольное возмещение вреда; возвращение потерпевшему имущества в порядке реституции; возложение судом обязанности загладить вред, причиненный преступлением. Действительно, вышеуказанные средства, кроме значения в пользу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления небольшой или средней тяжести, также дают потерпевшему возможность восстановить свои права, устранить имущественные последствия, причиненные преступлением на основе компенсации, т. е. полностью возместить причиненный вред. Об их значимости свидетельствуют материалы уголовных дел.

Так, согласно материалам уголовного дела № 1-37/2019, гр. А. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 159.1 УК РФ (мошенничество в сфере кредитования), похитив денежные средства в сумме 57 049 руб., которые принадлежали АО «Банк Русский Стандарт». В процессе расследования обвиняемый А. свою вину признал, причиненный вред возместил полностью, также заявил в суд ходатайство о прекращении уголовного дела за примирением сторон. Суд принял решение о прекращении уголовного дела в отношении А. по ст. 25 УПК РФ в связи с применением с потерпевшим.

Наряду с добровольным возмещением причиненного вреда виновными лицами в законодательстве России имеются и другие неисковые средства, реализация которых позволяет возместить вред. Среди них институт реституции — ст. 81 и ст. 82 УПК РФ. Все вышеуказанные процессуальные средства возмещения вреда юридическому лицу, потерпевшему от преступления, более эффективны и универсальны, так как они реализуются значительно раньше, чем предъявление и рассмотрение гражданского иска.

Однако, несмотря на преимущества неисковых процессуальных средств, их применение в уголовном судопроизводстве недостаточно обеспечивает возмещение потерпевшему (в том числе юридическому лицу) вреда, особенно когда данный вред имеет неимущественный характер (вред деловой репутации или моральный вред). Для устранения данных недостатков

в возмещении причиненного вреда существует исковое средство. Следует отметить, что в юридической науке существуют разные точки зрения о гражданском иске в уголовном судопроизводстве, но его значение не потеряло свою актуальность и является несомненным. Об этом свидетельствуют данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Согласно которым, в 2018 г. в судебном порядке рассмотрены всего 105 515 гражданских исков по уголовным делам. Сумма иска, удовлетворенная судами, составляет 44 870 788 313 руб.; в 2019 г. — 107 616 гражданских исков и 341 689 036 904 руб.; в 2020 г. — 98 205 гражданских исков и 48 850 420 891 руб.

Анализ действующей системы законодательства Вьетнама показывает, что возмещение вреда потерпевшему является одной из важнейших задач, которая стоит перед государством. Как правило, процессуальные средства обеспечения возмещения вреда по законодательству Вьетнама также не сильно отличаются от законодательства России.

В настоящее время во Вьетнаме существуют следующие средства, обеспечивающие возмещение вреда, причиненного преступлением.

Добровольное возмещение вреда со стороны виновного. Говоря о неисковых средствах, следует учитывать, в первую очередь, добровольное возмещение виновными лицами причиненного преступлением вреда. Однако, в отличие от законодательства России, по УК СРВ указанное правило применяется только при совершении преступлений небольшой или средней тяжести по неосторожности, что, по нашему мнению, ограничивает эффективность данного способа.

В качестве примера можно привести материалы следующего уголовного дела. Так, 2 апреля 2015 г. в Следственном органе провинции Донг-Тхап возбуждено уголовное дело № 22/2019/НС в отношении Т.Б.И., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УК СРВ (мошенничество). Потерпевшим было признано ООО «Home Credit», которому преступлением причинен вред в сумме 6 790 000 вьетнамских донгов. В ходе расследования Т.Б.И. признал свою вину и добровольно возместил потерпевшему ООО «Home Credit» причиненный вред. Со стороны потерпевшего поступило ходатайство о подтверждении факта примирения. Однако, уголовное дело не было прекращено в связи с тем, что преступление совершено с прямым умыслом и корыстной целью. Суд в приговоре назначил Т.Б.И. наказание в виде временного лишения свободы сроком на шесть месяцев.

Следует уточнить, что добровольное возмещение вреда также играет роль обстоятельства, смягчающего наказание при назначении подсудимому наказания (п. «б» ч. ст. 51 УК РФ).

Возмещение вреда по инициативе суда (при приятии иных мер уголовно-правового характера, например: обязанность загладить причиненный вред — п. «б» ч.1 ст. 46 УК РФ).

Уголовно-процессуальная реституция (п. «а, в» ч. 3 ст. 106 УПК РФ).

Гражданский иск (ст. 30 УПК РФ). Как уже отмечалось рассмотрение гражданского иска вместе с производством по уголовному делу является доказанным и обоснованным, поскольку оно позволяет экономить время, быстро восстановить нарушенные преступлением права потерпевшего, возместить причиненный вред (независимо от его характера — имущественного или неимущественного), объективно оценить преступные последствия и назначить соответствующие наказания, а также освобождать истца от уплаты государственной пошлины [9, с. 47].

Однако, как показывает практика во Вьетнаме, незначительно количество заявленных гражданских исков по уголовным делам (29 %). Данное обстоятельство связано, на наш взгляд, с отсутствием разъяснения потерпевшему его права на признание гражданским истцом. Об этом свидетельствуют результаты анкетирования, проведенного Н.В. Тиеном согласно которому только 42,1 % из общего количества опрошенных данное право разъясняли [6, с. 217]. Озвученная проблема также не исключается в производстве по уголовным делам, где потерпевшими признавались юридические лица. Согласно результатам нашего социологического опроса вьетнамских следственных работников, на вопрос о разъяснении представителю юридического лица, права предъявления исковых заявлений о возмещении причиненного преступлением вреда, только 32,5 % респондентов ответили, что постоянно такое действие выполняли, 43 % — разъясняли, а 24,5 % — вообще не разъясняли.

Таким образом, можно сказать, что в действующих законодательствах России и Вьетнама существуют разные процессуальные средства, реализация которых обеспечивает возможность возместить потерпевшим (в том числе и юридическим лицам) причиненный преступлением вред не только имущественного, но и неимущественного характера. Хотелось подчеркнуть, что такие средства должны реализовываться взаимосвязано и коррелировать друг с другом.

Наряду с указанными процессуальными средствами, существуют и другие процессуальные средства, с помощью которых имеется возможность обеспечить потерпевшему, являющемуся юридическим лицом, защиту своих законных интересов. Следует подчеркнуть, что данный механизм не может эффективно реализовываться без содействия таких процессуальных институтов.

Отмечается, что рассматриваемый процессуальный механизм должен включать в себя весь спектр разработанных и успешно апробированных процессуальных средств, чтобы достигнуть заранее поставленной цели — защита прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений.

Таким образом, под процессуальным механизмом обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений, понимается комплексная система взаимосвязанных и взаимодействующих между собой нормативно-правовых, уголовно-процессуальных и иных элементов, реализацией которых обеспечиваются деятельности, осуществляемые участниками уголовного судопроизводства в целях возмещения юридическому лицу, причиненного преступлением вреда и восстановления его нарушенных прав, также защиты иных законных интересов посредством предоставления процессуальных прав и обязанностей.

Список источников

1. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004.
2. Баловнева В. И. Обеспечение защиты имущественных и неимущественных прав потерпевшего — юридического лица в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2018.
3. Володина Л. М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.
4. Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений: стадия предварительного расследования: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
5. Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
6. Нгуен Ван Тиен. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве (сравнительно-правовое исследование по материа-

лам Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов. 26-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2010.

8. Пономарев М. В. Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 106–110.

9. Самойлова Ж. В. Процессуальное положение гражданского истца на стадии предварительно расследования в российском уголовном судопроизводстве: моногр. М., 2013.

10. Сизов В. Е. Механизм правового регулирования как социально-правовая категория // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 161–166.

11. Шпилев В. Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства: дисс. ... докт. юрид. наук. Мн., 1983.

References

1. Bagautdinov F. N. Public and personal interests in Russian criminal proceedings and guarantees of their provision at the preliminary investigation: diss. ... doct. jurid. M., 2004.

2. Balovneva V. I. Ensuring the protection of property and non-property rights of a victim — a legal entity in criminal proceedings: diss. ... cand. jurid. sciences'. Orenburg, 2018.

3. Volodina L. M. The mechanism of ensuring the rights of the individual in the Russian criminal process:

abstract. diss. ... doct. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 1999.

4. Evloev R. M. Procedural guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of persons who have suffered from crimes: the stage of preliminary investigation: diss. ... cand. jurid. Sciences. SPb., 2005.

5. Ivanov D. A. Protection by the investigator of the rights and legitimate interests of legal entities, victims of crimes: diss. ... cand. jurid. M., 2007.

6. Nguyen Van Tien. Compensation for damage caused by a crime in pre-trial proceedings (comparative legal study based on the materials of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam): diss. ... cand. jurid. M., 2018.

7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words. 26th ed., ispr. and add. / edited by L. I. Skvortsova. M., 2010.

8. Ponomarev M. V. The legal mechanism of environmental audit // Journal of Russian Law. 2010. No. 8. P. 106–110.

9. Samoylova Zh. V. The procedural position of a civil plaintiff at the preliminary investigation stage in Russian criminal proceedings: monogr. M., 2013.

10. Sizov V. E. The mechanism of legal regulation as a socio-legal category // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2016. No. 4. P. 161–166.

11. Shpilev V. N. The essence, content and forms of Soviet criminal proceedings: diss. ... doct. jurid. sciences. M., 1983.

Информация об авторах

С. А. Вецкая — доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук;

Во Ким Зунг — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

S. A. Vetskaya — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

Vo Kim Dung — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 343.43

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-72-77>

ИПОН: 2003-0059-5/22-419

MOSURED: 77/27-003-2022-05-618

Международное сотрудничество криминальной полиции Германии

Ирина Аркадьевна Горшенева¹, Людмила Анисимовна Безбородова², Дмитрий Владимирович Жоков³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

³ boing86@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрено международное сотрудничество криминальной полиции Германии, которое имеет большое значение в плане борьбы с преступными структурами, так как данная борьба является делом каждого отдельного государства, входящего в Европейский союз.

Все государства–члены ЕС придают большое значение сохранению своего суверенитета, что в результате приводит к тому, что правовое регулирование в данной сфере и нормативные акты не только не гармонизированы, но даже недостаточно скоординированы. И именно существование подобных лакун европейского законодательства используется преступниками для формирования своих структур и осуществления преступной деятельности.

Положение Германии в этом вопросе весьма непростое. С одной стороны, Федеративная Республика Германия привлекательна за счет относительно неосвоенных восточных территорий, расширивших криминальную географию страны после воссоединения ГДР и ФРГ, создав оптимальные условия для роста числа преступных организаций; с другой стороны, из-за рынка сбыта наркотиков и с учетом того, что прибыль от торговли наркотическими веществами в Европе в три раза выше, чем в США.

В указанных условиях необходимы расширение и активизация существующих возможностей для всестороннего международного сотрудничества.

Сотрудничество за пределами национальных границ должно развиваться и функционировать, и это не является какой-либо новеллой. Исторически эта необходимость была реализована только в государствах, имеющих границы с зарубежными странами, а именно, между ФРГ и Французской Республикой, в полицейском двустороннем приграничном сотрудничестве, сотрудничестве между Баден-Вюртембергом и Францией, а также Швейцарией или между Северным Рейном-Вестфалия и Нидерландами/Бельгией.

Важно, чтобы полиция и граждане научились доверять друг другу, так как международное сотрудничество криминальной полиции Германии с другими странами является основой полноценного и эффективного взаимодействия в плане борьбы с преступностью.

Ключевые слова: Германия, международное сотрудничество, полиция, граница, насилие, организованная преступность, сотрудничество, несовершеннолетний

Для цитирования: Горшенева И. А., Безбородова Л. А., Жоков Д. В. Международное сотрудничество криминальной полиции Германии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 72–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-72-77>.

Original article

International cooperation of the criminal police of Germany

Irina A. Gorsheneva¹, Lyudmila A. Bezborodova², Dmitry V. Zhokov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

³ boing86@rambler.ru

Abstract. The international cooperation of the criminal police of Germany is considered, which is of great importance in terms of combating criminal structures, since this fight is the business of each individual state that is part of the European Union.

All EU member States attach great importance to the preservation of their sovereignty, which as a result leads to the fact that legal regulation in this area and regulations are not only not harmonized, but even insufficiently coordinated. And it is the existence of such gaps in European legislation that criminals use to form their structures and carry out criminal activities.

Germany's position in this matter is very difficult. On the one hand, the Federal Republic of Germany is attractive due to the relatively undeveloped eastern territories, which expanded the criminal geography of the country after the reunification of the GDR and the FRG, creating optimal conditions for the growth of the number of criminal organizations; on the other hand, because of the drug market and taking into account the fact that the profit from drug trafficking in Europe is three times higher than in the USA.

In these conditions, it is necessary to expand and activate existing opportunities for comprehensive international cooperation.

Cooperation beyond national borders should develop and function, and this is not a novel. Historically, this need has been realized only in States that have borders with foreign countries, namely, between Germany and the French Republic, in police bilateral cross-border cooperation, cooperation between Baden-Württemberg and France, as well as Switzerland, or between North Rhine-Westphalia and the Netherlands/Belgium.

It is important that the police and citizens learn to trust each other, as the international cooperation of the German criminal police with other countries is the basis for full and effective cooperation in terms of combating crime.

© Горшенева И. А., Безбородова Л. А., Жоков Д. В., 2022

Keywords: Germany, international cooperation, police, border, violence, organized crime, interaction, minor

For citation: Gorsheneva I. A., Bezborodova L. A., Zhokov D. V. International cooperation of the criminal police of Germany. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):72–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-72-77>.

Сегодня как никогда, полицейским ведомствам необходимо поддержание плодотворного взаимодействия и тесные профессиональные связи с местными правоохранительными органами.

Девиз «Думай глобально, действуй локально» больше не удовлетворяет требованиям настоящего времени и, скорее всего, максимально возможные действия должны заключаться в том, чтобы делать одно, не оставляя другого! Тема международного полицейского сотрудничества предполагает большой объем актуальных фактических мер, поскольку Федеративная Республика Германия расположена в самом сердце Европы, становящейся все более привлекательной для организованной преступности в смысле получения прибыли. Открытие границ между странами, связанными Шенгенским соглашением, позволяет организованной преступности беспрепятственно пересекать границы Европейского Союза (ЕС) не опасаясь таможенного контроля.

Тем не менее, борьба с преступными структурами все еще остается делом каждого отдельного государства, входящего в Европейский Союз.

Все государства—члены ЕС придают большое значение сохранению своего неограниченного суверенитета, что в результате привело к тому, что правовое регулирование в данной сфере и нормативные акты не только не гармонизированы, но даже недостаточно скоординированы. Лишь в редких случаях удалось найти единый подход, однако изолированные решения всегда имеют свои недостатки. И именно существование подобных лакун европейского законодательства используется преступниками для формирования своих структур и осуществления преступной деятельности.

Положение Германии в этом вопросе весьма простое. С одной стороны, Федеративная Республика Германия привлекательна за счет относительно неосвоенных восточных территорий, расширивших криминальную географию страны после воссоединения ГДР и ФРГ, создав оптимальные условия для роста числа преступных организаций; с другой стороны, из-за рынка сбыта наркотиков и с учетом того, что прибыль от торговли наркотическими веществами в Европе в три раза выше, чем в США.

Многонациональные организованные группы преступников, в зависимости от обстоятельств и ис-

ходя из сложившейся ситуации, действуют гибко и спонтанно.

Спланированные на долгосрочную перспективу, максимально и детально хеджированные (застрахованные), преступления приводят к минимальным рискам. Большие расстояния, недолжным уровнем охраняемые национальные границы преодолеваются с помощью быстрых и хорошо отработанных маршрутов, либо наземным транспортом, или же морскими и воздушными путями. Эти группировки обладают самыми современными технологиями, имеют тесные национальные и международные контакты, а также огромные финансовые ресурсы, которые позволяют им устанавливать связи с представителями продажной интеллигенции, а, следовательно, и с лучшими адвокатами или экспертами. Глобальные сети не ограничиваются ассоциациями конкретного уровня. Существуют еще эффективно функционирующие связанные одной целью сообщества, такие, как например, организованная преступность и международный терроризм, или общими интересами: союз преступных или террористических организаций и национальных правительств или оппозиционных движений. Спектр подобных связей варьируется от толерантности к ним, до оказания поддержки и соучастия.

К особым сферам деятельности преступных групп, действующих на международном уровне, относятся, в частности:

- ◆ преступления, связанные с оборотом наркотиков;
- ◆ торговля оружием;
- ◆ контрабанда (рабочая сила, незаконный ввоз беженцев);
- ◆ все виды вымогательств;
- ◆ похищения, торговля людьми (торговля детьми, детская порнография, проституция).

В 2020 г. в Германии проживало 10,7 млн детей в возрасте до 14 лет. В том же году число жертв так называемого сексуального насилия в отношении детей в соответствии с § 176, 176а, 176b StGB (Уголовный кодекс Германии) увеличилось в общей сложности на 6,3 % (с 15 701 до 16 686 жертв). Статистика случаев изнасилования демонстрировала снижение на 3,7 % (с 218 до 210 жертв). Примечательно, что 9,7 % подозреваемых в сексуальном насилии еще не достигли 14-летнего возраста, т. е. сами

были еще детьми — и не считались виновными. 19,7% были выявлены в группе несовершеннолетних от 14 до 18 лет. Это означает, что почти каждое третье сексуальное насилие было совершено детьми или подростками в возрасте до 18 лет [1].

В случае так называемой детской порнографии (распространение, приобретение, хранение и производство детских порнографических изделий в соответствии с § 184b StGB) наблюдался рост на 53,0% (с 12 262 до 18 761 случая). 50,6% подозреваемых были моложе 21 года [1].

Что касается влияния на детей с помощью высоких технологий (§ 176 разд. 4 № 3 и 4 StGB), то произошло увеличение на 17,6% (с 3264 до 3839 случаев)). Большинство из них были связаны с действиями так называемой кибергруппировки, жертвами которой стали преимущественно дети и подростки школьного возраста. Таким образом, в целом можно наблюдать значительное увеличение числа указанных преступлений [1].

«У нас нет понятия торговли детьми», — сказал один из сотрудников берлинского управления по делам молодежи на специальном мероприятии Международной социальной службы (ISD) осенью 2015 г., посвященном вопросам торговли детьми в Германии.

1. На самом деле, есть много признаков того, что службы по делам молодежи и другие организации Германии, работающие в сфере защиты молодежи, все чаще занимаются случаями торговли детьми на территории всей Германии, зачастую, не относя их к категории данных преступлений.

Недостаточное понимание этого явления может привести к тому, что коммерческая эксплуатация детей и молодежи не будет признана противоправным деянием, необходимые меры защиты и противодействия не будут приняты, а потребности пострадавших детей и молодежи останутся незамеченными.

В настоящее время в Германии данные о коммерческой эксплуатации детей можно обнаружить только в статистике Федерального ведомства криминальной полиции о торговле людьми. В течение последних нескольких лет цифры были относительно постоянными: из 542 жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации, зарегистрированных в 2013 г., 70 были несовершеннолетними.

2. Большинство пострадавших детей из Германии; за ней следуют Болгария, Румыния и Венгрия. Кроме того, 209 человек были подростками в воз-

расте от 18 до 20 лет. Статистические данные оставляют открытым вопрос о том, как долго существуют соответствующие условия эксплуатации. Большинство несовершеннолетних жертв было выявлено в Берлине, единственной федеральной земле, где было создано специальное агентство по борьбе с торговлей детьми. Эксперты в данной области уголовного преследования, в силу существования определенных факторов, предполагают большое количество незарегистрированных дел [2]:

- ◆ активное перемещение автотранспортных средств;
- ◆ преступления, связанные с контрафакцией, включая производство поддельных денег и использование безналичных платежных средств;
- ◆ преступность «красных фонарей» (азартные игры, ставки, проституция).

Принудительная проституция на законных основаниях подпадает под сферу торговли людьми. Торговля людьми «с целью сексуальной эксплуатации» является незаконной в соответствии со ст. 232 Уголовного кодекса [3] а, следовательно, наказуемой. При принудительной проституции беспомощность или затруднительное положение конкретных лиц — обычно женщин или детей — часто используется при помощи физического или психологического насилия [4].

- ◆ организованное ограбление или кража в целом (кража со взломом, кража автомобильных деталей, кража произведений искусства, карманная кража и т. д.);
- ◆ экономические преступления (инвестиции, акции, субсидии или мошенничество, связанное с банкротством);
- ◆ отмывание денег;
- ◆ незаконная торговля табачными изделиями;
- ◆ пиратство;
- ◆ преступность в сфере компьютерных технологий;
- ◆ промышленный шпионаж;
- ◆ торговля человеческими органами;
- ◆ нелегальное распространение ядерного оружия, биологических или химических средств массового уничтожения и товаров для ведения военных действий;
- ◆ международный терроризм.

Достаточно трудно вести борьбу с теми, кто сотрудничает с преступниками во всем мире, и, если

это вообще возможно, то только с помощью полиции, которая профессионально и оперативно действует, в том числе и на международном уровне.

В указанных условиях необходимо расширение и активизация существующих возможностей для всестороннего международного сотрудничества. Соответствующие программы разрабатываются и вводятся в действие.

Прежде всего, традиционно это Интерпол и Европол, известные каждому полицейскому. В период с 1938 по 1945 гг. деятельность Интерпола, основанного в 1923 г. как Международная комиссия органов полиции (ИКРО), была ограничена. В 1946 г. крупнейшая в мире международная полицейская организация претерпела реформирование задач и статуса как органа, оказывающего поддержку национальным полицейским подразделениям в расследовании трансграничных преступлений, проведении обысков и оказании взаимной правовой помощи. В обязанности Интерпола не входит выполнение оперативных функций.

Европейское полицейское ведомство Европол было основано в соответствии с Маастрихтским договором, который вступил в силу в октябре 1998 г. Целью данной организации была объявлена совместная борьба с международно-значимыми преступлениями. Как и Интерпол, данное ведомство изначально занимается сбором, обработкой и обменом оперативных данных. Тем не менее, предпринимаются серьезные усилия по расширению его компетенций. Шаг к их собственным следственным полномочиям все еще остается незамеченным, но участие в совместных следственных группах государств-членов ЕС стало возможным уже с 2002 г.

Относительно молодым является «Европейское ведомство по борьбе с мошенничеством OLAF/ОЛАФ», основанное в 1999 г. К сфере его компетенции относится осуществление уголовного преследования преступной деятельности и мошенничества в ущерб бюджету ЕС, т. е. таможенных правонарушений, налогового мошенничества и мошенничества с субсидиями. Расследования, проводимые ОЛАФ, ограничиваются чисто административными мерами в силу того, что орган все еще обладает лишь полицейскими полномочиями.

Поэтому осознание того, что сотрудничество за пределами национальных границ должно развиваться и функционировать, не является какой-либо новеллой. Исторически эта необходимость была

реализована только в государствах, имеющих границы с зарубежными странами. Речь идет о соглашении между Федеративной Республикой Германия и Французской Республикой о полицейском двустороннем приграничном сотрудничестве от 1 октября 1978 г., сотрудничестве между Баден-Вюртембергом и Францией, а также Швейцарией или между Северным Рейном-Вестфалия и Нидерландами/Бельгией. Все эти двусторонние или многосторонние соглашения положительно зарекомендовали себя задолго до Шенгенского соглашения.

Шенгенское соглашение является международным соглашением о постепенной отмене пограничного контроля на внутренних границах государств-участников ЕС.

Это соглашение было подписано 14 июня 1985 г. государствами-членами ЕС: Германией, Францией, Бельгией, Люксембургом и Нидерландами в местечке по названию Шенген, расположенном в Люксембурге вблизи границ с Германией и Францией. Лишь спустя пять лет — 19 июня 1990 г. — было подписано так называемое Шенгенское соглашение (SDb), которое, в конечном итоге, вступило в силу 1 сентября 1990 г. Только в данном случае согласованные руководящие принципы могут применяться на практике. Постепенно к Шенгенскому соглашению присоединились другие страны ЕС (и некоторые страны, не являющиеся членами ЕС): Италия (1990 г.), Испания и Португалия (1991 г.), Греция (1992 г.), Австрия (1995 г.), Дания, Исландия, Норвегия (1996 г.), Финляндия, Швеция, Чешская Республика, Швейцария (2004 г.), Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Мальта, Польша, Словения и Словакия (2007 г.) и относительно недавно Лихтенштейн (2011 г.).

Шенгенское соглашение касается отмены внутреннего пограничного контроля и связанного с этим создания единой зоны безопасности и правосудия.

Данное соглашение, в частности:

- ♦ упрощает правила въезда и краткосрочного пребывания иностранцев в «Шенгенской зоне» посредством однократной шенгенской визы;

- ♦ определяет компенсационные меры по вопросам убежища (определение государства-члена, ответственного за ходатайство о предоставлении убежища);

- ♦ разрабатывает меры по борьбе с трансграничным оборотом наркотиков;

◆ поощряет сотрудничество и взаимодействие органов полиции между государствами Шенгенского соглашения в области уголовного правосудия [5].

Другой вывод заключался в том, что недостаточно лишь подписывать соглашения и пропагандировать добровольное сотрудничество.

Не менее важно, чтобы полиция, т. е. граждане, научились доверять друг другу. Обычаи, менталитет, традиции, опыт, а иногда и предрассудки/обобщения могут встать на пути этого проекта.

Это было ясно и английскому полицейскому Артуру Труопу, который стремился преодолеть недоверие и раскол общества, особенно полиции, после потрясений Второй мировой войны. Он намеревался создать всемирную ассоциацию, в которой сотрудники полиции объединили бы усилия для установления личных контактов и решения служебных вопросов. 1 января 1950 г. этот молодой сержант основал в Великобритании ИРА/МПА (Международную полицейскую ассоциацию). Через три года были сформированы секции в Нидерландах, Бельгии и Франции, а в 1955 г. присоединилась Германия. Сегодня Международная полицейская ассоциация (ИРА) насчитывает более 320 тыс. членов в более чем 60 странах мира.

Взаимная поддержка, знакомство, завоевание доверия — пути успешного международного сотрудничества. К сожалению, такое взаимодействие не воспринимается полицейскими ведомствами некоторых стран. К ним относятся миссии в Боснии и Герцеговине, Косово, Хорватии, Данабуе (Африка), Афганистане.

Другой областью взаимодействия являются проекты, осуществляемые ЕС на территории Риги, Будапешта, а также программа «Фар Твиннинг». Последняя включает в себя двустороннее сотрудничество и партнерство между Польшей и Федеративной Республикой Германия в области внутренней безопасности. Такие программы, нацеленные на постановку единой задачи, предусматривают сокращение разрыва между глобальной темой «международного сотрудничества» и функциями общественной полиции. В рамках проекта поддержки «Фар Твиннинг» польские полицейские прибыли в Берлин, чтобы очно ознакомиться с повседневной работой Берлинской полиции [6].

Посещение и полное взаимопонимание не вполне удалось в силу затруднения служебного общения из-

за языковых трудностей. Заявленная в переводе программы «прогулка по окрестностям» оказалась на деле специальной операцией полиции, а отнюдь не экскурсией. Данный пример в очередной раз свидетельствует о необходимости овладения сотрудниками полиции любой страны навыками иноязычной деловой коммуникации, т. е. знаниями хотя бы одного иностранного языка в рамках профессионального общения.

Список источников

1. Криминальная полиция (журнал союза полиции). Профилактика сексуального насилия в отношении детей // URL://<https://www.kriminalpolizei.de/ausgaben/2021/dezember/detailansicht-dezember/artikel/praevention-von-sexualisierter-gewalt-gegen-kinder.html>.
2. Международная социальная служба (ИСД). Торговля детьми в Германии — задача и вызов для защиты детей и молодежи // URL://https://www.issger.de/cms/upload/materialien/vortraege/NDV_Beitrag_Kinderhandel.pdf.
3. Уголовный кодекс (StGB) // URL://<http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html>.
4. Криминальная полиция (журнал союза полиции). Проституция // URL://https://www.kriminalpolizei.de/service/praevention-kompakt.html?tx_dpnglossary_glossary%5Baction%5D=show&tx_dpnglossary_glossary%5Bcontroller%5D=Term&tx_dpnglossary_glossary%5Bterm%5D=342&cHash=3108cdada9bc6a8efd51f1b828f4e572.
5. Криминальная полиция (журнал союза полиции). Шенгенское соглашение // URL://https://www.kriminalpolizei.de/service/praevention-kompakt.html?tx_dpnglossary_glossary%5Baction%5D=show&tx_dpnglossary_glossary%5Bcontroller%5D=Term&tx_dpnglossary_glossary%5Bterm%5D=365&cHash=6908081c37f4aa815c92fcc83769c00b.
6. Криминальная полиция (журнал союза полиции). Международное сотрудничество криминальной полиции // URL://<https://www.kriminalpolizei.de/ausgaben/2004/dezember/detailansicht-dezember/artikel/internationale-kriminalpolizeiliche-zusammenarbeit.html>.

References

1. Criminal Police (journal of the Police Union). Prevention of sexual violence against children // URL://<https://www.kriminalpolizei.de/ausgaben/2021/dezem>

ber/detailansicht-dezember/artikel/praevention-von-sexualisierter-gewalt-gegen-kinder.html.

2. International Social Service (ISD). Child trafficking in Germany is a task and a challenge for the protection of children and youth // URL://https://www.issger.de/cms/upload/materialien/vortraege/NDV_Beitrag_Kinderhandel.pdf.

3. The Criminal Code (StGB) // URL://<http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html>.

4. Criminal Police (journal of the Police Union). Prostitution // URL://https://www.kriminalpolizei.de/service/praevention-kompakt.html?tx_dpnglossary_glossary%5Baction%5D=show&tx_dpnglossary_glossary%5Bcontroller%5D=Term&tx_dpnglossary_glos

sary%5Bterm%5D=342&cHash=3108cdada9bc6a8efd51f1b828f4e572.

5. Criminal Police (journal of the Police Union). The Schengen Agreement // URL://https://www.kriminalpolizei.de/service/praevention-kompakt.html?tx_dpnglossary_glossary%5Baction%5D=show&tx_dpnglossary_glossary%5Bcontroller%5D=Term&tx_dpnglossary_glossary%5Bterm%5D=365&cHash=6908081c37f4aa815c92fcc83769c00b.

6. Criminal Police (journal of the Police Union). International cooperation of the criminal police // URL://<https://www.kriminalpolizei.de/ausgaben/2004/dezember/detailansicht-dezember/artikel/internationale-kriminalpolizeiliche-zusammenarbeit.html>.

Информация об авторах

И. А. Горшенева — заведующая кафедрой иностранных языков Московского университет МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

Л. А. Безбородова — доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Д. В. Жоков — магистр юриспруденции, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. A. Gorsheneva — Head of the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation;

L. A. Bezborodova — Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

D. V. Zhokov — Master of Jurisprudence, Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-78-81>

NIJON: 2003-0059-5/22-420

MOSURED: 77/27-003-2022-05-619

Брачно-семейный статус мужчин в Российской империи XIX столетия

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. Затронута проблематика брачно-семейного статуса мужчин в Российской империи XIX в. через призму действовавшего в указанный период законодательства. С помощью исторического метода показаны дискриминационные свойства нормативного материала Российской империи, регулирующего брачно-семейные отношения. Сделана попытка анализа гендерных свойств отечественной брачно-семейной регуляции в XIX столетии.

Ключевые слова: Российская империя, семья, брак, развод, дискриминация, права мужчин, Книга Кормчая, гражданский брак

Для цитирования: Грошев С. Н. Брачно-семейный статус мужчин в Российской империи XIX столетия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 78–81. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-78-81>.

Original article

Marital and family status of men in the Russian Empire of the XIX century

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The problems of the marital and family status of men in the Russian Empire of the XIX century are touched upon through the prism of the legislation in force during this period. With the help of the historical method, the discriminatory properties of the normative material of the Russian Empire regulating marriage and family relations are shown. An attempt is made to analyze the gender properties of domestic marriage and family regulation in the XIX century.

Keywords: Russian Empire, family, marriage, divorce, discrimination, men's rights, Pilot's book, civil marriage

For citation: Groshev S. N. Marital and family status of men in the Russian Empire of the XIX century. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):78–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-78-81>.

Институт семьи и брака с древнейших времен считается важнейшим элементом структуры социальных связей и его изучение, познание его глубинной сущности и правовой природы выступает тем вектором актуальности, на который ориентирована юридическая наука. По нашему мнению, несмотря на огромный массив научных изысканий по указанной тематике, нет полноценных исследований, которые посвящались бы анализу гендерных свойств брачно-семейного законодательства Российской империи XIX столетия с точки зрения дискриминационных составляющих правового статуса мужской гендерной группы. Актуальность настоящей статьи еще и в том, что попытки осмысления юридического неравенства мужчин и женщин, равно как и познание дискриминационных характеристик нормативного материала может способствовать изжитию указанного негативного феномена, который, в том или ином виде, может

отражаться в правовых нормах отечественной правовой системы в настоящее время.

Правовое регулирование брачно-семейных связей в Российской империи XIX столетия осуществлялось на базе книги первой Свода законов гражданских «О правах и обязанностях семейных» (1832 г.). В указанном источнике были регламентированы основные принципы брачно-семейного законодательства указанного периода, при этом главный нормативный акцент был сделан на условиях и процедуре заключения брака. Стоит отметить, что правовое положение супругов, детей и родителей; проблематика расторжения брака и юридические свойства развода регулировались правовым материалом, принятым еще в XVIII столетии. В связи с этим именно правотворчество Петра I, которое характеризовалось тенденцией подчинения клерикальных институтов государству, спровоцировало возникновение огромного

© Грошев С. Н., 2022

массива правовых норм, регламентирующих основные начала семьи и брака, а их юридическая сила была существенным образом пролонгирована, продолжая оказывать свое регулятивное воздействие на брачно-семейные отношения и столетие спустя.

Одним из первых, кто охарактеризовал институт брака с концептуальных юридических позиций, был Г. Ф. Шершеневич. Ученый определил указанный институт как добровольный и надлежаще оформленный союз мужчины и женщины, телеологичность которого заключалась в осуществлении сожителства, основанного не только на физическом, но и нравственном единении [10, с. 408–409].

Институт брака в указанный период имел и ряд возрастных цензов, где нижшим пределом вступления в брачные отношения был возраст 18 лет для мужчин и 16 для женщин. Верхний предел вступления в брак для обеих гендерных групп был нормативно зафиксирован Указом Синода 1744 г. и составлял 80 лет [2]. Стоит отметить, что для вступления в брачные отношения молодоженам было необходимо получить разрешение родителей, а в случае их отсутствия — у опекунов или попечителей. Тем не менее, закрепленный при Петре I принцип добровольности брачного союза запрещал принуждение к браку [3], что можно считать положительной тенденцией правового регулирования брачно-семейных связей.

В качестве нормы, дискриминирующей права мужчин в сфере семьи и брака, можно считать то, что военным служащим и лицам, находившимся на государственной гражданской службе, было запрещено вступать в брак без согласия своих прямых начальников. Такая норма появилась еще при Петре I, когда вторжение государства в сферу личных прав и свобод индивида была наиболее выражено. Так, гардемаринам браки санкционировала Адмиралтейская коллегия и в случае самовольного вступления в брак виновного ссылали на три года каторжных работ. Кроме того, для гардемарин возраст вступления в брак был существенно выше обычного и достигал 25 лет [4]. Впоследствии возраст вступления в брак для военным служащих был снижен на два года, при этом нормативно был закреплен имущественный ценз равный 1200 руб. годового дохода. В то же время, нижним чинам армии и флота вступать в брак запрещалось [10, с. 416], что свидетельствует о масштабном вмешательстве государства в сферу личных

прав и свобод мужской гендерной группы. Примечательно, что подобная схема санкционирования брачных связей имела место и в среде крепостных крестьян, когда без разрешения помещика они не могли вступать в брак.

Как было сказано выше, вступление в брак для госслужащих должно было быть санкционировано непосредственными руководителями, однако наказание за нарушение подобного запрета для этой категории подданных было существенно мягче и гражданские служащие подвергались лишь дисциплинарному взысканию, выражавшемуся в строгом выговоре с занесением в послужной список [1, с. 67]. Следовательно, в указанный период возрастные и имущественные цензы для мужчин, находящихся на военной или гражданской службе, в сфере семьи и брака обладали ярко выраженным дискриминационным характером.

Стоит отметить, что законным являлся лишь церковный брак, при том, что лицам разной конфессиональной принадлежности вступать в брак строго воспрещалось.

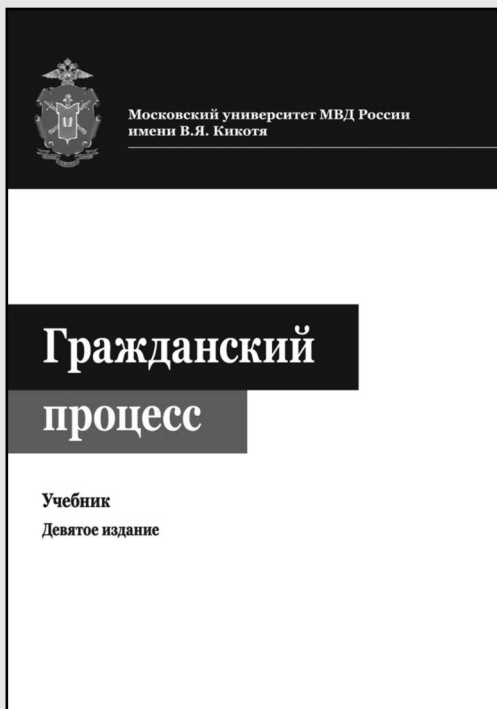
Вторая половина XIX столетия ознаменовалась некоторой трансформацией брачно-семейной сферы, когда нормы церковного права были интегрированы в нормативный массив государственной правовой регуляции. Указанные нормы регламентировали вопросы семьи и брака, условия, способы и формы его заключения. Тем не менее, Свод законов характеризовался пробелом в понятийном аппарате и нормативного определения брака не существовало. В качестве образца правоприменитель определял брак по Книге Кормчей, при этом некоторая архаичность выражений не выступала препятствием к пониманию юридической природы брака [7, с. 7]. В частности, учебник церковного права 1913 г. характеризовал брак следующим образом: «Брак, как образ таинственного союза Христа с Его церковью, есть таинство, соединяющее мужа и жену для полого недельного общения жизни и низводящее на них дары Божией благодати» [8, с. 351], их чего следовал принцип обязательной регистрации брачных отношений православным священнослужителем.

Стоит отметить, что существующая система запретов в сфере заключения брака в основном не имеет отношения к какой-либо дискриминации, так как она располагалась в плоскости цензов, регламентирующих возраст брачующихся, их родственные

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с.
Гриф МО РФ
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

связи, согласие родителей и молодоженов, их психическое здоровье, а также число возможных браков, которое нормировалось максимальным количеством в четыре брака [5, с. 164–165].

Тем не менее, проблематика психического здоровья в некоторых случаях все же имела связь с дискриминацией мужчин, так как четко коррелировалась с Указом Петра I от 6 апреля 1722 г. «О свидетельстве дураков в Сенате» [6], когда юноша, который не желал или не мог осилить науку, связанную со сферой государственной или военной службы, не мог реализовать свое право вступить в брак.

Небезынтересным выступает и то, что во второй половине XIX столетия в научных кругах стал подниматься вопрос о возможности признания гражданского брака, который по мнению ученых мог существенным образом упростить все имеющиеся процедуры, связанные с институтом брака и семьи. Тем не менее, правящие круги выступили против такой новации, объяснив свою позицию тем, что и гражданский брак мог обрести не менее сложными и дорогостоящими процедурами для брачующихся [9].

Затрагивая принцип равноправия супругов необходимо отметить, что в указанный период он был полностью нивелирован нормативными прескрипциями, которые предписывали полное повиновение женщины своему супругу как главе семьи. Тем не менее, главой семьи мог стать не только мужчина, но и женщина в случае вдовства. В связи с этим этот аспект брачно-семейных отношений не характеризуется дискриминацией женщин, но лишь подчеркивает патриархальный характер института семьи в указанный период.

В сфере взаимоотношений детей и родителей имело место зависимое положение детей, которые были обязаны подчиняться родителям и особенно главе семьи. Все это усугублялось режимом раздельности имущества детей и родителей и обязанностью детей содержать своих нуждающихся родителей.

Ведя речь о расторжении брака необходимо отметить, что с 1841 г. указанные правоотношения регламентировались Уставом духовных консисторий, а решение о разводе утверждалось архиереем епархии. В бракоразводной сфере нормативно закреплялось право мужчины на развод, в случае невыносимости совместной жизни с супругой. В то же время, в имущественном плане женщина была защищена правом претендовать на материальное содер-

жание от бывшего мужа в случае, если развод случился не по ее вине.

Вышеуказанная практика в брачно-семейной сфере просуществовала вплоть до октября 1917 г., когда революционные процессы полностью преобразили не только брачно-семейное право, но и всю отечественную правовую систему.

В заключение необходимо отметить, что брачно-семейное законодательство Российской империи в XIX столетии в некоторых моментах характеризовалось дискриминацией мужчин, если указанные правоотношения затрагивали интересы военной или гражданской службы. Ярко выраженного доминирования мужчин в браке не существовало, так как патриархальный уклад семейно-брачных отношений характеризовался не столько полномочием мужа, сколько императивностью статуса главы семьи, которым могла стать и женщина в случае вдовства. В указанный период право мужчины на развод уравновешивалось встречной обязанностью давать содержание бывшей супруге в случае, если развод произошел не по ее вине.

Список источников

1. Григоровский С. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах: сб. церковных и гражданских законов. 12-е изд., без перемен. СПб. : Синодальная типография, 1912.

2. ПСЗРИ-1. Т. VII. № 14356.

3. ПСЗРИ-1. Т. VII. № 4406.

4. ПСЗРИ-1. Т. IV. № 3977.

5. ПСЗРИ-3. Свод законов гражданских. СПб., 1903. Т. X. 4.1. С. 164–165.

6. ПСЗРИ-1. Т. IV. № 3949.

7. Семидеркин Н. А. Создание первого брачно-семейного кодекса. М., 1989.

8. Суворов Н. Учебник церковного права. 5-е изд. М. : А. А. Карцев, 1913.

9. Суворов Н. С. Гражданский брак. СПб. : Изд. Я. Канторовича, 1896.

10. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.

References

1. Grigorovsky S. On marriage and divorce, on illegitimate children, legalization and adoption and on metric documents: collection of church and civil laws. 12th ed., without changes. St. Petersburg : Synodal Printing House, 1912.

2. PSZRI-1. Vol. VII. No. 14356.

3. PSZRI-1. Vol. VII. No. 4406.

4. PSZRI-1. Vol. IV. No. 3977.

5. PSZRI-3. Code of Civil Laws. St. Petersburg., 1903. T. X. 4.1. P. 164–165.

6. PSZRI-1. Vol. IV. No. 3949.

7. Semiderkin N. A. Creation of the first Marriage and Family Code. M., 1989.

8. Suvorov N. Textbook of Church Law. 5th ed. M. : A. A. Kartsev, 1913.

9. Suvorov N. S. Civil marriage. St. Petersburg. : Publishing house of Ya. Kantorovich, 1896.

10. Shershenevich G. F. Textbook of Russian civil law (according to the 1907 edition). M., 1995.

Информация об авторе

С. Н. Грошев — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 04.08.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 04.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-82-86>

NIJON: 2003-0059-5/22-421

MOSURED: 77/27-003-2022-05-620

Новеллы уголовного законодательства: проблемы толкования и применения

Элла Владимировна Густова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ellagustova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема эффективности уголовного законодательства и прежде всего его позитивного влияния на преступность, которая относится к центральным проблемам уголовно-правовой политики. С момента появления уголовного права возникла и необходимость изучения уголовно-правовых норм на предмет определения степени их эффективности в сфере охраны уголовно-правовых отношений. Рассмотрены некоторые изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации за 2020–2022 гг. Дается оценка этих изменений. Анализируются особенности и возможные сложности толкования и применения новых норм. Обращено внимание на несовершенство законодательных конструкций, ведущее к дестабилизации законоположений. Предлагаются рекомендации, направленные на минимизацию (нивелирование) выявленных проблем, основанные на логическом толковании уголовного закона и правилах квалификации.

Ключевые слова: уголовное право, новеллы уголовного законодательства, толкование уголовно-правовых норм, правоприменение, недостатки уголовного закона

Для цитирования: Густова Э. В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы толкования и применения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 82–86. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-82-86>.

Original article

Criminal law novellas: problems of interpretation and application

Ella V. Gustova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, ellagustova@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of the effectiveness of criminal legislation and, above all, its positive impact on crime, which belongs to the central problems of criminal law policy. Since the advent of criminal law, there has also been a need to study criminal law norms in order to determine the degree of their effectiveness in the field of protection of criminal law relations. Some changes made to the Criminal Code of the Russian Federation for 2020–2022 are considered. An assessment of these changes is given. The features and possible difficulties of interpretation and application of the new norms are analyzed. Attention is drawn to the imperfection of legislative structures leading to the destabilization of legal provisions. Recommendations aimed at minimizing (leveling) are offered identified problems based on the logical interpretation of the criminal law and qualification rules.

Keywords: criminal law, novellas of criminal law, interpretation of criminal law norms, law enforcement, shortcomings of criminal law

For citation: Gustova E. V. Criminal law novellas: problems of interpretation and application. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):82–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-82-86>.

Последние два года являются сложными для нашей страны в социально-психологическом и правовом плане. Это связано с затянувшимся распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), проведением специальной военной операции на Украине, которые отразились не только на политической, экономической жизни общества, но и на реформировании уголовного законодательства. Развитие уголовного права всегда было конъюнктурным, но следовало интересам общества и государства, в той

или иной мере последовательно отражало смену ведущих политико-правовых идей, создавало механизмы и средства, наиболее адекватные насущным практическим задачам борьбы с преступностью. В этом отношении современные правовые процессы в принципе не вызывают критики и скорее должны восприниматься как данность [1, с. 266].

Поскольку любые, даже частичные изменения сказываются на жизни людей и в целом на развитии и психологии общества, в настоящее время можно

© Густова Э. В., 2022

говорить, что мы на пути к созданию нового уголовного законодательства. Количество изменений, внесенных в кодекс, можно назвать беспрецедентным.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение всех кардинальных преобразований уголовного законодательства, остановимся на изменениях 2020–2022 гг. За данный период было принято 34 Федеральных закона, которые тем или иным образом повлияли на регулирование уголовно-правовых отношений. В данной работе рассматриваются изменения, которые были наиболее значимыми и которые внесли новые статьи в Особенную часть Уголовного кодекса РФ.

Так, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» была изложена в новой редакции. Диспозиция ч. 1 дополнена последствиями — «повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий», ч. 2 — «повлекшие по неосторожности смерть человека», ч. 3 — «смерть двух и более». В результате данных изменений Уголовный кодекс был дополнен еще одним составом преступления, который в теории принято называть «составом поставления в опасность» [2, с. 111; 7, с. 450]; речь идет о преступлениях, момент окончания которых связан с созданием угрозы причинения вреда правоохраняемым объектам. В науке высказывается разное отношение к закреплению подобных деяний, но очевидно, что социальная действительность и правовое регулирование требуют введения таких уголовно-правовых запретов. В целях обеспечения единообразного применения законодательства Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики было дано разъяснение, что под созданием угрозы наступления последствий следует понимать случаи реальности этой угрозы, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими лицами мер, направленных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила [4].

В результате такого разъяснения становится очевидным, что если лицо нарушило санитарно-эпидемиологические правила и его действия привели к

массовому заражению либо создали такую угрозу, то оно может быть привлечено к уголовной ответственности. Обращает на себя внимание ключевая формулировка — «угроза» наступления последствий, а именно — определение ее пределов. Это крайне существенные изменения, поскольку и угроза, и массовое заражение людей являются оценочными признаками преступления, и как они могут быть определены — большой вопрос. Формально к уголовной ответственности может быть привлечен любой человек, зараженный COVID-19, который знал о том, что инфицирован, и, несмотря на это, покинул стационар либо место самоизоляции. COVID-19 действительно стал опасным вирусом для всего мира и унес миллионы жизней, но этот фактор не может быть основанием криминализации деяний.

Нередко такие решения принимаются по «горячим следам» особо безнравственных деяний, получивших широкую огласку в средствах массовой информации. Между тем, решения о криминализации должны приниматься законодателем исключительно с учетом криминологических, уголовно-правовых исследований (статистических данных о состоянии, структуре, динамике преступности, криминогенных факторах, взаимосвязи преступлений и правонарушений, определении объекта преступной деятельности и др.) Уголовный закон должен ориентироваться на идею справедливости, а законотворческая деятельность — на идею его целесообразности.

Этим же федеральным законом были введены в гл. 24 УК РФ две статьи — 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия». Обращает на себя внимание тот момент, что при конструировании данных норм законодатель включил в них признак публичности. Согласно обзору по отдельным вопросам судебной практики, совершение данных преступлений возможно с использованием «информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и иных)», а также «массовой рассылки электронных сообщений абонентам мобильной связи». В данной ситуации возникает закономерный вопрос: учитывая количество пользователей социальных сетей, мессенджеров и всей глобальной сети Интернет, а также

их доступность и возможности по распространению сведений на массовую аудиторию, почему законодателем не был включен соответствующий квалифицирующий признак в конструкцию данных норм? Ведь распространение «фейковых» новостей на волне пандемии COVID-19 именно в социальных сетях набирало колоссальные масштабы, порождая панические настроения у населения страны. Тем не менее, законодатель не учел общественную опасность использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет при криминализации данного деяния.

Далее реформирование уголовного законодательства продолжилось введением ст. 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России». В последнее время в России и других странах увеличилось количество преступлений, выраженных в посягательстве на воинские захоронения, а также иные мемориальные объекты, увековечивающие память павших при защите Родины либо ее интересов, в частности, это касается объектов, посвященных Великой Отечественной войне. В связи с этим законодателем были криминализованы такие деяния. Но возникают вопросы толкования и применения данной нормы. Так, относительно предмета преступления ст. 243.4 УК РФ, в качестве которого могут выступать только объекты, связанные с военным прошлым и военными подвигами погибших при защите Отечества либо местами их захоронений. Должен ли статус этих объектов признаваться Правительством РФ, муниципальными органами и могут ли они быть возведены частными лицами либо благотворительными фондами? Для примера возьмем музейный историко-мемориальный комплекс, посвященный героическим защитникам Севастополя, «35-я береговая батарея». Решением Севастопольского городского совета комплекс береговых фортификационных сооружений 35-й береговой батареи с прилегающей территорией был отнесен к землям историко-культурного наследия. С целью возведения на этой территории музейного комплекса в июне 2008 г. был создан благотворительный фонд историко-культурного развития города «35-я береговая батарея», в который входили инициативные граждане, предприниматели,

жители города, а основным спонсором постройки являлся бизнесмен А. М. Чалый.

Закономерен вопрос: будут ли признаваться предметом преступления мемориальные комплексы, музеи, памятники, построенные частными лицами, благотворительными фондами и т. д.?

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ ст. 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации» была изменена в новой редакции. Текст диспозиции ч. 1 состоит из 180 слов, а ч. 2 — из 163. Очевидно, что понять смысл данной нормы затруднительно в силу ее объема. Институтом государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ (ИГМУ) было проведено исследование по оценке сложности языка законов, в рамках которого было проанализировано 592 законодательных акта. Согласно полученным данным, в 2019 г. по сравнению с 1991 г. среднее количество слов в законе увеличилось с 4979 до 12 450, а отдельные нормы выросли в объеме более чем в три раза (например, с 96 до 291). Максимального числа (707 слов) достигла статья закона о государственном регулировании производства и оборота алкоголя. По мнению экспертов, длина предложения в юридическом тексте не должна превышать 50 слов, иначе это может привести к неправильному толкованию нормы [3].

При конструировании уголовно-правовых норм законодателю стоило бы придерживаться данной рекомендации.

Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ была введена ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации». С введением данной нормы у юристов возникло несколько вопросов. В каком случае распространение информации признается публичным? Например, если она доведена до сведения двух или более человек либо адресована группе или неограниченному кругу лиц? Какой должна быть форма выражения сведений: раздача листовок, проведение собраний, размещение постов в социальных сетях и т. п.? Согласно судебной практике, вся информация, размещенная в Интернете, имеет свойство публичности.

Уголовная ответственность по данной статье наступает за распространение под видом достоверных ложных фактов об использовании Вооруженных сил

РФ. Полагаем, что практика столкнется с проблемой установления ложности таких фактов. Необходимо, будет доказать, что лицо не знало о «мифичности» распространенных сведений, т. е. их несоответствии официальной информации Минобороны России. Информация может быть расценена судом как ложная, исходя из неких «общедоступных знаний». За этим может последовать вывод о том, что гражданин не мог не знать о ее недостоверности. Установить информированность субъекта о названных обстоятельствах до начала совершения преступления практически невозможно. Такой подход противоречит логике уголовного права, но, пока практика применения новых норм не сформировалась, гражданам следует проявлять осторожность в подобных действиях.

Другой новеллой уголовного закона стала ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Сложность применения данной нормы заключается в отсутствии единого понимания понятия «дискредитация». Этот термин впервые использован в уголовном законе. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, под дискредитацией понимается подрыв доверия к чему-нибудь; умаление авторитета кого-нибудь [5, с. 252].

Обращаясь к другим источникам, это также совершение должностным лицом действий, явно подрывающих в глазах граждан достоинство и авторитет органов власти [6, с. 400].

В уголовном праве под дискредитацией следует понимать умышленные действия, направленные на лишение субъекта доверия к нему, на подрыв его авторитета, имиджа. Следовательно, любые публичные действия граждан, которые совершены умышленно и противоречат официальной позиции Министерства обороны РФ, а также расцененные как умаляющие авторитет Вооруженных сил РФ (фактически даже негативное высказывание о российской армии, боевой подготовке военнослужащих) могут быть признаны преступными.

Этим же федеральным законом была введена ст. 284.2 «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц». Ответственность по ст. 284.2 УК РФ возникает только, если субъект публично призывает

иностранное государство, международное сообщество ввести или продлить антироссийские санкции. Если же он высказывает свое мнение о необходимости или правомерности примененных санкций, без призывов, то состава преступления такие деяния не образуют. Учитывая, что данный состав преступления сконструирован с административной преюдицией, граждане, привлеченные к административной ответственности за дискредитацию использования Вооруженных сил РФ и призывы к введению ограничительных мер, в течение последующего года находятся в группе повышенного риска привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, новыми статьями установлена ответственность за распространение фейков о действиях армии России, умаление ее авторитета и призывы к введению антироссийских санкций. Наказания за эти деяния предусмотрены достаточно суровые (основные составы — максимальное наказание до 3-х лет лишения свободы, квалифицированные — до 5-ти лет и особо квалифицированные — до 15-ти лет). При чем формулировки новых норм дают широкий простор для их применения правоохранительным органам и суду.

Стоит отметить, что за рассматриваемый период реформирования уголовного законодательства пять статей (п. «б» ч. 3 ст. 133, п. «д» ч. 2 ст. 230, ч. 1.1 ст. 238.1, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «в» ч. 2 ст. 354.1) были дополнены квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». При криминализации ст. 207.3, 284.2, которые стали ответной мерой государства на распространение ложной информации о действиях Вооруженных сил Российской Федерации при проведении специальной военной операции на территории Украины, данный признак не был учтен. С первых дней ее проведения все социальные сети и мессенджеры захлестнула волна самых различных «новостей», распространяющих сведения о противоправных действиях, совершаемых военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации.

Кроме того, спустя три недели после криминализации данных деяний Федеральным законом от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ были внесены поправки в «новые» статьи. Диспозиции ст. 207.3, 280.3 УК РФ были расширены фразами «...исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий».

Это еще раз свидетельствует о нестабильности принятых решений и поспешности действий законодателя.

Россия ведет информационную войну, которую ей навязали недружественные государства. Приходится быть очевидцами того, как западные политики и политологи, государственные пропагандистские центры с использованием всех средств массовой информации ежедневно обрушивают на наше государство, на политическое руководство и на российский народ потоки лжи, клеветы. В состоянии войны возрастает роль государства и его ценность как объекта уголовно-правовой охраны. Речь идет не только об укреплении обороноспособности, но и об интенсификации деятельности других силовых структур, реформировании экономики, совершенствовании законодательства. Народ вправе рассчитывать на то, что государство защитит его от грозящих опасностей. Но все меры, в том числе уголовно-правового характера, должны быть продуманными, системными и не противоречащими другим нормативным правовым актам.

Уголовный закон — это мощный инструмент в борьбе с преступностью и регулировании отношений, в том числе социальных и политических. Но он теряет свои качества, когда превращается в бессистемный акт, с отсутствием логически взаимосвязанных конструкций и закреплением деяний, которые априори нельзя признать преступлениями.

Список источников

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2015.
2. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М., 2009.
3. Непростой язык закона // URL://<https://ceur.ru/news/ekspertiza/item 359842/>

4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2003.

6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. С. М. Ковалев. М., 1980.

7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2005.

References

1. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Problems of Russian criminal policy. M. : Prospect, 2015.
2. Lopashenko N. A. Environmental crimes: criminal law analysis. M., 2009.
3. The uneasy language of the law // URL://<https://ceur.ru/news/ekspertiza/item 359842/>
4. Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) No. 2 on the territory of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 30, 2020) // SPS «ConsultantPlus».
5. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / edited by N. Yu. Shvedova. M., 2003.
6. Soviet Encyclopedic Dictionary / chief editor S. M. Kovalev. M., 1980.
7. Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook / edited by L. V. Inogamova-Hegai, A. I. Raroga, A. I. Chuchaeva. M., 2005.

Информация об авторе

Э. В. Густова — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Gustova — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 37.014.15:34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-87-91>
NIION: 2003-0059-5/22-422
MOSURED: 77/27-003-2022-05-621

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних

Мевлуд Демуралович Давитадзе¹, Ольга Валерьевна Иваньшина²

¹ Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД России, Одинцово, Россия, md2063@mail.ru

² Московский университет имени С. Ю. Витте, Москва, Россия, olya-ivanshina68@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основания лишения родительских прав как крайней меры ответственности, лишавшей родителей или одного из них всякой возможности принимать участие в воспитании ребенка, а также основания уголовно-правовой ответственности в случае неисполнения и ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних.

Ключевые слова: воспитание, семья, родительские обязанности, злостное уклонение, семейное положение

Для цитирования: Давитадзе М. Д., Иваньшина О. В. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 87–91. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-87-91>.

Original article

Failure to fulfill obligations for the upbringing of minors

Mevlud D. Davitadze¹, Olga V. Ivanshina²

¹ Odintsovo Branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo, Russia, md2063@mail.ru

² Moscow University named after S. Yu. Witte, Moscow, Russia, olya-ivanshina68@yandex.ru

Abstract. The grounds for deprivation of parental rights are considered as an extreme measure of responsibility, depriving parents or one of them of any opportunity to take part in the upbringing of a child, as well as the grounds for criminal liability in case of failure to perform and improper performance of duties for the upbringing of minors.

Keywords: education, family, parental responsibilities, malicious evasion, marital status

For citation: Davitadze M. D., Ivanshina O. V. Failure to fulfill obligations for the upbringing of minors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):87–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-87-91>.

Семья в жизни каждого человека занимает важнейшую роль, а тем более если речь идет о ребенке. У ребенка именно в полноценной семье осуществляется формирование определенного мировоззрения на жизнь. На сегодняшний день, к большому сожалению, в Российской Федерации без родительской опеки остались сотни тысяч детей по различным обстоятельствам — смерть родителей, материальное либо жилищное затруднение семьи, внебрачная рожаемость и т. д.

Ключевым и одним из важных институтов семейного права является лишение родительских прав, как меры защиты детей. Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) провозглашает приоритет заботы о благосостоянии и развитии детей, а так же обеспечение приоритетной защиты их прав и интересов в качестве принципов семейного права, и предусматривает лишение родительских прав в качестве меры семейно-правовой

ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, которая применяется в судебном порядке. В законе приведен исчерпывающий (закрытый) перечень оснований для применения этой меры. Дела о лишении родительских прав, рассматриваемых российскими судами, на сегодняшний день составляют значительное количество [6, с. 152].

Основания лишения родительских прав родителей либо одного из них предусмотрены ст. 69 СК РФ.

Одно из оснований состоит в уклонении родителей от выполнения родительских обязанностей, в том числе злостном уклонении от уплаты алиментов. Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 2 п. 11 постановления Пленума Верховного суда РФ (далее — ВС РФ) от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», уклонение родителей от выполнения обязанностей по воспита-

© Давитадзе М. Д., Иваньшина О. В., 2022

нию детей «может быть выражено в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду» [1]. В законодательстве не содержится легального определения злостности, что существенно затрудняет квалификацию уклонения от уплаты алиментов как злостного. Определение злостности преступления отнесено на усмотрение суда; как следствие — подходы к ее определению существенно разнятся и это не может быть признано правильным. Касается это и лишения родительских прав по приведенному основанию, и квалификации такого деяния, как преступления по ч. 1 ст. 157 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), неуплата средств на содержание детей. В случае неоднократной неуплаты средств по алиментным обязательствам без уважительной причины, в нарушение решения суда или нотариального соглашения, предусмотрен один из следующих видов наказания:

- ◆ исправительные работы на срок до одного года;
- ◆ принудительные работы на срок до одного года;
- ◆ арест на срок до трех месяцев;
- ◆ лишение свободы на срок до одного года.

Достаточно большое количество граждан Российской Федерации не исполняют вышеуказанные обязательства, поэтому данные виды наказания кажутся весьма справедливыми.

Второе основание заключается в отказе родителей без уважительных причин забрать своего ребенка из родильного дома либо иного лечебного, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или аналогичных организаций. К уважительным причинам, которые препятствуют лишению родительских прав по этому основанию, относят отсутствие у родителя условий для проживания [3, с. 54].

Третье основание состоит в злоупотреблении родителями своими родительскими правами.

Четвертое относится к основаниям лишения родительских прав за жестокое обращение родителей с детьми, в том числе применение физического или психического насилия к ним, покушение на их половую неприкосновенность [4, с. 142]. Данное основание прямо связано с закрепленной в СК РФ общей обязывающей нормой, возлагающей на родителей обязанность по воспитанию своих детей, заботу об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии и указывающей на ответ-

ственность за их воспитание и развитие. В абз. 3 п. 11 постановления Пленума ВС РФ указано, что под злоупотреблением родительскими правами подразумевается использование этих прав в ущерб интересам детей. В порядке конкретизации данного положения, Пленумом ВС РФ к нему отнесено «препятствие в обучении, склонение к попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению спиртных напитков или наркотиков и т. п.» [1].

Пятое основание — хронический алкоголизм или наркомания родителей.

Безусловно, данный диагноз обязательно должен быть подтвержден медицинским заключением. Лишение родительских прав по этому основанию от признания родителя ограниченно дееспособным в соответствии со ст. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) не зависит. Примечательно, что, обращая на это внимание в абз. 5 п. 11 постановления, Пленум ВС РФ учел схожесть этого основания лишения родительских прав и оснований признания ограниченно дееспособным, которые содержит абз. 1 п. 1 ст. 30 ГК РФ.

Шестое основание — умышленное преступление родителей против жизни или здоровья своих детей либо супруга. Следует отметить, что данное обстоятельство должно быть установлено вступившим в законную силу приговором суда по факту побоев, истязания, доведения до самоубийства, покушения на убийство и т. п.

Лишение родительских прав, как прямо указано в п. 13 постановления, — «крайняя мера». На это обстоятельство так же обращено внимание и в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом ВС РФ 20 июля 2011 г., в котором отмечено, что данная крайняя мера семейно-правовой ответственности применяется «в ситуации, когда другим путем защитить права и интересы ребенка невозможно» [2]. Однако, на практике, затруднения вызывает определение, в каких случаях данная «крайняя мера» должна применяться.

В ст. 156 УК РФ закреплена уголовная ответственность в случае неисполнения и ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних родителей, а также иными лицами, на которых возложены эти обязанности, а равно педагогическими работниками или другими работниками образовательной организации, медицинской

организации, так же организации, которая оказывает социальные услуги, либо иной другой организации, осуществляющий надзор за несовершеннолетним. В данном случае идет речь о том, что деяние, совершенное указанными лицами, непременно должно быть соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, связанные с обеспечением должного физического, умственного, нравственного и социального развития ребенка; дополнительным объектом может выступать здоровье несовершеннолетнего. Объективная сторона преступления выражается в ненадлежащем исполнении или неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением, лицом на которого в соответствии с законом или подзаконным актом возложены данные обязанности. Обязательный признак объективной стороны — жестокое обращение с несовершеннолетним как способ совершения преступления. Субъект преступления — родитель, педагогический работник или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию. И субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Необходимо отметить, что связывать лишение родительских прав исключительно с такими основаниями, как жестокое обращение с детьми, совершение умышленного преступления против их жизни или здоровья было бы ошибочным. В ст. 69 СК РФ закреплен исчерпывающий перечень однопорядковых оснований, влекущих лишение родительских прав в равной степени.

Обратим внимание, что, если основание или несколько оснований для лишения родителя прав в отношении несовершеннолетнего ребенка выявлены в процессе обследования условий жизни ребенка, работнику органов опеки и попечительства необходимо сначала проанализировать возможность их устранения, а также меры, которые могут быть предприняты для оказания помощи родителю для их преодоления. Указанное необходимо для того, чтобы всеми возможными способами избежать лишения родителей прав в отношении несовершеннолетнего, конечно же если это будет соответствовать интересам ребенка. К примеру, возможно принятие таких мер, как временное устройство ребенка, что даст родителю время решить проблемные моменты,

могущие привести к лишению родительских прав; также возможно, при необходимости, оказание помощи родителю в получении лечения от алкоголизма/наркомании и пр., оказание помощи в поиске работы и прочие варианты оказания помощи и поддержки. Следует отметить, что такая помощь и работа с такой семьей должна осуществляться органами опеки и попечительства при взаимодействии с комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, органами внутренних дел.

Важно отметить, что при поступлении в орган опеки и попечительства сведений о наличии в конкретной семье оснований для лишения родителей прав в отношении ребенка, в адрес данной семьи, при подтверждении данной информации, может последовать предупреждение, которое оформляется в письменном виде. Отчасти такое предупреждение выносится в качестве «шоковой терапии», ведь сама мысль о возможном лишении прав в отношении ребенка может привести родителя к мысли об изменении своего образа жизни и отношения к семье, ребенку и быту.

Следует отметить, что дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению одного из родителей или лиц, их заменяющих, заявлению прокурора, а также по заявлениям органов или организаций, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и др.) [5, с. 46], а исходя из общего требования ст. 57 СК РФ, при разрешении дела о лишении родительских прав, суд обязан учитывать мнение ребенка, который достиг 10-летнего возраста, если это не противоречит его интересам.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что ст. 69 СК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав. Это обусловлено тем, что лишение родительских прав представляет собой крайнюю меру семейно-правовой ответственности, лишаящую родителей или одного из них всякой возможности принимать участие в воспитании ребенка, а также права любых контактов с ним.

Список источников

1. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и

медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.) // URL://http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html.

2. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

4. Решение Железнодорожного районного суда г. Самары № 2-190/2020 2-190/2020(2-3328/2019);~М-3145/2019 2-3328/2019 М-3145/2019 от 29 января 2020 г. по делу № 2-190/2020 // URL://https://sudact.ru.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Хасимова Л. Н. Основания лишения родительских прав. Актуальные вопросы права и правоприменительной практики: мат. «круглого стола», проведенного в Нижнекамском филиале Московского гуманитарно-экономического института (6 апреля 2011 г.). Вып. 5 / под ред. А. А. Юнусова. Нижнекамск : Нижнекамский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2011.

References

1. Convention on the Protection of Human Rights and Dignity in connection with the Application of Advances in Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (Oviedo, April 4, 1997) // URL://http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html.

2. Review of the practice of court resolution of disputes related to the upbringing of children (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 20, 2011) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 7.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of May 27, 1998 (ed. of December 26, 2017) «On the application of legislation by courts in resolving disputes related to the upbringing of children» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1998. № 7.

4. The decision of the Railway District Court of Samara № 2-190/2020 2-190/2020(2-3328/2019);~М-3145/

2019 2-3328/2019 М-3145/2019 dated January 29, 2020 in case No. 2-190/2020 // URL://https://sudact.ru.

5. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 1, 2021) (with amendments and additions, intro. effective from August 22, 2021) // SZ RF. 1996. No. 25. St. 2954.

6. Khasimova L. N. Grounds for deprivation of parental rights. Topical issues of law and law enforcement practice: mat. The «round table» held at the Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute (April 6, 2011). Issue 5 / edited by A. A. Yunusov. Nizhnekamsk : Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute, 2011.

Библиографический список

1. Большакова О. Г. Лишение родительских прав по причине отказа родителей взять ребенка из родильного дома (отделения) либо из иного лечебного, воспитательного учреждения или из иных аналогичных организаций // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 5 (105).

2. Ерохина Е. В. Жестокое обращение с детьми как основание лишения родительских прав: теория и практика применения на территории Оренбургской области. Детство без жестокости и насилия. Совершенствование федерального и регионального законодательства: мат. рег. науч.-практ. конф. / под ред. П. В. Самсонова. М.–Оренбург : Юстицинформ, 2012.

3. Каймакова Е. В. Защита семейных прав в контексте гражданского и семейного права: сравнительно-правовое исследование: моногр. Курск, 2012.

4. Кожевникова Е. И. Социальное сиротство в современной России: состояние и детерминанты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. № 2.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Bibliographic list

1. Bolshakova O. G. Deprivation of parental rights due to the refusal of parents to take a child from a maternity hospital (department) or from another medical,

educational institution or from other similar organizations // Scientific notes of the Russian State Social University. 2012. № 5 (105).

2. Erokhina E. V. Child abuse as a basis for deprivation of parental rights: theory and practice of application on the territory of the Orenburg region. Childhood without cruelty and violence. Improvement of federal and regional legislation: mat. reg. scientific and practical conf. / edited by P. V. Samsonov. M. –Orenburg : Justicinform, 2012.

3. Каймакова Е. В. Protection of family rights in the context of civil and family law: comparative legal research: monograph. Kursk, 2012.

4. Kozhevnikova E. I. Social orphanhood in modern Russia: state and determinants // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2013. No. 2.

5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SZ RF. 2014. No. 31. St. 4398.

6. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-Federal Law (ed. of July 2, 2021) // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 1. Article 16.

Информация об авторах

М. Д. Давитадзе — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, профессор;

О. В. Иваншина — аспирант кафедры Теории и истории государства и права Московского университета имени С. Ю. Витте.

Information about the authors

M. D. Davitadze — Professor of Criminal Law, Criminal Trial and Criminalistics of the Odintsovo Branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor;

O. V. Ivanshina — Graduate Student of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow University named after S. Yu. Witte.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-92-97>

NIJON: 2003-0059-5/22-423

MOSURED: 77/27-003-2022-05-622

Роль экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве

Игорь Анатольевич Данилкин

Главное управление МВД России по городу Москве, Москва, Россия, i-danilkin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются экспертно-криминалистическая и судебно-экспертная деятельность; на основе сравнения их ключевых признаков обосновывается вывод о необходимости развития не только научно-методического фундамента судебно-экспертных исследований различных видов, но и выработки и совершенствования научно-методических основ собственно экспертно-криминалистической деятельности, в том числе ее научного определения, а также конкретизации цели и содержания последней.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическая деятельность, судебная экспертиза, эксперт, специалист, следственные действия, оперативно-разыскная деятельность

Для цитирования: Данилкин И. А. Роль экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 92–97. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-92-97>.

Original article

The role of expert-criminal and forensic activities in criminal proceedings

Igor A. Danilkin

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow, Moscow, Russia, i-danilkin@mail.ru

Abstract. Forensic and forensic activities are considered, on the basis of a comparison of the key features of which the conclusion is substantiated that it is necessary to develop not only the scientific and methodological foundation of forensic research of various types, but also to develop and improve the scientific and methodological foundations of the forensic activities proper, in including its scientific definition, as well as specifying the purpose and content of the latter.

Keywords: forensic and criminalistic activity, forensic expertise, expert, specialist, investigative actions, operative-investigative activity

For citation: Danilkin I. A. The role of expert-criminal and forensic activities in criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):92–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-92-97>.

В рамках производства предварительного расследования установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному делу, во многих случаях сопряжено с необходимостью получения и исследования криминалистически значимых следов и объектов различной природы, что неизбежно вызывает потребность в привлечении к уголовному судопроизводству лиц, обладающих соответствующими специальными знаниями. Согласно определению, сформулированному П. П. Ищенко, под «специальными знаниями» следует понимать «любые профессиональные знания, которые могут оказать содействие в обнаружении, фиксации и изъятии доказательств» [6, с. 11]. В связи с возросшей потреб-

ностью в специалистах в самых разных областях знаний, в структуре правоохранительных органов были созданы отдельные подразделения, осуществляющие два специфических вида деятельности — экспертно-криминалистическую (далее — ЭКД) и судебно-экспертную (далее — СЭД).

Представляется необходимым обратить внимание на сформировавшиеся к настоящему моменту нормативные и практически ориентированные различия ЭКД и СЭД. В ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ «О ГСЭД») закреплено, что СЭД «...состоит в организации и производстве судебной экс-

© Данилкин И. А., 2022

пертизы». В соответствии с п. 4 «Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (утверждено приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7, далее — «Наставление») СЭД является только одним из основных направлений деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел РФ (далее — ЭКП). Отметим также, что и Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в качестве одного из основных направлений деятельности последней, изложенных в ст. 2, определяет не судебно-экспертную, а именно экспертно-криминалистическую деятельность, содержание которой конкретизировано в п. 3 указанного ранее «Наставления». В соответствии с вышеизложенным, нормативное содержание ЭКД составляет деятельность федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», экспертно-криминалистических центров, отделов (отделений, групп) органов внутренних дел, заключающуюся в осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности при организации и производстве судебных экспертиз, а также в применении технических средств и специальных знаний по заданиям уполномоченных законодательством РФ государственных органов и должностных лиц. Приведенное определение ЭКД объединяет два ключевых компонента — собственно СЭД и применение специальных знаний и необходимых технических средств по заданиям уполномоченных органов в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения противоправных деяний.

Применение технических средств и специальных знаний по заданиям законодательно уполномоченных на их поручение лиц состоит в производстве предварительных исследований объектов для решения отдельных диагностических и идентификационных задач, участия сотрудников профильных лабораторий экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России в качестве специалиста в следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях, а также ведении и использовании экспертно-криминалистических учетов. Следовательно, вышеперечисленное и составляет содержание ЭКД территориальных ЭКП по технико-криминалистическому обеспечению уполномоченных законодательством РФ государственных органов и долж-

ностных лиц. К настоящему моменту все более очевидно прослеживается необходимость не только внутриведомственной, локальной, конкретизации определения и содержания ЭКД, служащей эффективным средством получения доказательственной и ориентирующей информации в рамках уголовного судопроизводства, но и выработки научного толкования данной деятельности, соответствующего накопленному историческому и практическому опыту.

ЭКД, в сравнении с СЭД, имеет ряд особенностей. Во-первых, зачастую, ЭКД осуществляется в полевых условиях с достаточной степенью неопределенности: сотруднику ЭКП в рамках различных следственных действий при оказании содействия руководителю следственно-оперативной группы приходится решать задачи со множеством неизвестных. Лабораторные судебно-экспертные исследования, напротив, осуществляются по конкретному предоставленному заданию, в отношении заранее определенных объектов и в соответствии с имеющимся методическим обеспечением, однако находятся в прямой зависимости от результатов ЭКД, выраженных в полноте и качестве работы специалиста по применению технико-криминалистических средств и методов в рамках обнаружения, фиксации и изъятия доказательств при осмотре мест происшествий. В отношении следов преступлений с учетом разнообразия их природы перед сотрудниками ЭКП ставятся комплексные аналитические задачи не только по определению механизма их образования, но и по установлению причинно-следственной связи обнаруживаемых следов с событием преступления [2]. Поэтому закономерно, что в рамках осуществления ЭКД сотрудники территориальных ЭКП должны обладать не только основательной целевой, экспертной специальностью, но и универсальной криминалистической подготовкой, позволяющей успешно и оперативно решать задачи обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов правонарушений с соблюдением установленных нормативных, теоретических и методических ограничений.

Во-вторых, рассматривая практическую реализацию основных направлений ЭКД, следует отметить и различный правовой статус сотрудников ЭКП при исполнении отдельных возложенных на указанные подразделения функций: сотрудники ЭКП в рамках осуществления своей служебной деятельно-

сти в соответствии с должностными регламентами совмещают функции специалистов-криминалистов как обладающих специальными знаниями квалифицированных помощников следователей, дознавателей и оперативных сотрудников, а также экспертов при производстве собственно судебных экспертиз. В результате все сложнее становится сочетать в одном лице специалиста-криминалиста и судебного эксперта, избегая чрезмерного сосредоточения на развитии одного из направлений деятельности ЭКП в ущерб другим [4]. При производстве судебных экспертиз процессуальное положение сотрудника ЭКП, его права и обязанности в статусе эксперта как одного из участников уголовного судопроизводства, регламентируются ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), реализует которые он в рамках рассматриваемого процессуального действия в объеме, предусмотренном нормами гл. 27 УПК РФ о порядке назначения и производства судебной экспертизы. В то же время, возможность и целесообразность привлечения сотрудников ЭКП в качестве специалистов к участию в тех или иных процессуальных действиях определена ст. 164 и ст. 168 УПК РФ, а их процессуальные права и обязанности в описанной ситуации закреплены ст. 58 УПК РФ. При этом порядок производства предварительных исследований объектов, а также получения информации (справок) об их проверке по соответствующим экспертно-криминалистическим учетам в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не отражен, а представляет собой только один из этапов деятельности правоохранительных органов при проверке сообщений о преступлениях, алгоритм осуществления которой закреплен федеральным законом и локальными нормативно-правовыми актами отдельных министерств и ведомств (ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ч. III «Наставления»).

Структурно ЭКД складывается из следующих основных компонентов: участие специалиста в следственных действиях и научно-техническом сопровождении оперативно-розыскных мероприятий, ведение и использование экспертно-криминалистических учетов, в том числе и автоматизированных, а также производство судебных экспертиз. Однако в рамках научно-исследовательской деятельности основное внимание уделяется именно этапу эксперт-

ного исследования вещественных доказательств, игнорируя или весьма обзорно рассматривая вопросы реализации сотрудниками ЭКП иных функций указанных подразделений [5].

В последние десятилетия сложилось, что доминантой и центральным звеном основных направлений экспертно-криминалистической деятельности является организация и производство судебных экспертиз, что в соответствии с ФЗ «О ГСЭД» составляет государственную судебно-экспертную деятельность (ст. 1). Современная система государственных судебно-экспертных учреждений не ограничивается профильными подразделениями правоохранительных органов: широкая сеть лабораторий системы судебно-экспертных учреждений Министерства здравоохранения, юстиции и некоторых других ведомств во многом ограничена собственно лабораторными исследованиями объектов, в то время как одной из базовых задач специалиста-криминалиста — сотрудника соответствующего подразделения правоохранительного органа — на первоначальном этапе расследования в соответствии со ст. 58 УПК РФ является оказание содействия в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления с использованием соответствующих технических средств. Получаемые в рамках осмотра места происшествия и отдельных вещественных доказательств сведения в дальнейшем составляют основу построения версий и планирования расследования. Поэтому следует признать, что в общей системе научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений судебная экспертиза чрезвычайно важна как средство доказывания, но она вторична по отношению к поисково-познавательной деятельности, осуществляемой специалистами в рамках научно-технического обеспечения процесса расследования преступлений [1].

Профессором А. Ф. Волынским обоснованно предлагается рассматривать научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства с точки зрения дифференциации системы исследования доказательств с учетом стадий судопроизводства: досудебного возбуждения и расследования уголовного дела, а затем рассмотрения итоговых материалов в рамках судебного разбирательства. Неудивительно, что большая часть объема экспертной работы в рамках досудебных стадий уголовного судопроизводства на протяжении всей истории развития ЭКД

успешно выполняется и, очевидно, в будущем также должна выполняться сотрудниками территориальных ЭКП: полнота и качество производства назначаемых экспертиз и исследований непосредственно зависят от надлежащего уровня материально-технического обеспечения указанных подразделений, в том числе расширения внедрения и использования цифровых технологий и современных программных средств, в сочетании с непрерывным повышением профессиональной компетенции сотрудников. Кроме того, деятельность сотрудников ЭКП на досудебных стадиях уголовного судопроизводства во многом предопределяет возможности экспертного исследования доказательств на судебных стадиях, существенный объем которых на современном этапе возложен на систему судебно-экспертных учреждений Минюста России, а также на частные организации, сотрудники которых оказывают услуги по выполнению судебных экспертиз [2].

Проведение предварительных исследований предметов и документов в рамках проверки материалов сообщений о преступлениях, а также по уже возбужденным уголовным делам, позволяет в сжатые сроки с использованием методик и средств соответствующего вида экспертизы устанавливать наличие или отсутствие связи того или иного предмета с событием преступления, отдельными этапами его подготовки, совершения или сокрытия, а также определить круг объектов, подлежащих дальнейшему углубленному изучению в рамках судебной экспертизы при постановке вопросов к которой также целесообразно участие лица, обладающего необходимыми специальными знаниями (ч. III–IV «Наставления»). Приведенную выше задачу часто позволяет успешно решать участие специалистов территориальных ЭКП в осмотрах предметов и документов как самостоятельных следственных и процессуальных действиях: действующим уголовно-процессуальным законодательством закреплена обязанность лица, ведущего производство по делу, перед приобщением к материалам вещественных доказательств их осмотреть (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) с целью фиксации отдельных криминалистически значимых признаков, позволяющих идентифицировать объект среди себе подобных, а также выявить следы преступления. Поэтому ст. 168 УПК РФ предусмотрена возможность привлечения к описанным действиям специалиста с целью наиболее всестороннего, пол-

ного и объективного обнаружения и последующей фиксации свойств предметов. Кроме того, сохранность следов преступлений отдельных категорий напрямую зависит от правильности выбора способа работы с ними: так, при обнаружении и фиксации «цифровых» следов подбираемые средства должны не только обеспечивать возможность доступа к файловой системе исследуемого устройства, позволять восстанавливать удаленную информацию и получать доступ к защищенной информации, но и исключать намеренное или случайное повреждение уже имеющейся информации и привнесение новой, не связанной с событием преступления, а при изъятии объектов правильно выбранный способ упаковки позволяет не допустить их физического повреждения в результате различных механических воздействий и уничтожения или повреждения записанной информации, в том числе и дистанционно.

Ведение экспертно-криминалистических учетов как одно из направлений ЭКД в соответствии с приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (далее — «Инструкция») представляет собой системную работу по обобщению и систематизации экспертно-криминалистической информации об объектах учета, используемой для решения задач оперативно-разыскной деятельности и расследования уголовных дел. Основанием постановления объекта на экспертно-криминалистический учет, а также проверки объекта по экспертно-криминалистическому учету, является рапорт сотрудника оперативного подразделения, утвержденный его руководителем, или поручение следователя, дознавателя либо иного лица, уполномоченного осуществлять розыскные меры по делу: указанное поручение представляется в ЭКП в виде отдельного документа либо излагается в иных документах, содержащих поручения по производству предварительных или экспертных исследований объектов (п. 17 «Инструкции»), и представляет собой один из видов заданий на применение специальных знаний в целях осуществления уголовного судопроизводства. Сотрудник ЭКП, отвечающий за ведение экспертно-криминалистического учета, при поступлении подобного задания, обязан с использованием имеющихся в его распоряжении методов и технических средств, предназначенных для выявления признаков и свойств сле-

дов соответствующей природы, провести исследование поступивших объектов с целью выявления криминалистически значимой информации, пригодной для постановки объекта на учет либо проверки по учету, внести необходимые сведения в информационную карту в соответствии с разработанными ЭКЦ МВД России методическими рекомендациями, а также оформить справку о результатах исследования для информирования предоставивших объекты органов (п. 27 «Инструкции»). Отметим, что своевременно и в

полном объеме выполненное задание уполномоченных органов представляет собой эффективный инструмент повышения уровня раскрываемости отдельных категорий преступлений.

Таким образом, экспертно-криминалистическая деятельность по своему назначению и содержанию шире, чем судебно-экспертная, причем последняя составляет только один из структурных компонентов первой. Поэтому необходимо уделять внимание не только развитию теории и практики судебной экспертизы как научно-методическому фундаменту производимых экспертных исследований различных видов, но выработке и совершенствованию научно-методических основ собственно ЭКД, в том числе ее научного определения, а также конкретизации цели и содержания данной деятельности. Изучение опыта практической реализации планов по созданию новых судебно-экспертных учреждений свидетельствует о необходимости рассмотрения вопросов структурного реформирования судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности последовательно, комплексно, в тесном межведомственном взаимодействии.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

3-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. М.В. Мешкова

Предварительное следствие

Учебник

Третье издание

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

Список источников

1. Волынский А. Ф. Экспертно-криминалистическая служба МВД России: когда и почему искажен вектор ее развития, как его исправить // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 142–152.
2. Волынский А. Ф., Даниэлян Э. С. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства — это не только судебная экспертиза // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 50–59.
3. Данилкин И. А., Данилкина В. М. Государственная судебно-экспертная и экспертно-криминалистическая деятельность: дискуссии, решения, последствия // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 34–37.
4. Данилкин И. А. Организация экспертно-криминалистической деятельности: противоречие формы и содержания // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 22–23.
5. Кардашевская М. В. Экспертно-криминалистическая деятельность: взгляд в будущее // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 57–59.
6. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / под ред. А. М. Зинина М. : Проспект, 2016.

References

1. Volynsky A. F. Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: when and why the vector of its development is distorted, how to correct it // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (57). P. 142–152.

2. Volynsky A. F., Danielyan E. S. Scientific and technical support of criminal proceedings is not only forensic examination // Society and Law. 2021. No. 2 (76). P. 50–59.

3. Danilkin I. A., Danilkina V. M. State forensic and forensic activities: discussions, decisions, consequences // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 5. P. 34–37.

4. Danilkin I. A. Organization of forensic activity: contradiction of form and content // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 3. P. 22–23.

5. Kardashevskaya M. V. Expert-criminalistic activity: a look into the future // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 5. P. 57–59.

6. Participation of a specialist in procedural actions: textbook / edited by A.M. Zinina M. : Prospect, 2016.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (действующая редакция) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (действующая редакция) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

3. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (действующая редакция) «О государственной су-

дебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

4. Приказ Министерства внутренних дел РФ от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901969840>.

5. Приказ Министерства внутренних дел РФ от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // URL://http://mvd.rf/upload/site1/folder_page/002/939/761/Prikaz_MVD_Rossii_7.docx.

Bibliographic list

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (current version) // SZ RF. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

2. Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ (current edition) «On operational-search activity» // SZ RF. 1995. No. 33. Art. 3349.

3. Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ (current version) «On State Forensic Activities in the Russian Federation» // SZ RF. 2001. No. 23. Art. 2291.

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of February 10, 2006 No. 70 «On the organization of the use of forensic records of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901969840>.

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of January 11, 2009 No. 7 «On approval of the Manual on the organization of forensic activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // URL://http://mvd.rf/upload/site1/folder_page/002/939/761/Pri-kaz_MVD_Rossii_7.docx.

Информация об авторе

И. А. Данилкин — заместитель начальника полиции Главного управления МВД России по городу Москве, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. A. Danilkin — Deputy Chief of Police of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-98-103>

NIJON: 2003-0059-5/22-424

MOSURED: 77/27-003-2022-05-623

О месте компьютерной криминалистики в системе криминалистических знаний

Виталия Михайловна Данилкина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v-danilkina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается один из векторов развития современной криминалистики — новая частная теория, именуемая «компьютерная криминалистика», значимость которой в связи с ростом числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также расширением возможностей использования цифровых технологий и программных средств в криминалистике, бесспорна, однако место указанной теории в системе криминалистических знаний является дискуссионным.

Ключевые слова: компьютерная криминалистика, информационные технологии, цифровые следы, криминалистическая методика, специальные знания, специалист

Для цитирования: Данилкина В. М. О месте компьютерной криминалистики в системе криминалистических знаний // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 98–103. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-98-103>.

Original article

About the place of computer forensics in the system of forensic knowledge

Vitalia M. Danilkina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, v-danilkina@mail.ru

Abstract. One of the vectors of the development of modern criminalistics is considered — a new private theory called «computer criminalistics», the significance of which, due to the increase in the number of crimes committed using information and telecommunication technologies, as well as the expansion of the possibilities of using digital technologies and software in criminalistics, is indisputable, however, the place of this theory in the system of forensic knowledge is debatable.

Keywords: computer forensics, information technologies, digital footprints, forensic technique, special knowledge, specialist

For citation: Danilkina V. M. About the place of computer forensics in the system of forensic knowledge. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):98–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-98-103>.

В современном мире с развитием информационного общества формируется все более неразрывная связь человека и высокотехнологичных устройств: они либо непосредственно используются им самим, либо последний регулярно попадает в зону их действия [10]. В связи с этим закономерно совершенствуются и способы совершения различных видов преступлений. Однако, нельзя не отметить и возрастающую роль компьютерных технологий как инструмента повышения результативности расследования отдельных видов преступлений: широкое использование компьютерной техники и информационных технологий позволяет буквально проконтролировать каждый шаг преступника, идентифицировать его личность и зафиксировать следы преступления. Вышеописанные обстоятельства демонстрируют один из

значимых векторов развития современной криминалистики — формирование нового прикладного направления на стыке технического и гуманитарного знания, обусловившего появление такой частной криминалистической теории, как «компьютерная» или «цифровая» криминалистика, место которой в сложившейся системе отечественной криминалистики является дискуссионным.

Цифровую криминалистику определяют как частную криминалистическую теорию, предметом которой является система научных положений и разрабатываемых на их основе средств и методов по обнаружению, фиксации и изъятию, а также использованию компьютерной информации и средств ее обработки в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [8, с. 11–25]. Обычно раз-

© Данилкина В. М., 2022

личные виды следов именуется в соответствии со следообразующим объектом: соответственно, использование термина «цифровые следы» представляется некорректным, поскольку следообразующим объектом выступают не собственно цифры, а формирующиеся в электронных устройствах с их помощью сигналы, кодирующие информацию различного вида. Поэтому и термин «цифровая криминалистика» в недостаточной степени отражает специфику следов, составляющих предмет изучения данной науки: в прим. 1 к ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» именуется «компьютерной информацией», поэтому закономерным названием отрасли криминалистической техники, предметом изучения которой могут выступать рассматриваемые следы, является «криминалистическое учение о компьютерной информации».

Существуют и иные именования и трактовки понятия «компьютерная криминалистика»: так, например, Н. Н. Федотовым «форензика», являющаяся англоязычным вариантом названия совокупности исследований в области компьютерной информации, определяется как прикладная наука о раскрытии и расследовании преступлений, связанных с компьютерной информацией, а также о способах и приемах обнаружения, фиксации, исследования и изъятия компьютерной информации и технических средств ее обработки и хранения [9, с. 11–12], что по своему содержанию ближе к определению экспертно-криминалистических исследований цифровой информации, составляющих только часть предмета изучения компьютерной криминалистики.

Таким образом, определив компьютерную криминалистику как частную криминалистическую теорию, ее целесообразно рассматривать с точки зрения взаимосвязи с иными разделами криминалистики. Говоря о взаимосвязи компьютерной криминалистики и криминалистической техники, следует рассматривать два основных вектора развития последней: появление учения о криминалистическом исследовании компьютерной информации как отрасли криминалистической техники, разрабатывающий собственные способы обнаружения, фиксации и изъятия «цифровых» следов, а также теоретических и прикладных положений об использовании компьютер-

ных технологий в традиционных отраслях криминалистической техники.

Составляющими предмета криминалистического учения о компьютерной информации и средствах ее обработки может выступать особая категория следов, именуемая «цифровыми» следами. Согласно статистическим данным, опубликованным Главным информационно-аналитическим центром МВД России за 2021 г., число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в абсолютных цифрах выросло незначительно (на 1,4 %). В то же время, например, согласно сведениям Зонального информационного центра ГУ МВД России по г. Москве, наблюдаются несколько большие цифры прироста общего числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: за прошедший год их количество суммарно возросло на 3 %, что несколько выше общероссийского показателя, однако наблюдается более значительный рост числа тяжких и особо тяжких преступлений, чем в среднем по России (21,1 против 7,7 % соответственно) [14; 15]. Наиболее распространенными способами совершения рассматриваемых преступлений являются использование методов социальной инженерии для убеждения потерпевшего лица в необходимости совершить определенные действия — например, направить от своего имени платежное поручение о перечислении денежных средств на подконтрольный преступнику счет или аутентификационные сведения для использования чужой учетной записи на различных интернет-ресурсах, а также совершение фишинговых рассылок, предназначением которых является распространение путем смс-рассылки, электронных писем или сообщений в различных мессенджерах вредоносного программного обеспечения для неправомерного доступа к компьютерной информации законного владельца или обладателя сведений [7]. Широкий охват аудитории потенциальных объектов воздействия в сочетании с возможной легкостью сокрытия цифровых следов преступления обуславливает постоянное вовлечение в преступную деятельность все большего круга лиц, поскольку для совершения отдельных деяний рассматриваемой категории не играет существенной роли наличие или отсутствие у лица теоретических сведений и практических навыков профессиональной работы со средствами вычислительной техники.

Средствами и методами криминалистической техники как компонента технико-криминалистического обеспечения расследования вышеописанных преступлений обеспечивается обнаружение, фиксация, изъятие и исследование «цифровых» следов, оставляемых в памяти материальных объектов и отражающих содержательную сторону произошедших событий. Отметим, что «цифровые» следы подразделяются на локальные — находящиеся непосредственно в памяти индивидуально определенного электронного носителя — и сетевые, доступ к которым осуществляется опосредованно, с использованием сетевого оборудования [5]. Обнаружение, фиксация и изъятие как локальных, так и сетевых «цифровых» следов сопряжены с рядом сложностей, связанных с легкостью их изменения или даже уничтожения, в том числе дистанционными способами. Для наиболее полного сохранения свойств предмета и его доказательственного значения целесообразно привлечение специалиста с целью точного фиксирования их индивидуальных криминалистически значимых признаков (ст. 168 Уголовно-процессуального кодекса РФ — далее УПК РФ [2]). Участие специалиста в следственных действиях, связанных с необходимостью осмотра электронных носителей информации, с одной стороны, позволяет ограничить круг объектов, который представляет интерес для углубленного изучения, а с другой, — поставить вопросы для дальнейшего исследования или экспертизы, руководствуясь результатами осмотра, что способствует получению наиболее информативных результатов, а также сокращению сроков их проведения.

Обнаружение следов преступления в памяти компьютерных устройств может быть осуществлено двумя способами: путем визуального осмотра объекта без использования специализированных аппаратных и программных средств и с использованием таковых. Подбираемые средства должны обеспечивать возможность доступа к файловой системе исследуемого устройства, просмотра и интерпретации информации, создаваемой наиболее распространенными программными средствами, а также системной и служебной информации, позволять восстанавливать удаленную информацию и получать доступ к защищенной информации [4]. Осмотр содержимого памяти обнаруживаемых вещественных доказательств производится, как правило, с использованием специализированных программных средств, таких как:

«AccessData FTK Imager», применяемой для создания посекторной копии содержимого памяти накопителя; «Belkasoft Evidence Center» — для сканирования исследуемого файла-образа на наличие истории просмотра веб-страниц, электронной переписки, учетных записей пользователей и иной криминалистически значимой компьютерной информации; «R-Studio» — для сканирования на наличие удаленных файлов; «Elcomsoft iOS Forensic Toolkit» и «Мобильный Криминалист Эксперт» — для извлечения информации из памяти мобильных устройств и ряда других. Следует учитывать, что не вся имеющаяся в памяти компьютерных устройств информация имеет доказательственное значение, поэтому специалистом используются программы поиска информации по различным критериям — ключевым словам или метаданным: примером инструмента для автоматизации поиска файлов является программное обеспечение «Архивариус 3000». Вместе с тем, недопустимо как намеренное или случайное повреждение уже имеющейся информации, так и привнесение новой, не связанной с событием преступления, в связи с чем специалистам дополнительно используются аппаратные или программные способы блокирования записи [4].

Основным средством фиксации цифровых следов, как и любого другого вида следов, в соответствии со ч. 8 ст. 164 и ст. 166 УПК РФ является протоколирование: в рассматриваемом процессуальном документе приводится подробное описание способа выявления следов и результатов его применения. При описании любого устройства в процессуальных документах наибольшее значение отводится не общим признакам, таким как цвет, размер и наличие маркировочных обозначений, а частным — например, виду, размерам и локализации особо выраженных признаков эксплуатации, а также идентификационным номерам устройства в целом и его отдельных элементов, выявляемым как способами визуального осмотра корпуса объектов, так и извлекаемым из содержимого служебных областей памяти последних [4]. Дополнительным способом фиксации цифровых следов, обнаруживаемых в памяти осматриваемых объектов, является фотографирование, в том числе и создание скриншотов рабочих окон программ. С целью фиксации рабочего состояния системы на момент осмотра может быть осуществлено снятие дампа оператив-

ной памяти, содержащей категорию энергозависимых данных.

Методы и средства изъятия «цифровых» следов выбираются в зависимости от вида исследуемого носителя и предъявляемых процессуальных требований: объект может быть изъят в натуре или изготовлена посекторная копия содержимого памяти электронного носителя информации, записываемая на внешний носитель информации, если проведение такого копирования не может воспрепятствовать расследованию преступления (ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ). Если отсутствует необходимость или техническая возможность извлечения полной копии содержимого памяти носителя, допустимо изъятие только отобранной по определенным критериям информации с записью на носитель, обеспечивающий ее сохранность в неизменном виде и объеме, например, на диск с закрытием сессии записи.

Объекты электронно-вычислительной техники согласно п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ должны транспортироваться и храниться в условиях, обеспечивающих их сохранность и сохранность записанной на них информации, а также исключающих возможность ознакомления посторонних лиц с содержащейся на них информацией. Несоблюдение правил изъятия и упаковки объектов ведет как к их физическому повреждению в результате различных механических воздействий, так и к уничтожению или повреждению записанной информации, в том числе и дистанционно [7]. Поэтому в рамках компьютерной криминалистики разработаны научно-обоснованные и практически апробированные правила и требования к упаковке носителей компьютерной информации: все изымаемые устройства печатаются по разъемам, кнопкам и местам разборки, а способ упаковки должен исключать утерю, повреждение или получение иными лицами неправомерного доступа к помещаемым в нее объектам.

Следы, оставляемые пользователями на стороне, предоставляющей доступ к различным сервисам, а также у операторов связи, получают и приобщаются к материалам уголовного дела посредством направления официальных запросов, процессуальный порядок осуществления которых предусмотрен ст. 186.1 УПК РФ, к компаниям, оказывающим соответствующие услуги связи. Так, например, по запросам в адрес сотовых операторов обычно предоставляются: паспортные данные владельца абонентского

номера; детализация звонков за определенный в запросе период времени и использованные для связи IMEI; сведения об использованных для связи базовых станциях за определенный в запросе период времени с указанием их географического местоположения, о входящих и исходящих платежах по лицевому счету абонентского номера, об IP-адресах, использованных для входа в личный кабинет сотового оператора по управлению данным номером [6]. При анализе доказательственного значения предоставленных операторами связи сведений следует четко разграничивать таких субъектов как «абонент сетей связи», являющийся «пользователем услугами связи, с которым заключен договор об оказании таких услуг при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации», и собственно «пользователь услугами связи», в качестве которого выступает «лицо, заказывающее и (или) использующее услуги связи» (ст. 2 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126 «О связи» [3]). Следовательно, оператор связи предоставляет сведения именно об абонентах, за которыми закреплены указываемые в запросе номера или иные идентификаторы, а бремя доказывания факта сочетания в одном лице и абонента, и фактического пользователя устройств сети связи возложено на лицо, ведущее производство по делу.

Рассматривая компьютерные технологии как инструмент повышения результативности расследования отдельных видов преступлений, следует отметить, что широкое использование компьютеризованных средств видеонаблюдения, средств контроля за мобильной связью и сетевыми устройствами, а также информационных систем криминалистических учетов различных видов составляет структурный компонент частных методик расследования и раскрытия преступлений различных видов. Следовательно, система научно-обоснованных закономерностей применения технических средств и приемов, направленных на оптимизацию деятельности по борьбе с правонарушениями как обособленная часть предмета компьютерной криминалистики описывает ее взаимосвязь с криминалистической методикой как одним из основных разделов криминалистики. Компьютерные технологии продолжают активно развиваться и все чаще используются в традиционных отраслях криминалистической техники. Цифровая обработка изображений в следственной практике позволяет определять, а в отдельных случаях и иден-

тифицировать, изображенный предмет. Кроме того, цифровая фотография с последующей обработкой изображений с использованием общедоступного и специализированного программного обеспечения позволяет решать целый комплекс криминалистических задач: расширение возможности восприятия человеческим глазом слабоконтрастных или сравнительно небольших предметов путем редактирования отдельных характеристик изображения позволяет выявлять общие и частные признаки исследуемых объектов, а также моделировать контрастирующую фотосъемку в особых условиях освещения, что повышает эффективность производства экспертных исследований [11]. Применение технологии видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве позволяет обеспечить максимальную эффективность и быстроту фиксации доказательственной информации; дополнительным преимуществом данной технологии является возможность фиксации не только озвучиваемой участниками информации, но и невербальных реакций последних [12]. Кроме того, электронный формат ведения оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов позволяет ускорить получение требуемой информации как путем направления лицами, ведущими производство по делу, запросов, так и в режиме прямого доступа последних к вышеназванным системам [13].

Таким образом, компьютерная криминалистика активно формируется как частная криминалистическая теория. Представляется, что развитие компьютерной криминалистики позволяет усовершенствовать технико-криминалистическое обеспечение расследования не только преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но и обеспечить соответствующим современному уровню развития науки и технологий инструментарием отдельные разделы традиционной криминалистики. Корректность наименования сформированной отрасли криминалистического знания именно как «компьютерной», а не «цифровой» криминалистики определяется закрепившимся в уголовно-правовой науке нормативным использованием и толкованием термина «компьютерная информация».

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (действующая редакция) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (действующая редакция) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (действующая редакция) «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
4. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I. Компьютерная экспертиза / под ред. Г. В. Саенко, О. В. Тушкановой; общ. ред. В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. С. 189–242.
5. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учеб. пособие / А. А. Аносов, Ю. В. Гаврилин и др. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2019.
6. Методические рекомендации по раскрытию хищений (мошенничеств и краж), совершенных с использованием средств телефонной связи и сети Интернет. М. : ГУ МВД России по г. Москве, 2020.
7. Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий: учеб. пособие / В. В. Гончар и др. М. : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2021.
8. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М. : Юрайт, 2021.
9. Форензика — компьютерная криминалистика / Н. Н. Федотов. М. : Юридический Мир, 2007.
10. Мещеряков В. А. Влияние информационного общества на развитие криминалистики // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Воронеж, 2015. С. 153–154.
11. Белиловец О. А. Обзор повышения методов контраста слабовидимых изображений. Ч. 2 // Энциклопедия судебной экспертизы // URL://http://pro-expertizu.ru/theory_and_practice/ted/638.
12. Семенцов В. А. Применение технологии видеоконференцсвязи при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 100–106.
13. Бастрыкин А. И. Цифровые технологии современной криминалистики // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 11–17.
14. Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информа-

ции (по видам преступлений) за 12 месяцев 2020–2021 гг. // ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве, 2022.

15. Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации за 2021 г. // ГИАЦ МВД России, 2022.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (current edition) // SZ RF. 1996. No. 25. St. 2954.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (current edition) // SZ RF. 2001. No. 52 (Part I). St. 4921.

3. Federal Law No. 126-FZ of July 7, 2003 (current edition) «On Communications» // SZ RF. 2003. No. 28. St. 2895.

4. Standard expert methods of investigation of material evidence. Part I. Computer expertise / ed. by G. V. Saenko, O. V. Tushkanova; general ed. by V. V. Martynov. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. P. 189–242.

5. Activities of the internal affairs bodies to combat crimes committed with the use of information, communication and high technologies: studies. manual / A. A. Anosov, Yu. V. Gavrilin et al. Part 1. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

6. Methodological recommendations for the disclosure of embezzlement (fraud and theft) committed using means of telephone communication and the Internet. M. : GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, 2020.

7. Countering crimes in the field of information technology: studies. manual / V. V. Gonchar et al. M. : Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 2021.

8. Digital criminalistics: textbook for universities / edited by V. B. Vekhov, S. V. Zuev. M. : Yurayt, 2021.

9. Forensics — computer criminalistics / N. N. Fedotov. M. : Legal World, 2007.

10. Meshcheryakov V. A. The influence of information society on the development of criminology // Voronezh forensic readings: collection of scientific works. Voronezh, 2015. P. 153–154.

11. Belilovets O. A. Review of improving the contrast methods of low-visibility images. Part 2 // Encyclopedia of Forensic examination // URL://http://proexpertizu.ru/theory_and_practice/638.

12. Sementsov V. A. Application of videoconferencing technology in the production of investigative actions // Criminalist Library. Scientific journal. 2016. No. 6 (29). P. 100–106.

13. Bastrykin A. I. Digital technologies of modern criminalistics // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2021. No. 2. P. 11–17.

14. Information on crimes committed using information and telecommunication technologies or in the field of computer information (by type of crimes) for 12 months of 2020–2021. // ZIC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, 2022.

15. Information on crimes committed using information and telecommunication technologies or in the field of computer information for 2021 G. // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.

Информация об авторе

В. М. Данилкина — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. M. Danilkina — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-104-107>

NIJON: 2003-0059-5/22-425

MOSURED: 77/27-003-2022-05-624

Правовая оценка объективных и субъективных признаков необходимой обороны

Виктор Иванович Динека¹, Михаил Вячеславович Денисенко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается один из немаловажных вопросов, а именно применение в судебно-следственной практике положений о необходимой обороне. Несмотря на то, что в действующем уголовном законодательстве, институт необходимой обороны получил свое значительное развитие, однако в судебно-следственной практике его применение сопряжено с наличием значительных трудностей и особенно в квалификации происшедшего. В этой сфере нередко допускаются грубые ошибки, влекущие за собой неверную правовую оценку действий, совершенных в данных обстоятельствах.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, мнимая оборона, условия правомерности необходимой обороны, превышение пределов необходимой обороны, постановление пленума Верховного Суда РФ

Для цитирования: Динека В. И., Денисенко М. В. Правовая оценка объективных и субъективных признаков необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 104–107. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-104-107>.

Original article

Legal assessment of objective and subjective signs of necessary defense

Victor I. Dineka¹, Mikhail V. Denisenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. One of the important issues is being considered, namely the application of provisions on necessary defense in judicial and investigative practice. Despite the fact that in the current criminal legislation, the institution of necessary defense has received its significant development, however, in judicial and investigative practice, its application is associated with significant difficulties and especially in the qualification of what happened. In this area, gross mistakes are often made, entailing an incorrect legal assessment of the actions committed in these circumstances.

Keywords: circumstances precluding the criminality of the act, necessary defense, imaginary defense, conditions for the legality of necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, resolution of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Dineka V. I., Denisenko M. V. Legal assessment of objective and subjective signs of necessary defense. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):104–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-104-107>.

Внимательный анализ содержания ст. 37 УК РФ позволяет выделить четыре основных правила, которые фактически представляют собой основной правовой фундамент, на котором базируется институт необходимой обороны. Для правильной оценки данного обстоятельства обязательным и первичным должен быть анализ субъективного восприятия происшедшего самим обороняющимся.

Во-первых, право выбора на использование необходимой защиты от преступного посягательства принадлежит непосредственно обороняющемуся лицу, потерпевшему. Данное правило означает то, что объективная необходимость в реализации права по принятию мер по отражению посягательства основано на субъективном критерии, формирование которого происходит в сознании лица как результат осознанного выбора для обороны от нападения. Именно

от него зависит дальнейшая оценка не только происшедшего нападения, но и правомерность дальнейших действий, направленных на причинение вреда нападавшему лицу.

Во-вторых, оценка степени и характера общественной опасности посягательства (угроза здоровью или жизни) также относится к субъективной (психической) реакции лица, подвергнутого нападению. Насильственные действия могут быть самыми разнообразными, но выражены в наличии реальной угрозы предстоящего нападения, при которой преступник преследует цель воздействовать на волю лица, подчинив его поведение своим требованиям. Само наличие угрозы посягательства и предпринятые меры защиты, в последующий период их правовой оценки, нередко признаются неправомерными, аргументируя тем, что на самом деле фактически самого физиче-

© Динека В. И., Денисенко М. В., 2022

ского нападения не произошло. Это ошибочная позиция, суть которой заключается в отсутствии у правоприменителя необходимых теоретических и правовых знаний о важном значении уголовно-наказуемой угрозы. В юридической литературе неоднократно декларируется утверждение о том, что угроза как таковая на самом деле не связана с активным физическим воздействием, хотя ее общественная опасность выражается в реальной демонстрации и фактической готовности перейти к решительным действиям [3, с. 93]. Обращает на себя внимание законодательное определение необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ), где не обязательным является фактическое нападение, но может выражаться в наличии непосредственной угрозы применения опасного для жизни насилия, когда «посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния» [4, с. 286].

Примером подобной ситуации является положение п. 2 ст. 24 Федерального закона «О полиции», где сотруднику полиции предоставлено право обороняться при защите собственной жизни с применением огнестрельного оружия на поражение [1, с. 30]. Подобное допустимо в двух случаях: при наличии попытки лица приблизиться к нему или прикоснуться к его огнестрельному оружию. При таких условиях сотрудник реализует свое исключительное право на необходимую оборону, поскольку речь идет о вероятном опасном посягательстве, непосредственно направленном на его жизнь или здоровье (п. 1 ст. 23). В отличие от данного права, на сотрудника полиции законом возлагается обязанность по применению огнестрельного оружия при защите других лиц от опасного нападения, что не образует состояния необходимой обороны, поскольку свидетельствует о нахождении должностного лица при исполнении служебных обязанностей (п. 6 постановления Пленума ВС РФ № 19). Таким образом, касаясь сотрудников полиции, право на необходимую оборону непреложно тогда, когда возникает угроза посягательства или совершается фактическое нападение путем физического воздействия непосредственно на самого сотрудника. При нападении на другое лицо и необходимости его защиты, сотрудник полиции реализует обязанность по задержанию преступника, в процессе которого допустимо причинение вреда посягателю, но соразмерного степени и характеру общественной опасности нападения (ст. 38 УК РФ).

В-третьих, правомерность совершаемых оборонительных действий опять же основана на психическом восприятии и оценке самим обороняющимся, что вы-

ражено в субъективной оценке общественной опасности с учетом, которой (степень и характер) принимается решение о причинении адекватного и непосредственного вреда исключительно посягателю.

В-четвертых, само состояние необходимой обороны возникает в результате преступного посягательства, наличие которого является побудительной причиной возникновения субъективного права на правомерную защиту. При этом, состояние данного обстоятельства может носить длящийся или продолжаемый характер, а право на правомерную оборону сохраняется у лица до момента окончания такого посягательства. Наличие такого субъективного права на продолжаемую или длящуюся оборону у его обладателя позволяет ему самостоятельно определять признаки длящегося или продолжаемого посягательства, что и позволяет ему принимать меры к защите в тот временной промежуток, который вмещается в период начала посягательства и до его окончательного завершения.

Следовательно, определяющим в правовой оценке состояния необходимой обороны, прежде всего, является обязанность правоприменителя установить совокупное наличие у обороняющегося лица указанных выше субъективных признаков: возникновение права выбора на оборону; субъективная оценка им степени и характера общественной опасности нападения; формирование и наличие уверенности в правомерности совершаемых защитных действий; принятие решения о причинении соразмерного вреда (жизнь, здоровье) посягателю.

А что происходит на практике? Все, наоборот. Первичная правовая оценка происшедшего основывается не на изучении причин возникновения права на оборону, а целенаправленно оценивается степень и характер причиненного вреда посягателю (последствие от защиты). Учение о причинно-следственной связи обязывает правоприменителя проводить анализ изначальной, исходной, главной причины, а не заниматься фактической фиксацией наступившего вреда как неизбежного следствия совершенного посягателем преступления. Совершенно очевидно то, что именно причина, являясь главным критерием при оценке преступного посягательства, порождает неизбежное последствие, а не наоборот.

Законодатель, формулируя понятие необходимой обороны и ее основные признаки, в ущерб первостепенному значению субъективного критерия, подменил его необходимостью фактического установления «причинения вреда посягающему лицу» — п. 1 ст. 37 УК РФ. Тем самым, первостепенное значение приобретает

необходимость определять вред посягателю, а уж затем устанавливать было ли у лица право на оборонительные действия или нет. По этой причине неправильная и ошибочная законодательная конструкция п. 1 ст. 37 УК РФ не устанавливает приоритетного значения субъективной оценки возникновения права лица на ту оборону, которая требуется для него в определенное время и в процессе происходящего события. Именно в этом и заключается основная ошибка, что позволяет на практике допускать значительные просчеты, когда правомерная оборона признается виновным преступлением по той причине, что был причинен неоправданный вред посягателю, тогда как по субъективному восприятию обороняющегося, такой вред вполне оправдан. Нередко при юридической оценке правомерности реализации права на необходимую оборону сотрудником полиции возбуждается уголовное дело в необоснованном обвинении за совершение превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Юридическая ошибка в подобных случаях заключается в том, что оборона связана с изначальным наличием опасного нападения, а при превышении должностных полномочий такое посягательство отсутствует, но представитель власти, несмотря на это, применяет оружие, тем самым игнорирует установленные правовые основания, указанные в законе (п. 1 ст. 23). Подобное происходит потому, что несовершенство установленных законодательных признаков обязывает правоприменителя проводить первичную оценку наступившим последствиям, переместив на последнее место роль и правовое значение субъективной оценки самого обороняющегося лица.

Ныне существующая законодательная модель необходимой обороны, выраженная в ст. 37 УК РФ, необходимой обороной рассматривает исключительно те действия, которые не только «допускают причинение вреда», но и должны быть «правомерными».

С учетом такой законодательной конструкции, после определения вреда и правомерности, устанавливается степень и характер общественной опасности нападения в виде «насилия угрозы для жизни или здоровья». Следуя логике законодательной конструкции рассматриваемой нормы, сам процесс последовательности правового анализа должен заключаться в первичной обязательной оценке признака правомерности и его соотношения с причиненным вредом. При этом субъективные признаки игнорируются, хотя именно субъективная оценка самого обороняющегося лица является первичной, а предпринятые им действия должны оцениваться в последнюю очередь.

В научной литературе повсеместно анализ содержания необходимой обороны ограничивается подробным описанием объективных признаков, обнаружить которые не составляет никакого труда [5–7]. Весьма легко восстановить картину происшедшего события, опросив обороняющегося, выяснить какие именно действия он совершил (где находился, какие орудия, средства, использовал в процессе защиты жизни, здоровья). Данный подход позволяет устанавливать не то, что произошло на самом деле, а то, что могло быть. При этом вовсе упускается из виду необходимость психической оценки состояния самого потерпевшего! Смысл заключается в установлении содержания интеллектуальных и волевых признаков, образующих в совокупности тот необходимый, решающий момент, требуемый при выборе варианта поведения: использовать свое законное право либо отказаться от него (спастись бегством или обратиться за помощью к другим лицам или в соответствующие органы). При этом не имеет существенного значения наличие у любого человека права, «независимо от профессии, служебного положения, специальной подготовки», не столько на принятие решения обороняться от общественно опасного посягательства, сколько на возможность причинения вреда посягателю, что и получило наименование «соразмерного» [4, с. 286]. Нередко данный признак в судебно-следственной практике, вместо субъективной оценки степени и характера общественной опасности нападения, подменяется установлением обязательного тождества между орудиями, средствами нападения, используемыми при нападении и защите. Это грубая правовая ошибка, поскольку правовой смысл указанного в законе требования обязывает правоприменителя оценивать не используемые орудия или средства, а степень и характер общественной опасности нападения, потенциальную угрозу для жизни или здоровья.

Немаловажное значение имеет также определение содержания данной угрозы, поскольку речь идет о «посягательстве», которое в уголовном праве понимается не однозначно. Это может быть и совершаемое деяние; в другом случае этому соответствует наличие неминуемой угрозы, которая еще не превратилась в физическое воздействие, но уже фактически была начата и имеет все необходимые признаки оконченого посягательства, поскольку право на защиту, возникает именно с начала посягательства. На практике нередко правовая оценка заключается в том, что в обязательном порядке должно быть совершено физическое воздействие посягателя как реальное нападение.

С учетом изложенного следует констатировать, что ныне существующая законодательная конструкция ст. 37 УК РФ содержит ряд существенных ошибочных положений, требующих коррекции. И при определении условий правомерной обороны в первую очередь следует устанавливать не наличие объекта, подлежащего защите от нападения, наличие вреда посягателю, отсутствие признаков превышения пределов необходимой обороны, а определение момента возникновения у обороняющегося лица субъективного права на защиту и его приоритетное значение по определению степени и характера предпринятых мер защиты. При этом не следует придавать решающего значения объективным признакам: своевременность, наличность (начато, но не окончено), соответствие используемых средств защиты тяжести нападения, степень и характер причиненного вреда.

Список источников

1. Федеральный закон «О полиции». М.: Проспект, 2018.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чуачев. М., 2017.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: сб. постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. А. Г. Хлебущкин. 3-е изд. М., 2019.

Информация об авторах

В. И. Динька — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук;

М. В. Денисенко — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. I. Dineka — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences;

M. V. Denisenko — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 11.07.2022. The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

5. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2020. № 11. С. 32–36.

6. Дорогин Д. А. Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны // Уголовное право. 2020. № 1. С. 22–31.

7. Авдеева Е. В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Российский судья. 2019. № 1. С. 16–20.

References

1. Federal Law «On Police». M.: Prospect, 2018.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (ed. of March 25, 2022) // SPS «ConsultantPlus».
3. Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / ed. by Yu. V. Gracheva, A. I. Chuchayev. M., 2017.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated September 27, 2012 «On the application by courts of legislation on necessary defense and harm during the detention of a person who committed a crime»: collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases / comp. A. G. Khlebushkin. 3rd ed. M., 2019.
5. Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Questions of qualification of exceeding the limits of necessary defense // Russian investigator. 2020. No. 11. P. 32–36.
6. Dorogin D. A. Qualification errors in establishing the conditions of legality of the necessary defense // Criminal law. 2020. No. 1. P. 22–31.
7. Avdeeva E. V. Necessary defense: topical issues of legislative regulation and law enforcement // Russian judge. 2019. No. 1. P. 16–20.

Научная статья

УДК 341.1/8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-108-112>

NIJON: 2003-0059-5/22-426

MOSURED: 77/27-003-2022-05-625

Двойные стандарты Совета Европы

Мадина Муссаевна Долгиева¹, Магомед Муратбекович Долгиев²

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации, Москва, Россия

² Ассоциация юристов России, Москва, Россия, novator111@mail.ru

Аннотация. Прослеживается изменение структуры международных правоотношений, основанное на взаимном государственном недоверии к сформировавшимся институтам и организациям, которое обуславливает крах межгосударственного взаимодействия. Совет Европы, являясь одной из таких организаций, провозгласившей верховенство прав и основных свобод человека особо охраняемой ценностью, несмотря на уставные положения, допустил подрыв собственного авторитета, попытавшись исключить Российскую Федерацию из числа своих участников. Обосновывается политическая мотивированность такого решения и правовые основания денонсирования Российской Федерацией Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, а также перспективы возвращения России в Совет Европы.

Ключевые слова: Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод, Совет Европы, Европейский Суд по правам человека, выход из Совета Европы, Комитет Министров Совета Европы, денонсация

Для цитирования: Долгиева М. М., Долгиев М. М. Двойные стандарты Совета Европы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 108–112. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-108-112>.

Original article

Double standards of the Council of Europe

Madina M. Dolgieva¹, Magomed M. Dolgiev²

¹ Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russia, novator111@mail.ru

Abstract. The article traces the change in the structure of international legal relations based on mutual state distrust of established institutions and organizations, which causes the collapse of interstate interaction. The Council of Europe, being one of such organizations that proclaimed the supremacy of human rights and fundamental freedoms as a specially protected value, despite the statutory provisions, allowed its own authority to be undermined by trying to exclude the Russian Federation from its membership. The author substantiates the political motivation of such a decision and the legal grounds for the denunciation by the Russian Federation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, as well as the prospects for Russia's return to the Council of Europe.

Keywords: European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Council of Europe, European Court of Human Rights, withdrawal from the Council of Europe, Committee of Ministers of the Council of Europe, denunciation

For citation: Dolgieva M. M., Dolgiev M. M. Double standards of the Council of Europe. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):108–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-108-112>.

Глобальное реформирование общепринятых международных взаимоотношений и правил, перестраивание мирового порядка и активное стремление развивающихся стран к установлению многополярного мира обусловили возникновение ряда серьезных транснациональных конфликтов, как фактических, так и юридических.

Крайняя нетерпимость политических руководителей ряда западных стран, которые с нескрываемой неприязнью и русофобией провоцируют некогда дружественные страны вступать в конфронтацию друг с другом, иллюстрируют проблемы межгосударственного взаимодействия на данном этапе.

Такие ситуации представляются безвыходными, так как невозможно привлечь в качестве посредника ни одно из государств, которое бы обладало бесспорным авторитетом и уважением мирового сообщества.

Так, в качестве примера хотелось бы отметить совершенно контрпродуктивную политику Европейского Союза и Совета Европы, в частности, по отношению к Российской Федерации.

Комитетом министров Совета Европы 16 марта 2022 г., на основе решения от 25 февраля 2022 г., была запущена процедура, предусмотренная ст. 8 Устава Совета [4] о приостановке права представительства Российской Федерации в Совете Европы в

© Долгиева М. М., Долгиев М. М., 2022

соответствии с резолюцией о правовых и финансовых последствиях приостановления. Кроме того, Комитет министров, ссылаясь на свое же решение от 15 марта 2022 г., рассматривал полное исключение Российской Федерации из числа государств-членов Организации.

В своей резолюции CM/Res (2022)1 о правовых последствиях приостановления права Российской Федерации на представительство в Совете Европы, принятой 2 марта 2022 г., Комитет министров в п. 7 указал, что *«Российская Федерация может продолжать участвовать в заседаниях Комитета министров только тогда, когда последняя выполняет свои функции в отношении надзора за исполнением судебных решений в соответствии со ст. 46 Конвенции с целью предоставления и получения информации о судебных решениях, когда она является государством-ответчиком или государством-заявителем, без права участвовать в принятии решений Комитетом или голосовать»* [5].

Не дожидаясь окончания указанной процедуры и принятия политически мотивированного решения, Правительство Российской Федерации сообщением от 15 марта 2022 г. проинформировало Генерального секретаря о своем выходе из Совета Европы в соответствии с Уставом Совета Европы и о намерении денонсировать Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Меры, которые якобы были приняты Комитетом министров Совета Европы в защиту интересов Украины, в совокупности с обвинениями в адрес Российской Федерации о нарушении обязательств, предусмотренных ст. 3 Устава Совета Европы, предполагали немедленное приостановление прав представительства Российской Федерации с соответствующими юридическими и финансовыми последствиями.

Вместе с тем, ст. 3 Устава Совета Европы предполагает, что каждый Член Совета Европы должен признавать принцип верховенства Права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами, искренне и активно сотрудничать во имя достижения цели Совета, которой является защита и осуществление идеалов и принципов, являющихся общим достоянием Совета, и содействие экономическому и социальному прогрессу.

Формулировки Устава Совета Европы являются более чем конкретными и предполагают, что все государства-участники должны в равной мере признавать права и основные свободы людей, находящихся под соответствующей юрисдикцией.

Как справедливо отмечает В. В. Лазарев, «политические пристрастия могут вносить свою далекую от науки лепту в сокрушение актуальности проблем имплементационной деятельности, обесценивая позитивные стороны международного сотрудничества вообще» [1].

Как показали последние события, после начала специальной военной операции Российской Федерации Комитет Министров Совета Европы, да и сам Совет Европы, усмотрел лишь в действиях России абстрактное нарушение прав и свобод человека на Украине. В то время как масштабные геноцидальные нарушения прав населения республик Донбасса на протяжении восьми лет, многочисленные жертвы, поощрение на высшем государственном уровне тактики мести бывшим гражданам Украины, а также вручение государственных наград лицам, совершающим военные преступления против мирного населения, не удостоились внимания со стороны Комитета Министров не только в форме осуждения, но и в элементарной констатации таких нарушений.

Громкое название Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в 2014 г. стало для Украины как для страны-участницы Совета Европы пустыми словами, а цели Устава Совета Европы, предусматривающие, в том числе, верховенство Права на территориях республик Донбасса, перестали распространяться, да и в целом существовать.

Европейский суд по правам человека, который исходя из его названия должен был стать оплотом правосудия и верховенства общеевропейского Права, вместе с тем, на протяжении восьми лет не принял ни одного решения против Украины в защиту жителей Донбасса, существуя как бы в параллельной реальности.

Почему же такая ситуация стала возможной? Ни одно из многочисленных военных преступлений, совершенных против мирного населения Донбасса, не было удостоено ни малейшей резолюции Комитета министров Совета Европы, не было оно и предметом обсуждения Парламентской Ассамблеи, где бы высказался намек на осуждение таких действий.

Однако, после того, как Российская Федерация, вынуждаемая Украиной и западными странами, приняла обоснованное и справедливое решение о защите терроризируемого населения Донбасса, Совет Европы вспомнил про ст. 3 Устава Совета Европы и поспешил исключить Российскую Федерацию из своих рядов, предполагая, таким образом, унижить наше государство на международной арене.

Между тем, совершив ряд политизированных шагов, Совет Европы был вынужден осознать, что, принудительно прекращая членство государства-участника, это государство автоматически выходит и из Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), что, в свою очередь, чревато отсутствием взносов в Организацию для самого Совета Европы, а это порядка 35 млн евро в год (примерно 8–10 % от общего бюджета). Россия стабильно входила в пятерку стран-участников Совета Европы с максимальной суммой взноса после Франции, Германии, Италии и Великобритании.

Беспрецедентная ситуация, сложившаяся вокруг России в Совете Европы, свидетельствует о грубом нарушении собственных нормативных положений Комитетом министров Совета Европы, нарушения ими устоявшихся фундаментальных правовых основ как в процессе исключения Российской Федерации из Организации, так и в целом умышленного игнорирования нарушения прав населения Донбасса.

В свою очередь, Европейский Суд по правам человека, желая не допустить стремительного выхода Российской Федерации из Конвенции, истолковал положения Конвенции таким образом, что исключение государства-участника из Организации или его выход по собственной инициативе не означает моментальное прекращение действия этого международного Договора и предусмотрительно указал, что на Российскую Федерацию распространяются положения о прекращении действия Конвенции через шесть месяцев с момента принятия решения о выходе, т. е. только с 16 сентября 2022 г.

Толкуя разницу между ст. 7 и 8 Устава Совета Европы следует понимать, что ст. 7 предусматривает добровольный выход государства-участника, а ст. 8 — принудительное исключение, что в свою очередь предполагает выход из Конвенции только по истечении шести месяцев.

Очевидно, что такая трактовка ст. 58 Конвенции Европейским Судом по правам человека имеет целью

не защиту прав и интересов граждан Российской Федерации по рассмотрению поданных ими жалоб против собственной страны, а скорее обеспечение оплаты членских взносов.

При этом на любую невыплаченную часть причитающегося взноса предусматривается начисление ежемесячного процента в размере 0,5 % от невыплаченной суммы за первые шесть месяцев и 1 % за каждый последующий месяц.

Исключенное государство будет и далее обязано выплачивать свои обязательные взносы и соответствующие процентные платежи в бюджеты Совета за предыдущие финансовые годы. Таким образом, простой ежемесячный процент в размере 1 % будет продолжать начисляться на неоплаченные суммы в первый день каждого месяца.

Несмотря на вышесказанное, эффективность защиты, предлагаемой Европейским Судом по правам человека, зависит не только от формальной компетенции Суда рассматривать дела и выносить решения, но и от желания и способности государства-ответчика взаимодействовать с институтами Совета Европы, его готовности и способности вносить изменения и исправлять выявленные нарушения.

Став заложниками собственной правовой коллизии Комитет министров Совета Европы был вынужден пересмотреть правовые аспекты выхода Российской Федерации из Конвенции и издать отдельную Резолюцию СМ/Del/Dec(2022)1428ter/2.3 [6], в которой указано, что Российская Федерация перестает быть Высокой Договаривающейся стороной Конвенции 16 сентября 2022 г. В соответствии с постановлением Европейского суда по правам человека от 22 марта 2022 г. Суд сохраняет компетенцию рассматривать заявления, направленные против Российской Федерации в связи с действиями или бездействием, которые могут представлять собой нарушение Конвенции, при условии, что они имели место до 16 сентября 2022 г. Комитет министров будет продолжать осуществлять надзор за исполнением соответствующих судебных решений и дружественных соглашений, и Российская Федерация обязана их выполнять. Российская Федерация должна продолжать участвовать в заседаниях Комитета министров, но без права участвовать в принятии решений Комитетом или голосовать.

И, самое главное, от РФ требуется в императивной форме уплатить взносы за 2022 г.

Реакция Российской Федерации на изданные Советом Европы резолюции более чем обоснованная, при этом оплата членских взносов (в 2022 г. пропорционально участию до 16 марта 2022 г. — это примерно 7 млн евро) маловероятна, с учетом неуважительного отношения к Российской Федерации и оправданию Советом Европы украинского террора против мирного населения республик Донбасса. В связи с чем обеспечение функционирования аппарата недружественной организации является нелогичным.

Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с заявлением Высокого представителя Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борелля свидетельствует о понимании Российской Федерацией всей антитезы, бесосновательности и надуманности процесса исключения Российской Федерации из Совета Европы, который совершенно справедливо был назван волонтаристским решением [7].

Изначальная неправомерность принятого Комитетом Министров решения об исключении Российской Федерации из Совета Европы на основании ст. 8 Устава в совокупности с непредсказуемыми последствиями такого исключения для самой Организации привела к компрометации и отсутствию смысла самого существования Совета Европы.

Так рьяно блюдущие верховенство Права государства–участники в нарушение собственного Устава, приняв политическое решение, продемонстрировали свое отношение к правам человека, а именно в вопросах о том, кого считать человеком, а кого нет.

Ведь именно о правах человека на Донбассе твердила Российская Федерация с 2014 г., пытаясь привлечь внимание европейских стран к проблемам населения, лишенного возможности даже говорить на родном русском языке. Не эти ли основные свободы декларируются Конвенцией и самим Советом Европы или первоопределяющим фактором нарушения чьих-то прав является национальность и принадлежность к российскому государству?

Станет ли наше государство игнорировать положения Резолюции Комитета министров Совета Европы и не исполнять решения, вынесенные до 16 сентября 2022 г. станет ясно в ближайшее время. Однако, принимая во внимание всю истеричность политики Европейского Союза и Совета Европы в частности, а также утверждения Президента Российской Федерации о том, что Россия не собирается закрываться

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 671 с.

Гриф МО РФ

Гриф НИИ образования и науки

Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»

(Серия «Dura lex, sed lex»)

Под ред. В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

УЧЕБНИК

ДЕВЯТОЕ ИЗДАНИЕ

Рассмотрены вопросы, традиционно относящиеся к предмету науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Большое внимание уделено избирательной системе в России. Отражены законодательные нормы об объединении арбитражных судов с Верховным Судом РФ.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами отечественного конституционного права.

от внешнего мира, стоит предположить, что возврат к ранее действовавшим международным договорам возможен.

Полагаем, что в данном вопросе стоит согласиться с обоснованным мнением Ю. В. Трунцевского о том, что основным ориентиром при взаимодействии нормативных компонентов международной и национальной правовых систем должны быть национальные интересы России [3].

При этом как справедливо отмечает А. Ю. Новосельцев, уцелевшие международные организации перестали выполнять свои уставные задачи, их решения стали политически мотивированными, в зависимости от степени лояльности к США, навязывающих миру свою модель развития [2].

В создавшихся условиях совершенно адекватным представляется отношение России к международным организациям, где ее интересы в должной мере не представлены.

Россия не сжигает мостов в отношениях с Европейским Союзом, несмотря на обратную политику западных стран вместе с тем, дискредитировавший себя Совет Европы без Российской Федерации уже не является такой весомой политической международной организацией как был ранее, а потому он в перспективе будет более заинтересован в возобновлении отношений с нашей страной, для которой этот союз уже не будет таким необходимым.

Список источников

1. Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18.

Информация об авторах

М. М. Долгиева — прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции;

М. М. Долгиев — член Ассоциации юристов России, кандидат экономических наук.

Information about the authors

M. M. Dolgieva — Prosecutor of the Main Criminal-Judicial Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Adviser to Justice;

M. M. Dolgiev — Member of the Association of Lawyers of Russia, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022. The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

2. Новосельцев А. Ю. О взаимодействии международной и национальных правовых систем // Международное публичное и частное право. 2019. № 1. С. 37–39.

3. Трунцевский Ю. В. Международное пенитенциарное право. М. : Юрист, 2001.

4. Устав Совета Европы, подписанный 5 мая 1949 г. в Лондоне // URL://<https://rm.coe.int/1680306055>.

5. URL://[https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Del/Dec\(2022\)1428bis/2.3](https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Del/Dec(2022)1428bis/2.3).

6. URL://https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectId=0900001680a5ee2f.

7. URL://https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805150/

References

1. Lazarev V. V. Philosophical foundations of implementation activities // Journal of Russian law. 2020. No. 9. P. 5–18.

2. Novoseltsev A. Yu. On the interaction of international and national legal systems // International public and private law. 2019. No. 1. P. 37–39.

3. Truntsevsky Yu. V. International penitentiary law. M. : Lawyer, 2001.

4. Charter of the Council of Europe, signed on May 5, 1949 in London // URL://<https://rm.coe.int/1680306055>.

5. URL://[https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Del/Dec\(2022\)1428bis/2.3](https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Del/Dec(2022)1428bis/2.3).

6. URL://https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectId=0900001680a5ee2f.

7. URL://https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805150/

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-113-117>

NIJON: 2003-0059-5/22-427

MOSURED: 77/27-003-2022-05-626

Правоохранительная функция в системе функций правового государства: исторический аспект конституционных изменений

Максим Олегович Долгий

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается исторический аспект конституционных преобразований правоохранительной функции в системе функций правового государства на примере российской истории. Для успешного формирования в России правового государства и эффективной реализации правоохранительной функции необходимо соблюдение ряда условий: развитие рыночной экономики и формирование цивилизованного гражданского общества на базе плюрализма форм собственности; неуклонное движение по пути демократического развития общества и государства, обеспечение политического и идеологического плюрализма, демократии; повышение правовой культуры и правосознания населения, и в том числе, государственных служащих; развитие межгосударственного и международного сотрудничества в области защиты прав человека.

Ключевые слова: правовое государство, конституция, закон, гражданское общество, свобода, правосознание, правовая культура

Для цитирования: Долгий М. О. Правоохранительная функция в системе функций правового государства: исторический аспект конституционных изменений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 113–117. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-113-117>.

Original article

Law enforcement function in the system of functions of the rule of law: the historical aspect of constitutional changes

Maxim O. Dolgiy

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The historical aspect of constitutional transformations of the law enforcement function in the system of functions of the rule of law is considered, using the example of Russian history. For the successful formation of the rule of law in Russia and the effective implementation of the law enforcement function, it is necessary to comply with a number of conditions: the development of a market economy and the formation of a civilized civil society based on the pluralism of ownership forms; steady movement along the path of democratic development of society and the state, ensuring political and ideological pluralism, democracy; improving the legal culture and legal awareness of the population, including civil servants; development of interstate and international cooperation in the field of human rights protection.

Keywords: legal state, constitution, law, civil society, freedom, legal consciousness, legal culture

For citation: Dolgiy M. O. Law enforcement function in the system of functions of the rule of law: the historical aspect of constitutional changes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):113–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-113-117>.

«Ни один жизнеспособный народ, — отметил Г. Еллинек, — не может ни в какое время обойтись без прочного учения о государстве» [2, с. 67]. Российскому обществу удалось, — и в этом немалая заслуга российской конституции и тех, кто выступает в качестве ее гаранта, — сохранить главную ценность — Российское государство. Если кто-то присматривается к нашему государству как к объекту экспансии (экономику пока не трогаем, это другая история), то, скорее всего она начнется с попыток

разрушения правоохранительной системы, которая обеспечивает устойчивость государства и общества. Именно поэтому российская правоохранительная система должна быть мыслящей и научно дальновидной, способной к стратегическому анализу и выработке механизмов нейтрализации угроз национальной безопасности.

Понятие «конституция» было известно еще Античной Греции и Древнему Риму, появление современных конституций связано с буржуазными рево-

© Долгий М. О., 2022

люциями, с коренной ломкой прежних устоев, присвоением власти новыми политическими силами, новыми классами. Так было во Франции, где наряду с Польней были в 1791 г. приняты первые европейские Конституции. Итогом борьбы североамериканских колоний с английской короной за независимость, за самостоятельную государственность стала первая и поныне действующая Конституция США 1787 г. И попытки современных конституционалистов отрицать появление Конституции как результата борьбы и побед не соответствует реальной действительности, тому, что было в те достаточно далекие времена на заре конституционализма. Иное дело — современные конституции. В них есть стремление достичь согласия, общего понимания важнейших вопросов общественной жизни различными слоями населения. Сущность Конституции меняется, она не может быть неизменной и ее понятие не может быть раз навсегда данным, приемлемым для всех времен и народов.

Конституционная история России сложна, как и путь нашей страны, отраженный в ее Основных Законах. Вопрос о наличии в России Конституции до октября 1917 г. остается дискуссионным. Но конституционные идеи не были нужны России. Особенно это проявлялось в дни восстания декабристов 1825 г., когда на Сенатской площади звучали призывы к принятию Конституции. С ней связывалось ослабление произвола властей, некоторые свободы населения. Конституция представлялась как некая социальная ценность. К примеру, когда в 1904 г. нефтяники Баку заключили первый коллективный договор в России с работодателями, давший им некоторые гарантии социальных прав, они назвали его «Мазутной Конституцией». Отмечая тем самым его полезность, ценность.

В России в XX в. произошла дважды смена общественно-политического и экономического строя. Февральская революция 1917 г. свергла самодержавие, к чему стремились различные слои общества, октябрьская — ликвидировала буржуазный строй, объявив Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что и было закреплено в Конституции РСФСР 1918 г.

В 90-е гг. XX в. вновь произошла смена общественно-политического и экономического строя России и трансформация правоохранительной функции государства. Распался Советский Союз, прекратило

существование советское социалистическое государство. Эти события принесли беды миллионам людей, но и открыли путь новым позитивным тенденциям и явлениям. Такова, видимо, логика общественного развития: созидание через разрушение, отрицание отжившего, не оправдавшего себя, сохранение положительного, утверждение нового, перспективного.

Формируются новые отношения, новая политическая и экономическая системы. Немало исследователей, среди них и Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, называют это время, эти процессы политической революцией; иные, например, Н. В. Витрук — конституционной революцией. Произошли коренные изменения в жизни страны, в состоянии и мироощущении миллионов граждан. Это было не внезапное озарение. Желание перемен годами зрело в обществе и оно осуществлялось, находя отражение в законодательстве, в Конституциях СССР и РСФСР [1].

Идущие в обществе процессы предопределили конституционные изменения. В конце 80-х гг. прошлого столетия началось реформирование Конституции СССР 1977 г. Оно сказало на конституциях союзных республик, которые должны были соответствовать общесоюзному Основному Закону.

В Конституцию РСФСР 1978 г. вносились изменения, отражающие отход от советской модели экономики и государственности. Эти тенденции усилились после избрания в 1990 г. народных депутатов РСФСР и принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР. С распадом в декабре 1991 г. Союза СССР, Россия, как и другие бывшие союзные республики, стала самостоятельным суверенным государством.

I Съезд народных депутатов РСФСР 16 июня 1990 г. образовал Конституционную Комиссию. Ее задачей стала подготовка предложений по изменению и дополнению действующей Конституции 1978 г. и составление текста новой Конституции, основные параметры которой были очерчены Декларацией о государственном суверенитете, принятыми законами, изменениями действующего Основного Закона, принятой 22 ноября 1991 г. Декларацией прав и свобод человека и гражданина. Было несколько проектов конституции: депутатов-коммунистов; Российского движения демократических реформ; рабочей группы, возглавляемой С. М. Шахраем и др. Конституцион-

ная комиссия объявила конкурс общественных проектов конституции, она действовала максимально открыто, вовлекла в конституционный процесс большое количество участников.

Президент России не поддержал проект Конституции Конституционной Комиссии и предложил свой, подготовленный в его окружении. Он был в июле 1993 г. обсужден на специально созванном Конституционном Собрании с внесением в него ряда поправок.

В субъекты Российской Федерации были направлены два проекта Конституции — Конституционной Комиссии и президентский. Субъекты федерации хотели единого согласованного текста, в связи с чем они не выразили четкой позиции в пользу либо одного, либо другого проектов.

Президент издает Указ от 21 сентября 1993 г. № 1400, прерывающий деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Большинство депутатов отказалось подчиниться Указу. Противостояние дошло до критической точки. Сторонники парламента направились к телевизионному центру Останкино, чтобы депутаты могли проинформировать страну о происходящих в Москве событиях, но 3 октября спецназ применил против них оружие. Кровавое столкновение произошло и у здания Московской мэрии. 4 октября здание Дома Советов, где работал Верховный Совет, было обстреляно из танков и захвачено спецподразделениями [3].

15 октября 1993 г. Президент РФ издает Указ о проведении всенародного голосования по проекту Конституции России, которая и была принята 12 декабря 1993 г. Политическое противостояние в дни ее принятия через некоторое время утихает. Общество теперь уже живет по нормам и правилам нового Основного Закона. Нравится он кому-то или нет, но страна осознает, что лучше жить в нормах, установленных новой Конституцией, нежели в хаосе и разгуле анархии.

Конституция Российской Федерации закрепила признанные в мировом сообществе ценности; права и свободы человека и гражданина провозгласили в ст. 2, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью; демократию и народовластие; разделение властей, политическое многообразие: различные формы собственности, включая частную, в том числе, на землю; верховенство права, федерализм, парламентаризм, судебную

защиту прав человека и др. Критики Конституции были в период ее принятия, есть они и сейчас.

Многих не устраивает конструкция власти, наделение Президента страны слишком широкими полномочиями в ущерб полномочий парламента. Опыт многих стран свидетельствует, что в условиях кризиса, противостояния различных социальных слоев общества, властные полномочия «главы государства, принятие не популярных, но, как в дальнейшем показывает время, необходимых и решительных мер, оказывается целесообразным. Так было во Франции, когда Президент Шарль де Голь решал вопрос о независимости Алжира. Но оправдать расстрел Дома Советов в Москве 1 октября 1993 г. невозможно. Были иные пути разрешения кризиса.

Тенденция расширения полномочий Президента Российской Федерации продолжается и в настоящее время, что, по мнению автора статьи, вряд ли необходимо. Десятки законов наделяют его все новыми и новыми полномочиями. Нередко парламента, принимая законы, отдает свои полномочия, которые и так не широкие, главе государства.

В расширении полномочий Президента Российской Федерации свою роль сыграл и Конституционный Суд Российской Федерации. Рассматривая в 1995 г. ситуацию на Северном Кавказе, использование армии в Чеченской Республике, Суд сформировал концепцию «скрытых полномочий» Президента. По ее смыслу, если они не отражены непосредственно в тексте Конституции, то они могут быть сформулированы за счет глубокого проникновения в нормы Конституции, в их суть. Это свидетельствует о возможностях безграничного расширения полномочий Президента, что вряд ли оправданно и приемлемо.

Критики Конституции обращают внимание и на ряд других, по их мнению, недостатков Конституции, предлагая принятие новой. Идти по этому пути вряд ли нецелесообразно. В каждой Конституции сочетаются объективные и субъективные начала. Ведь конституции пишут и принимают люди, отражая и закрепляя в них свое видение общественной жизни, свои интересы — классовые, групповые, либо в демократическом государстве — общественные [6].

Возможности самосовершенствования заложены в самом Основном Законе, изменяя, а в большинстве случаев, не вторгаясь в ее текст. Сокращается число субъектов Российской Федерации, меняется их наименование, что закрепляется в ст. 65 Основного За-

кона. В последние годы внесены дополнения и изменения в Конституцию (последнее — в июле 2020 г.). Норма Конституции о том, что одно и то же лицо не может занимать должность Президента страны более двух сроков подряд (ч. 3 ст. 81) с учетом внесенных в нее изменений дает возможность находиться у власти сколько угодно долго. Как тонко конституционный текст, одно слово «подряд» меняет конфигурацию власти. Можно даже не изменяя в данном случае Конституцию, корректировать ее развитие, институты гражданского общества, способствуя появлению на политической сцене новых ярких фигур. Но власть должна незаконными действиями сдерживать эти процессы.

Власти стоит осознать, что у общества возникает психологическая усталость, неприятие того, что в управлении страной находятся одни и те же. История нашей страны, да и ряда других, свидетельствует об этом. Поучительный опыт Соединенных Штатов.

Когда при отсутствии ограничений Президентом США был четвертый раз подряд избран признанный и уважаемый в своей стране и в мире Франклин Рузвельт — американское общество задумалось. Оно осознало, что при всех положительных качествах лидера, он не может быть несменяемым, если даже за него голосуют избиратели. Нужны новые люди, новые идеи, что и нашло отражение в XXII поправке Конституции США, вступившей в силу в 1951 г. Теперь ни один гражданин США не может находиться на посту Президента более двух раз за всю свою жизнь несмотря ни на какие положительные качества. Срок полномочий Президента Французской Республики был сокращен по инициативе самого Президента с семи до пяти лет.

Конституционная материя может изменяться без изменения самого текста Конституции, что предусмотрено самим Основным законом 1993 г. И на это обращают внимание многие исследователи. Конституция России называет десятки федеральных законов, принятие которых необходимо для детализации положений Основного закона с целью их наиболее эффективной реализации. При этом они не могут противоречить Конституции, исказить ее суть, что, к сожалению, порой имеет место.

Конституция указывает на Федеральные конституционные законы, которые необходимо принять. Их перечень, данный в Конституции, не исчерпывающий, но перечисленные в ней, должны быть при-

няты в развитие положений Основного Закона. Внутрифедеральные договоры, предусмотрены Конституцией, между федеральными органами и субъектами федерации, между самими субъектами придают динамизм Основному закону, дополняя его без вмешательства в его текст [5].

Конституция предоставляет исключительное право толковать нормы Конституционному Суду Российской Федерации, что позволяет, не меняя текста, познавать их истинный смысл. Сторонники данной теории конституционного права могут поставить под сомнение такие способы саморазвития и самосовершенствования Конституции. Но так более двух сот лет действует Конституция США. Верховный Суд, осуществляющий функции конституционного надзора, дал за это время толкование практически каждой статье Конституции, толкованию подвергались и поправки к ней. Конституция Соединенных Штатов Америки реализуется в значительной степени через решение Верховного Суда США, что лишь укрепляет американскую систему.

Самосовершенствование Российской конституции должно осуществляться, по мнению автора статьи, в рамках конституционного мировоззрения в соответствии с положениями Основного Закона. Назначение и роль Конституции в жизни страны проявляются в ее функциях. Исследователи Конституции используют понятия: основные черты, свойства, функции конституции. Но отметим, что их сколь угодно обоснованное разграничение в науке отсутствует. Но все солидарны в том, что функции конституции — это основные направления воплощения ее положений в реальную действительность [4, с. 6].

Функции Конституции обоснованы рядом авторов, подразделяются на правовые и социальные. К правовым следует отнести учредительную, закрепительную, регулятивную, охранительную, правотворческую.

К социальным — информационную, программную, духовно-нравственную и иные. Необходимо отметить, что в литературе называются различные функции. Но есть те из них, которые признаются всеми авторами.

Каждая функция важна, соответствуя своему назначению. Среди социальных следует выделить духовно-нравственную. Это то начало, которое придает обществу гуманистический, цивилизованный характер.

Среди правовых функций аккумулирующую роль выполняет регулятивная, объединяя остальные и характеризуя Конституцию как Основной закон государства и общества. Как бы ни был совершен текст конституции, главное — ее реализация, воплощение в действительность.

Не все положения конституции за тридцатилетие ее существования стали реальностью. Многие из них остаются программными и это не недостаток Конституции. Например, ст. 7, провозглашающая Российскую Федерацию социальным государством, целью которого является обеспечить достойную жизнь человеку. Как это перекликается с одной из норм проекта Конституции академика Д. С. Сахарова, где говорилось, что никто не должен жить в нищете. Достойная жизнь, отсутствие нищеты обеспечиваются экономическими, политическими, организационными, иными мерами, в том числе, и правовыми. Но не следует впадать в правовой идеализм и романтизм и отдавать им приоритет. Процветание общества создается трудом людей. Их самосознание, желание трудиться, вера в право, в закон, профессионализм, честность и справедливость властей имеют существенное значение.

Список источников

1. Гольцблат А. А. Развитие идеи правового государства в России (1905–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. М., 2004.
3. Жданова М. К. Особенности формирования правового государства в России // Международный

научный журнал «Вестник науки». 2022. № 4 (49). Т. 4. С. 65.

4. Корнев А. В. Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

5. Нижник Н. С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства / Н. С. Нижник, С. Ю. Дергилева, Д. С. Геворкян // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 237.

6. Осавелюк А. М. Принцип правового государства: понятие и содержание // Образование и право. 2022. № 2. С. 63–64.

References

1. Goltsblat A. A. Development of the idea of the rule of law in Russia (1905-1917): abstract. diss. ... cand. jurid. Sciences. M., 1994.
2. Jellinek G. The general doctrine of the state. M., 2004.
3. Zhdanova M. K. Features of the formation of the rule of law in Russia // International scientific journal «Bulletin of Science». 2022. No. 4 (49). Vol. 4. P. 65.
4. Kornev A.V. Ideas of the legal and police state in pre-revolutionary Russia: autoref. diss. ... cand. jurid. sciences. M., 1995.
5. Nizhnik N. S. Philosophy of eudaimonism as a conceptual basis of the theory and practice of the police state / N. S. Nizhnik, S. Yu. Dergileva, D. S. Gevorkyan // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 3 (63). P. 237.
6. Osavelyuk A.M. The principle of the rule of law: concept and content // Education and law. 2022. No. 2. P. 63–64.

Информация об авторе

М. О. Долгий — соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. O. Dolgiy — Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 29.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-118-123>

НИОН: 2003-0059-5/22-428

MOSURED: 77/27-003-2022-05-627

Некоторые вопросы международного усыновления детей согласно процедурам кафала и усыновления на расстоянии

Екатерина Геннадьевна Ермакова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ermakovaeg@mail.ru

Научный руководитель: начальник кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **В. А. Коннов**

Аннотация. Анализируются процедура, правовые последствия усыновления и формы устройства детей в исламских государствах. Рассматриваются правовые позиции Европейского Суда по правам человека в отношении жалоб иностранных граждан на принятие решения о признании акта усыновления кафала и приравнивании его к классическому усыновлению, а также процедуры усыновления на расстоянии, реализуемые возможности и ее последствия.

Ключевые слова: кафала, усыновление на расстоянии, усыновление по нормам ислама, молочное родство, международное усыновление

Для цитирования: Ермакова Е. Г. Некоторые вопросы международного усыновления детей согласно процедурам кафала и усыновления на расстоянии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 118–123. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-118-123>.

Original article

Some issues of international adoption of children according to the procedures of kafala and adoption at a distance

Ekaterina G. Ermakova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ermakovaeg@mail.ru

Research supervisor: Head of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **V. A. Konnov**

Abstract. The procedure, legal consequences of adoption and forms of placement of children in Islamic states are analyzed. The article examines the legal positions of the European Court of Human Rights in relation to complaints of foreign citizens against the decision to recognize the adoption act of kafala and equate it with classical adoption, as well as the procedure of adoption at a distance, the possibilities realized and its consequences.

Keywords: kafala, adoption at a distance, adoption according to the norms of Islam, milk relationship

For citation: Ermakova E. G. Some issues of international adoption of children according to the procedures of kafala and adoption at a distance. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):118–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-118-123>.

Дети-сироты и дети, по каким-либо причинам оставшиеся без попечения родителей, являются самой незащищенной частью любого общества. И каждое государство старается всеми силами решить эту социальную проблему.

Изучая вопрос усыновления в мире, мы столкнулись с большим количеством вариантов поддержки детей — вариант расширенной семьи, патронатной семьи, замещающей семьи, временного приюта, опеки, усыновления, кафала, усыновление на расстоянии и

помещение в учреждения интернатного типа, открытое усыновление или же усыновление родственниками. В данной статье хотелось бы остановиться на двух видах «усыновления», а точнее — процедурах, схожих с усыновлением, или так называемых организациях их осуществляющих. Это процедура кафала и усыновление на расстоянии.

Кафала признана и прямо упоминается в Конвенции о правах ребенка 1989 г., Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты

© Ермакова Е. Г., 2022

и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях 1986 г., а также в ряде национальных законов стран, в которых основной религией является ислам.

Ислам, являясь одной из трех (с буддизмом и христианством) мировых религий, имеющей своих приверженцев на всех континентах и в большинстве стран мира, довольно близко соприкасается с государством и правом.

Усыновление — широко распространенный обычай в древней Аравии, где мужчины принимали мальчиков в сыновья, давая им свое имя и оставляя наследство. Однако Священный Коран отменил эту практику.

Священный Коран осудил эту практику: «И Аллах не сделал ваших приемных сыновей вашими сыновьями. Это — всего лишь слова из ваших уст. Аллах же глаголет истину и наставляет на прямой путь. Зовите их (приемных детей) по именам их отцов. Это более справедливо перед Аллахом»¹.

Согласно Шариату² дети, у которых умер отец, считаются сиротами, пока не достигнут половой зрелости, к сиротам относят также незаконнорожденных детей и подкидышей.

В исламском праве существует такое понятие, как «кафала»; в рамках данной процедуры брошенных детей, детей, оставшихся без родителей, сирот, помещают в семьи, которые обеспечивают им уход, их воспитание и нормальную интеграцию в жизнь общества. Воспитание ребенка, не являющегося генетически родным, разрешено, а в случае, если ребенок — сирота, даже поощряется. Однако, согласно исламской точке зрения, этот ребенок не становится настоящим ребенком приемных родителей. К примеру, его называют в честь биологического, а не приемного отца.

Как гласит хадис³, переданный аль-Бухари и Муслимом: «Если кто-то претендует на отцовство человека, зная, что это не его отец, врата Рая будут закрыты для него». Что же касается недавно разработанного научного метода искусственного оплодотворения, оно запрещено только в том случае, «если донор семени не является мужем женщины» (аль-Карадави, с. 227).

Соответственно, в исламском праве соблюдается принцип открытого усыновления, где нет отрицания биологического происхождения, т. е. родословная ребенка не будет скрываться намеренно или будет искажена. В тоже время, ребенку запрещено

притязать на какое-либо происхождение, кроме своего настоящего, и требовать установления отцовства кого-либо, кроме своего настоящего отца (аль-Карадави, с. 228).

В случае, когда ребенок из детского дома или другого учреждения интернатного типа и имена его родителей неизвестны, то лишь в такой ситуации, по мнению некоторых алимов⁴, родители вправе дать ему свою фамилию.

Ст. 7 Каирской декларации прав человека в Исламе гласит: с момента рождения каждый ребенок имеет право на получение со стороны родителей, общества и государства надлежащего ухода, воспитания, а также материальной, физической и моральной поддержки. Мать и плод должны быть окружены особой заботой. Как ребенку, так и матери необходим специальный уход и поддержка со стороны законодательства» (Селим, с. 237).

Основной причиной запрещения законного усыновления в Исламе в соответствии с Шейхом Юсуфом (аль-Карадави, с. 223) является то, что «Ислам справедливо рассматривает этот способ усыновления как фальсификацию естественного порядка и действительности, т. е. происходит подмена действительности, поскольку невозможно постороннего человека сделать родным; чужой ребенок не становится ни сыном, ни дочкой для тех, кто его воспитывает, так же, как и не является продолжателем именно их рода и потомства.

Принять чужого ребенка в семью членом этой семьи и позволить ему оставаться наедине с женщинами, не являющимися ему мухаррам (родственниками по крови), является ошибкой, ведь ваша жена не является ему родной матерью, а дочь — сестрой... Более того, приемный сын имеет право на наследство имущества приемного отца и его жены, ущемляя права кровных наследников».

¹ Коран 33:4-5.

² Шариат — комплекс предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман.

³ Хадис — предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. Хадис — изречение (кауль), одобрение (такрир), образ (васфи) или действие (филь) пророка Мухаммада, сумма которых образует сунну, являющуюся авторитетной для всех мусульман и составляющую одну из основ шариата. Хадисы передавались посредством сподвижников пророка.

⁴ «Всезнающий», староста, значит человек с глубокими познаниями в Исламе.

У спонсируемых детей нет права наследования имущества своего спонсора, однако, разрешается и даже рекомендуется приемным родителям составить при жизни завещание (завещательный дар) в пользу своего приемного ребенка. С помощью данного завещания можно оставить в наследство до одной трети (не более) своего имущества, денежных средств приемному ребенку, который без такого завещания не имеет права наследования от своих приемных родителей.

В дополнение ко всему вышесказанному, запрещение законного усыновления также является способом избежать болезненного шока приемного ребенка, который он испытывает, узнав, что он не родной сын своих родителей (Хофман, с. 142).

В то же время, в ст. 7 Каирской декларации прав человека сказано: Родители и те, кто находится в аналогичном положении, имеют право выбирать для своих детей вид образования и по своему желанию, при этом они должны учитывать интересы и будущее детей в соответствии с этическими ценностями и принципами шариата. Таким образом, Каирская декларация прав человека не исключает и иных лиц, не родителей ребенка, но с равными им правами и обязанностями.

Воспитание ребенка в семье, не являющегося биологическим ребенком мужа и жены, разрешено, а в случае, если семья воспитывает сироту — поощряется. Но, как указано ранее, ребенок не становится настоящим ребенком «приемных» родителей, и в следствии этого, спонсируемый ребенок не носит то же имя, что и его родители-спонсоры. В исламе забота о сироте считается благословением, а для некоторых является долгом. Таким образом, исламским законом запрещено усыновлять ребенка (в привычном нам смысле этого слова), но разрешено заботиться о другом ребенке, что на арабском языке называется кафала, что дословно переводится как спонсорство.

Спонсируемый ребенок может стать махрамом⁵ для своей спонсирующей семьи, если он или она находится на грудном вскармливании от матери-спонсора. Тем не менее, это правило молочного родства применяется для детей, принятых по процедуре кафала и не спонсируемых детей, а там, где женщина стала кормилицей для младенцев.

Молочное родство возникает в результате вскармливания женщиной грудным молоком чужого ребенка при наличии нескольких условий: необходимо, чтобы молоко было женским. Если дети выпьют молоко одного и того же животного, молочное родство

не устанавливается; чтобы кормилице было не менее девяти лет, а ребенку — не более двух. Также необходимо, чтобы вскармливание проходило в несколько приемов⁶. Кормление грудью подтверждается свидетельством двух мужчин или одного мужчины и двух женщин, в некоторых случаях, свидетельствовать могут не только вышеупомянутые лица, а четыре женщины.

Брак между молочными родственниками по Шариату запрещается. Если при кормлении соблюдаются вышеупомянутые обстоятельства, кормилица становится молочной матерью ребенка, а он — ее молочным сыном или дочерью. А муж кормилицы — молочным отцом. Его дети — молочными братьями и сестрами этого ребенка, и так далее все остальные родственники⁷.

Свидетели должны помнить точную дату кормления, количество кормлений, попадание молока в желудок ребенка.

В исламе не допустимо окончательное лишение родительских прав; ссылаясь на то, что Аллах создал любовь и особую духовную связь между родителями и детьми, каждый родитель имеет право заботиться, растить и воспитывать своих детей, и никто не может отнять данное право, дарованное Всевышним. Если же родители не выполняют своих обязанностей в отношении детей, или выполняют их плохо, ущемляют их права и всячески унижают их, то дело разрешается шариатским судом, который дает срок родителям на исправление. Суд может разрешить дело наложением штрафа, лишением свободы или ссылкой (тагриб, что означает запрет приближаться к человеку на определенное судом расстояние) в отношении nepядочного родителя с назначением ребенку временного опекуна.

Случается, что процедура кафала существенно осложняет правовое положение ребенка в стране пребывания, если ребенок был усыновлен в стране происхождения согласно процедуре, которая предусмотрена законодательством страны происхождения (в данном случае речь идет о процедуре кафала).

⁵ Махрам — в исламском праве: близкий родственник, за которого женщина не имеет права выходить замуж по причине их родства.

⁶ Ибн Маджа № 1946; Сахих аль-джами' № 7495.

⁷ Из книги «Аль-Фикх аль-муяссар 'аля мазхаби имам Аби Ханифа» шейха Рашида Хусайна ан-Надви / пер. с араб. языка.

Так, ЕСПЧ приходилось формулировать правовые позиции по нестандартным делам, связанным с данной формой усыновления.

В случаях, когда суды принимающего государства отказывали заявителям признавать кафалу в виде акта усыновления, они указывали, что такой отказ был совершен в интересах ребенка, поскольку обеспечивал поддержание детско-родительских отношений с генетическими родителями, а также, что усыновление в классическом виде, как мы его привыкли понимать, отсутствует в стране происхождения усыновляемого. Заявители же ссылались на неопределенный статус ребенка в принимающем государстве — без принятия данной процедуры, что существенно усложняло их жизнь (усложненный порядок устройства в детские учреждения и школы, сложность в получении медицинских услуг, неравенство среди одноклассников и т. п.). Более того, система кафала не является постоянной, она не сравнима с отношениями родитель – ребенок и может даже существовать совместно с отношениями биологический родитель – ребенок.

Однако, каждый случай необходимо рассматривать с учетом всех особенностей, изучив вопрос о том, были ли достаточным образом учтены наилучшие интересы ребенка в ходе процедуры.

Так, согласно марокканскому праву «кафала» регулируется дахиром № 1-02-172 от 13 июня 2002 г. о промульгации Закона № 15-01, касающегося принятия на воспитание и содержания (установления отношения «кафала») детей, оставленных родителями. Согласно ст. 2 этого Закона «кафала», представляет собой «обязательство предоставлять оставленному родителями ребенку такие же защиту, образование и оказывать ему такую же заботу, которые обеспечивает отец своему родному ребенку. Отношение «кафала» не создает правовых последствий, создаваемых усыновлением, и не является основанием для возникновения права наследования». Оставленный родителями ребенок временно помещается в государственный центр или государственное учреждение социальной защиты детей. После проведения проверок может быть вынесено постановление об отказе от ребенка. Опекун над детьми, которые были объявлены оставленными родителями, обеспечивает судья по делам опеки. Затем такие дети могут быть переданы на воспитание в рамках отношения «кафала» являющимся мусульманами супругам или мусульманской женщине».

Процессуальная процедура кафала имеет схожую природу с опекой по российскому законодательству. Опека — это принятие в дом ребенка на правах воспитуемого.

Согласно российскому законодательству, опека устанавливается над детьми, не достигшими 14 лет, а попечительство — над детьми от 14 до 18 лет. Опекун имеет практически весь спектр прав родителя в вопросах воспитания, обучения, содержания ребенка и ответственности за него. Опека может назначаться на определенный срок или без срока. В российских реалиях часто опека используется как промежуточная форма к усыновлению. И так, опекунство подразумевает содержание и воспитание ребенка, и это является одним из самых благих деяний в Исламе.

Второй вид усыновления, который хотелось бы рассмотреть в данной статье — усыновление на расстоянии или «Distant adoption», как она называется в мире. В последнее время он становится все популярнее, все больше организаций предоставляют услуги по данному виду усыновления. В том числе оно становится популярнее и в России, количество таких усыновителей увеличилось в несколько раз.

Участники программы — приемные родители — перечисляют фиксированную сумму, которая идет на содержание конкретного, усыновленного ими ребенка.

Во многих африканских странах международное усыновление является трудным и порой даже не возможным, как, например, в Египте, Алжире, Марокко, Мавритании, Танзании, Малави, Мали, т. е. арабских и исламских республиках.

Более чем в 25 странах мира, в основном африканских и странах Азии, работает программа «Усыновление на расстоянии». Программа была основана в 1998 г. Общиной святого Эгидия — международной организацией, которая изначально появилась в Риме.

Ребенок остается жить там, где он жил. Продолжает общаться со своими африканскими сверстниками, говорить на своем родном языке и жить привычной ему жизнью, но за деньги усыновителей, ребенок из бедной семьи будет получать горячий обед в центре питания, будет одет, ему будут куплены необходимые принадлежности к школе, он получит медицинское лечение и лекарства, и другие необходимые вещи. Нередко бывает, что обед в центре питания становится единственной пищей в сутки для «усыновленного» ребенка.

Благодаря данной программе усыновления дети от 2 до 14 лет из бедных стран Африки регулярно получают помощь от своих дистанционных «усыновителей» и у них появляется шанс вырасти здоровыми. У всех этих детей зачастую есть родители и усыновление — формальное. При центрах питания проводятся родительские собрания — для реальных родителей. Существует электронная база, где хранятся данные по всем детям и их семьям.

Человек, который решил стать «усыновителем», знакомится с биографией и жизнью конкретного ребенка и каждый месяц перечисляет в Общину 26 евро.

Раз в полгода «усыновитель» получает свежие фотографии и отчеты о том, как у ребенка идут дела, детей взвешивают и измеряют их рост, чтобы убедиться, что они растут хорошо, что все в порядке со здоровьем. При необходимости детям оказывают медицинскую помощь; если кто-то давно не приходил в Центр — его будут искать и постараются выяснить, что случилось и как у него дела. Работники Центра контролируют, как ребенок растет и следят за ситуацией в его семье.

В дни рождения дети получают небольшие подарки от «усыновителей», а на Рождество организуются большой праздник в Центре Питания.

Подобный опыт перенимают и другие страны; так, особую популярность данный проект приобрел в Чехии. Чешская республика осуществляет подобный проект с 2005 г. в Закарпатской Украине.

Целевой группой проекта являются дети из малообеспеченных семей, которые благодаря данной поддержке могут приобрести лучшее, чем они бы могли себе позволить, образование и поднять материальный и умственный уровни их семей.

Местными координаторами проекта проводится мониторинг ситуации в семьях, таким образом в списки нуждающихся включаются дети дошкольного, школьного возрастов и студенты. Главный критерий отбора — нуждаемость.

Далее, с приемным родителем заключается договор об усыновлении конкретного ребенка на неопределенный срок, или же срок может быть оговорен в договоре. Договор дарения на усыновление конкретного ребенка прекращается в случае, если ребенок окончил обязательное школьное образование или последующее образование, ребенок переселился в регион, где не действуют партнерские украинские организации, выйдет замуж / женится или

при значительном нарушении правил проекта, а также по желанию приемного родителя, который не может или не хочет больше продолжать свое участие в проекте.

К договору дарения даритель получает анкету ребенка, которая содержит фотографию и основную информацию о ребенке, его семье, социальных условиях и школе, в которой он учится. Зачастую ребенок пишет письма своим приемным родителям, а также они получают школьный табель успеваемости детей.

Учитывая близость стран-участников данного проекта, для родителей имеется возможность посещения приемных детей. Один раз в год, в летние каникулы, проект организует поездку приемных родителей, во время которой родители получают возможность лично встретиться с детьми, познакомиться со средой и с жизненными условиями, в которых дети живут.

Денежные средства, которые перечисляет усыновитель, используются именно для обеспечения предметов первой необходимости ребенка — питание, расходы на жилье, расходы на образование и школьные пособия, оплата проезда, одежды, медицинское обслуживание, на проживание детей без родителей в приемных семьях или в домах детей. Большая часть суммы — 70 % средств идет прямо поддерживаемому ребенку, оставшиеся 30 % направляются в совместный фонд и на расходы Центра для реализации проекта.

В Италии проект «Усыновление на расстоянии» осуществляется ассоциацией *Amici dei Bambini* («Друзья Детей»); это международная благотворительная организация, созданная для защиты прав несовершеннолетних путем реализации проектов помощи детям.

Тесное и плодотворное сотрудничество сложилось у этой ассоциации с Украиной, где наряду с реализацией данной программы, ассоциация организует строительство детских домов семейного типа и помогает решать вопросы усыновления.

Таким образом, проведя анализ зарубежных форм помощи малообеспеченным детям, сиротам и детям из неблагополучных семей, мы видим иные формы усыновления, не в классическом его понимании. Рассмотренные концепции отличаются от тех, которые доминируют в западных странах. Изучение особенностей мусульманского права как самостоятельной правовой системы представляет не только исторический, общетеоретический, но и практиче-

ский интерес. Данные процедуры, пусть и с существенными различиями, несут в себе приоритетную задачу — обеспечение насущных интересов ребенка. Анализ судебной практики демонстрирует, что по-прежнему имеет место множество столкновений интересов как между иностранными усыновителями и правовой системой государства происхождения ребенка, так и между усыновляемыми и правом принимающего государства.

Библиографический список

1. Соображения Комитета ООН по правам ребенка от 27 сентября 2018 г. по делу И. Б. и Н. С. против Бельгии.

2. Постановление Европейского Суда по правам человека. Дело «Харудж против Франции». Постановление от 4 октября 2012 г. (жалоба № 43631/09) // URL://http://hudoc.echr.coe.int/rus#{"fulltext":["43631/09"],"documentcollectionid2":["grandchamber","chamber"],"itemid":["001-113819"]}.

3. Постановление Европейского Суда по правам человека. Дело «Чибихи Лудоди и другие против Бельгии». Постановление от 16 декабря 2014 г. (жалоба № 52265/10) // URL://http://hudoc.echr.coe.int/rus#{"fulltext":["43631/09"],"documentcollectionid2":["grandchamber","chamber"],"itemid":["001-149111"]}.

4. Абашидзе А. Х., Гугунский Д. А., Конева А. Е., Солнцев А. М. Защита прав детей при возникновении споров о воспитании детей между родителями, проживающими на территории разных государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2014. № 3. С. 241–249.

5. Абашидзе А. Х., Григорьева Н. А., Конева А. Е., Симонова М. А. Опыт русской православной церкви в сфере защиты семьи и детей: правовые основа-

ния и инновационный поиск // Глобальный научный потенциал. 2016. № 10 (67). С. 34–38.

6. Абашидзе А. Х., Голованов А. С., Кебурия К. О. и др. Африканская система защиты прав человека и народов: учеб. пособие. М., 2017.

Bibliographic list

1. Views of the UN Committee on the Rights of the Child of 27 September 2018 in the case of I.B. and N.S. v. Belgium.

2. Ruling of the European Court of Human Rights. The case of Kharuj v. France. Judgment of 4 October 2012 (complaint no. 43631/09) // URL://http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":["43631/09"],"documentcollectionid2":["grandchamber","chamber"],"itemid":["001-113819"]}.

3. Resolution of the European Court of Human Rights. Chibihi Ludodi and Others v. Belgium. Decree of 16 December 2014 (complaint no. 52265/10) // URL://http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":["43631/09"],"documentcollectionid2":["grandchamber","chamber"],"itemid":["001-149111"]}.

4. Abashidze A. Kh., Gugunsky D. A., Koneva A. E., Solntsev A. M. Protecting the rights of children in the event of disputes about the upbringing of children between parents living in different states // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: legal sciences. 2014. No. 3. P. 241–249.

5. Abashidze A. Kh., Grigorieva N. A., Koneva A. E., Simonova M. A. The experience of the Russian Orthodox Church in the field of protecting families and children: legal grounds and innovative search // Global Scientific Potential. 2016. No. 10 (67). P. 34–38.

6. Abashidze A. Kh., Golovanov A. S., Keburia K. O. et al. African system for the protection of human rights and peoples: textbook. allowance. M., 2017.

Информация об авторе

Е. Г. Ермакова — соискатель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

E. G. Ermakova — Applicant of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-124-127>

НИОН: 2003-0059-5/22-429

MOSURED: 77/27-003-2022-05-628

Борьба профессиональная и общеуголовная с преступностью в Русском централизованном государстве (конец XV–XVII вв.)

Валерий Александрович Жабский¹, Светлана Геннадьевна Куликова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vzhabskii@mail.ru

² Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, cvetlana-1977@mail.ru

Аннотация. На основе анализа историко-правовых источников и исторических преданий, сделана попытка раскрыть формы и методы борьбы профессиональной и общеуголовной с преступностью конца XV–XVII вв., уделяя, при этом, внимание трансформации понятия «лихой человек» и оценкам эффективности функционирования системы наказаний в Русском централизованном государстве.

Ключевые слова: лихие люди, тюрьма, острог, Русское централизованное государство

Для цитирования: Жабский В. А., Куликова С. Г. Борьба профессиональная и общеуголовная с преступностью в Русском централизованном государстве (конец XV–XVII вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 124–127. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-124-127>.

Original article

The fight professional and ordinary against crime in the Russian centralized state (the end of the XV–XVII centuries)

Valeriy A. Zhabskiy¹, Svetlana G. Kulikova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vzhabskii@mail.ru

² Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, cvetlana-1977@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of historical and legal sources and historical legends, an attempt is made to reveal the forms and methods of combating professional and ordinary crime at the end of the XV–XVII centuries, paying attention to the transformation of the concept of «dashing man» and assessing the effectiveness of the functioning of the punishment system in the Russian centralized state.

Keywords: dashing people, prison, Russian centralized state

For citation: Zhabskiy V. A., Kulikova S. G. The fight professional and ordinary against crime in the Russian centralized state (the end of the XV–XVII centuries). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):124–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-124-127>.

Очевидно, что преступность, являясь разновидностью человеческого поведения [12, с. 13], составляет одну из сторон жизни общества и наглядно отражает те политические и социально-экономические процессы, которые происходят на различных этапах его развития. Каждый период в истории государства отражает определенные процессы, связанные с состоянием преступности. Анализ исторических источников свидетельствует о том, что общество никогда не относилось равнодушно к людям, которые попирают общепринятые нормы поведения.

Борьба с преступностью на всем протяжении русской истории являлась неотъемлемой частью внут-

ренней политики государства. Важные изменения в организации борьбы с преступностью произошли в конце XV–XVII вв. Это было время, когда меняется система управления государством. Русское государство проходит в своем развитии периоды формирования единого централизованного государства, расцвета и упадка сословно-представительной монархии и зарождение предпосылок для установления абсолютной власти царя. Указанные изменения спровоцировали рост преступности. В конце XV — начале XVI в. появляется категория людей, выбитых из привычного жизненного уклада. Как следствие — рост шайек разбойников и грабителей. Как отметил извест-

© Жабский В. А., Куликова С. Г., 2022

ный дореволюционный исследователь В. И. Курдиновский, «не было места, куда бы не заглянули эти нежеланные гости и не оставили после себя обездоленных людей» [6, с. 280].

Наряду с ростом уровня преступности, менялся ее характер. Люди объединялись и коллективно занимались разбоем и бандитизмом с целью обогащения. В основном это были социальные низы, выражавшие свой протест. Между тем известно, что в преступлениях принимали участие и представители аристократии. Например, в 1533 г. «осенью, в воскресенье в вечери, по Покрове Святой Богородицы, приехал князь Каширский Иван Данилович с своими людьми в Троицкую деревню на монастырский двор разбоем; ...да на том же разбое убили у нас до смерти монастырского слугу Иванка Головина» [3, с. 23]. От второй половины XVI в. дошли дела о крупных разбоях, совершенных разбойными шайками из детей боярских. Таким образом, профессиональная преступность носила всесословный характер [4, с. 224–225]. Преступная деятельность «лихих людей» из десятилетия в десятилетие становится все более и более опасной. Так, в тех ст. 8, 13, 39 Судебника 1497 г., где речь идет о «лихих людях» [11], пока еще не чувствуется особой опасности, которая может исходить от них, то уже во второй трети XVI в. в Белозерской губной грамоте 1539 г. много внимания уделено вопросам нападения преступных банд на села и деревни, причем эти нападения носят ярко выраженный разбойный характер [8, с. 176]. Для «добрых людей» действия «лихих людей» объяснялись как следование наущению дьявола и «злomu року» [10, с. 65].

В ст. 52 Судебника 1550 г. уточняется понятие «лихой человек», которое применялось по отношению к профессиональным преступникам — людям, ведущим преступный образ жизни, основывающийся на специально выработанном воровском законе.

Рост преступности в целом, и в том числе появление профессиональной, нес в себе серьезную угрозу обществу, это прекрасно понимали в его «верхах». Поэтому уже в середине XVII в. происходят серьезные изменения в уголовном и процессуальном законодательстве, государство бросает свои лучшие силы на борьбу с «лихими людьми».

Предлагаем изучить условия содержания «лихих людей» в местах лишения свободы того времени. Для отбывания срока тюремного заключения использовали разные виды тюрем: верхние и нижние. Земля-

ные (нижние) тюрьмы отличались самыми суровыми условиями содержания уголовных преступников. Для заключенных таких тюрем были характерны антисанитарные условия содержания. Например, в марте 1666 г., когда протопопа Аввакума перевезли в Боровский Пафнутьев монастырь и посадили в «земляную тюрьму», он так охарактеризовал условия своего содержания: «где сижу там и ем, тут и срание и сцание» [9, с. 68]. Частыми посетителями «земляных тюрем» были мыши, тараканы, сверчки и, конечно, вши. Голод, холод, антисанитария, царившие в монастырских «земляных тюрьмах», имели следствием большую смертность среди заключенных [1, с. 380]. Конкретные условия содержания заключенных существенно отличались: одних сажали на цепь или годами держали в ямах, другим же предоставлялись более комфортабельные условия жизни.

Совершенно иные условия заключения были в «остроге». «Острог с окошком», или «верхняя тюрьма» фигурирует в 1654 г. в отписке великоустюжского воеводы князя Ефима Мышецкого; упоминается о постройке в городе двух тюрем «длиной восемнадцать сажень с полусаженью, а поперек одиннадцать сажень каждая» [5, с. 404–405]. Каждый «острог» был разделен на «две избы по четыре сажени (т. е. по 8,52 м), да караульня» [5, с. 404–405]. Нехитрым было и внутреннее устройство изб, которое состояло из печки, которая топилась сторожем в холодное время года, полатей (нары для сна, устраиваемые между печью и стеной), залавка (род длинного стола) и лавок.

В XVII в. в московском «остроге» избы имели собственные названия: Опальная, Разбойная, Татарка, Холопья, Женская. Такое деление внутри «острога» необходимо было для того, чтобы изолировать разные категории подсудимых и осужденных, а также мужчин от женщин [2, с. 589]. В провинциальных городах имело место лишь деление тюрем на «разбойную» и «опальную» избы. Так, в 1636 г. елецкий воевода Сенька Мосальский расспросив «тюремного сидельца» Устинку Михайлова, обвиняемого в «государевом деле», оставил его в «разбойной тюрьме» мотивируя это тем, что «опальная тюрьма худа и вся развалилась» [7, с. 443–444]. Описанный выше случай, когда воевода жалуется царю на плохое состояние тюрем, — не единственный. В 1644 г. курский воевода Иван Филиппович Стрешнев тоже писал государю о том, что в Курске «воровской татиной тюрьмы нет и держать воров негде» [7,

с. 533–535]. А в 1649 г. и ефремовский воевода Михаил Ефросимов жаловался царю на плохое состояние тюрьмы в городе [7, с. 549–552].

Все это не случайно, ведь тюрьмы находились в ведении воевод, и те обязаны были следить за состоянием «острожных мест», а также, по указу царя, должны были строить новые тюрьмы в городах. Для постройки тюрем воевода или губной староста собирали с местного населения деньги. Так, 1637 г. муромскому губному старосте Борису Ворыпаеву пришел государев указ о взимании денег на тюремное строение и на всякие губные расходы «с посадов, и с уездов, с царских дворцовых волостей, с патриарших, с митрополичьих, с архиепископских, с монастырских, с поместных и вотчинных, со всяких земель, и старханщиков» [1, с. 416].

Также местное население должно было выбирать и содержать сторожей для охраны «тюремных сидельцев». Так, в 1654 г. великоустюжский воевода Ефим Мышецкий на постройку тюрем собирал с населения уезда 285 руб. [5, с. 404–405]. Прибавим к этому ежегодный сбор по 113 руб. на содержание тюремных сторожей.

Несмотря на охрану, побеги не были редкостью, так как часто сторожа уходили со своих мест и оставляли тюрьмы без охраны [5, с. 404–405]. Впрочем, и тюремный режим для арестантов был нередко достаточно свободным. На ночь тюремные двери тщательно запирались, а снаружи выставлялась охрана [2, с. 591]. В 1639 г. в Суздале «тюремный сиделец» Афонька Тихонов трижды убежал и губным целовальникам и сторожам угрожал, был посажен именно в «нижнюю тюрьму», которая представляла собой сруб в земле с деревянной дверью наверху [9, с. 76]. После поимки его посадили в «нижнюю тюрьму», которая была прототипом более позднего карцера, куда сажали нарушителей тюремного режима.

Причины побегов очевидны. Во-первых, все узники «верхних тюрем», кормились за счет милостыни. Население обычно с состраданием относилось к «сидельцам», жители города иногда приносили в тюрьму еду. Подчас и представители церкви посылали милостыню: в 1624 г. в шацкую тюрьму перед «Петровым заговением» был прислан для заключенных хлеб, а в 1639 г. в Суздале спасский архимандрит прислал на Рождество Христово в тюрьму ведро пива [7, с. 338]. Но в целом, «тюремные сидельцы» были плохо обеспечены питанием, о чем свидетельствуют

многочисленные челобитные. В 1644 г. в челобитной рыльского «тюремного сидельца» Гришки Титова содержатся следующие стенания: «после пыток живот свой мучу 45 недель и помираю в тюрьме голодную смертью...» [7, с. 131–135]. А в 1643 г. коломенский посадский человек Федотка Родионов в челобитной на имя царя Алексея Михайловича пишет: «сiju... живот свой мучу в напрасну, помираю голодной смертью» [7, с. 527–531].

Во-вторых, известны и случаи мздоимства: заплатив губному целовальнику определенную сумму денег, любой мог и ночью посещать «тюремных сидельцев». В 1629 г. белозерский губной целовальник Иван Мартюшин пропустил ночью Ольгу Соколицину к «тюремному сидельцу» Еремке Подщипаеву, при этом потребовал заплатить ему полтора рубля [7, с. 384–393].

Анализ историко-правового опыта наглядно показывает, что многие современные проблемы имеют глубокие исторические проблемы, знание которых поможет избежать ошибок в настоящем.

Список источников

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. III. СПб. : Тип. Праца, 1836.
2. Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М. : Новое литературное обозрение, 1999.
3. Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование). Ч. 1. Домодедово : РИПК работников МВД России, 1997.
4. Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе: XI–XV вв. М. : Наука, 1984.
5. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою экспедициею. Т. III. СПб. : Тип. Печатна, 1846.
6. Курдиновский В. И. Губные учреждения Московского государства. Собрание сочинений. М. : Книга по Требованию, 2011.
7. Новомбергский Н. Я. «Слово и дело государевы». Т. I. М. : Изд-во А. И. Спешревой, 1911.
8. Памятники русского права. Вып. 4. М. : Госюриздат, 1955.
9. Пустозерская проза. М. : Мысль, 1989.

10. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М. : Юристъ, 1995.

11. Судебник 1497 г. // URL://http://his95.narod.ru/1497.htm.

12. Шнайдер Г. Криминология. М. : Прогресс-Универс, 1994.

References

1. Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographic Expedition of the Academy of Sciences. Т. III. SPb. : Type of. Praca, 1836.

2. Anisimov E. V. The Rack and the Whip: Political Investigation and Russian Society in the 18th Century. М. : New Literary Review, 1999.

3. Vlasov V. I., Goncharov N. F. Organization of the search for criminals in Russia in the 9th–20th centuries (historical and legal research). Part 1. Domodovo : RIPK of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997.

4. Gutnova E. V. Class struggle and social consciousness of the peasantry in medieval Western Europe: XI–XV centuries. М. : Nauka, 1984.

5. Additions to historical documents collected and published by the Archaeographic Expedition. Т. III. SPb. : Type of. Pratz, 1846.

6. Kurdinovskiy V. I. Gubernia institutions of the Moscow state. Collected works. М. : Book on Demand, 2011.

7. Novombergsky N. Ya. «The sovereign's word and deed». Т. I. М. : Publishing House of A. I. Speshreva, 1911.

8. Monuments of Russian law. Issue. 4. М. : Gosjurizdat, 1955.

9. Pustozerskaya prose. М. : Thought, 1989.

10. Rogov V. A. History of criminal law, terror and repression in the Russian state of the XV–XVII centuries. М. : Yurist, 1995.

11. Sudebnik 1497 // URL://http://his95.narod.ru/1497.htm.

12. Schneider G. Criminology. М. : Progress-Univers, 1994.

Информация об авторах

В. А. Жабский — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

С. Г. Куликова — заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Zhabskiy — Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

S. G. Kulikova — Deputy Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-128-131>

НИОН: 2003-0059-5/22-430

MOSURED: 77/27-003-2022-05-629

Административно-предупредительные меры в системе дисциплинарного принуждения: понятие и классификация

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,

vz15111982@gmail.com

Аннотация. Анализируются административно-предупредительные меры, применяемые во внутриорганизационной деятельности органов внутренних дел. Исследуется природа административно-предупредительных мер и их место в системе дисциплинарного принуждения как метода государственного управления. На основании характерных черт предупредительных мер нарушения служебной дисциплины предлагается их авторское понятие и классификация с учетом специфики дисциплинарных правоотношений в системе органов внутренних дел.

Ключевые слова: служебная дисциплина, законность, административно-предупредительные меры, дисциплинарное принуждение, органы внутренних дел

Для цитирования: Журавлев В. В. Административно-предупредительные меры в системе дисциплинарного принуждения: понятие и классификация // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 128–131. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-128-131>.

Original article

Administrative preventive measures in the system of disciplinary enforcement: concept and classification

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Ryazan', Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. Administrative and preventive measures applied in the internal organizational activities of internal affairs bodies are analyzed. The nature of administrative and preventive measures and their place in the system of disciplinary coercion as a method of public administration are investigated. Based on the characteristic features of preventive measures of violation of official discipline, their author's concept and classification are proposed, taking into account the specifics of disciplinary legal relations in the system of internal affairs bodies.

Keywords: service discipline, legality, administrative and preventive measures, disciplinary coercion, internal affairs bodies

For citation: Zhuravlev V. V. Administrative preventive measures in the system of disciplinary enforcement: concept and classification. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):128–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-128-131>.

Реформирование органов внутренних дел, продолжающееся в настоящее время, представляет собой достаточно сложный процесс поиска оптимального построения их организационно-штатной структуры и совершенствования управленческой деятельности, основанной на трансформации административного законодательства в целях повышения общей эффективности деятельности полиции, неотъемлемой частью которой является служебная дисциплина. В основе ее поддержания лежит механизм правового регулирования, основанный на балансе государственно-публичных интересов МВД России и

частных интересов сотрудников органов внутренних дел, реализуемом посредством сочетания методов государственного управления: убеждения и принуждения. Отдельные ученые, отчасти справедливо, отмечают, что «административное принуждение должно иметь только вспомогательный характер и применяться лишь в случаях, когда в рамках позитивного правового регулирования исчерпаны иные способы регулирующего воздействия» [1, с. 17]. Вместе с тем, нельзя не признать, что использование лишь только мер, направленных на становление и развитие позитивной ответственности, в отрыве от прину-

© Журавлев В. В., 2022

дительных мер, к сожалению, не позволяет в полной мере добиться желаемого результата. Пожалуй, ключевым элементом дисциплинарного принуждения следует считать предупредительные меры, призванные оказать превентивное воздействие, минимизировать возможность нарушения установленных запретов и ограничений. Как отмечает А. А. Березин, «их властно-принудительная сущность обусловлена тем, что властвующий субъект способен на оказание определяющего воздействие на поведение и деятельность подвластных объектов вопреки их воле, что является характерной чертой любого вида социальных связей с принудительным содержанием» [2, с. 90]. Характерной особенностью предупредительных мер является их универсальность [3, с. 103], которая предоставляет возможность своевременного воздействия на причины и условия, способствующие нарушению социальных норм, запретов и ограничений, требований к служебному поведению, а также на сознание и поведение сотрудников органов внутренних дел.

Административно-правовые меры, направленные на предупреждение (профилактику) нарушений служебной дисциплины являются одним из средств поддержания в системе органов и подразделений внутренних дел установленного порядка и общепринятых правил поведения путем выработки и реализации управленческих решений уполномоченными должностными лицами, направленных на минимизацию или исключение возникновения обстоятельств, служащих основанием к возбуждению дисциплинарного производства. Ученые-административисты отмечают, что административно-предупредительные меры по своей природе носят ярко выраженный профилактический характер [4, с. 219; 5, с. 215], однако реализуются в принудительном порядке, т. е. путем принятия руководителем единоличного властного решения в отношении подчиненного ему сотрудника полиции в целях соблюдения им конкретно определенных в нормативных правовых актах правил, запретов и ограничений. Таким образом, основанием для применения административно-предупредительных мер является не сам факт совершения дисциплинарного проступка, а наступление определенных обстоятельств, которые могут быть как связаны, так и не связаны с действиями сотрудника полиции [5, с. 215].

Государство, закрепляя перечень мер рассматриваемой категории, пытается защитить охраняемые

правоотношения от возможных нарушений, игнорирование которых, в свою очередь, может привести к действительному совершению дисциплинарного проступка и повлечь наступление неблагоприятных последствий для органов внутренних дел. Так, принятие должных предупредительных мер, направленных на повышение дорожно-транспортной дисциплины, может привести к совершению дорожно-транспортного происшествия. Его итогом, при наличии в действиях сотрудника полиции вины, например, в управлении автомобилем в состоянии опьянения, могут стать негативные последствия для правоохранительных органов в целом в виде снижения уровня одобрения и поддержки их деятельности со стороны простых граждан.

Вместе с тем, следует отметить, что применение рассматриваемой группы мер может быть вызвано необходимостью предупреждения возникновения иных вредных последствий, вызванных невинными действиями сотрудников органов внутренних дел. Так, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции активно используется предупредительные меры в виде измерения температуры тела и дезинфекции рук лиц, проходящих на территорию административных зданий и помещений органов внутренних дел, как средство, направленное на недопущение распространения болезни и соблюдения прав других сотрудников на санитарно-эпидемиологическое благополучие.

Для определения сущности предупредительных мер, входящих в систему дисциплинарного принуждения, необходимо остановиться на их классификации. Ученые-административисты, занимавшиеся изучением мер предупредительного характера по-разному подходят к их делению. Так, А. В. Равнюшин предлагает классифицировать административно-предупредительные меры исходя из объекта регулирующего воздействия, методов правового воздействия (стимулирующие, обязывающие, дозвоительные, запрещающие), сферы воздействия (общие и специальные), территориального признака (федеральные, региональные, местные), целевого предназначения (выявление причин и условий совершения правонарушений, предупреждение противоправного поведения лиц и пр.), субъектов применения (органы внутренних дел, иные органы государственной власти) [6, с. 9].

В. В. Барашев, в свою очередь, полагает возможным разделить рассматриваемую категорию мер ис-

ходя из причин их применения (человеческий фактор, явления природного или техногенного характера), источника нормативно-правового регулирования (федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента РФ и т. д.), по целевому признаку (имеющие предупредительный характер или смешанный (предупредительно-пресекающий характер)) [7, с. 6].

По мнению А. А. Березина, в основе классификации административно-предупредительных мер лежит их целевое предназначение (необходимость предупреждения правонарушений, необходимость предупреждения вредных последствий, вызванных их совершением), субъекты правоприменения (Президент РФ; должностные лица органов государственной власти и пр.), период их реализации [2, с. 92–109]. Обобщая совокупность представленных мнений, и принимая во внимание специфику дисциплинарных правоотношений в системе органов внутренних дел, предлагаем следующую классификацию административно-предупредительных мер нарушений служебной дисциплины.

1. По целевому предназначению:

- ◆ общие;
- ◆ специальные.

2. По кругу действия:

- ◆ унифицированные;
- ◆ персоналифицированные.

3. По источнику нормативного регулирования, предусмотренные:

- ◆ федеральными конституционными законами и федеральными законами;
- ◆ подзаконными актами;
- ◆ локальными актами органов и подразделений внутренних дел.

4. По субъектам применения, реализуемые:

- ◆ прямым (непосредственным) начальником (руководителем);
- ◆ иными должностными лицами, наделенными властными полномочиями в соответствии с замещаемой должностью;

5. По объектам применения:

- ◆ постоянный состав;
- ◆ переменный состав.

6. По направлениям деятельности в сфере:

- ◆ учетно-регистрационной и исполнительской дисциплины (в том числе пропускного режима);
- ◆ дорожно-транспортной дисциплины;

- ◆ служебной (правовой, боевой, физической) подготовки.

7. Исходя из причинно-следственной связи, вызванные:

- ◆ деяниями сотрудников органов внутренних дел;
- ◆ обстоятельствами непреодолимой силы, явлениями природного и техногенного характера.

На основании анализа элементов системы средств предупреждения нарушений служебной дисциплины в органах внутренних дел, предлагаем дать им авторское определение.

Дисциплинарно-предупредительные меры представляют собой систему инструментов принуждения, реализуемых в отношении постоянного и переменного состава органов внутренних дел в целях профилактики нарушений дисциплины и наступления иных вредных последствий в случаях, когда имеются достаточные основания предполагать наличие потенциальной или реальной опасности нарушения установленного внутреннего служебного распорядка, запретов, ограничений и иных требований, установленных нормативными актами, приказами и распоряжениями уполномоченных начальников (руководителей), как совокупность средств поддержания правового режима в системе дисциплинарно-трудовых отношений.

Список источников

1. Овчарова Е. В. Дисциплинарное принуждение за нарушение налогового законодательства в Российской Федерации как элемент правового регулирования в области налогов и сборов: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

2. Березин А. А. Административно-правовое противодействие нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

3. Гайдуков А. А. Административно-правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018.

4. Алехин А. П., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: учебник. Ч. 1. Сущность и основные институты административного права. М.: Теис, 1995.

5. Административное право: учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2017.

6. Равнюшин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

7. Барашев В. В. Институт административного принуждения: соотношение материального и процессуального права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007.

References

1. Ovcharova E. V. Disciplinary enforcement for violation of tax legislation in the Russian Federation as an element of legal regulation in the field of taxes and fees: Author. diss. ... Dr. jurid. Sciences. M., 2021.

2. Berezin A. A. Administrative and legal counteraction to violations that encroach on public order and

public safety during public events: diss. ... cand. legal Sciences. Saratov, 2015.

3. Gaidukov A. A. Administrative and legal regulation of police activities to prevent and suppress offenses in the sphere of family and domestic relations: diss. ... cand. legal Sciences. Omsk, 2018.

4. Alekhin A. P., Kozlov Yu. M. Administrative law of the Russian Federation: textbook. Part 1. Essence and main institutions of administrative law. M. : Teis, 1995.

5. Administrative law: textbook / ed. L. L. Popova, M. S. Studenikina. 2nd ed., revised. and additional M. : Norma : Infra-M, 2017.

6. Ravnyushin A. V. Administrative and legal means of preventing and suppressing offenses in the sphere of family and domestic relations by internal affairs bodies: author. diss. ... cand. legal Sciences. M., 2015.

7. Barashev VV Institute of administrative coercion: correlation of substantive and procedural law: author. diss. ... cand. legal Sciences. Rostov n / D., 2007.

Информация об авторе

В. В. Журавлев — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the Ryzan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-132-135>

НИОН: 2003-0059-5/22-431

MOSURED: 77/27-003-2022-05-630

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения

Владимир Иванович Забавка

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, zabavkavladimir@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с ограничением прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в пределах Российской Федерации. Дается конституционно-правовая оценка указанным ограничениям.

Ключевые слова: Конституция, государство, законодательство, право, закон, военное положение, ограничение прав и свобод человека и гражданина

Для цитирования: Забавка В. И. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 132–135. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-132-135>.

Original article

Restriction of human and civil rights and freedoms under martial law

Vladimir I. Zabavka

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, zabavkavladimir@mail.ru

Abstract. The issues related to the restriction of human and civil rights and freedoms under martial law within the Russian Federation are considered. The constitutional and legal assessment of the specified restrictions is given.

Keywords: Constitution, state, legislation, law, law, martial law, restriction of human and civil rights and freedoms

For citation: Zabavka V. I. Restriction of human and civil rights and freedoms under martial law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):132–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-132-135>.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в обществе и государстве — это один из важнейших аспектов взаимоотношений человека и государства. Объем прав и свобод не может быть уменьшен без введения особого положения в тех случаях, когда они не нарушают принцип правового равенства и когда пользование ими не связано со злоупотреблениями со стороны субъектов этих прав и свобод.

Одним из наиболее значимых вопросов является проблема возможного ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения.

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 г. (ст. 55), права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях:

- а) защиты основ конституционного строя;
- б) обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- в) защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан [1].

Ограничение конституционной свободы является одним из проявления ограничения прав и свобод личности. Адекватно постичь сущность и роль ограничения прав в современном обществе невозможно без раскрытия содержания понятия «ограничение прав». Энциклопедический словарь «Конституционное право России» содержит следующее определение: «Ограничение прав и свобод — юридическая невозможность осуществления прав и свобод в случаях, предусмотренных федеральным законом, а равно некоторое сужение их объема» [2, с. 625].

От ограничения права следует отличать уточнение содержания конкретного права с очерчиванием его границ, которое имеет место при закреплении права в нормативно-правовых актах. Однако законодательские ошибки или намеренные действия законодателя можно считать ограничением права. Особым случаем ограничения прав является невключение в число закрепленных законом тех прав, легализация которых государством отвечает его международным обязательствам.

© Забавка В. И., 2022

Данная норма, конкретизирующая конституционные пределы осуществления прав применительно к праву человека и гражданина, означает, что данное право может быть ограничено федеральным законом в указанных целях и им соразмерно.

Ограничения конституционных прав и свобод является частным проявлением механизма правового регулирования общественных отношений, под которыми понимается «система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [3].

Реализуя свои полномочия, Президент Российской Федерации (ст. 87 Конституции РФ), в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе.

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 1 июля 2017 г.) под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии [4].

Целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Период действия военного положения начинается с даты и времени начала действия военного положения, которые устанавливаются Указом Президента Российской Федерации о введении военного положения, и заканчивается датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения.

В период действия военного положения Федеральным конституционным законом могут в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, ограничиваться права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц. На граждан, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности.

Вооруженные силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, выполняющие задачи в области обороны, применяются для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации в данной области.

В соответствии со ст. 7 вышеуказанного Федерального конституционного закона на территории, на которой введено военное положение, на основании указов Президента Российской Федерации применяются определенные меры, в том числе ограничивающие права и свободы человека и гражданина, а именно:

1. Введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней.

Свобода передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации является одним из неотъемлемых элементов правового статуса личности в демократическом государстве. Однако задачи, которые решаются государством в условиях военного положения, нередко требуют ограничений этой свободы для достижения поставленных целей.

Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 1 апреля 2019 г.) ст. 8 устанавливает исчерпывающий перечень оснований ограничения прав граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ, которая включает в себя ограничения данного права, в том числе на территориях, где введено военное положение [5].

2. Приостановление деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации.

Данные ограничения установлены в Федеральных законах РФ: «О политических партиях» [6]; «Об общественных объединениях» [7]; «О свободе совести и о религиозных объединениях» [8] и др.

3. Запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий.

Конституция РФ (ст. 31), Федеральный закон РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [9] определяет порядок проведения указанных мероприятий, однако в условиях военного или чрезвычайного положения вводится запрет или ограничения на их проведение, установленный законодательством РФ.

4. Запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций.

5. Запрещение нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток и предоставление федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам военного управления права при необходимости осуществлять проверку документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств, а по основаниям, установленным федеральным законом, — задержание граждан и транспортных средств. При этом срок задержания граждан не может превышать 30 суток.

6. Введение военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, а также контроля за телефонными переговорами, создание органов цензуры, непосредственно занимающихся указанными вопросами.

7. Интернирование (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией.

8. Запрещение или ограничение выезда граждан за пределы территории Российской Федерации.

9. Прекращение деятельности в РФ иностранных и международных организаций, в отношении которых правоохрнительными органами получены достоверные сведения о том, что указанные организации осуществляют деятельность, направленную на подрыв обороны и безопасности РФ;

10. Не проводятся референдумы и выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления и др.

В период действия военного положения граждане пользуются всеми установленными Конституцией РФ правами и свободами человека и гражданина, за

исключением прав и свобод, ограничение которых установлено ФКЗ и другими федеральными законами и обязаны выполнять их требования.

Граждане, находящиеся на территории, на которой введено военное положение, обязаны:

1) выполнять требования федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов военного управления, обеспечивающих режим военного положения, и их должностных лиц и оказывать содействие таким органам и лицам;

2) являться по вызову в федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы военного управления, обеспечивающие режим военного положения, и военные комиссариаты;

3) выполнять требования, изложенные в полученных ими предписаниях, повестках и распоряжениях федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов военного управления, обеспечивающих режим военного положения, и их должностных лиц;

4) участвовать в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в выполнении работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлении поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями, вступать в специальные формирования;

5) предоставлять необходимое для нужд обороны имущество, находящееся в их собственности, с последующей выплатой государством стоимости указанного имущества.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ не подлежат ограничению права и свободы, а именно право: на жизнь; на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства; на получение квалифицированной юридической помощи; на возмещение вреда и др.

Таким образом, ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения — это установленные законодательством пределы реализации прав, выражающиеся в запретах, обязанностях и ответственности, существование которых детерминировано необходимостью защиты суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Энциклопедический словарь «Конституционное право России» / В. Червонюк, И. Калинин, Г. Иванец М. : Юридическая литература, 2002.
3. Теория государства и права: полный курс лекций / Н. И. Мазутов. М. : Юрист, 1997.
4. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 1 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
5. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 1 апреля 2019 г.) // СЗ РФ. 1998. № 6. Ст. 783.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 14 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 30 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
9. Федеральный закон РФ от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (ред. от 30 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

Информация об авторе

В. И. Забавка — доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. I. Zabavka — Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Научная статья

УДК 343.415

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-136-139>

НИОН: 2003-0059-5/22-432

MOSURED: 77/27-003-2022-05-631

К вопросу о разграничении преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан

Александра Михайловна Зарина¹, Ирина Алексеевна Муклецова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ sistersashenka86@yahoo.com

² mukletsova.ira@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы разграничения уголовной и административной ответственности, отдельные вопросы квалификации преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан. В основу данного разграничения деяний, непосредственно посягающих на права и свободы гражданина и человека, в том числе избирательные права, являются: общественная опасность, противоправность и тип субъекта правонарушения.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, избирательное право, общественная опасность, избирательные бюллетени, избирательные права граждан

Для цитирования: Зарина А. М., Муклецова И. А. К вопросу о разграничении преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 136–139. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-136-139>.

Original article

On the issue of delimitation of crimes and administrative offenses infringing on the electoral rights of citizens

Alexandra M. Zarina¹, Irina A. Mukletsova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ sistersashenka86@yahoo.com

² mukletsova.ira@mail.ru

Abstract. The problems of delimitation of criminal and administrative responsibility, certain issues of qualification of crimes and administrative offenses that infringe on the electoral rights of citizens are considered. The basis of this distinction between acts that directly infringe on the rights and freedoms of a citizen and a person, including voting rights, are: public danger, illegality and the type of subject of the offense.

Keywords: administrative responsibility, criminal liability, suffrage, public danger, ballot papers, electoral rights of citizens

For citation: Zarina A. M., Mukletsova I. A. On the issue of delimitation of crimes and administrative offenses infringing on the electoral rights of citizens. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):136–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-136-139>.

На сегодняшний день как в практике правоприменения, так и на законодательном уровне остается актуальной проблема разграничения преступлений от административных правонарушений при покушении на такой объект, как избирательные права граждан.

Следует отметить, что дифференциация преступлений и административных правонарушений, которые обладают заметным сходством, происходит в зависимости от всех обстоятельств объективной стороны преступления. К преступлениям данного вида относятся ст. 141, 141.1, 142, 142.1 УК РФ [1] и адми-

нистративные правонарушения, предусмотренные ст. 5.1–5.25, 5.45–5.52 КоАП РФ [2].

За 2020 г. по составам преступлений, предусмотренным ст. 141–142.1 УК РФ осуждено 18 человек, в 2019 г. — 17 человек [9]. Таким образом, налицо определенная стабильность динамики данного вида преступных деяний, доля их в общем массиве совершенных преступлений достаточно невелика. Однако, важность охраняемого объекта посягательства свидетельствует об актуальности изучения особенностей обозначенных деяний и необходимости их ограничения от административных правонарушений. Что

© Зарина А. М., Муклецова И. А., 2022

касается применения норм, установленных КоАП РФ [5], статистика совершения правонарушений в сфере избирательных прав граждан показывает — за 2020 г. рассмотрено 2185 дел в рамках административного судопроизводства [10]. В связи с чем следует отметить, что большое количество нарушений разрешается в рамках административной преюдиции. Это связано с эффективной профилактической деятельностью правоохранительных органов, а также с разграничением общественной опасности, обусловленной тяжестью наступивших последствий.

При разграничении уголовных и административных правонарушений сложность вытекает из того, что деяния посягают на одну сферу, а именно отношения в области избирательных прав граждан.

Необходимыми критериями разделения уголовной и административной ответственности за деяния, которые непосредственно посягают на права и свободы гражданина и человека, в том числе избирательные права, являются: общественная опасность, противоправность, определяющая отрасль права, где содержится норма, регулирующая ответственность за правонарушение или преступление, а также тип субъекта правонарушения. Противоправность и тип субъекта считаются критериями, вытекающими из общественной опасности, поэтому следует обратить внимание на проблемы, выявленные в ходе изучения вопроса о разграничении административной ответственности и уголовной ответственности за похищение на избирательные права граждан [7, с. 19].

Разграничение следует начать с предложенной законодателем формулировки деяний, перечень которых в свое время дополнен новыми составами нарушений как в УК РФ, так и в КоАП РФ. Дополнения, как предполагается, предназначены для заполнения возникших правовых пробелов, но из-за отсутствия достаточно понятной и лаконичной формулировки и разъяснений, вопросов становится только больше... [3, с. 15].

В соответствии с ч. 1 ст. 141 УК РФ уголовная ответственность наступает за воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума, связанных с исполнением им своих обязанностей. В связи с тем, что Уголовный Кодекс РФ не дает определение понятию «воспрепятствование», на данный момент существует проблема разграничения уголовно-наказуемого и административно-наказуемого воспрепятствования избирательным правам граждан или работе избирательных комиссий.

Диспозиция ч. 1 ст. 141 УК РФ изложена так, что включает в себя отдельные признаки состава правонарушения, предусмотренного ст. 5.1 и некоторых других статей КоАП РФ. Осуществить разграничение достаточно сложно. По мнению И. Исхакова, разрешить данную проблему можно путем декриминализации деяний, подпадающих под ч. 1 ст. 141 УК РФ.

В качестве примера следует рассмотреть ответственность за такое деяние, как вброс избирательных бюллетеней. Основанием разграничения является степень общественной опасности, которая определяется как степень влияния лица на результаты голосования. Так, согласно постановлению ЦИК, если «число обнаруженных в соответствующем переносном ящике для голосования избирательных бюллетеней установленной формы превышает число отметок в списке избирателей о том, что избиратель проголосовал досрочно, либо число заявлений избирателей, содержащих отметку о получении избирательного бюллетеня, все избирательные бюллетени, находившиеся в данном переносном ящике для голосования, решением участковой избирательной комиссии признаются недействительными» [8]. Подобная норма имеется и в других правовых актах. В итоге, переносные ящики охраняются от вброса процедурой признания всех бюллетеней недействительными.

Незащищенными от вброса остаются стационарные ящики. Связано это с тем, что объем бюллетеней достаточно велик и наиболее вероятно, что контрольное соотношение не будет достигнуто, что не может позволить посчитать их все недействительными при совершении вброса [4, с. 61].

Ответственность за вброс остается дискуссионным вопросом. Законодатель не установил общие условия, при которых лицо, осуществившее вброс, будет нести либо административную, либо уголовную ответственность. Положениями предусмотрен случай соотношения вброса бюллетеня и его незаконной выдачи или получения. Следовательно, законодатель предполагает вброс бюллетеней лишь как дополнение к другому деянию, нарушающему избирательные права. Ряд правоведов считают, что сложные признаки объективной стороны препятствуют представлению взаимосвязи общественно-опасного деяния, общественно-опасного последствия и момента совершения преступления, а также условий, при которых ответственность будет административной. Вероятно, наиболее логичным будет использовать незаконные выдачу и получение бюллетеней как часть подготовки к совершению вброса, потому что само по себе это действие не несет значительной степени общественной опасности.

Со стороны административного законодательства ответственность за вброс бюллетеней не установлена. Следовательно, такие деяния, как вброс бюллетеней и сопутствующие ему действия были «не замечены» законодателем, либо намерено не установлены, но без разъяснения, которое позволило бы закрыть ряд дискуссионных вопросов.

Следующей особенностью, отличающей группу норм, характеризующих ответственность за нарушение избирательных прав, является оценочный характер критериев разграничения.

Для примера следует отметить, что легко оперировать стоимостью причиненного вреда за совершение преступлений против собственности. Законодатель предусмотрел стоимостные пределы и установил ответственность в зависимости от них. Несмотря на четкую конструкцию, время от времени возникают вопросы касательно целесообразности разграничения, оценки имущества, его ценностной значимости для собственника и т. д. [6, с. 64]. Конечно, нельзя говорить о необходимости такого применения к правонарушениям в избирательной сфере, так как, к примеру, от объема фальсифицированных бюллетеней степень общественной опасности остается прежней, т. е. не меняется. Но законодатель в ст. 141.1 УК РФ определяет размеры причиненного вреда при финансировании избирательной компании. Дискуссия о соотношении рассматриваемых норм, их оценочном и стоимостном характере продолжается, так как на сегодняшний день в правоприменительной практике не всегда понятно являются ли последствия преступными.

Недостаток оценочного характера заключается в продолжительности времени, которое необходимо для определения степени общественной опасности и установления либо уголовной, либо административной ответственности. Так, если при совершении деяний, предусмотренных в ч. 2 ст. 142 УК РФ, последствия отсутствуют, что не приводит к существенному нарушению прав и законных интересов граждан, общества и государства, деяния лица будут квалифицироваться по ст. 5.46 КоАП РФ. Также, не определен момент, когда нарушение прав и свобод достаточно для того, чтобы действовали нормы уголовного права.

Аналогичная ситуация возникает с действиями, характеризующими ст. 142.1 УК РФ. Перечень деяний, указанных в диспозиции данной статьи, дублируется в ст. 5.22–5.24 КоАП РФ. Критерием разграничения является волеизъявление избирателей: то насколько возможно его определить, и каким образом нарушены избирательные права граждан. Усматривается и казуистичность ст. 142.1 УК РФ: вся норма состоит из одного

предложения в 141 слово, что усложняет восприятие и понимание содержания статьи [8].

Следует констатировать, что нормы, содержащиеся в ст. 141–142.1 УК РФ, достаточно сложны и громоздки по конструкции. Эта сложность обусловлена как отсутствием системного подхода к их построению, разграничению со смежными составами административных правонарушений, так и несовершенством понятийного аппарата избирательного, уголовного и административного законодательства [6, с. 69].

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что разделение деяний, исследуемых как преступление и административное правонарушение в рамках избирательных прав, является трудной задачей, усложненной электоральным характером. Для устранения казуистичности норм, а также с целью преодоления вышеуказанных проблем необходимо проработать правовую регламентацию применения оценочных критериев.

Сложности правоприменения сегодня подталкивают законодателя к упрощению формулировок уголовно-правовых норм, охраняющих избирательные права граждан. В связи с чем возможно исключить из диспозиции данных норм сложные признаки уголовно-правового деяния, указав их в качестве квалифицирующих в отдельных частях статей.

Необходимо систематизировать правоприменительную практику со стороны юридической квалификации и принимаемых решений, а также разъяснить практику применения и разграничения отдельных норм права в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, так как избирательные права граждан занимают значимое место в защите прав человека.

Список источников

1. Андриянов В. Н. Новая кодификация законодательства об административных правонарушениях: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 15–24.
2. Данные Росстата о совершенных преступлениях // URL://<http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>.
3. Данные Росстата о совершенных административных правонарушениях // URL://<http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1>.
4. Зухуров Б. Н., Самсонов В. А. От криминального прошлого в прогрессивное будущее // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: мат. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 61–67.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г.

№ 195-ФЗ (ред. от 26 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Матросов А. А. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 2/1 (12).

7. Мусина Р. Р. К вопросу о развитии уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // *Oeconomia et Jus*: электронный журнал. 2019. № 1. С. 64–71.

8. Постановление ЦИК России от 14 июля 2021 г. № 20/180-8 «О внесении изменений в Инструкцию о порядке использования технических средств подсчета голосов — комплексов обработки избирательных бюллетеней 2017 на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Якимова Я. Н., Сошин А. А., Слободчикова С. Н. Некоторые проблемы разграничения преступлений и административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан // *Избирательное право*. 2019. № 1. С. 19–22.

References

1. Andriyanov V. N. New codification of the legislation on administrative offenses: state and prospects // *Siberian Legal Bulletin*. 2018. No. 3. P. 15–24.

2. Rosstat data on crimes committed // URL://<http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>.

3. Rosstat data on committed administrative offenses // URL://<http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1>.

4. Zukhurov B. N., Samsonov V. A. From the criminal past to the progressive future // *Problems of ensuring national security in the context of changing the geopolitical situation: Mat. intl. scientific-practical. conf. Irkutsk*, 2017. P. 61–67.

5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on March 26, 2022) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Matrosov A. A. Criminal law protection of the electoral rights of citizens // *Bulletin of State and Municipal Administration*. 2014. No. 2/1 (12).

7. Musina R. R. To the question of the development of criminal liability for crimes against property in the legislation of Russia // *Oeconomia et Jus*: electronic journal. 2019. No. 1. P. 64–71.

8. Decree of the CEC of Russia dated July 14, 2021 No. 20/180-8 «On Amendments to the Instructions on the Procedure for Using Technical Means of Vote Counting — Complexes for Processing Ballots in 2017 in Elections and Referendums Conducted in the Russian Federation» // СПС «КонсультантПлюс».

9. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on March 25, 2022) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Yakimova Ya. N., Soshin A. A., Slobodchikova S. N. Some problems of delimitation of crimes and administrative offenses infringing on the electoral rights of citizens // *Suffrage Law*. 2019. No. 1. P. 19–22.

Информация об авторах

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

И. А. Муклетцова — курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

I. A. Mukletsova — Cadet of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-140-144>

НИОН: 2003-0059-5/22-433

MOSURED: 77/27-003-2022-05-632

Осмотр места происшествия — основной источник информации для транспортной судебной экспертизы

Николай Николаевич Ильин

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, Nick703@yandex.ru

Аннотация. Расследуя любое преступление, в том числе связанное с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, следователь основывается на изучении обнаруженных и изъятых в ходе осмотра места происшествия следов и объектах, содержащих информацию о событии. Результаты осмотра места происшествия выступают в качестве исходных данных для назначения транспортной судебной экспертизы. В статье рассмотрены понятие и основные задачи осмотра места происшествия по делам о нарушении безопасности движения и эксплуатации транспорта (на примере железнодорожного транспорта).

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, осмотр места происшествия, следователь, судебная экспертиза

Для цитирования: Ильин Н. Н. Осмотр места происшествия — основной источник информации для транспортной судебной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 140–144. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-140-144>.

Original article

Inspection of the scene — the main source of information for transport forensic examination

Nikolay N. Ilyin

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, Nick703@yandex.ru

Abstract. When investigating any crime, including those related to violation of traffic safety rules and the operation of vehicles, the investigator is based on the study of traces and objects containing information about the event discovered and seized during the inspection of the scene. The results of the inspection of the scene act as input for the appointment of a transport forensic examination. The article discusses the concept and main tasks of inspecting the scene of an incident in cases of violation of traffic safety and operation of transport (using the example of railway transport).

Keywords: railway transport, inspection of the scene, investigator, forensic examination

For citation: Ilyin N. N. Inspection of the scene — the main source of information for transport forensic examination. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):140–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-140-144>.

При кажущейся на первый взгляд изученности вопросов, касающихся осмотра места происшествия, все же, как представляется, данное следственное действие является достаточно сложным в организационном плане и может быть успешным только при тщательной подготовке к нему и соблюдении выработанных наукой и практикой рекомендаций по его производству. Несмотря на то, что данному следственному действию посвящено достаточно много научных исследований [1; 3; 8], утверждать, что все проблемные вопросы разрешены, было бы неверным, поскольку меняются способы совершения преступления, механизм слеодообразования, что требует разработки новых тактических приемов производства осмотра места происшествия. Так, И. И. Колесников и А. А. Бульбачева пишут о том, что «в нас-

тоящее время одним из перспективных подходов к осмотру места происшествия является использование различных устройств получения изображений, в том числе установленных на беспилотных летательных аппаратах» [7, с. 86].

Как свидетельствует анализ практики, рассматриваемое следственное действие иногда проводится некачественно, что обусловлено отсутствием современных качественных методик, отсутствием необходимого опыта у сотрудников следственных органов. Наиболее распространенные ошибки по уголовным делам о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта проявляются в вопросах изъятия, фиксации, упаковки и хранения крупногабаритных объектов с места происшествия, имеющих доказательственное значе-

© Ильин Н. Н., 2022

ние, таких как фрагменты и механизмы железнодорожного подвижного состава, рельсы и т. д.

Последствия таких следственных ошибок очень серьезны, поскольку это может повлиять и на результаты транспортных судебных экспертиз, которые нередко выступают в качестве основного доказательства по уголовным делам рассматриваемых преступлений, и на весь процесс расследования в целом.

При расследовании нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта значение осмотра места происшествия крайне важно, поскольку нередко получение показаний от потерпевших, свидетелей, подозреваемого затруднительно в силу их физического состояния, наличия у них серьезных телесных повреждений. В то же время, грамотно проведенный осмотр места происшествия позволяет получить на основании следовой картины представление о произошедшем, выдвинуть предположение о его механизме, определить, какие именно правила были нарушены и т. д.

Эффективность данного следственного действия во многом зависит от его правильной организации. Как верно отмечает профессор А. Ф. Волынский, организация любого вида деятельности имеет ключевое значение в обеспечении ее результативности и эффективности, а взаимодействие между участниками такой деятельности является основой организации раскрытия и расследования преступлений [2, с. 112–115]. И в этом смысле необходимо привлекать специалиста в области транспорта, который может оказать содействие следователю для [6, с. 142–146]:

1) применения специальных технических средств. Например, при помощи дефектоскопа работники железной дороги смогут обнаружить зоны коррозионного поражения, отклонения размерных характеристик в изделиях из различных металлических и неметаллических материалов методами неразрушающего контроля (на рельсах и других элементах пути, элементах колесной пары и т. д.);

2) обнаружения, закрепления, изъятия и дальнейшего изучения транспортного средства или его фрагментов (в том числе недостающих деталей конструкции); элементов путей сообщения;

3) обнаружения, закрепления и изъятия информации с технических средств управления транспортным средством, объективного контроля. Так, в кабине машиниста следователь с помощью специалиста в сфере транспорта в первую очередь осматривает состояние приборов управления локомотивом, а также приборов, обеспечивающих его безопасное движение;

4) обнаружения и изъятия видеоизображений, полученных с камер видеонаблюдения, содержащих информацию о движении транспортного средства или действиях лица, управляющего им (например, видеogramмы, расположенные в кабине локомотива поезда);

5) постановки вопросов экспертам при назначении транспортной судебной экспертизы;

6) разъяснения следователю вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста (при составлении протокола следственного действия).

Таким образом, осмотр места происшествия по сообщению о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта — это не только одно из основных первоначальных следственных действий, которое является достаточно сложным в организационном плане, но и одно из наиболее информативных, имеющих фундаментальное значение для всего хода расследования преступления.

На основе анализа практики и научных источников [4, с. 4–10] под местом происшествия, связанного с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, предлагается понимать *локализованный участок железнодорожного пути, находящийся в пределах земляного полотна, границы которого могут быть расширены в случае обнаружения следов, предметов и иных объектов, имеющих отношение к конкретному происшествию на объекте железнодорожного транспорта, и образовавшихся в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации.*

Исходя из сформулированного определения места железнодорожно-транспортного происшествия можно выделить следующие задачи по его осмотру.

1. Установление очевидцев и других лиц, обладающих информацией о произошедшем событии и способных дать следователю понимание о механизме совершенного преступления, а также об участниках событий.

Приведем пример. 10 октября 2011 г. К., находясь в состоянии алкогольного опьянения, управляя автомобилем «Лада Калина», нарушил правила железнодорожного переезда, не уступив дорогу поезду, и совершил дорожно-транспортное происшествие с движущимся локомотивом. Впоследствии К., осознавая, что будет привлечен к административной ответственности и лишен права управления транспортным средством, совершил заведомо ложный донос, сообщив, что на него в автомобиле напали неизвестные ему лица, которые похитили денежные средства

и нанесли ему удар по голове, поэтому его вины в дорожно-транспортном происшествии нет. Однако, при допросе М. — помощник машиниста тепловоза, являвшийся очевидцем происшествия, сообщил, что машинист, увидев приближающийся к переезду автомобиль «Лада Калина», предпринял попытки к экстренному торможению, но автомобиль выехал на переезд слишком близко и избежать столкновения не удалось. Автомобиль перевернулся, он и машинист выбежали из тепловоза, подошли к автомобилю, под ним находился К., более никого в транспортном средстве не было, и никто из него не выбежал. К. также ничего не говорил о том, что в машине кроме него были иные лица. Напротив, он сказал, что подвозил двух пассажиров, их высадил ранее, не понимает, как мог попасть в дорожно-транспортное происшествие (см. приговор Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 13 июня 2012 г. // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/tD4MCYwnZDm5/>).

Данный пример наглядно свидетельствует о том, как решая частную задачу — по установлению очевидцев преступления — удастся установить виновное лицо в совершении административного правонарушения, а также выявить факт совершения преступления — заведомо ложного доноса.

2. Обнаружение следов человека, совершившего преступление, выявление обстоятельств преступления.

Достаточно часто имеют место такие ситуации, когда виновное лицо с места происшествия скрывается и установить его личность достаточно сложно. Тщательный и планомерный осмотр места происшествия может способствовать обнаружению следов преступления, по которым может быть идентифицирована личность виновного. Например, при обнаружении автомобиля — участника дорожно-транспортного происшествия с железнодорожным транспортом и отсутствии в нем водителя, в салоне автомобиля, в частности на руле, могут быть обнаружены следы пальцев рук или следы крови, по которым возможно идентифицировать его личность. Также могут быть обнаружены следы обуви, ведущие от автомобиля в каком-либо направлении, что позволит установить, в какую сторону скрылось лицо, управлявшее автомобилем, принять меры к его розыску и идентификации.

Также осмотр места происшествия позволяет решать задачи, связанные с установлением обстоятельств (механизма) совершенного преступления. Так, Н. управлял электровозом, следовавшим по железнодорожной станции со скоростью 50 км/ч, полу-

чил сообщение от дежурной по станции о том, что на железнодорожном перегоне по пути следования поезда на железнодорожных путях находится посторонний человек, в связи с чем необходимо подать сигналы большой громкости и двигаться с пониженной скоростью, при необходимости осуществить полную остановку поезда. Однако Н., продолжая управление электровозом, не обеспечил прохождение железнодорожного перегона с пониженной скоростью и готовностью остановиться; экстренное торможение применил только после наезда на гражданина Ф., который скончался на месте происшествия. По факту произошедшего был произведен осмотр места происшествия — осмотр участка местности на железнодорожном перегоне, где произошло смертельное травмирование Ф., а также осмотр участка местности в районе остановочной площадки, где обнаружены фрагменты его тела. В осмотре принимал участие специалист (судебно-медицинский эксперт), который определил, что каких-либо повреждений, не вписывающихся в рельсовую рану, на фрагментах тела не имелось, повреждения на одежде соответствовали повреждениям на теле трупа. Кроме того, в ходе осмотра места происшествия была изъята скоростемерная лента. Проведенной железнодорожно-транспортной судебной экспертизой было установлено, что машинистом Н. нарушен регламент переговоров между дежурным по железнодорожной станции и машинистом. С учетом заранее полученного сообщения от дежурной по станции у машиниста имелась реальная возможность предотвратить смертельное травмирование, однако вследствие неснижения скорости поезда, т. е. скоростной режим его ведения, обеспечивающий безопасность, Н. выбран неверно, что и привело к смертельному травмированию (см. приговор Каменского районного суда Ростовской области по делу № 1-159/2015 от 14 сентября 2015 г. // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/flaUEGGOHvmT/>).

3. Определение объектов, подлежащих изъятию для последующего приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, а также назначения транспортной судебной экспертизы, содержащих информацию, выступающую в качестве исходных данных.

В протоколе следственного действия должны быть отражены общие и специальные сведения о месте происшествия. Так, по делам о происшествиях на железнодорожном транспорте в протоколе фиксируется информация о расположении места происше-

ствия; наименовании, количестве и состоянии путей сообщения; расположении локомотива и вагонов с описанием их повреждений; средствах регулирования движения; условиях, ухудшающих видимость; метеорологических данных в момент происшествия и в промежутки времени между ним и осмотром.

Производя оценку протокола осмотра места происшествия, составленного по сообщению о факте нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, следует определить, каким образом возможно использование результатов данного следственного действия, а также какие следственные действия могут быть произведены на его основе.

Прежде всего, с помощью информации, содержащейся в протоколе осмотра места происшествия, можно выдвинуть версии о том, каковы обстоятельства его совершения — какие конкретно правила были нарушены и кем.

Наиболее часто результаты осмотра места происшествия по рассматриваемым преступлениям выступают в качестве исходных данных и используются при назначении и производстве транспортных судебных экспертиз, которые позволяют определить причины и механизм происшествия, а также другие обстоятельства [5, с. 11–15]. Приведем пример по факту наезда на несовершеннолетнего. В ходе расследования с помощью железнодорожно-транспортной судебной экспертизы было установлено, что машинист тепловоза, управляя локомотивом и двигаясь по железнодорожному перегону, допуская преступную небрежность, не предвидя возможность наступления общественно опасных последствий, нарушил положения своей должностной инструкции и ведомственных нормативно-правовых актов, совершил наезд на ребенка, находящегося на железнодорожных путях, от чего последний скончался на месте (см. *информацию на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации. В Белгородской области машинист тепловоза признан виновным в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта* // URL://<https://sledcom.ru/news/item/1554402/>).

В качестве исходных данных, под которыми следует понимать совокупность различных сведений об обстоятельствах транспортного происшествия и свойствах объектов транспортной судебной экспертизы, использующихся экспертом при проведении исследования и дачи заключения, выступают сведения [6, с. 59–60]:

1) о пути сообщения (тип, состояние, размерные характеристики), различных видах технических сооружений и устройств на них, обеспечивающих пропуск (движение) транспортных средств, перемещение людей и грузов различного назначения из одного пункта в другой;

2) сведения об объектах транспортной инфраструктуры (тип сооружения и различных видов производственно-технологических комплексов, их состояние);

3) сведения о погодных и метеорологических условиях;

4) сведения о транспортном средстве;

5) сведения об участниках транспортного происшествия (пешеходы, пассажиры, члены локомотивной бригады).

При производстве осмотра места происшествия удается также установить повреждения железнодорожного транспорта, перевозимого груза, на основании чего впоследствии осуществляется расчет причиненного ущерба.

Таким образом, информация, полученная в ходе осмотра места происшествия, выступает в качестве фактического основания для назначения и производства транспортных судебных экспертиз, когда в результате данного следственного действия удалось получить сведения, исследование которых требует применения специальных знаний.

Однако, этим значение результатов осмотра места происшествия не исчерпывается, поскольку они могут также использоваться для:

- ♦ выдвижения версий и определения направления расследования;

- ♦ подготовки к производству иных следственных действий (например, при определении круга лиц, которые могут быть допрошены по обстоятельствам, установленных в ходе осмотра);

- ♦ опровержения показаний, данных теми или иными лицами в ходе допросов. К примеру, машинист поезда может утверждать, что он снизил скорость до необходимой, однако не смог избежать наезда на человека, находившегося на железнодорожном пути, в то время как результаты осмотра места происшествия вместе с информацией, полученной в ходе изъятия скоростемерной ленты с локомотива, свидетельствуют о том, что снижения скорости не было.

Резюмируя все вышеизложенное, следует отметить, что осмотр места происшествия является основным источником информации для транспортной

судебной экспертизы. Протокол данного следственного действия отражает результаты выявленных материальных следов, характеризующих элементы механизма транспортного происшествия, являющиеся исходными данными для транспортной судебной экспертизы, позволяет определить ее действительную необходимость, а также перечень вопросов, которые следует сформулировать перед экспертом.

Список источников

1. Ахмедшин Р. Л. Тактика поисковых следственных действий: монография. М. : Юрлитинформ, 2016.
2. Волынский А. Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений — комплексная, межнаучная проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 112–115.
3. Генисаретская Е. Ю. Следственные действия: сущность, организация, тактика: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
4. Елинский В. И., Коткин П. Н. Криминалистические рекомендации по осмотру места происшествия по уголовным делам, связанным с технологическими причинами и нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта // Российский следователь. 2010. № 11. С. 4–10.
5. Ильин Н. Н. Обстоятельства, устанавливаемые следователями Следственного комитета Российской Федерации с помощью транспортно-технических судебных экспертиз, при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта // Российский следователь. 2019. № 3. С. 11–15.
6. Ильин Н. Н. Транспортно-технические судебные экспертизы: вопросы теории и практики: моногр. М. : Юрлитинформ, 2020.
7. Колесников И. И., Бульбачева А. А. Инновационный подход к проведению осмотра места про-

исшествия с использованием передовых технологий // Сетевое издание «Академическая мысль». 2018. № 4 (5). С. 85–88.

8. Россинский С. Б. Следственные действия: моногр. М. : Норма, 2018.

References

1. Akhmedshin R. L. Tactics of search investigative actions: monograph. M. : Yurlitinform, 2016.
2. Volynsky A. F. Organization of disclosure and investigation of crimes — a complex, inter-scientific problem // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. P. 112–115.
3. Genisaretskaya E. Y. Investigative actions: essence, organization, tactics: diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2005.
4. Elinsky V. I., Kotkin P. N. Forensic recommendations for the inspection of the scene of the incident in criminal cases related to technological causes and violation of traffic safety rules and operation of railway transport // A Russian investigator. 2010. No. 11. P. 4–10.
5. Ilyin N. N. Circumstances established by investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation with the help of transport and technical forensic examinations, when investigating crimes against traffic safety and operation of transport // A Russian investigator. 2019. No. 3. P. 11–15.
6. Ilyin N. N. Transport and technical forensic examinations: questions of theory and practice: monogr. M. : Yurlitinform, 2020.
7. Kolesnikov I. I., Bulbacheva A. A. Innovative approach to the inspection of the scene using advanced technologies // Online publication «Academic thought». 2018. No. 4 (5). P. 85–88.
8. Rossinsky S. B. Investigative actions: monogr. M. : Norm, 2018.

Информация об авторе

Н. Н. Ильин — заведующий научно-исследовательским отделом факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. N. Ilyin — Head of the Research Department of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 06.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-145-153>

НИОН: 2003-0059-5/22-434

MOSURED: 77/27-003-2022-05-633

О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права

Владимир Иванович Кайнов¹, Виктор Михайлович Шеншин²

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, kaynov_v@mail.ru

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, vitya-shen@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ вновь принятых мер административного пресечения, применяемых федеральными органами исполнительной власти, а также особым кругом лиц, определяемых законодателем. Акцентируется внимание на некоторых мерах административного пресечения, применяемых МВД России и Росгвардией; указывается на тот факт, что ряд таких мер применяется должностными лицами войск национальной гвардии, в то время как для сотрудников органов внутренних дел такие меры только прорабатываются и находятся на уровне законопроекта. Отмечается, что введены такие меры, как применение экипажем самолета спецсредств к дебоширам, а также задержание, осуществляемое работниками Банка России и ПАО «Сбербанк России», осуществляющими охранные функции.

Ключевые слова: административное принуждение, административно-юрисдикционная деятельность, меры административного пресечения, МВД России, Росгвардия

Для цитирования: Кайнов В. И., Шеншин В. М. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 145–153. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-145-153>.

Original article

On the legal regulation of certain measures of administrative restraint applied by law enforcement agencies: innovations in administrative law

Vladimir I. Kainov¹, Viktor M. Shenshin²

¹ North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, kaynov_v@mail.ru

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, vitya-shen@mail.ru

Abstract. The analysis of newly adopted measures of administrative restraint applied by federal executive authorities, as well as by a special circle of persons determined by the legislator, is carried out. Attention is focused on some measures of administrative restraint applied by the Ministry of Internal Affairs of Russia and Rosgvardiya; it is pointed out that a number of such measures are applied by officials of the National Guard troops, while for employees of internal affairs bodies such measures are only being worked out and are at the level of the bill. It is noted that such measures have been introduced as the use of special means by the crew of the aircraft to rowdy people, as well as detention carried out by employees of the Bank of Russia and Sberbank of Russia PJSC performing security functions.

Keywords: administrative coercion, administrative and jurisdictional activity, measures of administrative restraint, Ministry of Internal Affairs of Russia, Rosgvardiya

For citation: Kainov V. I., Shenshin V. M. On the legal regulation of certain measures of administrative restraint applied by law enforcement agencies: innovations in administrative law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):145–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-145-153>.

Проводимая в современных условиях административная реформа не обошла стороной и институт административного принуждения [1, с. 218–219; 5, с. 237; 4], активно применяемого федеральными органами исполнительной власти при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельно-

сти. Характерным признаком при этом выступает тот факт, что изменения вносятся в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, в то время как современная формация раз-

© Кайнов В. И., Шеншин В. М., 2022

вития административного права характеризуется разработкой нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Отметим, что принимаемые изменения в действующее административное законодательство не всегда учитываются в проекте нового КоАП Российской Федерации или ПрКоАП Российской Федерации.

Учитывая важность и значимость полномочий, осуществляемых органами внутренних дел, представляется необходимым остановиться на мерах административного пресечения [6, с. 190–192; 2, с. 276; 3, с. 499], которыми наделено МВД России и которое ведомство само определяет.

Так, проектом Федерального закона № 955380-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»» предусмотрен перечень оснований, согласно которым полиции предоставлено право вскрытия транспортных средств, в том числе проникновение в него, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также, в том числе: для спасения жизни граждан; для обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; для задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния, и (или) лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших деяние, содержащее признаки преступления.

Помимо указанных полномочий, приведенным законопроектом расширяется перечень оснований, в которых полиция имеет право проводить оцепление (блокирование) участков местности. В границах оцепления (блокирования) полиция может осуществлять личный осмотр граждан, находящихся при них вещей (предметов, механизмов, веществ), осмотр транспортных средств и перевозимых грузов с участием водителей или граждан, сопровождающих грузы, с применением при необходимости технических средств.

Отметим, что подобные полномочия, к примеру, предусмотрены приказом Росгвардии от 30 сентября 2016 г. № 112 [8], а также приказом Росгвардии от 22 мая 2017 г. № 144 [9].

Федеральным законом от 16 октября 2019 г. № 337-ФЗ внесены дополнения в Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в соответствии с которым сотрудники полиции наделены полномочием по объявлению гражданам предостережения.

Документ предусматривает право сотрудников полиции объявлять физическому лицу официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Смысл таких поправок заключается в том, что предостережение объявляется при отсутствии оснований для привлечения к уголовной или административной ответственности и содержит обязательное для исполнения требование о недопустимости действий либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. В качестве примера приводится ситуация, когда необходимо пресечь антиобщественное поведение лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте или в квартире, тем самым не допустив совершения им более тяжкого деяния.

Причем предостережение — это не просто замечание полицейского, а официальный документ, направляемый гражданину. Порядок его направления и вручения, форму, а также должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение, утвердит МВД России. Предостережение является обязательным для гражданина — за его неисполнение и продолжение антиобщественного поведения в последующем могут быть ужесточены санкции при привлечении гражданина к административной или уголовной ответственности.

Помимо сотрудников органов внутренних дел, предостережения также могут объявлять сотрудники ФСБ России и прокуратуры в рамках своей компетенции. Так, основанием для их объявления могут служить достаточные и предварительно подтвержденные сведения о конкретных действиях физического лица, создающих условия для совершения преступлений:

♦ проявляющих вовне (словесно, письменно или иным образом) намерения совершить определенное преступление при отсутствии признаков приготовления к преступлению или покушения на преступление;

♦ образующих приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести либо непосредственно направленных на совершение таких преступлений при отсутствии признаков покушения (приложение № 1 к приказу ФСБ России от 2 ноября 2010 г. № 544).

Закон носит профилактический характер и направлен, в первую очередь, на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, оказание воспитательного воздействия на лиц, их еще не совершивших [10].

Приведем пример еще одной новации в сфере мер административного пресечения. Так, приказом МВД России от 25 мая 2020 г. № 369 [11] утвержден Порядок информирования полицией собственника нежилого помещения или земельного участка либо его законного представителя о случае проникновения (в его отсутствие) со взломом (разрушением) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в нежилое помещение или на земельный участок, сотрудника полиции.

Указанный Порядок регламентирует действия сотрудников полиции по информированию собственника нежилого помещения или земельного участка либо его законного представителя о случае проникновения (в его отсутствие) со взломом (разрушением) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в нежилое помещение или на земельный участок, сотрудника полиции [12].

МВД России, определяя порядок уведомления собственника нежилого помещения о проникновении сотрудника полиции на объект, предписало, что в случае проникновения сотрудника полиции в нежилое помещение или на земельный участок, он обязан сообщить собственнику либо его законному представителю о таком проникновении, если оно было произведено в его отсутствие. МВД России также определило порядок и способы уведомления [13].

Аналогичный порядок действий прописан для должностных лиц Росгвардии в приказе Росгвардии от 30 сентября 2016 г. № 111 [14].

Еще одной мерой административного пресечения, применяемой полицией, выступает доставка лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции [15].

Подзаконное правовое регулирование, осуществляемое МВД России, предусматривает установление порядка доставления граждан, находящихся в состоянии опьянения, в медицинские организации, вытрезвители или подразделение полиции. Граждан, которые находятся в состоянии опьянения в общественном месте и которые не могут самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, сотрудники полиции доставляют в медицинскую организацию или вытрезвитель. Доставить в вытрезвитель или полицию могут и из дома, если пьяный гражданин может причинить вред жизни и здоровью других лиц, нанести ущерб имуществу. Но для этого необходимо письменное заявление от граждан, находящихся совместно с ним в жилище.

Состояние опьянения определяется по критериям, установленным Министерством здравоохранения Российской Федерации. Пьяного гражданина проверяют по оперативно-справочным и розыскным учетам, устанавливают его личность. При необходимости сотрудники полиции оказывают ему первую помощь, вызывают скорую, обеспечивают сохранность его имущества.

Если необходимости в медицинской эвакуации нет или пьяный гражданин отказался от медицинского вмешательства, его доставляют в вытрезвитель, а при наличии оснований для задержания — в полицию.

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации, Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и МВД России от 30 июня 2021 г. № 689н/440н/509 [16] предусмотрены правила работы вытрезвителей. Основной задачей специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения выступает обеспечение их естественного вытрезвления.

В вытрезвитель принимают как доставленных граждан, так и тех, кто обратился самостоятельно. При этом следует получить согласие лица на помещение в вытрезвитель и пребывание в нем. Срок пребывания в вытрезвителе не должен превышать 24 часов. Определены виды помощи, оказываемой гражданам в вытрезвителе.

Здесь нужно обратить внимание на тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации признал порядок исчисления срока административного задержания нетрезвых граждан не соответствующим

Конституции Российской Федерации [17]. По мнению судей, по общему правилу до принятия судебного решения граждане не могут быть подвергнуты задержанию более чем на 48 часов (ч. 3 ст. 27.5 КоАП) [18]. Судом подчеркнуто, что задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность. Судьи акцентировали внимание на том, что в рамках реализации положений ч. 4 ст. 27.5 КоАП общая продолжительность внесудебного принудительного ограничения личной свободы граждан, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, зачастую превышает 48 часов. Это противоречит как ст. 22 Конституции Российской Федерации, так и позиции ЕСПЧ, согласно которой принудительное ограничение свободы таких лиц является лишением свободы (постановление ЕСПЧ от 8 июня 2004 г. по делу «Хильда Хафстейн-доттир (Hilda Hafsteinsdottir) против Исландии», постановление ЕСПЧ от 3 февраля 2011 г. по делу «Харин против России»).

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации признал ч. 4 ст. 27.5 КоАП, согласно которой срок административного задержания нетрезвого лица исчисляется со времени его вытрезвления, не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в которой она допускает ограничение свободы лица, подлежащего административному аресту, до судебного решения на срок более 48 часов. Федеральному законодателю было поручено внести соответствующие изменения в действующий порядок исчисления срока административного задержания [7].

Политику в сфере правового регулирования применения мер пресечения в том числе определяют соглашения, заключаемые между федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Так, «Соглашением между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Кабинетом министров Республики Татарстан о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных Кодексом Республики Татарстан об административных правонарушениях от 19 декабря 2006 г. № 80-ЗРТ» определено, что со дня вступления

в силу Соглашения Кабинет Министров Республики Татарстан передает Министерству внутренних дел Российской Федерации осуществление части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Кабинет Министров Республики Татарстан осуществляет финансовое обеспечение реализации полномочий, запрашивает и получает информацию по вопросам, связанным с исполнением переданных полномочий; рассматривает в 30-дневный срок предложения МВД по Республике Татарстан по вопросам, связанным с Соглашением, сообщает о результатах их рассмотрения Министру внутренних дел по Республике Татарстан. МВД по Республике Татарстан принимает на себя обязательства соблюдать федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие отношения в области передаваемых Соглашением полномочий; направлять ежеквартально до 25 числа месяца, следующего за отчетным кварталом, в адрес Кабинета Министров Республики Татарстан отчет о расходовании финансовых средств, выделенных в целях обеспечения реализации полномочий, переданных в соответствии с Соглашением, и информацию о количестве составленных протоколов (рассмотренных сообщений). За неисполнение или ненадлежащее исполнение условий Соглашения Стороны несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. Финансовое обеспечение осуществления МВД России полномочий Кабинета Министров Республики Татарстан, передаваемых на основании Соглашения, осуществляется за счет субвенции, предоставляемой федеральному бюджету из бюджета Республики Татарстан на соответствующий финансовый год. Соглашение заключено на срок до 31 декабря 2025 г. включительно.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил правомерность составления должностными лицами органов внутренних дел (полиции) протоколов о посягающих на общественный порядок и общественную безопасность административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации [19].

Конституционный Суд Российской Федерации признал абз. 2 ч. 6 ст. 28.3 КоАП не противоречащим Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации, в частности, указал следующее: установив в абз. 2 ч. 6 ст. 28.3 КоАП, что составление протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, должностными лицами органов внутренних дел (полиции) возможно исключительно в случае передачи им соответствующих полномочий соглашениями, заключенными между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и компетентным федеральным органом исполнительной власти, федеральный законодатель, соблюдая конституционное разграничение полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и образующих ее субъектов, не допустил каких-либо отступлений от конституционных принципов федеративного правового государства, верховенства закона, разделения властей и юридического равенства и не вышел за пределы своих дискреционных полномочий.

Соответственно, абз. 2 ч. 6 ст. 28.3 КоАП Российской Федерации не может быть признан противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему нормативному содержанию в системе действующего правового регулирования он предполагает, что:

♦ заключение соглашений о передаче осуществления полномочий по составлению протоколов о предусмотренных законами субъектов Российской Федерации административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, должностным лицам органов внутренних дел (полиции) направлено на обеспечение сбалансированного сочетания интересов, образующих единую систему исполнительной власти Российской Федерации федеральных и региональных органов исполнительной власти, отвечающего задачам эффективной административно-правовой защиты прав и свобод граждан;

♦ инициатива заключения таких соглашений должна исходить от органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые не могут быть принуждены к их подписанию на неприемлемых для себя организационно-правовых, финансо-

вых или иных условиях, а федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, не вправе произвольно отказывать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в их заключении в случаях, когда проекты соответствующих соглашений отвечают требованиям, установленным федеральными законами и принятыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации;

♦ должностные лица органов внутренних дел (полиции) обязаны — в рамках полномочий, возложенных на них КоАП Российской Федерации и Федеральным законом «О полиции», — оказывать содействие в привлечении виновных в совершении предусмотренных законами субъектов Российской Федерации административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, и при отсутствии соответствующих соглашений, заключенных между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и МВД России.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [20], п. 103 ч. 2 и ч. 4 ст. 28.3 КоАП Российской Федерации издан приказ Росгвардии от 30 июня 2021 г. № 248 «О внесении изменений в приказы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 10 апреля 2018 г. № 123 и от 14 ноября 2018 г. № 498» [21], которым в ряд приказов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации внесены изменения, касающиеся Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных выдавать руководителям важных государственных объектов или руководителям либо должностным лицам организаций, важные государственные объекты, и (или) специальные грузы, и (или) сооружения на коммуникациях, которые подлежат охране войсками национальной гвардии Российской Федерации (за исключением руководителей (должностных лиц) объектов использования атомной энергии), обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных в ходе осуществления ими своих полномочий нарушений требований к оборудованию инженерно-техническими средствами охраны важных

государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях, подлежащих охране войсками национальной гвардии, а также Перечня должностных лиц войск национальной гвардии, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП Российской Федерации, утвержденного приказом Росгвардии от 14 ноября 2018 г. № 498.

Важным при рассмотрении заявленной темы выступает также принятый Федеральный закон от 26 мая 2021 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в соответствии с которым установлено, что в целях предупреждения совершения правонарушений сотрудниками органов и учреждений уголовно-исполнительной системы вправе объявлять лицам, находящимся на территориях следственных изоляторов и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

В случае неисполнения требования, изложенного в официальном предостережении (предостережении), лица, которым оно было объявлено, могут быть привлечены к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Порядок объявления официального предостережения (предостережения), в том числе порядок его направления (вручения), его форма, а также перечни категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять указанное официальное предостережение (предостережение), определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

Интересным фактом, с нашей точки зрения, выступает Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 400-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» в соответствии с которым члены экипажа воздушного судна и сотрудники службы авиационной безопасности эксплуатанта (авиационного предприятия) на основании распоряжения командира воздушного судна могут применять все необходимые меры, в том числе меры при-

нуждения, а также использовать специальные средства сдерживания, которые размещены на борту воздушного судна и перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации, в отношении лиц, которые своими действиями создают непосредственную угрозу безопасности полета воздушного судна либо угрозу жизни или здоровью других лиц и отказываются подчиняться распоряжениям командира воздушного судна.

Порядок действий членов экипажа воздушного судна и сотрудников службы авиационной безопасности при пресечении противоправных действий на борту воздушного судна устанавливаются Правительством Российской Федерации.

В то же время, уже принятым Федеральным законом от 29 ноября 2021 г. № 378-ФЗ «О предоставлении публичному акционерному обществу «Сбербанк России» отдельных полномочий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» работники Банка России и ПАО «Сбербанк России», осуществляющие охранные функции, наделены полномочиями по задержанию правонарушителей, посягнувших на охраняемое ими имущество. Аналогичными полномочиями также наделены работники РОСИНКАС при охране ими денежных средств, драгоценных металлов, внутренних ценных бумаг и валютных ценностей при их перевозке, инкассации наличных денежных средств, а также при охране объектов РОСИНКАС и объектов Банка России, предназначенных для хранения такого имущества. Задержанные лица подлежат незамедлительной передаче уполномоченным представителям подразделений органов внутренних дел (полиции).

Кроме этого, законом уточнены особенности получения работниками ЦБ РФ, ПАО Сбербанк и РОСИНКАС во временное пользование ручного стрелкового оружия и определено, что на них распространяются отдельные права, обязанности, ответственность и гарантии работников ведомственной охраны.

Проектом федерального закона [22] предусматривается возможность наделения сотрудников Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации полномочием по применению такой меры принудительного исполнения, как взламывание двери в помещения, где проходит перепланировка. Речь идет о принудительном доступе в помещение многоквартирного дома. Мэру смогут применять

при надзоре за соблюдением правил переустройства и перепланировки, обслуживания и ремонта внутридомового и (или) внутриквартирного газового оборудования.

Если должник в течение установленного в исполнительном документе срока сам не предоставит надзорным органам доступ в помещение, пристав будет действовать так: вынесет постановление о взыскании с должника исполнительского сбора; установит новый срок для предоставления доступа; предупредит должника, что по истечении этого срока доступ произведут без извещения.

При необходимости пристав сможет взломать замки на дверях, в том числе с помощью специализированных организаций. В любом случае принудительный доступ должен будет проходить в присутствии понятых. Кроме того, о проведении данной процедуры составят акт.

Отметим, пристава обяжут исключить проход посторонних лиц в помещение и обеспечить сохранность имущества должника. Позже с того взыщут расходы на организацию принудительного доступа.

Таким образом, правовое регулирование применения федеральными органами исполнительной власти и иными определяемыми законодателем лицами мер административного пресечения актуально и важно в настоящее время.

Недостаточность в правовом регулировании подтверждается значительным количеством изменений и дополнений, вносимых в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность должностных лиц властного органа в ходе осуществления административно-юрисдикционной деятельности.

Список источников

1. Административное право России: учебник / под ред. А. П. Коренева. Ч. 1. Государственное управление и административное право. М., 2002.

2. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: учебник. М. : Зерцало, 1997.

3. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. М. : Норма, 2005.

4. Васюхно И. О. Сущность мер административного пресечения как формы государственного принуждения // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 53–56.

5. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

6. Корнев А. П. Административное право России: учебник. В 3 ч. Ч. 1. М. : МЮИ МВД России, Щит-М, 1999.

7. Шеншин В. М. Особенности реализации функции государственного принуждения в виде задержания при осуществлении Росгвардией административно-юрисдикционной деятельности // Право в Вооруженных силах. 2020. № 2 (271). С. 77–84.

8. Приказ МВД России от 25 мая 2020 г. № 369 «Об утверждении Порядка информирования полицией собственника нежилого помещения или земельного участка либо его законного представителя о случае проникновения (в его отсутствие) со взломом (разрушением) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в нежилое помещение или на земельный участок, сотрудника полиции» // URL://www.pravo.gov.ru.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова» // URL://www.pravo.gov.ru.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2018 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части 6 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // URL://www.pravo.gov.ru.

11. Приказ МВД России от 13 апреля 2021 г. № 212 «Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции» // URL://www.pravo.gov.ru.

12. Приказ Министерства здравоохранения РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ и МВД России от 30 июня 2021 г. № 689н/440н/509 «Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкоголь-

ного, наркотического или иного токсического опьянения» // URL://www.pravo.gov.ru.

13. Приказ Росгвардии от 30 сентября 2016 г. № 111 «Об утверждении Порядка информирования военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии Российской Федерации своего непосредственного командира (начальника), собственника помещения и (или) проживающих в нем граждан и прокурора о случае вхождения (проникновения) в жилое помещение» // URL://www.pravo.gov.ru.

14. Приказ Росгвардии от 30 июня 2021 г. № 248 «О внесении изменений в приказы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 10 апреля 2018 г. № 123 и от 14 ноября 2018 г. № 498» // URL://www.pravo.gov.ru.

15. Приказ Росгвардии от 30 сентября 2016 г. № 112 «Об утверждении Порядка информирования собственника транспортного средства о вскрытии транспортного средства, если такое вскрытие было осуществлено в его отсутствие» // URL://www.pravo.gov.ru.

16. Приказ Росгвардии от 22 мая 2017 г. № 144 «Об утверждении Порядка и Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, принимающих решение об осуществлении оцепления (блокирования) участков местности (акваторий), жилых помещений, строений и других объектов» // URL://www.pravo.gov.ru.

17. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27. Ст. 4159.

18. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

19. URL://http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1390833/#ixzz6RKsw1qfI.

20. URL://https://regulation.gov.ru/p/94757.

21. URL://http://www.garant.ru/news/1299183/#ixzz6wMgGwXxi.

22. URL://http://www.garant.ru/news/1013041/#ixzz6R790F61C.

References

1. Administrative Law of Russia: textbook / ed. by A. P. Korenev. Part 1. State administration and administrative law. M., 2002.

2. Alekhin A. P., Karmolitsky A. A., Kozlov Yu. M. Administrative law of the Russian Federation: textbook. M. : Zertsalo, 1997.

3. Bakhrach D. N., Rossinsky B. V., Starilov Yu. N. Administrative law: textbook for universities. M. : Norm, 2005.

4. Vasyukhno I. O. The essence of administrative restraint measures as a form of state coercion // Administrative law and process. 2017. No. 9. P. 53–56.

5. Kaplunov A. I. Administrative coercion applied by internal affairs bodies (system-legal analysis): diss. ... Dr. jurid. M., 2005.

6. Korenev A. P. Administrative law of Russia: textbook. At 3 h. h. 1. M. : MUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Shield-M, 1999.

7. Shenshin V. M. Features of the implementation of the function of state coercion in the form of detention in the implementation of administrative and jurisdictional activities by Rosgvardiya // Law in the Armed Forces. 2020. No. 2 (271). P. 77–84.

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 25, 2020 No. 369 «On Approval of the Procedure for Informing the Police of the owner of a Non-residential premises or land plot or His Legal representative about the case of penetration (in his absence) with the breaking (destruction) of locking devices, elements and structures that prevent a police officer from entering a non-residential premises or a land plot» // URL://www.pravo.gov.ru.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P dated November 17, 2016 «On the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 27.5 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E. S. Sizikov» // URL://www.pravo.gov.ru.

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Of July 2, 2018 No. 27-P «In the case of checking the constitutionality of the second paragraph of Part 6 of Article 28.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the request of the Legislative Assembly of the Rostov region» // URL://www.pravo.gov.ru.

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 212 dated April 13, 2021 «On approval of the Procedure for delivering persons in a state of alcoholic, narcotic or other toxic intoxication to medical organizations or specialized organizations or to the office premises of territorial bodies or police units» // URL://www.pravo.gov.ru.

12. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation, the Ministry of Labor and Social Protection

of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 30, 2021 No. 689n/440n/509 «On approval of the Rules for organizing the activities of specialized organizations to assist persons in a state of alcoholic, narcotic or other toxic intoxication» // URL://www.pravo.gov.ru.

13. Order of Rosgvardiya No. 111 dated September 30, 2016 «On approval of the Procedure for informing a serviceman (employee) of the troops of the National Guard of the Russian Federation of his immediate commander (chief), the owner of the premises and (or) citizens living in it and the prosecutor about the case of entry (penetration) into a residential premises» // URL://www.pravo.gov.ru.

14. Rosgvardiya Order No. 248 dated June 30, 2021 «On Amendments to the Orders of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation No. 123 dated April 10, 2018 and No. 498 dated November 14, 2018» // URL://www.pravo.gov.ru.

15. Rosgvardiya Order No. 112 dated September 30, 2016 «On Approval of the Procedure for informing the

owner of the vehicle about the autopsy of the vehicle, if such an autopsy was carried out in his absence» // URL://www.pravo.gov.ru.

16. Rosgvardiya Order No. 144 dated May 22, 2017 «On approval of the Procedure and List of officials of the National Guard troops of the Russian Federation who make decisions on the implementation of the cordon (blocking) of terrain (water areas), residential premises, buildings and other objects» // URL://www.pravo.gov.ru.

17. Federal Law No. 226-FZ of July 3, 2016 «On the Troops of the National Guard of the Russian Federation» // SZ RF. 2016. No. 27. St. 4159.

18. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» // SZ RF. 2011. No. 7. St. 900.

19. URL://http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1390833/#ixzz6RKsw1qfI.

20. URL://https://regulation.gov.ru/p/94757.

21. URL://http://www.garant.ru/news/1299183/#ixzz6wMgGwXxi.

22. URL://http://www.garant.ru/news/1013041/#ixzz6R790F61C.

Информация об авторах

В. И. Кайнов — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

В. М. Шеншин — доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kainov — Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Legal Sciences, Professor;

V. M. Shenshin — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-154-158>

НИОН: 2003-0059-5/22-435

MOSURED: 77/27-003-2022-05-634

Проблемы правового регулирования дисквалификации как вида административного наказания

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Рецензент: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент **Т. А. Прудникова**

Аннотация. Представлен анализ действующего административно-деликтного законодательства и законопроектов в области назначения дисквалификации как вида административного наказания.

Ключевые слова: административное право, деликт, государственное управление, административная ответственность, административные наказания, дисквалификация

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Проблемы правового регулирования дисквалификации как вида административного наказания // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 154–158. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-154-158>.

Original article

Problems of legal regulation of disqualification as a type of administrative punishment

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor **T. A. Prudnikova**

Abstract. The analysis of the current administrative and tort legislation and draft laws in the field of the appointment of disqualification as a type of administrative punishment is presented.

Keywords: administrative law, tort, public administration, administrative responsibility, administrative penalties, disqualification

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Problems of legal regulation of disqualification as a type of administrative punishment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):154–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-154-158>.

Нормы права, регламентирующие назначение дисквалификации содержатся в гл. 14 КоАП РФ [3], объектом которой выступают общественные отношения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций, а также в гл. 15, под охраной и защитой которой находятся общественные отношения в сфере финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней. Наименьшее количество содержится в гл. 13, 17 и 6, объ-

ектом в которых выступают общественные отношения в области связи и информации, общественные отношения в сфере защиты и охраны институтов государственной власти от посягательств, а также общественные отношения, складывающиеся в сфере защиты здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и общественной нравственности соответственно.

По мнению законодателя, в области предпринимательской деятельности, деятельности саморегулируемых организаций и в сфере финансов, налогов и

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2022

сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней совершается наибольшее количество таких правонарушений, за которые необходимо назначать неимущественные наказания в виде дисквалификации.

Причем субъектами правонарушений, за совершение которых законодатель считает возможным назначение наказания в виде дисквалификации, выступают должностные лица, признаки которых не всегда определены в диспозициях соответствующих статей. Для выявления и уточнения таких признаков необходимо обращаться к иным нормативно-правовым актам.

Так, например, диспозиция ст. 14.1.3 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами без лицензии, не содержит однозначных указаний, какими признаками должно обладать должностное лицо, которому вменяется совершение указанного правонарушения. В случае, если совершается правонарушение, предусмотренное ч. 1 анализируемой статьи, то законодатель отсылает к ст. 192 Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ) [2], которая хотя и раскрывает содержание деятельности по управлению многоквартирными домами, но не определяет, какие лица такую деятельность имеют право осуществлять. Касаемо ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ законодатель также не определяет, какие должностные лица могут нарушить лицензионные требования, для установления которых правоприменителю необходимо обратиться к ст. 193 ЖК РФ.

Судебная практика в большинстве случаев идет по пути игнорирования необходимости установления признаков должностных лиц. Согласно материалам дела № 5-815/2017 постановлением Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону О. Г. Табукашвили был признан виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ. В постановлении судья определяет, какие нормы нарушил О. Г. Табукашвили, указывает, что данные нормы определены ЖК РФ, но не уделяет внимания тому, на основании каких документов указанное лицо может быть признано субъектом данного правонарушения, ограничиваясь лишь указанием на то, что О. Г. Табукашвили является генеральным директором того унитарного пред-

приятия, которое обязано было соблюдать лицензионные требования по управлению многоквартирными домами [4].

Судья Хорошевского районного суда города Москвы также вынес постановление о привлечении к административной ответственности генерального директора ООО «Серебряный квартет-3» С. В. Зуйкова, который, как следует из материалов дела, нарушил лицензионные требования, предусмотренные ч. 10 ст. 161 ЖК РФ. Каких-либо доводов в пользу того, что С. В. Зуйков действительно является тем должностным лицом, на которое допустимо возложить обязанности по соблюдению лицензионных требований, в постановлении не указывается, что, однако, не помешало назначить ему административное наказание [5].

Другой подход к определению признаков должностного лица законодатель избрал при формулировании диспозиции ч. 1 ст. 14.55 КоАП РФ, в которой прописано, что субъектом административного правонарушения является должностное лицо головного исполнителя либо государственного заказчика. В диспозиции ч. 3 ст. 14.55 КоАП РФ, которая предусматривает административное наказание только в виде дисквалификации, также указывается, что административной ответственности подлежит непосредственно то должностное лицо, признаки которого содержатся в ч. 1 и 2 анализируемой статьи.

Диспозицию ч. 2 ст. 14.32.1 КоАП РФ также следует подвергнуть критике, поскольку в ней предусматривается административная ответственность должностного лица, ранее привлеченного к административному наказанию за аналогичное административное правонарушение, т. е. за правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 14.32.1 КоАП РФ, в которой отсутствует указание на иные признаки должностного лица, кроме того, что оно должно иметь отношение к участникам оптового и (или) розничного рынков электрической энергии (мощности), не занимающим доминирующего положения на соответствующих рынках электрической энергии (мощности). Аналогично вопрос решен и в диспозиции ч. 5.1 ст. 15.25 КоАП РФ.

Административное наказание в виде дисквалификации назначается разнообразным категориям должностных лиц, причем в диспозициях одних статей идентифицирующие признаки таких должностных лиц указаны частично, в других не указаны

вообще. В связи с этим правоприменитель должен ориентироваться не только в административном законодательстве, но также и в таких отраслях законодательства, как жилищное, бюджетное, раскрывающее основные вопросы использования инсайдерской информации, размещения государственных оборонных заказов и во многих других отраслях. Анализ ст. 2.4 КоАП РФ позволяет утверждать, что законодатель не считает всех перечисленных выше лиц должностными. То же можно сказать и в отношении указаний ст. 3.11 КоАП РФ, которая вообще не использует обозначения «должностные лица».

Часть 3 ст. 3.11 КоАП РФ практически воспроизводит то, что содержится в ст. 2.4 КоАП РФ, но и данная статья называет должностными лицами только тех, кто указан в ее первом абзаце. В соотношении всех других, содержащихся в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ, говорится, что они имеют ответственность как должностные лица (т. е. при условии связи нарушения с обязанностями). Но должностными лицами она их не называет, а вот санкции многих статей особой части именуют всех их должностными лицами, что неправильно. Кроме того, диспозиция большинства таких норм действительно не указывает признаки субъекта правонарушения, что порождает неопределенность в установлении лица, подлежащего ответственности. Субъектами таких правонарушений являются лица, осуществляющие деятельность, предусмотренную ч. 1 ст. 3.11 КоАП РФ.

В правоприменительной практике градация сроков давности в зависимости от назначаемых видов наказания и тех сфер, в которых совершено правонарушение, используется неоднозначно. Так, например, судья Ленинского районного суда г. Томска постановил производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 15.14 КоАП РФ, в отношении должностного лица — директора муниципального бюджетного учреждения «Административно-хозяйственное управление» В. А. Емельянова, который использовал бюджетные субсидии на нецелевые расходы, прекратить в связи с тем, что в санкции ст. 15.14 КоАП РФ предусмотрен такой вид наказания, как дисквалификация. Исходя из указанных норм судья пришел к выводу, что срок давности по данному правонарушению составляет один год, а не два года (как это предусмотрено ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ при совершении правонарушений в бюджетной сфере), несмотря на то, что вид наказания еще не был

избран (санкция ст. 15.14 КоАП РФ помимо дисквалификации для должных лиц предусматривает также наказание в виде штрафа) [6].

Обнаруженное нами противоречие (коллизия, конкуренция) двух норм, регулирующих срок давности по одним и тем же видам административных наказаний, свойственно многим подобным взаимосвязанным нормам (общаяспециальная). Но в отличие от ч. 3 ст. 17 УК РФ, КоАП РФ не содержит нормы о правилах разрешения такой коллизии и применения специальной нормы. Поэтому в ст. 4.5 КоАП РФ необходимо внести изменения и указать, что в случае возможности применения как общей, так и специальной нормы, должна применяться специальная.

Касаемо нормативного обеспечения исполнения дисквалификации следует указать, что в соответствии с ч. 1 ст. 32.11 КоАП РФ постановление о дисквалификации должно быть немедленно после вступления постановления в законную силу исполнено лицом, привлеченным к административной ответственности. Как верно отмечает Е. Ю. Алхутова, исполнителями постановления о дисквалификации являются как само дисквалифицированное лицо, так и его работодатель [1]. Исполнение постановления о дисквалификации производится путем расторжения договора (контракта) с дисквалифицированным лицом на осуществление им соответствующего вида деятельности. Решение о назначении наказания в виде дисквалификации считается приведенным в исполнение с момента его вступления в законную силу. С указанного момента дисквалифицированное лицо не вправе осуществлять указанную деятельность.

Одной из проблем следует признать отсутствие в ст. 32.11 КоАП РФ обязанности судьи направить постановление о дисквалификации работодателю (если такой имеется), который может и не знать об имеющемся у работника ограничении в осуществлении трудовой функции. Кроме того, проблемным видится отсутствие в ст. 20.25 КоАП РФ нормативного установления последствий уклонения от исполнения исследуемого вида наказания. При этом и ст. 81 Трудового кодекса РФ не предусматривает дисквалификацию в качестве одного из оснований увольнения по инициативе администрации, работодателя.

Таким образом, следует сказать, что нормативные основания назначения дисквалификации содер-

жаты в диспозициях Особой части КоАП РФ, санкции которых предусматривает этот вид наказания. Дисквалификация назначается разнообразным категориям должностных лиц, причем в диспозициях отдельных статей идентифицирующие признаки таких должностных лиц указаны частично, в других не указаны вообще. В связи с этим правоприменитель должен ориентироваться не только в административном законодательстве, но также и в таких отраслях законодательства. Часть 3 ст. 3.11 КоАП РФ практически воспроизводит тот перечень лиц, который содержится в ст. 2.4 КоАП РФ, но и данная статья называет должностными лицами только тех, кто указан в ее первом абзаце. В соотношении всех других, содержащихся в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ, говорится, что они имеют ответственность как должностные лица (т. е. при условии связи нарушения с обязанностями). Но должностными лицами она их не называет, а вот санкции многих статей особой части именуют всех их должностными лицами, что неправильно. Кроме того, диспозиция большинства таких норм действительно не указывает признаки субъекта правонарушения, что порождает неопределенность в установлении лица, подлежащего ответственности. Субъектами таких правонарушений являются лица, осуществляющие деятельность, предусмотренную ч. 1 ст. 3.11 КоАП РФ.

Законодателю следует предусмотреть в ст. 32.11 КоАП РФ обязанности судьи направить постановление о дисквалификации работодателю (если такой имеется), а также в ст. 20.25 КоАП РФ должны быть установлены последствия уклонения от исполнения исследуемого вида наказания.

Кроме того, в ст. 4.5 КоАП РФ, предусматривающей сроки давности привлечения к административной ответственности, необходимо внести изменения и указать, что в случае возможности применения как общей, так и специальной нормы, должна применяться специальная.

Список источников

1. Алхутова Е. Ю. Дисквалификация как вид административного наказания и проблемы ее применения // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 2. С. 115.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г.,

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО РОССИИ

7-е изд., перераб. и доп. Учебник. 744 с.
Гриф МО РФ
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
(Серия «Dura lex, sed lex»)
Под ред. В.Я. Кикотя, Н.В. Румянцева

Административное право России

Учебник
Седьмое издание

В учебнике предложено оригинальное видение предмета административного права, механизма административно-правового регулирования общественных отношений, во многом отличающееся от стереотипов, сложившихся в административно-правовой науке в течение многих десятилетий. Особое внимание уделено таким малоизученным вопросам административного права, как особенности административно-правового статуса организаций (в том числе государственных учреждений, должностных лиц), основы правоохранительной службы, административно-правовые действия, методы осуществления административной деятельности, основы теории административно-публичного обеспечения безопасности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля.

с изм. от 28 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 6 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону по ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ № 5-815/2017 // URL://<https://sud-praktika.ru/precedent/494953.html>.

5. Постановление Хорошевского районного суда г. Москвы по ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ 05-0003/2016 // URL://<https://sud-praktika.ru/precedent/155991.html>.

6. Постановление Ленинского районного суда г. Томска по ст. 15.14 КоАП РФ № 5-448/2017 // URL://<https://sud-praktika.ru/precedent/538257.html>.

References

1. Alkhutova E. Yu. Disqualification as a type of administrative punishment and problems of its application // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2012. No. 2. p. 115.

2. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 188-FZ (ed. of June 28, 2021, with amendments. dated December 28, 2021) (with amendments and additions, intro. effective from January 1, 2022) // SPS «ConsultantPlus».

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (with amendments and additions, intro. effective March 6, 2022) // SPS «ConsultantPlus».

4. Resolution of the Proletarian District Court of Rostov-on-Don under Part 2 of Article 14.1.3 of the Administrative Code of the Russian Federation No. 5-815/2017 // URL://<https://sud-praktika.ru/precedent/494953.html>.

5. Resolution of the Khoroshevsky District Court of Moscow under Part 2 of Article 14.1.3 of the Administrative Code of the Russian Federation 05-0003/2016 // URL://<https://sud-praktika.ru/precedent/155991.html>.

6. Resolution of the Leninsky District Court of Tomsk under Article 15.14 of the Administrative Code of the Russian Federation No. 5-448/2017 // URL://<https://sud-praktika.ru/precedent/538257.html>.

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 06.09.2022.

Рецензия на диссертацию

УДК 340 (063)

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-159-167>

ИПОН: 2003-0059-5/22-436

MOSURED: 77/27-003-2022-05-635

Отзыв на диссертацию Юлии Владимировны Зуевой на тему: «Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)»

Никита Александрович Колоколов

Московский университет имени А. С. Грибоедова (ИМПЭ), Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. В конце 2022 г. в Нижегородской академии МВД России анонсирована защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки Юлии Владимировны Зуевой на тему: «Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)». В целом, оценивая данную работу положительно, высказывается ряд критических замечаний.

Ключевые слова: защита, самозащита, оборона, самооборона, необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки

Для цитирования: Колоколов Н. А. Отзыв на диссертацию Юлии Владимировны Зуевой на тему: «Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)» // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 159–167. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-159-167>.

Review on dissertation

Review of Yulia Vladimirovna Zueva's dissertation on the topic: «Institute of Self-defense under the legislation of Russia (doctrine, practice, technique)»

Nikita A. Kolokolov

Moscow University named after A.S. Griboedov (IMPE), Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. At the end of 2022, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia announced the defense of a dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty: 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences of Yulia Vladimirovna Zueva on the topic: «Institute of Self-Defense under the legislation of Russia (doctrine, practice, technique)». In general, evaluating this work positively, a number of critical comments are made.

Keywords: defense, self-defence, defense, self-defense, necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, dissertation for the degree of candidate of legal sciences, specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences

For citation: Kolokolov N. A. Review of Yulia Vladimirovna Zueva's dissertation on the topic: «Institute of Self-defense under the legislation of Russia (doctrine, practice, technique)». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):159–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-159-167>.

Отношение общества (как арифметической совокупности личностей, так и системного целого) и представляющего в определенной части его интересы государства к **институту самозащиты** — это не только перманентно изменяющийся феномен, который уже в силу этого требует регулярного переосмысления в контексте с конкретными историческими реалиями, но и, в определенной мере, их «визитная карточка».

Применительно к избранной специальности (5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки) институт самозащиты — это гремячая смесь частного

и публичного. При этом последнее представляет собой подвид правоохранительной деятельности в целом, организация которого напрямую зависит от уровня развития частно-публичных и государственно-властных отношений в обществе.

Сказанное свидетельствует, что в данном случае исследователь неизбежно сталкивается, как минимум, с двумя зависимыми переменными: жертвой (потерпевшим) противоправного посягательства (предикатный субъект в оборонительном правоотношении), рискнувшей на самозащиту, и обществом, предстаю-

© Колоколов Н. А., 2022

щим, преимущественно, в лице государства, которое взяло на себя обязанность в режиме *postfactum* оценить адекватность самозащиты. Естественно, что названные субъекты оказывают друг на друга взаимное влияние посредством системы правоотношений как закрепленных в официальном регламенте, так и вне таковых.

Автор диссертационного исследования, Ю. В. Зуева, избрала в качестве предмета исследования проблему самозащиты жертв любых противоправных посягательств (фактически только в рамках УК РФ и ГПК РФ). Совершенно очевидно, что эффективность данного подвида правоохранительной деятельности (самозащиты) предопределена длинной цепочкой всевозможных обстоятельств и факторов.

Сразу следует отметить, что проблема эффективности социально-государственных правовых систем и подсистем, разновидностью которых является система самозащиты жертв правонарушений, всегда интересовала человечество, в том числе и автора этих строк [1; 2; 5; 7; 10].

К сожалению, по-настоящему комплексных, глубоких, многоаспектных исследований проблемы эффективности работы системы самозащиты (впрочем, как и во многих иных отраслях правоохраны) до настоящего времени не проводилось. Данное обстоятельство свидетельствует об исключительной смелости исследователя — Ю. В. Зуевой, ее научного руководителя.

В основе столь амбициозного замысла диссертанта — многолетние исследования проблемы — факт сам по себе положительный, ибо юридическому сообществу России уже давно пора понять, что «механизм» самозащиты жертв правонарушений, доставшиеся государствам, образовавшимся после распада СССР, малоэффективны, изобилуют массой «паразитичных шестерен» и, главное, абсолютно неверно настроены.

Личные наблюдения автора отзыва таковы: на фоне таких «великих целей», как борьба с преступностью, раскрываемость, число расследованных и рассмотренных дел — главное, чему обязана многомиллионная система правоохраны своим существованием, — жертва преступления (а тем более правонарушения) совершенно не различима. Скажем больше: в жертве, рискнувшей на самозащиту, государственная система правоохраны видит своего конкурента, порой, опасного, поэтому нет ничего удиви-

тельного в том, что все (почти все) содеянное личностью в рамках самозащиты толкуется как неадекватное поведение предикатного субъекта.

В эпоху перемен, закономерно грянувших на рубеже второго и третьего тысячелетий, российская правовая наука оказалась без обновленных, адекватных современным реалиям общетеоретических знаний в области легитимации системы самозащиты. Причин далекого от идеала состояния отечественной правоохранительной деятельности немало. Среди них особое и совсем не второстепенное место занимает дефицит фундаментальных общеправовых знаний об эффективных методах самозащиты жертв правонарушений (преступлений), по существу — способах разумной, своевременной, быстрой и экономически оправданной системе самозащиты. Совершенно очевидно, что без соответствующей общетеоретической базы методологически правильное и практически результативное решение проблем организации самозащиты жертв правонарушений (преступлений) практически невозможно.

Объективные причины интереса к проблеме самозащиты — это глобальные изменения в сфере формирования социально-правового статуса личности (человека и гражданина), что требует принципиально новых видов, форм, способов, приемов и методов защиты жертв от всевозможных противоправных посягательств, в том числе, и праве последних на самую решительную самозащиту.

Изменение системы правоохранительных органов, масштабов, конструкции и «скорости» противоправного воздействия на личность с неизбежностью влекут и модификацию сущности самозащиты и защиты жертв правонарушений преступлений.

Совокупность таковых выступает необходимой предпосылкой обеспечения демократии, упрочения правопорядка, правильной реализации права. Самозащита — вид правоохранительной практики, который призван поддерживать устойчивость правовой системы, способствовать развитию здорового консерватизма принципов правоохранительной деятельности, усилению защиты интересов личности, любых форм собственности.

Новаторский опыт квалифицированного и научно-обоснованного учения Ю. В. Зуевой о самозащите при определенных условиях может выступать предтечей (прообразом) инновационной («обгонять не догоняя») правоохранительной деятельности.

Актуальность диссертационного исследования определяется и тем, что до настоящего времени не выявлены в полной мере возможности общества (его потенциал) и государства в области самозащиты жертв правонарушений (преступлений). Между тем, свойственные им регулятивные механизмы позволяют быстрее создать адекватную нормативно-очерченную модель поведения субъектов правоотношений в сфере самозащиты (самоохраны, самообороны). Совершенно очевидно, что организация самозащиты жертв правонарушений (преступлений) в России требует кардинального переосмысления данного вида юридической деятельности и поиска принципиально нового (инновационного) общетеоретического научного подхода к пониманию его места в ряду законотворческих и правоприменительных технологий.

Наряду с вышесказанным, актуальность темы диссертационного исследования заключается в том, что ни один из существующих видов самозащиты, включая самозащиту (самооборону, необходимую самооборону) жертв преступлений, не может быть осуществлен без постоянного совершенствования действующих юридических норм, адекватного их толкования и творческого применения. Требования цельности, непротиворечивости, иерархичности, идейного и стилистического единства, с одной стороны, прав, законных интересов человека и гражданина и, с другой стороны, иных категорий правоохраны, невозможно добиться без полноценной, точной, разумно аргументированной организации самозащиты и иной правоохранительной деятельности.

Характеризуя актуальность темы диссертационного исследования, нельзя не обратить внимания на глубоко спорную, порой диаметрально противоположную трактовку системы самозащиты (самообороны) в отечественной правовой науке.

Налицо принижение роли и ценности самозащиты в области правоохранительной деятельности, недооценка организационно-творческих возможностей уже существующего потенциала населения России, идеологически готового к самозащите (самообороне). Без аргументированного общетеоретического анализа этой проблемы «переломить» опасную научную тенденцию нельзя. Но дело не только в этом. Актуальность углубленного изучения института самозащиты состоит также в том, что без этого компонента не может быть создана целостная теория организации правоохранительной деятельности в государстве в целом.

Кроме того, поскольку самозащита жертв правонарушений (преступлений) одновременно элемент юридической практики, то она (самозащита) актуальна и как фактор совершенствования правового регулирования, как оптимальное средство уточнения и конкретизации регламентации юридически значимых общественных отношений.

Регулярная отмена решений нижестоящих судебных инстанций, не распознавших в поведении жертвы легитимной самозащиты, Верховным Судом РФ — доказательство того, что анализируемый Ю. В. Зуевой институт далеко не всегда правильно воспринимается представителями судебной системы.

Скажем больше, первый куратор автора этих строк в судебной деятельности вообще сразу заявил, что институты самообороны и аффекта — не что иное и не более того как способ уйти от уголовной ответственности. Самозащита лица, оказавшегося (помещенного) в длительной психотравмирующей ситуации, для российских юристов явление настолько чуждое, что его вообще могут не заметить.

Классический пример игнорирования обществом и государством длительной психотравмирующей ситуации — дело трех сестер Хачатурян, убивших издевавшего над ними отца. Органы предварительного расследования нехотя (под давлением общественности) озаботившись возбуждением уголовного дела в отношении убитого, установили факты насилия (в том числе и сексуального) с его стороны по отношению к дочерям. Обвинительное заключение должен утвердить до конца текущего месяца (июль 2022 г.) заместитель Генерального прокурора Анатолий Разинкин.

Поэтому в настоящий период времени возникла острая необходимость разработки принципиально нового комплексного теоретически обоснованного и эмпирически апробированного учения о самозащите как о специфической, многоаспектной разновидности в области организации правоохранительной деятельности вообще.

Такая же потребность имеется в сфере обновления понятийно-категориального аппарата в теории организации самозащиты. Требуется подготовка научно-обоснованных предложений по совершенствованию нормативной правовой основы самозащитной деятельности, призванной оптимизировать как процесс правоохраны в целом, так и самозащиту жертв правонарушений (преступлений) в частности.

Актуальность диссертационного исследования обуславливается и дидактическими факторами. В учебно-методической литературе вопросам организации самозащиты уделяется явно недостаточное внимание; иногда об этой разновидности правоохранительной деятельности вообще не упоминается, замалчиваются примеры успешной самозащиты и, соответственно, не показывается их ценность, а равно не анализируются регулятивные возможности существующих: нормативно-правовой базы и правоохранительных структур.

Так или иначе, но цельное учение об организации защиты жертв преступлений до сих пор в отечественной (да и, насколько нам известно, в зарубежной) юридической науке отсутствует.

Отсутствие единого теоретического подхода к определению сути и содержания самозащиты, ее эффективности как системы, появление новых подходов к их толкованию отрицательно сказывается на достижении стратегических целей социально-государственного строительства, судопроизводства, решении сопутствующих социально-правовых задач.

Соискателем довольно ясно и точно определены цели и задачи исследования, его объект, предмет и пределы, структура и содержание работы, круг исследуемых проблем и вопросов.

Имеются достаточные основания утверждать, что Ю. В. Зуевой разработано в значительной степени новое, комплексное учение о путях повышения эффективности самозащиты как о важнейшей составляющей частно-публичных и государственно-властных отношений. Эта основная идея последовательно реализуется диссертантом практически в каждом из тезисов, включенных в орбиту исследования, в каждом из положений и выводов, выносимых на защиту.

О научной новизне исследования в определенной степени свидетельствуют и положения, выносимые на защиту, каждое из которых обладает не только признаками актуальности, но и необходимыми свойствами теоретической и практической значимости.

Сказанное объективно обуславливает теоретическую значимость проведенного исследования, так как разработанные автором положения в определенной мере обогащают теорию права и государства, учение о самозащите и в своей совокупности создают теоретико-методологические предпосылки для

решения ряда проблем, связанных с нормативным регулированием правоохранительной деятельности и технологии использования сложившихся правоохранительных систем.

Представляется, что в работе Ю. В. Зуевой заложены как теоретические, так и методологические основы для создания общей теории эффективности самозащиты как особом подвиде правоохраны; разработаны ее ключевые категории и постулаты; сформирован методологический базис для развития межотраслевых связей в рамках единого учения об эффективности защиты прав и законных интересов личности.

Весьма удачен и избранный Ю. В. Зуевой арсенал способов научного познания. Проведенное Ю. В. Зуевой исследование имеет солидную теоретическую и эмпирическую базу. Структура работы обусловлена целями проведенного исследования.

Так, что же такое самозащита? Позиция автора отзыва.

Во-первых, это — частный случай поведения субъекта (лицо физическое или юридическое, оформленное и неоформленное) права вообще, одна из форм частно-публичных отношений. В этой связи, самозащита — метафизическая и историческая реальность, уникальные и, в то же время, закономерно возникающие общественные отношения, социальная природа которых заключается в потенциальной способности субъекта, базируясь в своей деятельности на такой социальной ценности, как право, посредством только одному ему ведомых средств (речь, знаки, символы, действия) мобилизовать свои ресурсы для разрешения определенных категорий социальных конфликтов, источник которых во внешнем нелегитимном воздействии.

Таким образом, самозащита — это присущее природе человека средство и необходимое условие для его выживания, развития. Самозащита — средство, разновидность всеобщей связи (коммуникации), возникающее между людьми в процессе разрешения определенных категорий социальных конфликтов. Самозащита — институализация ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению участники сами, без посторонней помощи уделят достойное внимание. Самозащита — это принятая определенной человеческой общностью парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов.

Самозащита характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью.

Самозащита — ресурс, который необходим субъекту для осуществления многих целенаправленных действий. В этом случае в умах людей самозащита предстает как мощь, сила, воля, в основе которых лежат почитаемые ими право, законы.

В организации самозащиты используется все, что может быть конвертировано в эффективное средство, конечно, это и сила, и богатство, и влияние, и культура. В рамках института самозащиты народ передает (делегирует) судам принадлежащий ему ресурс (готовность к обороне) заинтересованным в нем лицам.

В то же время, самозащита — устойчивые человеческие отношения. Самозащита в данном случае есть не что иное, как просто функция. Наконец, самозащита — форма творчества, она позволяет находить новые оригинальные конфигурации прежних ресурсов и функций. Надстраиваемая ею коммуникация порождает новый смысл жизни субъектов, гарантирует новую увязку целей и средств, выдвигает новые критерии и основания к организации власти, и эффективности целедостижения. Классический пример творческого подхода в самозащите показан в кинофильме «Великолепная семерка». Бандит Колвера из года в год грабит мексиканскую деревню. Ее жители решились на самозащиту. Данное право они реализуют как посредством найма семи вооруженных ковбоев, так и вооружением жителей деревни.

Самозащита — разновидность так называемой «усмотрительной власти» (discretionary power): хочу и могу — защищаюсь сам; не хочу и не могу — вызываю полицию. В таком случае для самозащиты характерны следующие регламенты. Директивный — в соответствии с которым самозащита как реальное господство активно защищающейся жертвы, что в силу данного обстоятельства уже само по себе отличается материальным наполнением. Технологический — совокупность социальных практик, позволяющих жертве реализовать свою потенцию в рамках разрешения конфликтных ситуаций. Коммуникативный: самозащита — это язык, понятный субъектам конфликта.

Особое значение в рамках самозащиты имеет авторитет как нападающего, так и защищающегося.

Отмечая масштабный характер и глубину проведенного автором исследования, нельзя в то же время

не отметить, что в работе Ю. В. Зуевой имеются пробелы (лакуны), некоторые положения и выводы далеко не бесспорны, в работе имеются рассуждения, требующие уточнения.

1. Соискатель в целом утверждает, что «законы не всегда четко регламентируют вопрос о правомерности актов самозащиты, что отрицательно сказывается на восприятии гражданами состояния своей безопасности и стабильности правопорядка». Спорить с данным тезисом не будем, мы только поинтересуемся у автора исследования: проблема только в законах, может быть она в их прочтении, толковании, интерпретация, в основе которых идеология, наша вера в справедливость?

2. Назвав свою работу «**Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)**» автор пишет, что «Российская Федерация обстоятельно подошла к решению вопроса об имплементации основных принципов и стандартов мирового сообщества». Однако, при изучении работы складывается впечатление, что автор забывает, что Россия — понятие гораздо более широкое чем Российская Федерация. Согласно ст. 67.1 Конституции РФ — Россия это не сиюминутная абстракция (УК РФ и ГК РФ + практика их применения), а это еще и наша история, включая эволюцию категории «самозащита», а также такая важнейшая составляющая нашей идеологии, как вера. В работе мы не видим надлежащего экскурса в историю института «самозащиты» в России, а что касается идеологической составляющей — нашей веры, то складывается впечатление, что о таковой вообще не упоминается. В рамках любой религии, в том числе и исповедуемых в современной России, существует понятие закона, в религиозных учениях всегда четко разделено, что «от Бога» (не зависит от воли «Помазанников его»), что «освящено Помазанниками», т. е. — какие права (законы) — священны, а какие просто законы.

3. Об «основных принципах и стандартах мирового сообщества» в рамках анализа категории «самозащита» соискатель, если и упоминает, то вскользь.

4. Не совсем ясно автор пишет об институте самозащиты в целом или о сумме институтов необходимой обороны (УК РФ) и самозащиты, регламентируемой парой норм из ГК РФ?

5. Очень хотелось бы, чтобы автор не забывал следующего. Право на самозащиту, в том числе на самооборону (необходимую оборону) — необходи-

мый элемент совокупности важных общепризнанных, естественных, неотъемлемых и неотчуждаемых прав личности (человека и гражданина). Данное общее правило базируется на природном инстинкте всего живого к самосохранению. Сказанное означает, что основа (база) самозащиты сначала — биологическая, психологическая и уж только после этого — социальная, экономическая, политическая, историческая, правовая.

5.1. Биологический аспект: вообще-то это — аксиома, не требующая никаких доказательств. Желающим убедиться в том, что именно «бессознательная» биология лежит в основе нашего современного права на самозащиту, достаточно внимательно взглянуть на окружающую нас действительность: природа всего живого — оно, будучи «загнанным в угол», практически всегда готово защищаться от любого пагубного внешнего воздействия.

5.2. Психологический аспект: в его основе страх — особое психологическое состояние всего живого, возникающее из-за ощущения опасности перед возможным (по большому счету, неизбежным) нападением. Состояние опасности у человека существует всегда. На вас не посягают сейчас, это не значит, что ваше нейтральное состояние не будет расценено агрессивными субъектами как слабость, после чего обязательно последует ущемление ваших прав. В большинстве случаев потенциальная жертва такого пагубного внешнего воздействия прекрасно понимает (знает, значит, предупреждена), что в случае кризисной ситуации рассчитывать она может только на свои собственные силы. Результат: потенциальная жертва к нападению (самозащите) готовится заранее, в силу чего она психологически устойчива, уверенно демонстрирует свой оборонительный потенциал (Видимые рубежи обороны, например: «Объект под видеонаблюдением», «Территория охраняется ЧВК», просто предупреждения: «Осторожно! Во дворе злая собака!» «Я не звоню в полицию, а сразу — стреляю!») всем своим мыслимым и немыслимым врагам.

5.3. Социологический аспект: в основе права на самозащиту всегда лежало, во-первых, делегирование обществом каждой отдельной личности особых прерогатив (прав) по самозащите (Например, право на оружие). Во-вторых, общество во все времена апеллировало к благоразумию отдельной личности, подвергшейся нападению, в части реализации своего права на защиту, особенно в ситуациях, когда право-

охранительные институты общества и государства в силу объективных (субъективных) причин не успевают (не могут, не хотят) прийти на помощь к конкретному человеку (предикатной жертве). Право на самозащиту — это право свободы, которая у индивида (совокупности таковых) заканчивается там, где начинаются легитимные свободы другого (других). Превенция в плане самозащиты — антипод виктимности жертвы. Кроме того, приготовление к самозащите — всегда источник конфликта. Простое огораживание — уже порождает конфликт.

5.4. Экономический аспект: постоянная готовность личности (иного субъекта правоотношений) к самозащите (самообороне) — это **прямая стратегия** в ее поведении. Эффективность данной стратегии доказывается предельной простотой конструкции: потенциальная жертва нападения всегда и за свой счет готова к самозащите (вооружена и в прямом, и переносном смысле), в силу чего сама она успешно такое нападение и отражает, т. е., никакая дополнительная помощь извне (а это лишние затраты для общества, государства) для защиты прав и законных интересов жертве абсолютно не требуется. **Непрямая стратегия** (патернализм, иждивенчество): жертва в силу различных причин к самозащите не готова (и не готовится), наивно рассчитывает на помощь совокупности неких правоохранительных институтов общества и государства, даже, несмотря на то, что правоохранительный потенциал таковых априори весьма и весьма ограничен.

5.5. Политический аспект: субъективная составляющая отношения правящей элиты к правым и законным интересам жертв нападения; не исключено, что их интересы легко могут быть проигнорированы. Как правило, ограничивая право потенциальных жертв на самозащиту, правящая элита заботится, в первую очередь, о себе. Во-первых, опасаясь силы совокупности готовых к самозащите индивидов, во-вторых, понимая, что таковые, получив самостоятельность, осознают не нужность, а то вредность самой элиты. Институт самозащиты — всегда конкурент (нежеланный конкурент) государственной правоохране.

5.6. Исторический аспект: законное вчера — незаконно ныне и наоборот. В принципе право на самозащиту (в том числе необходимую самооборону) в нашем Отечестве признавалось всегда, в текущий момент времени оно постепенно получает очередное

все более широкое общественное признание, неудивительно, что это сопровождается определенным обновлением соответствующего нормативного закрепления. Не будем забывать: ордалии и поединок — формы реализации права на защиту.

5.7. **Правовой аспект:** распадается на две составляющих, первая из которых — естественное право личности (человека, гражданина) на самозащиту. В современной России данное право признается с трудом. Почему? Ответ ошеломляющий: «Где, в части какой статьи об этом написано? А поскольку об этом ничего в писаных законах прямо не говорится, то этого и нет вообще!» Вторая составляющая — признание данного естественного прав обществом, правящей элитой, оформление его государством в виде различных нормативно-правовых актов, судебной практики.

5.8. Элементами данной судебной практики являются исторически сложившиеся институты *Castle Doctrine* (мой дом — моя крепость), *Stand your ground* (бежать не обязан, стою на своем), *Affirmative defense* (презумпции невиновности обороняющегося), *Intruder culpability* (обязательность суждения: априори виновен нападающий), *Immunity from civil lawsuit* (иммунитет от гражданского иска), а также совершенно противоположная этому концепция *Duty to retreat* (обязан отступать, бежать). Мы же констатируем, что надлежащего внимания данным транснациональным категория автор диссертации не уделяет.

6. Судебный процесс любой, особенно уголовный процесс в частности, содержит в себе элементы нападения (в том числе и противоправного) и самозащиты, в том числе с привлечением профессиональных защитников. Как защитить себя, если суд стороны в силу каких-то причин не слушает [8; 9].

7. Не разработана автором и такая корпоративная форма защиты, как уклонение определенного сообщества от вторжения в его тайны сотрудников различных спецслужб, осуществляющих ОРМ [6].

8. Автор практически ничего не пишет о таких формах самозащиты, как забастовка рабочих (служащих), демонстрация «рассерженных горожан», побег из колонии в случае незаконного осуждения, вооруженное восстание против угнетателей, захватчиков, самоопределение определенной части населения.

9. Общеизвестно, что нарушитель (даже «в погонах»), например, права на личную неприкосно-

венность личности, старается свои действия всячески скрыть, в том числе, и с помощью должностных инструкций. Тем самым, устанавливается жесткий запрет на самозащиту наших прав посредством фиксации окружающей действительности с помощью индивидуальных средств (что вижу и слышу сам, то и записываю). Наличие данного и подобных ему запретов, во-первых, препятствует защите прав потерпевших от произвола чиновников «в погонах», во-вторых, является источником противоречивой судебной практики [3].

10. Не пишет соискатель и про самозащиту от вторжения в прайвеси (privacy).

11. Интересно, как бы автор в рамках анонсированного им учения о самозащите истолковал социально-правовую (в первую, очередь, этическую) категорию: «Честь никому...», в плане того, каковы механизмы и пределы защиты чести?

12. Не раскрыт автором и такой отдельный аспект проблемы: от кого и как обороняться (самозащищаться)? Например: нами исследован алгоритм, в рамках которого по решению администрации СИЗО осужденный помещен в «пресхату», где его «очень аккуратно, но сильно» (ясное дело, что не на почве личной неприязни) истязает сокамерник. Истязуемый, улучив момент, убивает мучителя. Этим убийством жертва коллективного (администрация СИЗО + сотрудничающий с ней осужденный) нападения демонстрирует, что готова к самозащите. Пусть и не сразу, но суды были вынуждены признать, что истязаемый реализовал свое право на самооборону [4].

13. Исключительно важное практическое значение имели бы пояснения Ю.В. Зуевой относительно рекомендаций по формированию систем самозащиты в условиях современности. Напомним, что все существующие в мире подобные системы, свойственные их функционированию технологии — порождение эпохи индустриальной (века прошлого, а то и позапрошлого). Им просто нет места в постиндустриальном обществе. Им на смену идет (уже пришло) нечто новое, уже виртуальное. Смена систем мысли неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых системы самозащиты.

14. Автор не всегда уделяет достаточное внимание вопросам значимости инфраструктуры самозащиты, а равно среды, в которую соответствующие системы бывают погружены. Вместе с тем, именно несовершенство первой, а в ряде случаев не то, что ее

фрагментарность, но и ее полное отсутствие не позволяет обществу в полной мере задействовать заблаговременно созданные им «мощности» систем, ориентированных на самозащиту. Эмпирическим путем давным-давно доказано, что эффективность процесса самозащиты зависит не от качеств «чисто внутренней системной инфраструктуры», о которых так много и подробно пишет Ю.В. Зуева, а от уровня подготовки участников конфликта, понимания ими сути процесса правоохраны, знания его особенностей. В частности, например, суд — это, в первую очередь, не учреждение, а метод. Исследование проблемы именно в таком ракурсе позволяет сделать, на первый взгляд, ошеломляющий вывод: в суде первостепенное значение имеет не судья, а стороны, ибо невежество последних с легкостью «похоронит» самое совершенное процессуальное законодательство. В постсоветских обществах господствуют идеи иждивенчества, их члены замерли в ожидании, «когда придет барин и их рассудит». В таких случаях суд вырождается в одну из форм административного управления.

15. Делая правильный вывод о необходимости усовершенствования алгоритмов управления системами самозащиты, а равно их самоуправления, Ю. В. Зуева далеко не всегда четко отграничивает стратегический и тактический аспекты проблемы.

16. Хотелось бы также, чтобы автор не забывал, что система самозащиты — не более чем одна из частно-государственных подсистем, причем в их ряду далеко не самая важная. Вспомним, у государства не одна цель, а иерархия целей. Следовательно, эффективность работы системы (фактически подсистемы) самозащиты напрямую зависит от схемы сложения активностей всего ряда подсистем (прямые и непрямые стратегии). В этой связи от исследователя хотелось бы получить ответ: может ли быть эффективным функционирование системы самозащиты (социально-правовой подсистемы), если в конкретный исторический период времени не эффективна социально-государственная политика в целом.

17. Не удалось автору обозначить и четкую позицию относительно роли личности в организации управления системами самозащиты. Вместе с тем, господствующая в обществе идеология (его вера) — одна из основ эффективности функционирования любой системы, в том числе, и самозащиты.

18. Нет у Ю. В. Зуевой и четкого отграничения права и самоуправления (ст. 330 УК РФ), в то время

как следственная и судебная практика в этой части весьма противоречива.

В работе имеются и иные недостатки, однако они, как и приведенные выше замечания носят преимущественно дискуссионный характер и не влияют на положительную в целом оценку работы.

Учитывая вышеизложенное, есть все основания заключить, что работа Ю. В. Зуевой является актуальным, самостоятельно выполненным законченным научным исследованием монографического характера и отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Работа написана хорошим научным языком, содержание автореферата полностью соответствует диссертации, публикациям автора.

Работа Ю. В. Зуевой содержит теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное достижение в развитии теории государства и права. Содержащиеся в ней выводы и предложения способствуют решению научной проблемы, имеющей важное социально-политическое значение, а ее автор — заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки.

Список источников

1. Колоколов Н. А. Как быть с правом на самозащиту // Юридический вестник. 2000. № 18. С. 8–9.
2. Колоколов Н. А., Носова З. И. Самозащита прав в России иллюзия или реальность // Юридическая газета. 2000. № 39. С. 2, 15.
3. Колоколов Н. А. Стоит ли фиксировать незаконные действия полиции на видео // Уголовный процесс. 2019. № 5. С. 60–65.
4. Колоколов Н. А. Вынужденная самооборона в СИЗО. Кассационный суд пересмотрел фактические обстоятельства дела // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 84–89.
5. Колоколов Н. А. Право на необходимую оборону: практика Верховного Суда РФ // Российский правовой журнал. 2021. № 2 (7). С. 104–124.
6. Колоколов Н. А. Запрос оперативных органов МКАС. Предоставят ли суды данные о делах // Уголовный процесс. 2021. № 3. С. 58–62.
7. Колоколов Н. А. Право на необходимую оборону: практика Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2021. № 9. С. 50–59.

8 Колоколов Н. А. Причина судебных ошибок — нежелание своевременно и внимательно выслушать сторону защиты // *Мировой судья*. 2022. № 4. С. 5–14.

9. Колоколов Н. А. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговоры мировых судей: причины — формальный подход к оценке доказательств и нежелание внимательно выслушать сторону защиты // *Мировой судья*. 2022. № 7. С. 2–10.

10. Колоколов Н. А. Общие начала необходимой обороны. Ч. 1: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом — моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпции невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать) // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 3; 2022. № 4. С. 124–135.

References

1. Kolokolov N. A. How to be with the right to self-defense // *Legal Bulletin*. 2000. No. 18. P. 8–9.

2. Kolokolov N. A., Nosova Z. I. Self-defense of rights in Russia illusion or reality // *Yuridicheskaya gazeta*. 2000. No. 39. P. 2, 15.

3. Kolokolov N. A. Is it worth recording illegal police actions on video // *Criminal trial*. 2019. No. 5. P. 60–65.

4. Kolokolov N. A. Forced self-defense in a pre-trial detention center. The Cassation Court reviewed the fac-

tual circumstances of the case // *Criminal Proceedings*. 2020. No. 11. P. 84–89.

5. Kolokolov N. A. The right to necessary defense: the practice of the Supreme Court of the Russian Federation // *Russian Legal Journal*. 2021. No. 2 (7). P. 104–124.

6. Kolokolov N. A. Request of the operational bodies of the ICAC. Will the courts provide data on cases // *Criminal process*. 2021. No. 3. P. 58–62.

7. Kolokolov N. A. The right to necessary defense: the practice of the Supreme Court of the Russian Federation // *Criminal Process*. 2021. No. 9. P. 50–59.

8 Kolokolov N. A. The reason for judicial errors is the unwillingness to listen to the defense side in a timely and attentive manner // *Justice of the Peace*. 2022. No. 4. P. 5–14.

9. Kolokolov N. A. The Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation overturned the sentences of magistrates: the reasons are a formal approach to evaluating evidence and unwillingness to listen attentively to the defense side // *Justice of the Peace*. 2022. No. 7. P. 2–10.

10. Kolokolov N. A. General principles of necessary defense. Part 1: questions of theory, history and practice concerning the application of the norms of Castle Doctrine (my house is my fortress), Stand your ground (not obliged to run), Affirmative defense (presumption of innocence), Intruder culpability (a priori the attacker is guilty), Immunity from civil lawsuit (immunity from civil action), as well as the concept of Duty to retreat (must run) // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. № 3; 2022. № 4. P. 124–135.

Информация об авторе

Н. А. Колоколов — заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова (ИМПЭ), доктор юридических наук, почетный судья Верховного Суда РФ (в отставке).

Information about the author

N. A. Kolokolov — Head of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial-Investigative Activities of the Moscow University named after A. S. Griboyedov (IMPE), Doctor of Legal Sciences, Honorary Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (retired).

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 07.10.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 07.10.2022.

Научная статья

УДК 34.037

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-168-173>

НИОН: 2003-0059-5/22-437

MOSURED: 77/27-003-2022-05-636

Понятие и содержание права на проведение публичных мероприятий в Российской Федерации

Алексей Олегович Костылев¹, Александр Леонидович Вострокнутов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kostylev.alex@yandex.ru

² al_vostroknutov@mail.ru

Аннотация. Анализируется правовое регулирование реализации прав граждан на проведение и участие в публичных мероприятиях в Российской Федерации; выявлены проблемы, которые возникают при их реализации. Изучаются проблемы теоретического характера, раскрываются понятие и содержание исследуемого правового регулирования; отмечаются пробелы, дается анализ нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере; проблемы практического характера раскрываются на конкретных примерах, отмечаются действия органов власти, направленные на ограничение изучаемого права.

Ключевые слова: публичные мероприятия, свобода мирных собраний, ограничение прав, протесты, конституционные права

Для цитирования: Костылев А. О., Вострокнутов А. Л. Понятие и содержание права на проведение публичных мероприятий в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 168–173. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-168-173>.

Original article

The concept and content of the right to hold public events in the Russian Federation

Alexey O. Kostylev¹, Alexander L. Vostroknutov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

¹ kostylev.alex@yandex.ru

² al_vostroknutov@mail.ru

Abstract. The legal regulation of the implementation of citizens' rights to conduct and participate in public events in the Russian Federation is analyzed; the problems that arise during their implementation are identified. The problems of a theoretical nature are studied, the concept and content of the legal regulation under study are revealed; gaps are noted, an analysis of the regulatory framework in the area under consideration is given; practical problems are revealed by concrete examples, actions of authorities aimed at limiting the studied law are noted.

Keywords: public events, freedom of peaceful Assembly, restriction of rights, protests, constitutional rights

For citation: Kostylev A. O., Vostroknutov A. L. The concept and content of the right to hold public events in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):168–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-168-173>.

В настоящее время в ст. 31 Конституции РФ установлено: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» [9]. Но на сегодняшний день в российском законодательстве и юридической литературе нет ни общего легального определения права проведения мирных собраний, ни единого подхода к тому, как называть это право личности [1, с. 69].

Право граждан на проведение публичных мероприятий может рассматриваться как «право собраний и свобода манифестаций» [2, с. 238]. Право

собраний является одним из основных прав, реализуя которое граждане могут собираться как в закрытых помещениях, так и на улицах города. Свобода манифестаций — представляет собой одну из основных конституционных политических свобод [1, с. 69]. Она являет возможность проведения демонстраций, шествий, митингов, пикетов и осуществления любых других выступлений под открытым небом.

Российское законодательство о свободе проведения публичных мероприятий является относительно молодым, поскольку 10 лет с момента принятия Конституции РФ не было самостоятельного закона, рег-

© Костылев А. О., Вострокнутов А. Л., 2022

ламентирующего данный вопрос. Только в 2004 г. был принят Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее — Федеральный закон № 54-ФЗ); в последующем он подвергался изменениям, коренные из которых произошли с 2012 по 2014 гг., в связи с громким «Болотным делом». Позже субъекты РФ, используя за основу Федеральное законодательство, начали принимать и региональные законы, регламентирующие проведение публичных мероприятий.

Согласно ст. 2 упомянутого ФЗ «публичное мероприятие — открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств» [10].

Его целью служит «свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной власти, депутата представительного органа муниципального образования с избирателями» [10], что закреплено в ст. 2 Федерального закона № 54-ФЗ.

Исследователь В. В. Ларин отмечает: «публичное мероприятие — это организованное действие (совокупность действий или явлений социальной жизни) с участием больших масс людей, совершающееся в интересах трудящихся с целью удовлетворения их политических, духовных, физических и других потребностей, являющееся формой реализации их прав и свобод, а также формой социального общения между людьми и способом выработки единства установок личности, коллектива, общества в целом» [6, с. 54]. Он справедливо подчеркнул черты данного явления, которые позволяют отграничить его от других. Из этого логично предположить, что массовое мероприятие всегда является публичным.

А. В. Саленко отмечает, что юный характер законодательства о свободе мирных собраний обуславливает его подверженность детским болезням [8].

Например, возникают трудности с юридической терминологией. Анализируя практику, можно заметить, что правоприменителям зачастую непросто

разграничить выделяемые Конституцией РФ и Федеральным законом пять форм реализации прав на проведение публичных мероприятий:

♦ собрание — «совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов» [10];

♦ митинг — «массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера» [10];

♦ демонстрация — «организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения, в том числе на транспортных средствах, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации» [10];

♦ шествие — «массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам» [10];

♦ пикетирование — «форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации, а также быстровозводимые сборно-разборные конструкции» [10].

К тому же, со временем стали появляться новые формы, еще не прописанные в законе, как то: массовые пробежки, автопробеги, флешмобы, палаточные лагеря, наномитинги и другие сочетания форм проведения публичных мероприятий, к которым сложно применять формулировки Федерального закона № 54-ФЗ. В связи с этим, в юридической среде ведутся споры, нужно ли дополнять Федеральный закон данными понятиями или же необходимо лишь подвергнуть закон расширительному толкованию по вопросу распространения понятий публичного мероприятия на любые формы публичной активности граждан.

Для развития форм участия граждан в публичных мероприятиях необходимо детальное изучение и конкретизация понятийно-терминологического аппарата.

Основываясь на Руководящих принципах по свободе мирных собраний, можно привести определение собраний: «это право людей намеренно и временно присутствовать в общественном месте с целью выражения общих интересов» [11]. Совет по правам человека Организация Объединенных Наций

уточняет, что это право — один из важных компонентов демократического общества, так как позволяет «выражать свои политические взгляды» [12] и «является инструментом, позволяющим обеспечить диалог, плюрализм, терпимость и широту взглядов в рамках уважения неразделяемых большинством или отличных от общепринятых мнений или убеждений» [13]. Гражданские, социальные, политические и культурные права реализуются, в том числе, благодаря свободе собраний. При этом имеется презумпция мирного собрания, т. е., которое не несет в себе насилия и общественного беспорядка.

Сущность права на проведение публичных мероприятий состоит в том, что его институт развивается на соприкосновении политических и естественных прав человека и гражданина. Как известно, естественное право имеется у индивида с рождения и не зависит от законодательной урегулированности и способа использования: индивидуально или коллективно.

Политическое же право рассматривает свободу проведения публичных мероприятий как одно из средств выражения демократии в государстве, для осуществления общественного контроля над властью и управления делами государства и общества.

Создание в РФ современного, эффективного государства невозможно без диалога государства и общества, «при их стремлении к взаимопониманию и поиску точек соприкосновения в решении всех общественных проблем» [4, с. 100]. Поэтому участие граждан является опосредованным: позволяет лишь выявлять и обсуждать проблемы, возникающие в государстве, побуждать органы государственной власти и местного самоуправления для принятия соответствующих решений. Однако даже такие опосредованные методы выражения народом своей власти создают реальные условия для укрепления связей между гражданами и государством, человеком и обществом [6, с. 134].

То, что это право является политическим, признает большинство исследователей, но есть и другое мнение: А. О. Иванов считает, что право собраний имеет дуалистический характер: «Оно предоставляет возможность субъекту права использовать его как в политических, так и в неполитических интересах...» [5, с. 33]. С. Ю. Колмаков пишет: «Дуалистичность свободы собраний заключается в том, что это право гарантирует не только публичные мероприятия с политическими целями, но и собрания людей с иными целями, не связанными с выдвижением».

Конституционный суд РФ также занимался рассмотрением данного вопроса в связи с распростране-

нием требований Федерального закона № 54-ФЗ на проведение религиозных мероприятий и встреч депутатов с избирателями. В 2016 г. Уполномоченный по правам человека обращался в Конституционный суд РФ с оспариванием привлечения к административной ответственности за проведение религиозного мероприятия в здании без соблюдения процедуры организации публичных мероприятий, в соответствии с законом. Утверждал, что проведение религиозных публичных мероприятий в порядке, установленном данным законом, нарушает ст. 31 Конституции РФ. Но Суд постановил, что «распространение на проведение таких публичных религиозных мероприятий правового регулирования порядка проведения митингов, шествий и демонстраций (а не собраний и одиночных пикетов) — поскольку оно направлено на достижение баланса конституционно-защищаемых прав и свобод верующих, принимающих участие в публичном религиозном мероприятии, и граждан, которые по каким-либо причинам не желают его проведения в данном, специально не предназначенном для этого месте, т. е. на защиту как самих участников мероприятия, так и иных лиц, — не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод граждан, а установление обязанности уведомления органов публичной власти об их проведении, как и ответственности за ненадлежащее исполнение данной обязанности — как чрезмерное вмешательство государства в дела религиозных организаций» [14].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что Конституционный суд, применяя законодательство о публичных мероприятиях к общественной жизни, которая не связана с выражением гражданами мнения по важным для общества политическим, экономическим, социальным и другим вопросам, признает право, установленное ст. 31 Конституции РФ, дуалистическим. Аналогичная позиция имеется и у Европейского суда по правам человека, в которой указано, что ст. 11 Конвенции о защите прав и свобод человека защищает не только собрания с политическими целями, но и любые иные собрания людей.

Но все-таки распространение всего законодательства о публичных мероприятиях, имеющих политические цели, на любые собрания будет неправильным.

В 2017 г. по делу о проверке положений Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» Конституционным судом была рассмотрена жалоба депутатов

Государственной Думы РФ, считавших неконституционным регулирование встреч депутатов с избирателями посредством законодательства о публичных мероприятиях. Судом было указано на различие публичных мероприятий с политическими целями и встреч депутатов с избирателями, которые имеют цель непосредственного управления делами государства гражданами. Суд отметил, что «встречи депутатов с избирателями не отождествляются с публичными мероприятиями, которые признаются лишь как возможная форма их проведения» [15].

Резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу, что Конституционный суд подтвердил, что Федеральный закон № 54-ФЗ не всегда может применяться для регулирования общественных отношений, которые не являются политическими по содержанию. Но в то же время, для данного вида отношений не имеется законодательной базы.

На постсоветском пространстве, во многих государствах, закрепляется дуалистическое понимание публичных мероприятий. К примеру, постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 29 июля 2014 г. № 205 «О мерах по дальнейшему совершенствованию порядка организации и проведения массовых мероприятий» [16] не распространяется на проведение собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Дуалистическое понимание свободы собраний получило отражение и в законодательстве Беларуси. Ст. 35 Конституции Республики Беларусь гласит: «Свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь, гарантируется государством» [17], т. е. декларирует лишь свободу политических мероприятий, а Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2014 г. № 114-З «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» закрепляет и свободу неполитических массовых мероприятий, приравнивая их к политическим.

Представляется возможным принятие и в российском законодательстве подобного по содержанию нормативного правового акта; также необходимо уточнение преамбулы Федерального закона № 54-ФЗ, а именно в части установления положений о том, что он направлен непосредственно на реализацию политических публичных мероприятий.

Значение права на проведение публичных мероприятий в целом раскрывается через следующие особенности:

«1) возможность быстрой организации и проведения публичного мероприятия, что позволяет об-

ществу своевременно реагировать на социальные или политические проблемы;

2) реагирование государства на публичные мероприятия и выдвигаемые требования;

3) наличие реакции общественных институтов и, в первую очередь, СМИ и общественных организаций различного профиля, на публичные мероприятия;

4) повышенное внимание общества в целом к подобным событиям» [7].

Значение данного права обществом ценится очень высоко, что можно отследить по статистике: за последние 10 лет (с 2010 по 2019 гг.) по данным организаторов в одной лишь Москве количество участников крупнейших политических акций достигает 320 тыс. человек, а по данным МВД России значительно меньше — 115 тыс. Данная статистика собрана телеканалом Дождь, «в расчетах использовались данные «Белого счетчика», МВД России, «ОВД-Инфо», «Левада-центра» и статистика Мосгорсуда» [3].

Если рассматривать статистику в Российской Федерации, то по данным МВД России в 2020 г. в стране зарегистрировано проведение 32 064 публичных мероприятия с числом участников 372 133 человека [18].

Участниками публичного мероприятия, «признаются граждане, члены политических партий, члены и участники других общественных объединений и религиозных объединений, добровольно участвующие в нем» [10].

При проведении публичного мероприятия свою позицию выражают через выдвижение требований, являющих собой реакцию общества на имеющиеся проблемы социальной несправедливости и т. д.

Таким образом, проанализировав понятие, содержание права на проведение публичных мероприятий и его дуалистичность, становятся ясными важность и востребованность такого способа реакции обществом на политические и социальные проблемы.

Список источников

1. Антонова Л. Б., Каширина Ю. П. Право граждан на проведение публичных мероприятий: понятие, содержание и перспективы правового регулирования // Территория науки. 2013. № 5. С. 69.
2. Баглай М. В. Конституционное право РФ: учебник для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007.
3. Варум Р., Чикнаева В. 10 лет протестов в цифрах. Как изменилась уличная активность и ее поддержка в обществе // URL://https://tvrain.ru/teleshov/notes/10_let_protestov_v_tsifrah_kak_izmenilas_ulichnaja_aktivnost_i_ee_podderzhka_v_obschestve-492228/

4. Глебов А. Н. Российский конституционализм и гражданское общество в контексте модернизации // Юридическая научно-практическая конференция на тему «20 лет Конституции России институты правового государства, гражданское общество и ответственность органов государственной власти». Курган, 2013.

5. Иванов А. О. Пределы ограничения права на публичные мероприятия в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.

6. Ларин В. В. Понятие административно-правовой охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Теория и практика совершенствования охраны общественного порядка. М., 1985.

7. Питько Т. В. Право на публичные мероприятия как способ реагирования на общественные и политические проблемы // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: мат. ежегодной междунар. науч. конф. памяти Феликса Михайловича Рудинского. 2015. С. 248.

8. Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 120.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

10. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 11 октября 2018 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/

11. Руководящие принципы по свободе мирных собраний 2011 г. // URL://<http://www.osce.org/ru/odihr/83237?download=true>.

12. Резолюция ООН 15/21 A/HRC/RES/15/21 «Право на свободу мирных собраний и право на ассоциацию» // URL://http://mhg-monitoring.org/sites/default/files/files/rezolyuciya_coveta_po_pravam_cheloveka_oopn.pdf.

13. Доклад Специального докладчика по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на свободу ассоциации Майна Кайя A/HRC/20/27. от 21 мая 2012 г. // URL://http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session20/A-HRC-20-27_ru.pdf.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и п. 5 ст. 19 Закона Республики Та-

тарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 19 дек.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2017 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 4259.

16. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 29 июля 2014 г. № 205 «О мерах по дальнейшему совершенствованию порядка организации и проведения массовых мероприятий».

17. Конституция Республики Беларусь (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // URL://<http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

18. Сводный отчет по России о состоянии оперативной обстановки в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. Выдано с ЭВМ 1 экз., дата выдачи 18 января 2021 г., исх. № 34/4/1-16.

References

1. Antonova L. B., Kashirina Yu. P. The right of citizens to hold public events: the concept, content and prospects of legal regulation // The territory of science. 2013. No. 5. P. 69.

2. Baglay M. V. Constitutional law of the RF: textbook for universities. 6th ed., ed. and add. M., 2007.

3. Varum R., Chiknaeva V. 10 years of protests in numbers. How street activity and its support in society have changed // URL://https://tvrain.ru/teleshov/notes/10_let_protestov_v_tsifrah_kak_izmenilas_ulichnaja_aktivnost_i_ee_podderzhka_v_obschestve-492228/

4. Glebov A. N. Russian constitutionalism and civil society in the context of modernization // Legal scientific and practical conference on the topic «20 years of the Constitution of Russia institutions of the rule of law, civil society and responsibility of public authorities». Kurgan, 2013.

5. Ivanov A. O. Limits of restriction of the right to public events in the Russian Federation: diss. ... cand. jurid. Nauk. SPb., 2015.

6. Larin V. V. The concept of administrative and legal protection of public order during mass events // Theory and practice of improving the protection of public order. M., 1985.

7. Pytko T. V. The right to public events as a way of responding to social and political problems // Human and citizen rights and freedoms: theoretical aspects and legal practice: mat. annual international scientific conference in memory of Felix Mikhailovich Rudinsky. 2015. P. 248.

8. Salenko A. V. Freedom of peaceful assembly in the Russian Federation: several theses on topical issues // Journal of Russian Law. 2018. No. 1 (253). P. 120.

9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // SZ RF. 2014. No. 31. St. 4398.

10. Federal Law of June 19, 2004 No. 54-FZ (ed. of October 11, 2018) «About meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/

11. Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly 2011 // URL://<http://www.osce.org/ru/odih/83237?download=true>.

12. UN Resolution 15/21 A/HRC/RES/15/21 «The right to freedom of peaceful assembly and the right to association» // URL://http://mhg-monitoring.org/sites/default/files/files/rezolyuciya_coveta_po_pravam_che-loveka_oon.pdf.

13. Report of the Special Rapporteur on the right to freedom of peaceful assembly and the right to freedom of association, Maina Kaya A/HRC/20/27. dated May 21, 2012 // URL://http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session20/A-HRC-20-27_ru.pdf.

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P dated December 5, 2012

«On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» and paragraph 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2012. 19 Dec.

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 10, 2017 No. 27-P «On the case of checking the constitutionality of the Provisions of the Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the improvement of Legislation on public Events» in connection with the request of a group of deputies of the State Duma» // SZ RF. 2014. No. 8. Art. 4259.

16. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated July 29, 2014 No. 205 «On measures to further improve the procedure for organizing and holding mass events».

17. The Constitution of the Republic of Belarus (with amendments and additions adopted at the republican referendums of November 24, 1996 and October 17, 2004) // URL://<http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

18. Summary report on Russia on the state of the operational situation in the Russian Federation for January–December 2020 Issued from a computer 1 copy, date of issue January 18, 2021, ex. № 34/4/1-16.

Информация об авторах

А. О. Костылев — доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. Л. Вострокнутов — старший научный сотрудник кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат технических наук.

Information about the authors

A. O. Kostylev — Associate Professor of the Department of Internal Affairs in Special Conditions of the educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. L. Vostroknutov — Senior Researcher of the Department of Internal Affairs in Special Conditions of the educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Technical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022. The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-174-179>

НИОН: 2003-0059-5/22-438

MOSURED: 77/27-003-2022-05-637

Виды манипулирования юридическими целями и средствами в правовом регулировании

Михаил Алексеевич Куликов

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Аннотация. Исследуются виды манипулирования юридическими целями и средствами в правовом регулировании — новой и недостаточно исследованной категории юриспруденции. Предлагается авторская дефиниция манипулирования юридическими целями и средствами, а также обосновывается ряд классификационных оснований, которые могут быть положены в основу выделения разновидностей рассматриваемой формы правомерного поведения.

Ключевые слова: манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, правовое регулирование, право, интерес, публичная власть

Для цитирования: Куликов М. А. Виды манипулирования юридическими целями и средствами в правовом регулировании // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 174–179. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-174-179>.

Original article

Types of manipulation of legal goals and means in legal regulation

Mikhail A. Kulikov

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Abstract. The types of manipulation of legal goals and means in legal regulation — a new and insufficiently researched category of jurisprudence — are investigated. The author's definition of manipulation of legal goals and means is proposed, and a number of classification grounds that can be used as the basis for the identification of varieties of the considered form of lawful behavior are substantiated.

Keywords: manipulation, legal goal, legal means, legal regulation, law, interest, public authority

For citation: Kulikov M. A. Types of manipulation of legal goals and means in legal regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):174–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-174-179>.

Социальная обусловленность манипулирования юридическими целями и средствами [15, с. 30; 8, с. 170], равно как и его атрибутивность правовому регулированию общественных отношений, объясняет гетерогенную природу данной формы манипулирования, многообразие ее видов и полисубъектный состав участников.

Предлагаем исходить из того, что *манипулирование юридическими целями и средствами* — это осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или использовании юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Анализ разновидностей манипулирования целями и средствами в правовом регулировании поз-

волит не только глубже изучить природу указанной формы правомерного поведения, но также и ее роль в правовой жизни современного общества.

Предлагаем выделять следующие разновидности манипулирования юридическими целями и средствами.

В зависимости от субъекта манипулятивного воздействия, манипулирование юридическими целями и средствами может осуществляться следующими участниками правоотношений:

а) *органами публичной власти* — как органами государственной власти федерального и регионального уровней, так и органами местного самоуправления. Данный вид манипулирования юридическими целями и средствами является весьма распространенным в силу того, что властные органы выступают, по сути, основными участниками правового регулирования общественных отношений, используя для этого

© Куликов М. А., 2022

правотворческие, правоприменительные, правоинтерпретационные и иные средства. Именно органы публичной власти в целях повышения эффективности управленческого процесса используют манипулятивные технологии претворения в жизнь значительного количества решений, что привело к возникновению достаточно категоричной, но вполне обоснованной концепции о том, что властные элиты не могут существовать без использования развитого механизма манипулирования, а сама публичная власть и есть не что иное, как реализация манипулятивных технологий в целях осуществления требуемого контроля за поведением объекта управления [9, с. 15].

Органы публичной власти используют технологии манипулирования юридическими целями и средствами как для непосредственной координации общественных отношений, так и для оптимизации взаимодействия внутри самой системы публичной власти;

б) *иными участниками правоотношений, не наделенными властными функциями.* Манипулирование юридическими целями и средствами может осуществляться не только в процессе правотворческой, правоприменительной, либо правоинтерпретационной деятельности, но и посредством всех форм реализации права, когда деятельность субъекта правоотношения направлена на такое использование юридических целей и средств, при котором его контрагенты добровольно принимают решения, им запланированные, вопреки своим истинным потребностям и интересам. Несмотря на то, что обозначенные выше участники правоотношений не являются органами публичной власти и изначально не наделены властными полномочиями в отношении неопределенного круга лиц, это не нивелирует тот факт, что манипулирование (юридическими целями и средствами в том числе) является разновидностью управленческой деятельности. В данном случае управление проявляется в субъектно-объектных отношениях, возникающих между участниками правоотношений (субъектами правореализационной деятельности) при манипулятивном воздействии одной стороны на другую вне зависимости от их формального правового статуса.

В зависимости от сферы юридической практики, в которой осуществляется манипулирование юридическими целями и средствами, оно может быть классифицировано на следующие виды;

а) *манипулирование юридическими целями и средствами в сфере правотворчества,* что предпола-

гает различные формы правомерной активности его субъектов. Данная разновидность манипулирования может заключаться как в конструировании и формальном закреплении манипулятивных целей, так и в создании соответствующих средств-инструментов (нормативно-правовых актов, отдельных юридических норм, субъективных прав, юридических обязанностей, определенных льгот, гарантий, запретов, штрафов и т. д.). Таким образом, манипулятивные цели и средства могут выступать результатом правотворчества.

Помимо сказанного, в процессе самой правотворческой деятельности ее субъекты могут использовать уже существующие юридические цели и средства (как средства-инструменты, так и средства-действия) ради реализации собственных интересов за счет и в ущерб законным интересам всех иных участников правоотношений [7, с. 3]. Сказанное особенно часто имеет место при осуществлении правотворческого лоббирования, когда узкогрупповые интересы «пробивают себе дорогу» в законодательство в ущерб интересам большинства [14, с. 30];

Нельзя не отметить и тот факт, что неясность, неопределенность и, в отдельных случаях, неграмотность правотворческих конструкций сама по себе может быть использована в манипулятивных целях [12, с. 50], в обход закона [1, с. 30].

б) *манипулирование юридическими целями и средствами в правореализационном процессе.* Следует подчеркнуть, что манипулирование юридическими целями и средствами может осуществляться в процессе всех форм реализации права: соблюдения, исполнения, использования и применения.

К примеру, соблюдение установленных запретов, равно как и исполнение соответствующих обязанностей также может выступать как *объектом* манипулирования юридическими целями и средствами, так и его *формой*;

в) *манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе,* которое заключается в искажении или неверном, субъективном толковании смысла действующих правовых предписаний, осуществляемом в целях соответствующей координации поведения объекта манипулятивного воздействия в интересах его субъекта. Однако, следует подчеркнуть, что данная разновидность манипулирования юридическими целями и средствами не имеет ничего общего с мотивированием участников общественных отношений на совершение противоправных действий.

Значимость эффективного правоинтерпретационного процесса в современном обществе трудно переоценить. Грамотное установление как смысла, так и духа правовой нормы позволяет оптимизировать правовое регулирование, не допустить применение нормативно-правовых актов не в соответствии с волей субъекта правотворчества. Вместе с тем, весьма злободневно звучит тезис о том, что «выявление целей действующих правовых норм отнюдь не означает, что эти цели были сознательно поставлены разработчиками нормативно-правового акта ... на всех этапах его разработки» [6, с. 90].

Таким образом, использование формально-догматического подхода к толкованию правовых норм еще не гарантирует выявления *истинных причин принятия данной нормы*, равно как и ее адекватное применение в сложившихся конкретно-исторических условиях.

В зависимости от сферы правового регулирования общественных отношений, манипулирование юридическими целями и средствами может осуществляться в самых разных сферах общественной жизни: *социальной, политической, финансово-экономической, экологической*, в сфере *здравоохранения, образования и науки, национальной безопасности, пенсионного обеспечения, патриотического воспитания* и др.

В силу того, что манипулирование юридическими целями и средствами атрибутивно правовому регулированию общественных отношений, оно «проникает» во все те сферы, которые и подвержены правовой регламентации.

В зависимости от уровня осуществления манипулирование юридическими целями и средствами может подразделяться на следующие виды:

а) *манипулирование юридическими целями и средствами на международном уровне*. Полагаем, что данная форма манипулятивного воздействия в настоящее время является одной из самых распространенных и опасных по своим последствиям. К числу причин, способствующих развитию данной формы манипулирования, можно отнести: развитие информационно-коммуникационных технологий; желание отдельных государств (и, прежде всего, коллективного Запада) переписать историю, изменить восприятие мира в сознании многомиллионного населения своих граждан; стремление так называемых «развитых государств» захватить новые рынки сбыта и продолжать экономическую, культурную, образовательную и другие виды экспансий, прикрываясь нормами

международного права и некими «цивилизационными», «общечеловеческими» ценностями и др.

Желание коллективного Запада доминировать на международной арене, диктовать свои «правила игры» и навязывать выгодную только ему международную политическую повестку всем странам мира, быть единственным арбитром в том, что является добром или злом, допустимым или неприемлемым не только в международных отношениях, но и во внутренних делах суверенных государств подкрепляется, что сегодня особенно очевидно, манипулированием *именно юридическими целями и средствами*.

В отмеченной связи Президент России В. В. Путин прямо говорит о неприкрытых *манипуляциях Запада международным правом*, подчеркивая, что западные страны «под разными предлогами, в том числе с целью обеспечить собственную безопасность», действуют «за тысячи километров» от своей территории, и «когда им мешает международное право и устав ООН, объявляют это все устаревшим, ненужным. А когда соответствует что-то их интересам, сразу ссылаются на нормы международного права, на устав ООН, на гуманитарные права международные и т. д. Эти *манипуляции* (выделено авт. — М.К.) надоели»;

б) *манипулирование юридическими целями и средствами на федеральном и региональном уровнях государственной власти*, а также на уровне *местного самоуправления*, что проявляется не только в формулировании манипулятивных целей и создании требуемых органам публичной власти средств-установлений, но и в использовании уже существующих юридических целей и средств-установлений ради реализации своих интересов за счет требуемого поведения объекта управления, что выражается в активном использовании также и средств-деяний;

в) *манипулирование юридическими целями и средствами, осуществляемое на локальном (корпоративном) уровне*. Данное манипулирование может выражаться в самых разнообразных правомерных действиях, связанных, например, с определенным способом размещения привилегированных акций для топ-менеджмента компаний; переводом сотрудников на так называемые «зарплатные проекты», реализуемые по договоренности с определенным банком; воздействием на потребительские интересы и предпочтения при организации сетевого бизнеса, осуществления слияния и поглощения компаний; проведением обучения или повышения квалификации сотрудников

за счет компании с последующим обязательством проработать на соответствующей позиции в течение определенного срока и т. д.;

г) *манипулирование юридическими целями и средствами, осуществляемое всеми иными участниками правореализационной деятельности.* К данному виду манипулирования относится реализация правомерных стремлений физическими и юридическими лицами в рамках соблюдения, исполнения и использования норм права.

В зависимости от характера решаемых задач манипулирование юридическими целями и средствами может иметь *стратегический или тактический характер.* Примером манипулирования юридическими целями и средствами, носящим стратегический характер может выступить использование международного права в интересах Запада ради сохранения доминирующего положения в системе международных отношений, легализация проводимого политического курса, создание необходимых правовых основ для введения масштабных антироссийских санкций и т. д. *Тактическое манипулирование юридическими целями и средствами осуществляется ради достижения конкретной управленческой задачи и, как правило, носит кратковременный характер.* Примерами подобного манипулирования может выступить «удержание» ценного сотрудника от перехода в другую компанию посредством каких-либо изменений в трудовом договоре, оплата фитнес клуба работникам, вместо более существенного повышения их заработной платы и т. д.

В зависимости от характера последствий манипулирование юридическими целями и средствами может иметь *краткосрочный или долгосрочный (длящийся) характер.* Так, если субъект манипулятивного воздействия заинтересован в конкретном, однократном действии объекта манипуляции (получение добровольного согласия на увольнение, оплату навязываемых услуг и т. д.), то можно говорить о краткосрочном характере манипуляции, если же речь идет, к примеру, о подписании долгосрочного договора на условиях, негативные последствия которых объект манипулятивного воздействия не осознает, то налицо долгосрочный (длящийся) характер манипулирования.

В зависимости от отраслевой принадлежности юридических целей и средств, которыми осуществляется манипулирование, оно может быть классифицировано на манипулирование юридическими

целями и средствами в *конституционном, уголовном* [4, с. 100–120; 5, с. 25], *гражданском, семейном, трудовом, финансовом праве и других отраслях.*

В зависимости от характера (степени сложности) юридических целей и средств, манипулирование может осуществляться как *отдельными юридическими целями и средствами,* так и их *комплексом, совокупностью* или даже *правовыми режимами.*

Так, использование определенных льгот или поощрений как отдельных средств-инструментов (установлений) для нужной субъекту манипулятивного воздействия координации поведения объекта управления может рассматриваться как манипулирование отдельно взятым юридическим средством. Манипулирование же правовыми режимами представляется гораздо более эффективным и интересным случаем манипулирования юридическими целями и средствами. Современный этап правового регулирования общественных отношений предполагает использование различных видов правовых режимов. Так, в фокусе научных исследований оказываются различные экспериментальные [2] и административно-правовые [13, с. 8] режимы, правовые режимы антиконкурентных действий [3], виртуального имущества [16, с. 35], цифровых технологий [11] и даже стейблкоинов [10].

В силу сказанного считаем, что манипулирование юридическими целями и средствами может осуществляться (и осуществляется) посредством как создания, так и использования различных правовых режимов, что особенно актуально при осуществлении правового регулирования новыми общественными институтами и процессами.

Если говорить более предметно о классификации манипулирования юридическими целями, то в **зависимости от вида юридической цели,** манипулирование ими может осуществляться следующими двумя основными способами.

1. *Посредством создания манипулятивной цели,* т. е. такой цели, которая изначально формулируется исходя из интересов субъекта манипулятивного воздействия и направлена на достижение требуемого результата посредством соответствующего поведения объекта управления. К подобным целям можно отнести закрепление в правовых актах США и Евросоюза образа России как врага, агрессора, страны с нереализованными империалистическими амбициями и т. д. Манипулятивный характер данных целей заключается в том, что они формируют и провоцируют соответствующее негативное отношение к Рос-

сии населения коллективного Запада, которое не отдает себе отчета в масштабах искажения действительности и истинных намерениях субъектов подобных манипуляций. Веря, что единственным источником всех бед является именно Россия, многомиллионное население отвлекается от действительно насущных проблем и продолжает поддерживать навязанную агрессивную политику, действуя в ущерб своим интересам.

2. Посредством *использования уже существующих юридических целей* в интересах субъекта манипулятивного воздействия. В данном контексте можно говорить о том, что юридические цели становятся *средством* достижения целей субъекта управления. Так, благая и социально-обусловленная цель охраны и защиты национальной безопасности может использоваться как средство для введения цензуры, оправдания ограничения отдельных прав и свобод граждан и т. д.

В зависимости от вида используемых юридических средств, манипулирование ими может быть классифицировано на *манипулирование средствами-установлениями* (создание в манипулятивных целях соответствующих нормативно-правовых актов, дозволений, запретов, льгот, привилегий и т. д.) и *манипулирование средствами-деяниями* (использование существующих дозволений, соблюдение установленных запретов, осуществление правоприменительной деятельности, интерпретация права и т. д.).

Обобщая сказанное, можно *заключить*, что манипулирование целями и средствами в правовом регулировании осуществляется на различных уровнях публичной власти, субъектами правотворческого, право-реализационного и правоинтерпретационного процессов в различных сферах общественной жизни с использованием как отдельных юридических целей и средств, так и их совокупности (правовых режимов).

Любой из перечисленных видов манипулирования юридическими целями и средствами направлен на удовлетворение интересов субъекта манипулятивного воздействия в ущерб определенным интересам его объекта. Изложенное, с одной стороны, позволяет относить манипулирование юридическими целями и средствами к явлениям нежелательным, снижающим потенциал и эффективность механизма правового регулирования, с другой, — говорит об *имманентности* манипулирования практически любой форме воздействия на интересы участников правоотношений, к которой правовое регулирование имеет самое непосредственное отношение.

Изложенные выше тезисы призваны актуализировать необходимость научного исследования манипулирования юридическими целями и средствами как особого правового явления, получившего широкое распространение в современном обществе.

Список источников

1. Баранов В. М. Обход закона: сущность и проблемы противодействия // Противодействие злоупотреблению правом. Н. Новгород, 2019.
2. Будакова Н. И. Регулирование правоотношений при реализации экспериментального правового режима // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 1. С. 27–37.
3. Егорова М. А. Правовые режимы антиконкурентных действий. М. : Юстицинформ, 2021.
4. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения. М., 2017.
5. Ендольцева А. В. Классификация обстоятельств, позволяющих не привлекать лицо к уголовной ответственности // Уголовное право. 2003. № 3. С. 24–26.
6. Зыков С. В. Телеологическое толкование категории «исключительное право» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4.
7. Малько А. В., Субочев В. В. Законный интерес и юридическая обязанность: актуальные вопросы соотношения // История государства и права. 2004. № 5. С. 2–5.
8. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. № 1. С. 163–180.
9. Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Апольский Е. А. Стратегия властных отношений в «доцифровом» формате политического манипулирования // Право и практика. 2021. № 4. С. 13–20.
10. Новоселова Л. А., Медведева Т. М. О формировании правового режима стейблкоинов // Банковское право. 2021. № 6. С. 7–14.
11. Пересыпкина Е. И. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых технологий // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. 2020. № 5. С. 54–64.
12. Соболева А. К. Законодательная дефиниция как средство манипулирования: недемократические ограничения прав человека в законотворческой и правоприменительной практике // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 46–53.

13. Старостин С. А. Классификация административно-правовых режимов // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020. № 11. С. 3–10.

14. Субочев В. В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // *Право и управление*. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 28–36.

15. Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2019. № 34. С. 29–43.

16. Четвергов Д. С. Правовой режим виртуально-го имущества // *Право и бизнес*. 2021. № 3. С. 33–39.

References

1. Baranov V. M. Circumvention of the law: the essence and problems of counteraction // *Countering abuse of law*. N. Novgorod, 2019.

2. Budakova N. I. Regulation of legal relations in the implementation of the experimental legal regime // *Communication services: accounting and taxation*. 2021. No. 1. P. 27–37.

3. Egorova M. A. Legal regimes of anticompetitive actions. M.: Justicinform, 2021.

4. Endoltseva A. V. Institute of Exemption from Criminal Liability. Problems and ways to solve them. M., 2017.

5. Endoltseva A. V. Classification of circumstances that allow not to bring a person to criminal responsibility // *Criminal law*. 2003. No. 3. P. 24–26.

6. Zykov S. V. Teleological interpretation of the category «exclusive right» // *Actual problems of Russian law*. 2021. No. 4.

7. Malko A. V., Subochev V. V. Legitimate interest and legal obligation: topical issues of correlation // *History of the state and law*. 2004. No. 5. P. 2–5.

8. Malko A. V., Subochev V. V. Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and scientific category // *Psychology and Law*. 2021. No. 1. P. 163–180.

9. Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu., Apolsky E. A. Strategy of power relations in the «pre-digital» format of political manipulation // *Law and practice*. 2021. No. 4. P. 13–20.

10. Novoselova L. A., Medvedeva T. M. On the formation of the legal regime of stablecoins // *Banking Law*. 2021. No. 6. P. 7–14.

11. Peresyapkina E. I. Experimental legal regimes in the field of digital technologies // *Communication services: accounting and taxation*. 2020. No. 5. P. 54–64.

12. Soboleva A. K. Legislative definition as a means of manipulation: undemocratic restrictions on human rights in lawmaking and law enforcement practice // *Legal technique*. 2014. No. 8. P. 46–53.

13. Starostin S. A. Classification of administrative and legal regimes // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020. No. 11. P. 3–10.

14. Subochev V. V. Lobbying in Russia: nature, specifics, problems of legal regulation // *Law and management*. XXI century. 2014. No. 2 (31). P. 28–36.

15. Subochev V. V. Political and legal manipulation as the basis of society management in the post-truth era // *Bulletin of Tomsk State University*. Right. 2019. No. 34. P. 29–43.

16. Chetvergov D. S. The legal regime of virtual property // *Law and business*. 2021. No. 3. P. 33–39.

Информация об авторе

М. А. Куликов — докторант Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», кандидат юридических наук.

Information about the author

M. A. Kulikov — Doctoral Student of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Deputy Head of the International Cybersecurity Bureau «CYBERPOL», Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-180-182>

НИОН: 2003-0059-5/22-439

MOSURED: 77/27-003-2022-05-638

Сущностные аспекты правореализации

Саида Хамзатовна Лабазанова¹, Евгений Геннадьевич Усов², Юрий Владимирович Шелегов³

¹ Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия, saida.labazanova88@mail.ru

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, usov.evgeniy@list.ru

³ Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Россия, shelegoff@list.ru

Аннотация. Рассматриваются основные сущностные особенности реализации права. Дается авторское определение; прослеживается взаимосвязь правореализации в контексте правоотношений.

Ключевые слова: право, реализация права, правоотношения, сущность права, правовые нормы

Для цитирования: Лабазанова С. Х., Усов Е. Г., Шелегов Ю. В. Сущностные аспекты правореализации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 180–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-180-182>.

Original article

Essential aspects of law realization

Saida Kh. Labazanova¹, Evgeny G. Usov², Yury V. Shelegov³

¹ Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Grozny, Russia, saida.labazanova88@mail.ru

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, usov.evgeniy@list.ru

³ Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia, shelegoff@list.ru

Abstract. The main essential features of the implementation of the right are considered. The author's definition is given; the interrelation of legal realization in the context of legal relations is traced.

Keywords: law, realization of law, legal relations, essence of law, legal norms

For citation: Labazanova S. Kh., Usov E. G., Shelegov Yu. V. Essential aspects of law realization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):180–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-180-182>.

Процесс претворения правовых норм в жизнь является, безусловно, основным и, пожалуй, самым главным этапом их существования [1]. Именно правореализация позволяет раскрыться самой сущности права; в этой связи следует более пристально обратиться к данному понятию.

Под реализацией права в рамках данной работы мы будем понимать процесс претворения в жизнь правовых предписаний независимо от их формы. Помимо определения реализации права, безусловно, следует отметить специфические черты данного процесса, которые детерминируют его сущность.

1. Говоря о реализации права, мы однозначно остаемся в плоскости правомерного поведения, безотносительно к его этической составляющей. В любом случае, независимо от формы реализации права (реализация правового предписания в форме активного либо пассивного действия, либо в форме избегания

совершения нарушений норм права), оно возможно лишь при условии ненарушения рамок правомерного поведения. Совершение поступка, пусть даже социально одобряемого, формально нарушающего норму права безальтернативно свидетельствует о том, что данное событие не укладывается в категорию «реализация права».

2. Бенефициаром реализации правового предписания является, в первую очередь, владелец субъективного права. Если речь идет о реализации публично-правовой нормы, то в этом заинтересовано, главным образом, государство как публично-властный участник общественных отношений.

3. Реализация права может происходить в различных правовых формах, что обусловлено разностью, самобытностью и спецификой правовых предписаний, относящихся к различным отраслям права, а также непохожестью самих общественных отно-

шений, регулируемых с помощью данного социального регулятора.

4. Наличие различных рычагов и способов, с помощью которых оказывается влияние на участников общественных отношений, наличие разностатусных участников общественных отношений.

5. Наличие особых, закрепленных в законе процедур реализации права. Ввиду того, что дихотомическая классификация права предполагает выделение права материального и процессуального, следует отметить, что последнее определяет основание и порядок реализации первого [2].

Таким образом, подведя итог вышесказанному, следует резюмировать: под реализацией права в рамках данной работы мы будем понимать процесс претворения в жизнь правовых предписаний, независимо от их формы. Реализация права, наряду с правотворчеством и правоприменением, является самостоятельным правовым процессом, у которого имеются свои отличительные черты, описанные нами выше.

В отношении процесса реализации права, справедливо будет отметить, что регулируя общественные отношения, право, соответствующим образом, влияет на людей. Будучи процессом, неразрывно связанным с правовым статусом человека, реализация права предполагает законное воплощение его прав и законных интересов. Следовательно, говоря о субъекте реализации права, мы, главным образом, будем говорить о человеке. Из указанного правила есть исключения; так, например, юридические лица, государственные органы или государство в целом также могут выступать субъектами реализации права как полноценные участники правоотношений. Вместе с тем, в рамках нашей работы мы сконцентрируемся на специфике реализации прав граждан (в широком смысле слова), стало быть под субъектами реализации права будем понимать в первую очередь именно их.

В качестве объекта реализации права следует выделить систему законодательства как совокупность действующих нормативно-правовых актов. Иными словами, под субъектом мы понимаем того, в чью пользу реализуются правовые предписания, а под объектом — какие именно предписания подлежат реализации.

Следует отметить, что если правовая норма прямо указывает на какой-либо фактический результат,

то реализация права предусматривает не только соответствующим образом регламентированную деятельность субъектов права, но и соответствие результата предъявляемым требованиям. Так, в частности, в ст. 238 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за осуществление работ, реализацию товаров и услуг, не отвечающих требованиям безопасности потребителей [2]. Стало быть, право потребителя на получение работы, товара или услуги должного качества неразрывно связано не только с правомерной деятельностью лица, предоставляющего их, но и с ответственностью такого лица за соответствие результата требованиям безопасности.

Говоря о привязке реализации права к правоотношениям следует отметить, что, как правило, реализация происходит именно в данных рамках. Вместе с тем, в ряде случаев, реализация отдельных категорий правовых предписаний возможна и вне рамок правоотношений. В частности, например, норма о воздержании от определенного поведения реализуется путем несовершения запрещенных действий неопределенным кругом лиц. Как следует из специфики структуры нормы, вне правоотношений все-же в основном реализуются нормы-запреты или нормы, которые обязывают субъект права к определенному поведению.

Список источников

1. Бузуртанова П. М., Гандарова Л. Б. Реализация прав человека в России // StudNet. 2021. № 6 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prav-cheloveka-v-rossii>.
2. Морозова Л. А. Особенности форм реализации прав и свобод личности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. № 5 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-form-realizatsii-prav-i-svobod-lichnosti>.

References

1. Buzurtanova P. M., Gandarova L. B. The realization of human rights in Russia // StudNet. 2021. No. 6 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prav-cheloveka-v-russia>.
2. Morozova L. A. Features of the forms of realization of the rights and freedoms of the individual // Actual problems of the state and law. 2018. No. 5 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-form-realizatsii-prav-i-svobod-personalities>.

Информация об авторах

С. Х. Лабазанова — ассистент кафедры Бизнес-информатика Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова;

Е. Г. Усов — доцент центра компетенций по кибербезопасности института информационных технологий и анализа данных Иркутского национального исследовательского технического университета;

Ю. В. Шелегов — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the authors

S. Kh. Labazanova — Assistant of the Department of Business Informatics, Chechen State University named after A. A. Kadyrov;

E. G. Usov — Associate Professor at the Competence Center for Cybersecurity at the Institute of Information Technology and Data Analysis, Irkutsk National Research Technical University;

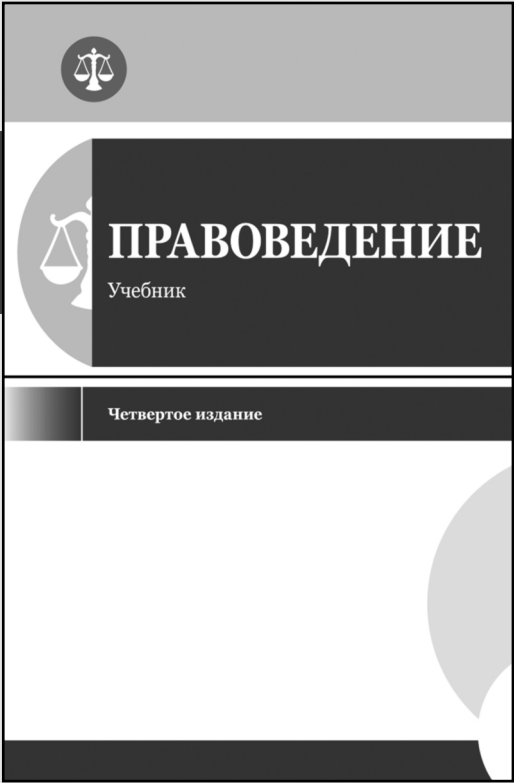
Yu. V. Shelegov — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

	<p style="text-align: center;">ПРАВОВЕДЕНИЕ</p> <p style="text-align: center;">4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 423 с. Гриф МО РФ Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Под ред. С.С. Маиляна</p> <p>Представлены важнейшие аспекты существования государства и права.</p> <p>Рассмотрены основы наиболее значимых отраслей российского права — конституционного, гражданского, наследственного, семейного, трудового, административного, налогового, земельного, уголовного, международного, конституционного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального, уголовного процессуального, таможенного и экологического.</p> <p>Для обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях неюридического профиля.</p>
---	---

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-183-186>

NPON: 2003-0059-5/22-440

MOSURED: 77/27-003-2022-05-639

К вопросу о государственном протекционизме на рынке расчетов на примере системы быстрых платежей

Роман Сергеевич Мейер

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, advocate.meyer.rs@gmail.com

Аннотация. Анализируется развитие системы быстрых платежей с позиций государственного протекционизма Банка России на рынке расчетов Российской Федерации.

Ключевые слова: система быстрых платежей, протекционизм, платежная система, тарифы, эквайринг, Банк России

Для цитирования: Мейер Р. С. К вопросу о государственном протекционизме на рынке расчетов на примере системы быстрых платежей // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 183–186. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-183-186>.

Original article

To the question of state protectionism on the settlement market on the example of the fast payment system

Roman S. Meyer

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, advocate.meyer.rs@gmail.com

Abstract. The development of the fast payment system is analyzed from the standpoint of the state protectionism of the Bank of Russia in the settlement market of the Russian Federation.

Keywords: Fast payment system, protectionism, payment system, tariffs, acquiring, Bank of Russia

For citation: Meyer R. S. To the question of state protectionism on the settlement market on the example of the fast payment system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):183–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-183-186>.

Государственный протекционизм как механизм защиты интересов государства и экономики известен в мире очень давно. Свое развитие протекционизм, как противоположность принципа свободной торговли, получил в Средние века. В настоящее время протекционизм имеет свое развитие в разных сферах не только экономической, но политической и правовой жизни общества. Будучи первоначально известным в качестве метода таможенной политики государства, применяемого для защиты локального производства и товарооборота от импорта, протекционизм перешел не только в сферы налогообложения и гражданского оборота, но и в сферу миграционного контроля и даже в процессы культуры и образования.

Проявляется также протекционизм и в частных правовых аспектах жизни общества и людей, являясь при этом формой коммерческого или социального покровительства от одного частного-правового субъекта другому, осуществляемого по различным причинам, коммерческим, репутационным или личным. В по-

следнее время многими исследователями отмечается тенденция к росту использования протекционизма [1].

В подобном понимании известен протекционизм и российской правовой и экономической системе.

Случаи государственного протекционизма, существующие в российской правовой действительности, можно определить также в самых различных сферах, от регулирования военно-технического сотрудничества [2] до культуры [3]. Известен протекционизм в качестве частного коррупционного проявления, под которым понимается незаконное оказание содействия в трудоустройстве, продвижении по службе, поощрении подчиненного, а также иное покровительство по службе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности [4].

В различных формах стал известен протекционизм и российской финансовой системе. Для описания этого явления на конкретном примере, в частности на примере внедрения на российский рынок расчетных услуг Системы быстрых платежей, определим основ-

© Мейер Р. С., 2022

ные характерные, по нашему мнению, черты протекционизма.

Первой чертой протекционизма является его санкционированность конкретной локальной властью. Решения о применении протекционистских мер принимаются либо законом, либо актом соответствующего государственного органа. И стоит отметить, что протекционизм изначально должен быть исключительно государственным, потому как его реализация в частном аспекте, т.е. соглашения частных хозяйствующих субъектов рынка может быть предметом законодательства о защите конкуренции.

Второй чертой протекционизма является его защитная функция. Само название этого явления [5] предполагает, что нужно предоставить меру государственной защиты кому-то и от кого-то. Протекционизм может применяться в отношении различных объектов, требующих защиты или представляющих угрозу для государства/экономики. Это могут быть товары/отрасли экономики или конкретные компании.

В области российского финансового рынка необходимость применения мер государственного протекционизма особенно сильно ощущалась на его расчетном сегменте.

Пришедшие и укрепившиеся на российском расчетном рынке иностранные участники (прежде всего международные платежные системы и их системные компании) потеснили российские кредитные организации на рынке расчетов, предлагая более быстрые и дешевые инструменты, основанные на использовании платежных карт и систем платежного клиринга.

Преобладая на российском рынке розничных (и большей части корпоративных) расчетов эти участники получали фактическую монополию на организацию и тарификацию расчетных услуг. Применяемые ими системы встречных комиссий участников расчетной операции [6] значительно поощряли крупных участников российской финансовой системы, таких как Сбербанк или Банк ВТБ. Применяемая международными платежными системами многоступенчатая внутренняя тарификация диктовала и тарифы кредитных организаций, предоставляемые их клиентам и не раз становилась предметом обсуждения. В 2019 г., например, вопрос был доведен до внимания Президента РФ В. В. Путина и по итогам Банк России и Правительство Российской Федерации получили ряд поручений о реализации мероприятий, которые позволили бы снизить размеры комиссии за эквайринговое обслуживание. Свое мнение высказали не только представители ритейлового бизнеса, но и сами платежные системы, а также кредитные ор-

ганизации и антимонопольные органы [7]. Прошедшая на тот момент дискуссия между всеми участниками показала сложность достижения компромисса между всеми заинтересованными сторонами и выявила необходимость государственного вмешательства в этот важный для финансовой системы и потребителей услуг вопрос.

Ситуация с уровнем государственного контроля финансовой отрасли (и особенно ее расчетной части) начала меняться с 2011 г., когда в России был принят Федеральный закон «О национальной платежной системе» и в дальнейшем получила свое развитие в 2014–2015 гг., когда в отношении Российской Федерации стали применяться серьезные экономические ограничения. Именно Национальная платежная система стала первым и основным механизмом, через который реализовывались меры государственного протекционизма на рынке расчетов.

Указанный закон закрепил не только существование в России двух национальных и государственно управляемых систем (Национальной платежной системы и Национальной системы платежных карт).

Закон также определил основы деятельности оператора Национальной системы платежных карт МИР (АО «НСПК»), законодательно указав его единственного акционера (Банк России), а также определил его полномочия в рамках указанных систем (через Правила платежной системы МИР и договоры с ее участниками, параллельно тому, что законодательно закреплялось условие оказания части услуг только через ПС МИР). В частности, ст. 30.5 Федерального закона «О национальной платежной системе» была закреплена обязанность при осуществлении операций с выплатами за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации использовать электронные средства платежа, эмитированные в рамках ПС МИР. Обязанность альтернативно использовать этот платежный инструмент была введена и в законодательство о защите прав потребителей (в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» была включена ст. 16.1, закрепляющая соответствующую обязанность).

Таким образом, законодательно был закреплен механизм реализации мер протекционизма, пользующийся не только гражданско-правовой защитой (через наложение штрафов при нарушении Правил ПС МИР и/или договоров с ее участниками), но и мерами административного принуждения (через применение мер ответственности, предусмотренных ст. 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» или ст. 15.26

и 15.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

И особенно эффективно такой механизм смешанного регулирования рыночных отношений (через связку «закон плюс правила») заработал в условиях появления у Банка России полномочий по регулированию максимальных значений размера платы, взимаемой кредитными организациями со своих клиентов по заключаемым договорам о приеме электронных средств платежа за осуществление переводов денежных средств с использованием платежных карт [8] и возможности реализации в рамках платежной системы Банка России системы перевода денежных средств. Банк России, получив возможность прямого регулирования комиссии за эквайринговые операции, одновременно осуществляет и тарифное регулирование операций в Системе быстрых платежей. Однако, в законодательном внедрении Системы быстрых платежей на российский финансовый рынок есть одно небольшое отличие: Федеральный закон «О национальной платежной системе» не содержит прямой обязанности кредитных организаций для предоставления своим клиентам сервисов СБП.

Система быстрых платежей была внедрена Банком России и АО «НСПК» в рамках платежной системы Банка России и ПС МИР и Банк России указывает, что СБП разработана Банком России и АО «Национальная система платежных карт». Банк России — оператор и расчетный центр СБП, а НСПК — операционный платежный и клиринговый центр [9]. Таким образом, СБП можно рассматривать в разных статусах: как элемент государственной защиты российского финансового рынка и как исключительно коммерческий проект Банка России, приносящий значительную прибыль [10], что порождает вопрос о возможном конфликте интересов Банка России, действующего одновременно и как регулятор финансового рынка и организатор СБП. С учетом того, что обязанность обязательного использования СБП в ряде операций была закреплена в соответствующем нормативном акте Банка России [11] с указанием конкретных сроков, можно сказать, что СБП перестает быть просто инструментом экономического протекционизма, а становится и инструментом заработка Банка России и одновременно не самым конкурентным механизмом давления на участников финансового рынка.

Однако принимая во внимание то обстоятельство, что, СБП как расчетная услуга (а равно как и совокупность мер по ее внедрению и тарификации), санкционированы и прямо управляются уполномо-

ченными государственными субъектами, а также пользуются не только мерами гражданско-правовой защиты, но и обеспечены мерами государственного принуждения, внедрение СБП на рынке расчетов, безусловно, можно рассматривать как действие протекционистского характера.

По отношению к кому было произведено это защитное действие? С внешней стороны казалось, что все нормы, предусмотренные Федеральным законом «О национальной платежной системе» имели своей целью защиту конечных потребителей финансовых услуг от действий иностранных международных платежных систем. Однако при внимательном изучении условий реализации СБП становится ясно, что скорость и уникальность подобного способа расчетов, использующего что QR-код, что номер телефона, что мобильное приложение в качестве доступа к денежным средствам на счете, доступна любой кредитной организацией, обладающей крупной базой клиентов и соответствующими технологическими возможностями. И монополизация расчетных услуг, а также их необоснованная тарификация равно возможны как со стороны международных участников, так и локальных монополистов.

В силу тотального дисбаланса в развитии российской финансовой системы конкуренцию для СБП мог составить только Сбербанк (как ранее он составлял и составляет конкуренцию всем остальным кредитным организациям на рынке эквайринга).

Внедрение СБП под патронажем регулятора в указанной кредитной организации проходило в несколько этапов, с применением со стороны Банка России как раз указанных выше мер административного воздействия [12].

В этой части следует отметить, что внедрение СБП позволило вывести значительный процент платежных операций, как собственно из сферы эквайринга, контролируемой платежными системами, так и вывести определенное количество операций по переводу денежных средств из периметра собственно кредитных организаций.

В настоящее время (и учитывая происходящие процессы экономической изоляции РФ от мирового финансового рынка) роль СБП безусловно будет повышаться и то, что ранее было принудительно внедрено в качестве защитного механизма, будет активно развиваться в качестве самостоятельного явления. Некоторыми исследователями даже делаются утверждения о высокой степени вероятности выделения сервиса быстрых платежей в самостоятельную платежную систему, входящую в платежную систему Банка РФ [13].

Список источников

1. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. (разработан Минэкономразвития России) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» определяет государственный протекционизм одним из принципов в области военно-технического сотрудничества, а также определяет ряд механизмов для его реализации.
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1) определяют, что Российская Федерация гарантирует свой протекционизм (покровительство) в отношении сохранения и восстановления культурно-национальной самобытности малочисленных этнических общностей Российской Федерации посредством исключительных мер защиты и стимулирования, предусмотренных федеральными государственными программами социально-экономического, экологического, национального и культурного развития.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».
5. URL://<https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/02/25/795053-putin-komissii-beznalichnie>.
8. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)».
9. URL://<https://www.cbr.ru/PSystem/sfp/>
10. В 2020 г. через СБП совершено 111,3 млн операций на сумму 795,1 млрд руб. // Годовой отчет Банка России за 2020 г.
11. Положение Банка России от 24 сентября 2020 г. № 732-П «О платежной системе Банка России».
12. URL://<https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/05/28/831380-sistema-bistrih-perevodov-tsb>.
13. Хоменко Е. Г. Роль Банка России в цифровизации банковской системы // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 5–11.

Информация об авторе

Р. С. Мейер — соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

R. S. Meyer — Applicant for the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 01.08.2022.
The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 01.08.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-187-190>

ИДОН: 2003-0059-5/22-441

MOSURED: 77/27-003-2022-05-640

Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций

Александр Васильевич Опалев

Центр исследования проблем безопасности РАН, Москва, Россия, raenbezopasnost@yandex.ru

Аннотация. Раскрываются возможности использования экстремистскими и террористическими организациями новых информационно-коммуникационных потенциалов, появляющихся в ходе развития цифровых технологий. Отмечается, что современные информационные технологии, оказавшись в распоряжении международных экстремистских и террористических организаций, позволяют им на качественно ином уровне организовывать процесс расширения своей пособнической базы, совершенствовать методы вербовки новых членов, формировать глобальную социальную и информационную среду экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная война, экстремизм, терроризм

Для цитирования: Опалев А. В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 187–190. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-187-190>.

Original article

Modern information technologies as a tool for the activities of extremist and terrorist organizations

Alexander V. Opalev

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, raenbezopasnost@yandex.ru

Abstract. The possibilities of the use by extremist and terrorist organizations of new information and communication potentials emerging in the course of the development of digital technologies are revealed. It is noted that modern information technologies, once at the disposal of international extremist and terrorist organizations, allow them to organize the process of expanding their support base at a qualitatively different level, improve methods of recruiting new members, and form a global social and information environment of extremism and terrorism.

Keywords: information technology, information warfare, extremism, terrorism

For citation: Opalev A. V. Modern information technologies as a tool for the activities of extremist and terrorist organizations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):187–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-187-190>.

Проведение специальной военной операции на Украине наглядно продемонстрировало, насколько велико значение информационных технологий в достижении заявленных целей. Противники России накопили большой опыт ведения информационной войны, используя, в том числе, достижения апологетов экстремизма и терроризма на этом поприще. Поэтому изучение опыта использования экстремистскими и террористическими организациями новых информационно-коммуникационных технологий может помочь в организации противодействия в развязанной против России информационной войне.

Сегодня с полным основанием можно говорить о том, что с развитием современной информационно-коммуникативной среды экстремизм и терроризм все активнее вписываются в стратегии противоборства мировых центров силы, в глобальное информационное общество.

Учитывая, что в нынешних условиях информация и управление ею становятся основанием и главным инструментом достижения политических целей, международные экстремистские и террористические организации предпринимают целенаправленные шаги, направленные на формирование высокотехнологичной системы информационного обеспечения своей

© Опалев А. В., 2022

деятельности. Все большее значение в достижении данной цели приобретает активное использование новых информационных возможностей, появляющихся в ходе развития цифровых технологий.

Афоризм о том, что одна газета стоит пяти дивизий, появившийся во времена Наполеона, актуален и сегодня. Только возможности, результативность воздействия и аудитория печатных периодических изданий несопоставимы с современными информационными технологиями, которые активно используются организаторами экстремистских и террористических сообществ для ведения кибервойн, непосредственного или косвенного осуществления преступной деятельности.

Стремительное развитие цифровых технологий позволяет террористам и экстремистам ускоренными темпами расширять географию своей деструктивной идеологии. Экстремистские и террористические организации не смогли бы так стремительно развиваться, если бы не популярные, прежде всего, среди молодежи мессенджеры, которые играют значительную роль в их деятельности. Глобальная сеть для них стала, по сути, основным механизмом управления разрозненными силами и средствами, в том числе финансовыми. Благодаря им, они оперативно создают автономные ячейки, управляют их деятельностью, осуществляют сбор средств. Кроме этого, большинство этих организаций имеет свои интернет-сайты, позволяющие осуществлять вербовку своих сторонников, вести пропаганду, находить единомышленников, а также осуществлять их идеологическую обработку и подготовку к совершению экстремистских акций и террористических актов, а также освещать информацию о проведенных мероприятиях. По некоторым источникам, 80 % от общего числа выявленных преступлений экстремистской направленности совершаются с использованием цифровых технологий [1, с. 65].

К основным целям деятельности международных экстремистских и террористических организаций в сети Интернет можно отнести информационное сопровождение деятельности экстремистских и террористических группировок, в том числе демонстрацию их силы и возможностей; поддержание связи между субъектами экстремистской и террористической деятельности; пополнение социальной базы экстремизма и терроризма; обучение и идеологическую обработку членов групп; сбор средств для финансирования собственной деятельности. Современные информацион-

ные технологии, оказавшись в распоряжении международных экстремистских и террористических организаций, позволяют им на качественно ином уровне организовывать процесс расширения своей пособнической базы, совершенствовать методы вербовки новых членов. Кроме того, использование широкого спектра технологий дает возможность формировать глобальную социальную и информационную среду экстремизма и терроризма. Интернет также активно используется экстремистами и террористами как средство связи, дистанционного руководства и обучения экстремистской и террористической деятельности, поиска новых источников финансирования.

Однако, наибольшую опасность представляют попытки использования экстремистами и террористами информационно-коммуникационных сетей в целях информационно-психологического воздействия на большие массы населения, направленного на разрушение единого информационного пространства, нанесение значительного экономического ущерба государству, формирование панических настроений в массовом сознании граждан. В конечном итоге данные действия приводят к проецированию внешних угроз на внутриполитическую ситуацию в нашей стране, поскольку имеют целью навязать властным структурам определенную линию поведения в разрешении внутренних и внешних конфликтов.

С началом нового века именно информационно-коммуникационная среда стала плодородной почвой для экспансии радикальных взглядов, популяризации деструктивных идей, апробации новых способов вербовки неопитов и манипулирования общественным сознанием, совершения кибератак на государственные IT-ресурсы и банковский сектор, модернизации приемов содействия экстремизму и терроризму в обход традиционной финансовой системы и т. д. Экстремистская и террористическая активность в информационном пространстве целенаправленно встраивается в общую стратегию геополитических противников России, реализуемых ими проектов в рамках информационной войны.

Сегодня против России используется новый технологический инструментарий ведения борьбы, существенно отличающийся по ряду характеристик от традиционных способов осуществления агрессии. В этой сфере произошла смена технологических укладов. Новая реальность мировых конфликтов — это феномен гибридных войн [2, с. 398].

Экстремизм и терроризм все более становятся информационно-технологической особенностью, поскольку большинство экстремистских и террористических актов сейчас рассчитаны не только на нанесение материального ущерба и угрозу жизни и здоровью людей, но и на информационно-психологический шок, воздействие которого на большие массы людей создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей.

В последние годы стремительное развитие цифровых технологий существенно расширило возможности экстремистских и террористических структур в области разработки новых технических инструментов противоправной деятельности. Хорошо оснащенные в техническом отношении экстремизм и терроризм нового типа активно проявляют себя в информационно-коммуникационных сетях, в первую очередь, в социальных сетях, реализуя изолированную стратегию, направленную на продвижение экстремистской и террористической идеологии с учетом закономерностей функционирования массовой культуры в глобальном информационном обществе.

Международные экстремистские и террористические организации создали развитую медийную инфраструктуру, изготавливающую и распространяющую разнообразную информационную продукцию на многих языках, демонстрируют беспрецедентно высокий уровень владения передовыми информационно-коммуникационными технологиями, включая методы работы в социальных сетях.

Развитие горизонтальной системы коммуникации на уровне киберсетей и сетевых сообществ создает уникальные возможности целенаправленного информационного воздействия и манипулирования социальными субъектами. Специалисты отмечают высокий профессионализм информационной деятельности современных экстремистских и террористических формирований. Свидетельством этому служат результаты анализа использования международными террористическими организациями информационных технологий в Европе: 84 % молодых людей пришли в ряды террористических организаций посредством сети Интернет; 47 % обратили внимание на материалы (видео и текст), размещенные онлайн; 41 % присягнули на верность МТО онлайн; 19 % пользовались онлайн-инструкциями при под-

готовке теракта (изготовление самодельных взрывных устройств) [3].

Экстремисты и террористы умело пользуются теми возможностями, что предоставляют современные технологии, и благодаря различным способам информационно-психологического влияния добиваются от людей исполнения необходимых действий. Вербовщики международных экстремистских и террористических организаций изучают в социальных сетях профили своих потенциальных жертв, смотрят, какие фотографии они выкладывают, как отвечают на вопросы, а потом начинают манипулировать вербуемыми в процессе переписки.

Сопряжение информационных технологий с приемами, методами, техниками информационно-психологического воздействия позволяет экстремистам и террористам использовать медиасреду в качестве полноценного оружия. Информационная сфера открывает для международных экстремистских и террористических организаций возможности осуществлять подрывную деятельность с минимальными для себя издержками.

Завоевание информационного пространства — первоочередная задача, которую пытаются решить экстремистские и террористические организации, что превращает их в самостоятельный субъект современных информационных войн.

В складывающихся обстоятельствах важным элементом стратегии противодействия угрозам использования цифровых технологий в целях осуществления экстремистской и террористической деятельности становится комплексное решение задачи информационного противоборства. В противном случае вряд ли можно рассчитывать на достижение долгосрочных целей в контртеррористической работе в целом и в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма, в частности.

Совершенно очевидно, что в целях эффективного противодействия современному экстремизму и терроризму на территории Российской Федерации необходима разработка и реализация стратегии разрушения социальной и информационной базы экстремизма и терроризма [4, с. 106].

Не менее очевидно и то, что вышеизложенные положения должны являться элементами научно-прикладных исследований, по результатам которых могут быть разработаны новые подходы к совершенствованию процесса планирования и реализа-

ции деятельности по линии информационного противодействия экстремизму и терроризму. Данные подходы должны быть встроены в систему единого замысла противодействия угрозам использования цифровых технологий в целях осуществления экстремистской и террористической деятельности.

Учитывая все возрастающее значение цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности российского общества и государства, актуальной задачей следует считать разработку и принятие национальной стратегии безопасности в киберпространстве (сетевом пространстве), в которой одно из важных мест будет отведено вопросам противодействия угрозам использования информационно-телекоммуникационных сетей в целях осуществления экстремистской и террористической деятельности.

Список источников

1. Пинкевич Т. В., Зубалова О. А. Современное состояние экстремизма и терроризма в условиях развития цифровых технологий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 64–68.
2. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009.
3. Калинина С. Б. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 2 (15).
4. Рудаков А. В., Устинкин С. В. Трансформированная идентичность как ресурс международного терроризма и элемент стратегии «гибридной войны» // Власть. 2016. № 12. С. 103–108.

References

1. Pinkevich T. V., Zubalova O. A. The current state of extremism and terrorism in the context of the development of digital technologies // Jurist-Pravoved. 2020. No. 3 (94). P. 64–68.

Информация об авторе

А. В. Опалев — ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН, доктор философских наук, профессор.

Information about the author

A. V. Opalev — Leading Researcher at the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 01.08.2022.
The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 01.08.2022.

2. Yakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. New technologies for combating russian statehood. M., 2009.

3. Kalinina S. B. Psychological methods of recruiting young people into terrorist organizations // Nauka. Society. Defense. 2018. № 2 (15).

4. Rudakov A. V., Ustinkin S. V. Transformed identity as a resource of international terrorism and an element of the strategy of «hybrid war» // Power. 2016. No. 12. P. 103–108.

Библиографический список

1. Буткевич С. А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация, предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1. С. 18–19.
2. Самошин А. В., Горовой В. В. Особенности предупреждения распространения экстремистских материалов в молодежной среде по глобальной сети Интернет // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3. С. 62–65.
3. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А., Костин В. Н. Новое качество террористической пропаганды: медиа-империя ИГИЛ // Информационные войны. 2015. № 1. С. 30–36.

Bibliographic list

1. Butkevich S. A. Extremism and terrorism in cyberspace: identification, neutralization, prevention // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 18–19.
2. Samoshin A. V., Gorovoy V. V. Features of preventing the spread of extremist materials among young people on the global Internet // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3. P. 62–65.
3. Sundiev I. Yu., Smirnov A. A., Kostin V. N. New quality of terrorist propaganda: the media empire of ISIS // Information Wars. 2015. No. 1. P. 30–36.

Научная статья

УДК 342.724

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-191-194>

ИДОН: 2003-0059-5/22-442

MOSURED: 77/27-003-2022-05-641

Правовые основы социального обеспечения отдельных категорий несовершеннолетних в Российской Федерации

Алексей Михайлович Осавелюк

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия,
osaveluk@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые основы социального обеспечения отдельных категорий несовершеннолетних лиц, требующие со стороны государства дополнительных мер социальной поддержки — дети-сироты и дети-инвалиды. Дается краткий обзор правового обеспечения этих категорий несовершеннолетних и меры по их социальной поддержке.

Ключевые слова: несовершеннолетние, права, обеспечение, меры социальной поддержки, дети-сироты, дети-инвалиды

Для цитирования: Осавелюк А. М. Правовые основы социального обеспечения отдельных категорий несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 191–194. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-191-194>.

Original article

Legal bases of social security of certain categories of minors in the Russian Federation

Alexey M. Osavelyuk

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow, Russia, osaveluk@mail.ru

Abstract. The legal foundations of social security for certain categories of minors requiring additional measures of social support from the state are considered — orphans and disabled children. A brief overview of the legal provision of these categories of minors and measures for their social support is given.

Keywords: minors, rights, provision, social support measures, orphans, disabled children

For citation: Osavelyuk A. M. Legal bases of social security of certain categories of minors in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):191–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-191-194>.

Несовершеннолетние — лица, требующие особого внимания со стороны органов публичной власти и государства в целом. Однако в данной категории населения можно выделить группы, требующие дополнительного набора мер социальной защиты, необходимых для обустройства жизнедеятельности на достаточном уровне. Среди таких групп хотелось бы выделить детей-сирот (в том числе детей, оставшихся без попечения родителей) и детей-инвалидов. К сожалению, в связи с наличием нерешенных вопросов в отношении указанных категорий несовершеннолетних как во всем мире, так и в России в том числе, актуальность рассматриваемой проблематики все еще остается высока [9, с. 503].

Согласно официальным данным Росстата число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения роди-

телей за последнее пятилетие значительно возросло по сравнению с предыдущим пятилетием почти на 25 %. Так, в 2020 г. зафиксировано 475 741 детей, а в 2015 г. — 360 826 [1]. Данный факт сигнализирует о том, что все большее количество несовершеннолетних лишаются возможности расти и воспитываться в полноценной семье [7, с. 256], получать должную заботу от обоих родителей, а также адекватно воспринимать ролевые функции каждого из них.

Для начала поймем, что же объединяет и различает понятия «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей». Анализ действующего законодательства приводит к мысли о том, что, к обоим категориям относятся несовершеннолетние лица (т. е. лица, не достигшие возраста 18 лет), потерявшие одного или обоих родителей, однако критерии

© Осавелюк А. М., 2022

потери разные (что уже выступает отличительным признаком).

В первом случае, сиротой признается несовершеннолетнее лицо, родители которого (оба или единственный) умерли. Во втором случае, причин по которым несовершеннолетнее лицо осталось без их попечения, различны: ограничение или лишение родительских прав; признание родителей безвестно отсутствующими или недееспособными (ограниченно дееспособными); установление судом фактов уклонения родителей от воспитания детей и защиты их интересов и др. [1, ст. 1].

Также стоит отметить, что законодатель выделяет группу совершеннолетних лиц, в возрасте от 18 до 23 лет, которые имеют право на дополнительные гарантии по социальной поддержке со стороны государства на уровне с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей.

К таким лицам относятся:

♦ во-первых, те, у которых на момент их несовершеннолетия умерли родители (оба или единственный) или же они остались без попечения своих родителей (по причинам, которые были рассмотрены выше);

♦ во-вторых, те, которые потеряли своих родителей (обоих или единственного) в период получения образования по программам, указанным в Федеральном законе [2, ст. 1].

В соответствии с федеральным законодательством, все выше обозначенные несовершеннолетние и совершеннолетние лица имеют дополнительные гарантии в сфере образования, медицинского обеспечения, трудовой деятельности, имущественных прав и судебной защите.

Среди гарантируемых мер социальной поддержки в сфере медицинского обеспечения, интересным видится право рассматриваемых лиц на лечение за счет средств федерального бюджета за пределами РФ.

В сфере образования меры социальной поддержки предусмотрены как при получении среднего профессионального образования, так и высшего. Например, определенные льготы предусмотрены при обучении на подготовительных отделениях образовательных организаций, зачислении по программам бакалавриата и специалитета, получении второго среднего профессионального образования и др.

Важное место в жизни каждого человека занимает трудовая деятельность, поэтому очень важно поддер-

жать несовершеннолетних в начале их трудового пути. В связи с этим, при поиске работы впервые, а также в случае признания впервые безработными, дополнительная социальная поддержка оказывается в виде пособий по безработице, а также в случаях, предусмотренных законодательством — стипендий. Помимо этого, предусматриваются особые условия увольнения при ликвидации, сокращении численности или штата работников. В таких случаях профессиональное обучение и дальнейшее трудоустройство возлагается на счет нынешнего работодателя или его правопреемника.

Не менее интересным также видится право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей на бесплатную юридическую помощь, оказание которой регламентируется отдельным Федеральным законом [3].

Что же касается второй группы несовершеннолетних, интересующих в рамках данной статьи, то стоит сразу отметить негативную тенденцию ежегодного роста на территории нашей страны количества детей-инвалидов. Согласно официальным данным Росстата на январь 2022 г., было зафиксировано 729 тыс., что практически на 14 % больше по сравнению с январем 2017 г. (628 тыс.) [1].

Детями-инвалидами в соответствии с нормой действующего законодательства признаются, во-первых, лица в возрасте до 18 лет (т. е. несовершеннолетние), а во-вторых, лица, имеющие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма (ст. 1).

Вызваны такого рода расстройства могут быть по различным причинам: вследствие перенесенных заболеваний, полученных травм, а также наличия дефектов. Перечень заболеваний и дефектов, приводящим к изменениям и нарушениям функций органов, содержится в отдельном постановлении Правительства [5], определяющем порядок и условия признания лиц инвалидами, в том, числе и несовершеннолетних.

Дети-инвалиды наравне с иными гражданами реализуют право на образование, в связи с чем, образовательные организации должны предусматривать наличие адаптированных под данную категорию населения образовательных программ. Помимо этого, для детей-инвалидов, которые не могут обучаться непосредственно в самих образовательных организациях, предусмотрена возможность обучения на дому. Такая форма обучения организуется органами,

осуществляющими управление в сфере образования с согласия родителей ребенка-инвалида, а также медицинской организации. Перечень заболеваний, при наличии которых дети-инвалиды имеют право выбрать такую форму обучения, как на дому, определяется приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации [6].

В целях обеспечения детей-инвалидов трудовой деятельностью, действующим законодательством предусмотрена необходимость выделения работодателями квот для приема на работу инвалидов, порядок, который определяется отдельным законом [4].

Помимо этого, законодатель обязывает работодателя учитывать особенности функций организма детей-инвалидов, осуществляющих трудовую деятельность, и предусмотреть на их рабочих местах вспомогательное оборудование, технические и организационные оснащения, способствующие выполнению трудовых обязанностей на должном уровне. Также работодатель может резервировать для инвалидов места по профессиям, которые наиболее будут для них подходящими или же при необходимости организовывать обучение инвалидов по новым профессиям, в целях увеличения их конкурентоспособности на рынке труда [8].

Среди мер социальной поддержки детей-инвалидов существенное место занимают выплаты в виде пенсий, пособий, страховых выплат и т. д., полагающиеся им по различным основаниям. Плюс, в целях оказания дополнительной помощи детям-инвалидам, при наличии определенных оснований, также может быть предусмотрено оказание социально-бытового обслуживания на дому в виде различных медицинских и бытовых услуг.

Таким образом, проанализировав нормы действующего законодательства, можно прийти к выводу о том, что на территории нашего государства предусмотрен достаточный комплекс мер социальной поддержки, необходимый для обеспечения жизнедеятельности несовершеннолетних, требующих повышенного внимания. Однако, фактическая реализация всех мер поддержки бывает порой затруднительна в виду правовой неинформированности как самих родителей несовершеннолетних, так и лиц, их заменяющих, организационных сложностей, с которыми им приходится сталкиваться и т. д.

Обращая внимание на приведенную статистику, стоит указать на необходимость организации ра-

боты государства, прежде всего, по установлению причин появления таких серьезных явлений, как сиротство и инвалидность и принятию мер по их устранению.

Список источников

1. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (ред. от 19 ноября 2021 г.) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

2. Назарова А. С. Проблемы защиты права детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей на жизнь и воспитание в семье в современном российском праве // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 7. С. 251–260.

3. Осавелюк А. М., Чепурнова Н. М., Хазов Е. Н. и др. Конституционное право России. М., 2020.

4. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 (ред. от 26 ноября 2020 г.) «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // СЗ РФ. 2006. № 9. Ст. 1018.

5. Приказ Минздрава России от 30 июня 2016 г. № 436н «Об утверждении перечня заболеваний, наличие которых дает право на обучение по основным общеобразовательным программам на дому» (зарег. в Минюсте России 20 июля 2016 г. № 42916) // URL:// <http://www.pravo.gov.ru>.

6. Рудь Ю. А. Проблемные аспекты защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и пути их решения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 501–511.

7. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 17 февраля 2021 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

8. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

9. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

References

1. Law of the Russian Federation of April 19, 1991 No. 1032-1 (ed. of November 19, 2021) «On employ-

ment of the population in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from March 1, 2022) // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 17. St. 1915.

2. Nazarova A. S. Problems of protecting the right of orphans and children left without parental care to life and upbringing in the family in modern Russian law // Innovative aspects of the development of science and technology. 2021. No. 7. P. 251–260.

3. Osavelyuk A. M., Chepurnova N. M., Khazov E. N. et al. Constitutional Law of Russia. M., 2020.

4. Decree of the Government of the Russian Federation of February 20, 2006 No. 95 (ed. of November 26, 2020) «On the procedure and conditions for recognizing a person as disabled» // SZ RF. 2006. No. 9. St. 1018.

5. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of June 30, 2016 No. 436n «On approval of the list of diseases, the presence of which gives the right

to study in basic general education programs at home» (zareg. in the Ministry of Justice of Russia on July 20, 2016 No. 42916) // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

6. Rud Yu. A. Problematic aspects of the protection of the rights of orphans and children left without parental care, and ways to solve them // Issues of Russian justice. 2020. No. 9. P. 501–511.

7. Federal Law No. 159-FZ of December 21, 1996 (as amended on February 17, 2021) «On additional guarantees for the social support of orphans and children left without parental care» // SZ RF. 1996. No. 52. St. 5880.

8. Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995 (as amended on June 28, 2021) «On Social Protection of disabled people in the Russian Federation» // SZ RF. 1995. No. 48. St. 4563.

9. Federal Law No. 324-FZ of November 21, 2011 (as amended on July 1, 2021) «On Free legal aid in the Russian Federation» // SZ RF. 2011. No. 48. St. 6725.

Информация об авторе

А. М. Осавельюк — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. M. Osavelyuk — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 23.05.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-195-201>

ИПОН: 2003-0059-5/22-443

MOSURED: 77/27-003-2022-05-642

Зарубежная Россия: научная школа теоретиков государства и права юридического факультета в Харбине (1920–1937)

Вера Павловна Пономарева

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, pon-vera@yandex.ru

Аннотация. Российские ученые на территории Китая в 20–30 гг. XX в. создали национально ориентированное высшее юридическое учебное заведение, сохранившее и развившее лучшие традиции дореволюционного российского юридического образования. В Харбине функционировала уникальная научная школа, чья деятельность способствовала расширению и изменению представлений о предметной области юриспруденции, в частности, теории государства и прав, истории правовых учений, сравнительного правоведения. Изучение этого феномена, который долгие годы оставался вне интересов отечественных правоведов, позволяет получить достоверные знания о том, что является источником развития юридической мысли в восточной ветви Русского Зарубежья и какой вклад данное явление внесло в развитие отечественной юридической науки в настоящее время и даже отдаленную перспективу.

Ключевые слова: право, правовая культура, юридическое образование, Юридический факультет в Харбине, Г. К. Гинс, М. Н. Ершов, В. А. Рязановский, Г. Г. Тельберг, Н. В. Устрялов, В. В. Энгельфельд

Для цитирования: Пономарева В. П. Зарубежная Россия: научная школа теоретиков государства и права юридического факультета в Харбине (1920–1937) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 195–201. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-195-201>.

Original article

Foreign Russia: scientific school of state and law theorists of the faculty of law in Harbin (1920–1937)

Vera P. Ponomareva

Moscow University named after A. S. Griboedov, Moscow, Russia, pon-vera@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research due to the need for a comprehensive study of the phenomenon of the Harbin Faculty of Law remained out of the interests of our lawyers for many years. Implementation of this task is actual because many aspects of the theory and history of law, comparative law set out in the writings of scholars in Harbin are part of the Russian legal heritage. Building a system of spatial coordinates, in which there was the Faculty of Law in Harbin, we contribute to solving the problem of an objective assessment of this legal heritage in the context of Russian jurisprudence.

Keywords: law, legal culture, legal education, Faculty of Law in Harbin, G. K. Gins, M. N. Ershov, V. A. Ryazanovsky, G. G. Telberg, N. V. Ustryalov, V. V. Engelfeld

For citation: Ponomareva V. P. Foreign Russia: scientific school of state and law theorists of the faculty of law in Harbin (1920–1937). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):195–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-195-201>.

Проблема исследования российских правовых школ не нова, но продолжает оставаться актуальной, когда речь идет о соотношении понятий «научная школа», «научное направление», «научное течение». Дискуссионными остаются вопросы о сущности и содержании школы в правоведении, об объективных критериях ее становления, развития и оформления. Со времени выхода работы П. Н. Милокова «Юридическая школа в русской историографии» (1886), научную школу отождествляли с научным направлением или течением, используя термины «юридиче-

ская школа» и «юридическое направление» как порядковые [8].

Современная юриспруденция, рассматривая школу права как научное сообщество, формулирующее собственный концепт, инновационную идею, которая в дальнейшем конкретизируется в разнообразных направлениях юридической деятельности, использует ряд формальных критериев для объективной оценки вклада школы в развитие науки [2]. К таким критериям относят: сообщество людей, занимающихся научно-исследовательской работой в

© Пономарева В. П., 2022

сфере юридической деятельности под руководством лидера группы, который планирует работу членов коллектива, руководит подготовкой публикаций, (монографий, сборников статей, библиографических и учебно-методических пособий, авторских лекционных курсов) в рамках избранного научного направления, организует и проводит конференции, руководит подготовкой и защитой диссертаций [2].

Для уточнения сущности и содержания понятия российская школа права, выявления общих законов развития научных школ, изучения вопросов взаимного усвоения юридического опыта следует обратиться к правовому наследию существовавших в прошлом школ права, в частности, к научному творчеству ученых Русского Зарубежья в 20–40-е гг. XX в.

Русское Зарубежье — особый социальный феномен, вызванный революционными событиями в России 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войной, которая выплеснула за пределы страны (по разным данным), от 170 тыс. до 2 млн человек, расселившихся, впоследствии, практически по всем континентам. К началу 20-х гг. прошлого столетия возникло несколько центров эмиграции: Париж, Прага, Харбин, в которых были созданы русские научные центры, академические группы и высшие учебные заведения для эмигрантской молодежи, где можно было получить первоклассное юридическое образование на русском языке.

Дольше всех просуществовало русское высшее учебное заведение «Юридический факультет в городе Харбине» (1920–1937), образованное в столице китайской Северной Маньчжурии, в которой проживало свыше 50 тыс. русских, представлявших собой смесь различных социальных, политических и культурных групп: от местной интеллигенции, работающей в управлении Китайской Восточной железной дороги (далее — КВЖД), до эмигрантов. Вуз был организован на основе Устава Московского университета 1884 г., в соответствии с которым были созданы 12 кафедр (от римского права до энциклопедии и истории философии права); костяк профессорско-преподавательского состава представляли преподаватели юридических дисциплин из различных российских университетов [1].

Основным направлением научной деятельности преподавателей юридического факультета стала семья восточного права, сравнительное исследование правовых и государственных институтов стран Вос-

точной Азии [10]. Лидером Харбинской школы права был профессор Валентин Александрович Рязановский (1884–1968), выпускник юридического факультета Московского университета, преподавал в Демидовском Юридическом Лицее в Ярославле, в Томске, Иркутске, Владивостоке, защитил магистерскую диссертацию в Донском (бывшем Варшавском) университете, проработал на Юридическом факультета в Харбине 14 лет (из них — пять лет в должности декана) [13, с. 359]. В начале научной карьеры Рязановский занимался историко-догматическим исследованием институтов русского наследственного права, но, переехав на Дальний Восток, приступил к изучению источников права Монголии и Китая. Свой интерес к восточному праву, Рязановский пояснял так: «Одна отрасль востоковедения, и в частности китаеведения, находится в особо неблагоприятном положении, можно сказать, в загоне, это область — юриспруденция. Это объясняется тем, что граждане иных держав в Китае пользовались экстерриториальностью и их права были ограждены трактатами, так же трудностью языка, отсутствием в частном праве Китае кодексов и действием только обычного права» [15, с. 287].

В 1929 г. В. А. Рязановский издал монографию «Customary Law of the Mongol tribes», в 1931 — книгу «Монгольское право (преимущественно обычное)» [16], в которых опубликовал результаты исследования правового творчества главных монгольских племен: монголов, бурят, калмыков, оставивших заметный след в истории двух частей света Азии и Европы [16, с. 6]. Анализ большого массива оригинальных юридических источников, догматический, сравнительно правовой и историко-правовой методы исследования помогли Рязановскому обнаружить в источниках и памятниках монгольского права XIX и первой четверти XX вв. обычаи, характерные для некоторых горных народностей Кавказа, Пиренеев, коренных жителей Азии, Америки, Африки и Австралии, но давно утраченных современными европейскими народами. Все это позволило В. А. Рязановскому провести системный историко-правовой анализ монгольского права, его отдельных институтов и проследить тенденции эволюции этого права в контексте общих закономерностей такого развития, установленных теорией права и сравнительным правоведением [16, с. 7]. Обосновывая значение исследования монгольского права для отечественной юриспруденции, Рязановский писал: «...для нас, русских, изучение

монгольского права представляет интерес еще и потому, что мы свыше двух веков находились в политическом подчинении монголо-татарам» [14].

Оценивая сложность и объем проведенной работы, профессор Г. Г. Тельберг в отзыве о книге В. А. Рязановского «Монгольское право (преимущественно обычное)» писал: «Резюмируя нашу общую оценку этой работы, мы должны сказать, что мы приписываем ей большую научную ценность. Это есть первая, насколько нам известно, попытка систематически подобрать весь материал, относящийся к правовой жизни великого азиатского племени на протяжении семи веков его жизни. Приложив метод сравнительного правового исследования к материалам монгольского права, автор вдвинул, так сказать, этот материал в общие схемы эволюции родового быта и, тем самым, подтвердил правильность этих общих схем» [7, с. 281].

Научные труды В. А. Рязановского по китайскому и монгольскому праву, частично переведенные на иностранные языки, обратили на себя внимание европейских ученых компаративистов, которые избрали его членом Общества сравнительного правоведения в Париже, Общества социальных наук в Пекине и членом-корреспондентом Института законоведения в Риме. Доклад Рязановского «Mongolian Law and Comparative Jurisprudence» был подготовлен и заслушан Международным конгрессом сравнительного правоведения 1932 г. [11, с. 477]. Весной 1929 г. Валентин Александрович Рязановский завершил работу на Юридическом факультете в Харбине и переехал с семьей в США, где скончался в феврале 1968 г. в Окленде [9].

Проблемами теории государства и права занимался первый декан Юридического факультета в Харбине Николай Васильевич Устрялов (1890–1938) — выпускник юридического факультета Московского университета, ученик профессоров Е. Н. Трубецкова и П. И. Новгородцева, под влиянием которых формировались его юридическое мировоззрение и политические взгляды. Н. В. Устрялов преподавал государственное право, служил юрисконсультом при управлении делами правительства адмирала А. В. Колчака, позже попал в русскую эмигрантскую столицу северного Китая — Харбин, где стал первым деканом Юридического факультета в Харбине.

Из представителей российской политико-правовой мысли XX столетия Н. В. Устрялов был наиболее

ярким и последовательным разработчиком теории русской государственности, утверждал, что в обществе возможен порядок, когда в нем установлена власть, способная приказывать и принуждать [20]. В сильной государственности видел гарантию сохранения Отечества, нации и культуры, и готов был поддержать ту власть, которая могла сохранить и укрепить Россию как суверенное государство [21].

Николай Васильевич Устрялов сформулировал свои взгляды на общую теорию права в работе «О разуме права и праве истории» [19], в которой, признавая социальную ценность и регулятивную функцию права, ставил его, по значимости, ниже нравственности и религии. Считал, что в переломные моменты истории обращение к праву бессмысленно, сравнивая тех, кто пытался делать это, с полководцами, которые «в разгар неудачного сражения начинают читать дрогнувшим солдатам лекции о пользе дисциплины, или того брандмейстера, который в момент пожара внушает хозяевам горящего дома правила осторожного обращения с огнем» [19]. Альтернативой праву, по Устрялову, выступает сила, которую он отделял от насилия и наделял духовностью и творческой идеей, поясняя, что силу нужно ограничивать правом, но только тогда, когда закончена силовая переоценка ценностей, нужно регистрировать свершенные перемены и благотворно «регулировать прогресс» до следующей капитальной переоценки» [19].

Н. В. Устрялов завершил работу на Юридическом факультете в Харбине в 1934 г. и уехал с семьей в СССР, где был в 1937 г. арестован, осужден и расстрелян.

На Юридическом факультета в Харбине преподавал Георгий Константинович Гинс (1887–1971) — выпускник юридического факультета Петербургского университета, сотрудник Переселенческого комитета, изучавший правовые обычаи, регулировавшие распределение оросительных вод в Туркестане, преподаватель в Петроградском университете, в политехническом институте в Омске, юрист в правительстве адмирала А. В. Колчака. Проработал в вузе в Харбине все 17 лет существования этого учебного заведения (1920–1937) [1, с. 35–36].

Сфера научных интересов Г. К. Гинса была широка — от водного права до проблем теории солидаризма [3]. В харбинский период он достиг высот своей научной карьеры в области теории права и сравнительного правоведения, опубликовав такие работы,

как: «Этические проблемы современного Китая», «Право и сила (очерки по теории права и политики)», «Новые идеи в праве и основные проблемы современности», «Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-Ди-Го», «Право и культура. Процессы формирования и развития права». В них Г. К. Гинс сформулировал правовую позицию, доказывая, что право формируется под влиянием идей и настроений социума, культуры, социальной психологии и нравственности. Задача юридической науки определить место и роль права как явления культуры и цивилизации, установить взаимосвязь права и нравственности как особого вида мотивации, основанной на психическом предрасположении к действиям, соответствующим идее долга по отношению к ближним, обществу и государству.

Исследуя проблему правообразования, Г. К. Гинс подчеркивал особую важность для развития права научных идей, концепций и школ, которые аккумулируют теоретические знания, опыт и выводы, совершенствуют и углубляют идеи своих основоположников и, в конце концов, появляются научные труды, которые завершают работу ряда поколений или завоевывают признание в качестве трудов классических. «Если при этом государство отмечало подобное юриста, давало ему высокое официальное положение, обращалось к нему за консультациями, то это тем более способствовало преобладанию его авторитета. Привлечение выдающихся юристов на университетские кафедры, с которых они получают возможность поучать молодые поколения и распространять свои взгляды, еще более способствует их успеху и влиянию, а вместе с тем и унификации научного толкования права и обобщающих идей» [4, с. 247].

В 1940 г. Гинс покинул Харбин и уехал в США, где продолжил преподавательскую деятельность и научную работу, опубликовав, в том числе две монографии: «Советское право и советское общество» (Гаага, 1954) и «Упадок коммунизма» (Нью-Йорк, 1956). Г. К. Гинс скончался в сентябре 1971 г. [9].

Еще одним ярким представителем Харбинской школы права был Матвей Николаевич Ершов (1886 г. — не ранее 1935 г.) — выпускник и преподаватель Казанской Духовной Академии, первый проректор Государственного Дальневосточного университета [12]. М. Н. Ершов приступил к работе на Юридическом факультете в Харбине в 1926 г. За годы, проведенные в Харбине, Ершовым было опубликовано около 20 научно-исследовательских работ, в том числе и по проблемам теории права: «Ценность юридического образования», «Политические идеалы А. Д. Градовского», «Борьба в мире идей», «Школа и умственное движение в современном Китае». Правопонимание Ершова формировалось на основе религиозно-правовой концепции, в которой право понималось как явление необходимое для установления общественного порядка на основе божьей воли. Эффективность права М. Н. Ершов связывал с высоким уровнем развития правового сознания личности, считая, что в «правовых императивах заключены нравственные и религиозные категории, которые и формируют индивидуальное правовое сознание, повышают регулятивную функцию права и положительно влияют на правовое состояние общества» [5].

Одной из доминирующих тем его научного творчества китайского периода оставалась проблема осмысления факторов культурного развития личности, в частности, роли юридического образования для преодоления юридического нигилизма во всех слоях общества [6, с. 219]. В своей вступительной лекции, прочитанной на Юридическом факультете в Харбине, М. Н. Ершов анализировал события первой четверти XX в., констатировал кризис правового сознания у всех европейских народов как результат Мировой войны и революции. Сравнивая современные ему события с эпохой Возрождения, которая смогла создать особую атмосферу веры в силу разума, мощь природы, в силу и значение естественного права, что привело к общественному прогрессу, к доминированию идеи народовластия в правовых учениях конца XVIII в. — течения XIX в., Ершов возлагал большие надежды на право. [6, с. 205–206]. Решение проблемы повышения роли права в жизни общества Матвей Ершов связывал с юридическим образованием, подъемом нравственности и общей культуры индивида и общества. По мнению Ершова особенно важным это было для русских, типичной особенностью национального сознания которых он считал равнодушие, безразличное отношение к правовым вопросам, отсутствие своего рода правового чутья. «Есть все данные утверждать наличие в нашем национальном складе особой отрицательной черты, характеризующейся именно отсутствием, если можно так выразиться, юридизма в мышлении и действиях; правовая, юридическая ат-

мосфера не есть та атмосфера, которую по преимуществу дышит и любит дышать русский человек» [6, с. 209]. Выступая носителем религиозной нравственности, Ершов считал, что право взаимообусловлено религией, которая определяя порядок и организацию религиозных общин, церквей, самих верующих, одновременно являются и способом правовой регламентации жизни людей в обществе. В результате формируется особый тип правовой культуры, способный противостоять социальным бурям [6, с. 209].

Матвей Николаевич Ершов проработал на Юридическом факультете в Харбине практически до конца существования этого учебного заведения. Дальнейшая судьба его неизвестна.

К Харбинской школе теоретиков права можно отнести Георгия Густавовича Тельберга (1881–1954) — выпускника юридического факультета Казанского университета, магистра истории русского права с 1912 г., исполняющего обязанности ординарного профессора Томского университета, декана юридического факультета Саратовского университета, министра юстиции в правительстве адмирала А. В. Колчака [17, с. 258–261].

Профессор Тельберг приступил к преподаванию русской истории и истории русского права на Юридическом факультете в Харбине в 1926 г. [7, с. 355]. В контексте общих научных интересов ученых Харбинской школы права обращает на себя внимание работа «Судебники великого князя Ивана III и царя Ивана IV», в которой Тельберг дал глубокий анализ пространственно-темпоральных характеристик формы государства, установив связи пространственной парадигмы с формой государственного устройства, режимом правления и национальным правом [18].

В 1940 г. Г. Г. Тельберг покинул Китай и уехал в США, где преподавал русский язык и литературу, занимался книжной торговлей. Умер Георгий Густавович Тельберг 20 февраля 1945 г. [9, с. 337–338].

В 1923 г. на Юридическом факультете в Харбине на должность ординарного профессора по кафедре административного права был избран Владимир Викторович Энгельфельд (1891–1937) — выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, успешно прошедший подготовку к профессорскому званию и сдавший экзамены на ученую степень магистра по истории русского права, служивший в 1-м Департаменте Правительствующего Сената, преподававший в Томском уни-

верситете (1918), Омском политехническом институте (1919), Государственном Дальневосточном университете (1920–1921), Институте русского языка при Министерстве иностранных дел Китая (1921–1923), юрисконсульт Управления делами в правительстве адмирала А. В. Колчака и советником Министерства юстиции в Пекине [22].

В Харбине Энгельфельд опубликовал первые работы на русском языке по истории права и политической системе Китая, которые впоследствии были включены в его труд «Очерки государственного права Китая». Свой особый интерес к семье восточного права В. В. Энгельфельд обосновывал тем, что русская юриспруденция уделяла очень мало внимания изучению права, государства и политических организаций, пограничных с Россией восточных стран. В частности, Китай, как правило, был предметом интереса ученых ориенталистов, которые не рассматривали государственно-правовые проблемы, не формировали правовую позицию по семье восточного права. [23, с. 5].

Исследуя семью восточного права, Энгельфельд использовал исторический метод, что позволило ему сделать вывод о негативном влиянии западноевропейских держав на древнекитайские государственные институты, о непосредственной взаимосвязи эволюции политических институтов Китайского государства с особенностями традиционного китайского нравственно-политического мышления, об иностранных концессиях, ограничивающих суверенитет Китая [23, с. 7]. По итогам проведенного исследования, В. В. Энгельфельд подготовил и в ноябре 1925 г. перед Русской академической группой в Париже на русском отделении юридического факультета Парижского университета успешно защитил магистерскую диссертацию «Очерки государственного права Китая» [1]. Вернувшись в Харбин, Энгельфельд продолжал заниматься исследованиями в области китайского права, активно публиковаться в научном издании факультета «Известия Юридического факультета в Харбине», был редактором X тома этого издания, был избран деканом факультета. После ухода с поста декана Энгельфельд преподавал на Юридическом факультете до его ликвидации в 1937 г. [1, с. 35–36].

Харбинская школа права, просуществовав вместе с Юридическим факультетом, сыграла значительную роль в истории и жизни восточной ветви Рус-

ского Зарубежья. Уровень научных исследований преподавателей был столь велик, что вклад ученых факультета в отечественное правоведение сохраняет свою актуальность и по сей день. Реалии правовой жизни таковы, что статус научной школы юриспруденции, результативность ее деятельности подтверждается временем.

Список источников

1. Автономов Н. П. Юридический факультет в Харбине за восемнадцать лет существования (исторический очерк): сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования юридического факультета в городе Харбине. 1920–1937 // Известия Юридического факультета. 1938. Т. 12. С. 3–84.
2. Баранов В. М. Опыт формирования и функционирования научной школы техники правотворчества: моногр. М. : Проспект, 2019.
3. Гинс Г. К. От либерализма к солидаризму. На путях к государству будущего. Харбин : Типография Н. Е. Чинарева, 1930.
4. Гинс Г. К. Право и культура: процессы формирования и развития права. Харбин : Русско-маньчжурская книготорговля, 1938.
5. Ершов М. Н. Факторы культурного развития личности (социально-педагогический очерк). Владивосток, 1921.
6. Ершов М. Н. Ценность юридического образования в наше время // Известия Юридического Факультета в г. Харбине. 1927. Т. 4. С. 203–226.
7. Известия Юридического факультета // Высшая школа в Харбине. Харбин, 1925–1933. 1931. Т. 9.
8. Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. № 6. С. 80–92.
9. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. В 6 т. В 8 кн. / сост. В. Н. Чуваков. М. : Пашков дом, 1999–2007.
10. Оксамытный В. В. Юридическая компаративистика: учеб. курс для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
11. Официальный отдел // Известия Юридического факультета в Харбине. 1929. Т. 7. С. 468–477.
12. Пономарева В. П. Матвей Николаевич Ершов — российский юрист и педагог: жизнь и воззрения // История государства и права. 2009. № 6. С. 41–43.
13. Рязановский В. А. К двадцатипятилетию ученой и практической деятельности (1908–1933) // Известия Юридического факультета в Харбине. 1933. Т. 10.
14. Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право. Харбин : Художественная типография, 1931.
15. Рязановский В. А. Монгольское право и сравнительное правоведение // Известия Юридического факультета в Харбине. 1928. Т. VII.
16. Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное): исторический очерк. Харбин : Типография Н. Е. Чинарева, 1931.
17. Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции. М., 2000.
18. Тельберг Г. Г. Судебники Великого князя Ивана III и царя Ивана IV: Харбин, 1926.
19. Устрялов Н. В. О разуме права и праве истории // Смена Вех. 1921. 29 окт. С. 6–8.
20. Устрялов Н. В. Понятие о государстве. Харбин, 1931.
21. Устрялов Н. В. Элементы государства. Территория. Население. Власть // Вестник китайского права. 1931. № 1. С. 11–23.
22. Хисамутдинов А. А., Чи Ю. Профессор В. В. Энгельфельд: «Очень любил свое дело и не представлял себе жизни без преподавания в высшей школе» // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 153–163.
23. Энгельфельд В. В. Очерки государственного права Китая // Известия Юридического факультета в Харбине. 1925. Т. 2.

References

1. Avtonomov N.P. Faculty of Law in Harbin for eighteen years of existence (historical essay): Sat. in commemoration of the eighteenth anniversary of the existence of the Faculty of Law in the city of Harbin. 1920–1937 // Proceedings of the Faculty of Law. 1938, vol. 12, P. 3–84.
2. Baranov V. M. Experience in the formation and functioning of the scientific school of lawmaking technology: monograph. M. : Prospekt, 2019.
3. Gins GK From liberalism to solidarism. On the way to the state of the future. Harbin: Printing house of N. E. Chinarev, 1930.
4. Gins G. K. Law and culture: processes of formation and development of law. Harbin: Russian-Manchurian book trade, 1938.

5. Ershov M. N. Factors of cultural development of personality (social and pedagogical essay). Vladivostok, 1921.
6. Ershov M. N. The value of legal education in our time // Proceedings of the Faculty of Law in Harbin. 1927. V. 4. P. 203–226.
7. Proceedings of the Faculty of Law // Higher School in Harbin. Harbin, 1925–1933 1931. Vol. 9.
8. Milyukov P. N. The legal school in Russian historiography (Soloviev, Kavelin, Chicherin, Sergeevich) // Russian Thought. 1886. No. 6. P. 80–92.
9. Unforgotten Graves: Russian Abroad: Obituaries 1917–1997. In 6 volumes. In 8 books. / comp. V. N. Chuvakov. M. : Pashkov house, 1999–2007.
10. Oksamytny VV Legal comparative studies: textbook. a course for master's students studying in the direction of preparation «Jurisprudence». M. : UNITY-DANA, 2015.
11. Official department // Proceedings of the Faculty of Law in Harbin. 1929. V. 7. P. 468–477.
12. Ponomareva V.P. Matvey Nikolaevich Ershov — Russian lawyer and teacher: life and views // History of State and Law. 2009. No. 6. P. 41–43.
13. Ryazanovsky V. A. To the twenty-fifth anniversary of scientific and practical activity (1908–1933) // Proceedings of the Faculty of Law in Harbin. 1933. Vol. 10.
14. Ryazanovsky V. A. On the issue of the influence of Mongolian culture and Mongolian law on Russian culture and law. Harbin : Art Printing House, 1931.
15. Ryazanovsky V. A. Mongolian law and comparative law // Proceedings of the Faculty of Law in Harbin. 1928. Vol. VII.
16. Ryazanovsky V. A. Mongolian law (mainly customary): a historical essay. Harbin : Printing house of N. E. Chinarev, 1931.
17. Starodubtsev G. S. International legal science of Russian emigration. M., 2000.
18. Telberg G. G. Sudebnik of Grand Duke Ivan III and Tsar Ivan IV: Harbin, 1926.
19. Ustryalov N. V. On the reason of law and the right of history // Change of milestones. 1921. 29 Oct. P. 6–8.
20. Ustryalov N. V. The concept of the state. Harbin, 1931.
21. Ustryalov N.V. Elements of the state. Territory. Population. Power // Bulletin of Chinese Law. 1931. No. 1. P. 11–23.
22. Khisamutdinov A. A., Chi Yu. Professor V. V. Engelfeld: «He loved his job very much and could not imagine life without teaching in higher education» // Problems of the Far East. 2020. No. 4. P. 153–163.
23. Engelfeld V.V. Essays on the state law of China // Proceedings of the Faculty of Law in Harbin. 1925. Vol. 2.

Информация об авторе

В. П. Пономарева — доцент кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени А. С. Грибоедова, кандидат педагогических наук.

Information about the author

V. P. Ponomareva — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow University named after A. S. Griboedov, Candidate of Pedagogical Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.07.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 26.07.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-202-207>

ИПОН: 2003-0059-5/22-444

MOSURED: 77/27-003-2022-05-643

Юридическая ответственность несовершеннолетних граждан за противоправные действия в сети Интернет (сравнительно-правовой аспект)

Владимир Владимирович Попов¹, Алла Владимировна Ерохина², Светлана Владимировна Черкасова³

^{1,2,3} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ vv_popov@guu.ru

² erokhina.alvl@mail.ru

³ Cherkasova.s2000@gmail.com

Аннотация. Анализируется законодательство разных стран в области ответственности несовершеннолетних за противоправные действия в Интернете. Наравне с законодательством Российской Федерации, рассматриваются законодательные акты США, Филиппин и Казахстана. Цель — показать феномен кибербуллинга с точки зрения международного сообщества, определить особенности подходов тех или иных государств к вопросам ответственности и определению травли, а также рассмотреть иные правонарушения в Интернете среди несовершеннолетних. Объект исследования — законодательство Российской Федерации и зарубежных стран в области ответственности несовершеннолетних за правонарушения в Интернете. Предмет — сравнительно-правовой анализ ответственности несовершеннолетних за противоправные действия в интернет-пространстве в разных странах. Методологическую и теоретическую основу исследования составляют частно- и общенаучные подходы к изучению данной тематики; применялись формально-логический и сравнительный методы, а также методы структурного анализа. В ходе исследования были сделаны выводы о необходимости законодательного закрепления кибербуллинга в Российской Федерации и пересмотр ответственности за некоторые интернет-преступления.

Ключевые слова: сравнение законодательства, кибербуллинг, буллинг, травля в Интернете, кибербуллинг, травля, ответственность за травлю, девиантное поведение, интернет-травля, социальные сети, ответственность несовершеннолетних

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33051.

Для цитирования: Попов В. В., Ерохина А. В., Черкасова С. В. Юридическая ответственность несовершеннолетних граждан за противоправные действия в сети Интернет (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 202–207. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-202-207>.

Original article

Legal liability of minors for illegal actions on the Internet (comparative legal aspect)

Vladimir V. Popov¹, Alla V. Erokhina², Svetlana V. Cherkasova³

^{1,2,3} State University of Management, Moscow, Russia

¹ vv_popov@guu.ru

² erokhina.alvl@mail.ru

³ Cherkasova.s2000@gmail.com

Abstract. The legislation of different countries in the field of responsibility of minors for illegal actions on the Internet is analyzed. Along with the legislation of the Russian Federation, the legislative acts of the USA, the Philippines and Kazakhstan are considered. The goal is to show the phenomenon of cyberbullying from the point of view of the international community, to determine the specifics of the approaches of certain states in matters of responsibility and the definition of bullying, as well as to consider other offenses on the Internet among minors. The object of the study is the legislation of the Russian Federation and foreign countries in the field of responsibility of minors for offenses on the Internet. The subject is a comparative legal analysis of the responsibility of minors for illegal actions in the Internet space in different countries. The methodological and theoretical basis of the research is based on private and general scientific approaches to the study of this topic, formal logical and comparative methods, as well as methods of structural analysis were used. In the course of the study, conclusions were drawn about the need for legislative consolidation of cyberbullying in the Russian Federation and the revision of responsibility for some Internet crimes.

Keywords: comparison of legislation, cyberbullying, bullying, Internet bullying, cyberbullying, bullying, liability for bullying, deviant behavior, Internet bullying, social networks, responsibility of minors

© Попов В. В., Ерохина А. В., Черкасова С. В., 2022

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR and the EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-33051.

For citation: Popov V. V., Erokhina A. V., Cherkasova S. V. Legal liability of minors for illegal actions on the Internet (comparative legal aspect). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(5):202–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-202-207>.

С развитием информационных технологий и появлением социальных сетей как отдельного ресурса для получения информации человечество получило доступ к данным из любой точки земного шара. В настоящее время основной категорией пользователей социальных сетей в Российской Федерации являются молодые люди в возрасте до 24 лет, значительную долю которых составляют несовершеннолетние. Данная возрастная категория использует социальные сети для поиска обучающих и развлекательных материалов, которые можно находить в одном месте, не тратя при этом огромное количество времени на поиски. Использование цифровых технологий современным человеком позволило создать совершенно новое общество, которое характеризуется как с положительной, так и с отрицательной стороны. К положительным качествам использования всех возможностей цифровизации и Интернета можно отнести упрощение производственных и технических процессов, развитие баз данных на электронных носителях, усиление роли интеллектуального развития человека для пользования и создания цифровых технологий и др. К отрицательной же стороне можно отнести создание новой среды для развития противоправных действий, особенно в социальных сетях. Сами по себе социальные сети в некоторых случаях из инструмента для общения, образования трансформировались в сообщества с девиантными и деструктивными девиантными материалами. Особую опасность материал данных групп представляет для несовершеннолетних, так как из-за своей неопытности, вспыльчивости, доверчивости и других особенностей характера подростковая категория может стать отличным орудием в руках преступников. Подростки — личности восприимчивые и некоторую информацию они еще, в силу своего возраста, не способны «фильтровать» и принимают все за «чистую монету». В связи с этим подростки сами не осознают, когда они становятся частью противоправной группы или осуществляют противоправные действия.

Развитие девиантного поведения в социальных сетях связано с тем, что в некоторых странах, как

правило, отсутствует контроль над публикуемой информацией. Существует определенный перечень информации, которую запрещено публиковать. К нему можно отнести экстремистские материалы, информацию о наркотических средствах и т. д. В случае обнаружения такого материала на просторах социальной сети он подлежит удалению, что далеко не всегда возможно сделать вследствие воспроизводимости информации.

Крайне распространенным правонарушением в цифровом пространстве является кибербуллинг (травля в Интернете). Кибербуллингом является индивидуальное либо групповое преследование лица с использованием информационных технологий с целью его унижения, запугивания либо причинения иного морального вреда, при этом преследование носит публичный характер [1, с. 98]. Данное явление можно назвать общемировым, а к основным причинам его возникновения относятся неустроенность подростков в материально-бытовом плане, отсутствие достаточного количества денежных средств как в семье, так и в плане карманных расходов ребенка, что позволяет некоторым детям чувствовать себя ущемленными по сравнению со сверстниками, а также проблемы с межличностными отношениями среди сверстников и другие. Как уже было сказано выше, данное явление присуще всем странам и некоторые государства ведут активную борьбу с кибербуллингом путем определения и закрепления в законодательных актах этимологии, видов и характерных черт его проявления, развивается и дополняется существующее законодательство мерами ответственности за буллинг или же создаются совершенно новые законодательные акты, посвященные ответственности за травлю в Интернете и реальной жизни.

Кибербуллинг в настоящее время весьма распространен в США, вследствие чего юридические методы противодействия данному явлению представляют особый интерес. Американские подростки сталкиваются с кибербуллингом в социальных сетях, через текстовые сообщения в онлайн и оффлайн режимах, на интернет-форумах, чат-румах (chat rooms), через электронную почту и онлайн-игры (так как в

большинстве случаев онлайн-игра представляет собой командную работу, а для коммуникации с другими пользователями в игре необходимо общение как через обычный чат — письменный способ, так и через voice chat — общение с помощью голоса с использованием микрофона). В. М. Елин исследовал уголовно-правовой аспект противодействия кибербуллингу в США на федеральном уровне и уровне штатов [2, с. 22–25].

В США действует два федеральных закона, направленных на обеспечение интернет-безопасности несовершеннолетних — Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете (Children's Online Privacy Protection Act (16 CFR Part 312, COPPA)) [3] и Закон о защите детей в Интернете (The Children's Internet Protection Act (20 U.S.C. § 9134; 47 U.S.C. § 254 (CIPA)) [4].

В локальных актах образовательных организаций США закреплены нормы о кибербуллинге и ответственности за него. Законы штатов направлены на применение специальных мер для предотвращения кибербуллинга, а также на защиту детей от данного вида психологического насилия.

К юрисдикции штатов, а также территории Федерального округа Колумбия относятся закрепление и борьба с данным правонарушением. Особенности административно-территориального деления США позволяют каждому штату по-разному определять политику и законы в области борьбы с кибербуллингом и установления юридической ответственности. Так, одни нормы имеют закрепление в законах, а другие направлены на развитие политик школ и местных образовательных центров. В декабре 2010 г. Министерство образования США разработало основу для законодательства в области кибербуллинга, которая обязательна к применению во всех штатах. Данный документ находит отражение в законодательстве штатов либо в политиках. Политики (policies) — это нормы, которые правительство собирает внедрить или описывает изменения, которые будут происходить в обществе при их внедрении в законодательство, показывают, как улучшится ситуация в какой-либо из областей или же описывает будущий план работы правительства; данная политика также описывает положения либо методы, которые нецелесообразно внедрять в государстве. Политика представляет из себя документ, но не закон, который устанавливает стандарты, принципы, про-

цедуры, которым необходимо следовать в обществе, но политика в будущем может стать законом или быть его основой [5]. Ключевыми и общими положениями в области законодательства США для всех штатов в сфере кибербуллинга являются: определения буллинга или кибербуллинга, перечень неспецифичных манер поведения людей, которые можно определить как буллинг или кибербуллинг, которые могут быть осуществлены как с прямым, так и с косвенным умыслом, описывают формы проявления — физическая (через насилие, т. е. избиение и пр.), вербальная (включает в себя как словесное оскорбление в реальной жизни, так и в интернет-пространстве) и невербальная (исключительно через Интернет, т. е. кибербуллинг по своей природе) [6].

Описываются сферы и области, где применяются нормы, правовые регуляторы и политики, т. е. у каждого из актов есть определенная территориальная закрепленность. Например, некоторые документы применяются исключительно на территории школы, школьных площадок, на школьных мероприятиях. В политике прописаны основные черты, характеристики жертвы буллинга или кибербуллинга на основе исторического опыта проявления травли. Описываются механизмы взаимодействия между школьной администрацией, персоналом, студентами и их родителями или опекунами, прописаны процедуры расследования данного правонарушения, уточняется, что сбор информации о жертве или обидчике происходит исключительно с сохранением анонимности учащихся, также указываются виды санкций и наказаний и т. д. Так, например, в основном законе штата Северная Каролина гл. 14 Уголовный закон ст. 60 посвящена преступлениям, связанным с компьютерами, а параграф 14-458.1-1 посвящен кибербуллингу. Пункт 1 параграфа описывает перечень того, что понимается под кибербуллингом — использование компьютера или компьютерной сети для причинения вреда или истязания несовершеннолетнего, также в определение входит создание ложного (фейкового) профиля или сайта, выдача себя за другого лица в интернет-чатах, в сообщениях по электронной почте или в мгновенных сообщениях, слежка в социальных сетях, выкладывание либо побуждение выложить фотографии в Интернет с содержанием частной, личной или сексуальной информацией несовершеннолетнего, оскорбления, правдивые или ложные заявления, с

целью провокации, stalking (слежки) и харассмента (приставаний, сексуальных домогательств) несовершеннолетнего и многие другие положения [7]. В целом в данной статье существует обширный перечень того, что относится к кибербуллингу. Мера ответственности в Северной Каролине за данное преступление зависит от возраста; если преступник на момент совершения достиг 18 лет и больше, то он наказывается в соответствии с 1 class misdemeanor, если же меньше 18 лет, то ответственность наступает по 2 class misdemeanor. В США особая система ответственности, где существуют petty offenses (аналог российских правонарушений), felonies (аналог российских преступлений по УК РФ), misdemeanors (деяния между правонарушениями и преступлениями, для их обозначения используются подкатегории для классификации и в зависимости от этого назначается наказание).

Так, к 1-му классу относят самые тяжкие правонарушения, включающие в себя длительное тюремное заключение и штраф. В Северной Каролине для лиц старше 18 лет, как уже было сказано выше, ответственность идет по 1-му классу, т. е. за кибербуллинг лицо подлежит тюремному заключению на срок от 1 до 120 дней. Необходимо отметить, что суд может установить как тюремное заключение на весь срок, так и на его половину, т. е. лицо, к примеру, приговоренное к 120 дням заключения, первые 60 дней проведет в тюрьме, а остальные на специальных образовательных программах, лечении или под домашним арестом. Наказание по 2-му классу подразумевает под собой тюремное заключение на срок от 1 до 60 дней, также на усмотрение судьи полный срок в заключении или половина. И во всех случаях, вне зависимости от времени тюремного заключения, будет назначен обязательный штраф в размере 1 тыс. долл. В Северной Каролине ответственность наступает не только за кибербуллинг сверстников, одноклассников, но и за кибербуллинг учителей. Ответственность для школьника, совершающего данное правонарушение в отношении школьного работника, наступает по параграфу 14-458.2 и мера ответственности также по 2-му классу. Политика против буллинга и харассмента описана в гл. 115С «Начальное и среднее образование» основного закона Северной Каролины, параграф 115С-407.16. К основным направлениям работы в данных областях относят определения травли либо харассмента, опи-

сание типов поведения при данных правонарушениях как у работников образования, так и у учащихся, последствия и незамедлительные действия для лица, совершившего правонарушение и т. д. [8]. Штат Калифорния же входит в те немногие штаты, которые в должной мере развили политику и законодательство о кибербуллинге. Отдельно выделяются акты интернет-травли, связанные с сексуальным контентом (распространением, вымогательством или подстрекательством к распространению фотографий, видеоматериалов от одного учащегося к другому или между школьным персоналом и учащимся) [9]. Мера ответственности за мелкие правонарушения через кибербуллинг (травля, оскорбления, запугивания) представляет собой тюремное заключение на срок до одного года или выплату штрафа в размере не более 1 тыс. долл. или же все вместе. Если же деяния можно квалифицировать как уголовное преступление (тяжкое, в основном связанное с порнографией), то лицу грозит тюремное заключение на срок до пяти лет или штраф до 5 тыс. долл. или все вместе. В штате Флорида учащийся или школьный работник, сообщивший о буллинге или кибербуллинге, не может быть привлечен к гражданской ответственности за такое обращение, поскольку считается, что через данное обращение лицо совершило «жест доброй воли», направленный на отчет о травле в учебном заведении [10].

Развивающиеся страны также принимают законы о противодействии подростковой преступности в сети Интернет, направленные, главным образом, против кибербуллинга, интенсивно набирающего обороты в последнее время. Например, в Республике Филиппины действует Закон о борьбе с буллингом 2013 г. (Anti-Bulling Act, RA No. 10627) [11], который предусматривает во всех начальных и средних образовательных учреждениях страны специальную политику по профилактике и борьбе с буллингом и кибербуллингом. Закон четко дает определение терминам «буллинг» и «кибербуллинг» с конкретным указанием на то, какие действия и в каких местах совершать запрещается, а именно под запретом любой нежелательный физический контакт между жертвой и хулиганом, в том числе толчок, пинок, удар, пощечина, щекотание, передразнивание, драка, борьба и использованием любых предметов в качестве оружия. Рассматриваемый закон предусматривает и меры ответственности для пра-

вонарушителей: дисциплинарные меры, включая исключение из учебного заведения. При этом нарушителю придется в любом случае проходить процедуру реабилитации, которая включает в себя комплекс психологических мероприятий. Кроме того, на усмотрение администрации школы правонарушителю может быть предъявлено обвинение в совершении преступления, тогда уведомление о произошедшем будет направлено в полицию либо иные правоохранительные органы.

В Республике Филиппины действует Закон о предупреждении киберпреступности № 10175 [12], который содержит определение киберпреступности и виды преступлений в цифровом пространстве, в перечень которых включены киберсекс, детская порнография, киберсквоттинг, кража личных данных, клевета и незаконный доступ к информации. До принятия данного акта законодательство страны не предусматривало ответственность за преступления с использованием цифрового пространства. Республиканский закон включает в себя оговорку, согласно которой все правонарушения, совершенные с использованием компьютера и сети Интернет, предусматривают ответственность более суровую, чем устанавливает Уголовный кодекс.

В Российской Федерации на данный момент нет отдельного нормативного правового акта, направленного на борьбу с буллингом, есть Федеральный закон, защищающий детей от вредной информации, есть меры административной и уголовной ответственности, которые применяются к правонарушителям за совершение противоправных действий. Ведется работа над законодательством против буллинга, инициировано создание рабочей группы, куда будут входить эксперты из различных областей: психологи, суицидологи, психиатры, криминологи, юристы. Закон должен предусматривать комплекс мер, направленных на профилактику возникновения буллинга и подростковой преступности в целом.

Развитие высоких технологий, интеграция информационно-коммуникационной сети Интернет в повседневную жизнь общества несут не только плюсы, но и минусы, ведь наряду со всеми удобствами и упрощением жизни мы получаем очевидные угрозы безопасности несовершеннолетних. Проблема имеет мировой масштаб, во всех развитых странах, где граждане могут беспрепятственно получать ежедневный доступ к Интернету, существует серьезная

угроза для детей и подростков, являющихся активными пользователями цифрового пространства. В связи с этим многие государства работают над изменением правовых механизмов противодействия преступлениям, совершаемым подростками и в отношении подростков, эффективным использованием действующих правовых норм и, что самое главное, применением методов виктимологической профилактики кибербуллинга и иных правонарушений, связанных с использованием сети Интернет.

Список источников/References

1. Иванова К. А., Степанов А. А., Немчинова Е. В. Кибербуллинг как девиация права граждан на свободу мнения в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 96–101. (Ivanova K. A., Stepanov A. A., Nemchinova E. V. Cyberbullying as deviation of the right of citizens to freedom of opinion on the Internet // Actual problems of Russian law. 2019. № 1. P. 96–101.)
2. Елин В. М. Уголовно-правовые инструменты борьбы с кибербуллингом в США // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 1. С. 22–25. (Elin V. M. Criminal legal instruments for combating cyberbullying in the USA // International criminal law and international justice. 2022. № 1. P. 22–25.)
3. Children's Online Privacy Protection Act (16 CFR Part 312) (COPPA) URL://<https://www.ftc.gov/enforcement/rules/rulemaking-regulatory-reform-proceedings/childrens-online-privacy-protection-rule>.
4. The Children's Internet Protection Act (20 U.S.C. § 9134; 47 U.S.C. § 254) (CIPA) // URL://<https://www.fcc.gov/consumers/guides/childrens-internet-protection-act>.
5. Law vs Policy. What's the Difference? // careers.uw.edu // URL://<https://careers.uw.edu/blog/2019/10/13/law-vs-policy-whats-the-difference>.
6. Key Components in State Anti-Bullying Laws, Policies and Regulations // stopbullying.gov // URL://<https://www.stopbullying.gov/resources/laws/key-components>.
7. 2015 North Carolina General Statutes Chapter 14 — Criminal Law. Article 60 — Computer-Related Crime. § 14-458.1 // law.justia.com // URL://<https://law.justia.com/codes/north-carolina/2015/chapter-14/article-60/section-14-458.1>.
8. North Carolina General Statutes Chapter 115C. Elementary and Secondary Education § 115C-407.16.

Policy against bullying or harassing behavior // codes.findlaw.com // URL://https://codes.findlaw.com/nc/chapter-115c-elementary-and-secondary-education/nc-gen-st-sect-115c-407-16.html.

9. California Code, Education Code — EDC § 48900 // codes.findlaw.com // URL://https://codes.findlaw.com/ca/education-code/edc-sect-48900.html.

10. Florida Statutes Title XLVIII. K-20 Education Code § 1006.147. Bullying and harassment prohibited // codes.findlaw.com // URL://https://codes.findlaw.com/

fl/title-xlviii-k20-education-code/fl-st-sect-1006-147.html.

11. Anti-Bullying Act (R. A. No. 10627) // URL://https://hrep-website.s3.ap-southeast-1.amazonaws.com/legisdocs/basic_18/HB02321.pdf.

12. Republic Act No. 10175. An Act Defining Cybercrime, Providing for The Prevention, Investigation, Suppression and The Imposition of Penalties Therefor and for Other Purposes // URL://https://lawphil.net/statutes/repacts/ra2012/ra_10175_2012.html.

Информация об авторах

В. В. Попов — доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук;

А. В. Ерохина — студент Государственного университета управления;

С. В. Черкасова — студент Государственного университета управления.

Information about the authors

V. V. Popov — Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences;

A. V. Erokhina — Student of the State University of Management;

S. V. Cherkasova — Student of the State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 29.08.2022.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-208-212>

ИПОН: 2003-0059-5/22-445

MOSURED: 77/27-003-2022-05-644

Правовые и организационные основы защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации от дискредитации

Анастасия Александровна Попова

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Россия

Аннотация. Уделяется внимание оказанию правовой помощи защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Анализируется судебная практика на предмет возникновения затруднений при предоставлении доказательств, подтверждающих распространение порочащих сведений в сети Интернет. Формулируется вывод о необходимости качественного сбора и документирования публикации, которые содержат дискредитирующие сведения, информации с интернет-сайтов, которые должны быть удостоверены нотариально протоколом осмотра доказательств. Акцентируется внимание, что в случае, если негативная информация будет признана судом не достоверной, то обладатель сайта, на котором размещена такая информация, должен ее удалить по заявлению лица, которому был причинен вред. Основываясь на анализе судебных решений, касающихся защиты чести, сделан вывод, что сотрудник, обратившийся в суд, должен максимально качественно представить собранные задокументированные публикации, которыми он был дискредитирован.

Ключевые слова: защита чести и достоинства сотрудников, судебная практика, сведения, порочащие честь, дискредитирующие сведения, средства массовой информации

Для цитирования: Попова А. А. Правовые и организационные основы защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации от дискредитации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 208–212. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-208-212>.

Original article

Legal and organizational bases of protection of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation from discreditation

Anastasia A. Popova

All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russia

Abstract. Attention is paid to the provision of legal assistance to protect the honor and dignity of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Judicial practice is analyzed for difficulties in providing evidence confirming the dissemination of defamatory information on the Internet. The conclusion is formulated about the need for high-quality collection and documentation of publications that contain defamatory information, information from Internet sites, must be notarized by the protocol of inspection of evidence. It is emphasized that if the negative information is found by the court to be unreliable, then the owner of the site on which such information is posted must delete it at the request of the person who was harmed. Based on the analysis of court decisions concerning the protection of honor, it was concluded that an employee who applied to the court should present the collected documented publications with which he was discredited as efficiently as possible.

Keywords: protection of honor and dignity of employees, judicial practice, information discrediting honor, discrediting information, mass media

For citation: Popova A. A. Legal and organizational bases of protection of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation from discreditation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):208–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-208-212>.

На сегодняшний день особое внимание уделяется проблеме защиты сотрудников от целенаправленных действий, подрывающих их авторитет, имидж, доверие к ним, а также умаление достоинства.

В 2021 г. были подготовлены и разосланы в подразделения центрального аппарата МВД России документы, служащие для улучшения ситуации в области указанной сферы деятельности:

♦ указание МВД России «О реализации дополнительных профилактических мер по недопущению нарушения запретов на распространение информации, содержащей негативные высказывания, суждения и оценки, а также материалов, дискредитирующих образ сотрудника либо наносящих ущерб авторитету и деловой репутации органа внутренних дел РФ, в том числе в сети Интернет» (исх. от 1 февраля 2021 г. № 1/3494);

© Попова А. А., 2022

♦ «Методические рекомендации о действиях сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при исполнении служебных обязанностей в случае осуществления в отношении них провокационных действий» (исх. от 27 ноября 2021 г. № 1/2269 дсп);

♦ аналитическая справка по результатам анализа судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России и судебные решения за 2021 г. (исх. от 19 ноября 2021 г. № 19/4/12842).

♦ нормативно-правовой акт, предусматривающий оказание содействия в защите от дискредитирующей информации, приказ МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850 [3].

Сложившаяся ситуация учитывает следующие федеральные законы и ст. 30 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», гарантирующую правовую защиту доброго имени сотрудника.

Каждый день в целях выявления проблемной информации просматриваются сетевые ресурсы. В случае дискредитации сотрудника проводится проверка, по итогам которой сотруднику может быть рекомендовано, обратиться в суд.

За 2020–2021 гг. установлено 938 фактов распространения сведений, несоответствующих действительности и порочащих честь сотрудника. Почти в каждом пятом случае информация распространялась в отношении руководителя.

На основании аналитического обзора, подготовленного Главным управлением собственной безопасности МВД России, в 2020–2021 г. источниками распространения дискредитирующей информации в основном были: обращения организаций и должностных лиц (378), блоги и иные источники сети Интернет (270), жалобы и заявления граждан (166), средства массовой информации (124).

Исключительность и особенность МВД России среди остальных органов государственной власти состоит в их частом взаимодействии с гражданами, оказывающими противодействие.

Очевидным фактом является существующий определенный разрыв между теорией и практикой, поэтому сложно рассуждать на тему чести и достоинства сотрудника, когда в своей деятельности сталкиваешься с реальной жизнью.

Основываясь на судебной практике защиты чести, необходимо отметить, что данные категории со-

держат этический (моральный) характер, таким образом, каждый может трактовать их по-разному.

В нашем понимании:

♦ «честь — это внешнее признание поступков человека, общественная оценка личности, которую он завоевывает в процессе жизни (престиж, т. е. авторитет, репутация)». Утрата чести не ведет автоматически к утрате достоинства;

♦ «достоинство — то, что принадлежит человеку по праву с момента рождения (самооценка)». Сохранение собственного достоинства дает человеку возможность заботиться о возвращении утраченной чести.

Учитывая материалы судебных разбирательств, касающиеся защиты, чести и достоинства, необходимо отметить, что нельзя формально относиться к сбору и документированию публикаций, в которых содержится дискредитирующая информация.

Так в суд предоставляется:

♦ оригинал дискредитирующей информации или заверенная в установленном порядке копия;

♦ информация, размещенная в сети Интернет, представляется в виде скриншотов (если необходимо предоставить сообщение с различных чатов, на которых существует возможность комментариев в рамках обсуждения различных тем, предоставляется не только само сообщение, но и другие сообщения для установления смыслового содержания текста);

♦ аналоговые и цифровые носители, предоставляются фонограммы и видефонограммы, содержащие устные тексты (если дискредитирующая информация была записана на сотовый телефон или диктофон, то они тоже предоставляются).

Учитывая анализ материалов судебной практики при предоставлении доказательств, подтверждающих распространение порочащих сведений в сети Интернет, необходимо отметить, что иногда возникают затруднения при их предоставлении. Для разрешения сложившейся ситуации нужную информацию лучше нотариально удостоверить.

Исходя из вышеизложенного, приведем в пример судебное разбирательство, касающегося признания сведений недостоверными и наносящими ущерб деловой репутации МУ МВД России «Сызрань».

Адвокат ответчика, оспаривая предъявленный иск, посчитал, что в суд не были представлены доказательства установления факта распространения дискредитирующей информации, удостоверенной нотариусом протоколом осмотра интернет-сайта. Немаловажным обстоятельством являлось то, что на

заявленном сайте на момент судебного разбирательства отсутствовала публикация, порочащая деловую репутацию, а также не были представлены доказательства, что именно ответчик являлся автором негативной публикации.

Следует отметить, что все публикации размещены в Интернете на страницах сайтов, которым присвоен персональный адрес (URL). Тот, кто владеет сайтом может быть известен, а может, нет. Средства массовой информации всегда должны указывать данные редакции и регистрационный номер.

А те, кто владеет сайтом, но не указал себя на своей учетной записи (аккаунте), их не всегда можно установить.

Кроме того, в социальных сетях, если автор написавший негативную информацию отказывается от ее написания, практически невозможно доказать владельца аккаунта в рамках гражданского процесса. Все сайты располагаются на серверах, которые могут находиться как на территории РФ, так и за ее пределами. Доступ к сайту обеспечивает провайдер или оператор поисковой сети, например, Яндекс, Гугл и др., их роботы анализируют наполнение всех страниц сайтов и на выбор пользователям в поиске максимально отвечающих на запрос пользователя.

В качестве доказательств истцом была представлена распечатанная страница с названием негативной статьи «Умер в отделении? А откуда взялись побои». Ответчиком была предоставлена распечатанная страница того же сайта, на которой отсутствовала указанная статья.

Судом на основании оценки представленных доказательств был сделан вывод, что на указанном в исковом заявлении интернет-сайте не размещена информация, дискредитирующая деловую репутацию МУ МВД России «Сызрань». Помимо этого доменный адрес сайта находится за пределами Российской Федерации на территории Соединенных Штатов Америки. Согласно указаниям Интерпола по Самарской области любую информацию с иностранных сайтов, возможно, получить только в рамках возбуждения уголовного дела по запросу генерального прокурора Российской Федерации.

Изучив содержание распечатанной страницы с негативной статьей, представленной ответчиком, судом был сделан вывод, что в ее названии нет вышеназванного подразделения, а оспариваемые фрагменты публикации в своем содержании не имеют порочащих и каких-либо других сведений об истце.

Суд посчитал, что истец не доказал обстоятельства распространения сведений в сети Интернет порочащих честь и достоинство МУ МВД России «Сызранское», а также не был доказан факт распространения дискредитирующей информации в отношении МУ МВД России «Сызранское» и доказано, что именно ответчиком была написана статья. Учитывая изложенное суд оставил исковое заявление без удовлетворения.

Из приведенного судебного разбирательства можно сделать вывод, что определенные сложности в процессе доказывания вызывает негативная информация, размещенная в сети Интернет, ресурс которой находится за территорией Российской Федерации. Так же предоставляя в суд в качестве доказательств информацию с интернет-сайтов, свидетельствующих о распространении негативных сведений, которые не соответствуют действительности и порочат деловую репутацию, необходимо удостоверить такую информацию нотариально протоколом осмотра доказательств. Это позволит оперативно сохранить нужную информацию, поскольку существует возможность в любое время удаления негативной публикации автором.

Необходимо принимать во внимание, что факты, удостоверенные нотариусом, не нужно будет доказывать, если подлинность такого нотариально оформленного документа не будет оспорена в установленном порядке (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ) [2].

Когда негативные факты, содержащиеся на страницах Интернета, будут признаны определением суда искаженными и несоответствующими реальности, тот, кому принадлежит сайт, на котором размещена данная информация, обязан ее удалить по заявлению потерпевшего.

В случае, если владелец сайта игнорирует решение суда или невозможно выяснить автора негативной публикации, то необходимо:

- ◆ написать заявление оператору поисковой сети с приложением решения суда, так как нужная информация в сети Интернет находится с помощью поисковиков.

С того времени, как будет подано заявление, в течение десяти дней сотрудник, отвечающий за поисковые сети, удаляет ссылки на дискредитирующую информацию, после чего невозможно будет получить доступ к странице;

- ◆ получить в суде исполнительный лист и подать его в службу судебных приставов.

В свою очередь, судебный пристав должен в течение одного рабочего дня вынести постановление об

ограничении доступа к публикации, направить его в территориальное подразделение Роскомнадзора.

Роскомнадзор заносит данную интернет-страницу, на которой размещена дискредитирующая информация в реестр (Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, дающих возможность устанавливать сайты, на которых содержатся сведения, запрещенные для распространения на территории РФ). В течение одного дня направляет хостингу уведомление о включении сайта в реестр.

После чего доносит информацию владельцу сайта об обязательном удалении страницы, на которой размещена дискредитирующая информация. Если владелец отказывается или не предпринимает никаких действий по удалению информации, провайдер хостинга должен срочно ограничить доступ к сайту.

В случае, если провайдер хостинга и (или) владелец сайта не выполняют вышеуказанные условия, сетевой адрес, дающий возможность установить сайт в Интернете, размещающий дискредитирующие сведения, заносится в реестр.

В течение 24 часов после занесения в реестр оператор связи, предоставляющий услугу к доступу Интернета, должен ограничить доступ к такому сайту.

Если сотрудники средств массовой информации распространили дискредитирующие сведения, не соответствующие действительности, дублировав их с других источников средств массовой информации и не знали, что они не соответствуют действительности, в таком случае они не будут нести ответственности.

Не стоит забывать, что граждане могут осуществлять свое конституционное право с помощью официального заявления в органы государственной власти, в содержание которого нет унижающих и оскорбительных слов. Можно высказать критические замечания в адрес органов государственной власти или должностного лица (ст. 6 ФЗ № 59-ФЗ) [4].

Поэтому, если суд не установил, что в официальном обращении в государственные органы было желание дискредитировать сотрудника, в таком случае гражданин, написавший заявление, не привлекается к гражданской правовой ответственности.

Тем не менее, иногда граждане, официально обращаясь в государственные органы, преследует цель намеренно опорочить сотрудника.

Так, например, в городе Сызрань в 2018 г. было судебное разбирательство, касающееся защиты чести и достоинства сотрудника. Продолжительное время

ответчик официально обращался с письменным заявлением в отношении истца к руководству МУ МВД России по городу Сызрань. В этот период сотрудника повысили в должности в другое подразделение. Суд, рассмотрев материалы дела, пришел к вводу, что ответчик в своем заявлении злоупотребил своим конституционным правом. Цель обращения ответчика была не в реализации своих законных прав и интересов, а в унижении и оскорблении сотрудника.

Учитывая рассмотрение похожих дел, в том числе тех, в которых лицо распространяет дискредитирующую информацию, необходимо доказывать намерение причинить вред другому лицу.

На основании мониторинга судебной практики защиты чести и достоинства сотрудников, можно сделать вывод, что виновные лица привлекаются к ответственности.

За 2020–2021 гг. в результате проведенных проверок по случаям распространения порочащих сведений 546 материалов было направлено в следственные органы, из них было возбуждено 519 уголовных дел (499 — оскорбление представителя власти, 13 — заведомо ложный донос, 7 — клевета) [1, с. 3].

Также сотрудники, кроме уголовно-правовой защиты, могут подать исковое заявление в гражданский суд, если есть негативные сведения, которые порочат их честь и достоинство.

В 2020–2021 гг. подано 665 исковых заявлений (412 исков о возмещении морального вреда, признании информации несоответствующей действительности, опровержении или удалении публикации — были удовлетворены, 27 — отказано в удовлетворении, 5 — мировых соглашений) [1, с. 3].

Кроме названных выше способов защиты чести и достоинства сотрудников, еще один способ — опровержение дискредитирующей информации в средствах массовой информации.

За 2020–2021 гг. вынесено подразделениями информации и общественных связей территориальных органов внутренних дел 43 опровержения, удалено 69 дискредитирующих материалов.

Дискредитация одного сотрудника негативно затрагивает все интересы Министерства в целом. Поэтому сотрудник, отстаивая свои права, отстаивает репутацию системы МВД в целом.

Список источников

1. Аналитический обзор о результатах деятельности территориальных органов МВД России по защите

сотрудников от дискредитации за 2020–2021 гг. // ГУСБ МВД России.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

3. Приказ МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России».

4. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

References

1. Analytical review of the results of the activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia to protect employees from discrediting for 2020–2021 // GUSB of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 850 dated December 19, 2018 «On the Organization of the Protection of honor, Dignity and Business Reputation of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Federal State Civil Servants and Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in connection with the Performance of their Official Activities, business reputation of units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation».

4. Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 «On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation».

Библиографический список

1. Александров А. Н., Бучакова М. А., Дизер О. А. Теория и практика судебной защиты чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 42. С. 28–33.

2. Бучакова М. А., Дизер О. А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Психологические аспекты воспитательной, правовой и профилактической работы. 2017. № 3(70). С. 16–19.

3. Соловьев В. Н., Рогачев Е. С. К вопросу о понятии и защите деловой репутации органов внутренних дел и их сотрудников // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 86–89.

Bibliographic list

1. Alexandrov A. N., Buchakova M. A., Dizer O. A. Theory and practice of judicial protection of honor and dignity, business reputation of employees of internal affairs bodies // Problems of law enforcement. 2016. No. 42. P. 28–33.

2. Buchakova M. A., Dizer O. A. Protection of honor and dignity, business reputation of employees of internal affairs bodies // Psychological aspects of educational, legal and preventive work. 2017. No. 3(70). P. 16–19.

3. Soloviev V. N., Rogachev E. S. On the question of the concept and protection of the business reputation of internal affairs bodies and their employees // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 5. P. 86–89.

Информация об авторе

А. А. Попова — доцент кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Popova — Associate Professor of the Department of Personnel Support and Personnel Management in the Internal Affairs Bodies of the Center for Personnel, Psychological, Pedagogical and Medical Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34.09

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-213-216>

НИОН: 2003-0059-5/22-446

MOSURED: 77/27-003-2022-05-645

Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества как национальный стратегический интерес современного российского государства

Ирина Николаевна Правкина

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
pravkinairina@yandex.ru

Аннотация. Исследуется проблема совершенствования взаимодействия государства и гражданского общества, рассматриваемого в качестве одного из приоритетных стратегических направлений современного российского государства. Определяются принципы, положенные в основу процесса оптимизации взаимодействия государства и гражданского общества. Особое внимание уделяется изменению содержания и формы данного процесса.

Ключевые слова: национальный стратегический интерес, гражданское общество, российское государство, оптимизация, взаимодействие, развитие права

Для цитирования: Правкина И. Н. Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества как национальный стратегический интерес современного российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 213–216. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-213-216>.

Original article

Optimization of interaction between the state and civil society as a national strategic interest of the modern Russian state

Irina N. Pravkina

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
pravkinairina@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of improving the interaction between the state and civil society, considered as one of the priority strategic directions of the modern Russian state. The principles underlying the process of optimizing the interaction between the state and civil society are determined. Particular attention is paid to changing the content and form of this process.

Keywords: national strategic interest, civil society, the Russian state, optimization, interaction, development of law

For citation: Pravkina I. N. Optimization of interaction between the state and civil society as a national strategic interest of the modern Russian state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):213–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-213-216>.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации представляет собой согласованную, внутренне непротиворечивую, научно обоснованную систему стратегических приоритетов, положенных в основу осуществления внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности, а также тенденции развития государства [4]. Сфера обеспечения национальной безопасности является сложным, многоаспектным феноменом, требующим своей объективации посредством концептуального оформления в актах стратегического характера.

Осуществление эффективной правовой политики, направленной на обеспечение развития госу-

дарства и права, оказывается возможной только за счет концентрации усилий и распределения ресурсов органов государственной власти, организаций, институтов гражданского общества на реализацию различных стратегических национальных приоритетов.

Определяя тенденции в развитии современного российского государства, необходимо отметить, что среди закреплённых в Стратегии национальной безопасности национальных интересов особую значимость представляет развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества. Таким образом, проблема оптимизации взаимодействия данных социальных институтов в качестве национального стратегического интереса современного

© Правкина И. Н., 2022

российского государства является чрезвычайно значимой не только для отечественной правовой теории, но и для правовой практики.

Диалектика отношений государства и гражданского общества, как правило, носит многогранный и противоречивый характер, обусловленный, прежде всего, сущностью и природой названных институтов. С одной стороны, гражданское общество выступает в качестве необходимого условия, формирования демократического, правового государства, с другой стороны, является индикатором сформированности последнего. Гражданское общество представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, основным источником развития которой выступает реализация идей экономической свободы, всеобщего равенства и социальной справедливости [3]. Несмотря на то, что эффективное функционирование гражданского общества обусловлено сдерживанием экспансии правового регулирования определенных сфер общественной жизни государством, последнее, как правило, определяет границы и пределы действия гражданского общества и позволяет ему быть настолько свободным, насколько это согласуется с его интересами и задачами. Чем органичнее сочетаются интересы гражданского общества с интересами государства, тем эффективнее оказывается их взаимодействие, основанное на доверии, координации и адаптации.

Одним из стратегических ориентиров современного российского государства является выстраивание гармоничных отношений с гражданским обществом посредством согласования процедуры сочетания публичных и частных интересов, адекватной автономизации гражданского общества от государства, определения пределов государственно-правового регулирования в сфере экономики, а также обеспечения прав человека. Поэтому только в рамках конструктивного взаимодействия государства и гражданского общества оказывается возможной эффективная реализация стратегических целей на долгосрочную перспективу.

К числу основных путей оптимизации взаимодействия государства и гражданского общества можно отнести следующие.

1. Государство, определяя пределы своего функционирования, должно стимулировать самоорганизующий потенциал гражданского общества. Усложнение форм и сфер общественной жизни обуславливает усиление партикулярных тенденций в обществе. В связи с этим возникает возможность не только относительно самостоятельного функционирования институтов гражданского общества, но и продуцирования в рамках общественной правовой жизни норм и правил,

позволяющих самостоятельно организовать жизнедеятельность общества в пределах его сегмента. Отличительной особенностью гражданского общества является то, что в силу своей природы вне государства оно существовать не может. В силу этого, о праве гражданского общества можно говорить только в рамках взаимодействия с правом, создаваемом, поддерживаемым и обеспечиваемым самим государством. Во всех своих формах право гражданского общества представляет «неофициальное, юридически не определенное, естественно-целесообразное, содержательное, непрофессионализированное, не властно-принудительное, по всем базовым характеристикам противоположное юридическому праву» [2, с. 61]. Право гражданского общества является динамичной, реактивной системой, отражающей особенности функционирования самого общества и обеспечивающего возможность защиты от государственно-властного произвола [1].

Признавая значимость регулятивного потенциала государственного права в правовой жизни общества, государству необходимо не допускать усиления давления на гражданское общество, а также ограничение правовой активности институтов гражданского общества с целью укрепления конструктивного взаимодействия. Необходимо отметить, что базовое предназначение и государства, и гражданского общества проявляются в их функциональном назначении. Только в случае, если государство не будет брать на себя не свойственные ему функции и присваивать функции гражданского общества, возможно говорить о выстраивании эффективного взаимодействия обозначенных институтов.

Снижение интенсификации процессов формализации и юридизации в правовой жизни общества, с одной стороны, препятствует вмешательству государства в те сферы общественной жизни, которые находились за пределами правового регулирования, а, с другой, — предоставляет гражданскому обществу необходимую защиту.

2. Государство должно создавать благоприятные условия для эффективного развития гражданского общества. Развитие и оптимальное функционирование институтов гражданского общества в современных условиях обеспечивается не только возможностью существования последнего в качестве саморегулятивной системы, но и типом политического режима, поддерживаемым государством.

Так, в условиях демократического политического режима российское государство, во-первых, обеспечивает снижение уровня конфронтации государства и гражданского общества, во-вторых, оптимизируя

государственно-правовой инструментарий, совершенствует нормативно-правовую базу, регламентирующую способы и формы осуществления функций гражданского общества, и, в-третьих, гарантирует возможность участия гражданского общества в принятии и реализации государственно-властных решений, в том числе, в процессе правотворчества и правоприменения.

В основу обеспечения взаимодействия государства и гражданского общества должны быть положены следующие принципы:

♦ согласованность (оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества должна осуществляться с учетом специфики особенностей их природы и направления действий, продуцируемого данными системами права);

♦ целеполагание (государство в силу своей политической природы направлено на выражение и реализацию собственных интересов. Сквозь призму данных интересов в государственном праве находят свое отражение интересы гражданского общества. В связи с этим, государство должно контролировать объем собственных интересов и характер используемых ресурсов для их достижения);

♦ обратная связь (государство, обеспечивая интересы и поддерживая институты гражданского общества, создает благоприятные условия для эффективного функционирования гражданского общества, а развитое гражданское общество является показателем функционирования эффективного, правового и социального государства);

♦ народный суверенитет (гражданское общество, выступая в качестве конструктивной оппозиции государственной власти, способно осуществить процесс легитимации последней, служить одним из условий упорядочения общественно-политических отношений.)

3. Изменение содержания и форм оптимизации взаимодействия государства и гражданского общества. В рамках данного направления необходимо обратить внимание на укрепление сотрудничества в тех сферах, в которых государство вне связи с гражданским обществом не может эффективно решать возложенные на него задачи. Так, например, одной из форм доверия граждан к органам государственной власти является патриотизм, в связи с этим воспитание граждан в духе патриотизма требует сосредоточения совместных усилий как государства, так и гражданского общества.

Так, гражданское общество культивирует духовно-нравственные и историко-культурные ценности,

продуцируя патриотические настроения в обществе. Государству, в свою очередь, при разработке программных актов, направленных на развитие патриотизма, необходимо учитывать потребности и интересы гражданского общества. Таким образом, интеграция и органичная вовлеченность интересов гражданского общества в сферу стратегического планирования органов государственной власти в области патриотического воспитания способствует укреплению и стабилизации политической системы общества. Кроме того, при оценивании эффективности деятельности органов государственной власти необходимо в качестве одного из критериев учитывать показатели воспитательной работы в образовательных организациях различных типов, а также проведение мероприятий патриотической направленности.

Еще одним направлением совершенствования форм оптимизации взаимодействия государства и гражданского общества является ограничение деструктивной активности, противоречащей интересам и государства, и гражданского общества. Так, например, эффективная борьба с криминализацией жизни общества, коррупцией возможна посредством координации сил и средств государства и институтов гражданского общества. В рамках реализации концептуальной идеи борьбы с коррупцией необходимо отметить, что, с одной стороны, гражданское общество принимает активное участие в реализации механизма создания правозащитных организаций, общественных объединений, независимых средств массовой информации, а также укреплении российской государственности. С другой стороны, государство должно применять конкретные меры, способные уменьшить коррупционные проявления в государственном аппарате и обществе, совершенствовать сферу нормативно-правового регулирования, а также правовые и неправовые средства нивелирования данного негативного явления.

Очевидно, что эффективное функционирование институтов гражданского общества оказывается чрезвычайно значимым в процессе реализации государством правоохранительной функции. Необходимость в подобного рода институтах возникает в условиях, требующих активного взаимодействия гражданского общества и правоохранительных органов, например, в процессе организации обеспечения раскрытия и расследования преступлений, предупреждения и профилактики совершения правонарушений. Как правило, воспроизводство форм данного взаимодействия строится на принципах инициативности и добровольности, предполагающих отсутствие определяю-

щего воздействия со стороны государства. Механизм конструктивного взаимодействия строится на том, что представители гражданского общества самостоятельно, в соответствии с предписаниями собственного разума, принимают участие в решении задач по обеспечению и поддержанию порядка, основанному на правовых началах. В свою очередь, этатизация государственной власти, наоборот, может обусловить негативную тенденцию в развитии такого взаимодействия и вызвать ее деструкцию, выраженную в понижении авторитета и уровня доверия к правоохранительным органам.

Определяя аспекты концептуальной модели взаимодействия гражданского общества и правоохранительных органов, необходимо отметить, что, во-первых, обеспечение контрольной функции гражданского общества в отношении принятых решений правоохранительными органами позволит создать наиболее эффективные механизмы защиты прав и свобод человека, во-вторых, подчинение деятельности правоохранительных органов гуманистическим ценностям, предполагающее недопущение со стороны сотрудников правоохранительных органов государственно-властного произвола по отношению к обществу, а также разработку мероприятий, направленных на формирование устойчивой системы профессиональных ценностей, и в-третьих, оптимизация стратегического планирования в сфере выстраивания конструктивных взаимоотношений гражданского общества и правоохранительных органов в целях обеспечения совершенствования партнерских отношений.

Подведем итоги.

1. В современных условиях политико-правовых, социально-экономических, а также межгосударственных преобразований обеспечение эффективного взаимодействия гражданского общества и государства является одним из стратегических направлений правовой политики российского государства.

2. Достижение целей правовой политики российского государства, как правило, обусловлено опти-

мизацией взаимодействия государства и гражданского общества, получающих свою объективацию в документах стратегического планирования.

3. Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества может быть успешной только в условиях децентрализации правового регулирования, создания наиболее благоприятных условий для функционирования гражданского общества, а также изменения содержания и форм данной оптимизации.

Список источников

1. Лановая Г. М. Функциональная характеристика права гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 79–82.
2. Малахов В. П. Общая теория права и государства. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018.
3. Правкин И. В., Правкина И. Н. Условия оптимального функционирования гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 31–33.
4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

References

1. Lanova G. M. Functional characteristics of civil society law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3. P. 79–82.
2. Malakhov V. P. General theory of law and the State. M. : UNITY-DANA: Law and Law, 2018.
3. Pravkin I. V., Pravkina I. N. Conditions for optimal functioning of civil society // Civil society in Russia and abroad. 2021. No. 3. P. 31–33.
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SZ RF. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351.

Информация об авторе

И. Н. Правкина — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

I. N. Pravkina — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.
The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-217-220>

НИОН: 2003-0059-5/22-447

MOSURED: 77/27-003-2022-05-646

Профилактические меры противодействия коррупции в органах государственной власти

Любовь Львовна Сакулина¹, Ольга Владимировна Курбатова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ sll3@rambler.ru

² Statya2015@mail.ru

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Г. Х. Хадисов

Аннотация. Рассматриваются меры профилактики коррупции, приоритетное применение которых антикоррупционным законодательством провозглашено в качестве одного из основных принципов противодействия коррупции. Акцентируется внимание на расширении полномочий прокуроров по контролю над расходами государственных служащих, на определении мер по защите лиц, сообщающих о фактах коррупции, а также на повышении антикоррупционной культуры.

Ключевые слова: антикоррупционное воспитание, конфликт интересов, коррупция, коррупционное поведение, коррупционное правонарушение, коррупционный риск, меры профилактики

Для цитирования: Сакулина Л. Л., Курбатова О. В. Профилактические меры противодействия коррупции в органах государственной власти // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 217–220. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-217-220>.

Original article

Preventive measures against corruption in public authorities

Lyubov L. Sakulina¹, Olga V. Kurbatova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ sll3@rambler.ru

² Statya2015@mail.ru

Reviewer: Candidate of Legal Sciences, Associate Professor G. Kh. Hadisov

Abstract. Corruption prevention measures are considered, the priority application of which is proclaimed by the anti-corruption legislation as one of the basic principles of combating corruption. Attention is focused on expanding the powers of prosecutors to control the expenses of civil servants, on determining measures to protect persons reporting corruption, as well as on improving the anti-corruption culture.

Keywords: anti-corruption education, conflict of interests, corruption, corrupt behavior, corruption offense, corruption risk, preventive measures

For citation: Sakulina L. L., Kurbatova O. V. Preventive measures against corruption in public authorities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):217–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-217-220>.

Обращаясь к Федеральному Собранию Российской Федерации В.В. Путин отметил, что деятельность государственных служащих не должна компрометировать государство, подчеркнув необходимость более эффективной борьбы с коррупцией за счет применения новых методов [5]. Однако, созданная государством система противодействия коррупции не в полной мере обеспечивает снижение правонарушений коррупционной направленности. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 2020 г. было возбуждено более 18 тыс. уголовных дел о совершении коррупционных преступлений и более половины из

них направлены в суд; по итогам 9 месяцев 2021 г. в суды передано 7405 дел о коррупции [11].

С момента принятия в 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» [7] количество статей в нем увеличилось с 14 до 28; так же следует заметить, что нормативную базу по противодействию коррупции дополнили и другие нормативные правовые акты, в том числе подзаконного характера. Положительная динамика здесь очевидна, но в тоже время нельзя не отметить значительный минус такого быстрого развития законодательства по противодействию коррупции, так как многочисленность право-

© Сакулина Л. Л., Курбатова О. В., 2022

вых норм ведет к снижению их систематизации, затрудняет реализацию предусмотренных в законах предписаний.

Государственная политика по противодействию коррупции, на наш взгляд, представляет собой систему взаимосвязанных мер, объединенных одной целью — снизить уровень коррупции. Акцент в государственной политике делается на профилактических мероприятиях, их приоритетном применении, что вытекает из реализации одного из основных принципов противодействия коррупции, закрепленных в ст. 3 Закона № 273-ФЗ.

Основные меры, направленные на профилактику коррупции, закреплены в ст. 6 Закона № 273-ФЗ, и составляют совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, которые направлены на выявление и устранение причин (и условий), способствующих совершению правонарушений коррупционной направленности, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

К мерам правового и организационного характера относятся запреты, ограничения и обязанности, предусмотренные законодательством о государственной службе, которые направлены на снижение коррупционных рисков. Остановимся на некоторых из них.

Ежегодное предоставление сведений о доходах и расходах государственных служащих, а также запрет на открытие счетов и хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, позволяет выявлять неподтвержденные доходы.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 471-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] расширены полномочия прокуроров по контролю над расходами чиновников. Так, изменения коснулись таких федеральных законов, как: «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее — Закон № 230-ФЗ) [8], Закона № 273-ФЗ, «О банках и банковской деятельности» [6]. Прокурор имеет право обратиться в суд с иском с заявлением в порядке ст. 17 Закона № 230-ФЗ об обращении в доход государства движимого и недвижимого имущества, приобретенного государственным служащим или его (ее) супругой (супругом) на неподтвержденные доходы.

Так, например, зачастую суды в различных инстанциях удовлетворяют подобные исковые заявления

прокуроров. В доход государства может быть обращено как само недвижимое имущество, так и стоимость этого имущества на момент покупки в случае его уничтожения. Аргументацией судов в пользу принятия таких решений выступают, например, заинтересованность свидетелей, превышение совокупного дохода служащего за три предыдущих года, противоречивость изложенных ответчиком сведений об источнике получения денежных средств, неотражение в установленном порядке факта займа у родственников, выводы о неискренности при ответах во время опроса с использованием полиграфа на вопросы об источнике получения денежных средств. Отказы судов в удовлетворении подобных исковых требований обусловлены непринятием прокурорами исчерпывающих мер по оценке представленных материалов по итогам контроля за расходами [1]. Отметим, что в настоящее время судебная практика по рассмотрению исков такой категории находится в стадии формирования.

Актуальным является вопрос, касающийся подарков, которые получают должностные лица. Не случайно отмечается, что необходимо подвергнуть анализу практику соблюдения ограничений и установления обязанностей и запретов в данной части. Следует обратить внимание, что эта проблема носит межотраслевой характер. Прежде всего проблематичным бывает установить отличие подарка (до 3 тыс. руб.) от мелкой взятки. Мы придерживаемся мнения, что на сегодняшний день государственным служащим запрещено получать какие-либо вознаграждения за совершение ими своих должностных обязанностей.

Кроме вышеперечисленных направлений, необходимо усилить меры по защите лиц, уведомивших представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или иные государственные органы о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения. Отметим, что по данному вопросу в Национальном плане противодействия коррупции еще на 2014–2015 гг. была поставлена задача провести научные исследования организационных и тактических аспектов защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции [9]. Проведенные Институтом законодательства и сравнительного правоведения исследования в данном направлении позволили выявить ряд проблем, преодолению которых могло бы способствовать применение стимулирующего механизма в отношении указанных лиц [2]. Меры по защите лиц, сообщивших о фактах коррупции (преимущественно защиты от преследования со стороны работодателя — увольнения, понижения в

должности, привлечения к дисциплинарной ответственности) были определены в проекте федерального закона «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях», однако данный законопроект в июне 2019 г. был отклонен Государственной Думой ФС РФ [4]. Обзор правоприменительной практики, связанной с защитой указанных лиц, должен быть подготовлен Минтрудом России до конца декабря 2023 г. [10].

Важным направлением, которое также можно отнести к профилактике коррупции, является повышение эффективности мер по предотвращению конфликта интересов на государственной службе.

Для того, чтобы повысить эффективность правового регулирования в данной сфере, необходимо, во-первых, на законодательном уровне уточнить понятия «конфликта интересов», «личной заинтересованности» и некоторых других, с учетом реалий это должно найти свое отражение в Законе № 273-ФЗ. Кроме этого, актуальным является вопрос возложения на руководителя полномочий по урегулированию конфликта интересов между подчиненными; необходимо конкретизировать обязанности руководителя в данной сфере.

Новым отдельным направлением работы по борьбе с коррупцией в России должна стать популяризация правомерного стандарта поведения государственного служащего и развитие общественного правосознания, иначе говоря, правовое воспитание государственных служащих и обычных граждан.

Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению связано с развитием устойчивого нетерпимого отношения к любым проявлениям коррупции, укреплением доверия граждан к правоохранительным органам, активизацией поддержки гражданами деятельности государства по профилактике, предупреждению и пресечению правонарушений со стороны работников государственной и муниципальной службы. Реализация указанной меры зависит от уровня антикоррупционной культуры, что обеспечивается антикоррупционным воспитанием. Антикоррупционная культура — это определенные ценностные установки, направленные на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции; это способность человека быть морально устойчивым в любых коррупциогенных ситуациях.

Антикоррупционная культура предполагает и наличие компетенций, необходимых для правооптимального поведения. В профессиональной сфере,

например, для будущих юристов, сотрудников органов внутренних дел — это способность выявлять, давать оценку коррупционному поведению и содействовать его пресечению.

Итак, дальнейшее развитие законодательства по борьбе с коррупцией заключается в совершенствовании действующих правовых норм, систем прозрачности и открытости в деятельности всех органов власти на различных уровнях, при этом введение мер противодействия коррупции должно сопровождаться разумным балансом превентивных и уголовно-правовых инструментов.

Законодателю также следует расширить понятие коррупции, трансформировав ее характеристики из международно-нормативного во внутригосударственное право, а также определить ключевое понятие «коррупционное правонарушение», так как с одной стороны, его можно трактовать как уголовное деяние, с другой, — как административное, а с третьей — как дисциплинарное.

Кроме того, необходимо совершенствовать меры финансового контроля в рамках общего декларирования доходов и расходов государственных служащих, соблюдая при этом баланс частных и государственных интересов.

Поэтому, чтобы в обозримом будущем достичь определенных целей в сфере противодействия коррупции в органах государственной власти, необходимо обеспечить исчерпывающий, обоснованный, понятный и стабильный перечень измеримых целевых показателей для руководителей государственных органов и организаций, субъектов квазигосударственного сектора в части превенции коррупции.

Список источников

1. Информационное письмо № 86-13-2016/Ип7002-16 «О практике обращения в суд с заявлением о взыскании в доход Российской Федерации имущества по результатам осуществления контроля за расходами» // URL://<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/methodic/inf?item=1716490>.
2. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: науч.-практ. пособие / Т. С. Глазырин, Т. Л. Козлов, Н. М. Колосова и др. М., 2016.
3. Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://pravo.gov.ru/>
4. Паспорт проекта Федерального закона № 286313-7 «О внесении изменения в Федеральный

закон «О противодействии коррупции» в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях» (внесен Правительством РФ) (снят с рассмотрения) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Послание Президента РФ Федеральному Соображению от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.

6. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

7. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

8. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. IV). Ст. 6953.

9. Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

10. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // URL://http://pravo.gov.ru.

11. URL://https://sledcom.ru/news.

References

1. Information letter No. 86-13-2016/Ip7002-16 «On the practice of applying to the court for the recovery of property to the income of the Russian Federation based on the results of cost control» // URL://https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/methodic/inf?item=1716490.

2. Conflict of interests in the state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, settlement: scientific and practical. manual / T. S. Glazyrin, T. L. Kozlov, N. M. Kolosova, etc. M., 2016.

3. Official Internet portal of legal information // URL://http://pravo.gov.ru/

4. Passport of the draft Federal Law No. 286313-7 «On Amendments to the Federal Law «On Combating Corruption» regarding the protection of Persons who have notified of corruption offenses» (submitted by the Government of the Russian Federation) (withdrawn from consideration) // SPS «ConsultantPlus».

5. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of January 15, 2020 // Rossiyskaya Gazeta. 2020. January 16.

6. Federal Law No. 395-1 of December 2, 1990 «On Banks and Banking activities» // SZ RF. 1996. No. 6. Art. 492.

7. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption» // SZ RF. 2008. No. 52 (Part I). Art. 6228.

8. Federal Law No. 230-FZ of December 3, 2012 «On Control over the Compliance of expenses of Persons holding Public positions, and other persons to their incomes» // SZ RF. 2012. No. 50 (Part IV). Art. 6953.

9. Decree of the President of the Russian Federation No. 226 dated April 11, 2014 «On the National Anti-Corruption Plan for 2014–2015» // URL://http://www.pravo.gov.ru.

10. Decree of the President of the Russian Federation No. 478 dated August 16, 2021 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024» // URL://http://pravo.gov.ru.

11. URL://https://sledcom.ru/news.

Информация об авторах

Л. Л. Сакулина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

О. В. Курбатова — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

L. L. Sakulina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

O. V. Kurbatova — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 343.9.018

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-221-226>

ИПОН: 2003-0059-5/22-448

MOSURED: 77/27-003-2022-05-647

Место идеологической составляющей в структуре праворадикально настроенного экстремистского сознания

Сергей Федорович Самойлов¹, Ольга Марковна Дорошенко², Александр Владимирович Жуланов³

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия inkognito13@inbox.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, olka-olga@yandex.ru

³ Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sandrik111@mail.ru

Аннотация. Исследуется актуальная для современной системы противодействия экстремизму проблема — определение специфики и роли идеологической составляющей в структуре праворадикально настроенного сознания. Особенность авторского подхода заключается в разработке специального криминологического метода — социально-идеологического анализа. Данный метод позволяет получить представление о месте идеологической составляющей среди других мотивов террористической деятельности. Теоретико-методологические выводы, предлагаемые в статье, базируются на обобщении эмпирического материала по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: терроризм, праворадикализм, национал-социализм, неонацизм, Шульц-88, Боевая террористическая организация, национал-социалистическое общество, банда Рыно-Скачевского, Линкольн-88, «Общество белых-88», «чистильщики»

Для цитирования: Самойлов С. Ф., Дорошенко О. М., Жуланов А. В. Место идеологической составляющей в структуре праворадикально настроенного экстремистского сознания // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 221–226. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-221-226>.

Original article

The place of the ideological component in the structure of right-wing extremist consciousness

Sergey F. Samoilov¹, Olga M. Doroshenko², Alexander V. Zhulanov³

¹ Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, inkognito13@inbox.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, olka-olga@yandex.ru

³ Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, sandrik111@mail.ru

Abstract. The article examines the problem that is relevant for the modern system of countering extremism — the definition of the specifics and role of the ideological component in the structure of right-wing radical consciousness. The peculiarity of the author's approach lies in the development of a special criminological method — socio-ideological analysis. This method allows you to get an idea of the place of the ideological component among other motives of terrorist activity. Theoretical and methodological conclusions proposed in the article are based on a generalization of empirical material on the issues under consideration.

Keywords: terrorism, right-wing radicalism, National Socialism, neo-Nazism, Schultz-88, Militant terrorist organization, National Socialist Society, Ryno-Skachevsky gang, Lincoln-88, White Society-88, cleaners.

For citation: Samoilov S. F., Doroshenko O. M., Zhulanov A. V. The place of the ideological component in the structure of right-wing extremist consciousness. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):221–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-221-226>.

Одним из существенных признаков преступлений террористической направленности является наличие в них идеологической составляющей. Данная характерная черта рассматриваемого вида преступлений имеет правовое закрепление. Так, в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7] понятие «терроризм»

определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Однако наличие идеологической составляющей в

© Самойлов С.Ф., Дорошенко О.М., Жуланов А.В., 2022

преступлениях террористической направленности не означает, что она занимает среди мотивов их совершения определяющее положение. Идеология может выступать лишь обоснованием данной преступной деятельности, тогда как главными мотивами ее осуществления могут выступать различные виды социальной ненависти, стремление к незаконному захвату государственной власти или к усилению своего политического влияния.

Для определения степени влияния идеологической составляющей на осуществление террористической деятельности видится целесообразным рассмотреть специфику стратегии совершения террористических актов представителями основных направлений современного экстремизма. Так, исламистские экстремистские организации [2], как правило, практикуют совершение массовых террористических актов. При этом им приходится сталкиваться с обвинениями в том, что такого рода действия приводят к гибели мусульман. Ответом на такое обвинения служит ссылка исламистских организаций на принцип Такфира — обвинение мусульманина в неверии. Данный правовой механизм, характерный для ислама в целом и служащий средством сохранения религиозной общины своей доктрины и религиозной практики в радикальных его течениях, претерпевает существенную трансформацию, в результате которой неверными могут быть объявлены все мусульмане, не разделяющие идеологию и политическую практику экстремистских сообществ. В свою очередь, идеологическая составляющая оказывает существенное воздействие и на организацию и осуществление террористических актов праворадикальными группировками. Подтверждением данного утверждения служит тот факт, что жертвами совершаемых ими террористических актов обычно являются представители иных рас и определенных национальностей. Данное обстоятельство обусловлено тем, что праворадикальные группировки выступают от имени белой расы и русской нации, а непосредственной целью совершаемых ими террористических актов служит призыв к так называемой «Белой революции». Наконец, леворадикальные террористические группы в своей идеологии и противоправной деятельности также руководствуются определенными идеологическими установками. Так, объектами их посягательств выступают представители власти и сотрудники силовых ведомств. Такой вы-

бор обусловлен стремлением леворадикальных террористов заручиться поддержкой широких слоев населения, а также продемонстрировать слабость власти с целью организации массовых протестов, способных перерасти в социальную революцию. Одним из средств такой мобилизации масс и одновременно демонстрации бессилия государства служат так называемые символические террористические акты (взрыв перед зданиями различных органов власти или подрыв определенных памятников). К символическим терактам, совершаемым леворадикалами, относятся деяния, связанные с разрушением важных объектов городской инфраструктуры с целью нанесения государству максимального экономического урона.

Из приведенных выше примеров следует, что идеологическая составляющая, несомненно, оказывает определенное воздействие на характер террористического акта, совершаемого той или иной террористической группировкой. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии определенных предпосылок для создания особой методологии исследования террористической деятельности, которую условно можно обозначить как социально-идеологический анализ террористической деятельности. Основной целью данного метода является раскрытие идеологических детерминант террористической деятельности, предполагающих решение следующих задач:

- ◆ определение характера идеологической доктрины, используемой той или иной террористической группировкой;
- ◆ фиксация ценностных ориентиров, лежащих в основании деления социальных групп на полноценные и неполноценные;
- ◆ выявление характера и соотношения между когнитивным и психологическим уровнями идеологии конкретной террористической группировки;
- ◆ установление содержания образа врага, используемого группировкой;
- ◆ раскрытие черт сходства и различия, имеющих место в идеологиях так называемого внешнего и внутреннего круга;
- ◆ фиксация обоснования применения насилия по отношению к определенным социальным группам;
- ◆ фиксация и характеристика идеологического оправдания совершения конкретных видов террористических актов;

♦ выявление как социально-политических, так и внутригрупповых целей, преследуемых при совершении террористического акта;

♦ описание идеологических, психологических и социальных средств, используемых для вовлечения новых членов в группировку;

♦ установление характера реакции террористической группировки на ответные меры со стороны общества, государства и правоохранительной системы.

Необходимость осуществления такого анализа заключается в сложности как мотивации осуществления террористической деятельности, так и в установлении идеологической направленности группировки, совершившей террористический акт. В связи с этим разработка и применение социально-идеологического метода, способного установить связь между идеологией, субкультурными правилами и противоправной деятельностью того или иного сообщества, являются актуальными.

Реализация познавательного потенциала социального-идеологического анализа взаимосвязи доктрин и деликвентных моделей позволит раскрыть идеологические детерминанты терроризма как на макро-, так и на микроуровне. В качестве макроуровня может выступать экстремистская среда в целом и ее определенный идеологический регион в частности [1, с. 83]. В свою очередь, микроуровень социально-идеологического исследования может быть представлен как конкретным экстремистским или террористическим сообществом, так и их определенными видами.

Метод социально-идеологического анализа экстремистского или террористического сообщества, как и любой другой методологический прием, определяется характером своего предмета. По этой причине представляется необходимым раскрыть основные элементы субкультур экстремистского сообщества, поскольку этапы реализации социально-идеологического метода связаны с раскрытием влияния психологических и когнитивных элементов коллективного экстремистского сознания на модели поведения и противоправной деятельности участников террористических группировок. Важнейшими элементами субкультуры радикальных и экстремистских сообществ следует признать:

♦ *идеологию радикальной или экстремистской направленности*, выполняющую функцию обоснования ненависти к определенным социальным груп-

пам и оправдывающую противоправные действия, вплоть до захвата государственной власти;

♦ *мировоззренческую систему* — предельно общий взгляд на мир, позволяющий рассматривать выбранную радикальную или экстремистскую идеологию в качестве адекватного выражения общего характера реальности [6];

♦ *девиантные ценностные ориентиры*, разделяющие людей на особые категории и допускающие применение насилия к некоторым из них;

♦ *асоциальные психологические установки* — властолюбие, ненависть, тщеславие и т. д., скрываемые посредством идеологических концептов и псевдоэтических ценностей;

♦ *когнитивные модели*, представляющие собой применение идеологических, ценностных и психологических установок при решении конкретных мировоззренческих проблем и социальных ситуаций;

♦ *субкультурные модели поведения*, предполагающие определенные алгоритмы действий в типовых социальных ситуациях как внутри радикального или экстремистского сообщества, так и за его пределами;

♦ *внешний вид*, выражающий с помощью различного рода символов, атрибутов, стиля одежды определенное отношение радикального или экстремистского сообщества к обществу;

♦ *субкультурный образовательный круг*, включающий в себя определенную степень усвоения соот-

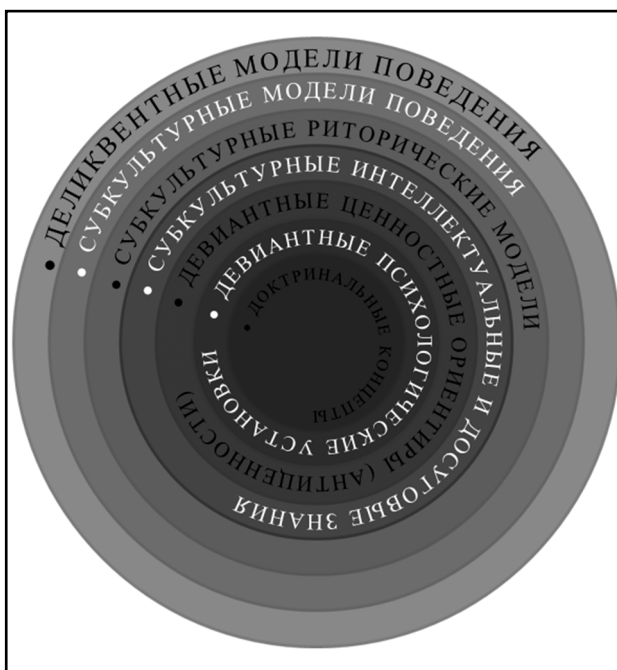

Схема экстремистской идеологии

ветствующей радикальной или экстремистской идеологии, знание художественной, философской, научной, религиозной или эзотерической литературы, кино, изобразительного искусства и т. д.;

♦ досуговый круг, предполагающий наличие различной политизированной инфраструктуры проведения свободного времени, а именно компьютерные игры, соответствующим образом организованные спортивные мероприятия, аудиозаписи и концерты радикально настроенных исполнителей и т. д.;

♦ деликвентные модели поведения, предполагающие определенные способы совершения противоправных деяний и зависящие от идеологии и социально-политической стратегии конкретного радикального или экстремистского сообщества.

Как уже отмечалось выше, основной задачей социально-идеологического анализа деятельности террористических группировок является установление степени влияния доктринальных положений на осуществление ею различных противоправных действий террористического характера и экстремистской направленности. В силу этого основные этапы реализации социально-идеологического анализа деятельности террористических группировок отражают далеко не все связи, существующие в структуре экстремистских сообществ.

По этой причине основными этапами социально-идеологического анализа деятельности террористических группировок следует признать:

♦ установление общего характера идеологии, используемой группировкой;

♦ раскрытие понимания природы человека, мира, сущности социальной жизни, характера социального идеала, специфики социально-политической стратегии и способов осуществления противоправной деятельности экстремистским сообществом;

♦ рассмотрение основных объектов и методов совершения террористической деятельности, определяемых общей идеологической установкой;

♦ выявление места идеологии экстремизма, к которой принадлежит террористическая группа, в ее реальной противоправной практике;

♦ установление доминирующего мотива противоправной деятельности террористической группировки.

Реализация данного метода требует определенного среза экстремистской среды, в рамках которого будет исследоваться деятельность террористических группировок. По идеологическим основаниям можно

выделить исламистскую, праворадикальную и леворадикальную среды.

Среди трех указанных экстремистских угроз праворадикализм уверенно занимает второе место, хотя по своему социальному резонансу он значительно уступает исламистскому экстремизму. Доказательством актуальности экстремистской угрозы праворадикального характера служит тот факт, что за прошлый и текущий годы было зафиксировано около 40 противоправных действий, совершенных по мотивам национальной или расовой ненависти. Наиболее резонансными из них следует признать следующие случаи:

♦ в августе 2020 г. в Кировской области было выявлено ультраправое сообщество, совершавшее нападения на людей «неславянской внешности» по мотивам национальной и расовой ненависти;

♦ в октябре 2020 г. студентами различных колледжей г. Омска, придерживающихся праворадикальных взглядов, на почве национальной и политической ненависти было совершено нападение на двоих анархистов и «лиц неславянской внешности»;

♦ в июне 2021 г. в Нижнем Новгороде произошло нападение праворадикально настроенных лиц на темнокожих молодых людей, в результате которого пострадало как минимум два человека;

♦ в июле 2021 г. в Красноярске не-скинхеды избили несовершеннолетних по мотивам национальной неприязни;

♦ 27 сентября 2021 г. сотрудниками ФСБ России была пресечена попытка совершения террористического акта, подготавливаемого неонацистской группировкой, на одном из объектов правоохранительных органов Республики Башкортостан;

♦ в мае 2021 г. в Тульской области двумя несовершеннолетними, разделяющими неонацистские взгляды [4], было совершено разбойное нападение на двух подростков, придерживавшихся антифашистских взглядов;

♦ в сентябре 2021 г. стало известно о задержании в Улан-Удэ и Брянске шести участников экстремистской организации «Союз славянских сил Руси («СССР»)), разработывавших планы захвата власти и осуществлявших вовлечение новых членов в данное преступное сообщество.

Рассмотренные случаи проявлений праворадикального экстремизма не могут не вызывать озабоченности у общества и государства, поскольку угрозу

со стороны террористических групп ультраправого характера следует признать вполне реальной. Доказательством этому могут служить следующие крупные террористические акты, совершенные праворадикалами за последние 20 лет [5]:

♦ двойной террористический акт, совершенный Андерсом Берингом Брэйвиком 22 июля 2011 г. в г. Осло и на острове Утея, унесший жизни 77 человек и приведший к ранению 100 человек;

♦ стрельба в еврейской общине и доме престарелых «Деревня шалом» в г. Оверленд-Парк (США, штат Канзас), совершенная американским праворадикалом Ф. Г. Миллером 13 апреля 2014 г.;

♦ стрельба по темнокожим прихожанам церкви в г. Чарльстон (США, Южная Каролина), произведенная Диланом Руфом по мотивам расовой ненависти 17 июня 2015 г.;

♦ массовый расстрел прихожан в мечети в г. Квебек-Сити (Канада, Квебек), осуществленный А. Биссонеттом 29 января 2017 г. по мотивам религиозной ненависти;

♦ стрельба, открытая 27 октября 2018 г. Р. Бауэрсом в синагоге Tree of Life («Древо жизни») в Питтсбурге (штат Пенсильвания), унесла жизни 11 человек;

♦ массовый расстрел прихожан мечетей в г. Крайстчерч в Новой Зеландии, осуществленный 15 марта 2019 г. Б. Х. Таррантом по мотивам расовой и религиозной ненависти, привел к гибели 51 человека.

Заметим, что подавляющее большинство перечисленных выше террористических актов, имеющих ярко выраженный праворадикальный характер, были совершены террористами-одиночками, которые даже в случае членства в различных радикальных и экстремистских сообществах действовали абсолютно самостоятельно. Данное обстоятельство позволяет утверждать о наличии тенденции современного праворадикального терроризма к саморадикализации, что вполне соответствует идеям Дэвида Лейна, требовавшего от своих последователей изобретения собственных методов «борьбы», т. е. осуществления террористической и экстремистской деятельности.

Список источников

1. Базулина А. А., Нестеренко Я. М. Совершенствование мер противодействия терроризму: отечественный и зарубежный опыт. В сб.: Актуальные

ДОЗНАНИЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 495 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».
Гриф НИИ образования и науки.
Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Дознание

в органах внутренних дел

Третье издание

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции: мат. внутриведом. науч.-практ. семинара. 2017. С. 79–88.

2. Бурковская В. А. Актуальные проблемы борьбы с криминальным религиозным экстремизмом в современной России. М., 2015.

3. Национал-социализм // Большая российская энциклопедия // URL://https://bigenc.ru/world_history/text/2252826.

4. Неонацизм // Большая российская энциклопедия // URL://https://bigenc.ru/world_history/text/2260142.

5. Случаи терактов, осуществленных правыми радикалами // URL://<https://tass.ru/info/6221324>.

6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» // URL://http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

7. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // URL://http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

References

1. Bazulina A. A., Nesterenko Ya. M. Improving counter-terrorism measures: domestic and foreign experience. In the collection: Topical issues of theory and practice in the activities of police units: mat. inside the house. scientific-practical. the seminar. 2017. P. 79–88.

2. Burkovskaya V. A. Actual problems of combating criminal religious extremism in modern Russia. M., 2015.

3. National Socialism // Big Russian Encyclopedia // URL://https://bigenc.ru/world_history/text/2252826.

4. Neo-Nazism // The Great Russian Encyclopedia // URL://https://bigenc.ru/world_history/text/2260142.

5. Cases of terrorist attacks carried out by right-wing radicals // URL://<https://tass.ru/info/6221324>.

6. Federal Law of 25 July 2002 No. 114-FZ «On countering extremist activity» // URL://http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

7. Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 «On countering terrorism» // URL://http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

Информация об авторах

С. Ф. Самойлов — начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, доктор философских наук, профессор;

О. М. Дорошенко — заместитель начальника кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Жуланов — доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

S. F. Samoilov — Head of the Department of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophical Sciences, Professor;

O. M. Doroshenko — Deputy Head of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Zhulanov — Associate Professor of the Department of Criminology of the Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 342.61

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-227-230>

ИПОН: 2003-0059-5/22-449

MOSURED: 77/27-003-2022-05-648

Роль правоохранительных органов в защите конституционных прав и свобод человека в Российской Федерации

Илья Сергеевич Седой

Межмуниципальное управление МВД России «Люберецкое», Люберцы, Россия

Аннотация. Реальную защиту прав и свобод человека и гражданина обеспечивает не только Конституция Российской Федерации, но и органы государственной власти, правоохранительные органы, которые действуют в пределах своих полномочий и на основе высшей юридической силы норм Основного закона государства, обязательности их правореализации. В этом смысле роль правоохранительных органов Российской Федерации, по мнению автора статьи, состоит в реализации, охране и защите прав и свобод человека и гражданина. В статье автор задается вопросами: могут ли правоохранительные органы российского государства гарантировать полное исключение посягательств на права и свободы человека и гражданина, полностью объема соблюдения конституционных прав и свобод граждан?

Ключевые слова: правоохранительные органы, Конституция, права и свободы человека, охрана и защита прав и свобод, гарантии прав, суд, государство

Для цитирования: Седой И. С. Роль правоохранительных органов в защите конституционных прав и свобод человека в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 227–230. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-227-230>.

Original article

The role of law enforcement agencies in protecting constitutional human rights and freedoms in the Russian Federation

Ilya S. Sedoy

Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Lyubertsy», Lyubertsy, Russia

Abstract. The real protection of human and civil rights and freedoms is provided not only by the Constitution of the Russian Federation, but also by state authorities, law enforcement agencies that operate within their powers and on the basis of the highest legal force of the norms of the Basic Law of the state, the obligation to implement them. In this sense, the role of law enforcement agencies of the Russian Federation, according to the author of the article, consists in the implementation, protection and protection of human rights and freedoms and citizens is essential. In the article, the author asks the questions: can the law enforcement agencies of the Russian state guarantee the complete exclusion of encroachments on the rights and freedoms of man and citizen, the completeness of compliance with constitutional rights and freedoms of citizens?

Keywords: law enforcement agencies, Constitution, human rights and freedoms, protection and protection of rights and freedoms, guarantees of rights, court, state

For citation: Sedoy I. S. The role of law enforcement agencies in protecting constitutional human rights and freedoms in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):227–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-227-230>.

Правоохранительные органы призваны всесторонне обеспечивать соблюдение прав и свобод человека и гражданина теми субъектами правовых отношений, которые их нарушают или намереваются нарушить. Безусловных гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина не бывает. Вообще, юридические гарантии, в том числе конституционные, представляют собой такие правовые условия и средства, которые позволяют на государственном уровне обеспечить должный объем реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина [9], с участием правоохранительных органов.

Например, Т. Г. Иванцова пишет, что «Конституция России 1993 г. устанавливает реальную защиту прав и свобод граждан» [4]. С этим утверждением сложно в полной мере согласиться, поскольку, по мнению диссертанта, конституционные (учредительные) нормы закрепляют такие правовые условия, которые является стандартом для других отраслей права — гражданского, уголовного, административного и др., что позволяет формировать устойчивую и стабильную систему законодательства. Конституция РФ закрепляет юридические условия, установления, гарантии, которые признаны приводить в ра-

© Седой И. С., 2022

ботоспособное состояние органы государственной власти, институты политической системы общества, используя возможности правоохранительных органов, суда, прокуратуры и т. д.

Поэтому, на наш взгляд, реальную защиту прав и свобод человека и гражданина обеспечивает не Конституция РФ, а органы государственной власти, правоохранительные органы, которые действуют в пределах своих полномочий и на основе высшей юридической силы норм основного закона государства, обязательности их правореализации. Здесь необходимо отметить, что разъяснение представителями правоохранительных органов прав, обязанностей и ответственности не должно носить фактический характер, как это часто происходит на практике, когда подпись лица — подозреваемого, обвиняемого и др. в процессуальном документе означает, что ему разъяснены его права и законные интересы.

В теоретическом плане и в разрезе конституционно-правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина разъяснение прав, во-первых, является основным элементом правовой интерпретации, толкования права, во-вторых, разъяснение прав должно иметь продолжение на уровне уяснения конституционных и иных прав, которое также является основным элементом интерпретации права, в-третьих, если придерживаться юридической логики при использовании положений ст. 11 УПК РФ, то получается, что должностные лица правоохранительных органов обязаны разъяснить права; уяснение же прав — это работа других субъектов, таких как адвокаты, без обязательного участия которых невозможно проведение следственных действий с участием подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

На вопрос, содержатся ли аналогичные положения в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве в части охраны прав и свобод человека и гражданина, следует ответить отрицательно. Если, по мнению ряда ученых, суды включаются в систему правоохранительных органов [7, с. 32], то в части выделения в законе самостоятельных категорий охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами, следует обеспечить законодательное единство их использования, поскольку в соответствии со ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. А поскольку охрана прав потерпевших от злоупотребления властью нельзя рассматривать исключительно в плоскости уголовного и уголовно-процессуального законодательства, следует обеспе-

чить законодательное единство и системную взаимосвязанность норм административного, гражданского и арбитражно-процессуального законодательства в части закрепления роли и обязанностей правоохранительных органов по охране прав и свобод человека и гражданина [3, с. 6].

Реальную защиту прав и свобод человека и гражданина обеспечивает не только Конституция РФ, но и органы государственной власти, правоохранительные органы, которые действуют в пределах своих полномочий и на основе высшей юридической силы норм Основного закона государства, обязательности их правореализации. В этом смысле роль правоохранительных органов Российской Федерации, по мнению автора статьи, состоит в реализации, охране и защите прав и свобод человека и гражданина являющейся существенной.

Рассмотрим подробнее роль Конституции РФ в структуре системы законодательного регулирования организации и деятельности правоохранительных органов. Конституционная реформа затронула судебную систему Российской Федерации. Исходя из положений ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, арбитражное судопроизводство включено в общую конституционную конструкцию о судебной власти в нашей стране. Включение арбитражного судопроизводства в конструкцию положения ст. 118 Конституции РФ свидетельствует о высокой роли арбитражных судов в области защиты прав субъектов экономической деятельности, а это, прежде всего, органы публичной власти, призванные действовать в единстве.

Возникает вопрос: почему конституционные / уставные суды не были включены в конструкцию ч. 3 ст. 118 Конституции РФ? Если посмотреть законодательство субъектов РФ, регулирующее организацию и деятельность таких судов, то можно констатировать, что конституционные / уставные суды, во-первых, осуществляют судебный контроль, во-вторых, что примечательно в рамках настоящего исследования, действуют в целях защиты прав и свобод человека и гражданина. По крайней мере, такой подход мы обнаруживаем при анализе Закона Республики Татарстан «О Конституционном суде Республики Татарстан». Если придерживаться этой логики, то следует опираться на авторитетов отечественной юридической науки, которые отмечают, что правоохранительная функция — деятельность государства, направленная на защиту интересов личности и общества [5, с. 25]. А федеральные суды и суды субъектов Российской Федерации именно обеспечивают гарантии защиты основных прав и свобод человека и гражд-

данина. Следовательно, суды отчасти реализуют и правоохранительную функцию государства, являясь при этом самостоятельной и независимой ветвью в системе разделения властей.

Вместе с тем, чтобы ответить на поставленный нами вопрос следует обратиться к одному из заседаний рабочей группы по внесению поправок в Конституцию РФ, на котором член рабочей группы — Е. Б. Султанов отметил: «если их не включили в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ, то меня не устраивает ответ, что это будет решено субъектами Федерации» [6].

Очевидно, что Е. Б. Султанов связывает не включение конституционных / уставных судов в редакцию ч. 3 ст. 118 Конституции РФ с рисками упразднения таких судов, поскольку если они не нашли свое отражение в норме конституции страны, значит может измениться и редакция норм федерального конституционного закона о судебной системе РФ. К тому же такие суды, по мнению Президента РФ, не демонстрируют бурную деятельность. Вместе с тем, на наш взгляд, конституционные / уставные суды являются важнейшим элементом судебной системы и соблюдения конституционной законности и конституционного правопорядка, поэтому занижение их роли не способствует развитию правового и демократического государства в России.

Другой аспект, который заслуживает особого внимания, затрагивает корректировку деятельности судов в части иерархической расстановки сил, решающий вопрос о коллизиях между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 125 Конституции РФ высший орган конституционной юстиции по жалобам граждан проверяет конституционность нормативных правовых актов, указанных в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, в случаях, когда закон примени в конкретном деле и когда заявителями были исчерпаны все внутригосударственные средства судебной защиты. Такой подход в рамках конституционной реформы судебной системы, во-первых, обозначает ведущую роль Конституционного Суда РФ по отношению к другим судам, делая высший орган конституционной юстиции своего рода высшей и «окончательной» судебной инстанцией, во-вторых, создаются риски перегрузки Конституционного Суда РФ в деле защиты прав и свобод человека, основ конституционного строя и по другим вопросам его компетенции, что автоматически влечет необходимость продолжения создания в субъектах РФ конституционных / уставных судов, которые по некоторым данным, однако требующим проверки, созданы только в 14 субъектах РФ из 85.

Что касается прокуратуры, то конституционные реформы коснулись и этого важного органа государственной власти. В частности, если до проведения конституционной реформы в ч. 1 ст. 129 Конституции РФ закреплялось, что компетенция и организационно-функциональные вопросы регулируются федеральным законом, то в современной редакции этой нормы конституции дается определение понятию прокуратуры, которое является более объемным по сравнению с тем, которое закреплено в федеральном законе о прокуратуре. Что это дает для практики деятельности органов прокуратуры или для вопроса о реформировании надзорных ведомств в аспекте осуществления правоохранительной функции государства или вообще для теории конституционного права, правоохранительной деятельности, иных отраслей российского права?

Представляется, что, во-первых, если конституционные положения, в дефинитивном смысле, определяют прокуратуру РФ как единую федеральную централизованную систему органов государственной власти с указанными основными полномочиями, то при сопоставительном анализе редакции ч. 1 ст. 129 Конституции РФ и ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 2202-1 «О Прокуратуре Российской Федерации» [8] выявляется следующее. В указанной норме закона о прокуратуре, прокуратура — это такая централизованная система органов власти, которая действует от имени РФ, т. е. от имени государства.

С этой позиции нормы Конституции России, по словам Н. С. Бондаря, наполненные конституционно-значимой энергией [1], не сужают, а наоборот расширяют роль и место прокуратуры в общем государственном механизме охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку в конституционной интерпретации учредительных положений Основного закона прокуратура стоит на страже основных ценностей государства и общества — прав и свобод человека и гражданина, и хотя по закону о прокуратуре она действует от имени государства, все же в новой редакции ч. 1 ст. 129 Конституции РФ выявляется социальная направленность деятельности органов прокуратуры, поскольку охраняя и защищая интересы неопределенного круга лиц, прокуратура именно обеспечивает охрану и защиту прав, свобод и законных интересов граждан, следовательно, действует не только от имени государства, но и в интересах людей, населения, граждан.

Это означает, что в конституционно-правовой науке и иных смежных с ней отраслях права выявляется самостоятельный наукометрический аспект

социальной направленности деятельности российской прокуратуры, имеющий исследовательский теоретический и практический потенциал. Таким образом, условия конституционной реформы прокуратуры как органа власти, осуществляющего правоохранительную функцию государства, позволяют сделать вывод о расширении объема функциональности надзорных ведомств исходя из их социальной значимости и в аспекте социальной направленности прокуратуры, что стало возможным только в условиях внесения поправок в Конституцию РФ [2, с. 3].

Список источников

1. Бондарь Н. С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 11.
2. Василенко А. С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
3. Егорышев С. В. Органы внутренних дел как социальная организация: проблемы их реформирования и повышения эффективности деятельности: автореф. дисс. ... докт. соц. наук. Уфа, 1998.
4. Иванцова Т. Г. Роль правоохранительных органов по соблюдению и защите прав человека в России (история и современность) // Таврический научный обозреватель. 2016 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoohranitelnyh-organov-po-soblyudeniyu-i-zaschite-prav-cheloveka-v-rossii-istoriya-i-sovremennost>.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М. : Юрист, 2004.
6. Обзор заседания рабочей группы по внесению поправок в Конституцию Российской Федерации // URL://<https://www.business-gazeta.ru/news/459198>.
7. Правоохранительные органы: учебник и практикум для вузов / М. П. Поляков [и др.]; под общ. ред. М. П. Полякова. М. : Юрайт, 2020.
8. Федеральный закон № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Информация об авторе

И. С. Седой — начальник отделения по борьбе с имущественными преступлениями Межмуниципального управления МВД России «Люберецкое».

Information about the author

I. S. Sedoy — Head of the Department for Combating Property Crimes of the Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Lyubertsy».

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 30.08.2022. The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

9. Шайхуллин М. С. К вопросу о конституционных гарантиях местного самоуправления в России. В сб.: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: мат. XIII междунар. науч.-практ. конф. В 5 т. 2016. С. 130–133.

References

1. Bondar N. S. Letter and spirit of the Russian Constitution: 20-year experience of harmonization in the light of constitutional justice // Journal of Russian Law. 2013. No. 11. P. 11.
2. Vasilenko A. S. Mediation and other restorative justice programs in the criminal process of the countries of Anglo-Saxon law: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2013.
3. Egoryshev S. V. Internal affairs bodies as a social organization: problems of their reform and improvement of efficiency of activity: abstract. diss. ... Doctor of Social Sciences. Ufa, 1998.
4. Ivantsova T. G. The role of law enforcement agencies in the observance and protection of human rights in Russia (history and modernity) // Tauride Scientific Observer. 2016 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoohranitelnyh-organov-po-soblyudeniyu-i-zaschite-prav-cheloveka-v-rossii-istoriya-i-sovremennost>.
5. Matuzov N. I., Malko A.V. Theory of State and law: textbook. M. : Jurist, 2004.
6. Review of the meeting of the working group on amendments to the Constitution of the Russian Federation // URL://<https://www.business-gazeta.ru/news/459198>.
7. Law enforcement agencies: textbook and workshop for universities / M. P. Polyakov [et al.]; under the general editorship of M. P. Polyakov. M. : Yurayt, 2020.
8. Federal Law No. 2202-1 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» (ed. Federal Law No. 168-FZ of November 17, 1995) // SZ RF. 1995. No. 47. St. 4472.
9. Shaikhullin M. S. On the constitutional guarantees of local self-government in Russia. In the collection: Tatischev readings: actual problems of science and practice: mat. XIII International Scientific and Practical conference. In 5 vol. 2016. P. 130–133.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-231-237>

ИИОН: 2003-0059-5/22-450

MOSURED: 77/27-003-2022-05-649

Производство по делам об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими, в условиях режима чрезвычайного положения

Владимир Ильич Семов

Издательство «Юнити-Дана», Москва, Россия, vladimir.semoff@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности производства по делам об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими, в условиях режима чрезвычайного положения. Режим чрезвычайного положения — это одна из разновидностей существующих административно-правовых режимов, обеспечиваемых совокупностью мер, которые закрепляют специальные правила поведения, запреты, ограничения и методы привлечения к ответственности. Рассматривается гипотеза о привлечении военнослужащего в условиях чрезвычайного положения к двойной ответственности — административной и дисциплинарной — за совершение одного и того же деяния в силу его особого статуса. Сделан вывод о том, что чрезвычайное положение — это реакция государства на внезапное и чрезвычайное обстоятельство, которое приводит к временному изменению конституционного порядка с целью устранения или минимизации угрозы обществу и восстановления нормального уровня жизни и безопасности. Для того чтобы государство могло ввести такое правило, необходимо учесть ряд факторов: угроза обществу и недостаток или отсутствие достоверной информации; дефицит времени в связи с внезапным экстремальным событием, что, в свою очередь, приводит к напряжению в обществе, еще больше сокращая время реагирования соответствующих сил на ситуацию; характер и объем работы, в том числе внеплановой, необходимой для управления чрезвычайной ситуацией со стороны ответственных органов.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, административный режим, ответственность, военная служба, воинская обязанность, военнослужащий, дисциплинарная ответственность

Для цитирования: Семов В. И. Производство по делам об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими, в условиях режима чрезвычайного положения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 231–237. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-231-237>.

Original article

Proceedings in cases of administrative offenses committed by military personnel in a state of emergency

Vladimir I. Semov

Unity-Dana publishing house, Moscow, Russia, vladimir.semoff@yandex.ru

Abstract. The article considers features of proceedings on cases of administrative offences committed by military personnel under the regime of state of emergency. State of Emergency regime is one of the varieties of existing administrative and legal regimes, ensured by a set of measures that enshrine special rules of conduct, prohibitions, restrictions and methods of bringing to responsibility. The hypothesis of bringing a military man in a state of emergency to dual responsibility — administrative and disciplinary — for committing the same deed due to his special status is considered. It is concluded that the state of emergency is the reaction of the state to a sudden and extraordinary circumstance, which leads to a temporary change in the constitutional order in order to eliminate or minimize the threat to society and restore the normal level of life and security. In order for the state to introduce such a rule, a number of factors must be taken into account: the threat to society and the lack or absence of reliable information; the lack of time due to a sudden extreme event, which, in turn, leads to tension in society, further reducing the response time of relevant forces to the situation; the nature and amount of work, including unplanned, required to manage.

Keywords: state of emergency, administrative regime, responsibility, military service, military duty, serviceman, disciplinary responsibility

For citation: Semov V. I. Proceedings in cases of administrative offenses committed by military personnel in a state of emergency. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):231–237. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-231-237>.

Введение режима чрезвычайного положения регулируется нормами ст. 56 Конституции РФ [3]. В то же время, Федеральный конституционный закон от

30 мая 2001 г. «О чрезвычайном положении» [10] дает более подробное описание и характеризует его в качестве одной из разновидностей существующих ад-

© Семов В. И., 2022

министративно-правовых режимов, обеспечиваемых совокупностью мер, которые закрепляют специальные правила поведения, запреты, ограничения и методы привлечения к ответственности [1, с. 231]. Установление рассматриваемого административно-правового режима обусловлено невозможностью реализации отдельных общественно важных целей в пределах нормального правопорядка. Законодательное определение рассматриваемого режима содержится в Федеральном законе «О чрезвычайном положении».

К числу важнейших особенностей исследуемого режима следует отнести то, что это мера временная, вводится Указом Президента РФ и нуждается в последующем одобрении со стороны Совета Федерации, устанавливается исключительно при возникновении непосредственно угрожающих населению или государственной власти обстоятельств. На основании закрепленных в Конституции положений, при чрезвычайном положении допускается возможность ограничения конституционных прав граждан и различных организаций.

При этом соответствующий Указ Президента — о введении режима чрезвычайного положения — в императивном порядке включает полный список возможных правоограничений граждан и организаций. В то же время, Конституция гарантирует права и свободы, которые не подлежат ограничению в условиях чрезвычайного положения. К ним относятся, в частности, такие основные права, как свобода совести и право на судебную защиту.

Применение мер пресечения и ответственности в контексте режима чрезвычайного положения должно быть связано с тяжестью ситуации, которая послужила основанием для введения такого режима. В то же время, введенные меры должны соответствовать Конституции, нормам международного права и не могут приводить к дискриминации в какой-либо форме. Тем не менее, детализация конституционных норм о чрезвычайном положении в законодательстве не предусматривает перечня прав и свобод, на которые нельзя воздействовать даже в условиях чрезвычайного положения. Данный перечень в настоящее время приводится только в Конституции. В связи с этим необходимо привести специальный закон в соответствие с Основным законом.

Вероятность ответственности гражданина, том числе военнослужащего, за нарушение режима чрезвычайного положения устанавливается в одноименном федеральном конституционном законе, а далее в виде соответствующих санкций закрепляется в

Кодексе РФ об административных правонарушениях [2].

Согласно ст. 20.5 КоАП РФ гражданам грозит штраф от 500 до 1 тыс. руб., для должностных лиц он установлен в повышенном виде — от 1 до 2 тыс. руб. Другим возможным наказанием, вместо административного штрафа, является административный арест на срок до 30 суток. Установлен также специальный срок для привлечения к ответственности — три месяца. При этом следует коротко остановиться на описании состава преступления. Субъектами административного правонарушения за нарушение режима чрезвычайного положения являются граждане, достигшие 16 лет, а также специальные субъекты, например, военнослужащие. В данном случае предметом являются общественные отношения в сфере обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя РФ. Субъективная сторона проявляется как в форме умысла, так и в форме неосторожности (отказ в предоставлении документов, удостоверяющих личность, например, только в форме умысла). Объективная сторона находит свое практическое выражение в различных действиях, поскольку ограничительные меры и запреты, принимаемые в рамках режима чрезвычайного положения, могут быть самыми разными.

Если чрезвычайное положение введено в результате попытки государственного переворота, то в качестве меры, ограничивающей право граждан на свободное перемещение в установленное время в пределах территории, на которой введено соответствующее административно-правовое регулирование, может быть введен комендантский час. Важно отметить, что «нарушение положений о чрезвычайном положении» в вышеуказанной статье Кодекса об административных правонарушениях не подразумевает под собой нарушения установленного комендантского часа. Ответственность за данное административное правонарушение наступает по приказу коменданта территории, на которой введено чрезвычайное положение.

В то же время, Федеральный закон «О чрезвычайном положении» предусматривает возможность задержания граждан, которые нарушили комендантский час, до истечения срока действия комендантского часа, а граждан, которые не имеют удостоверяющих личность документов, до установления их личности, но на срок не более трех суток.

Административное задержание, в отличие от административного ареста, может применяться не только в отношении нарушителей особого режима,

но и в отношении граждан, соблюдающих особый режим. Основной функцией административного задержания является предотвращение физического или имущественного ущерба. В случае, если бедствие было вызвано эпидемией или болезнью животных, задержание может предшествовать высылке из района, где был введен административно-правовой статус. Что касается специфики административной ответственности военнослужащих за нарушение режима чрезвычайного положения, то необходимо отметить, что Конституция и Федеральный конституционный закон также предусматривают гарантии их прав и свобод. В законодательстве перечислены гарантии имущественных и социальных прав, а также ответственность лиц, уполномоченных вводить чрезвычайное положение (полицейских, сотрудников исполнительных учреждений, военнослужащих и т. д.).

При этом перечень условий для применения физической силы, оружия и боевой техники в особой ситуации административно-правового характера не меняется по сравнению с порядком, предусмотренным в ситуациях «обычного режима».

Юридическая ответственность представляет собой одну из фундаментальных основ, образующих базу многоуровневой структуры правовой системы. Речь идет о такой ответственности, которая обеспечивает практическое и теоретическое исполнение прав и обязанностей субъекта или определенной группы в обществе, а также функционирование общества в глобальном аспекте.

Соответственно, юридическую ответственность следует рассматривать в качестве инструмента борьбы и профилактики неправомерного поведения и поощрения реализации законных, разрешаемых обществом и полезных мер. Необходимо обратить внимание на то, что юридическая ответственность подразделяется на установленные государством подвиды: уголовная, гражданская, административная и дисциплинарная. При этом законодатель обозначил такой особый вид ответственности, как материальная ответственность.

Административная ответственность представляет собой разновидность юридической ответственности, которая выражается в виде административного наказания по факту совершения субъектом административного правонарушения. Заметим, что в правовой доктрине нет четкого определения административной ответственности.

Для этого можно руководствоваться определением административной ответственности, предло-

женным О. П. Панковой [6]: «под административной ответственностью следует понимать предусмотренную административным законодательством меру воздействия на субъекта в виде административного наказания и ограничения его личных и имущественных прав в установленном порядке в связи с совершением им административного правонарушения». Это определение, по мнению автора, является достаточно развернутым, но в то же время компактным, поскольку определяет все признаки административной ответственности как вида юридической ответственности. Исходя из приведенного определения, административную ответственность военнослужащих в условиях чрезвычайного положения следует понимать как установленную административным специальным воинским законодательством меру воздействия на военнослужащего в виде административного наказания и ограничения его личных и имущественных прав в порядке, предусмотренном законом, в связи с совершением административного правонарушения.

При этом следует отметить, что административная ответственность в практической деятельности является ни чем иным, как ответственностью субъекта, нарушившего каким-либо образом общеобязательные правила, которые распространяются на всех лиц. Тем не менее, данное определение может применяться в любом случае к любому виду юридической ответственности.

Говоря об особенностях административной ответственности, следует обратить внимание на то, что в данном случае степень опасности нарушения для общества не столь велика, как в случае с уголовной ответственностью. Эта особенность занимает важное место в контексте рассматриваемой темы производства по делам об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими в условиях чрезвычайного положения. Также важным признаком является то, что стороной правоотношения, порождаемого правонарушением, совершенным субъектом права, может также являться, наряду с физическими и юридическими лицами, орган публичной власти [8, с. 3].

Относительно дисциплинарной ответственности и ее отличий от административной ответственности необходимо отметить, что она наступает из правоотношения, в котором определенный субъект подчиняется должностному лицу, обладающему соответствующими полномочиями. В таком случае дисциплинарная ответственность применяется при обязательном условии установления проступка подчиненного должностного лица, представляющего по своей пра-

вой природы либо совершенное уголовное преступление, либо неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей.

Стоит отметить, что дисциплинарную ответственность несут, в том числе, военнослужащие, для которых предусмотрена специальная процедура привлечения к административной ответственности. Таким образом, административная ответственность военнослужащих за совершенные ими проступки дифференцируется на дисциплинарную ответственность и непосредственно административную ответственность. Эти виды ответственности применяются к военнослужащим также и в условиях чрезвычайного положения.

Какова взаимосвязь между этими двумя видами ответственности? В соответствии со специальным законом о статусе военнослужащих [11], в необходимых случаях законодатель предусмотрел возможность привлечения военнослужащего ко всем вышеуказанным видам ответственности — гражданской, уголовной, административной и материальной. Военнослужащие, равно как и иные субъекты права, равны перед законом, на что никак не может повлиять звание или должность военнослужащего.

Для военнослужащих законодателем установлена следующая система ответственности: за проступки они несут, в первую очередь, дисциплинарную ответственность по общему правилу, а за правонарушения, перечисленные в ст. 2.5 КоАП РФ, военнослужащие, наряду с другими субъектами права, несут административную ответственность непосредственно на общих основаниях.

Дисциплинарная ответственность налагается на военнослужащего, который совершил административное правонарушение или проступок, в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ). Решение, вынесенное в отношении военнослужащего, подлежит обжалованию через систему военных судов, которые уполномочены оценивать не только характер совершенного военнослужащим правонарушения, обоснованность предъявленного ему обвинения, но и строгость назначенного военнослужащему наказания в зависимости от степени его вины. Следует отметить, что если военнослужащий привлечен к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное общим законодательством, и имеет место судебное разбирательство в отношении лица, совершившего данное правонарушение, то дело подсудно военному суду [4, с. 66–67]. Таким образом, можно

сформулировать следующее определение административного правонарушения, совершенного военнослужащим: деяние военнослужащего, совершенное с нарушением установленного государством порядка управления, а также повлекшее нарушение правоотношений, возникших в связи с прохождением военной службы.

Из этого следует, что специфика административного правонарушения, совершенного военнослужащим, заключается в том, что, совершая административное правонарушение, военнослужащий вмешивается не только в административные правоотношения, но и в правоотношения, возникающие в связи с прохождением военной службы. Такая ситуация, конечно, связана с особенностями правового статуса военнослужащего. Поэтому нельзя полностью отождествлять юридическую ответственность военнослужащего за административное правонарушение с юридической ответственностью за административное правонарушение другого субъекта права.

Вывод, с которым согласны такие ученые, как П. П. Серков, заключается в том, что это следствие правового статуса военнослужащего и необходимости оказания на него воспитательного воздействия в случае совершения проступка, что в свою очередь влияет на формирование и поддержание дисциплины среди военнослужащих. Эта концепция соответствует основным принципам всего законодательства, касающегося военной службы в целом [8, с. 3].

Итак, административная ответственность военнослужащих характеризуется рядом особенностей: она возникает в отношении определенного конкретного субъекта — военнослужащего, для которого законодателем установлен четко регламентированный перечень оснований привлечения к ответственности. Перечень административных санкций, которые могут быть применены в этой специфической сфере, также ограничен. Если правонарушение, совершенное военнослужащим, не подпадает под эту категорию правонарушений, за которые он не несет административную ответственность, то он будет привлечен к дисциплинарной ответственности за такое правонарушение.

Некоторые ученые придерживаются мнения, что специфика правового статуса рассматриваемого субъекта проявляется в разграничении административных и дисциплинарных правонарушений. Этот вывод нельзя отбросить, поскольку существует целый ряд исключений и ограничений в общем порядке подотчетности данного субъекта.

Многие исследователи, такие как Н. Г. Салищева, неоднократно отмечали, и это подтверждалось в судебной практике, что в случаях выявления административного правонарушения, которое совершил военнослужащий, он часто привлекается к ответственности дважды за одно и то же деяние — и к административной, и к дисциплинарной ответственности. По мнению Н. Г. Салищевой, такая ситуация недопустима и возникает только из-за незнания руководством военнослужащего норм действующего законодательства, а закон не допускает двойного наказания подчиненного за одно и то же деяние [5, с. 10]. Однако не связано ли это с ранее упомянутыми особенностями правонарушения военнослужащего? Совершение военнослужащим административного правонарушения, посягающего как на административные, так и на воинские правоотношения?

Данный вопрос является дискуссионным и предполагает теорию возможного ограниченного исключения одного из основных принципов российского права о недопустимости двойной ответственности за одно и то же деяние, вытекающего из особенностей объекта права.

Такое исключение может быть рассмотрено ввиду исключительности ситуации — необходимости укрепления дисциплины военнослужащих и формирования у них четкого убеждения в недопустимости совершения подобных действий не только как правового субъекта в целом со всеми другими субъектами, но и как субъекта, принадлежащего к определенной общности, характеризующейся специфическим правовым статусом. Так, на практике часто встречаются примеры двойной ответственности военнослужащего, например, за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, хотя военнослужащий не находился на службе.

Разумеется, такая мера двойной ответственности за правонарушение в настоящее время также является незаконной в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации. Однако, в такой двойной мере ответственности может быть рациональный контекст, поскольку даже не находясь на военной службе, конкретный субъект права имеет правовой статус, полномочия и, по отношению к нему, некоторые другие более жесткие требования, в том числе к поведению и последствиям действий или бездействия. Это может стать отдельной темой для изучения. Конечно, при в современных условиях развития общества и государства исключение из конституционного запрета на двой-

ное осуждение за одно и то же преступление не представляется возможным.

На наш взгляд, должен существовать механизм, позволяющий разделить различные виды ответственности. В соответствии с положениями ДУ ВС РФ привлекаемое к дисциплинарной ответственности лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности за совершение преступления. Такая же трансформация ответственности должна применяться и в случае совершения административного правонарушения. При этом автор не согласен с точкой зрения о том, что при наличии в совершенном правонарушении признаков административного и дисциплинарного проступка может возникнуть двойное применение мер ответственности.

В решении Конституционного Суда РФ по данному вопросу указывается на недопустимость повторного привлечения виновного лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние [7]. Этот вывод можно интерпретировать как запрет на двойное наказание, например, административное или дисциплинарное, за совершение одного и того же проступка, в то время как прямого запрета на наложение двух различных видов ответственности за одно и то же правонарушение не предусмотрено.

С. А. Старостин считает, что привлечение военнослужащего к дисциплинарной и административной ответственности в чрезвычайной ситуации за совершение одного и того же деяния не противоречит основным конституционным принципам, однако применять подобный инструмент двойной ответственности целесообразно крайне ограниченно — в случае высокой степени общественной опасности деяния и грубых нарушений [9].

Важным фактом, который только подтверждает правильность выводов автора, является то, что довольно часто встречаются случаи, когда после установления факта совершения административного правонарушения военнослужащим, последний, с целью избежать ответственности, пытается скрыть информацию о наличии у него специального статуса. Мы считаем, что следует разработать механизм кумулятивной ответственности за совершение различных правонарушений и внести соответствующие изменения как в КоАП РФ, так и в ДУ ВС РФ.

Кроме того, необходимо определить конкретную последовательность этапов административной ответственности военнослужащих в рамках рассматриваемой темы: когда должна быть применена административная или дисциплинарная ответственность в

условиях чрезвычайного положения. Прежде всего, устанавливается факт правонарушения и соотносится с нормами действующего законодательства. Затем следует установление субъективного статуса правонарушителя, оценка и определение меры ответственности. Последним этапом является непосредственная реализация меры ответственности, принятой в отношении правонарушителя.

Необходимо обратить внимание на то, что законодателем предусмотрена возможность прекращения административного производства в случаях возникновения необходимости привлечения лица к дисциплинарной ответственности.

При этом постановление о прекращении административного производства направляется с материалами дела в воинскую часть по месту службы военнослужащего для решения вопроса о его привлечении к надлежащей ответственности. Например, в специальном ФЗ «О статусе военнослужащих» говорится, что военнослужащие могут быть привлечены к ответственности за совершение деяния, нарушающего воинскую дисциплину, тогда как оснований для административной или уголовной ответственности нет.

В то же время, законодатель указал, что проступки, за которые военнослужащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в соответствии с Административным кодексом, являются грубыми нарушениями. Однако в законодательных положениях имеются некоторые противоречия, которые рассмотрены ниже.

Кроме того, существует определенная взаимосвязь между положениями КоАП РФ относительно административной ответственности военнослужащих и нормами специального закона «О статусе военнослужащих». Данная точка зрения имеет непосредственное отношение к изложенной ранее автором гипотезе о привлечении военнослужащего к двойной ответственности за совершение одного и того же деяния в силу его особого статуса.

Насколько же необходимо разграничивать виды ответственности? Так, согласно КоАП РФ, военнослужащий привлекается к административной ответственности по общему правилу по факту нарушения правил дорожного движения, повлекшего причинение легкого либо средней тяжести вреда здоровью, а равно за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии. Специальный Федеральный закон «О статусе военнослужащих» устанавливает ответственность за грубые дисциплинарные про-

ступки, в частности за причинение вреда здоровью в результате нарушения правил управления транспортным средством, а также за выполнение служебных обязанностей в состоянии алкогольного опьянения. Можно предположить, что КоАП РФ и специальный закон «О статусе военнослужащих» дублируют ответственность за преступление, совершенное военнослужащим, возлагая на правонарушителя два разных вида ответственности, но автор считает, что это не так.

Критерием разграничения ответственности в данном случае является нахождение военнослужащего на службе в момент совершения правонарушения — если военнослужащий совершил аналогичное правонарушение, находясь на службе, то применяется закон «О статусе военнослужащих», в отношении него возникает дисциплинарная ответственность, если же речь идет о совершении преступления при исполнении служебных обязанностей, то применяются положения КоАП РФ, военнослужащий несет ответственность на общих основаниях. Следует отметить, что на практике очень часто возникает неоднозначность в вопросе о характере ответственности, которая возникает у виновного лица. Не менее распространены, как уже говорилось выше, ситуации, когда виновный несет несколько видов ответственности за одно и то же деяние.

В контексте обсуждаемой темы существенным является разделение ответственности на административную и дисциплинарную, в зависимости от критерия службы военнослужащего. Но как складывается и без того сложная реализация ответственности офицера за административные правонарушения в контексте введения в государстве особых правовых режимов, таких как чрезвычайное положение? Итак, чрезвычайное положение — это реакция государства на внезапное и чрезвычайное обстоятельство, которое приводит к временному изменению конституционного порядка с целью устранения или минимизации угрозы обществу и восстановления нормального уровня жизни и безопасности. Для того чтобы государство могло ввести такое правило, необходимо учесть ряд факторов.

К ним относятся, во-первых, угроза обществу и недостаток или отсутствие достоверной информации.

Во-вторых, это дефицит времени в связи с внезапным экстремальным событием, что, в свою очередь, приводит к напряжению в обществе, еще больше сокращая время реагирования соответствующих сил на ситуацию.

В-третьих, характер и объем работы, в том числе внеплановой, необходимой для управления чрезвычайной ситуацией со стороны ответственных органов. В таких ситуациях часто приходится изолировать и разделять общество на конкретные группы и отдельные структурные подразделения, что неизбежно встречает неодобрение со стороны ряда субъектов права и способствует дальнейшей социальной напряженности. И последнее, но не менее важное: высокая степень ответственности возлагается на лиц, ответственных за ликвидацию чрезвычайной ситуации и ее последствий.

Список источников

1. Административное право: учебник / под общ. ред. А. С. Телегина. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15 октября 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.
3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL://http://www.pravo.gov.ru.
4. Королева Ю. А. Ответственность военнослужащих за административные правонарушения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
5. Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях: науч.-практ. пособие / под ред. Н. Г. Салищевой. М., 2011.
6. Панкова О. В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях / под ред. О. А. Егоровой. М. : Статут, 2014.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р. В. Боскачева, И. В. Овсянникова и Д. А. Савельева» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Серков П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2010.
9. Старостин С. А. Чрезвычайное положение: моногр. М. : Проспект, 2019.
10. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
11. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

References

1. Administrative law: textbook / edited by A. S. Telegin. Perm : Perm State National Research University, 2020.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (ed. of October 15, 2021) // SZ RF. 2002. No. 1 (Part 1). St. 1.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by the people by vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL://http://www.pravo.gov.ru.
4. Koroleva Yu. A. Responsibility of military personnel for administrative offenses: diss. ... cand. jurid. M., 2004.
5. The desk book of the judge in cases of administrative offenses: scientific and practical. manual / edited by N. G. Salishcheva. M., 2011.
6. Pankova O. V. Consideration of cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction / edited by O. A. Egorova. M. : Statute, 2014.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P dated March 21, 2013 «On the case of checking the constitutionality of subparagraph «b» of paragraph 2 of Article 51 of the Federal Law «On Military Duty and Military Service» in connection with the complaints of citizens R. V. Boskachev, I. V. Ovsyannikov and D. A. Savelyev» // SPS «ConsultantPlus».
8. Serkov P. P. Administrative responsibility: problems and ways of improvement: abstract. diss. ... doct. jurid. Sciences. M., 2010.
9. Starostin S. A. State of emergency: monogr. M. : Prospect, 2019.
10. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of May 30, 2001 (as amended on July 3, 2016) «On the State of emergency» // SZ RF. 2001. No. 23. St. 2277.
11. Federal Law No. 76-FZ of May 27, 1998 (as amended on December 8, 2020) «On the status of military personnel» // SZ RF. 1998. No. 22. St. 2331.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-238-242>

ИПОН: 2003-0059-5/22-451

MOSURED: 77/27-003-2022-05-650

Международное сотрудничество полиции в рамках Интерпола по противодействию киберпреступности и обеспечению кибербезопасности

Александр Сергеевич Ситков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sitkovlaw@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема стремительного развития киберпреступности. Представляется анализ и значение международного сотрудничества полиции в рамках Интерпола в целях обеспечения кибербезопасности. В заключении предлагается ряд мер, направленных на укрепление взаимоотношений и повышение уровня международного сотрудничества по разрешению рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Интерпол, международная полиция, киберпреступность, кибербезопасность, глобальный комплекс инноваций

Для цитирования: Ситков А. С. Международное сотрудничество полиции в рамках Интерпола по противодействию киберпреступности и обеспечению кибербезопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 238–242. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-238-242>.

Original article

International police cooperation within the framework of Interpol on combating cybercrime and ensuring cybersecurity

Alexander S. Sitkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, sitkovlaw@gmail.com

Abstract. The problem of the rapid development of cybercrime is considered. The analysis and importance of international police cooperation within the framework of Interpol in order to ensure cybersecurity is presented. In conclusion, a number of measures are proposed aimed at strengthening relations and increasing the level of international cooperation to resolve the issues under consideration.

Keywords: international cooperation, Interpol, international police, cybercrime, cybersecurity, global innovation complex

For citation: Sitkov A. S. International police cooperation within the framework of Interpol on combating cybercrime and ensuring cybersecurity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):238–242. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-238-242>.

В современном мире наблюдается динамичное развитие киберпреступности, несущей серьезную и реальную угрозу не только отдельным государствам, но и мировому сообществу в целом, что обусловлено их глобальным и транснациональным характером. Группы киберпреступников могут территориально находиться в одной стране, пользоваться инфраструктурой в другой, а выводить (обналичивать) денежные средства — в третьей. Они не знают ни физических, ни виртуальных границ. Все чаще кибератаки совершаются не только против отдельных лиц, но и предприятий; также бывают случаи кибератак против правительств отдельных государств.

Темпы развития киберпреступности чрезвычайно быстрые. Современные киберпреступники отлича-

ются своей гибкостью, молниеносным использованием современных технологий, умением адаптировать свои атаки с применением иных, малоизвестных, а также новых способов и методов совершения преступлений. За считанные минуты сложные криминальные сети, действуя по всему миру, координируют опасные кибератаки. Именно поэтому для эффективного противодействия транснациональной киберпреступности необходимо осуществлять международное сотрудничество, в том числе силами полицейских органов различных государств.

Сложившаяся на сегодня ситуация с киберпреступностью обуславливает необходимость каждого государства участвовать в международном сотрудничестве в данном направлении. Россия принимает

© Ситков А. С., 2022

активное участие в борьбе с международной преступностью на основе двустороннего, регионального и универсального уровня сотрудничества, в рамках международных полицейских организаций. Особое место занимает сотрудничество в рамках Международной организации уголовной полиции — Интерпола, осуществляющей непосредственную работу по борьбе с международной преступностью.

Для координации международных усилий в направлении борьбы с киберпреступностью в Сингапуре открыт Международный центр Интерпола по инновациям. Активную работу по идентификации кибермошенников и группировок хакеров выполняет Национальное Центральное Бюро Интерпола МВД России (далее — НЦБ Интерпол МВД России), сотрудничая с сингапурским центром, а также Европейским центром по вопросам киберпреступности Европола. Так, НЦБ Интерпол МВД России принимало участие в некоторых международных операциях по пресечению противозаконной деятельности в киберпространстве. В результате одной из таких операций была ликвидирована инфраструктура бот-сети «Доркбот», использовавшаяся злоумышленниками для хищения данных учетных записей пользователей, а также совершения сетевых атак на сайты компаний [1].

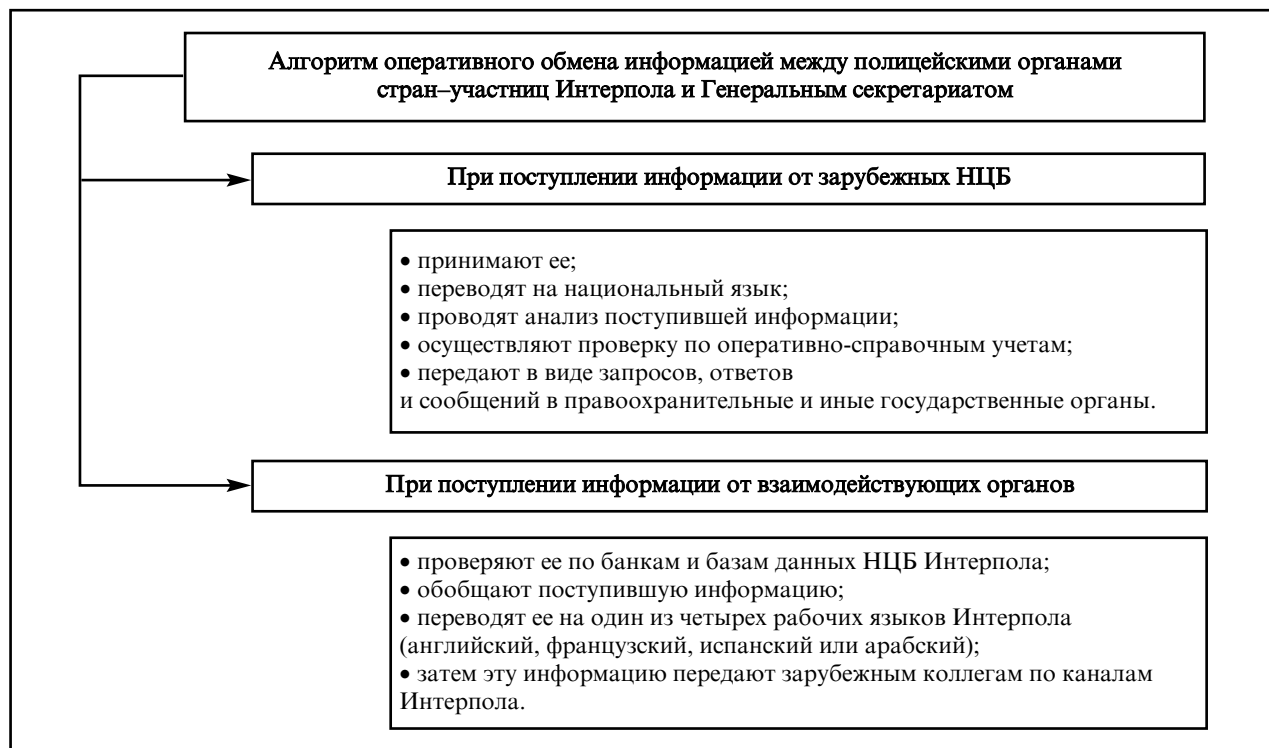
На территории стран–участниц Интерпол взаимодействует с государственными органами, на которые возложено предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, розыск преступников и лиц, признанных без вести пропавшими. Данная деятельность осуществляется через Национальные центральные бюро этих государств [3, с. 102].

В Российской Федерации НЦБ создано при МВД России. Территориальные подразделения НЦБ Интерпола функционируют в 80 российских регионах [5].

Посредством данных структур на сегодня реализуется взаимосвязь между НЦБ и региональными правоохранительными органами, что позволяет решать задачи обеспечения эффективного обмена информацией о преступлениях между государствами [8, с. 447].

Основное функциональное назначение НЦБ Интерпола МВД России состоит в обеспечении оперативного обмена информацией между отечественными правоохранительными органами и полицейскими органами иных стран–участниц Интерпола, а также с Генеральным секретариатом. Схема такого обмена может быть представлена в виде алгоритма действий сотрудников НЦБ Интерпола МВД России (рис. 1).

Интерпол предоставляет правоохранительным, в том числе полицейским, органам различных госу-

Рис. 1. Схема обмена информацией между НЦБ Интерпола МВД России и полицейскими органами стран–участниц Интерпола, Генеральным секретариатом

дарств, включая МВД России, комплекс разнообразных (правовых, инновационных и др.) инструментов, основанный на использовании информационных технологий. Цифровой компонент данного комплекса представлен защищенной коммуникационной сетью, базами данных, особым механизмом международных уведомлений, информационной системой 1-24/7, позволяющей осуществлять обмен «полицейской информацией» оперативно и безопасно [6, с. 20].

Глобальная информационная телекоммуникационная система I-24/7 (Interpol 24 часа в сутки, 7 дней в неделю) создана для обеспечения возможности оперативного обмена информацией между странами-членами Интерпола и основана на применении новейших информационных технологий. Это позитивно отражается на деятельности по борьбе с преступностью; время исполнения запросов в Интерпол является практически мгновенным (2–3 секунды) [7, с. 215]. В среднем за год НЦБ Интерпола МВД России имеет возможность обрабатывать 150 тыс. запросов [8, с. 449].

В качестве уникального инструмента унификации международного сотрудничества по профилактике национальной и международной преступности выступают международные уведомления Интерпола, позволяющие координировать совместные действия. Эти акты издаются по запросам НЦБ. Уведомлениям присваивается соответствующая категория опасности (цветовой угол). Среди них самыми важными являются акты с красным и зеленым углом. В актах «с красным углом» содержится информация о розыске лиц с целью ареста и экстрадиции, а в актах «с зеленым углом» — информация, предупреждающая о склонности лица к преступному поведению. Интерес представляют и уведомления с «фиолетовым (пурпурным) углом», поскольку они предупреждают о новых способах и методах совершения преступлений, в том числе киберпреступлений.

Особым и одним из главных направлений международного сотрудничества в борьбе с преступностью полицейских органов государств выступает международный розыск по линии Интерпола. В деятельности НЦБ Интерпола МВД России значительное место занимает рассмотрение и исполнение запросов по международному розыску лиц, а также запросов, касающихся предоставления и получения информации в отношении разыскиваемых. НЦБ Интерпола размещает сведения о разыскиваемом лице

на сайте Генерального секретариата Интерпола в сети Интернет.

Не оспаривая значение рассматриваемого направления, следует выделить одну из проблем организации международного розыска по каналам Интерпола. Она состоит в том, что предоставляемая органам внутренних дел оперативная информация отличается низким качеством, в ней отсутствуют многие важные данные, в частности, о регионе, где возможно нахождение разыскиваемого лица. После объявления лица в международный розыск, как правило, прекращается проведение активных оперативно-розыскных мероприятий по установлению его вероятного местонахождения за рубежом. Прекращается и обработка связей данного лица. Все это препятствует целенаправленному взаимодействию с правоохранительными органами зарубежных стран [4, с. 82]. Целесообразно взаимодействие сотрудников группы НЦБ Интерпола с оперативными подразделениями ОВД (на районном уровне) в изучении розыскных дел. Также важно оказание помощи в установлении оснований для объявления в международный розыск и оформлении соответствующих документов.

Одна из заслуживающих внимания проблем касается практики внедрения передового опыта противодействия преступности со стороны полицейских органов зарубежных государств. Целесообразно отразить необходимость рассмотреть изучение руководителями территориальных ОВД зарубежного опыта борьбы с преступностью и профилактики правонарушений, в том числе путем проведения международных научно-практических конференций.

Следует отметить, что НЦБ Интерпола, несмотря на все имеющиеся недостатки и проблемы, выступает уникальным механизмом взаимодействия полицейских органов различных стран в борьбе с общеуголовной преступностью, включая киберпреступность. На наш взгляд, целесообразно:

- ♦ повысить качество оперативной информации, передаваемой по каналам Интерпола, в частности за счет указания в ней сведений о регионе, где возможно нахождение разыскиваемого лица;

- ♦ взаимодействие сотрудников НЦБ Интерпола МВД России с оперативными подразделениями ОВД в изучении розыскных дел, установлении оснований для объявления в международный розыск и оформлении соответствующих документов;

◆ изучать и внедрять передовой опыт полицейских органов иностранных государств в борьбе с преступностью и профилактике правонарушений, в том числе в рамках участия в деятельности Интерпола.

В сфере обеспечения кибербезопасности Интерпол осуществляет международное сотрудничество по таким вопросам, как оперативная и следственная поддержка, кибернетическая разведка и анализ, цифровая криминалистика, инновации и исследования, наращивание технического и научного потенциала, национальные киберобзоры.

Обеспечение кибербезопасности представляется одним из важнейших направлений деятельности Интерпола, в рамках которого данная организация оказывает помощь правоохранительным органам национальных государств. Кроме того, Интерпол проводит эффективные международные операции по выявлению и раскрытию преступлений в сфере кибербезопасности. Необходимо также выделить работу Глобального комплекса инноваций Интерпола (далее — IGCI), открытого в 2014 г. и размещенного в Сингапуре. IGCI представляет собой эффективный координационный механизм выявления и предотвращения преступлений, совершаемых в интернет-пространстве. Посредством данного механизма проводится глобальная киберэкспертиза информации, предоставляемой правоохранительными органами государств-участников Интерпола и частными партнерами. Большое значение имеет активное изучение новых преступлений в исследуемой сфере, создание современных методик обучения сотрудников правоохранительных органов, развитие инновационных инструментов обеспечения кибербезопасности в деятельности полиции. Основными направлениями деятельности IGCI являются: информационная безопасность, создание потенциала и обучение, оперативно-следственная поддержка.

В качестве наиболее значимых направлений деятельности Интерпола по борьбе с киберугрозами следует выделить:

◆ изучение новых разновидностей киберпреступлений, создание современных методик обучения полицейских, развитие инновационных инструментов обеспечения кибербезопасности;

◆ обеспечение профессиональной подготовки кадров полицейских органов, занимающихся раскрытием и расследованием киберпреступлений, посредством проведения семинаров, учений, курсов, практических занятий по различным вопросам кибербезопасности;

◆ содействие полицейским органам национальных государств в координации усилий по расследованию и в проведении операций по борьбе с транснациональной киберпреступностью, оказание им помощи в выявлении криминальных сетей, стоящих за киберпреступлениями.

В целях разрешения проблем, касающихся обеспечения кибербезопасности и противодействия киберпреступлениям в деятельности полиции в рамках Интерпола, могут быть предложены некоторые меры:

◆ наделение НЦБ Интерпола МВД России полномочиями оперативного подразделения по борьбе в сфере кибербезопасности, а сотрудников бюро — полномочиями на самостоятельное проведение оперативно-разыскных мероприятий в полном объеме, в том числе по сбору оперативно значимой информации в киберпространстве и ее анализу;

◆ совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, специализирующихся на борьбе с киберпреступностью;

◆ повышение уровня технической оснащенности подразделений органов внутренних дел, специализирующихся на раскрытии и расследовании киберпреступлений;

◆ укрепление взаимодействия органов внутренних дел с крупными банками, активно внедряющимися и развивающими цифровые сервисы, а также с IT-компаниями, криптовалютными биржами, крупными отечественными производителями программного обеспечения и оборудования в сфере кибербезопасности и цифровой криминалистики;

◆ создание в структуре Интерпола специализированного отдела оперативного реагирования на запросы национальных полицейских органов;

◆ расширение глобальной коалиции правоохранительных органов национальных государств;

◆ использование площадки Интерпола для проведения международных онлайн-тренингов по кибербезопасности для специалистов и сотрудников полицейских органов стран-участниц, а также для обмена научной и практической информацией, навыками, различными инновационными технологическими решениями;

◆ создание совместного киберподразделения Союзного государства (Российской Федерации и Республики Беларусь) по примеру офиса Агентства Европейского союза (ЕС) по кибербезопасности. Предлагае-

мое подразделение будет координировать реагирование Союзного государства на крупномасштабные киберинциденты и помогать восстанавливать информационную инфраструктуру стран, пострадавшую от таких атак. Кроме того, совместное киберподразделение будет осуществлять взаимодействие со структурами Интерпола.

Список источников

1. Глава НЦБ Интерпола МВД России: со всеми зарубежными партнерами мы готовы вести диалог // URL://<https://tass.ru/interviews/9543411>.
2. Дьяков Н. В. Национальное центральное бюро интерпола и его возможности в борьбе с преступностью // Теоретические и прикладные аспекты противодействия преступности органами внутренних дел. 2016. № 1. С. 82.
3. История создания и правовые основы деятельности Интерпола / Е. Н. Кондрат и др. // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 102–107.
4. Мысина А. И. Сотрудничество государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий на платформе Глобального комплекса инноваций Интерпола // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 129.
5. Национальное центральное бюро Интерпола // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.
6. Прокопчук А. В. Универсальный механизм взаимодействия // Журнал Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 12. С. 20.
7. Яковлева М. А. Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
8. Янина Ю. С. Некоторые вопросы взаимодействия Международной организации уголовной полиции «Интерпол» и ОВД РФ / под ред. А. И. Вост-

рецова // Наука и образование: теория и практика: мат. междунар. (заочной) науч.-практ. конф. Нефтекамск, 2020. С. 447–449.

References

1. Head of the NCB Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia: we are ready to conduct a dialogue with all foreign partners // URL://<https://tass.ru/interviews/9543411>.
2. Dyakov N. V. The National Central Bureau of Interpol and its capabilities in the fight against crime // Theoretical and applied aspects of combating crime by internal affairs bodies. 2016. No. 1. P. 82.
3. The history of the creation and legal foundations of Interpol / E. N. Kondrat et al. // Legal science: history and modernity. 2017. No. 3. P. 102–107.
4. Mysina A. I. Cooperation of states in countering crimes in the field of information technology on the platform of the Interpol Global Innovation Complex // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 2. P. 129.
5. National Central Bureau of Interpol // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.
6. Prokopchuk A. V. Universal mechanism of interaction // Journal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. No. 12. P. 20.
7. Yakovleva M. A. Internal affairs bodies as one of the subjects in the crime prevention system: diss. ... cand. jurid. M., 2019.
8. Yanina Yu. S. Some issues of interaction between the International Criminal Police Organization «Interpol» and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation / ed. of A. I. Vostretsova // Science and Education: theory and practice: mat. international. (correspondence) scientific-practical conf. Neftekamsk, 2020. P. 447–449.

Информация об авторе

А. С. Ситков — научный сотрудник отдела изучения положительного опыта в служебной деятельности ОВД и обеспечения научного сотрудничества управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

A. S. Sitkov — Researcher of the Department for the Study of Positive Experience in the Work of the Department of Internal Affairs and Ensuring Scientific Cooperation of the Department for the Organization of Scientific and Editorial and Publishing Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022. The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-243-248>

ИПОН: 2003-0059-5/22-452

MOSURED: 77/27-003-2022-05-651

Исторические предпосылки формирования концепции справедливого судебного разбирательства во внутригосударственном праве и международно-правовых актах

Анна Сергеевна Соловьева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, 1911anya@gmail.com

Научный руководитель: начальник кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **В. А. Коннов**

Аннотация. Рассматривается история становления и развития концепции справедливого судебного разбирательства в правовых памятниках национального права и международно-правовых актах. Анализируются формулировки, содержание и объем права на справедливое судебное разбирательство в процессе его эволюции во внутригосударственном праве и международно-правовых актах.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, надлежащая правовая процедура, права человека в уголовном судопроизводстве, внутригосударственные акты, международно-правовые акты

Для цитирования: Соловьева А. С. Исторические предпосылки формирования концепции справедливого судебного разбирательства во внутригосударственном праве и международно-правовых актах // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 243–248. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-243-248>.

Original article

Historical prerequisites for the formation of the concept of fair trial in domestic law and international legal acts

Anna S. Solovyova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, 1911anya@gmail.com

Research supervisor: Head of Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **V. A. Konnov**

Abstract. The article examines the history of the formation and development of the concept of fair trial in the legal monuments of national law and international legal acts. The wording, content and scope of the right to a fair trial in the process of its evolution in domestic law and international legal acts are analyzed.

Keywords: the right to a fair trial, due process of law, human rights in criminal proceedings, domestic acts, international legal acts

For citation: Solovyova A. S. Historical prerequisites for the formation of the concept of fair trial in domestic law and international legal acts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):243–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-243-248>.

Право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — ЕКПЧ), является фундаментальным правом, основанным на принципе верховенства закона. Данное право носит комплексный характер, и для каждого современного государства является одним из ключевых естественных прав, принадлежащих каждому человеку.

Исследуемое право имеет высокую социальную значимость, а также играет ключевую роль в вопросе

защиты других прав человека. Нарушение рассматриваемого права может повлечь за собой также и ущемление иных важнейших прав человека.

Право на справедливое судебное разбирательство прошло достаточно длинный эволюционный путь развития. Далекое не во всех источниках исследуемое право звучало именно так, как гласит ст. 6 ЕКПЧ, однако оно, либо его составляющие, всегда подразумевали под собой категорию справедливости судебного разбирательства.

© Соловьева А. С., 2022

Предпосылки становления идей о справедливости судебного разбирательства имеют место в религиозных источниках. Так, в одном из христианских религиозных источников, Второзаконии (кн. 5 Ветхого Завета), утверждается завет «судить справедливо» (гл. 1, стих 16). Также отмечаем, что из главного религиозного источника ислама, Корана, следует предписание «судить по справедливости» (4:58 аят). Итак, главные священные книги мировых религий провозглашают ставшее впоследствии основополагающим требование справедливости к суду, которое дошло до наших дней.

Однако, еще раньше, в правовых источниках, понятие «справедливость» проходило красной нитью через положения Законов Хаммурапи [7] (1750-е гг. до н.э.). При этом с точки зрения современного взгляда на понятие «справедливость» едва ли она лежит в основе положений данного законодательного свода. В Древнем Вавилоне население делилось на свободных людей и рабов. Следовательно, не могло идти и речи о равенстве всех перед законом и судом, что отчетливо прослеживается в положениях правового памятника. Например, если выколоть глаз рабу, то в наказание за это необходимо было отдать половину его покупной стоимости (§ 199); если же раб ударил по щеке сына человека, то в качестве наказания рабу отрезали ухо (§ 205). Именно так определялась «справедливость» в Древнем Вавилоне.

Первый писанный источник права в Древнем Риме, Законы 12 таблиц [6] (451–450-е гг. до н.э.), в своих положениях устанавливали принцип равенства римлян перед законом, а также вводили запрет на получение «денежной мзды» (взятки) судьями (табл. IX). Никто не имел никаких привилегий (отступлений от закона в свою пользу); таким образом, при судебном разбирательстве плебеи и патриции были равны. Судья, назначенный для «судоговорения», изблеченный в подкупе, приговаривался к смертной казни. В настоящее время положения Законов XII таблиц воплощены в принципе равенства всех перед законом и судом, праве на независимый и беспристрастный суд.

Статья 39 принятой в 1215 г. Великой хартии вольностей (Magna Carta) [3] ознаменовала новый этап в развитии идей об исследуемом праве. Данная статья устанавливала правовые гарантии путем запрета незаконных арестов, необоснованного лишения имущества, наложения наказаний и иных не-

правомерных действий и злоупотреблений без законного приговора. В ст. 40 упомянутого правового документа закрепляется неподкупность и непредвзятость правосудия. Впоследствии Великая хартия вольностей переиздавалась в более совершенных редакциях. И так, в сокращенной редакции 1225 г. ст. 29 все так же провозглашала запрет на наложения любого вида наказания без «правильного приговора суда пэров», а также устанавливала, что задержкам (промедлениям) и взяточничеству нет места в суде, основанном на справедливости. А в редакции 1354 г. (статут Liberty of Subject Act) в ст. 39 впервые была упомянута «надлежащая правовая процедура»: никто не мог претерпевать каких-либо наказаний, если он не будет привлечен к ответственности в соответствии с надлежащей правовой процедурой. Таким образом, в ст. 39 и 40 Великой хартии вольностей впервые закрепляется право на надлежащую правовую процедуру, а также гарантии личной свободы.

Еще один памятник английского права 1679 г., Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus Act) [13], содержит такие составные аспекты «надлежащей судебной процедуры», как презумпция невиновности, быстрое и оперативное рассмотрение дел в суде по месту совершения правонарушения, неприкосновенность личности, законность задержания.

Отдельные критерии исследуемого права упоминаются и в древнерусских рукописных книгах, и в памятниках русского права. Так, «Изборник» 1076 г. закрепляет, что отправление правосудия не должно происходить поспешно, при этом необходимо принимать во внимание доводы обеих сторон, у каждой из которых есть равные возможности на предоставление доказательств, а также их опровержение. Другим примером выступает Псковская судная грамота 1467 г., в которой неоднократно упоминается, что судить необходимо «справедливо, по присяге», а также утверждается: не щадить виновных, но не подвергать наказаниям правых, т. е. без разбирательства никого не судить (ст. 3).

Статут Великого княжества Литовского 1529 г. (далее — Статут) [10] в разд. 1 содержит идеи о презумпции невиновности — важнейшей составляющей рассматриваемого права: никто не может быть наказан по несправедливому подозрению до тех пор,

пока в рамках явного судебного разбирательства будет доказана вина (ст. 1). Гарантии презумпции невиновности раскрываются и в ст. 7 указанного свода законов: никто не может быть приговорен к наказанию до тех пор, пока его вина не будет доказана в суде, и только за тот проступок, который был совершен им лично. Идеи осуществления правосудия на началах равенства каждого перед законом и судом представлены в ст. 9 Статута: все должны быть равно и одинаково судимы по одному праву, независимо от сословия и материального положения. Статья 14 Статута затрагивает принцип равноправия сторон: правосудие должно отправляться без оказания предпочтения какой-либо из сторон. Также в упомянутой статье отмечается, что правосудие должно отправляться без промедления. До наших дней данное положение дошло как принцип разумного срока судопроизводства.

В XVIII в. на базе концепции естественного права, в основе которого лежали идеи о том, что права человека неотъемлемы и принадлежат ему от рождения, были разработаны и приняты Декларация прав человека и гражданина 1789 г. (Франция) и Билль о правах 1791 г. (США).

Пронизывающая Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. [5] идея законности (ст. 5), лежит в основе ключевой составляющей исследуемого права — процессуальной гарантии презумпции невиновности: до тех пор, пока вина лица не установлена, оно считается невиновным (ст. 9).

Одни из наиболее известных положений, которые фактически определяют сущность права на «надлежащее судебное разбирательство», содержатся в Билле о правах 1791 г. [14] (первые десять поправок к конституции США). Важнейшие гарантии презумпции невиновности содержит пятая поправка: «Никто не может быть привлечен по обвинению в уголовном ... преступлении иначе, как на основании акта присяжных». Помимо этого, в указанной поправке отражается принцип «non bis in idem», согласно которому лицо не может претерпевать наказание дважды за одно и то же деяние. Кроме того, в данной поправке провозглашается право не свидетельствовать против себя, без которого невозможно представить исследуемое право. Шестая поправка закрепляет такие весомые права обвиняемого, как право на скорый и открытый суд по месту совершения преступления; право знать, в чем он обвиняется;

право пользоваться помощью защитника; право на очную ставку со свидетелем, показывающим против него; право допроса свидетелей, показывающих в его пользу. Формулировки данных прав сейчас немного видоизменены, но заложенный в них смысл остался прежним. Можно констатировать, что в вышеуказанных поправках впервые на внутригосударственном уровне было закреплено право на справедливое судебное разбирательство в достаточно емкой по содержанию формулировке. В 1868 г. была принята 14-ая поправка к конституции США, где в разд. 1 отмечается, что отправление правосудия невозможно без «надлежащей правовой процедуры», а именно никто не может быть лишен прав иначе как по приговору суда.

Таким образом, нами были рассмотрены видные внутригосударственные правовые памятники и проанализированы их положения сквозь призму становления и развития идей о справедливом судебном разбирательстве. На основе исследованных и других актов национального права, а также вследствие политико-социальных изменений в обществе, наряду с воззрениями юристов-правоведов XVII–XIX вв., была заложена основа для актов международного права, которые сформировали концепцию об исследуемом праве на соответствующем уровне.

На универсальном уровне новый этап в развитии прав человека ознаменован принятием ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека (далее — ВДПЧ) [4]. Впервые на уровне международного документа была провозглашена необходимость защиты основных прав человека. ВДПЧ устанавливает важнейшие процессуальные гарантии и права: равенство перед законом (ст. 7), доступ к правосудию (ст. 8), свобода от необоснованного задержания (ст. 9), презумпция невиновности (ст. 11). И, наконец, ст. 10 провозглашает, что для установления обоснованности предъявленного уголовного обвинения каждый имеет право на рассмотрение его дела гласно, независимым и беспристрастным судом, на основе полного равенства, с соблюдением всех требований справедливости. Таким образом, подчеркнем: помимо того, что ВДПЧ стала фундаментом для последующих международных договоров в области прав человека, она также сыграла ключевую роль в становлении концептуальных идей о справедливом судебном разбирательстве на международно-правовом уровне.

Основополагающее значение для закрепления исследуемого права на универсальном уровне имеет Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — МПГПП) [9], основывающийся на ВДПЧ. В ст. 14 международного договора не только устанавливается равенство всех перед судом, а также право каждого в рамках уголовного судопроизводства на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, но и гарантии презумпции невиновности наряду с минимальными правами обвиняемого в уголовном преступлении. Помимо этого, в указанной статье закрепляются и другие важнейшие принципы, которые гарантируют каждому право на пересмотр судебного решения в вышестоящей инстанции, не быть подверженным повторному наказанию за одно и то же преступление и др.

Принятая 2 мая 1948 г. (на 7 месяцев раньше, чем ВДПЧ), Американская декларация прав и обязанностей человека [11], является первым международным документом, на региональном уровне провозгласившим основные права человека. В числе прочих в ст. 2 устанавливается равенство каждого перед законом, а в ст. 18 довольно лаконично закрепляется и раскрывается право на справедливый суд. Оно предполагает право каждого человека на обращение в суд для обеспечения соблюдения своих законных прав в рамках простой и краткой процедуры. Кроме того, в ст. 25 устанавливаются гарантии от незаконного ареста. Далее, в ст. 26 закрепляется «право на надлежащую правовую процедуру», предусматривающее под собой гарантии презумпции невиновности, а также право на беспристрастное и публичное разбирательство с запрещением назначения жестоких наказаний.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [8] в ст. 6 закрепила рассматриваемое право в исследуемой нами формулировке. Право на справедливое судебное разбирательство в ч. 1 названной нормы включает в себя варианты его защиты как в рамках гражданских споров, так и в случаях уголовного обвинения, а также содержит принципы разумного срока, независимого и беспристрастного суда, созданного на основании закона. Гарантии презумпции невиновности личности находят свое место в ч. 2 указанной статьи. В ч. 3 ст. 6 содержатся минимальные права человека в рамках уго-

ловного судопроизводства, например, право быть уведомленным об основаниях и характере предъявленного обвинения, право на помощь защитника и переводчика, право на допрос свидетелей и др. Историческое значение ЕКПЧ состоит не только в том, что она стала первым документом, вобравшим в себя права, провозглашенные ВДПЧ, и придавшим им обязательную юридическую силу, но еще и в учреждении Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Будучи международным механизмом защиты прав человека, чьи постановления являются обязательными для исполнения, ЕСПЧ с 1959 г. по настоящее время имеет богатую судебную практику, в том числе относительно нарушения государством права на справедливое судебное разбирательство.

Американская конвенция о правах человека 1969 г. [1], распространяющая свою юрисдикцию на ратифицировавшие ее государства-члены Организации американских государств, в ст. 8 закрепляет право каждого на справедливый суд, что предусматривает надлежащие гарантии при слушании дела, разумный срок, независимый и беспристрастный суд, презумпцию невиновности, а также минимальные права обвиняемого.

Еще один региональный договор, строящий свой фундамент как на ВДПЧ, так и МПГПП, — Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. [2], в ст. 7 устанавливает право каждого на рассмотрение его дела. Далее оно раскрывается через право на доступ к суду (компетентные национальные органы), а также гарантии разумного срока, беспристрастного суда, презумпцию невиновности, а также право на защитника.

На Ближнем Востоке в 2004 г. Лигой арабских государств была принята Арабская хартия прав человека [12]. В ст. 12, 13 и 16 указанного международного договора декларируется независимость судебной власти, равенство каждого перед судом, доступ к суду; провозглашается право каждого на справедливое судебное разбирательство, компетентный, независимый и беспристрастный суд; устанавливаются гарантии презумпции невиновности, а также минимальные права обвиняемого в рамках уголовного судопроизводства.

В заключение подчеркнем, что генезис и развитие концепций о справедливом судебном разбирательстве берет свое начало во внутригосударственном

праве, которое стало фундаментом для международно-правовых актов, закрепляющих идеи об исследуемом праве как на универсальном, так и на региональном уровнях.

Проанализированные международно-правовые акты позволяют сделать вывод о том, что в целом на универсальном и региональном уровнях право на справедливое судебное разбирательство закреплено в тождественных формулировках, содержание норм представляется идентичным. В подавляющем большинстве вышеназванных международных документов прослеживается единообразная структурная схема закрепления исследуемого права: раскрытие его содержания через составные элементы, утверждение гарантий презумпции невиновности, а также установление фундаментальных прав человека в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, толкование и сфера охвата данного права международными договорными органами (Европейский Суд по правам человека, Межамериканский Суд по правам человека, Комитет по правам человека ООН, Комитет против пыток ООН) может отличаться.

Список источников

1. Американская конвенция о правах человека 1969 г. // Human Rights Library // URL://http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Rzoas3con.html.
2. Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. // Human Rights Library // URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Rz1afchar.html.
3. Великая хартия вольностей 1215 г. // Восточная литература // URL://https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1200-1220/Magna_charita1215/text2.phtml.
4. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Официальный сайт ООН // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
5. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // URL://http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm.
6. Законы двенадцати таблиц // История Древнего Рима // URL://http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975.
7. Законы Хаммурапи // Виртуальная библиотека исторического факультета МГУ // URL://http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Официальный сайт Европей-

ского Суда по правам человека // URL://https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.

9. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Официальный сайт ООН // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

10. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. // Восточная литература // URL://https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270.

11. American Declaration of the Rights and Duties of Man, 1948 // Human Rights Library // URL://http://hrlibrary.umn.edu/oasinstr/zoas2dec.htm.

12. Arab Charter on Human Rights, 2004 // Human Rights Library // URL://http://hrlibrary.umn.edu/instreet/loas2005.html?msource=UNWDEC19001&tr=y&auid=3337655.

13. Habeas Corpus Act 1679 г. // Восточная литература // URL://https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1660-1680/Akty_parlament/akt_habeas_corpus_26_05_1679.phtml?id=4891.

14. The Bill of Rights, 1791 // National Archives // URL://https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript.

References

1. The American Convention on Human Rights of 1969 // Human Rights Library // URL://http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Rzoas3con.html.
2. African Charter on Human and Peoples' Rights 1981 // Human Rights Library // URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Rz1afchar.html.
3. Magna Carta 1215 // Oriental Literature // URL://https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1200-1220/Magna_charita1215/text2.phtml.
4. Universal Declaration of Human Rights of 1948 // UN official website // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
5. Declaration of Human and Civil Rights of 1789 // URL://http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm .
6. The laws of the Twelve Tables // History of Ancient Rome // URL://http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975.
7. Laws of Hammurabi // Virtual Library of the Faculty of History of Moscow State University // URL://http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm.

8. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 // Official website of the European Court of Justice on human rights // URL://https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.

9. International Covenant on Civil and Political Rights of 1966 // UN Official website // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

10. Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 // Oriental Literature // URL://<https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270>.

11. American Declaration of the Rights and Duties of Man, 1948 // Human Rights Library // URL://<http://hrlibrary.umn.edu/oasinstr/zoas2dec.htm>.

12. Arab Charter on Human Rights, 2004 // Human Rights Library // URL://<http://hrlibrary.umn.edu/instree/loas2005.html?msource=UNWDEC19001&try&auid=3337655>.

13. Habeas Corpus Act 1679 // Oriental Literature // URL://https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1660-1680/Akty_parlament/akt_habeas_corpus_26_05_1679.phtml?id=4891.

14. The Bill of Rights, 1791 // National Archives // URL://<https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript>.

Информация об авторе

А. С. Соловьёва — адъюнкт кафедры прав человека и международного права факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. S. Solovyova — Adjunct of the Department of Human Rights and International Law of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебное пособие
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. Н.В. Михайловой

Рассмотрены становление и развитие отечественного государства и права в русле исторического процесса. Периодизация курса дана в соответствии с основными этапами развития государства и права. Проанализирована специфика российской государственности и правовой системы. Учебное пособие ориентирует читателя на отход от традиционных, принятых в советское время оценок правовых явлений в стране, обусловленных идеологизацией и политизацией юридических знаний.

Для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-249-257>

НИОН: 2003-0059-5/22-453

MOSURED: 77/27-003-2022-05-652

Ретроспективный анализ процессуального положения несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам

Илья Владимирович Тарасенко¹, Анна Борисовна Сабурова²

² Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asia833p@yandex.ru

¹ tarasenko.55@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой экскурс в историю правовых норм, регламентирующих процессуальное положение несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам. С учетом изучения документальных источников и работ отечественных историков права, анализируются основные характеристики генезиса процессуального положения несовершеннолетних от средних веков до нашего времени. На основе методологического подхода очерчено научное поле проблематики. В качестве методов исследования историко-правовых явлений применялись историко-сравнительный, диахронный, историко-генетический методы. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе образовательных организаций высшего образования, а также в качестве основы для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовное дело, досудебное производство, предварительное следствие, обвиняемый, потерпевший, процессуальное положение несовершеннолетних

Для цитирования: Тарасенко И. В., Сабурова А. Б. Ретроспективный анализ процессуального положения несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 249–257. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-249-257>.

Original article

Retrospective analysis of the procedural status of minors in pre-trial criminal proceedings

Ilya V. Tarasenko¹, Anna B. Saburova²

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asia833p@yandex.ru

¹ tarasenko.55@mail.ru

Abstract. The article is an excursion into the history of legal norms regulating the procedural status of minors in pre-trial proceedings in criminal cases. Taking into account the study of documentary sources and the works of domestic historians of law, the main characteristics of the genesis of the procedural status of minors from the Middle Ages to our time are analyzed. Based on the methodological approach, the scientific field of the problem is outlined. Historical-comparative, diachronic, historical-genetic methods were used as methods of studying historical and legal phenomena. The results of the study can be used in the educational process of educational institutions of higher education, as well as as a basis for further improvement of criminal procedure legislation.

Keywords: minors, criminal case, pre-trial proceedings, preliminary investigation, accused, victim, procedural status of minors

For citation: Tarasenko I. V., Saburova A. B. Retrospective analysis of the procedural status of minors in pre-trial criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):249–257. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-249-257>.

«Вещь очень важная во всех законах есть: точно определить начальные правила, от которых зависит ... сила доказательств всякого преступления» [11].

Екатерина II

Введение. Несовершеннолетние, в силу психофизиологических особенностей, социально-экономиче-

ской зависимости от других лиц и иных причин, нуждаются в дополнительных гарантиях соблюдения прав и законных интересов, поэтому не случайно в процессе генезиса российского уголовного судопроизводства проблемам обеспечения процессуальных прав этой категории участников уделялось особое внимание.

Цель написания данной статьи заключается в проведении анализа основных характеристик гене-

© Тарасенко И. В., Сабурова А. Б., 2022

зиса процессуального положения несовершеннолетних от средних веков до нашего времени на основе положений документальных источников и работ отечественных историков права. В качестве методов исследования историко-правовых явлений применялись историко-сравнительный, диахронный и историко-генетический методы.

Основная часть. До рубежа XIV–XV столетий в русских землях и уголовные дела, и гражданские разрешались в рамках единого частно-состязательного или обвинительного процесса. В Русской правде мы не найдем каких-либо характеристик особенностей процессуального положения несовершеннолетних участников процесса. Первые указания в отношении несовершеннолетнего обвиняемого мы встречаем в Псковской судной грамоте 1397 г., в части процессуального регулирования ордалии «поля» (*божьего суда* — авт.) как вида доказательств по делу [12].

Ст. 20 определяла, что если истец возбудил без прямых улик дело о побоях или грабеже и представил послуха (*свидетеля* — авт.) выдвинутого обвинения, то ответчик имел право вызвать послуха истца на судебный поединок. При этом ст. 21 законодатель предоставлял право несовершеннолетнему ответчику («млад будет») выставить вместо себя наймита (*наемного бойца* — авт.), послух же таким правом наделен не был.

При рассмотрении в суде долгового иска ст. 36 Судной грамоты предоставляла право выставить наймита, против прежнего установления, уже несовершеннолетнему истцу, но в соответствии с установленной нормой ответчик в этой ситуации имел право также выставить против наймита истца своего наемного бойца.

Ст. 58 вводила норму, в соответствии с которой несовершеннолетние истец и ответчик имели право участвовать в суде со своими пособниками, т. е. лицами, поддерживающими обвинение или помогающими очиститься (*доказать свою невинность* — авт.) от него.

Таким образом, хотя досудебное производство в IX–XVIII вв. еще не было отделено от судебного, мы имеем дело не только с процессуальными правами несовершеннолетних обвиняемого и потерпевшего, но и еще и с далекими предшественниками современного института законных представителей несовершеннолетнего участника уголовного процесса. При этом необходимо отметить, что вплоть

до XIX столетия законодатель не определял однозначно возрастные параметры категории «несовершеннолетний участник процесса». Основываясь на сведениях нарративных и иных источников о возрасте вступления в брак, можно предположить, что малолетство до XVIII столетия имело верхний предел 13–14 лет.

В конце XIV — начале XV вв. в Московском государстве дела об общеуголовных преступлениях начинают разрешаться исключительно в розыском процессе, который функционировал в России вплоть до судебных реформ Александра II.

Как подчеркивали А. В. Федоров и Д. О. Серов, «...именно в рассматриваемый период зарождается сыск — деятельность потерпевших, а затем и государственных органов и их должностных лиц по розыску преступников, из которой впоследствии сформируются оперативно-розыскной и уголовно-процессуальный виды правоохранительной деятельности» [6].

До XVIII столетия процессуальные нормы досудебного производства, которое формально и функционально не было обособлено от разрешения дела в суде, сформулированные в Судебниках 1497 и 1550 гг., Уставной книге Разбойного приказа 1556 г., Соборном уложении 1649 г., 128 Новоуказных статьях 1699 г., не только не содержали, как правило, каких-либо изъятий из общего порядка расследования преступлений для малолетних участников процесса, но наоборот подчеркивали распространение на них общих правил.

Ст. 52 Судебника 1497 г. и ст. 19 Судебника 1550 г. подтверждали норму [13; 14], введенную Псковской судной грамотой в отношении наймитов, однако норма эта распространялась только на гражданские дела, разрешаемые по-прежнему в частно-состязательном процессе, но не на розыск, учиняемый по общеуголовным преступлениям.

Производство в отношении несовершеннолетних обвиняемых в совершении общеуголовного преступления, расспроса под пыткой для получения признательных показаний или показаний о соучастниках ничем не ограничивалось. Напротив, ст. 21 гл. XI «Суд о крестьянех» Соборного уложения 1649 г. прямо указывала на необходимость применения пытки к несовершеннолетним участникам процесса при розыске по делам о крепостной зависимости. «А которые христианские дети от отцов своих и от матерей учнут отпираться, и тех пытати» [15] — определял законодатель.

Также не были установлены какие-либо особенные права других несовершеннолетних участников процесса — потерпевших и свидетелей. Каковы были критерии определения возраста, можно судить по следующему: ст. 79 Новоуказных статей 1699 г. [16] устанавливала, что к обвиняемому в возрасте до 7 лет включительно, совершившему убийство, не могла быть назначена мера наказания в виде смертной казни. Указанная норма, в соответствии со ст. 1–4, 6, 19 гл. II «О Государьской чести, и как его Государское здоровье оберегать» Соборного уложения 1649 г. [15] не распространялась на малолетних обвиняемых в совершении государственного преступления или в сокрытии информации о таковом.

В XVIII — первой половине XIX вв. нормы, регулирующие процессуальные права несовершеннолетних участников розыскного процесса, получили дальнейшее развитие и конкретизацию в русле общеевропейской тенденции гуманизации уголовного процесса и уважения прав личности, когда пришли к пониманию того, что порядок рассмотрения уголовных дел в отношении детей должен отличаться от аналогичных процедур в отношении взрослых лиц. Официальные же рекомендации по этому поводу прозвучали на состоявшемся в 1872 г. в Лондоне I Международном тюремном конгрессе.

В первую очередь это касалось системы уголовных наказаний. Но определенные новеллы были привнесены и в досудебное производство. Петровское Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. [17] запретило применять к обвиняемым несовершеннолетним — в терминологии того времени недорослям — при производстве по делу пытку (ст. 10 гл. VI). Возрастные параметры категории недоросль на протяжении царствования Петра I колебались от 14 до 16 лет. Тем не менее, законодатель в ст. 2 гл. III Краткого изображения четко определил, что недоросль имеет право участвовать в процессе в качестве свидетеля по достижении 15-летнего возраста.

Во второй четверти XVIII столетия в российском уголовном процессе появляется категория малолетний участник процесса, являвшаяся главным образом аналогом несовершеннолетнего участника. В 1742 г. при ревизионном производстве по делу об убийстве 14-летней девушкой двух малолетних крестьянских дочерей [18] Правительствующий Сенат вынес определение, в соответствии с которым малолетними следовало считать, независимо от пола, об-

виняемых в совершении тяжких преступлений в возрасте до 17 лет и запретил применять к ним пытку при производстве следствия. При этом законодатель установил, что при совершении преступления малолетним в соучастии со взрослыми, обязательным в ходе следствия является проведение очной ставки между малолетним и взрослым обвиняемыми.

Указанные нормы были подтверждены законодателем в июне 1765 г. [3]. В этом же году Сенат предписал при производстве дел с участием несовершеннолетних обвиняемых при определении возраста основываться не только на их устных показаниях, но и на соответствующих документах — ревизских сказках, записей о рождении в церковных книгах и т. д. [19].

В 1832 г. вышел в свет Свод законов Российской империи, представлявший собой первый российский кодифицированный свод законодательных актов [20]. Свод законов ст. 93–96 кн. 1 т. 15 определил возраст совершеннолетия в 21 год, а в его рамках три группы обвиняемых: малолетние — до 14 лет, несовершеннолетние от 14 до 17 лет и несовершеннолетние от 17 до 21 года, к которым применялись разные виды наказаний [21].

Законодатель установил, что дети в возрасте до 7 лет за совершение преступления не подлежали уголовному преследованию [21, с. 24], для остальных категорий малолетних были установлены особые процессуальные нормы проведения предварительного (*аналог современного дознания* — авт.) и формального (*аналог предварительного следствия* — авт.) следствия [22] и последующего производства при надзоре, осуществляемом стряпчими и прокурорами при губернских правлениях.

В соответствии со ст. 718 дела о малолетних, чей возраст на момент совершения преступления не превышал 14 лет, подлежали ведомству Совестного суда, включая формальное следствие, если они не находились в сообществе со взрослыми преступниками; если несовершеннолетним обвиняемым было от 14 до 21 года, то дела рассматривались по общим правилам уголовного судопроизводства в соответствии с установленной подсудностью в полицейских местах — управах благочиния или общих судебных местах.

Ст. 724 обязала уполномоченных лиц при проведении следствия по делу, в обязательном порядке проводить повальные обыски (*опрос уполномоченным лицом под присягой определенного количества людей, знающих обвиняемого, с целью установления обстоя-*

тельств, характеризующих его личность — авт.) для выяснения: были ли малолетние ранее в подозрении, установления причин участия в совершении преступления и не были ли они подговорены к этому другими.

На основании ст. 725 при определении возраста малолетних обвиняемых совестный суд не должен был довольствоваться только показаниями обвиняемых. Но в обязательном порядке использовать данные метрических книг и ревизских сказок. В случае возникновения сомнений в указанном возрасте малолетнего, суд был обязан получить свидетельства чиновников Врачебной Управы, т. е. провести судебно-медицинскую экспертизу с целью установления подлинного возраста обвиняемого.

Ст. 730 и 731 устанавливали особенности производства по делам об оскорблении родителей детьми и исключали возможность подачи иска детьми по факту оскорбления их родителями, за исключением совершения в их отношении преступления.

В Своде законов российской империи в ст. 726 впервые получило законодательно закрепление право законных представителей малолетнего обвиняемого — родителей — знакомиться со всеми документами дела и удостоверить их своей подписью на основании их просьбы об этом.

П. 3 ст. 224 предписывал должностным лицам судов и полиции проводить допросы обвиняемых и свидетелей из числа воспитанников военно-учебных заведений не в судебных местах, а непосредственно в этих заведениях.

В соответствии с примечанием к ст. 130 малолетние обвиняемые обоего пола, находящиеся под стражей, не могли быть заключены в оковы.

Законодатель ввел ст. 215 норму, в соответствии с которой не допускались к свидетельству под присягой в уголовных делах несовершеннолетние, не достигшие 15-летнего возраста.

Правоприменительная практика внесла дальнейшие изменения в процессуальные права малолетних свидетелей по делу. Накануне судебной реформы Александра II допросы этой категории участников процесса проводились следователем в присутствии уездного стряпчего и депутата от сословия, к которому принадлежал малолетний свидетель [1, с. 34].

В ходе судебной реформы 1860-х гг. в России утвердился смешанный тип уголовного процесса и судебная модель предварительного следствия, в рамках которых и проходил дальнейшей генезис процес-

суального положения несовершеннолетних участников процесса.

На рубеже XIX–XX столетий в российском праве в категорию несовершеннолетние входили лица от рождения до 21 года [2, с. 218]. Несовершеннолетние участники процесса подразделялись на три возраста: от рождения до 14 лет; от 14 до 17 лет и от 17 до 21 года. Первый возраст именовались малолетними [23, с. 145]. Юридическое различие между малолетними и совершеннолетними состояло в следующем: до 17 лет лицо, состоя в полной финансово-экономической и личной зависимости, считалось недееспособным; начиная с 17 лет, оно получало право на самостоятельную деятельность, обусловленную согласием избранного несовершеннолетним попечителя. Как и прежде, отнесение обвиняемого к малолетним или несовершеннолетним влияло на меру определяемого наказания за совершенные преступления и проступки. Процессуальное положение лиц, относящихся к малолетнему и несовершеннолетнему возрасту определялось общими процессуальными нормами, установленными для производства по делам с участием несовершеннолетних.

Исследователи истории отечественной правоприменительной практики отмечали, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и Законе от 2 июля 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях несовершеннолетних, а также законоположений об их наказаниях» были установлены принципиально новые процессуальные нормы производства дел с участием несовершеннолетних.

Прежде всего, дети младше 10 лет не могли быть подвергнуты уголовному преследованию. Законодатель обязал судебного следователя при производстве следствия устанавливать на основании документов, а при необходимости и судебно-медицинской экспертизы, возраст несовершеннолетнего обвиняемого, когда это влияло на вменение ему содеянного в вину и (или) на меру наказания, а также осознавал ли он преступность совершаемого им деяния. Была предусмотрена возможность выделения дел в отношении несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет и их рассмотрение отдельно от дел взрослых соучастников, предоставлено право законным представителям (родителям, опекунам, лицам, у которых он находился на воспитании) несовершеннолетнего подавать апелляционные отзывы (жалобы) на решение суда.

Предусматривалось обязательное участие защитника в суде (*всякое благонадежное лицо* — авт.). Из числа свидетелей под присягой исключались лица, не достигшие 14-летнего возраста. К несовершеннолетним не применялась мера пресечения в виде заключения под стражу, они должны были помещаться в специальные учреждения, которые гарантировали бы их изоляцию от других преступников: отделения при исправительных колониях и приютах, монастыри исповедания для подсудимых [4; 9; 10; 5].

Ст. 3561 Устава уголовного судопроизводства возлагала на судебного следователя персональную ответственность за определение: действовал ли обвиняемый, находящийся в возрасте от 10 до 17 лет, в момент совершения преступления «с разумием» или нет [24].

При этом следователь должен был исследовать все обстоятельства по делу, степень умственного развития обвиняемого и причины, повлекшие совершение им преступления. Законодатель исходил из того, что само по себе исследование всех обстоятельств по делу не является достаточным. В связи с тем, что для решения вопроса о виновности необходимо полные сведения о личности обвиняемого, следователь получал их из расспроса самого обвиняемого, его родителей, опекунов, учителей и других лиц, знающих обвиняемого и его семью. Если в ходе следствия были установлены признаки девиантного поведения обвиняемого, то следователю надлежало установить возможную связь между ними и степенью осознанности обвиняемым совершенных проступков. Таким образом, разрешение следователем вопроса «о разумии» было отличным от освидетельствования душевно-больных и становилось самостоятельным уголовно-процессуальным действием.

В соответствии со ст. 4761 Устава законные представители обвиняемого получили право знакомиться с документами завершеного следствия в полном объеме, требовать его дополнения и подавать жалобы на действия следователя.

Данные уголовной статистики свидетельствовали о том, что проблема преступности несовершеннолетних в российской правоприменительной практике звучала в конце XIX в. достаточно злободневно. За период с 1872 по 1894 гг. в общих судебных установлениях (за вычетом осужденных мировыми судьями) Европейской России количество несовершеннолетних осужденных составило 17,8 % от

общего числа [23, с. 145]. Поэтому не случайно вопросам обеспечения процессуальных прав несовершеннолетних по-прежнему уделялось много внимания.

В 1908 г. по инициативе С.-Петербургского Общества Патроната была создана комиссия для разработки вопроса о создании в России детских судов, результатом работы которой стало открытие в 1910 г. специализированного детского суда в Петербурге, а затем и в ряде других городов.

Члены комиссии считали, что досудебное производство по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, имеет ряд существенных особенностей, в связи с чем, предлагали ввести специализацию судебных следователей и прокуроров для ведения детских дел [8, с. 79]. Однако предложение это реализовано не было.

Опыт деятельности детских судов был использован в советский период генезиса уголовного российского уголовного процесса в форме комиссий по делам несовершеннолетних.

После издания в 1918 г. Декрета «О комиссиях для несовершеннолетних» дела о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 17 лет, рассматривались непосредственно этими комиссиями и изымались из судебной юрисдикции.

В 1920 г. был восстановлен процессуальный порядок производства предварительного следствия по делам несовершеннолетних в том случае, если комиссия по делам несовершеннолетних приходила к выводу о недостаточности применения мер медико-педагогического воздействия при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов, явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе.

УПК РСФСР 1923 г. определил процессуальные права несовершеннолетних [25], в том числе и в рамках досудебного производства. Вопросы, касающиеся участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, регламентированы только тремя статьями указанного кодекса. Ст. 20 был установлен запрет на допуск в зал судебного заседания лиц моложе 14 лет. Ст. 38 снизила возраст несовершеннолетних обвиняемых до 16 лет и предусмотрела выделение дел о преступлениях несовершеннолетних в отдельное производство. Ст. 141 определила порядок определения возраста обвиняемого. Уголовно-процессуальный закон также не предусматривал обязательного участия защитника по делам несовершеннолетних.

С. В. Матвеев подчеркивал, что с точки зрения гарантий прав несовершеннолетних участников процесса, УПК РСФСР 1922 г. был шагом назад по сравнению с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.; юридическим нонсенсом являлось установление зависимости суда от административного органа — комиссии по делам несовершеннолетних; а изменения, внесенные в законодательство в 1930-е — начале 1940-х гг. привели к тому, что «дети и взрослые, нарушившие уголовно-правовой запрет, оказывались перед законом и судом в одинаковых условиях» [4].

В частности, по ряду тяжких преступлений (кражи, причинение насилия, телесные повреждения, увечья, убийства, попытки убийства) уголовная ответственность стала наступать с 12 лет, причем не только в случае совершения преступления умышленно, но и по неосторожности; была установлена общая процедура рассмотрения дел в суде, независимо от возраста обвиняемого.

Принципиально новый подход к обеспечению прав несовершеннолетних участников процесса был реализован в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., а также в разработанном на их основе УПК РСФСР 1960 г.

Новый уголовно-процессуальный закон являл собой последовательное развитие исторически сложившихся в России норм регулирования процессуального положения несовершеннолетних участников процесса, которые впервые сведены в отдельную гл. 32 «Производство по делам несовершеннолетних», регламентирующую особенности производства по делам лиц, не достигших к моменту совершения преступления восемнадцатилетнего возраста.

Характеризуя систему УПК РСФСР, известный советский процессуалист М. С. Строгович в качестве ее преимуществ отмечал, что «...соединяя в одном разделе нормы, относящиеся к делам несовершеннолетних, она подчеркивает их особенность, сосредоточивает внимание на соблюдении гарантий, установленных при производстве по этим делам» [7, с. 474].

В качестве обстоятельств, подлежащих установлению по делам несовершеннолетних нормативно закреплены:

- 1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);
- 2) условия жизни и воспитания;

3) причины и условия, способствовавшие совершению преступления несовершеннолетним;

4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников [26, ст. 392].

Принципиальное значение для обеспечения прав рассматриваемой категории участников процесса в ходе досудебного производства имели нормы, устанавливающие: обязательное проведение предварительного следствия по делам несовершеннолетних; исключительность применения к несовершеннолетним задержания и заключения под стражу в качестве меры пресечения; возможность применения в качестве меры пресечения отдачи под присмотр родителей, опекунов, попечителей или администрации закрытых детских учреждений; обязательное участие защитника в процессе с момента предъявления обвинения; выделение в отдельное производство дела по обвинению несовершеннолетнего в случае совершения им преступления в соучастии со взрослыми лицами; ознакомление законного представителя с материалами дела; возможность прекращения уголовного дела с применением к несовершеннолетнему подсудимому принудительных мер воспитательного характера; возможность участия (по ходатайству защиты или усмотрению следователя или прокурора) защитника в допросе обвиняемого, не достигшего 16-летнего возраста.

Пришедший на смену и вступивший в действие с 2002 г. УПК РФ установил, что производство по делам несовершеннолетних осуществляется в общем порядке, с изъятиями, предусмотренными гл. 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних».

Глава 32 УПК РСФСР 1960 г. стала основой для формирования положений гл. 50 УПК РФ, подчеркивая гуманистические начала и идеи необходимости особой правовой защиты несовершеннолетних.

Учитывая прогрессивный характер действующего уголовно-процессуального закона в нем не только улучшена правовая регламентация ранее установленных гарантий процессуального положения несовершеннолетних (квалифицированная юридическая помощь, участие педагога, законного представителя и др.), но и закреплены новые механизмы защиты их прав и законных интересов (углубленный предмет доказывания, установление максимальной продолжительности допроса несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого, регламентация уча-

ствия психолога, определение статуса законных представителей несовершеннолетнего как участников уголовного судопроизводства и др.).

Заключение. Подводя итог анализу научной проблемы статьи, хотелось бы отметить, что мы не ставили перед собой задачи раскрыть особенности содержания современного этапа производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, как и задачи — исследовать проблемы правового регулирования положения несовершеннолетнего в досудебном уголовном производстве. Нами предпринята попытка показать эволюцию правового регулирования закрепления процессуального положения несовершеннолетних на досудебной стадии уголовного процесса, отражающего формирование их процессуального статуса, а также закрепление нравственно-гуманистических начал производства по делам указанной категории с учетом особенностей генезиса российской цивилизации в целом.

Таким образом, развитие нормативно-правового регулирования процессуального положения несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам представляло собой длительный и многофакторный процесс и оказало значительное влияние на действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Список источников

1. Камбек Л. Л. Судебный следователь или полнейшее руководство к производству уголовных следствий, содержащее в себе изложение правил о производстве уголовных следствий с присовокуплением образцов деловых актов и бумаг, сюда относящихся, как то: описей, показаний, допросов, свидетельств и пр., с изложением правил, относящихся до производства следствий над лицами православного духовенства. СПб. : Типография Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи, 1861.

2. Канторович А. Я. Законы о детях. Сборник постановлений действующего законодательства, относящиеся до малолетних и несовершеннолетних, с приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената. СПб. : Издание А. Я. Канторовича, 1899.

3. Кара И. С. Некоторые вопросы установления возраста уголовной ответственности и наказаний несовершеннолетних в досоветском отечественном уголовном законодательстве // URL://https://cyberle-

ninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-ustanovleniya-vozrasta-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-nakazaniy-nesovershennoletnih-v-dosovetskom-otchestvennom/viewer.

4. Матвеев С. В. Генезис идеи о дифференциации подхода к несовершеннолетним от устава уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации // Портал «Мудрый Юрист» // URL://https://wiselawyer.ru/poleznoe/76907-genezis-idei-differenciacii-podkhoda-nesovershennoletnim-ustava-ugolovno.

5. Мухаметгалиева С. Х., Стерхова М. И., Фардетдинова Л. А. Исторически аспекты развития института расследования дел о преступлениях несовершеннолетних // Казанская наука. 2015. № 8. С. 103–105.

6. Серов Д. О., Федоров А. В. Следствие в древнерусском государстве X–XIV веков // Российский следователь. 2015. № 1. С. 53–56.

7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970.

8. Тарасова Е. Л. Детский суд за границей и в России. М. : Типография Русского Товарищества, 1912.

9. Трошкина О. Н. Ювенальная юстиция в России: история и современность // Журнал «Юрист компании» // URL://https://www.law.ru/blog/21732-yuvenalnaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost.

10. Угольников Н. В. Правила судебного преследования несовершеннолетних, определенные Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-sudebnogo-presledovaniya-nesovershennoletnih-opredelennye-ustavom-ugolovno-sudoproizvodstva-1864-g/viewer.

11. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767–1768 гг. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина // URL://http://музейреформ.рф/node/13646.

12. Псковская судная грамота // Библиотека древних рукописей DrevLit.Ru // URL://http://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php.

13. Судебник 1497 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина // URL://http://музейреформ.рф/node/13625.

14. Судебник 1550 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина // URL://http://музейреформ.рф/node/13628.

15. Соборное уложение 1649 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина // URL://http://музейреформ.рф/node/13632.

16. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 1. С. 45. Т. 4. С. 774.

17. Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова // URL://https://constitutions.ru/?p=11301.

18. Сенатский указ «О признании малолетними людей обоего пола от рождения до семнадцати лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того, батогами и плетьюми, с определением в монастыри для исправления» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 11. С. 641–644.

19. Сенатский указ «О собирании справок о летах преступников, выдающих себя за малолетних» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 17. С. 317.

20. СЗРИ. Т. 1. 1857–1868. С. 34.

21. СЗРИ. Т. 15. Кн. 1. С. 21–22.

22. СЗРИ. Т. 15. Кн. 2. С. 25, 40, 43, 136–139.

23. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894). СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1899.

24. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости» // ПСЗРИ. Собр. 3. 1885–1916. Т. 1. С. 33. Т. 17, 1900. С. 361.

25. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР»)» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик // URL://http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5601.htm.

References

1. Kambek L. L. Judicial investigator or a complete guide to the production of criminal investigations, containing a statement of the rules on the production of criminal investigations with the addition of samples of business acts and papers related here, such as: inventories, testimony, interrogations, certificates, etc., with a statement of the rules relating to the production of investigations over persons of the Orthodox clergy. St. Petersburg : Printing

House of the Department Headquarters. Corp. Ext. Guardians, 1861.

2. Kantorovich A. Ya. Laws on children. Collection of resolutions of the current legislation relating to minors and minors, with the appendix of a set of explanations on the cassation decisions of the Senate. St. Petersburg : Edition of A. Y. Kantorovich, 1899.

3. Kara I. S. Some issues of establishing the age of criminal responsibility and punishments of minors in the pre-Soviet domestic criminal legislation // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-ustanovleniya-vozrasta-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-nakazaniy-nesovershennoletnih-v-dosovetskom-otechestvennom/viewer.

4. Matveev S. V. Genesis of the idea of differentiating the approach to minors from the statute of criminal proceedings to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Portal «Wise Lawyer» // URL://https://wiselawyer.ru/poleznoe/76907-genezis-idei-differenciir-podkhoda-nesovershennoletnim-ustava-ugolovnoego.

5. Mukhametgalieva S. H., Sterkhova M. I., Fardetdinova L. A. Historically aspects of the development of the Institute of investigation of juvenile crimes // Kazan Science. 2015. No. 8. P. 103–105.

6. Serov D. O., Fedorov A.V. Investigation in the ancient Russian state of the X–XIV centuries // Russian investigator. 2015. No. 1. P. 53–56.

7. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 2. M., 1970.

8. Tarasova E. L. Children's court abroad and in Russia. M. : Printing House of the Russian Association, 1912.

9. Troshkina O. N. Juvenile justice in Russia: history and modernity // The Lawyer of the Company magazine // URL://https://www.law.ru/blog/21732-yuvenalnaya-yustisiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost.

10. Ugolnikova N. V. Rules for the prosecution of minors, defined by the Statute of Criminal proceedings of 1864. // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-sudebnogo-presledovaniya-nesovershennoletnih-opredelennye-ustavom-ugolovnoego-sudoproizvodstva-1864-g/viewer.

11. The order of Catherine II of the Commission on drafting a new Regulation. 1767–1768 // Museum of the History of Russian Reforms named after P. A. Stolypin // URL://http://museumreform.rf/node/13646.

12. Pskov judgment letter // Library of ancient manuscripts DrevLit.Ru // URL://http://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php.

13. Sudebnik 1497 // Museum of the History of Russian Reforms named after P. A. Stolypin // URL://http://museumreform.rf/node/13625.

14. Sudebnik 1550 // Museum of the History of Russian Reforms named after P. A. Stolypin // URL://http://museumreform.RF/node/13628.

15. Cathedral Code of 1649 // Museum of the History of Russian Reforms named after P. A. Stolypin // URL://http://museumreform.rf/node/13632.

16. Novoukaznye articles about criminal, robbery and murderous cases // PSZRI. Sobr. 1. 1830. Vol. 1. p. 45. Vol. 4. P. 774.

17. A brief image of the processes or lawsuits of 1715 // Russian Legal Portal: Pashkov Library // URL://https://constitutions.ru/?p=11301.

18. Senate Decree «On the recognition of minors of people of both sexes from birth to seventeen years of age; on the release of such in the case of serious crimes from torture and the death penalty and on punishing them, instead of batogami and whips, with the definition of monasteries for correction» // PSZRI. Sobr. 1. Vol. 11. P. 641–644.

19. The Senate decree «On collecting certificates on the years of criminals posing as minors» // PSZRI. 1. Vol. 17. P. 317.

20. SZRI. Vol. 1. 1857–1868. P. 34.

21. SZRI. T. 15. Book 1. P. 21–22.

22. SZRI. T. 15. Book 2. P. 25, 40, 43, 136–139.

23. Results of the Russian Criminal statistics for 20 years (1874–1894). St. Petersburg : Printing House of the Governing Senate, 1899.

24. The most highly approved opinion of the State Council «On changing the forms and rituals of judicial proceedings in cases of criminal acts of minors and minors, as well as legal provisions on their punishability» // PSZRI. 3. 1885–1916. Vol. 1. p. 33. Vol. 17, 1900. P. 361.

25. Resolution of the Central Executive Committee of February 15, 1923 «On the Criminal Procedure Code (together with the «Criminal Procedure Code of the RSFSR»)» // SPS «ConsultantPlus».

26. Criminal Procedure Code of the RSFSR, approved. VS RSFSR October 27, 1960 // Library of normative legal acts of the Union of SSR // URL://http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5601.htm.

Информация об авторах

И. В. Тарасенко — кандидат исторических наук, доцент;

А. Б. Сабурова — заведующая кафедрой управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы) Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Tarasenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

A. B. Saburova — Head of the Department of Management and Psychology of Investigative Activity (Higher Academic courses) Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов:

И. В. Тарасенко — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста;

А. Б. Сабурова — написание текста.

Contribution of the authors:

I. V. Tarasenko — collection and processing of materials, analysis of the data obtained, writing the text;

A. B. Saburova — writing the text.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-258-266>

ИПОН: 2003-0059-5/22-454

MOSURED: 77/27-003-2022-05-653

О реализации мер, предусмотренных национальными программами безопасности дорожного движения Федеративной Республики Германия

Анна Александровна Турищева

Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия, aturishcheva2@mvd.ru

Аннотация. На примере Федеративной Республики Германия рассмотрен опыт реализации мер, направленных на достижение целевых показателей в области обеспечения безопасности дорожного движения, в рамках соответствующих национальных программ на 2011–2020 и 2021–2030 гг.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, национальная программа в области безопасности дорожного движения, транспортное средство, дорожно-транспортное происшествие, зарубежный опыт, целевые показатели, реализация мер

Для цитирования: Турищева А. А. О реализации мер, предусмотренных национальными программами безопасности дорожного движения Федеративной Республики Германия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 258–266. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-258-266>.

Original article

On the implementation of the measures provided by the national road safety programs of the Federal Republic of Germany

Anna A. Turishcheva

Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, aturishcheva2@mvd.ru

Abstract. Using the example of the Federal Republic of Germany, the article examines the experience of implementing measures aimed at achieving targets in the field of road safety within the framework of the relevant national programs for 2011–2020 and 2021–2030.

Keywords: road safety, national road safety program, vehicle, traffic accident, foreign experience, targets, implementation of measures

For citation: Turishcheva A. A. On the implementation of the measures provided by the national road safety programs of the Federal Republic of Germany. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):258–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-258-266>.

В мае 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила период 2011–2020 гг. Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения с целью стабилизации, а затем снижения прогнозируемого уровня смертности в результате дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) в мире за счет активизации деятельности на национальном, региональном и глобальном уровнях [6].

Одновременно Европейским советом по безопасности дорожного движения (ETSC)¹ в качестве рекомендации странам предложено разработать и принять национальные программы и планы по обеспечению безопасности дорожного движения, которые будут направлены на достижение цели по сокращению количества погибших в ДТП на 50 % к 2020 г. [16].

Наибольший интерес в плане реализации программных мер, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, представляют страны, чьи усилия привели к значительному снижению относительных показателей в этой области (социальный риск², транспортный риск³ и иные показатели БДД).

Одной из таких стран является Федеративная Республика Германия, которая добилась значитель-

¹ ETSC является независимой некоммерческой организацией, деятельность которой посвящена сокращению смертельных случаев и травм на транспорте в Европе. ETSC был основан в 1993 г. в качестве объективного источника по оказанию консультаций по делам транспортной безопасности Европейской Комиссии и Европейскому Парламенту, и странам-членам Евросоюза

² Количество погибших на 100 тыс. населения.

³ Количество погибших на 10 тыс. транспортных средств.

© Турищева А. А., 2022

ных успехов в снижении уровня дорожно-транспортного травматизма, а также в настоящее время входит в группу стран с самыми низкими показателям безопасности дорожного движения.

Социальный риск в стране с 2010 по 2020 гг. снизился на 26,7 % (с 4,5 до 3,3), транспортный риск — на 26,6 % (с 0,7 в 2010 г. до 0,5 в 2019 г.). В период с 2010 по 2020 гг. в Германии количество погибших в ДТП сократилось на 25 %.

Федеративная Республика Германия входит в группу стран с высоким уровнем дохода, площадь страны составляет 357 578 км², население — 83 166 711 человек, протяженность дорог — 645 тыс. км [20], в 2020 г. количество зарегистрированных транспортных средств составило 58 158 344 (из них легковых — 47 715 977) [21].

В Германии ответственность за организацию и обеспечение безопасности дорожного движения возложена на Федеральное министерство транспорта и цифровой инфраструктуры (BMDV)⁴. BMDV отвечает за разработку и контроль национальных стратегий безопасности дорожного движения, включая национальные программы действий по обеспечению безопасности дорожного движения, а также за реализацию поставленных в этих документах целей.

С 2007 г. в Германии [22] в качестве ключевого подхода в области безопасности дорожного движения используется программа Vizion Zero⁵. В настоящее время данным подходом в своей работе руководствуются Немецкий совет по безопасности дорожного движения⁶ и Немецкая служба безопасности дорожного движения⁷, а также почти все федеральные правительства страны.

В рамках Десятилетия действий в Германии принята национальная программа безопасности дорожного движения на 2011–2020 гг. (далее — Программа 2011–2020, Программа), направленная на обеспечение безопасной и устойчивой мобильности для всех участников дорожного движения.

Основная цель Программы заключалась в сокращении за период 2011–2020 гг. количества погибших в результате ДТП на 40 %. Данный показатель установлен с учетом цели ЕС по сокращению смертности на 50 %. Программой поставлены конкретные цели для каждой федеральной земли Германии.

Программа 2011–2020 включала три сферы деятельности: «человек», «инфраструктура» и «техника», в каждую из которых входил перечень конкрет-

ных мероприятий. Наибольшее внимание уделялось оказанию содействия лицам с ограниченными возможностями путем беспрепятственного доступа к транспортной инфраструктуре; формированию культуры поведения, характеризующейся ответственным отношением и взаимным уважением всех участников дорожного движения; продвижению технических инноваций немецкой автомобильной индустрии [4].

Рассмотрим наиболее важные инициативы.

В 2017 г. принят закон о судебном преследовании водителей, участвующих в незаконных гонках, до принятия которого участие в них рассматривалось как административное правонарушение. С июля 2017 г. любое участие в незаконных гонках на дорогах общего пользования рассматривается как уголовное преступление, предусматривающее ответственность в виде штрафа или лишения свободы сроком до двух лет. Если в результате расследования будет доказано, что участие в незаконных гонках было сопряжено с угрозой жизни других лиц, срок назначения наказания в виде лишения свободы правонарушителя может составлять до пяти лет. Если в результате таких гонок совершено ДТП, в котором человек погиб или был серьезно травмирован — срок лишения свободы достигает десяти лет.

Правилами дорожного движения увеличена минимальная дистанция до 1,5 м в населенных пунктах и до 2 м вне населенных пунктов для транспортных средств грузоподъемностью свыше 3,5 т перед совер-

⁴ Bundesministerium für Digitales und Verkehr, BMDV.

⁵ На государственном уровне программу «Vision Zero» впервые приняли в октябре 1997 г. в стране разработки — Швеции. В основе программы лежат два этических принципа: нетерпимость к гибели или тяжелому травмированию людей и недопустимость отношения к подобным авариям как к неизбежному злу автомобилизации. Благодаря этому программа также получила название «принцип нулевой терпимости». Концепция возлагает ответственность за дорожную безопасность в первую очередь на проектировщиков и строителей, которые обязаны учитывать человеческий фактор на этапе строительства, минимизировав вероятность ДТП. Предположительно, «человек несовершенен», он может ошибаться за рулем, а, будучи пешеходом, склонен выбирать способ перемещения, безопасный лишь на его субъективный взгляд. Проектировщики должны заботиться в первую очередь о безопасности и удобстве улиц для всех участников дорожного движения, а не о скорости и удобстве передвижения.

⁶ Deutsche Verkehrssicherheitsrat e. V. (DVR).

⁷ Deutschen Verkehrswacht e.V. (DVW).

шением обгона пешеходов, велосипедистов или электросамокатов.

Снижена скорость до 11 км/ч при совершении транспортными средствами грузоподъемностью свыше 3,5 т поворота направо в населенных пунктах.

Основной причиной ДТП в Германии, как и во многих других странах, является превышение скоростного режима. В 2019 г. в результате ДТП по этой причине погибло 963 человека (32 % от всех участников дорожного движения), 53 687 получили ранения, 13 769 из которых — тяжелые [23].

Для борьбы с нарушителями скоростного режима усилены санкции: для водителей, превысивших скорость более чем на 20 км/ч в городе и более чем на 25 км/ч за его пределами, предусмотрена ответственность в виде запрета права на управление транспортным средством (далее — ТС) на один месяц. Вдвое увеличился штраф (с 10 до 20 евро) за превышение скоростного режима на 10 км/ч.

Усилена ответственность за некоторые правонарушения, например, использование смартфонов или планшетов во время управления ТС, блокирование аварийной полосы движения в случае ДТП или игнорирование специальных сигналов автомобилей экстренной помощи.

В Германии до 2017 г. движение на велосипеде по пешеходным дорожкам было разрешено только детям, а с 2017 г. введено разрешение на передвижение и для взрослых людей, сопровождающих ребенка на велосипеде. Кроме того, в этом же году для передвижения на электрических велосипедах установлено скоростное ограничение до 25 км/ч на специальных велосипедных дорожках внутри городских районов и на всех велосипедных дорожках за пределами города.

BMDV в 2018 г. предоставило федеральным землям финансирование в размере 25 млн евро для строительства высокоскоростных велосипедных маршрутов, что позволило увеличить велосипедные зоны на территории всей страны. В «велосипедных зонах», пересекающихся с дорогами общего пользования, скорость передвижения ТС ограничена до 30 км/ч.

С 2019 г. в Германии в дорожном движении могут участвовать электроскутеры (электросамокаты) только с максимальной разрешенной скоростью 20 км/ч. Движение электросамокатов допускается только по специальным велосипедным полосам на проезжей части, а также по специально организованным вело-

дорожкам вне проезжей части, при отсутствии которых данные средства передвижения могут двигаться по проезжей части, движение по пешеходным дорожкам и в пешеходных зонах запрещено. Минимальный разрешенный возраст для передвижения на электросамокатах составляет 14 лет, ношение шлема не обязательно. Гироскутеры и другие небольшие электромобили без рулевого управления и удерживающих устройств к дорожному движению не допускаются.

На протяжении всего периода действия Программы 2011–2020 проводились научные исследования и испытания возможности использования искусственного интеллекта для регулирования транспортных потоков и повышения уровня безопасности дорожного движения.

В соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2010/40/ЕС от 7 июля 2010 г. и Законом об интеллектуальных транспортных системах в области дорожного движения от 20 июня 2013 г. внедрены соответствующие интеллектуальные транспортные системы (далее — ИТС)⁸.

В 2017 г. принят закон о регулировании деятельности в сфере автоматизированного вождения и правовом равенстве водителя и компьютера. В результате, высоко и полностью автоматизированные системы вождения смогут в ближайшем будущем полностью взять на себя задачу управления ТС.

Реализация положения Директивы ЕС от 27 ноября 2019 г. № 2019/2144 позволит в период с 2022 по 2029 гг. реализовать поэтапное введение требований для новых ТС о наличии в них ряда технологических средств, направленных на повышение безопасности дорожного движения, среди которых системы экстренного торможения, удержания в полосе движения, интеллектуальный круиз-контроль (автоматическая

⁸ Cooperative Intelligent Transport Systems (C-ITS) — инновационная система, призванная обеспечить безопасность на немецких дорогах на основе объединения в сеть всех участников дорожного движения с функцией передачи ТС информации о текущей дорожной обстановке и возможных опасных ситуациях в режиме реального времени через WLANp и точным указанием месторасположения. Взамен ТС должны предоставлять информацию непосредственно в центр управления дорожным движением, например, о препятствиях или ДТП на пути следования. Таким образом, управление транспортным потоком становится еще более дифференцированным, эффективным и быстрым. Результат — увеличение безопасности, снижение количества ДТП, оптимизация использования дорожной сети, уменьшение заторов и выбросов CO₂.

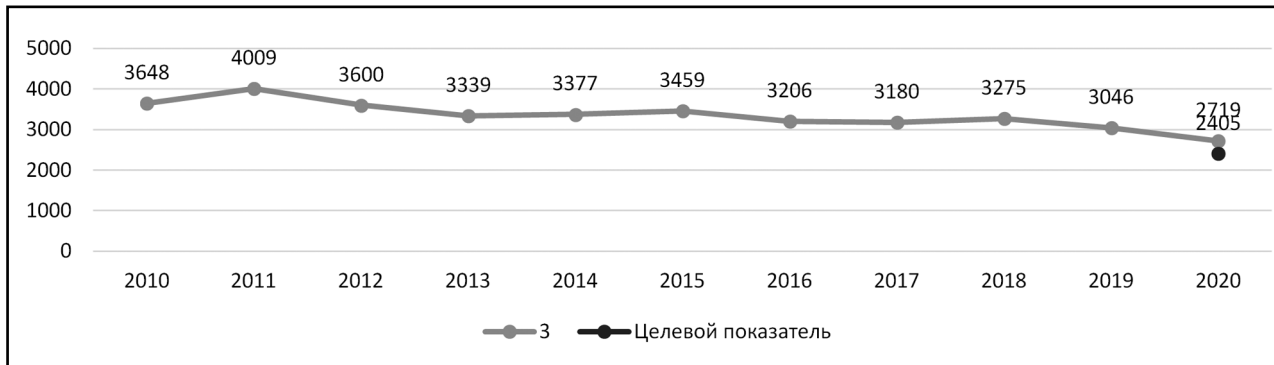

Рис. 1. Количество погибших в ДТП в Германии (2010–2020 гг.)

корректировка скорости в соответствии с действующими на конкретном участке дороги ограничениями), автоматическое предупреждение водителя о снижении уровня его внимательности, оснащение грузовых автомобилей и автобусов системами предупреждения о рисках столкновения.

Подводя итог реализации Программы 2011–2020 необходимо отметить, что в 2020 г. в Германии произошло 264 499 ДТП с пострадавшими, в результате которых погибло 2719 человек, что на 25,5 % меньше показателей 2010 г. (3648 погибших) [9], ранено 327 550 человек — на 11,7 % меньше, чем в 2010 г. (371 170 раненых) [24].

Стоит отметить, что показатель снижения погибших в ДТП равный 25,5 % — это средний показатель по ЕС за период реализации Десятилетия действий. Так, в Королевстве Испания и Австрийской Республике снижение составило 44,6 и 44,9 % соответственно, во Французской Республике — 36,4 %, в Королевстве Швеция — 23,3 %, Итальянской Республике — 22,9 %, Финляндской Республике — 18,8 %.

В РФ снижение в этот период составило 39,2 % (с 26 576 в 2010 г. до 16 152 в 2020 г.) [1; 2; 4; 5; 7].

Несмотря на предпринятые меры и значительное снижение показателей, Германия не достигла национальной цели по снижению смертности в результате ДТП на 40 %, заявленной в Программе 2011–2020 гг. (см. рис. 1).

Как и другие страны мира, Германия по-прежнему сталкивается со значительными проблемами в области безопасности дорожного движения, в связи с чем в целях закрепления успехов от реализации Программы 2011–2020, а также использования потенциала технического и социального развития, в октябре 2020 г. представлена очередная национальная программа (далее — Программа 2021–2030) безопасности дорожного движения Германии на 2021–2030 гг.⁹

В качестве основных задач определены сокращение смертельных случаев в результате ДТП на 40 % к 2030 г., а также значительное снижение числа тяжелораненых (без конкретного показателя).

Программа 2021–2030 напрямую связана с резолюцией ООН 74/299 [12], провозгласившей Второе Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения (2021–2030) с амбициозной целью сократить смертность и травматизм в результате ДТП во всем мире на 50 % к 2030 г., а также с декларацией Валетта по повышению безопасности дорог [13] и основами политики ЕС в области безопасности дорожного движения на период с 2021 по 2030 гг. — следующие шаги на пути к «Vision Zero» [11].

Будущее определяется долгосрочными процессами социальных изменений, которые окажут значительное влияние на такие сферы, как бизнес, политика, общество и, следовательно, на мобильность и дорожное движение.

На дорожном движении Германии, несомненно, отразятся такие прогнозируемые тенденции, как увеличение в ближайшие годы доли пожилых людей, рост урбанизации и цифровизации, в частности автоматизации ТС и их объединения в ИТС.

Люди становятся движущей силой новых форм мобильности, о чем свидетельствуют внедрение электрических автобусов, предложения по совместному использованию автомобилей и даже микроэлектромобилей, популяризация ходьбы и езды на велосипеде.

Учитывая скорость происходящих в мире изменений, динамику технологических и цифровых разработок, отражающихся на поведении участников дорожного движения, Федеральное правительство Германии планирует каждые два года действия Про-

⁹ Verkehrssicherheitsprogramm der bundesregierung 2021 bis 2030.

граммы 2021–2030 проводить критический анализ результатов прошедшего периода и на его основе корректировать ход дальнейших действий.

В Программе 2021–2030 отражено более 100 мер в 12 сферах деятельности в области безопасности дорожного движения.

Первая сфера и одновременно обязательное условие реализации указанных мер — совместное сотрудничество и ответственность за безопасную мобильность всех участников дорожного движения, органов власти на федеральном, земельном и местном уровнях, а также частных организаций, участвующих в обеспечении безопасности дорожного движения.

Большое внимание уделяется международному и межведомственному обмену информацией в области безопасности дорожного движения, в том числе предоставлению правительством целевых грантов на реализацию соответствующих программ, научно-исследовательских разработок.

Программа 2021–2030 включает сферу, касающуюся актуализации правовых документов и технических требований в области безопасности дорожного движения: обновление ПДД Германии¹⁰, инструкций по устройству городских дорог, рекомендаций для объектов велосипедного и пешеходного движения, правил для светофоров, загородных дорог и автомагистралей, правил в отношении пассивной и активной безопасности ТС, разработка технических требований к системам помощи водителю, автоматизированным и автономным функциям вождения, пересмотр положений о допуске к управлению ТС после употребления алкогольных, наркотических и лекарственных средств.

Следующая сфера относится к реализации мер по улучшению дорожного климата, в том числе культуры вождения, взаимоотношений между участниками дорожного движения, планирования проектов дорожной инфраструктуры с целью минимизации дорожных конфликтов.

В рамках данной сферы проводятся исследования по изучению причин и последствий отвлечения внимания водителей, пешеходов и велосипедистов, а также выявления состояния фрустрации¹¹ водителей и способов его устранения. Один из подходов заключается в распознавании степени фрустрации водителя на ранней стадии с помощью использования технических датчиков в ТС. В рамках проекта «Распознавание фрустрации в реальном времени для адаптивной автономной системы»¹² в режиме реального времени

определяется текущая степень фрустрации водителя, влияющая на его концентрацию и безопасность дорожного движения. Чувствительная к эмоциям система MUSE использует камеры и датчики для определения негативных чувств водителя. В автоматическом режиме оцениваются видеозаписи лица, частота сердечных сокращений и размер зрачка. Планируется, что цифровой помощник будет снижать уровень стресса при помощи влияния светлых тонов, успокаивающих запахов, музыки и даже имитации «искусственного пассажира», который сможет выслушать водителя [18].

Отдельный вопрос касается деятельности, направленной на предотвращение ДТП, произошедших в результате наездов на диких животных. Развитие инфраструктуры автомобильного транспорта, в том числе увеличение плотности сети автомобильных дорог, интенсивности движения ТС, повышение скоростного режима, отсутствие боковой видимости полосы отвода являются причинами увеличения количества таких ДТП [8]. В рамках Программы Федеральное правительство Германии планирует разработать комплексную стратегию, направленную на решение проблемы ДТП с дикими животными. Документ будет включать информацию о проведении кампаний по повышению осведомленности об опасности столкновения с дикими животными на дорогах, установке системы предупреждающих знаков в местах их миграции. В рамках федеральной программы «Воссоединение» в существующей сети автомобильных дорог создаются дополнительные переходы для диких животных [19].

Пятая сфера касается автоматизации и цифровых технологий в автомобильном движении. Считается, что развитие технологии автономного вождения будет способствовать сокращению числа пострадавших в ДТП, вызванных человеческим фактором, снижению количества заторов, вредных выбросов в окружающую среду, времени, затраченного на дорогу. Автономное вождение способно обеспечить социальную вовлечен-

¹⁰ Straßenverkehrsordnung (StVO).

¹¹ Фрустрация — психическое состояние, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемых объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи // URL://<https://psychology.academic.ru/2793/%D1%84%D1%80%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F?>

¹² Real-Time frustration recognition for an adaptive In-Car system (F-RELACS).

ность людей, которые не хотят или не могут сами управлять ТС, например, пожилые люди или люди с ограниченными физическими возможностями¹³.

Федеральный научно-исследовательский институт автомобильных дорог Германии¹⁴ разрабатывает требования и методы оценки функциональности автоматизированных ТС для их безопасного внедрения в дорожную сеть с целью минимизации аварийности и обеспечения безопасности остальных участников дорожного движения. Текущие аспекты включают требования к автономным автобусам, автоматическому рулевому управлению. Апробируется пилотный проект по использованию дистанционно-управляемых роботов-курьеров на дорогах общего пользования.

Федеральное правительство поддерживает развитие систем помощи водителю, установленных в легковых и грузовых ТС, мотоциклах и автобусах, что способствует повышению уровня автоматизации и является важным элементом повышения безопасности дорожного движения.

В планах федерального правительства установка «алкоблокираторов» на ТС водителей, ранее совершивших правонарушения в состоянии опьянения [3].

Использование ТС с низким уровнем шума, в частности электромобилей, требует применения дополнительных систем безопасности в целях привлечения к ним внимания других участников дорожного движения. В связи с чем планируется дальнейшее развитие специальных предупреждающих акустических систем для их установки на указанные ТС¹⁵.

В сфере грузоперевозок и логистики особое внимание будет уделено соблюдению установленного законом режима труда и отдыха водителей большегрузного транспорта. В качестве основной меры планируется увеличить на 30 % количество парковочных мест для грузового транспорта на федеральных трассах с возможностью использовать ИТС для оптимизации поиска доступного парковочного места.

Важным вкладом в повышение безопасности дорожного движения является установка на грузовых ТС и автобусах систем помощи водителю при повороте направо на дорогах с выделенной полосой для велосипедного движения.

Одной из основных сфер деятельности Программы 2021–2030 является популяризация использования велосипедов как наиболее экологически чистого вида транспорта. Учитывая ожидаемое увеличение интенсивности велосипедного движения,

необходимо предотвратить возможный рост количества ДТП с участием данного вида транспорта. В 2020 г. погибло 425 велосипедистов, что на 4,5 % меньше показателя 2019 г. (445 погибших). Ранено 91 847 — на 5,4 % больше, чем в 2019 г. (86 897) [24].

Центральное место в обеспечении высокого уровня безопасности дорожного движения при езде на велосипеде занимает безопасная дорожная инфраструктура, в том числе необходимость расширения инфраструктуры велосипедного движения. Этого можно достичь путем планирования дорожной сети с велодорожками, безопасного проектирования зон пересечения автомобильного и велосипедного движения, разделения указанных потоков. В рамках программы BMDV «Город и сельская местность», целью которой является создание привлекательной и безопасной инфраструктуры для велосипедистов, планируется создать новые велосипедные дорожки.

Отмечено также, что, начиная со средней школы, необходимо на протяжении всей жизни обучаться безопасной езде на велосипеде, изучать устройство рулевой колонки и тормозной системы, знать об обеспечении безопасности при перевозке детей, о необходимости использования приборов дополнительного освещения велосипеда в темное время суток, носить велосипедный шлем.

В целях пропаганды безопасной езды на велосипеде BMDV исследует возможности внедрения приложений виртуальной реальности, в том числе очков виртуальной реальности, с помощью которых участники дорожного движения могут виртуально ощутить опасность ДТП, почувствовать испуг от внезапно открывшейся двери автомобиля на пути следования или от столкновения на повороте.

Одной из сфер Программы 2021–2030 является обеспечение безопасности детей и подростков на дорогах.

¹³ «План исследований в области автономного вождения». Aktionsplan Forschung für autonomes Fahren. Ein übergreifender Forschungsrahmen von BMBF, BMWi und BMVI. 2019.

¹⁴ Bundesanstalt für Straßenwesen (BASt).

¹⁵ Акустическая система оповещения ТС (Acoustic Vehicle Alert System, (AVAS)) — система звукового оповещения для ТС с низким уровнем шума, особенно для электромобилей. Это искусственно созданный звук, имитирующий звук двигателя внутреннего сгорания и издаваемый на низких скоростях для информирования участников дорожного движения о приближении ТС. Высота и частота, тембр и рокот должны показывать, с какой скоростью движется ТС, к какому классу оно относится, ускоряется ли оно в настоящее время или замедляется.

ДТП с участием детей до сих пор являются одной из самых больших проблем в Германии. В среднем каждые 23 мин. в 2020 г. на дороге получал травму ребенок до 15 лет. Всего в 2020 г. в Германии в ДТП попали 22 462 ребенка (-19,8 % по сравнению с 2019 г.). Из них погибло 48 детей, что на 7 % меньше, чем в 2019 г.

В 2020 г. 41,1 % детей, получивших травмы в результате ДТП, — велосипедисты, 32,5 % — пассажиры автомобилей и 20,6 % — пешеходы [15].

Основная задача — информационная поддержка детей о необходимости соблюдения ПДД через воспитателей, учителей, педиатров, полицейских и, прежде всего, самих родителей как главных образцов для подражания. Для этих целей правительством дополнительно профинансирована разработка учебных материалов и проведение семинаров и обучающих курсов.

BASt поддерживает программы «Ребенок и дорожное движение» и «Дети в дороге», которые проводятся в дни дорожной безопасности в детских садах и на родительских вечерах. Программы разъясняют ПДД детям, содержат специальные упражнения на улучшение их восприятия, в том числе в игровой форме, инструкции по использованию велосипедных шлемов, поведению на проезжей части и др.

Кроме того, BASt издает Атлас ДТП, в которых пострадали дети, который позволяет выявлять, анализировать и, при необходимости, устранять места концентрации таких ДТП, а также определять меры безопасности для каждого конкретного места.

Муниципалитетами и федеральными землями Германии разрабатываются планы безопасных школьных маршрутов, включая велосипедные.

BMDV продолжит выпуск журнала для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Капитан Синий Медведь — фантастический учебник по дорожному движению», который выходит уже более 15 лет. Приключенческие истории и красочные головоломки в игровой форме мотивируют детей к изучению ПДД. Журнал выходит один раз в год тиражом 4,5 млн экземпляров, которые бесплатно рассылаются в детские сады и начальные школы, охватывая 85 % целевой аудитории.

Учитывая высокую популярность пеших прогулок в Германии, в Программе 2021–2030 одной из сфер деятельности является безопасность пешеходов всех возрастных групп.

Отдельно BMDV разрабатывает стратегию по повышению безопасности дорожного движения для пешеходов. Поддерживается проект «Безопасное проектирование внутригородских дорог» для улучшения условий пешеходного движения в городах, например, обеспечение хорошей видимости, возможность безопасного перехода для пешеходов.

Следующая сфера, предусмотренная в Программе 2021–2030, — обеспечение безопасности мотоциклистов. После водителей и пассажиров автомобилей, мотоциклисты чаще всего погибают в ДТП в Германии. Так, в 2020 г. погибли 552 мотоциклиста, что на 8,8 % меньше показателя 2019 г. (605 погибших). Ранено 37 663 — на 8,7 % меньше, чем в 2019 г. (41 260) [24]. Несмотря на снижение, показатели по погибшим и раненым мотоциклистам в Германии все еще очень высокие.

BASt проводит исследования по внедрению вспомогательных систем помощи мотоциклистам: экстренного торможения, антиблокировочных тормозных систем, адаптированных к безопасному прохождению поворота, систем стабилизации, а также анализ траекторий движения и критических дорожных ситуаций. Разрабатываются и готовятся к реализации соответствующие тестовые сценарии интеграции современных систем помощи мотоциклистам в программу оценки показателей безопасности TC Euro NCAP.

На постоянной основе разрабатываются требования к удерживающим системам помощи водителю (защита от наезда на деревья и другие препятствия), к качеству дорожного покрытия (предотвращение скольжения), проводится переоценка уровня безопасности дорожных конструкций (мостовые ограждения, опоры дорожных знаков и рекламных конструкций), а также туннельной инфраструктуры с целью снижения последствий серьезных ДТП, в том числе с участием перевозчиков опасных грузов и ТС с альтернативными двигателями (электромобили).

Своевременное реагирование служб оказания первой помощи после ДТП — наиболее важный аспект в вопросах снижения тяжести их последствий. Федеральное правительство Германии поддерживает разработку мер, направленных на сокращение времени оказания помощи в ДТП, а также оптимизацию аварийно-спасательных работ. Примерами являются использование пилотируемых мультикоптеров в спасательных службах, сканирование маршрута спасения в целях оптимизации оказания помощи, упрощенный

доступ к спасательным листам¹⁶, что особенно актуально в связи с распространением альтернативных двигателей ТС, новых систем безопасности с использованием особо прочных технических составляющих.

В обеспечении надежного алгоритма аварийно-спасательных работ немаловажную роль играет организация на дорогах спасательной полосы¹⁷. В целях повышения осведомленности водителей в этой области на информационных транспарантах на мостах размещается надпись «Спасательная полоса спасает жизни».

Несмотря на значительные достижения в области безопасности дорожного движения и предпринятые меры, количество погибших и раненых на дорогах Германии все еще недопустимо высокое. Реализация программ 2011–2020 и 2021–2030, рассмотренных в статье, еще раз доказывает, что обеспечение безопасности дорожного движения — это результат целенаправленных усилий, требующий повышенного внимания ко многим сферам деятельности, сплоченности и взаимодействия всех заинтересованных сторон, поддержки правительства, международного сотрудничества, создания безопасной мобильности, совершенствования правоприменительной деятельности, глубокого анализа результатов проделанной работы, реализации научных исследований, а также проведения на постоянной основе пропагандистских кампаний, направленных на все категории участников дорожного движения.

Список источников

1. Баканов К. С., Ляхов П. В. и др. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 г. Информационно-аналитический обзор. М. : НЦ БДД МВД России, 2021.

2. Боронина В. С., Линник Т. М. и др. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2019 г. Информационно-аналитический обзор. М. : НЦ БДД МВД России, 2020.

3. Гавренков В. В., Ляхов П. В. Обзор опыта использования автономных технических средств определения уровня содержания алкоголя в выдыхаемом воздухе (на примере Швеции): сб. науч. трудов ФКУ «НЦ БДД МВД России» по итогам науч.-практ. конф. «Наука и практика в обеспечении безопасности дорожного движения: вчера, сегодня, завтра». М. : НЦ БДД МВД России, 2020. С. 57–69.

4. Информационный обзор: актуальные вопросы международного сотрудничества и современные за-

рубежные практики в области безопасности дорожного движения. Т. 19 плана НИОКР ФКУ «НЦ БДД МВД России» на 2021 г. // А. Д. Гордеева, А. А. Турищева, В. В. Гавренков, М. И. Никитин, В. Л. Расторгуев, В. А. Ясникова, А. А. Архаров.

5. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 г. Информационно-аналитический обзор. М. : НЦ БДД МВД России, 2021.

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/64/255 от 10 мая 2010 г.

7. Состояние и тенденции безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2011–2020 гг. Аналитический обзор. М. : НЦ БДД МВД России, 2021.

8. Турищева А. А. О предупреждении дорожно-транспортных происшествий с участием диких животных в Российской Федерации: сб. науч. трудов «Безопасность дорожного движения» / под общ. ред. Д. В. Митрошина. 2020. № 19. С. 208–219.

9. 15th Annual Road Safety Performance Index (PIN) Report, European Transport Safety Council, 2021.

10. Aktionsplan Forschung für autonomes Fahren. Ein übergreifender Forschungsrahmen von BMBF, BMWi und BMVI. 2019.

11. Commission staff working document. EU Road Safety Policy Framework 2021–2030 — Next steps towards «Vision Zero». European Commission (2019).

12. Resolution adopted by the General Assembly on 31 August 2020. A/RES/74/299.

13. Road safety endorsing the Valletta Declaration (2017).

14. Verkehrssicherheitsprogramm der bundesregierung 2021 bis 2030.

¹⁶ Спасательный лист (Rescue sheet) — предназначенный для спасателей при работе на месте ДТП лист бумаги формата А4 с распечатанной на нем цветной схемой расположения в ТС деталей и узлов, представляющих потенциальную опасность. На листе точно указаны места, где легче всего разрезать пострадавшее ТС. Спасательный лист рекомендуется всегда возить с собой, закрепив его под солнцезащитным козырьком со стороны водителя. Одновременно на внутренней стороне лобового стекла (под зеркалом заднего вида, либо в правом верхнем или нижнем углу) прикрепляется специальный стикер, оповещающий работников аварийных служб о наличии спасательного листа в ТС. В некоторых современных моделях ТС на внутренней стороне люка топливного бака и на центральной стойке кузова с противоположной стороны прикрепляют небольшую наклейку с QR-кодом, в котором зашифрована вся необходимая техническая информация для спасателей.

¹⁷ Спасательная полоса (Rettungsgasse) — полоса движения для беспрепятственного проезда спасательных служб на многополосных дорогах, которая формируется ТС в условиях затора или движения с низким скоростным режимом.

15. Verkehrsunfälle/Kinderunfälle im Straßenverkehr 2020. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2021.

16. URL://https://etsc.eu/wp-content/uploads/ETSC_2011_PIN_Report.pdf.

17. URL://<https://psychology.academic.ru/>

18. URL://<https://www.auto-motor-und-sport.de/verkehr/neues-forschungs-projekt-f-relacs-gegen-stress-im-auto/>

19. URL://https://www.bmvi.de/SharedDocs/DE/Anlage/StB/bundesprogramm-wiedervernetzung.pdf?__blob=publicationFile.

20. URL://https://ru.wikichi.ru/wiki/List_of_countries_by_road_network_size.

21. URL://<https://aussiedlerbote.de/2020/06/kolichestvo-avtomobilej-na-dorogakh-germanii-prodolzhaet-rasti/>

22. URL://<https://www.dvr.de/ueber-uns/vision-zero>.

23. URL://<https://www.destatis.de/>

24. URL://https://www.bast.de/EN/Publications/Media/Traffic-and-Accident-Data.pdf?__blob=publicationFile&v=11.

References

1. Bakanov K. S., Lyakhov P. V. et al. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2020. Information and analytical review. M. : NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

2. Boronina V. S., Linnik T. M., etc. Road traffic accidents in the Russian Federation for 12 months of 2019. Information and analytical review. M. : NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

3. Gavrenkov V. V., Lyakhov P. V. Review of the experience of using autonomous technical means for determining the level of alcohol content in exhaled air (on the example of Sweden): collection of scientific works of the Federal State Institution «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia» based on the results of scientific and practical conf. «Science and practice in ensuring road safety: yesterday, today, tomorrow». M. : NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. P. 57–69.

4. Information overview: topical issues of international cooperation and modern foreign practices in the field of road safety. Vol. 19 of the R&D plan of the Federal State Institution «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia» for 2021 // A. D. Gordeeva, A. A. Turishcheva, V. V. Gavrenkov, M. I. Nikitin, V. L. Rastorguev, V. A. Yasnikova, A. A. Arkharov.

5. Law enforcement activities in the field of road safety in 2020. Information and analytical review. M. : NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

6. UN General Assembly resolution A/RES/64/255 of May 10, 2010.

7. The state and trends of road safety in the Russian Federation in 2011–2020. Analytical review. M. : NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

8. Turishcheva A. A. On the prevention of road accidents involving wild animals in the Russian Federation: collection of scientific works «Road Safety» / under the general ed. D. V. Mitroshina. 2020. No. 19. P. 208–219.

9. 15th Annual Road Safety Performance Index (PIN) Report, European Transport Safety Council, 2021.

10. Aktionsplan Forschung für autonomes Fahren. Ein übergreifender Forschungsrahmen von BMBF, BMWi und BMVI. 2019.

11. Communication staff working document. EU Road Safety Policy Framework 2021–2030 — Next steps towards «Vision Zero». European Commission (2019).

12. Resolution adopted by the General Assembly on 31 August 2020. A/RES/74/299.

13. Road safety endorsing the Valletta Declaration (2017).

14. Verkehrssicherheitsprogramm der bundesregierung 2021 bis 2030.

15. Verkehrsunfälle/Kinderunfälle im Straßenverkehr 2020. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2021.

16. URL://https://etsc.eu/wp-content/uploads/ETSC_2011_PIN_Report.pdf.

17. URL://<https://psychology.academic.ru/>

18. URL://<https://www.auto-motor-und-sport.de/verkehr/neues-forschungs-projekt-f-relacs-gegen-stress-im-auto/>

19. URL://https://www.bmvi.de/SharedDocs/DE/Anlage/StB/bundesprogramm-wiedervernetzung.pdf?__blob=publicationFile.

20. URL://https://ru.wikichi.ru/wiki/List_of_countries_by_road_network_size.

21. URL://<https://aussiedlerbote.de/2020/06/kolichestvo-avtomobilej-na-dorogakh-germanii-prodolzhaet-rasti/>

22. URL://<https://www.dvr.de/ueber-uns/vision-zero>.

23. URL://<https://www.destatis.de/>

24. URL://https://www.bast.de/EN/Publications/Media/Traffic-and-Accident-Data.pdf?__blob=publicationFile&v=11.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-267-270>

НИОН: 2003-0059-5/22-455

MOSURED: 77/27-003-2022-05-654

Цифровизация исполнительного производства: преимущества и проблемы

Светлана Александровна Устимова¹, Екатерина Николаевна Рассказова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ 7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены различные аспекты проводимой сегодня цифровизации исполнительного производства в Российской Федерации. Осуществлен анализ преимуществ ведения электронного документооборота и автоматизации процессов исполнительного производства на основе применения суперсервиса, а также выявлены существующие проблемы в деятельности ФССП России, мешающие проведению успешной цифровизации. Сделан вывод, что продолжение внедрения современных информационных технологий в процесс принудительного исполнения актов юрисдикционных органов повысит эффективность и результативность данной деятельности. Но при этом необходимо решить также и имеющийся комплекс проблем в деятельности ФССП России, прежде всего, в отношении кадрового и материально-технического обеспечения.

Ключевые слова: цифровизация, исполнительное производство, суперсервис, электронный документооборот, проблема

Для цитирования: Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Цифровизация исполнительного производства: преимущества и проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 267–270. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-267-270>.

Original article

Digitalization of enforcement proceedings: advantages and problems

Svetlana A. Ustimova¹, Ekaterina N. Rasskazova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ 7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Abstract. Various aspects of the ongoing digitalization of enforcement proceedings in the Russian Federation are considered. The advantages of electronic document management and automation of executive production processes based on the use of a super-service are analyzed, and existing problems in the activities of the FSSP of Russia that hinder successful digitalization are identified. It is concluded that the continuation of the introduction of modern information technologies in the process of enforcement of acts of jurisdictional bodies will increase the efficiency and effectiveness of this activity. But at the same time, it is also necessary to solve the existing set of problems in the activities of the FSSP of Russia, primarily in terms of personnel and logistical support.

Keywords: digitalization, enforcement proceedings, super service, electronic document management, problem

For citation: Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Digitalization of enforcement proceedings: advantages and problems. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):267–270. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-267-270>.

Необходимость использования в деятельности ФССП России новых цифровых технологий обусловлена процессом цифровой трансформации, связанным с построением информационного общества, а также последствиями пандемии COVID-19, что привело к ограничению личного общения.

Одна из ключевых задач цифровизации исполнительного производства — это снижение сверхнагрузок на судебных приставов-исполнителей посредством внедрения автоматизированной системы, которая будет обеспечивать не только электронный доку-

ментооборот, но и внутри- и межведомственное взаимодействие.

Предполагается, что в России в ближайшее время будет решен вопрос полноценного внедрения в деятельность ФССП России суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» (далее — суперсервис), что позволит участникам исполнительного производства в онлайн-режиме получать расширенные сведения о ходе исполнительного производства, извещения и решения органов принудительного исполнения. Необходимая информация будет предо-

© Устимова С. А., Рассказова Е. Н., 2022

ставляться в автоматическом режиме в течение нескольких секунд без необходимости личного взаимодействия с уполномоченными службами. Кроме того, участники исполнительного производства смогут подавать заявления, ходатайства, жалобы, обращения в рамках исполнительного производства в электронном виде, вести электронный документооборот с юридическими лицами, предпринимателями и гражданами.

Помимо снижения коррупционных рисков, последовательная цифровизация исполнительного производства позволяет успешно решать и другие проблемы, в частности, минимизировать конфликтные ситуации, возникающие из-за ошибочной идентификации должников. Сегодня вследствие недостаточной идентификации гражданина происходят множество ошибок, что приводит к обращению взыскания на доходы посторонних лиц (например, однофамильцев), не являющихся субъектами исполнительного решения суда.

На сегодняшний день часть функций суперсервиса уже реализована с использованием сайта Госуслуг и сайта ФССП России. Используемая на данный момент платформа сайта Госуслуг позволяет быстрее и эффективнее взаимодействовать с органами принудительного исполнения. В дополнение в декабре 2021 г. Минцифры заключило с Ростелекомом контракт на интеграцию сайта Госуслуг с государственной биометрической системой. В результате использование суперсервиса будет возможно с помощью биометрических данных, для этого пользователь должен предварительно предоставить образцы лица и голоса через мобильное приложение [1].

В связи с набирающей обороты цифровизацией деятельности ФССП России нужно упомянуть и о проекте Всемирного кодекса цифрового исполнения МССИ (Международный союз судебных исполнителей). Данный акт указывает на создание цифрового профиля судебного исполнителя, проведение онлайн-медиации, доступ судебного исполнителя к дематриализованным реестрам прав, необходимость защиты персональных данных и целый ряд других, определяющих правовые рамки действий судебного исполнителя. Кодекс также предусматривает процедуры исполнения в отношении цифровых активов и использования искусственного интеллекта [5].

Безусловно, возможности суперсервиса призваны решить часть насущных проблем как ФССП

России, так и сторон исполнительного производства, например, в части информирования последних о ходе исполнительного производства. Кроме того, данный проект должен позволять своевременно и дистанционно осуществлять коммуникацию между органами принудительного исполнения и сторонами, решать актуальные вопросы, возникающие в процессе принудительного исполнения, используя, в первую очередь, государственные информационные системы.

Получать доступ к суперсервису стороны должны в любом удобном для них месте нахождения, используя свой компьютер или смартфон. Нагрузка на пристава-исполнителя, временные и финансовые издержки сторон исполнительного производства в таком случае должны значительно сократиться. Помимо этого, электронный суперсервис делает работу пристава более прозрачной для сторон исполнительного производства.

В целом, рассматривая потенциальные возможности суперсервиса, важно отметить, что они расширяются. Например, решения по отдельным вопросам исполнительного производства смогут приниматься ФССП России в автоматическом режиме без непосредственного участия судебного пристава-исполнителя. Фактически речь идет об использовании упрощенной процедуры с элементами искусственного интеллекта, что способствует процессу рационализации принудительного исполнения исполнительных документов.

Применительно к взысканию небольших по сумме административных штрафов автоматически будут сниматься денежные средства, находящиеся на банковских счетах должников. Полагаем, что в автоматическом упрощенном порядке такая процедура не вызовет много вопросов у населения и наверняка окажется достаточно эффективной. На сегодняшний день действующая система исполнения указанной категории исполнительных документов — это достаточно непростой, трудозатратный и небыстрый механизм.

Такие подходы наверняка упростят взыскания по административным штрафам, но вряд ли они повлияют на упрощение или ускорение порядка исполнения судебных решений по неимущественным спорам либо по исполнительным производствам, в рамках которых имущественное положение должника не позволяет в сжатые сроки исполнить судебный акт.

Важно учитывать, что установление и отмена ограничений, запретов, наложения и снятия арестов для должника зачастую вызывают немало вопросов у участников исполнительного производства и по этой причине принятие их в автоматическом режиме выглядит сложным и мало приемлемым.

Несомненно, что решения должностных лиц ФССП России, вынесенные в автоматическом режиме, могут быть обжалованы и оспорены в суде. Право на обжалование, безусловно, есть у сторон исполнительного производства, но в случае отмены такого автоматического решения нет никаких гарантий того, что будет возможно повторное наложение ареста и должник не совершит действий, направленных на сокрытие своего имущества и денежных средств за то время, что взыскатель потратит на отмену незаконно вынесенного решения о снятии ареста.

Важно отметить, что ускорение документооборота, в том числе путем создания возможности вынесения решений в автоматическом режиме, перехода на электронный документооборот, не решают проблему эффективности исполнительного производства. По мнению ряда авторов [3; 4], указанные действия лишь создают предпосылки для своевременного реагирования на акты компетентных органов, как правило, на решения и определения судов, и позволяют теоретически рассчитывать на своевременное информирование сторон исполнительного производства о том, на какой стадии находится исполнение.

Однако, на любые обращения и жалобы сторон исполнительного производства через суперсервис по-прежнему реагирует тот или иной сотрудник ФССП России, в связи с чем полнота и своевременность ответа, перспективы исполнительного производства, правильность и результативность совершаемых действий и применяемых мер зависят скорее от компетенции самого пристава и технического оснащения его рабочего места. Кроме того, объективным обстоятельством, препятствующим эффективности принудительного исполнения, является неудовлетворительное имущественное положение должника, и средствами лишь цифрового суперсервиса этот вопрос решить невозможно, особенно в современных, достаточно сложных, экономических условиях.

Как отмечает В. А. Гуреев [2], возможно, именно вынесение решений в автоматическом режиме позволит повысить эффективность работы ФССП Рос-

сии, своевременно и правильно разрешить хотя бы отдельные вопросы в рамках исполнительных производств, но исключить из субъектного состава исполнительного производства пристава-исполнителя это не позволит, а значит, сегодняшние проблемы, такие как волокита, бездействие, низкая квалификация, недостаточное техническое обеспечение ФССП России, никуда не исчезнут. Кроме того, решения, выносимые в автоматическом режиме, фактически снимают ответственность с пристава-исполнителя, что вряд ли способствует кардинальному повышению эффективности работы ФССП России.

Считаем, что сам факт внедрения цифрового суперсервиса недостаточен для существенного повышения эффективности взыскания, учитывая колоссальный объем неисполненных, затянувшихся и, возможно, бесперспективных исполнительных производств. Кроме того, уже многие годы требуют своего решения вопросы кадрового и технического обеспечения ФССП России. Цифровизация исполнительного производства и повышение, таким образом, его эффективности представляется недостаточно результативным без решения и ряда насущных проблем ФССП России. Причем данные проблемы должны решаться комплексно.

Также необходимо обратить внимание на тот факт, что бумажный документооборот в рамках работы ФССП России становится цифровым лишь частично. Основной приоритет за документами на бумажном носителе как был, так и остается. На сегодняшний день сохраняется значительная доля бумажного документооборота, например, обмен с банками и судами, а также бумажные уведомления сторон и исполнительные документы. С целью исключения бумажного документооборота взаимодействие между участниками процесса должно осуществляться только в электронном виде, что требует принятия ряда законодательных решений и изменения подходов к документообороту в принципе.

Таким образом, продолжение внедрения современных информационных технологий в процесс принудительного исполнения актов юрисдикционных органов, безусловно, окажет благотворное влияние на эффективность и результативность данной деятельности. Однако, существующие меры еще не интегрированы в единую информационную экосистему, поэтому можно предположить, что в ближайшем будущем, когда суперсервис «Цифровое исполнитель-

ное производство» заработает в полную силу, ФССП России ожидает качественный рывок, который позволит вывести принудительное исполнение на новый уровень.

Вместе с тем, имеющийся комплекс проблем в деятельности ФССП России приводит к тому, что становление и развитие института исполнения судебных и иных актов нельзя рассматривать только через призму цифровизации. В первую очередь следует решать проблемы материально-технического и кадрового обеспечения и только параллельно с этим развивать как возможности суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», так и различные эффективные механизмы взыскания.

Список источников

1. Гаврилюк А. Госуслуги поворачиваются лицом к биометрии // Коммерсантъ. 2022. № 7.
2. Гуреев В. А. Отдельные аспекты цифровизации отечественного исполнительного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 12. С. 10–13.
3. Данилов Д. Б., Порохов М. Ю. Цифровизация принудительного исполнения: проблемы и

перспективы // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 144–148.

4. Цирина М. А. Цифровизация исполнительного производства // Международное публичное и частное право. 2020. № 1. С. 42–45.

5. Яркв В. В. Гармонизация в сфере цифрового исполнения: новый проект МССИ // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 9. С. 39–43.

References

1. Gavriilyuk A. Public services are turning their face to biometrics // Kommersant. 2022. № 7.

2. Gureev V. A. Certain aspects of digitalization of domestic enforcement proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 12. P. 10–13.

3. Danilov D. B., Porokhov M. Yu. Digitalization of compulsory enforcement: problems and prospects // Society and Law. 2022. No. 1 (79). P. 144–148.

4. Tsirina M. A. Digitalization of enforcement proceedings // International public and private law. 2020. No. 1. P. 42–45.

5. Yarkov V. V. Harmonization in the field of digital execution: a new MISS project // Arbitration and civil procedure. 2021. No. 9. P. 39–43.

Информация об авторах

С. А. Устимова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. Н. Рассказова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. A. Ustimova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. N. Rasskazova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 342.95

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-271-277>

НИОН: 2003-0059-5/22-456

MOSURED: 77/27-003-2022-05-655

О проблеме расширительного толкования положений ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ

Виктор Викторович Фадеев¹, Ирина Викторовна Фадеева²

¹ Юридическая фирма «Инфралекс», Москва, Россия, v.fadeev@infralex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, irinak_08@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос об обоснованности квалификации действий хозяйствующих субъектов по совершению сделок экономической концентрации без получения предварительного согласия антимонопольного органа в качестве административного правонарушения по ч. 3 ст. 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

По результатам проведенного анализа сделан вывод о том, что действующая редакция ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ не обеспечивает в полной мере соблюдения хозяйствующими субъектами императивных требований антимонопольного законодательства о необходимости получения согласия антимонопольного органа на совершение сделки экономической концентрации до ее совершения. В целях восполнения данного пробела антимонопольный орган и суды вынуждены применять расширительное толкование ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ и распространять ее на деяния, которые формально в ней не поименованы, что с точки зрения административного права является недопустимым. В качестве решения данной проблемы предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ.

Ключевые слова: расширительное толкование, пробелы в административном законодательстве, контроль за совершением сделок экономической концентрации, состав административного правонарушения, объективная сторона административного правонарушения

Для цитирования: Фадеев В. В., Фадеева И. В. О проблеме расширительного толкования положений ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 271–277. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-271-277>.

Original article

About the problem of broad interpretation of the provisions of p. 3 of art. 19.8 of the Administrative Code of the Russian Federation

Viktor V. Fadeev¹, Irina V. Fadeeva²

¹ Law firm «Infralex», Moscow, Russia, v.fadeev@infralex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, irinak_08@inbox.ru

Abstract. The question of the validity of the qualification of the actions of economic entities to make transactions of economic concentration without obtaining the prior consent of the antimonopoly authority as an administrative offense under Part 3 of Article 19.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is considered.

Based on the results of the analysis, it was concluded that the current version of Part 3 of Article 19.8 of the Administrative Code of the Russian Federation does not fully ensure compliance by business entities with the mandatory requirements of antimonopoly legislation on the need to obtain the consent of the antimonopoly authority to make an economic concentration transaction before it is completed. In order to fill this gap, the antimonopoly authority and the courts are forced to apply an expansive interpretation of Part 3 of art. 19.8 The Administrative Code of the Russian Federation and extend it to acts that are not formally named in it, which from the point of view of administrative law is unacceptable. As a solution to this problem, it is proposed to amend Part 3 of Article 19.8 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: expansive interpretation, gaps in administrative legislation, control over transactions of economic concentration, composition of an administrative offense, objective side of an administrative offense

For citation: Fadeev V. V., Fadeeva I. V. About the problem of broad interpretation of the provisions of p. 3 of art. 19.8 of the Administrative Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):271–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-271-277>.

В соответствии с ч. 3 ст. 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1] предусмотрена административная ответственность за непредстав-

ление в антимонопольный орган ходатайств о согласовании сделок экономической концентрации, представление ходатайств, содержащих заведомо недостоверные сведения, а также нарушение порядка и

© Фадеев В. В., Фадеева И. В., 2022

сроков подачи ходатайств. Перечисленные действия образуют объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного данной нормой КоАП РФ.

Вместе с тем, анализ практики антимонопольного органа и судебной практики показал, что антимонопольный орган и суды применяют данную норму также к действиям, которые формально выходят за рамки объективной стороны данного административного правонарушения, например, к случаям, когда ходатайство подано своевременно и в соответствии с требованиями, предъявляемыми к его содержанию, однако до получения решения антимонопольного органа по ходатайству сторона совершает сделку, на которую просит согласие антимонопольного органа. Таким образом, антимонопольный орган и суды фактически приравнивают нарушение требований антимонопольного законодательства о получении предварительного согласия на совершение сделок экономической концентрации к действиям, составляющим объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, хотя буквальное прочтение данной статьи такую возможность не предполагает.

В настоящей статье рассмотрен вопрос об обоснованности такого подхода судов и антимонопольного органа с точки зрения действующего законодательства Российской Федерации.

1. Согласно положениям ст. 26.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о конкуренции) [2] отдельные сделки и действия в отношении акций, активов, основных производственных средств российских организаций, а также иностранных лиц (если такие иностранные лица осуществляли поставки товаров на территорию Российской Федерации в сумме более чем 1 млрд руб. в течение года, предшествующего дате осуществления сделки или действия) требуют получения предварительного согласия антимонопольного органа на их совершение. Перечень сделок и действий, которые могут быть совершены только с предварительного согласия антимонопольного органа, определен ст. 27–29 Закона о конкуренции.

В целях получения согласия антимонопольного органа на совершение таких сделок необходимо до их совершения обратиться в антимонопольный орган с ходатайством.

Требования к документам и сведениям, представляемым в составе ходатайства, а также к порядку подачи ходатайства определены ч. 5–7 ст. 32 Закона о конкуренции. Необходимые сведения должны быть представлены в антимонопольный орган по форме, утвержденной Приказом ФАС России от 17 апреля 2008 г. № 129, а прилагаемые копии документов должны быть заверены в установленном законом порядке.

Согласно ч. 5.1 ст. 32 Закона о конкуренции в случае представления необходимых документов и сведений (за исключением документов и сведений, которые ФАС России в соответствии с ч. 5.2, 5.4 Закона о конкуренции может получить по межведомственному запросу) не в полном объеме ходатайство считается непредставленным, о чем антимонопольный орган в десятидневный срок уведомляет заявителя.

Срок рассмотрения ходатайства согласно ч. 1 ст. 33 Закона о конкуренции составляет 30 дней и может быть продлен не более чем на два месяца (ч. 3 ст. 33 Закона о конкуренции).

2. В соответствии со ст. 34 Закона о конкуренции предусмотрены последствия нарушения порядка получения предварительного согласия антимонопольного органа на осуществление сделок и иных действий. Согласно ч. 1 указанной статьи коммерческая организация, созданная без получения предварительного согласия антимонопольного органа, в том числе в результате слияния или присоединения коммерческих организаций, в случаях, указанных в ст. 27 Закона о конкуренции, ликвидируется либо реорганизуется в форме выделения или разделения в судебном порядке по иску антимонопольного органа, если ее создание привело или может привести к ограничению конкуренции, в том числе в результате возникновения или усиления доминирующего положения.

Согласно ч. 2 ст. 34 Закона о конкуренции сделки, обозначенные в ст. 28 и 29 указанного Закона и осуществленные без получения предварительного согласия антимонопольного органа, признаются недействительными в судебном порядке по иску антимонопольного органа, если такие сделки привели или могут привести к ограничению конкуренции, в том числе в результате возникновения или усиления доминирующего положения.

Исходя из указанных выше положений Закона о конкуренции негативные последствия за нарушение

требований о получении предварительного согласия антимонопольного органа могут возникнуть только в том случае, если антимонопольный орган докажет, что совершенные сделки или действия привели или могли привести к ограничению конкуренции.

На практике антимонопольный орган достаточно редко оспаривает сделки и действия, совершенные без получения предварительного согласия, в судебном порядке. В большинстве случаев данные действия квалифицируются в качестве административного правонарушения, и нарушители привлекаются к административной ответственности по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ.

Между тем, привлечение к ответственности по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ за совершение сделки или действий, требующих получения предварительного согласия антимонопольного органа, без получения такого согласия в отдельных случаях, на наш взгляд, осуществляется необоснованно.

3. В соответствии с ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением может быть признано только противоправное, виновное действие (бездействие) юридического (физического) лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Согласно ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Из указанного следует, что административным правонарушением могут быть признаны только:

- 1) виновные действия (бездействие);
- 2) нарушающие закон;
- 3) за которые КоАП РФ предусмотрена административная ответственность.

Только совокупность указанных признаков позволяет признать соответствующее деяние административным правонарушением и применить административную санкцию.

Как следует из текста ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, административное правонарушение может быть совершено посредством:

♦ непредставления в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган ходатайств, предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации;

♦ представления ходатайств, содержащих заведомо недостоверные сведения;

♦ нарушения установленных антимонопольным законодательством Российской Федерации порядка и сроков подачи ходатайств.

Именно за данные административные правонарушения ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ устанавливает административную ответственность в виде административного штрафа.

Из приведенного выше следует, что объективная сторона административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, может состоять:

- 1) либо в непредставлении ходатайства в принципе;
- 2) либо в представлении ходатайства, содержащего заведомо недостоверные сведения;

3) либо в представлении ходатайства, но с нарушением порядка и сроков, установленных законом.

Таким образом, с учетом требований ст. 2.1 КоАП РФ можно констатировать, что составом данного нарушения охватываются только перечисленные выше деяния, которые могут повлечь применение санкций, предусмотренных ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ. Никакие иные деяния, прямо в данной норме не указанные, не могут быть признаны административным правонарушением.

Между тем, в отдельных случаях антимонопольный орган и суды расширительно толкуют положения данной нормы и применяют предусмотренную в ней санкцию к деяниям, которые прямо не поименованы в ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ и, следовательно, не могут быть квалифицированы в качестве административного правонарушения.

4. Так, например, в рамках дела об административном правонарушении № 07/04/19.8-67/2019 ФАС России усмотрела признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, в действиях ЗАО УК «РВМ Капитал». Согласно протоколу от 30 сентября 2019 г. [5] событием административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, было признано следующее.

Общество обратилось в Московское УФАС России с ходатайством о получении предварительного согласия на совершение сделки экономической

концентрации. По истечении месячного срока, предусмотренного ч. 1 ст. 33 Закона о конкуренции, не получив никакого ответа от антимонопольного органа, общество совершило сделку. После совершения сделки ЗАО УК «РВМ Капитал» получило уведомление от Московского УФАС России, что ходатайство было передано на рассмотрение в ФАС России. Через месяц после указанного уведомления Общество получило уведомление из ФАС России о том, что антимонопольный орган продлевает срок рассмотрения ходатайства. В связи с тем, что сделка была совершена без получения согласия антимонопольного органа, ФАС России возбудила дело об административном правонарушении № 07/04/19.8-67/2019.

Возражая против привлечения к административной ответственности, Общество при рассмотрении дела об административном правонарушении ссылалось на отсутствие события административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, поскольку:

1) ходатайство было подано в антимонопольный орган до совершения сделки экономической концентрации, т. е. установленный Законом о конкуренции порядок и срок подачи ходатайства Обществом был соблюден;

2) общество не было уведомлено в десятидневный срок с момента подачи ходатайства о неполноте представленных сведений, что означает, что у Общества были все основания считать, что ходатайство представлено в полном объеме и представленные сведения являются достаточными для принятия антимонопольным органом решения по ходатайству;

3) ФАС России не установила, что какие-либо из представленных в ходатайстве сведений являлись недостоверными;

4) совершение сделки до получения согласия ФАС России (при условии своевременной подачи ходатайства) не определено рассматриваемой статьей как противоправное деяние, соответственно, к этому случаю не может применяться административная санкция данной статьи.

Несмотря на приведенные доводы, ФАС России квалифицировала действия ЗАО УК «РВМ Капитал» по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ. При этом нарушением в данном случае фактически стало совершение сделки экономической концентрации без соблюдения требования о получении предварительного согласия антимонопольного органа, что, как следует из содер-

жания нормы, состав административного правонарушения по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ не образует.

5. Как уже указывалось выше, суды также склонны к расширительному толкованию положений ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ и санкционируют подобную квалификацию.

Например, в деле № А40-139804/2016 [3] рассматривался спор АО «Росгеология» и ФАС России о законности постановления ФАС России, которым Общество было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ.

АО «Росгеология» 5 мая 2015 г. обратилось в ФАС России с ходатайством о даче согласия на приобретение прав, позволяющих осуществлять функции исполнительного органа ОАО «СМНГ». 24 июня 2015 г. в ЕГРЮЛ внесена запись о том, что полномочия единоличного исполнительного органа ОАО «СМНГ» исполняет заявитель. Между тем, по состоянию на 24 июня 2015 г. предварительного согласия ФАС России на приобретение заявителем прав, позволяющих осуществлять функции исполнительного органа ОАО «СМНГ», получено не было.

В связи с этим ФАС России возбудила дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ. Постановлением ФАС России от 25 мая 2016 г. № 4-19.8-81/00-04-16 общество было привлечено к административной ответственности по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ в виде штрафа в размере 300 тыс. руб.

Общество не согласилось с такой квалификацией его действий и обратилось в Арбитражный суд города Москвы с заявлением к ФАС России о признании незаконным и отмене указанного постановления. В обоснование своей позиции заявитель указывал на отсутствие события административного правонарушения, поскольку, несмотря на отсутствие решения антимонопольного органа, заключение сделки после направления соответствующего ходатайства в любом случае не является нарушением, срок рассмотрения ходатайства истек до заключения сделки, сделка не нарушила права третьих лиц, деяние является малозначительным.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, арбитражные суды исходили из того, что в действиях общества имеется состав вменяемого правонарушения, а также соблюдены процедуры и срок

привлечения к ответственности. По мнению судов, состав вмененного заявителю административного правонарушения является формальным и включает в себя нарушение порядка согласования в антимонопольном органе заключения сделок специальными субъектами, что соответствует охраняемым публичным интересам в рамках установленного порядка управления.

Таким образом, суды фактически расширили объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, включив в нее нарушение процедуры согласования с антимонопольным органом совершения сделки, в то время как сама ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ связывает предусмотренное в ней административное правонарушение только с подачей ходатайства [4].

6. Приведенные примеры демонстрируют, что диспозиция ч. 3 ст. 19.8 не охватывает все возможные случаи нарушения порядка согласования сделок и действий, являющихся объектом антимонопольного контроля. Для восполнения данного пробела антимонопольный орган и суды, в целях обеспечения публичного порядка, вынуждены выходить за пределы данной нормы и, применяя расширительное толкование, квалифицировать все действия, связанные с нарушением порядка согласования сделок экономической концентрации в качестве административного правонарушения по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ.

Между тем, применение такого подхода с учетом требований законодательства Российской Федерации не может быть признано обоснованным.

7. Расширительное толкование известно юриспруденции еще из римского права. В своей работе «Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции» в 1895 г. В. М. Хвостов дал характеристику расширительному толкованию: «Если окажется, что автор нормы... придал своей мысли слишком узкую редакцию в словах», то «область применения нормы приходится расширить за пределы буквальная ее редакции, чтобы осуществить вполне мысль, которую имел ввиду» [6]. В советский период, как отмечал А. С. Шляпочников: «Ни один вопрос, связанный с толкованием закона, не вызвал в нашей юридической литературе столько разных точек зрения, как вопрос об объеме толкования или, вернее, о его границах» [7].

Если говорить о гражданских правоотношениях, в которых презюмируется равенство сторон и дей-

ствует принцип «разрешено все, что не запрещено», применение расширительного толкования положений законодательства может быть признано допустимым и обоснованным, а в отдельных случаях даже необходимым.

Однако в публично-правовой сфере, где юридические и физические лица подчинены установленным государством императивным требованиям, действует иной принцип — «запрещено то, что прямо запрещено». Данный принцип направлен на обеспечение баланса частных и публичных интересов и создает правовую определенность для частной стороны, гарантируя, что неукоснительное соблюдение законодательных требований исключает применение к ним каких-либо санкций со стороны государства.

8. В соответствии с ч. 2 ст. 52 Конституции Российской Федерации никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Согласно ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ лицо может быть привлечено к административной ответственности, подвергнуто административному наказанию только по основаниям и в порядке, установленным законом. Верховный суд Российской Федерации в связи с этим указал в п. 56 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.), что в силу положений ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагает наличие законных оснований для применения административного наказания.

В постановлении от 4 февраля 2020 г. № 7-П Конституционный суд РФ сформулировал однозначную правовую позицию о недопустимости расширительного толкования норм административного законодательства. В указанном постановлении Конституционный суд РФ указал, что законодатель, закрепляя составы административных правонарушений и меры ответственности за их совершение, обязан соблюдать требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Это означает, что любое административное правонарушение, а равно санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы каждый точно знал, какое именно деяние находится под запретом и влечет за

собой применение мер государственного принуждения, а также мог предвидеть административно-правовые последствия своих действий (бездействия). При этом закон, устанавливающий административную ответственность, не может толковаться при его применении расширительно, т. е. как распространяющийся на деяния, прямо им не запрещенные. Расширительное толкование оснований административной ответственности несовместимо с юридическим равенством и с принципом соразмерности устанавливаемых ограничений конституционно одобряемым целям.

Таким образом, отсутствие прямого указания в нормах КоАП РФ на противоправность конкретных деяний не должна восполняться правоприменителем путем расширительного толкования таких норм, а предусмотренные в них санкции применяться за совершение деяний, которые, хоть и нарушают установленный нормативными актами публичный порядок, но прямо не поименованы в описании объективной стороны соответствующего административного правонарушения.

Все указанное свидетельствует о недопустимости нарушения административными органами и судами основополагающего принципа публично-правовых отношений о том, что публично-правовая ответственность может наступать лишь в тех случаях и за те действия, которые прямо предусмотрены диспозицией соответствующей нормы. Расширительное толкование и применение административной санкции в отношении деяний, которые прямо не поименованы в диспозиции ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, является нарушением данного принципа и в целом недопустимо.

9. Приведенные примеры из практики антимонопольных и судебных органов показывают, что действующая редакция ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ (при ее правильном применении) не обеспечивает в полной мере привлечение к ответственности лиц за нарушение императивных требований антимонопольного законодательства, связанных с необходимостью получения предварительного согласия антимонопольного органа на совершение сделок и действий, являющихся объектом антимонопольного контроля. Между тем, восполнение данного пробела за счет расширительного толкования ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ является недопустимым с точки зрения действующего законодательства Российской Федерации.

В связи с этим в целях соблюдения баланса частных и публичных интересов, а именно: обеспечения публичного порядка и исключения необоснованного применения административных санкций, мы полагаем, что диспозиция ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ должна быть дополнена и изложена в следующей редакции.

«3. Непредставление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган ходатайств, предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации, представление ходатайств, содержащих заведомо недостоверные сведения, а равно нарушение установленных антимонопольным законодательством Российской Федерации порядка и сроков подачи ходатайств, а равно совершение сделок и действий, в отношении которых антимонопольным законодательством Российской Федерации установлено требование о необходимости получения предварительного согласия антимонопольного органа на их совершение, без получения такого согласия — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 1500 до 2500 руб.; на должностных лиц — от 15 до 20 тыс. руб.; на юридических лиц — от 300 до 500 тыс. руб.».

Только после внесения таких изменений в КоАП РФ описанная в настоящей статье правоприменительная практика может быть признана обоснованной и соответствующей конституционно-правовым принципам российского законодательства.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 февраля 2017 г. № Ф05-437/2017 по делу № А40-139804/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 января 2017 г. № Ф05-21065/2016 по делу № А40-138173/16-153-615 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Протокол, выписка из протокола № 07/85020/19 Протокол о возбуждении дела об административ-

ном правонарушении от 30 сентября 2019 г. // URL://<https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-finansovyh-rynkov/fdc586e9-96f6-4cfa-8dc0-a6301470cb15/>

6. Тихонравов В. Ю. Понятие расширительного и ограничительного толкования права // Вестник ВГУ. 2016. № 1. С. 78.

7. Брусова В. А. Толкование норм налогового права по объему // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 11–17.

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 135-FZ of December 30, 2001 // SPS «ConsultantPlus».

2. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 «On Protection of Competition» // SPS «ConsultantPlus».

3. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of February 16, 2017 G. No. F05-437/2017 in case no. A40-139804/2016 // SPS «ConsultantPlus».

4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of January 23, 2017 no. F05-21065/2016 in case no. A40-138173/16-153-615 // SPS «ConsultantPlus».

5. Protocol, extract from Protocol No. 07/85020/19 Protocol on the initiation of an administrative offense case dated September 30, 2019 // URL://<https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-finansovyh-rynkov/fdc586e9-96f6-4cfa-8dc0-a6301470cb15/>

6. Tikhonravov V. Yu. The concept of an expansive and restrictive interpretation of law // Bulletin of VSU. 2016. No. 1. P. 78.

7. Brusova V. A. Interpretation of tax law norms by volume // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 12. P. 11–17.

Информация об авторах

В. В. Фадеев — старший юрист практики антимонопольного права Юридической фирмы «Инфралекс»;

И. В. Фадеева — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. V. Fadeev — Senior Associate of the Antitrust Law Practice of Infralex Law Firm;

I. V. Fadeeva — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-278-281>

ИПОН: 2003-0059-5/22-457

MOSURED: 77/27-003-2022-05-656

Актуальные вопросы, связанные с классификацией и квалификацией административных правонарушений в сфере информационного пространства, с учетом зарубежного опыта

Газиявдибир Хадисович Хадисов¹, Танзиля Фаридовна Шайхутдинова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ hadisov65@mail.ru

² TanzilyaV@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с классификацией и квалификацией административных правонарушений в сфере информационного пространства, с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: административные правонарушения в сфере информационного пространства, классификация, квалификация, зарубежный опыт

Для цитирования: Хадисов Г. Х., Шайхутдинова Т. Ф. Актуальные вопросы, связанные с классификацией и квалификацией административных правонарушений в сфере информационного пространства, с учетом зарубежного опыта // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 278–281. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-278-281>.

Original article

Topical issues related to the classification and qualification of administrative offenses in the field of information space, taking into account foreign experience

Gaziyaudibir Kh. Khadisov¹, Tanzilya F. Shaikhutdinova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ hadisov65@mail.ru

² TanzilyaV@mail.ru

Abstract. Topical issues related to the classification and qualification of administrative offenses in the field of information space are considered, taking into account foreign experience.

Keywords: administrative offenses in the field of information space, classification, qualification, foreign experience

For citation: Khadisov G. Kh., Shaikhutdinova T. F. Topical issues related to the classification and qualification of administrative offenses in the field of information space, taking into account foreign experience. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):278–281. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-278-281>.

Последние изменения в Конституцию РФ [1] отнесли к ведению Российской Федерации не только информацию, но и информационные технологии, а также обеспечение безопасности личности, общества, государства, связанное с оборотом цифровых данных, применением информационных технологий [2]. В этой связи еще большую актуальность приобретает административно-правовая составляющая обеспечения безопасности в информационном пространстве.

Административные правонарушения в области оборота информации можно условно объединить,

например, по объекту, в несколько взаимосвязанных групп противоправных посягательств, совершаемых:

- ◆ в сфере реализации информационных прав и свобод человека и гражданина;
- ◆ в сфере организации и деятельности средств массовой информации (СМИ);
- ◆ против мер, обеспечивающих информационную безопасность общества, государства, гражданина;
- ◆ против индустрии телекоммуникаций и связи.

За данные правонарушения закреплена ответственность, в частности в гл. 13 КоАП РФ. Тем не менее, учеными отмечается сложность отнесения ряда

© Хадисов Г. Х., Шайхутдинова Т. Ф., 2022

составов к области информационных правонарушений в связи с тем, что они являются пограничными и касаются не только информации, но и той области отношений, где информация работает и является предметом отношений [3, с. 98].

Об этом свидетельствует как российское кодифицированное административно-деликтное законодательство, так и кодифицированное административно-деликтное законодательство стран СНГ, где административной ответственности за информационные правонарушения посвящена не только отдельная глава. В этой связи представляется необходимым дополнить приведенный перечень еще одной квалификационной группой: противоправные посягательства, которые являются пограничными и касаются не только информации, но и той области отношений, где информация работает и является предметом отношений.

Рассмотрим некоторые административные правонарушения, которые образуют пятую квалификационную группу.

Одним из элементов информационного пространства являются информационные ресурсы. Именно они, в частности, становятся предметом посягательства со стороны административных правонарушений, предусмотренных ст. 7.12 КоАП РФ [4].

Обратимся к зарубежному опыту регулирования административной ответственности за совершение правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, посягающие в том числе на информационные ресурсы. С этой целью рассмотрим законодательство стран-участников Содружества Независимых государств (далее — СНГ), а именно: законодательство Азербайджанской Республики [5], Республики Беларусь [6], Республики Молдова [7], Республики Узбекистан [8], Республики Таджикистан [9].

Сравнительно-правовой анализ положений законодательств стран-участников СНГ свидетельствует о том, что регулирование административной ответственности за совершение правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, посягающих в том числе на информационные ресурсы, не идентично. Объективная сторона административных правонарушений в сфере интеллектуальной собственности в законодательстве стран-участников СНГ охватывает разные деяния. Касательно субъективной стороны рассмотренных администра-

тивных правонарушений следует отметить, что в подвергнутых анализу положениях законодательства некоторых зарубежных стран, например, Республики Молдова, Республики Таджикистан, содержится такой признак субъективной стороны, как цель, по сути схожая, но разная в формулировках: в первом случае — это «получение прибыли», во втором — «в коммерческих целях».

В соответствующих положениях законодательства других зарубежных стран, например, Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, такой признак отсутствует.

В законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях закреплена такая квалифицирующий признак предусмотренного ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ состава правонарушения, как цель извлечения дохода. Полагаем, что в рамках административного производства доказать цель извлечения дохода достаточно сложно [10]. В целях совершенствования законодательства в части ответственности за нарушение авторских и смежных прав, повышения эффективности правоприменения представляется необходимым рассмотреть вопрос об изменении вышеуказанной нормы путем исключения признака субъективной стороны в виде цели извлечения дохода.

Перейдем к рассмотрению следующего примера противоправного посягательства, которое стоит отнести к пятой классификационной группе в рамках анализа правонарушений, совершаемых в информационном пространстве, но не отнесенных к гл. 13 КоАП РФ, а именно: ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» [11].

Вопрос обеспечения безопасности общественных отношений в сети Интернет является актуальным для каждого государства, которое стремится к своевременному реагированию на противоправное поведение в информационном пространстве путем установления соответствующих правовых норм. Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательств в части применения положений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», показал, что законодательством ряда стран-участников СНГ предусмотрена ответственность за административные правонарушения в сети Интернет, которые охватывают разные образующие объективную сторону деяния [12].

Отметим, что в диспозиции ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ законодатель указывает такой признак правонарушения, как выражение информации в неприличной форме, что также требуется учитывать при квалификации соответствующих правонарушений, но данное понятие для четкого представления о рассматриваемом признаке не нашло отражения в действующем законодательстве, хотя толкуется в решениях судов. Тем не менее, выводы, полученные в результате изучения судебных решений, нельзя считать имеющими юридическую силу, поэтому необходимо наличие нормативно закрепленного понятия «неприличной формы».

Итак, развитие различных направлений деятельности государства по обеспечению информационной безопасности обусловлено многообразием административных правонарушений в области оборота информации. Сравнительный анализ информационного и административно-деликтного законодательства государств-участников СНГ в информационной сфере позволяет, в свою очередь, выявить пробелы российского законодательства и предложить пути их решения, тем самым обеспечить сближение зарубежного и национального нормотворчества.

Список источников

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 16 марта.

2. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

3. Бачило И. Л. Административно-правовая ответственность в информационной сфере // Административная ответственность: вопросы теории и практики. М., 2005.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

5. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках, утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ (ст. 185) // ИС «Континент».

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З (ст. 9.21) // ИС «Континент».

7. Кодекс Республики Молдова «О правонарушениях» от 24 октября 2008 г. № 218-XVI (ст. 96) // ИС «Континент».

8. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности, утвержденный Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII (ст. 177.1) // ИС «Континент».

9. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях, принятый Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455 (ст. 376) // ИС «Континент».

10. Решение Тульского областного суда от 23 ноября 2016 г. по делу № 7-242/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; «Справка о работе судов Пермской области по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2003 г.» (подготовлена Пермским областным судом) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (ст. 388-1) // ИС «Континент»; Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (ст. 202.2) // ИС «Континент»; Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (ст. 462(1)) // ИС «Континент».

References

1. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power» // Rossiyskaya Gazeta. 2020. March 16.

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

3. Bachilo I. L. Administrative and legal responsibility in the information sphere // Administrative responsibility: questions of theory and practice. M., 2005.

4. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // SZ RF. 2002. No. 1 (Part I). Article 1.

5. The Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses, approved by the Law of the Re-

public of Azerbaijan of December 29, 2015 No. 96-VQ (Article 185

6. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offences of April 21, 2003 No. 194-Z (Article 9.21) // IS «Continent».

7. Code of the Republic of Moldova «On Offenses» dated October 24, 2008 No. 218-XVI (Article 96) // IP «Continent».

8. The Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility, approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 No. 2015-XII (Article 177.1) // IS «Continent».

9. The Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses, adopted by the Law of the Republic of Tajikistan dated December 31, 2008 No. 455 (Article 376) // IS «Continent».

10. The decision of the Tula Regional Court of November 23, 2016 in case No. 7-242/2016 // SPS «ConsultantPlus»; «Certificate on the work of the courts of the Perm region on the consideration of cases of administrative offenses for 2003» (prepared by the Perm Regional Court) // SPS «ConsultantPlus».

11. Federal Law No. 28-FZ of March 18, 2019 «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // SPS «Consultant-Plus».

12. The Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses (Article 388-1) // IS «Continent»; the Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility (Article 202.2) // IS «Continent»; the Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses (Article 462(1)) // IS «Continent».

Информация об авторах

Г. Х. Хадисов — начальник кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Т. Ф. Шайхутдинова — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

G. Kh. Khadisov — Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. F. Shaikhutdinova — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-282-285>

ИПОН: 2003-0059-5/22-458

MOSURED: 77/27-003-2022-05-657

Транснациональная организованная преступная группа: криминологическое понятие и признаки

Алексей Александрович Ходусов¹, Дана Муратбековна Акишева²

^{1,2} Международный юридический институт, Москва, Россия

¹ yustas-73@mail.ru

² dakontai94@mail.ru

Аннотация. Проведено комплексное исследование транснациональной организованной преступной группы, в целях выявления ее существенных признаков. Цель исследования — с применением общенаучных и специальных методов устранить пробелы в критериях, характеристиках и признаках транснациональной преступности.

В результате проведенной работы устранены пробелы в методологии вопроса. Полученные выводы могут применяться как в теоретических исследованиях по данной тематике, так и практике борьбы с транснациональной организованной преступностью.

Ключевые слова: транснациональная преступность, этническая преступная группа, идентичность, общность граждан, преступные структуры

Для цитирования: Ходусов А. А., Акишева Д. М. Транснациональная организованная преступная группа: криминологическое понятие и признаки // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 282–285. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-282-285>.

Original article

Transnational organized criminal group: criminological concept and signs

Alexey A. Khodusov¹, Dana M. Akisheva²

^{1,2} International Law Institute, Moscow, Russia

¹ yustas-73@mail.ru

² dakontai94@mail.ru

Abstract. A comprehensive study of a transnational organized criminal group has been conducted in order to identify its essential features. The purpose of the study is to eliminate gaps in the criteria, characteristics and signs of transnational crime using general scientific and special methods.

As a result of the work carried out, gaps in the methodology of the issue have been eliminated. The findings can be applied both in theoretical research on this topic and in the practice of combating transnational organized crime.

Keywords: transnational crime, ethnic criminal group, identity, community of citizens, criminal structures

For citation: Khodusov A. A., Akisheva D. M. Transnational organized criminal group: criminological concept and signs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):282–285. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-282-285>.

Рост уровня организованной преступности в Российской Федерации и низкий уровень способности публичных властей противодействовать ей стали причинами повышения рейтинга нашей страны в рейтинге стран по уровню организованной преступности: с 56 на 32 место [5]. Результатом такой динамики являются как социальные последствия, в том числе нарушение прав и свобод человека, так и экономические — потери бюджета страны, отдельных

экономических субъектов и граждан. Все это определяет актуальность темы исследования.

Вопросами изучения транснациональной организованной преступности занимались многие ученые: Х. А. Мусаев, А. А. Бессонов, Ю. С. Пестерева, Д. Н. Маринкин, С. А. Мадюкова, Е. А. Логвиненко, К. В. Кузнецов, Э. С. Филин и др. Авторы рассматривали как теоретические основы исследуемого типа преступных посягательств, так и практику борьбы с ней.

© Ходусов А. А., Акишева Д. М., 2022

Вместе с тем, несмотря на наличие необходимости определения более четких критериев и характеристик транснациональной преступности в настоящее время отсутствует единая методика в данном направлении, не сформированы единые представления в части признаков таких группировок. Особый пробел имеется в характеристике транснациональной преступности на основе сформированных этнических преступных групп, в характеристике особенностей взаимодействия, форм организации и выполняемых функций. Указанные пробелы предлагается устранить в данной статье.

Отличительной особенностью транснациональной преступности является ее глобальный ландшафт. Помимо общепризнанных категорий, применяемых для характеристики исследуемого вида преступности, в статье доказана необходимость дополнения еще одной: может быть совершена этнической группой, т. е. общностью граждан РФ и (или) иностранных граждан и (или) лиц без гражданства, которые объединены родственными и (или) социокультурными связями.

Кроме того, в работе впервые обобщены возможные функции: экономическая, социальная и квазигосударственная, которые фактически выполняют в своей деятельности преступные структуры. Указанные характеристики важны для определения степени вины и иных признаков состава преступления.

Транснациональная организованная преступность — это внутренняя проблема в форме трансграничной преступности, соединяющей различные страны. Она имеет аспект глобального ландшафта. Исходя из этого транснациональную организованную преступность можно концептуализировать в терминах трех основных категорий, которые прослеживаются практически во всех научных публикациях [3]:

- 1) незаконная деятельность, которая каким-то образом выходит за рамки международных границ;
- 2) транснациональные мобильные преступные организации — соответственно, преступные организации с присутствием более чем в одной стране;
- 3) распространение незаконного управления через международные границы.

Вместе с тем, по мнению авторов, ограничение видов субъектов преступления и установление в его качестве исключительно организации не верно. Указанные преступные посягательства не всегда совер-

шаются только организациями. Яркий пример — транснациональная преступность в составе организованной группы, сформированной на основе этнических признаков.

Логично возникает вопрос о соотношении понятия этническая группа с указанными квалификационными признаками группового участия. Для решения вопроса следует обратиться к понятию «этническая группа». Согласно данным этнопсихологического словаря этническая группа представляет собой обособленную часть народности или нации, сохраняющей некоторые, наиболее значимые особенности языка, культуры, религии, быта [6].

По мнению авторов, этническая принадлежность обычно является наследственным статусом, основанным на обществе, в котором человек живет. Указанный вывод подтверждается и позицией некоторых экспертов. Так, С. А. Мадюкова говорит о том, что принадлежность к этнической группе, как правило, определяется общим культурным наследием, родословной, мифом о происхождении, историей, родиной, языком или диалектом, символическими системами, такими как религия, мифология и ритуал, кухня, стиль одежды, искусство или внешний вид [4].

Соответственно, транснациональную организованную преступность можно концептуализировать еще одной основной категорией: может быть совершена этнической группой, т. е. общностью граждан РФ и (или) иностранных граждан и (или) лиц без гражданства, которые объединены родственными и (или) социокультурными связями.

Преступные структуры выполняют одну или несколько из трех функций: экономическую, социальную и квазигосударственную.

Экономические преступные структуры нацелены на материальную выгоду. Эта категория включает предпринимательские структуры в широком смысле, включая, например, группировки, занимающиеся контрабандой наркотиков, и банды грабителей.

Эти структуры следует аналитически отличать от криминальных структур, выполняющих социальные функции. Эти неэкономические, ассоциативные структуры поддерживают незаконную экономическую деятельность своих членов лишь косвенно. Например, они облегчают контакты, придают статус, укрепляют девиантные ценности и обеспечивают форум для обмена информацией. Примерами структур, служащих этим социальным целям, являются

преступные сообщества, например, как русская мафия, а также внешне легальные объединения — так называемые преступные мотоциклетные банды.

Третий тип криминальных структур выполняет квазигосударственные функции. Эти незаконные структуры управления поддерживают незаконную экономическую деятельность более абстрактным образом, устанавливая и обеспечивая соблюдение правил поведения и разрешая споры на определенной территории или рынке. Хрестоматийным примером такого рода преступной структуры снова является «русская мафия» или «воры в законе» [2].

Это подчеркивает тот факт, что три функции (экономическая, социальная и квазигосударственная) могут эмпирически пересекаться. Предпринимательские, ассоциативные и квазигосударственные структуры не связаны с какой-либо конкретной формой организации. Криминальные структуры могут быть формальными или неформальными, и взаимодействие между правонарушителями может варьироваться в зависимости от степени, в которой они интегрированы в долгосрочные отношения.

Следуя тройной типологии рынков, сетей и иерархий, заимствованной из экономики, можно выделить три основные формы сотрудничества между правонарушителями. Во взаимодействии могут участвовать независимые субъекты, участвующие в рыночных сделках. В других случаях нарушители могут быть интегрированы в сети, которые обеспечивают определенный уровень обязательств, выходящий за рамки одной транзакции. Наконец, в случае преступных организаций в узком смысле, скоординированные действия являются результатом авторитетно поставленных задач.

Какая форма организации возникает, зависит от различных факторов, включая специфику преступной деятельности, в которую вовлечены преступники, и социальную среду, в которой они действуют. Преступные структуры, независимо от их формы и функций, могут быть транснациональными по-разному. Они могут временно пересекать границы, они могут установить постоянное присутствие в двух или более странах или они могут мигрировать из одной страны в другую.

Анализ научных публикаций позволил авторам определить отличительные особенности транснациональных преступных групп, сформированных по этническому признаку [1]:

- 1) групповой (организованный) характер;
- 2) закрытость объединения от лиц иной национальности;
- 3) наличие межрегиональных связей;
- 4) значимость родственных связей;
- 5) формирование отношений с учетом принципа братства между членами группы, внутреннего единства объединения;
- 6) семейный принцип объединения членов преступной группы (отцы и дети);
- 7) конспирация преступных посягательств;
- 8) строгая иерархия власти в группе;
- 9) применение жестокого наказания как к самому члену этой группы, так и членам его семьи за нарушение «принципа молчания»;
- 10) крайняя степень согласованности действий всех участников, наличие предварительной подготовки к совершению преступного деяния под единым руководством и при четком распределении ролей.

Классификации транснациональной организованной преступности обычно подчеркивают этническую принадлежность транснациональных преступников, в частности их принадлежность к определенным этнически преступным группам. Эти преступные группы обладают достаточной мобильностью, чтобы искать наиболее выгодные возможности для совершения преступлений и, как только преступление совершено, отступать в те места, которые обеспечивают наибольшую защиту от правоохранительных органов.

Транснациональная преступность может безопасно смешиваться с международной торговлей, коммуникациями, поездками и миграцией. Транснациональная преступность предстает в ином свете при рассмотрении препятствий, с которыми могут столкнуться транснациональные преступники, пересекая границы и действуя в незнакомой и потенциально враждебной среде.

Представляется, что различия могут быть с пользой учтены путем разграничения транснациональной преступной деятельности в соответствии с характером трансграничного перемещения. Двумя ключевыми аспектами, определяющими транснациональную преступность, являются:

- ◆ характер того, что пересекает границу;
- ◆ направленность трансграничного перемещения.

Представляется, что для характеристики транснациональной преступности следует использовать как

социальные (юридические и демографические), так и естественные (психические и физические) признаки личности субъектов преступления в составе транснациональной преступной группы, в том числе сформированной по этническому признаку.

Таким образом, в статье представлена авторская точка зрения о необходимости учета личностных характеристик, возможных функций, фактически выполняемых в своей деятельности преступными структурами, а также отличительных особенностей транснациональных преступных групп, сформированных по этническому признаку, сформулированы пробелы, имеющиеся, по мнению авторов, в критериях, характеристиках и признаках транснациональной преступности, в том числе на основе сформированных этнических преступных групп. Указанные характеристики особенностей организации и деятельности организованной транснациональной преступности необходимо учитывать при расследовании преступных деяний данного вида.

Список источников

1. Вагин П. А., Пашюнин Д. Б. Является ли этническая преступность исключительно групповой? // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2017. № 1 (39). С. 79–83.
2. Кузьмин А. В. «Воры в законе» в СССР и России // *Научный компонент*. 2019. С. 110–113.
3. Мацкевич И. М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // *Вест-*

ник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. С. 69–77.

4. Мадюкова С. А. Общепациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 3. С. 69–71.
5. Global Organized Crime Index 2021 // URL:// <https://ocindex.net/assets/downloads/global-ocindex-report>.
6. *Этнопсихологический словарь*. М. : МПСИ. В. Г. Крысько, 1999.

References

1. Vagin P. A., Pashinin D. B. Is ethnic crime exclusively group? // *Legal science and law enforcement practice*. 2017. No. 1 (39). P. 79–83.
2. Kuzmin A. V. «Thieves in law» in the USSR and Russia // *Scientific component*. 2019. P. 110–113.
3. Matskevich I. M. Transnational organized crime: the concept and signs // *Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right*. 2017. P. 69–77.
4. Madyukova S. A. National and ethnic identity of youth of ethnic groups of the republics of Siberia in a comparative perspective // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2017. No. 3. P. 69–71.
5. Global Organized Crime Index 2021 // URL:// <https://ocindex.net/assets/downloads/global-ocindex-report>.
6. *Ethnopsychological dictionary*. M. : MPSI. V. G. Krysko, 1999.

Информация об авторах

А. А. Ходусов — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент;

Д. М. Акишева — аспирант 3-го курса Международного юридического института.

Information about the authors

A. A. Khodusov — Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. M. Akisheva — Post-graduate student of the 3rd year of the International Law Institute.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-286-293>

ИПОН: 2003-0059-5/22-459

MOSURED: 77/27-003-2022-05-658

Оперативно-разыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона (в четырех статьях).

Статья 1. Оперативно-разыскная деятельность как специфический механизм правоохраны

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Оперативно-разыскная деятельность — это особый вид правоохраны, обособленный как от уголовно-процессуальной, так и административно-правовой деятельности. Оперативно-разыскная деятельность отличается своим назначением, специфическими целями и задачами, осуществляется исключительно оперативными подразделениями государственных органов преимущественно негласно, посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий с использованием предусмотренных законом специальных средств и методов работы. В то же время, характер, содержание оперативно-разыскной деятельности предопределены целями и задачами уголовного процесса. Эта связь объективна, не зависит от дискреции законодателя или правоприменителя, буквально задана природой оперативно-разыскной деятельности и уголовного судопроизводства. Специфическую и уникальную особенность осуществления оперативно-разыскной деятельности характеризует агентурный метод, суть которого — привлечение граждан к негласному сотрудничеству с органами и должностными лицами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Законодательно определенные цели и задачи оперативно-разыскной деятельности достигаются посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий — первоосновы и предметного выражения этой деятельности. В сферу оперативно-разыскной деятельности вовлечены граждане, не являющиеся конфидентами, но чьи права и свободы непосредственно затрагиваются оперативно-разыскной деятельностью. Как всякий вид государственной деятельности, оперативно-разыскная деятельность должна быть связана (ограничена) правом, подчинена действию принципов правового государства. Право, притом что это не только наиболее эффективный, но и достаточно точный и тонкий регулятор, объективно нуждается в усилении моральными регуляторами.

Оперативно-разыскная деятельность, находясь в зоне действия права, в силу присущего ей конспиративного характера объективно подвержена регулируемому воздействию морали и, вследствие этого, имеет глубинные деонтологические основания. Действие универсальных моральных регуляторов (морали) в сфере оперативно-разыскной деятельности придает ей социально полезную направленность и социально ожидаемый эффект.

Ключевые слова: титульные (сущностные) особенности оперативно-разыскной деятельности, сочетание гласных и негласных методов и средств осуществления оперативно-разыскной деятельности, конфиденциальная (негласная) форма содействия в осуществлении оперативно-разыскной деятельности, агентурный метод, привлечение граждан к негласному сотрудничеству, приемы и способы легендированного поведения негласных сотрудников (агентов) и оперативных сотрудников, оперативное внедрение, имплицитная связь оперативно-разыскной деятельности с правом, оперативно-разыскное право, деонтологические основания оперативно-разыскной деятельности, идея этического кодекса оперативного сотрудника, концептуальные основы деонтологии оперативно-разыскной деятельности

Для цитирования: Червонюк В. И. Оперативно-разыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона (в четырех статьях). Статья 1. Оперативно-разыскная деятельность как специфический механизм правоохраны // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 286–293. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-286-293>.

Original article

Operational investigative measures: instrumental value, legal certainty of the law (in four articles). Article 1. Operational search activity as a specific mechanism of law enforcement

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. Operational investigative activity is a special type of law enforcement, separate from both criminal procedural and administrative-legal activities. Operational-investigative activities are distinguished by their purpose, specific goals and objectives, carried out exclusively by operational units of state bodies, mainly behind the scenes, through operational-investigative measures using special means and methods of work provided for by law. At the same time, the nature and content of operational investigative activities are

© Червонюк В. И., 2022

predetermined by the goals and objectives of the criminal process. This connection is objective, does not depend on the discretion of the legislator or law enforcement officer, is literally set by the nature of operational investigative activities and criminal proceedings. A specific and unique feature of the implementation of operational investigative activities is characterized by the agent method, the essence of which is to attract citizens to tacit cooperation with bodies and officials engaged in operational investigative activities. Legally defined goals and objectives of operational investigative activities are achieved through the conduct of operational investigative activities — the primary basis and substantive expression of this activity. Citizens who are not confidants, but whose rights and freedoms are directly affected by operational investigative activities, are involved in the field of operational investigative activities. Like any type of state activity, operational investigative activity should be bound (limited) by law, subordinated to the operation of the principles of the rule of law. The law, despite the fact that it is not only the most effective, but also a fairly accurate and subtle regulator, objectively needs to be strengthened by moral regulators.

Operational investigative activity, being in the area of the law, due to its inherent conspiratorial nature, is objectively subject to the regulatory influence of morality and, as a result, has deep deontological grounds. The action of universal moral regulators (morals) in the field of operational investigative activity gives it a socially useful orientation and a socially expected effect.

Keywords: title (essential) features of operational-investigative activity, combination of public and secret methods and means of carrying out operational-investigative activities, confidential (secret) form of assistance in the implementation of operational-investigative activities, agent method, involvement of citizens to tacit cooperation, techniques and methods of the legendary behavior of secret employees (agents) and operatives, operational implementation, implicit connection of operational investigative activity with law, operational investigative law, deontological foundations of operational investigative activity, idea of the ethical code of the operative employee conceptual foundations of deontology of operational investigative activity

For citation: Chervonyuk V. I. Operational investigative measures: instrumental value, legal certainty of the law (in four articles). Article 1. Operational search activity as a specific mechanism of law enforcement. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(5):286–293. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-286-293>.

Постановка проблемы

Оперативно-разыскная деятельность (далее — ОРД) — особый вид правоохраны [17; 18, с. 556–598], отличающийся своим назначением, специфическими целями и задачами, осуществляемый исключительно оперативными подразделениями государственных органов преимущественно негласно, посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) с использованием предусмотренных законом специальных средств и методов работы. Законодательное наделение ОРД такими титульными особенностями заключено в том, что ОРД — это один из наиболее эффективных инструментов противодействия преступности, поскольку в подавляющем большинстве случаев именно применение оперативно-разыскных методов позволяет раскрыть замаскированные, тщательно спланированные и организованные преступления. В связи с этим исключительно посредством ОРД законодательно допустимо применение негласных средств выявления лиц, подготавливающих преступление, документирование их преступной деятельности и своевременное пресечение общественно опасных деяний¹; если более точно, то защита личности, общества и государства от наиболее опасных преступных посягательств вне использования ресурса ОРД в принципе невозможна². Заметим, что качество ОРД непосредственным образом влияет на раскрываемость преступлений. Справедливо будет и обратное утверждение: невысокий уровень раскрываемости (не более 50 % в общей структуре зарегистрированных) — показатель неэффективного ис-

пользования собственно ресурса ОРД, а в определенной мере и показатель компетентности органов и лиц, осуществляющих ОРД. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что на раскрываемость влияют факторы и иного, не специально-юридического характера.

Титульные (сущностные) особенности ОРД

Для выполнения предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) задач — выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, осуществления розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, добывания информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ, установления имущества, подлежащего конфискации (ст. 2), — ОРД с необходимостью предполагает конспирацию, сочетание гласных и негласных методов и средств ее

¹ Сочетанием гласных и негласных средств и методов обеспечиваются результативность ОРД, конспирация, зашифровка негласных источников информации, проверка достоверности полученной оперативной информации, правильность принимаемых решений, обоснованность выдвигаемых версий и др.

² Несколько, может быть, категорично, но все же не без основания замечено, что в цивилизованных странах давно прекратились дискуссии о соответствии ОРД морально-этическим принципам, принятым в обществе, и признано, что она эффективна и нравственна [7, с. 117]. Конечно, применительно к отдельно взятым фактам, опровержимость презумпции безупречности ОРД может быть и оспоренной.

осуществления (ст. 3). Понятно, что выполнение таких особенных задач под силу специально подготовленному персоналу органов внутренних дел, наделенному законом специальными полномочиями.

Необходимость обеспечения конфиденциальности и применения иных мер защиты обуславливается характером преступлений, для выявления, предупреждения и раскрытия которых необходим сбор оперативной информации. Это тяжкие, замаскированные преступления, совершаемые в том числе организованными преступными группами [16, с. 70]. Конфиденциальная (негласная) форма содействия граждан органам внутренних дел в осуществлении ОРД означает, что сведения о лицах, оказывающих содействие, не подлежат оглашению. Конфиденциальность предполагает: специальный допуск к работе с конфидентами только узкого круга лиц, соответственно их компетенции и в порядке, установленном ведомственными нормативными правовыми актами; установление специальных правил документооборота в подразделениях ОВД, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность; обеспечение специальных мер защиты сведений, функционирующих в определенных подразделениях и сосредоточенных в информационных массивах ОВД. Оперативные сотрудники предпринимают специальные меры, конспирирующие взаимоотношения с лицами, с которыми сотрудничают, обучают их конспирации; это меры по тщательному легендированию их внедрения в преступные формирования [20, с. 163]. Кроме того, конфиденциальность ОРД обусловлена и тем обстоятельством, что нередко в криминальной среде создается своя контрразведка из числа бывших сотрудников правоохранительных структур [16, с. 70].

Социально ожидаемые цели ОРД достигаются имплицитно присущими только для данного вида деятельности способами. В своей совокупности эти специфические способы достижения законодательно определенных целей осуществления ОРД (не сводимые исключительно к получению необходимой информации) образуют свойственный только для ОРД особый, не характерный для каких-либо иных видов деятельности, метод. Это известный уже с библейских времен — времени возникновения сыска — так называемый агентурный метод. Представители экспертного сообщества обоснованно обращают внимание, что именно вековая практика использования негласных сил, средств и методов полицейскими службами раз-

ных стран в борьбе с политической и общеуголовной преступностью показывает, что первое место среди них, даже при результативности современной электронной разведки, справедливо занимает агентурный метод. Считается доказанным тот факт, что «невозможно обеспечить раскрытие преступлений, неотвратимость их ответственности без противопоставления их криминальной деятельности целенаправленного комплекса оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, без использования в качестве вспомогательной информационных данных, полученных оперативно-разыскным путем, без привлечения граждан к содействию в борьбе с преступностью» [20, с. 5, 159–160]. Привлечение граждан к негласному сотрудничеству с органами и должностными лицами, осуществляющими ОРД, — основа агентурного метода. Являясь основой ОРД, агентурный метод представляет собой совокупность приемов и способов легендированного поведения негласных сотрудников (агентов) и оперативных сотрудников правоохранительных органов и спецслужб по выявлению оперативно значимой информации и документированию противоправных действий путем установления или развития доверительных отношений с ее обладателями. Существо агентурного метода — непосредственное функционирование в криминальной среде различных категорий конфиденентов [16, с. 68–70]. По утверждению исследователей, агентурный метод является формой реализации, во-первых, права органов, осуществляющих ОРД, на привлечение лиц на конфиденциальной основе к подготовке и проведению оперативно-разыскных мероприятий и, во-вторых, возможности граждан использовать право на защиту от преступных посягательств [16, с. 160].

Имплицитно присущее ОРД свойство секретности неизбежно («объективно») влечет такую ее особенность, как негласность осуществляемых в ее (ОРД) рамках ОРМ, или неочевидность, скрытность проводимых ОРМ от лиц, в них не участвующих, в том числе и от сотрудников ОРО, но прежде всего, — от объектов, в отношении которых они проводятся. По этой причине, хотя и с некоторыми оговорками, можно согласиться с утверждением о том, что необходимость сохранения тайны и конфиденциальности при осуществлении ОРМ является «естественным ограничением в расширении законодательной базы в ОВД» [13, с. 31].

Существенный признак ОРД — субъекты ее осуществления, используемый инструментарий. Без-

условно, к важнейшим признакам оперативно-разыскной деятельности и ее идентифицирующего свойства — агентурного метода следует отнести профессиональные характеристики оперативного сотрудника [20, с. 162]. По мнению исследователей проблемы, опыт свидетельствует о том, что успешно устанавливать отношения сотрудничества могут сотрудники, которые обладают определенными качествами: а) хорошей репутацией среди окружающих, обусловленной этичным поведением при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, базирующейся на общем уровне культуры; б) разносторонней правовой подготовленностью, позволяющей правильно ориентироваться в различных ситуациях, складывающихся при выполнении ими оперативных функций; в) знанием особенностей поведения, субкультуры лиц криминальной направленности на территории и объектах обслуживания; г) высоким уровнем коммуникабельности, позволяющим устанавливать доверительные отношения с различными категориями лиц; в) способностью к анализу и точной оценке значимости полученной информации [20, с. 162–163].

Являясь видом правоохраны, ОРД сохраняет присущую ей идентичность. Как специализированный вид государственной деятельности, ОРД не является ни видом уголовно-процессуальной, ни административно-правовой деятельности. Особенность ОРД состоит в том, что она «совершенно» не похожа на административно-правовую деятельность, которая, по мнению не только административистов, является родовой по отношению к ОРД [2, с. 155; 15, с. 84; 9, с. 111]. Презюмируется, что «по своей юридической сущности нормы, регламентирующие оперативно-разыскную деятельность, являются специальными административно-правовыми. Реализуясь, они порождают правоотношения административного характера» [1, с. 50]. Если иметь в виду, что несколькими страницами ранее в этой же работе ее авторы утверждают, что «правоотношения между оперативными работниками и лицами, замышляющими, готовящими, совершающими преступления...», «есть все основания считать определяющими» [1, с. 44], то ошибочность такого утверждения очевидна и не требует особой аргументации. Оперативно-разыскная деятельность, как и административно-правовая деятельность (при этом не всякая), — это составные части правоохраны, они одного порядка и не могут соотноситься как часть и целое.

ОРД, безусловно, имплицитно связана с уголовно-процессуальной деятельностью. При этом следует иметь в виду следующее. Самостоятельность ОРД не вызывает сомнений, однако вести речь о полной ее изоляции с уголовным процессом, также неверно. Та часть ОРД, которая направлена на выявление и раскрытие преступлений имплицитно (внутренне, по своей правовой природе, назначению) связана с уголовно-процессуальной деятельностью. Эта связь объективна, не зависит от дискреции законодателя или правоприменителя, predetermined, буквально задана природой ОРД и уголовного судопроизводства. У них единый конечный результат, одни и те же обстоятельства, подлежащие установлению. На эту связь прямо указывает Конституционный Суд РФ (определение от 24 апреля 2018 г. № 918-О). В указанном смысле ОРД имеет производный и подчиненный по отношению к уголовно-процессуальной деятельности характер, ее содержание predetermined целями и задачами уголовного процесса³. Вывод о том, обладая единой целью с уголовно-процессуальной деятельностью, ОРД выполняет по отношению к ней вспомогательную роль — общее отношение к проблеме у представителей уголовно-процессуальной науки. Данное обстоятельство указывает и на то, что требования, предъявляемые к уголовному процессу, те же, что и для ОРД (разумеется, с учетом негласного характера этой деятельности). Хорошо (для интересов службы), чтобы эта прочная (закономерная) связь практическим работником — сотрудником ОРО — была бы правильно воспринята.

Являясь видом и сферой специализированной государственной деятельности — правоохраны, ОРД тем не менее, имплицитно связана с правом, ее организация, методы осуществления, инструментарий подчинены конституционно-правовым стандартам. Как следует из ст. 2, 15 (ч. 1 и 2) и 18 Конституции РФ и конкретизирующих их положений ст. 1–5 Закона об

³ Сделанный вывод, думается, не устраняется тем обстоятельством, что предварительная оперативная проверка, оперативная разработка, оперативно-разыскное обеспечение профилактики преступлений, оперативно-разыскное обеспечение исполнения международных запросов в сфере борьбы с преступностью, а также сбор оперативно значимой информации, розыск без вести пропавших лиц, сбор информации о лицах, определение возможности их допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не регулируются уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, предполагая возможность проведения ОРМ, т. е. остаются за рамками уголовного процесса.

ОРД, последняя основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина и осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. В сферу ОРД вовлечены граждане, не являющиеся конфидентами, но чьи права и свободы непосредственно затрагиваются ОРД. Следовательно, ОРД, как всякий вид государственной деятельности, объективно связана (ограничена) правом, подчинена действию принципов правового государства.

В этой связи, обращая внимание на присущие ОРД особенности, не следует выводить ее за скобки государственной деятельности, презюмируя удаленность от права⁴. В юридической практике такой подход, к сожалению, приобрел характер устойчивого тренда. По этой версии секретный и правовой характер ОРД рассматриваются едва ли не как противоположности. Конечно, конспиративность ОРД предполагает такую ее особенность, как негласность осуществляемых в ее рамках ОРМ, т. е. неочевидность, скрытность их проведения от лиц, в них не участвующих, в том числе и от сотрудников оперативно-разыскных органов, но прежде всего — от объектов, в отношении которых они проводятся (И. В. Романенко).

В связи с отмеченным представляется ошибочным утверждение о том, что «возможность ограничения прав и свобод человека при проведении отдельных, в том числе негласных, ОРМ является неотъемлемой сущностной характеристикой ОРД» [6, с. 47]⁵. Если исходить из такой посылки, то можно прийти к выводу, неожиданному для самих авторов данного утверждения: количество ограничений прав и свобод при осуществлении ОРМ будет свидетельствовать о ее эффективности. Безусловно, что это не так, хотя бы потому, что в целом ряде случаев ОРМ проводятся с согласия «объекта» такого рода мер (ч. 6–7, 11 ст. 8 Закона об ОРД) и, соответственно, ни о каком ограничении прав (свобод) в этом случае речь не идет. Очевидно, что в целом ряде случаев необходимость противодействия кибермафии, кибертерроризму, равно как и киберзащита государства и граждан посредством использования ОРМ, также не связаны с ограничением конституционных прав и свобод их носителей [12]. Поэтому более точным, как представляется, будет вывод о том, что сущностной чертой ОРД является использование в порядке и по основаниям, предусмотренным законом,

специального (негласного) инструментария исключительно для защиты конституционно определенных целей и ценностей, когда иным способом (гласными средствами) этого добиться невозможно. Отмеченное обращает внимание на следующее методологически значимое обстоятельство: использование ОРМ недопустимо, если решение задач правоохраны возможно иными (гласными) средствами. Отсюда следует, что ОРМ имеют вполне обозримые пределы. Игнорирование этого обстоятельства сотрудниками оперативных подразделений сопряжено с превышением предоставленных им законом полномочий; для граждан это обобщается отменой (умалением) конституционно принадлежащего им права (свободы).

Таким образом, отрицание или умаление правового характера ОРД является методологической (и мировоззренческой) ошибкой. Недооценка данного обстоятельства приводит к едва ли не самому серьезному просчету при осуществлении органами внутренних дел ОРД, что в особенности касается использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, придания этим результатам значения доказательств, сведений, имеющих правовое значение применительно к конкретному делу. В этой же связи следует принимать во внимание указание Конституционного Суда РФ о том, что ст. 3 Закона об ОРД предполагает лицу, в отношении которого проводится ОРМ, право на обжалование действий органов, осуществляющих ОРД, в формах, определенных Законом (определение от 20 октября 2005 г. № 375-О) [5, с. 405].

ОРД и право: «оперативно-разыскное право»

В отечественной истории ОРД долгое время не выступала объектом законодательного регулирования. Организация агентурной работы определялась исключительно «закрытыми», или секретными, ведомственными нормативными актами, относящимися к госу-

⁴ В специальной литературе (В. Н. Курченко) при анализе данного аспекта ОРД сделан вывод о том, что «в оперативно-разыскной деятельности правоотношения между государственными органами и гражданами не получили той степени развития, которая присуща уголовному судопроизводству». Отмечается, что даже в случае ее (ОРД) гласного осуществления «участники юридически не наделяются комплексом прав, позволяющим активно отстаивать свои интересы» [цит. по: 13, с. 31].

⁵ В этой связи более точен С. И. Захарцев, по мнению которого, «любое оперативно-разыскное мероприятие ... может при определенных обстоятельствах ограничивать права человека» [8, с. 55].

дарственной тайне. Между тем связь ОРД и права, можно сказать, объективно задана. Ведь полученные в ходе осуществления ОРД результаты должны быть использованы в уголовном судопроизводстве. В этой связи закрытые нормативные акты не способствовали решению проблемы. Объективно, по опыту других стран, требовалась законодательная регламентация основ ОРД. В начале 1990-х гг., когда необходимость решения проблемы стала очевидной, со всей остротой обнаружилось два сопутствующих этому фактора социальной значимости: во-первых, сопровождаемая социально-экономическими и политическими неблагоприятными условиями, вышедшая из тени и получившая необычайный динамизм организованная преступность, позиционируемая преступными сообществами, высоким удельным весом неочевидных тяжких преступлений. Существующие средства борьбы с преступностью возникшим запросам не отвечали. Во-вторых, бурно прогрессирующее в массовом правосознании (коллективной правовой психике) чувство права, обусловленное конституционно провозглашенными идеями правового государства, верховенства права пробудило общественный интерес к проблеме защиты прав и свобод, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Реакцией на эти запросы стало принятие Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности», а затем и действующего Закона об ОРД. Законодательное регулирование ОРД послужило поводом в пользу признания отдельными авторами формирования новой отрасли российского права. По мнению одного из авторов, после принятия 12 марта 1992 г. Закона об ОРД возникло оперативно-розыскное право, обладающее собственным предметом и методом правового регулирования, а также системой норм, образующих ряд институтов, и которое, являясь наиболее «молодой из отраслей права», порождает отношения, которые протекают тайно, негласно не по правилам уголовно-процессуального права и административного права [19, с. 2; 10, с. 46]⁶.

Не углубляясь в полемику по данному вопросу, замечу, что необходимыми и достаточными для отрасли права признаками так называемое оперативно-розыскное право явно не располагает. В данном случае речь идет о нормативной общности, которая по своим специально-юридическим характеристикам может быть отнесена к крупному нормативно-правовому образованию, получившему название полицейского права.

Деонтологические основания ОРД (вместо выводов)

Право, притом, что это не только наиболее эффективный, но точный и тонкий регулятор, не способно в силу своих предельных возможностей ограничивать поведение человека в ситуациях, когда доступ ему в сферы личностных коммуникаций затруднен, а иногда и невозможен. Мощным усилителем права в этом случае выступают моральные регуляторы. В сфере профессиональной деятельности действие моральных императивов, не отменяя и нисколько не принижая роль правовых регуляторов⁷, создают прочную деонтологическую основу для поведения субъектов такой деятельности.

На влияние морального фактора в оперативно-розыскной в профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел исследователи стали обращать внимание начиная с 1970-х гг. (Д. В. Гребельский, Н. А. Стручков, А. Г. Лекарь, Г. К. Синилов). Идея же разработки деонтологических основ ОРД принадлежит профессору А. Ф. Возному, в понимании которого особенности нравственного содержания оперативно-розыскной деятельности вызваны ее тайным (конспиративным) характером. К ним он относил *ограниченность нравственного контроля над повседневной деятельностью оперативно-розыскных органов со стороны широкой общественности*. В понимании цитируемого автора, «общественность, как правило, дает оценку тех или иных результатов оперативно-розыскной деятельности, но в силу конспиративного характера этой деятельно-

⁶ Примечателен аргумент одного из авторов в пользу признания за оперативно-розыскным правом статуса отрасли права. Оказывается, что, по данным опроса, 62% практических работников указали на необходимость такой отрасли и ее прямое влияние на эффективность борьбы с преступностью (Азаров, с. 5).

⁷ Фактор деонтологии профессиональной деятельности служащих аппарата государства иногда интерпретируется весьма упрощенно. Отмечается, что «в современном российском обществе правовые, политические и другие регуляторы общественных отношений во многом утрачивают свою значимость. Практически ведущим регулятором, определяющим конкретное поведение личности, становится ее моральная направленность. Достаточно вспомнить, что многие события нашего времени, имевшие большой общественный резонанс, связаны не с правовыми, а с моральными проблемами поведения государственных служащих» [14, с. 24]. Отмеченный вывод противоречит фундаментальному конституционному требованию связанности публичных властей правом. Принципиально важно учитывать не взаимоисключающее, но взаимоусиливающее (своего рода синергетический эффект) влияние указанных регуляторов на достижение целей государственно-властной деятельности.

сти она не может дать оценку правомерности применения тех или иных форм и методов, сил и средств. Поэтому в деятельности оперативников должна быть значительно повышена роль общественного и профессионального долга, ответственности за свои действия. Сюда же относится и возможность различия в нравственной оценке оперативно-разыскных мероприятий самими сотрудниками и другими людьми, не имеющими отношения к этой деятельности. Дело в том, что конспиративность требует скрывать истинное содержание тех или иных действий, включая их истинный нравственный характер. Поэтому при глубоко нравственном содержании оперативно-разыскных мероприятий, со стороны иногда они могут восприниматься как безнравственные [3]. К факторам, влияющим на необходимость разработки деонтологии ОРД, профессор А. Ф. Возный отнес такие характерные особенности деятельности ОРД, как необходимость для оперативников «проникать» во внутренний мир человека, оказывать непосредственное воздействие на личность и часто принимать прямое участие в изменении его судьбы; повышенный удельный вес творчества в оперативно-разыскной деятельности и др.

Современные исследователи проблемы справедливо обращают внимание на имплицитно существующую связь (сродни специальной закономерности) осуществления ОРД с ее деонтологической составляющей. Отмечается, что применение легендирования, различных способов зашифровки оперативно-разыскных мероприятий, использование в борьбе с преступниками их близких связей, в том числе лиц, прикосновенных к преступлениям, привлечение к негласному сотрудничеству лиц, допустивших мелкие правонарушения, разнообразные аспекты работы с агентурой (руководство агентами, их воспитание, ввод и вывод агентов из разработки, обеспечение доверительных отношений агента с разрабатываемыми и т. д.) — все это неизбежно наталкивает на этические оценки, суждения о моральной дозволенности или недопустимости тех или иных конкретных способов решения задач, возникающих в сфере оперативно-разыскной деятельности. При этом отмеченное не отменяет справедливый вывод о том, что в оперативно-разыскной деятельности такие приемы, как введение в заблуждение, дезинформация разрабатываемых, их близких связей, отнюдь не являются универсальными средствами решения оперативных задач и применимы далеко не в каждой ситуации [11, с. 73].

В этой связи вполне возможно, что высказанная ранее идея необходимости разработки и принятия «этического кодекса оперативного сотрудника», который в концентрированном виде содержал бы общие нравственные основы поведения сотрудников оперативных служб при проведении ими ОРМ [4, с. 83–101], не утратила свое значение и в новейших условиях. Одновременно следует обратить внимание и на необходимость разработки концептуальных основ деонтологии ОРД.

Список источников

1. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. трудов / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2017.
2. Василенко Г. Н. Административно-правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности ОВД. М., 2006.
3. Возный А. Ф. Общественность и оперативно-розыскная деятельность // Законность. 1999. № 3. С. 243.
4. Возный А. Ф. Уголовно-правовые и этические проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1980.
5. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практ. пособие / [З. Д. Еникеев и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.
6. Горяинов В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: моногр. М. : Проспект, 2019.
7. Даллес А. Искусство разведки. М., 1992.
8. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения. СПб., 2004.
9. Кузнецов Е. В. Оперативно-розыскное право в системе отраслей российского права. М., 2018.
10. Курс основ оперативно-разыскной деятельности: учебник. 2-е изд., перераб. М., 2007.
11. Оперативно-разыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова и др. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2004.
12. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сб. науч. трудов / под ред. В. С. Овчинского. М., 2021.
13. Романенко И. В. Проблемные вопросы оперативно-розыскной деятельности и применения мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, обладающих статусом судьи: моногр. М. : Юстицинформ, 2017.
14. Сердюк Н. В. Профессиональная деонтология: учеб. пособие / Н. В. Сердюк, О. М. Боева А. С. Семченко. М. : Академия управления МВД России, 2020.
15. Соловей Ю. П. Сыск как институт административного права // Институты административного права России. М., 1999.

16. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. М., 2017.

17. Червонюк В. И. Современное полицейское право в контексте правовой государственности. В 3 вып. Вып. 3. Правозащитная полицейская функция современного государства: юридические формы и конституционные учреждения ее реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 110–116.

18. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях. В 2 т. Т. I. Теория, философия и методология права. М. : Юстицинформ, 2021.

19. Чувилев А. А. Оперативно-розыскное право. М. : Норма : Инфра-М., 1999.

20. Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности. Теоретико-правовое исследование российского опыта: дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

References

1. Actual problems of the theory of operational search activity: collection of scientific works / under the general editorship of K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky. M. : Infra-M, 2017.

2. Vasilenko G. N. Administrative and legal regulation of operational search activity of the Department of Internal Affairs. M., 2006.

3. Vozny A. F. Public and operational-investigative activity // Legality. 1999. No. 3. P. 243.

4. Vozny A. F. Criminal law and ethical problems of theory and practice of operational investigative activities of internal affairs bodies. M., 1980.

5. Issues of criminal proceedings in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: scientific and practical. manual / [Z. D. Enikeev et al.]. 2nd ed., reprint. and additional M. : Yurayt, 2014.

6. Goryainov V. A., Lugovik V. F. Theory of operational search procedures: monogr. M. : Prospect, 2019.

7. Dulles A. The Art of intelligence. M., 1992.

8. Zakhartsev S. I. Operational-investigative measures. General provisions. St. Petersburg, 2004.

9. Kuznetsov E. V. Operational investigative law in the system of branches of Russian law. M., 2018.

10. The course of the basics of operational investigative activity: textbook. 2nd ed., pererab. M., 2007.

11. Operational investigative activity: textbook / edited by K. K. Goryainov and others. 2nd ed., add. and pererab. M., 2004.

12. Operational investigative activity in the digital world: collection of scientific works / edited by V. S. Ovchinsky. M., 2021.

13. Romanenko I. V. Problematic issues of operational investigative activity and the application of measures of criminal procedural coercion against persons with the status of a judge: monogr. M. : Justicinform, 2017.

14. Serdyuk N. V. Professional deontology: textbook. manual / N. V. Serdyuk, O. M. Boeva A. S. Semchenko. M. : Academy of Management of the MIA of Russia, 2020.

15. Solovey Yu. P. Detective as an institute of administrative law // Institutes of Administrative Law of Russia. M., 1999.

16. Theory of operational investigative activity / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky. 4th ed., pererab. M., 2017.

17. Chervonyuk V. I. Modern police law in the context of legal statehood. In 3 vols. Issue 3. The human rights police function of the modern state: legal forms and constitutional institutions of its implementation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 5. P. 110–116.

18. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas. In 2 vols. I. Theory, Philosophy and methodology of Law. M. : Justicinform, 2021.

19. Chuvilev A. A. Operational-investigative law. M. : Norm : Infra-M., 1999.

20. Shakhmatov A. V. Agent work in operational-investigative activities. Theoretical and legal research of the Russian experience: diss. ... Dr. jurid. Nauk. SPb., 2005.

Информация об авторе

В. И. Червонюк — профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук.

Information about the author

V. I. Chervonyuk — Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 343.713

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-294-296>

ИПОН: 2003-0059-5/22-460

MOSURED: 77/27-003-2022-05-659

Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях

Алена Дмитриевна Чурсина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, alrchursina@gmail.com

Научный руководитель: профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор **А. П. Дмитренко**

Аннотация. Проводится анализ актуальных вопросов уголовно-правовой охраны личности от новых разновидностей криминальных угроз, возникающих в связи с ростом масштабов использования ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей в преступных целях, с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: квалификация преступления, угроза, информационно-коммуникационные сети, шантаж, вымогательство, неприкосновенность частной жизни, личная тайна

Для цитирования: Чурсина А. Д. Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 294–296. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-294-296>.

Original article

Cyber extortion and threats in social networks

Alena D. Chursina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, alrchursina@gmail.com

Research supervisor: Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor **A. P. Dmitrenko**

Abstract. The analysis of topical issues of criminal and legal protection of the individual from new types of criminal threats arising in connection with the growing use of information and telecommunication networks for criminal purposes, taking into account foreign experience, is carried out.

Keywords: crime qualification, threat, information and communication networks, blackmail, extortion, privacy, personal secret

For citation: Chursina A. D. Cyber extortion and threats in social networks. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):294–296. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-294-296>.

Значительный вклад во внедрение информационных технологий в общественную жизнь внесла пандемия 2020 г., в связи с вынужденной изоляцией людей во время локдауна. В короткие сроки были разработаны программы для удаленного доступа к образованию, рабочей среде, развлечениям, и др. Согласно исследованиям, проведенным компаниями «Notosuite» и «We are Social», по состоянию на октябрь 2021 г. в России 99 млн пользователей социальных сетей, т. е. 67,8 % населения страны [4]. Этот показатель почти на 10 % выше состояния на предыдущий год, согласно тем же исследованиям. Расширение цифровизации общественной жизни оказывает влияние не только на общественные блага, которые, безусловно, стали доступнее, но и на преступную сферу деятельности отдельных групп населения. В обращении Министра внутренних дел России генерала полиции Владимира Колокольцева, во время выступления

на заседании Совета Министров внутренних дел государств в октябре 2021 г., указывается, что количество киберпреступлений в нашей стране за последние два года выросло в полтора раза и продолжает увеличиваться [3]. Сетевые средства позволяют передавать угрозы, используя фальшивую личность или личность другого человека, охватывать большее количество людей, что усиливает общественную опасность таких деяний. В частности, можно отметить новые способы совершения вымогательства с помощью ресурсов Интернета. По смыслу ч. 1 ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) вымогательство «может совершаться, в том числе, под угрозой распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» [1]. Такие преступления посягают не

© Чурсина А. Д., 2022

только на охраняемые законом отношения собственности, но и на право неприкосновенности частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, которое закреплено в ст. 23 Конституции РФ. Сведениями, «позорящими потерпевшего или его близких», является такая информация, которая может опорочить честь и достоинство лица, а равно подорвать его репутацию. Способом вымогательства будет и угроза распространения сведений об аморальном поступке потерпевшего или информация, которая касается тайны, охраняемой законом, к примеру, персональных данных, семейной тайны или тайны усыновления [2].

Сведения, которые распространяются между пользователями социальных сетей, могут быть абсолютно различны, от ссылок на статьи и новости, до информации, которая содержит строго конфиденциальный характер. Некоторые недобросовестные пользователи сети Интернет находят в этих сведениях предмет или способ преступного посягательства.

Распространились случаи, когда злоумышленники получают доступ к хранящимся на личных страницах данным и начинают вымогать деньги, угрожая распространить материалы, которые могут нанести вред потерпевшему, среди его подписчиков [5]. Т. е. шантаж возможностью распространения такого рода информации в информационно-телекоммуникационных сетях становится способом совершения вымогательства.

Например, Соликамским городским судом Пермского края в 2018 г. был признан виновным гр. Ш., который начав общаться в социальной сети с гр. Ч., уговорил ее прислать ему фотоснимок, содержащий сведения личного характера, после чего начал требовать уплаты денег, угрожая в случае отказа распространить эту фотографию в сети Интернет [3]. В данном случае, суд учел то, что согласно показаниям потерпевшей, последняя воспринимала обращенную к ней угрозу реально и опасалась ее осуществления.

Согласно позиции Верховного суда РФ, «не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство» [2]. Такое мнение выглядит обоснованным, при квалификации вымогательства критерий правдивости таких сведений не является существенным фактором в связи с тем, что сведения, которые может распространить пользователь в социальной сети, могут быть заведомо ложными как для преступника, так и для потерпевшего. И в том, и в другом случае распространение таких сведений лицу причиняет вред. Размещение при со-

вершении вымогательства в открытом доступе порочащей информации, которая не соответствует действительности, должно дополнительно квалифицироваться, например, по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, как клевета, совершенная с использованием сети Интернет. В случае, если обвиняемый воспринимал распространяемые им порочащие потерпевшего сведения как достоверные, дополнительной квалификации по ст. 128.1 УК РФ не требуется. Вопрос же об уголовной ответственности за незаконное распространение без согласия лица сведений о его частной жизни, составляющих личную или семейную тайну, если эти сведения не являются достоверными, однако лицо, их распространившие, этого не осознавало, должен решаться вне зависимости об осведомленности лица о правдоподобности данных сведений.

В социальных сетях преступления такого вида, как правило, совершаются с корыстной целью, но шантаж может использоваться и чтобы заставить получателя угрозы выполнить определенные требования преступника, которые не носят имущественного характера, к примеру, стать соучастником преступления. В этом случае шантаж образует приготовление к преступлению в форме подстрекательства.

По нашему мнению, в отечественном уголовном законодательстве имеется пробел, выраженный в отсутствии нормы, предусматривающей угрозу распространения сведений, способных причинить вред потерпевшему или его близким, ради принуждения лица к совершению определенных действий или воздержанию от них, но при отсутствии корыстной цели. Однако ряд государств уже признал существование указанной проблемы, и представляется правильным осмысление зарубежного опыта. В Великобритании на рассмотрении находится законопроект от 27 мая 2021 г., согласно которому угрозы распространения интимных изображений, против воли лица, которому эти материалы принадлежат, должны квалифицироваться как преступление. С законодательной инициативой выступила независимая комиссия Великобритании «The Law Commission». В законопроекте также отмечается, что такие угрозы могут повлечь психологический вред, такой как тревога, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), ухудшение физического здоровья и финансовый ущерб либо из-за отсутствия на работе, либо из-за отказа от онлайн-пространства, что ограничивает доступ к сетевым возможностям. Предложение об изменении уголовного законодательства Великобритании выглядят следующим образом: «Преступление в виде угрозы поделиться интимным изображением,

когда угроза либо направлена на то, чтобы заставить изображенное лицо опасаться, что изображение будет передано, либо преступник безрассудно относится к тому, будет ли изображенное лицо опасаться, что угроза будет осуществлена» [6].

Представляется обоснованным, по примеру Великобритании, с целью совершенствования уголовно-правовой охраны прав и свобод личности в условиях цифровизации внести изменения в ст. 137 УК РФ, посвященную охране неприкосновенности частной жизни, изложив диспозицию ч. 1 данной нормы таким образом: «Незаконное собирание и (или) угроза распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия», и дополнив ее ч. 1.1 с диспозицией следующего содержания: «Распространение сведений, указанных в ч. 1, без согласия лица, чью личную или семейную тайну они составляют, в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях».

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 января 2022 г.) // URL://<http://www.consultant.ru/>
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // URL://<https://rg.ru/2015/12/28/vsrf-dok.html>.
3. Приговор от 28 мая 2018 г. № 1-134/2018 по делу № 1-134/2018 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/RyD0S TKiCLO/>
4. Глобальный отчет о состоянии цифровых данных за октябрь 2021 г. // URL://<https://datareportal.com/reports/digital-2021-october-global-statshot>.
5. Минусинская межрайонная прокуратура. Жертвы социальных сетей и кибервымогательство: ответственность и пресечение // URL://<https://epp.genproc.gov.ru/ru/>
6. Юридическая комиссия Великобритании // URL://<https://www.lawcom.gov.uk/>

Информация об авторе

А. Д. Чурсина — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров (по кафедре уголовного права) Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. D. Chursina — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel (at the Department of Criminal Law) Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 01.08.2022. The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 01.08.2022.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on January 28, 2022) // URL://<http://www.consultant.ru/>
2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2015 No. 56 «On judicial practice in cases of extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // URL://<https://rg.ru/2015/12/28/vsrf-dok.html>.
3. Judgment dated May 28, 2018 No. 1-134/2018 in case No. 1-134/2018 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/RyD0S TKiCLO/>
4. October 2021 Global Digital Status Report // URL://<https://datareportal.com/reports/digital-2021-october-global-statshot>.
5. Minusinsk Interdistrict Prosecutor's Office. Victims of social networks and cyber extortion: responsibility and suppression // URL://<https://epp.genproc.gov.ru/>
6. UK Law Commission // URL://www.lawcom.gov.uk/

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2019.
3. Официальный интернет-сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/26387115/>

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // SPS «ConsultantPlus».
2. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article by article). 6th ed., revised. and additional / ed. S. V. Dyakova, N. G. Kadnikova. M., 2019.
3. Official website of the MIA of the Russian Federation // URL://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/26387115/

Научная статья

УДК 347.44

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-297-302>

ИПОН: 2003-0059-5/22-461

MOSURED: 77/27-003-2022-05-660

Сходства, различия и проблемы договорного регулирования частной охранной и частной детективной деятельности на современном этапе развития гражданского оборота

Сергей Александрович Шаронов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Sharonov345@mail.ru

Аннотация. Выявляются сходства, различия и проблемы договорного регулирования отношений, складывающихся в процессе оказания услуг частной охраны и частного сыска. Разрабатывается классификация сходств и различий, дается краткая характеристика каждому основанию. Проводится анализ проблем в изучаемой сфере и вносятся предложения по их разрешению. Полученные результаты дают заказчикам услуг выбрать те их виды, оказание которых принесет эффективную пользу в процессе осуществления и защиты гражданских прав.

Ключевые слова: договорное регулирование, частная охрана, частный сыск, сходства, различия, функции, предпринимательская деятельность, проблемы

Для цитирования: Шаронов С. А. Сходства, различия и проблемы договорного регулирования частной охранной и частной детективной деятельности на современном этапе развития гражданского оборота // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 297–302. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-297-302>.

Original article

Similarities, differences and problems of contractual regulation of private security and private detective activities at the present stage of civil turnover development

Sergey A. Sharonov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Sharonov345@mail.ru

Abstract. The similarities, differences and problems of contractual regulation of relations that develop in the process of providing services of private security and private investigation are revealed. A classification of similarities and differences is developed, a brief description of each base is given. The analysis of problems in the studied area is carried out and proposals for their resolution are made. The results obtained enable service customers to choose those types of services, the provision of which will bring effective benefits in the process of implementation and protection of civil rights.

Keywords: contractual regulation, private security, private investigation, similarities, differences, functions, business activity, problems

For citation: Sharonov S. A. Similarities, differences and problems of contractual regulation of private security and private detective activities at the present stage of civil turnover development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):297–302. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-297-302>.

Введение

В современных условиях гражданского оборота возрастает востребованность изучаемых видов деятельности. Такое положение обусловлено двумя базовыми факторами, имеющими частноправовой и публично-правовой характер. Наличие частноправовой природы рассматриваемых видов деятельности, таких как осуществление их лицами, зарегистрированными в качестве субъектов предпринимательства, направленность на извлечение прибыли от оказания

соответствующего вида услуг, преимущественно договорный режим регулирования позволяют квалифицировать частную охрану и частный сыск¹ как процесс осуществления гражданских прав. Публично-правовой фактор изучаемых видов деятельности проявляется в их способности содействовать укреплению

¹ В контексте проводимого исследования понятия «частная охранная деятельность» и «частная детективная деятельность» соответствующим образом являются тождественными понятиям «частная охрана» и «частный сыск».

© Шаронов С. А., 2022

основ конституционного строя России (ст. 8 Конституции Российской Федерации), решению приоритетных государственных задач, реализации отдельных федеральных целевых концепций и программ, занятости и трудоустройству граждан. Кроме того, публичная направленность процесса оказания охранных и детективных услуг проявляется и в их способности содействовать решению задач и осуществлению отдельных полномочий МВД России.

Вместе с тем, следует отметить, что до момента легального закрепления критериев предпринимательской деятельности в ч. I Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), частная охрана и частный сыск воспринимались теоретиками и практиками преимущественно как средства противодействия административным и уголовными правонарушениям. Сложившееся положение отразилось и на сущности научных исследований в изучаемой сфере, которые в большинстве своем выполнялись средствами публично-правовых наук. Немногочисленные цивилистические диссертационные работы (кандидатские диссертации), были посвящены различным аспектам «договора охраны», объектом изучения которых выступали либо виды услуг частной охранной деятельности (С. А. Шаронов), либо имущество в различных его интерпретациях (В. А. Сухоруков, А. В. Мильков, М. А. Литвинова, А. С. Кузнецова).

Таким образом, в недостаточной степени был изучен процесс договорного регулирования соотносимых видов деятельности в контексте наличия их общих и различных свойств, а также возникающих при этом проблем. Исследование перечисленных аспектов является **целью** настоящей публикации. Для достижения поставленной цели необходимо решить три научные **задачи**, которые в общем виде можно представить как выявление сходств, различий и проблем договорного регулирования частной охраны и частного сыска.

Методологической основой проводимого исследования являются два подхода, взятые из «Концепции гражданско-правового договорного регулирования», разработанной М. Ф. Казанцевым. Первый подход основан на том, что договорное регулирование является составным элементом «автономного, частного» гражданско-правового регулирования и представляет собой процесс упорядочивания отношений между участниками гражданского оборота посредством заключаемых между ними договоров [3, с. 6]. Второй подход базируется на положении о том, что правильное определение понятия соответствующего вида до-

говорного регулирования «способствует решению проблем» как в отдельных сферах этого регулирования, так и «гражданского права в целом» [3, с. 6–7].

Таким образом, договорное регулирование частной охранной и частной детективной деятельности представляет собой процесс упорядочивания отношений по оказанию охранных и сыскных услуг, осуществляемый на основе заключения договоров между заказчиками и исполнителями этих услуг в соответствии с требованиями гражданского законодательства и обычаями.

Еще одним методологическим приемом является использование структуры предмета договорного регулирования, под которым понимаются определенные правоотношения. Следовательно, в контексте выявления изучаемых сходств и различий в качестве их оснований будут использоваться соответствующие структурные элементы правоотношений: правовое положение субъектов, правовой режим объектов, а также права и обязанности участников соотносимых видов деятельности.

Сходства договорного регулирования услуг частной охраны и частного сыска

Проведенный анализ позволяет разработать классификацию сходств изучаемых видов регулирования по следующим основаниям: 1) наличие юридико-фактических свойств договоров; 2) признание договоров частноправовым средством регулирования соответствующих отношений; 3) признание предметом договоров действий по оказанию услуг; 4) наличие единых актов гражданского законодательства; 5) направленность процесса оказания услуг на содействие в решении задач правоохранительных органов; 6) лицензирование процесса оказания услуг; 7) обладание исполнителями услуг правовым положением субъектов предпринимательской деятельности.

В контексте **первого основания** классификации юридико-фактические свойства договоров проявляются как «волевое положительное правомерное действие, совершаемое в форме юридического акта, направленное на возникновение и динамику правоотношений» изучаемых видов деятельности (см. работы С. А. Шаронова).

В структуру **второго основания** положен вывод о признании договоров частноправовыми средствами правового регулирования частной охраны и частного сыска, при помощи которых опосредуется предпринимательская деятельность [1]. При этом названное ос-

нование позволяет отличить публично-правовую охранную деятельность (функцию государства) от частной охраны, а деятельность следственных органов государства от частного сыска.

Сущность **третьего основания** проявляется в идентичных правовых свойствах договоров, по сути, представляющих собой разновидность договора возмездного оказания услуг. Однако эти услуги имеют свои специфические свойства, обусловленные возможностью оказания услуг лишь теми исполнителями, которые обладают правовым положением частной охранной организации (далее — ЧОО) или правовым положением частного детектива, направленностью на достижение пользы для сторон договора, проявляющейся в защите соответствующего объекта гражданских прав (вещи, жизнь, здоровье и др.); нематериальным характером и неотделимостью услуг от исполнителя.

Наличие **четвертого основания** обусловлено применением единых актов гражданского законодательства (закона и подзаконного акта), закрепляющего перечень соответствующего вида услуг и порядок их оказания. Так в ст. 3 Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон о частной охране и сыске) закреплены перечни услуг как частной детективной, так и частной охранной деятельности. Единым является и подзаконный акт, определяющий порядок оказания исследуемых услуг — постановление Правительства РФ от 23 июня 2011 г. № 468 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности».

В качестве **пятого основания** классификации следует признать фактор содействия процесса оказания рассматриваемых видов услуг осуществлению правоохранительной деятельности государства. Однако такое содействие имеет свои специфические формы, присущие каждому виду деятельности. Так оказание охранных услуг может содействовать обеспечению порядка в местах массового нахождения граждан, вызовам нарядов правоохранительных органов (полиции, Росгвардии) в случаях обращения граждан на охраняемых объектах, проведению совместного патрулирования и др. В свою очередь, оказание сыскных услуг в виде розыска лиц, совершивших преступления, информирования правоохранительных органов о ставших известных случаях готовящихся или совершенных преступлений — содействуют деятельности органов порядка в пресечении и раскрытии преступлений [4, с. 238].

Правовой основой для оказания рассматриваемого содействия является ст. 3 Закона о частной охране и сыске, а юридическим фактом возникновения этих отношений является соответствующее соглашение (приказ МВД России от 17 апреля 2013 г. № 211 «Об утверждении типовых форм соглашений о содействии частных охранных организаций правоохранительным органам в обеспечении правопорядка и о содействии частных детективов правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений»).

Лицензированный характер процесса оказания охранных и детективных услуг является **шестым основанием** сходства соотносимых видов деятельности. Кроме того, единым является и правовой акт, определяющий порядок такого лицензирования (постановление Правительства РФ от 23 июня 2011 г. № 468 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности»).

Предпринимательская природа частной охранной и частной детективной деятельности отражается и на сходстве правового положения ЧОО и частного детектива как исполнителей соответствующего вида услуг (**седьмое основание** классификации). Это сходство проявляется в обладании названными лицами правового положения субъекта предпринимательства: соответственно коммерческой организации и индивидуального предпринимателя.

Различия договорного регулирования частной охраны и частного сыска

Разработанная автором настоящей публикации классификация различий сравниваемых видов договорного регулирования, в отличие от классификации сходств, имеет многоуровневый характер. В качестве оснований классификации *первого уровня* предлагается: 1) численное количество исполнителей охранных и сыскных услуг; 2) легальное закрепление отдельных аспектов договорного регулирования в гражданском законодательстве России; 3) детализация правового положения исполнителей услуг как участников гражданского оборота; 4) содержание оказываемых услуг; 5) способы оказания услуг; 6) запреты и ограничения, обязательные при оказании услуг; 7) функции договорного регулирования.

Дадим **краткую характеристику** перечисленным основаниям классификации.

В качестве **первого основания** классификации необходимо отметить следующие фактографические дан-

ные: по состоянию на 1 января 2020 г. услуги частной охраны оказывали 19,3 тыс. ЧОО, в штате которых состояли 661,1 тыс. частных охранников. При этом численность частных детективов на указанный период времени составляла 916 человек [4, с. 239]. Вместе с тем, развитие предпринимательства, рост конкуренции в этой сфере зачастую заставляют граждан и организации обращаться к частным детективам с целью «поиска и анализа необходимой им ...информации» [5, с. 12], что может свидетельствовать о положительной динамике частного сыска.

Легальное закрепление отдельных аспектов договорного регулирования в гражданском законодательстве России (**второе основание** классификации) характеризуется термином «поименованность». Фактически под ним понимается законодательное оформление определения понятия соответствующего договора, его существенных и иных условий в ГК РФ и (или) в других актах гражданского законодательства. Договор на оказание услуг частной охраны, в отличие от соответствующего договора, является непоименованным, поскольку его вышеуказанные аспекты официально не закреплены ни в самом кодексе, ни в Законе о частной охране и сыске, ни в иных правовых актах.

Договор на оказание сыскных услуг также не упоминается в тексте ГК РФ, однако, его отдельные элементы все же предусмотрены ст. 9 Закона о частной охране и сыске. В тоже время, эти элементы нельзя в полной мере назвать существенными условиями (в том виде, в котором они раскрываются в ст. 432 ГК РФ), поскольку они не детализированы, т. е. не названы в этом правовом акте как «существенные» или «необходимые» условия для характеризуемого договора.

Третье основание классификации базируется на правовом положении исполнителей изучаемых услуг. Так, охранные услуги могут оказывать только специализированные организации. Специфика их правового положения обусловлена уставными задачами, по сути, представляющими собой виды услуг, организационно-правовой формой юридического лица («Общество с ограниченной ответственностью» — далее «ООО»), наличием лицензии на оказание охранных услуг и соответствующего размера уставного капитала (в зависимости от использования огнестрельного оружия и специальных средств — от 100 до 250 тыс. руб.), а также иными требованиями (ст. 11, 12, 15.1 Закона о частной охране и сыске).

Оказание сыскных услуг, напротив, будет легальным лишь в том случае, если их будут оказывать граж-

дане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, получившие соответствующую лицензию и отвечающие иным требованиям законодательства.

Содержание оказываемых услуг является **четвертым основанием** классификации. При этом его принципиальным аспектом является предназначенность изучаемых видов деятельности. Так, частная детективная деятельность предназначена для осуществления сыска, а охранный — для охраны.

Более подробный анализ содержания сыскных услуг по направленности действий позволяет систематизировать их как услуги: по сбору сведений; по поиску имущества и (или) отдельных категорий людей; связанные с установлением некоторых юридических фактов; направленные на уточнение данных, характеризующих различные категории граждан.

Содержательные аспекты охранных услуг можно классифицировать как услуги, направленные: на защиту жизни и здоровья людей; охрану некоторых видов имущества; монтаж, эксплуатацию и обслуживание технических средств охраны; обеспечение различных видов порядка как поведения людей; консультирование участников гражданского оборота по вопросам правомерной защиты от противоправных посягательств; антитеррористическую защиту отдельных объектов.

Пятое основание раскрывается через способы оказания услуг. Например, базовый способ оказания услуг охраны представляет собой фактические действия частного охранника, направленные на качественное оказание охранных услуг. Перечень и характер этих действий закреплены в условиях договора и в соответствующей должностной инструкции названного работника. В отличие от частного охранника, способы оказания услуг сыска как индивидуального предпринимателя не могут регламентироваться должностной инструкцией работника и имеют отличия от действий охранника по своему содержанию. Так, детектив может в установленном порядке проводить устный опрос граждан, наводить о них справки, изучать их имущество и совершать иные подобные действия.

Помимо названных отличий, охранникам запрещается применять способы и приемы оказания детективных услуг (ст. 12 Закона о частной охране и сыске).

Содержание **шестого основания** классификации проявляется в наличии различного рода запретов и ограничений, присущих каждому отдельному виду деятельности. Следует отметить, что в основу этого основания положена правовая природа изучаемых

услуг. Например, в силу того что исполнителем сыскных услуг является только частный детектив (физическое лицо), то и рассматриваемые ограничения в большинстве своем связаны с его личным поведением (действиями). Перечень запретов и ограничений в сфере охранных услуг существенно шире. В целях детализации рассматриваемого основания автором настоящей публикации предлагается *второй уровень* его классификации, согласно которому запреты и ограничения в области частной охраны обусловлены:

- 1) правовым положением исполнителя услуг — ЧОО, включая механизм учреждения и управления организацией;
- 2) правовым положением работников ЧОО — частных охранников как непосредственных исполнителей услуг;
- 3) правовым режимом объектов охраны;
- 4) основаниями использования огнестрельного оружия и специальных средств;
- 5) особенностью надзора и контроля за оказанием охранных услуг.

Отличительной чертой ограничений и запретов в сфере оказания сыскных услуг является их «личностный» характер, поскольку эти запреты и ограничения связаны с личностью частного сыщика. Например, ему запрещается скрывать от органов правопорядка некоторые виды сведений, собирать отдельную информацию о людях или ограничивать их права и свободы, передавать свою лицензию другим лицам, а также совершать иные подобные действия.

Седьмое основание обусловлено различием некоторых договорных функций. Цивилисты отмечали, что «функционирование договоров более эффективно обеспечивает удовлетворение потребностей» его сторон [2, с. 25]. Не является исключением и функционирование соотносимого договорного регулирования. Следует заметить, что под функциями такого регулирования необходимо понимать определенное воздействие частной охраны и (или) сыска на иные (не охранно-сыскные) общественные отношения (см. работы С. А. Шаронова). Поскольку непосредственное оказание услуг охраны осуществляется частными охранниками, которые, помимо своего гражданско-правового статуса в рассматриваемой области, в обязательном порядке должны заключить трудовой договор с ЧОО, постольку можно констатировать наличие *социально-трудовой функции*.

Другой функцией, непосредственно не свойственной договору на оказание детективных услуг является *антитеррористическая функция*. Наличие этой функции в области оказания охранных услуг продиктовано двумя обстоятельствами. Первое из них связано с тем,

что отдельные участники гражданского оборота обязаны соблюдать требования по антитеррористической защите (далее — АТЗ), принадлежащих им на праве собственности (ином законном основании) некоторых видов объектов (вещей). Сущность второго обстоятельства заключается в легальном оформлении лицензированной охранной услуги, непосредственно связанной с АТЗ вышеуказанных объектов (ст. 3 Закон о частной охране и сыске).

Проблемы договорного регулирования частной охранной и частной детективной деятельности

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о наличии целого ряда проблем в договорном регулировании исследуемых видов деятельности. Поскольку предметом *договорного регулирования* выступают соответствующие правоотношения, то по отношению к их структуре исследуемые проблемы можно классифицировать как **внешние** и **внутренние**.

Внешние проблемы обусловлены непоименованным характером договора на оказание охранных услуг и отсутствием легального закрепления существенных условий договора на оказание услуг частного сыска.

Внутренние проблемы непосредственно связаны со структурой соответствующих правоотношений. Например, «субъектные» проблемы, продиктованные необоснованными запретами учреждения ЧОО юридическими лицами (за исключением узкого круга организаций) и в иных (кроме «ООО») организационно-правовых формах, а также запрет на учреждение «детективных организаций» ограничивают право участников гражданского оборота на занятие предпринимательской деятельностью. «Объектная» проблема характеризуется неопределенностью правовых режимов объектов, на которые не распространяется частная охранная деятельность и, как следствие этого, неопределенностью действий по их защите (предмету договора). Сущность «содержательных» проблем заключается в отсутствии у частных охранников каких-либо существенных правомочий в области применения огнестрельного оружия и специальных средств, проведения досмотра вещей на объектах охраны, т. е. тех правомочий, которые имеют работники коммерческих организаций ведомственной и вневедомственной охраны.

Перечисленные проблемы приводят к тому, что договорное регулирование утрачивает свою эффективность, поскольку стороны договоров не могут однозначно формировать, толковать, а значит и исполнять условия заключаемых соглашений. В силу того,

что охранные и детективные услуги направлены на защиту нематериальных и материальных человеческих благ, такое положение препятствует надлежащему осуществлению и защите гражданских прав в изучаемых областях деятельности, зачастую приводит к понуждению в заключении договоров, монополизации рынка охранных услуг со стороны коммерческих организаций, учрежденных государством, а в некоторых случаях способствует коррупции.

Заключение

Подводя итоги публикации, можно сделать следующие **выводы**.

1. Договорное регулирование услуг частной охраны и частного сыска представляет собой упорядочивание отношений, складывающихся в процессе оказания охранных и сыскных услуг посредством заключения соответствующих договоров.

2. Выявленные сходства и различия договорного регулирования дают возможность гражданам и юридическим лицам выбирать те из сравниваемых видов услуг, которые в наибольшей степени дадут полезный эффект от их оказания в процессе осуществления и защиты гражданских прав.

3. В целях разрешения указанных проблем автором настоящей публикации разработан проект Федерального закона «Об охранной деятельности в Российской Федерации» (см. докторскую диссертацию С. А. Шаронова), содержащий в своей структуре нормы, определяющие правовое положение исполнителей охранных услуг, правовой режим объектов охраны, правовую природу, существенные и иные условия договора, права и обязанности его сторон, а также другие аспекты, влияющие на процесс договорного регулирования в изучаемой сфере.

Информация об авторе

С. А. Шаронов — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Information about the author

S. A. Sharonov — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Список источников

1. Андреев В. К. Сделка и ее недействительность // Юрист. 2014. № 1. С. 8–12.
2. Баринов Н. А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.
3. Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
4. Кононов А. М. Об участии субъектов частного права в реализации функций публичной власти в сфере внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 235–240.
5. Мохов А. А. Бизнес-разведка: понятие и источники правового регулирования // Безопасность бизнеса. 2015. № 3. С. 12–16.

References

1. Andreev V. K. Transaction and its invalidity // Lawyer. 2014. No. 1. P. 8–12.
2. Barinov N. A. Civil-legal problems of satisfying the property needs of Soviet citizens: abstract. diss. ...Dr. jurid. M., 1988.
3. Kazantsev M. F. The concept of civil law contractual regulation: abstract. diss. ...Dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2008.
4. Kononov A. M. On the participation of subjects of private law in the implementation of the functions of public authority in the field of internal affairs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 7. P. 235–240.
5. Mokhov A. A. Business intelligence: the concept and sources of legal regulation // Business security. 2015. No. 3. P. 12–16.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-303-304>

НИОН: 2003-0059-5/22-462

MOSURED: 77/27-003-2022-05-661

Процессуальные особенности исполнения решений судов, связанных со сносом жилых домов

Шамиль Басирович Шахов

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, shamil.shakhov97@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с понятием самовольной постройки по гражданскому законодательству Российской Федерации. Анализируются правовые проблемы сноса самовольных построек органами местного самоуправления.

Ключевые слова: снос жилых домов, жилой дом, самовольное строение, гражданский кодекс, административный порядок сноса, органы местного самоуправления, решение о сносе

Для цитирования: Шахов Ш. Б. Процессуальные особенности исполнения решений судов, связанных со сносом жилых домов // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 303–304. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-303-304>.

Original article

Procedural features of the execution of court decisions related to the demolition of residential buildings

Shamil B. Shakhov

Dagestan State University, Makhachkala, Russia, shamil.shakhov97@mail.ru

Abstract. The issues related to the concept of unauthorized construction under the civil legislation of the Russian Federation are considered. Legal problems of demolition of unauthorized buildings by local self-government bodies are analyzed.

Keywords: demolition of residential buildings, residential building, unauthorized structure, civil code, administrative procedure for demolition, local authorities, decision on demolition

For citation: Shakhov Sh. B. Procedural features of the execution of court decisions related to the demolition of residential buildings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):303–304. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-303-304>.

Действующее законодательство предусматривает возможность муниципалитета в лице исполнительно-распорядительного органа принимать решение о сносе многоквартирных или индивидуальных жилых домов, возведенных в нарушение градостроительных норм и правил.

Положения ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации указывает на основания, при наличии которых объект капитального строительства, в том числе многоквартирный или индивидуальный жилой дом, является самовольным и подлежит сносу. Такими основаниями, в том числе, являются: строительство объекта капитального строительства в отсутствие разрешения на строительство, необходимость получения которого установлена ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации; строительство объекта капитального строительства

на земельном участке, не принадлежащем застройщику ни на праве собственности ни на ином вещном праве; строительство индивидуального жилого или садового дома в отсутствие согласованного уведомления о планируемых строительстве или реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома, необходимость согласования которого установлена ст. 51.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации и другие основания.

Однако, следует отметить, что отечественное законодательство предусматривает возможность сноса многоквартирного жилого дома или индивидуального жилого или садового дома исключительно в судебном порядке, о чем свидетельствует положение ч. 4 ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации.

© Шахов Ш. Б., 2022

Кроме того, зачастую решение суда о сносе жилых домов не является достаточным для его исполнения по следующим причинам. В соответствии с положениями Обзора законодательства и судебной практики за I квартал 2006 г., утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2006 г. и 14 июня 2006 г. объект капитального строительства, признанный самовольным не может являться объектом гражданских прав. В соответствии с вышеупомянутым обзором и методическими рекомендациями по исполнению судебных решений о сносе самовольно возведенных строений, утвержденными письмом директора УФССП России от 31 марта 2014 г. № 8 проживание граждан в доме, признанном судом самовольным, не препятствует исполнению судебного решения по сносу самовольно возведенного строения, так как самовольная постройка не входит в состав жилищного фонда, а значит не нарушает права граждан на проживание и жилище, гарантированное Конституцией Российской Федерации. В тоже время, вышеупомянутом обзором установлено, что если гражданин зарегистрирован в самовольно возведенном жилом помещении, то в этом случае при подаче иска о сносе самовольно возведенного строения необходимо предъявлять также требование о выселении. Данное обстоятельство нарушает и затягивает разумные сроки исполнение судебных решений по делам, связанным с самовольным строительством.

В связи с чем, на наш взгляд, необходимо внести изменения в ст. 222 Гражданского кодекса РФ указав, что при подаче заявления о признании жилого помещения в установленном законом порядке самовольной постройкой не требуется дополнительно заявлять требование о выселении граждан из жилых построек, подлежащих в дальнейшем сносу, поскольку решением суда о сносе самовольно возведенного строения

не нарушаются права гражданина на проживание в указанном жилом помещении.

Библиографический список

1. Афонина А. Самовольная постройка: правовые последствия ее осуществления и возможность легализации // Жилищное право. 2011. № 3.
2. Бобылева Ю. А. История развития законодательства о самовольных постройках. Проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности // Труды Кубанского государственного аграрного университета. Серия «Право». Вып. 14. 2015.
3. Власенко В. А. Судебные решения о самовольной постройке // Общество и право. 2010. № 2.
4. Покидова Е. Самострой: анализ законодательства и судебной практики // Арсенал предпринимателя. 2015. № 6.
5. Селифонова С. Ю. Ответственность за самовольное строительство: признание права собственности или снос? // Налоги. 2010. № 33.

Bibliographic list

1. Afonina A. Unauthorized construction: legal consequences of its implementation and the possibility of legalization // Housing law. 2011. No. 3.
2. Bobyleva Yu. A. History of the development of legislation on unauthorized buildings. Problems of legal science and law enforcement activity // Proceedings of the Kuban State Agrarian University. The series «Law». Vol. 14. 2015.
3. Vlasenko V. A. Judicial decisions on unauthorized construction // Society and law. 2010. No. 2.
4. Ostrova E. Samostroy: analysis of legislation and judicial practice // The entrepreneur's arsenal. 2015. № 6.
5. Selifonova S. Yu. Responsibility for unauthorized construction: recognition of ownership or demolition? // Taxes. 2010. № 33.

Информация об авторе

Ш. Б. Шахов — аспирант 2-го года обучения юридического института Дагестанского государственного университета.

Information about the author

Sh.B. Shakhov — Postgraduate student of the 2nd year of study at the Law Institute of Dagestan State University.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 343.98:347.948.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-305-309>

ИПОН: 2003-0059-5/22-463

MOSURED: 77/27-003-2022-05-662

Назначение судебных экспертиз, основанных на комплексном исследовании

Елена Антоновна Шкоропат¹, Елена Валерьевна Токарева²

¹ Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия, shkoropat@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ele12327@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности сбора и направления материалов, выбора экспертного учреждения и формулирования вопросов при назначении судебных экспертиз, основанных на комплексном исследовании. Назначение судебной экспертизы, основанной на комплексном исследовании, является сложным многоэтапным действием по определению предмета исследования и отраслей знаний, необходимых для выявления различных свойств исследуемого объекта. Основанием назначения комплексной экспертизы должна быть необходимость в комплексности знаний при решении поставленных задач, хотя бы одним из экспертов; или же исследования различных экспертов должны быть направлены на решение общей задачи.

Ключевые слова: судебная экспертиза, комплексное исследование, комиссия экспертов, заключение эксперта

Для цитирования: Шкоропат Е. А., Токарева Е. В. Назначение судебных экспертиз, основанных на комплексном исследовании // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 305–309. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-305-309>.

Original article

Appointment of forensic examinations based on a comprehensive study

Elena A. Shkoropat¹, Elena V. Tokareva²

¹ Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, shkoropat@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, ele12327@yandex.ru

Abstract. The features of the collection and direction of materials, the choice of an expert institution and the formulation of questions in the appointment of forensic examinations based on a comprehensive study are considered. The appointment of a forensic examination based on a comprehensive study is a complex multi-step action to determine the subject of the study and the branches of knowledge necessary to identify the various properties of the object under study. The basis for the appointment of a comprehensive examination should be the need for comprehensive knowledge in solving the tasks set, at least by one of the experts; or the research of various experts should be aimed at solving a common problem.

Keywords: forensic examination, comprehensive study, expert commission, expert opinion

For citation: Shkoropat E. A., Tokareva E. V. Appointment of forensic examinations based on a comprehensive study. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):305–309. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-305-309>.

Постановка проблемы. Комплексный подход в судебной экспертизе является современным способом научного изучения объектов и получения обоснованных экспертных выводов; он обусловлен необходимостью выявления различных по своей природе свойств исследуемого объекта, уровнем современного развития цифровых технологий и их повсеместным использованием, интеграцией и созданием на стыках отраслей знаний новых развивающихся направлений. Во многих видах экспертиз на смену традиционным аналоговым способам отображения объектов пришли электронные, представлен-

ные в цифровом виде. За последнее десятилетие существенно изменились технологии создания, рационализации и распространения технологических достижений. Особенно это отразилось на производстве криминалистических (традиционных) видов экспертиз. Поэтому применение комплексных исследований при производстве судебных экспертиз в современных условиях является актуальным вопросом рассмотрения.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам применения комплексности знаний в судебно-экспертной деятельности посвящены труды

© Шкоропат Е. А., Токарева Е. В., 2022

Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, Ю. Г. Корухова, П. Г. Кулагина, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской, Ю. К. Орлова, Е. А. Сахаровой, О. А. Соколовой, А. Р. Шляхова и многих других ученых.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализ практики назначения и производства судебных экспертиз, эффективность применения их результатов для расследования преступлений и формирования доказательственной базы позволяют констатировать возросшую необходимость в проведении исследований, основанных на комплексности знаний. Видоизменение объектов исследования, вызванное активным развитием научно-технического прогресса, цифровизацией и технической оснащенностью всех сфер деятельности, привело к необходимости расширения круга компетенций, необходимых для производства определенных видов судебных экспертиз, увеличения областей знаний и интеграции процессов исследования для совершенствования технологий при решении судебно-экспертных задач.

Поэтому представляется, что большинство назначаемых в настоящее время судебных экспертиз, с учетом природы объекта исследования, предполагает применение комплексных знаний и, соответственно, разработки и соблюдения необходимых организационно-методических требований при их назначении. Данный комплекс мероприятий позволит более эффективно решать задачи судопроизводства.

Формулирование цели статьи. Изложение особенностей назначения судебных экспертиз с учетом применения комплексного исследования объектов.

Изложение основного материала. Применение комплексных исследований при производстве судебных экспертиз обусловлено необходимостью выявления различных по своей природе свойств исследуемого объекта, уровнем современного развития цифровых технологий и их повсеместном использовании, интеграцией и созданием на стыках отраслей знаний новых развивающихся направлений. Во многих видах экспертиз на смену традиционным аналоговым способам отображения объектов пришли электронные, представленные в цифровом виде. За последнее десятилетие существенно изменились технологии создания, рационализации и распространения технологических достижений. Особенно это отразилось на производстве криминалистических (традиционных) видов экспертиз. Поэтому комплексное

исследование является современным способом научного изучения объектов экспертизы.

В действующем законодательстве содержится определение комплексной судебной экспертизы как экспертизы, в которой участвуют эксперты разных специальностей (ст. 201 УПК РФ). Однако, как показывает практика, проведение комплексного исследования может осуществляться в нескольких формах. Оно может быть проведено одним лицом, обладающим знаниями в различных областях и применяющим их комплекс при решении экспертных задач (постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 г. Москва «О судебной экспертизе по уголовным делам»). Может проводиться комиссией экспертов, каждый член которой обладает знаниями в определенной области или путем последовательного проведения исследований разными специалистами.

Не зависимо от формы проведения комплексного исследования, неизменным остается тот факт, что лица его производящие должны обладать различными знаниями и навыками применения разнообразных методов исследования для решения поставленных перед экспертом вопросов.

Процесс назначения судебной экспертизы, требующей применения комплекса знаний, основывается на регламентации уголовно-процессуального законодательства и требований, распространяющихся на назначение конкретного вида судебной экспертизы, но имеет ряд особенностей. Специфика назначения судебной экспертизы, носящей комплексный характер исследования, может быть представлена в соответствии с определенными этапами данной деятельности.

Прежде всего, необходимо отметить, что в основу определения комплексного характера назначаемого исследования регулируется кругом задач, для решения которых требуются знания из различных областей или специализаций. На практике следственные органы используют назначение комплексных экспертиз, как инструмент для сокращения сроков исследования, упрощения и уменьшения времени на ознакомление как с постановлением о назначении экспертизы так и с самим заключением эксперта. Примером такого злоупотребления или неправильного понимания природы комплексного исследования является назначение комплексной трасологической экспертизы и экспертизы холодного и мета-

тельного оружия при предоставлении ножа и предмета одежды. Типовыми вопросами в данном случае являются: «Является ли нож холодным оружием?» и «Не образовано ли повреждение на одежде представленным орудием?». По сути, эксперт каждой из указанных специальностей решает свой вопрос единолично и не опирается на данные, полученные другим экспертом. В данном случае речь скорее идет о комплексе назначаемых и проводимых криминалистических экспертиз.

В качестве примера комплексной экспертизы можно указать изучение повреждений на одежде при проведении трасологических и медико-биологических исследований для решения как идентификационных, так и ситуационных задач; эксперт-трасолог, по сути, здесь дает условный вывод, основывающийся на медико-биологическом исследовании характеристик повреждения.

Таким образом, основанием назначения комплексной экспертизы должна быть необходимость в комплексности знаний при решении поставленных задач хотя бы одним из экспертов; или же исследования различных экспертов должны быть направлены на решение общей задачи.

Изъятие и хранение объекта исследования должно проводиться по соответствующим правилам с учетом требований по сохранению возможности изучения самых различных свойств объекта, которые могут видоизменяться или исчезать и, соответственно, затруднить или вообще исключить возможность проведения по нему комплексного исследования.

Сбор материалов и образцов для подготовки и назначения судебной экспертизы, основанной на комплексном исследовании, должен осуществляться с учетом характера предстоящих исследований. Объем и качество образцов для сравнительного исследования определяют результаты экспертизы, так как метод сравнения является самым распространенным при решении большинства экспертных задач. Низкое качество и недостаточный объем сравнительного материала приводят к невозможности решения вопроса по существу. Целесообразна предварительная консультация с экспертами для подбора соответствующих образцов и, при необходимости, привлечение соответствующего специалиста к участию в их изъятии.

Для правильной сохранности исследуемого объекта и подбора достаточного количества сопостави-

мых сравнительных образцов инициатор назначения экспертизы должен четко представлять возможности судебных экспертиз, определить комплекс исследований для конкретной следственной ситуации и совокупность вопросов, которые нужно решить каждому эксперту в его области знаний. Правильное определение областей знаний и постановка вопросов перед экспертами имеют большое значение, поскольку определяют и сам комплексный характер исследования, и те методы, которые будут применены. Количество вопросов может быть различным. Перед экспертами может быть поставлен один вопрос или несколько. В случае перечисления группы вопросов их следует располагать в логической последовательности, так чтобы решение одного предполагало или предопределяло возможность решения другого. Перечень поставленных перед экспертом задач должен быть достаточно полным, так, чтобы после ответов на все вопросы создавалось комплексное представление об исследуемом факте.

Выбор эксперта или комиссии экспертов, экспертного учреждения, которому поручается производство судебной экспертизы, определяется инициатором назначения экспертизы. При этом направление материалов для производства экспертизы, основанной на комплексном исследовании, целесообразно производить в специализированном экспертном учреждении, имеющем в штате экспертов всех необходимых специальностей. В этом случае решение организационных вопросов, касающихся определения числа экспертов, привлекаемых к участию в производстве комплексной экспертизы, их квалификации, специальности и компетентности возлагается на руководителя учреждения. Таким образом, действия следователя или суда по выбору эксперта (комиссии экспертов) обеспечивают надежность и объективность результатов, научную достоверность и полноту исследования.

Правильный выбор экспертного учреждения, которому поручается производство комплексной экспертизы, выступает основой успешного решения экспертных задач. В практической деятельности встречаются случаи назначения производства таких экспертиз какому-либо одному экспертному учреждению, даже если заведомо известно, что данное учреждение не располагает соответствующими специалистами. Например, назначение судебной экспертизы, основанной на комплексном транспортно-тра-

сологическом и судебно-медицинском исследовании в одном учреждении недопустимо. Такая практика негативно сказывается на возможностях реализации потенциала комплексного исследования, применения всего арсенала методов для изучения свойств объекта и выявления признаков для формирования обоснованных ответов (выводов) по всем поставленным вопросам. В таких случаях рекомендуется поручать производство экспертизы двум или более экспертным учреждениям, руководители которых выделяют в комиссию своих представителей.

Следователь или суд, назначая судебную экспертизу, основанную на комплексном исследовании, не всегда могут заранее определить ее точный объем и необходимые области научных знаний. Их задача точно определить задание и четко сформулировать вопросы эксперту.

Основная сложность при производстве исследований, имеющих комплексный характер, связана с применением методов, разрушающих свойства объекта. При назначении такой экспертизы необходимо предусмотреть возможность применения только неразрушающих методов исследования. Особенно это важно, если исследование будет проводиться путем последовательного изучения объекта разными специалистами. В некоторой степени такое требование ограничивает эксперта в выборе методов при решении задач и не всегда позволяет прийти к категорическому выводу. Но и в этой ситуации эксперт остается достаточно свободным в избрании наилучшего из возможных способов исследования. Конечно, выбор конкретного, оптимального метода исследования требует глубоких специальных знаний, свободной ориентации во всем многообразии имеющихся экспертных возможностей и наличии современного технико-криминалистического инструментального обеспечения. Тем не менее, это не исключает необходимости следователю или суду отчетливо представлять суть основных методов экспертизы, для назначения которой осуществляется подготовка материалов.

Таким образом, при составлении постановления (определения) о назначении судебной экспертизы, основанной на комплексном исследовании, существенным является формулирование экспертных задач. Четкая, ясная, исключающая двусмысленное толкование постановка вопросов, позволит экспертам компетентно определить какой метод, методику или их совокупность применить для их решения.

Возможность решения задач экспертизы, основанной на комплексном исследовании, во многом зависит от условий передачи материалов эксперту. Нарушение правил хранения, упаковки и транспортировки объектов может привести к существенному изменению первоначального состояния объекта в целом или его отдельных свойств. В результате несоблюдения необходимых условий объекты могут оказаться в состоянии, при котором решение вопросов путем комплексного исследования окажется невозможным, но при этом они могут оставаться пригодными для отдельных видов исследований.

Выводы из данного исследования и перспективы. Таким образом, назначение судебной экспертизы, основанной на комплексном исследовании, является сложным многоэтапным действием по определению предмета исследования и отраслей знаний, необходимых для выявления различных свойств исследуемого объекта, тщательного выбора экспертного учреждения и т.д. с целью установления фактов, имеющих значение для дела и получения соответствующего источника доказательств — заключения эксперта. Данные организационно-тактические и методические действия требуют от органов, назначающих экспертизу тщательной подготовки и ответственного отношения в целях эффективного решения задач судопроизводства.

Библиографический список

1. Боброва Л. Д., Васильева Н. Ю. Проблемы назначения судебной экспертизы. В сб.: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. мат. V междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню юриста. 2017. № 5. С. 412–418.
2. Ильин Н. Н. Некоторые вопросы назначения и производства комплексных транспортно-технических и судебно-медицинских экспертиз // Судебно-медицинская экспертиза. 2019. Т. 62. № 5. С. 18–21.
3. Смирнова С. А., Колдин В. Я. Крестовников О. А. Комплексные исследования в судебной экспертизе // Судебно-медицинская экспертиза. 2019. Т. 62. № 5. С. 18–21.

Bibliographic list

1. Bobrova L. D., Vasilyeva N. Yu. Problems of appointment of forensic examination. In the Sat.: Actual problems of legal science and law enforcement

practice: sat. mat. V International scientific and practical conference dedicated to the Lawyer's Day. 2017. No. 5. P. 412–418.

2. Ilyin N. N. Some issues of appointment and production of complex transport-technical and forensic me-

dical examinations // Forensic medical examination. 2019. Vol. 62. No. 5. P. 18–21.

3. Smirnova S. A., Koldin V. Ya. Krestovnikov O. A. Complex research in forensic examination // Forensic medical examination. 2019. Vol. 62. No. 5. P. 18–21.

Информация об авторах

Е. А. Шкоропат — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса, криминологии Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент;

Е. В. Токарева — заместитель начальника кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. A. Shkuropat — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, Criminology of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Sciences, Associate Professor;

E. V. Tokareva — Deputy Head of the Department of Forensic Activity of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОКАЗЫВАНИИ. СПЕЦКУРС

2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 255 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Н.П. Майлис

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Н.П. Майлис

Теория и практика
судебной экспертизы
в доказывании

Спецкурс

Второе издание

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-310-313>

ИПОН: 2003-0059-5/22-464

MOSURED: 77/27-003-2022-05-663

Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации

Диана Николаевна Шурухнова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, diana_shu@inbox.ru

Аннотация. Представлены перспективы и основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях, а также анализ основных положений законодательства ряда государств–участников СНГ по регламентации рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, электронное производство по делам об административных правонарушениях, цифровые инструменты, электронный документ, Единый реестр дел об административных правонарушениях

Для цитирования: Шурухнова Д. Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 310–313. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-310-313>.

Original article

The main directions of the introduction of electronic proceedings in cases of administrative offenses in the Russian Federation

Diana N. Shuruhnova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', diana_shu@inbox.ru

Abstract. The prospects and main directions of the introduction of electronic proceedings in cases of administrative offenses are presented, as well as an analysis of the main provisions of the legislation of a number of CIS member states on the regulation of the issue under consideration.

Keywords: digitalization of public administration, electronic proceedings in cases of administrative offenses, digital tools, electronic document, Unified Register of Administrative Offenses

For citation: Shuruhnova D. N. The main directions of the introduction of electronic proceedings in cases of administrative offenses in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):310–313. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-310-313>.

Цифровизация государственного управления, являясь современной тенденцией, оказывает влияние на трансформацию правового статуса участников управленческих отношений. Изменяется механизм реализации полномочий субъектов публичной власти. При этом, влияние цифровизации на реализацию тех или иных полномочий субъектов публичной власти в значительной степени варьируется. В настоящее время сфера применения цифровых технологий в большей степени сосредоточена в рамках реализации контрольно-надзорных полномочий, а также полномочий по оказанию государственных услуг [1].

Соглашаясь с тем, что внедрение новых цифровых средств и инструментов в контрольно-надзорной деятельности субъектов публичной власти приводит к смещению вектора властного воздействия от нака-

зания за совершение правонарушений к профилактике таких нарушений [2], следует отметить, что необходимость привлечения к ответственности, прежде всего административной, сохраняет свою важную охранительную функцию.

Процессуальной формой реализации административной ответственности выступает производство по делам об административных правонарушениях. Цифровизация государственно-управленческой деятельности в целом, контрольно-надзорных полномочий субъектов публичной власти в частности, приводит к постановке задачи о цифровизации производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемой путем внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях.

© Шурухнова Д. Н., 2022

В рамках Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному и государственному строительству под руководством И. В. Рукавишниковой на регулярной основе проводятся семинары–совещания, посвященные перспективам внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в России. Участие представителей различных министерств и ведомств, научного сообщества в обсуждении возникающих вопросов, обмена накопленным опытом, подчеркивают актуальность и значимость обсуждаемой проблемы.

Сложность решения поставленной задачи по внедрению электронного производства по делам об административных правонарушениях видится в необходимости совмещения двух различных сфер, обладающих различным понятийным аппаратом, методологией: правовой сферы, отличающейся консервативностью, определенной «неповоротливостью», «формальностью», вариативностью в принятии решений, с одной стороны, и цифровой сферы, для которой характерна динамичность, точность, конкретность, мобильность, с другой.

В тоже время, предпринимаемые усилия со стороны представителей власти, научного сообщества, организация и проведение научных экспериментов, разработка и принятие законодательных инициатив в административно-деликтной сфере свидетельствуют о тенденции «медленного, но верного» внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях [3].

Существенный «прорыв» в вопросах внедрения цифровых технологий в сфере государственного (публичного) управления произошел в период пандемии. Условия изоляции потребовали от субъектов публичного управления беспромеделительного внедрения определенных цифровых технологий. В свою очередь, граждане и организации были «вынуждены» в сжатые сроки осваивать новые цифровые сервисы, приобретать комплекс цифровых компетенций.

В сфере производства по делам об административных правонарушениях за последние годы внедрены определенные цифровые инструменты. Пожалуй, первым таким нововведением стало закрепление в КоАП РФ возможности фиксации административных правонарушений, специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме. По сути, произошла частичная автоматизация про-

изводства по определенным категориям дел об административных правонарушениях, закрепленная в ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, с формированием особого вида производства по делам об административных правонарушениях с элементами цифровизации.

Были внесены изменения в КоАП РФ, допустившие возможность составления постановления по делу об административном правонарушении в форме электронного документа.

Федеральным законом от 12 ноября 2018 г. № 410-ФЗ была предусмотрена возможность использования в судебном заседании систем видео-конференц-связи (ст. 29.14 КоАП РФ). Активно обсуждаются перспективы использования ВКС при рассмотрении дела об административном правонарушении компетентными органами и должностными лицами.

В декабре 2020 г. была предусмотрена возможность обжалования постановления по делу в случае автоматической фиксации административного правонарушения через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ). Направление копии решения по таким жалобам предусмотрено в порядке, установленном постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2021 г. № 947 [4].

Следует констатировать, что разработка и внедрение электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации осуществляется по двум направлениям:

- ◆ закрепление (нормативное) отдельных цифровых инструментов, способных в дальнейшем создать условия для внедрения электронного производства;
- ◆ внедрение отдельными субъектами публичной власти электронного производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных данным субъектами. Особого внимания заслуживают накопленные в этой связи опыты Центрального Банка Российской Федерации, ФТС России. Так, в рамках созданной Банком России системы, процессуальные документы формируются на основе созданных шаблонов, что существенно сокращает время на их составление, производится автоматический контроль процессуальных сроков.

Внедрение электронного производства по делам об административных правонарушениях возможно на основе определенной поэтапности.

Наиболее реалистичной представляется возможность внедрения электронного производства по делам

об административных правонарушениях по результатам осуществления контрольно-надзорной деятельности в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, совместно с Министерством экономического развития, разрабатывается единый реестр дел об административных правонарушениях, возбужденных по результатам контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и иных субъектов публичной власти. Планируется обеспечить интеграцию единого ресурса с Единым порталом государственных услуг, что позволит обеспечить должное информирование участников производства на всех его этапах.

Предполагается апробация разработанной системы в рамках нескольких субъектов Российской Федерации, что полностью объяснимо и оправдано. Представляется возможным проведение такой апробации в рамках специального правового режима, предусмотренного Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ, в качестве такого направления, как осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, осуществление иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления (п. 7 ч. 2 ст. 1 ФЗ).

Помимо консолидации общих усилий субъектов публичной власти, научного сообщества, обеспечения комплексности и системности по внедрению электронного производства, целесообразным является анализ зарубежного опыта по рассматриваемым вопросам. Интересен в этой связи опыт Кыргызской Республики. В Кодексе о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 [5] предусмотрены две формы производства по делам о нарушениях: бумажная и (или) электронная, которая осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы (АИС) Единого реестра правонарушений и электронной цифровой подписи (ЭЦП). Протокол о правонарушении, а также постановление по делу о правонарушении оформляется на бумажном носителе или в электронной форме

В Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V [6], также предусмотрены две формы производства по делам об административных правонарушениях: бумажная и электронная с использованием Единого реестра административных производств.

Электронные процессуальные документы, удостоверяющие ЭЦП, направляются участникам производства на указанный ими почтовый или электронный адрес.

Ходатайства также могут быть заявлены в форме электронного документа. Допускается возможность составления заключения эксперта (экспертов) в электронной форме.

Интерес представляет порядок ознакомления лица с протоколом об административном правонарушении, составленном в электронной форме. В этом случае физическому лицу, представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, а также потерпевшему сообщается о размещении протокола на веб-портале «электронного правительства» и (или) информационном сервисе уполномоченного органа в области правовой статистики и специальных учетов.

В Республике Казахстан предусмотрено мобильное приложение единого реестра административных производств (ЕРАП), выступающее компонентом ЕРАП, предназначенным для возбуждения дела об административном правонарушении посредством планшетного компьютера. Представленный опыт представляет интерес для Российской Федерации в случае выявления административного правонарушения сотрудниками уполномоченных органов, например, сотрудниками полиции, на месте его совершения.

В рамках электронного производства существует публичный сектор единого реестра административных производств, представляющий собой функционал ЕРАП, позволяющий участникам производства по делам об административных правонарушениях посредством Интернета получить удаленный доступ к материалам дела, а также подавать жалобы, заявления и ходатайства.

Разработка и внедрение электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации в настоящее время ведется путем поэтапного внедрения определенных цифровых инструментов, а также создания единого реестра дел об административных правонарушениях. Следует признать необходимость анализа и использования опыта ряда государств-участников СНГ по регламентации и применению электронного производства по делам об административных правонарушениях.

Список источников

1. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11.

2. Морозов А. Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 7. С. 25.

3. Шурухнова Д. Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6.

4. Постановление Правительства РФ от 19 июня 2021 г. № 947 «Об утверждении Правил направления экземпляров постановлений и копий решений по жалобам на постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 (с изм. и доп. по состоянию на 30 июня 2022 г.) // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164.

6. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изм. и доп. по состоянию на 23 июля 2022 г.) //

URL://https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399.

References

1. Kabytov P. P., Starodubova O. E. The impact of digitalization on the implementation of the powers of executive authorities // Journal of Russian Law. 2020. № 11.

2. Morozov A. E. Changing the model of financial control in the conditions of digital transformation // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2019. No. 7. P. 25.

3. Shurukhnova D. N. Digital technologies in the field of legislation on administrative offenses // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 6.

4. Decree of the Government of the Russian Federation of June 19, 2021 No. 947 «On Approval of the Rules for Sending Copies of Resolutions and Copies of Decisions on Complaints against Resolutions in the Case of an Administrative Offense and Materials Obtained using Special technical Means Operating in automatic Mode, having the functions of Photo and Film Shooting, Video Recording, or Photo means- and filming, video recordings, to a person against whom an administrative offense case has been initiated, in the form of an electronic document signed with an enhanced qualified electronic signature of an authorized official using the Unified Portal of State and Municipal Services» // SPS «ConsultantPlus».

5. Code of the Kyrgyz Republic on Offenses dated October 28, 2021 No. 128 (with amendments and add. as of June 30, 2022) // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164.

6. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offences No. 235-V dated July 5, 2014 (with amendments and additions). as of July 23, 2022) // URL://https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399.

Информация об авторе

Д. Н. Шурухнова — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. N. Shurukhnova — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-314-318>

ИПОН: 2003-0059-5/22-465

MOSURED: 77/27-003-2022-05-664

Влияние экологических факторов на формирование личности насильственных преступников с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Евгения Васильевна Мануйлова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ office@unity-dana.ru

² manyilova110199@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются экологические факторы, влияющие на формирование преступного поведения лиц. Объясняется взаимосвязь состояния окружающей среды с общим состоянием организма. Предлагаются пути корректирования насильственных девиаций поведения лиц, проживающих в районах с неблагоприятной экологической обстановкой.

Ключевые слова: насильственная преступность, девиантное поведение, экология, экологические факторы

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Мануйлова Е. В. Влияние экологических факторов на формирование личности насильственных преступников с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 314–318. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-314-318>.

Original article

The influence of environmental factors on the formation of the personality of violent criminals with mental disorders, not excluding sanity

Nodari D. Eriashvili¹, Evgenia V. Manuylova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ office@unity-dana.ru

² manyilova110199@mail.ru

Abstract. Environmental factors influencing the formation of criminal behavior of persons are considered. The relationship between the state of the environment and the general state of the body is explained. The ways of correcting violent deviations of behavior of persons living in areas with unfavorable environmental conditions are proposed.

Keywords: violent crime, deviant behavior, ecology, environmental factors

For citation: Eriashvili N. D., Manuylova E. V. The influence of environmental factors on the formation of the personality of violent criminals with mental disorders, not excluding sanity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):314–318. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-314-318>.

Проблема насилия является одной из наиболее опасных проблем современного общества и государства в целом. Вопросам профилактики, предупреждения и противодействия проявлениям насильственных девиаций в поведении людей всегда уделялась особое внимание как на государственном, так и духовном и социальном уровнях.

Так, например, согласно Библейским писаниям, первым преступлением выступает именно насилие, а именно, «братоубийство». Впоследствии появилась и одна из первых заповедей — «не убей». Таким образом, вопрос противодействия насилию поднимался

на духовном уровне, письменно закрепляя прямой запрет в сборнике священных догматов христиан.

На государственном уровне насильственные преступления пресекались посредством создания письменных сводов законов. Такими историческими памятниками законотворческой деятельности являлись Законы Хаммурапи, законы Ману, сборник древнеиндийских нравственных и правовых предписаний, Законы Пятикнижия (Тора), Надписи Ашоки и др.

В наше время вопросы противодействия насильственной преступности разрабатываются на государственном и международном уровнях. Закljučают-

© Эриашвили Н. Д., Мануйлова Е. В., 2022

ся международные договоры, создаются Конвенции и Кодексы, подзаконные нормативно-правовые акты, должностные инструкции для сотрудников органов внутренних дел, планы профилактической работы с населением.

Однако, несмотря на столь примитивный для современных реалий вид проявления криминальной активности, проблема эффективного предотвращения и пресечения насильственной преступности не теряет своей актуальности. Особенно актуальным является направление, связанное с изучением личности лиц, совершающих насильственные преступления, в частности, имеющие психические расстройства, не исключающие вменяемости; определение причинной связи между внешними и внутренними факторами, формирующими личность преступника.

Для того, чтобы сформировать актуальную в наши дни стратегию противодействия насильственной преступности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, прежде всего, необходимо иметь четкое понимание такого социально-негативного явления, как насильственная преступность, а также понимать, кем являются лица, совершающие подобного рода деяния, что способствует проявлению рассматриваемой криминальной девиации образа жизни лица.

Современные криминологи дают следующую дефиницию насильственной преступности. Это специфичная совокупность преступных деяний, совершенных с использованием физической силы, либо же с угрозой применения такой силы, имеющих своей непосредственной целью причинение физического, либо психического вреда здоровью жертвы, лишение половой неприкосновенности, вопреки его воли, а в крайних своих проявлениях — лишение жизни лица; также это совокупность лиц, совершивших какое-либо из указанных выше деяний (или сразу несколько), за исследуемый период времени, на исследуемой территории [1, с. 137].

Основным критерием разграничения насильственной преступности от иных противоправных деяний является факт физического либо психического насилия над жертвой. Важной особенностью является роль насилия в совершенном деянии. Насилие здесь выступает в качестве мотивационной составляющей, нежели служит специфическим средством достижения противоречащей норме закона цели [1, с. 137].

На основе приведенного выше определения насильственной преступности можно дать характеристику лица, совершающего данного рода противоправные деяния. Таким образом, насильственный преступник, имеющий психические расстройства, — это лицо, совершающее акт насилия как физического, так и психического по отношению к другому лицу, где непосредственное проявление насилия выступает мотивационной составляющей его деятельности, отличительной особенностью которого является наличие негативных девиаций психического развития, при которых лицо не способно в полном объеме осознавать негативный характер и значение своих деяний, а также руководить ими [2, с. 367–368; 3, с. 65–71].

Согласно мнению Н. Г. Иванова, «в основе психического расстройства, не исключающего вменяемости, находятся определенные процессы, которые, однако, в отличие от невменяемости, не являются болезнью» [4]. Исходя из вышесказанного, невменяемость лица не является заболеванием, а любое психическое или физиологическое болезненное состояние исключает вменяемость.

Несмотря на протяженность анализа природы насильственного поведения, а также причинно-следственных связей между лицом, совершившим противоправное деяние, сложившейся обстановкой, ставшей толчком к проявлению насилия, и поведением непосредственной жертвы в момент времени, предшествовавший насилию, во время его проявления и, когда акт насилия уже завершился, доподлинно не известно, что служит катализатором формирования психических расстройств личности насильственного преступника, не исключающих его вменяемости.

Согласно исследованиям российского криминолога Ю. М. Антоняна, девиантные черты личности начинают проявляться еще в несовершеннолетнем возрасте, так при анализе существующей статистики насильственных преступлений можно обнаружить, что доля исследуемой категории преступлений многократно превосходит все иные виды преступности [5, с. 150–151].

В настоящее время криминологи выделяют целый ряд внешних и внутренних факторов, формирующих у лица предрасположенность к проявлению насилия по отношению к другим, а также психических расстройств, не исключающих вменяемости. В ряде

таких факторов можно выделить: экономические, социальные, политические, культурологические, экологические, а также биологические (в частности, нейробиологические).

На наш взгляд, наиболее интересную и малоизученную группу внешних факторов составляют экологические. Речь идет об окружающей природной среде, состояние которой тесно взаимосвязано с развитием организма. Тяжелые металлы, содержащиеся в продуктах питания, выращенных в районах повышенного экологического загрязнения, токсичные вещества, выбрасываемые в воздух и воду в промышленных районах. В настоящее время ученым известно 58 тяжелых металлов и металлоидов, представляющих угрозу развитию здорового организма, наиболее опасными из которых являются ртуть, цинк, свинец, никель, олово и др. Наиболее распространенными токсичными отходами производства, которые утилизируют путем слива в близлежащие водоемы (реки, озера), являются вещества, содержащие щелочи и нефтепродукты, а также кислоты и аммиак, соли металлов, синтетические смолы, смолы и сернистые соединения. Научно доказано, что неблагоприятная окружающая среда способствует протеканию мутагенных процессов в организме человека, причем как на эмбриональной стадии (задолго до рождения), так и уже у взрослого лица [6, с. 56].

Данную теорию подтверждают результаты исследований зарубежных криминологов, изучавших особенности поведенческих аномалий лиц, проявлявших внешнюю агрессию. В группу исследований попали лица, уже совершившие преступления насильственного характера, а также воспитанники дошкольных организаций, проявлявшие агрессивное поведение по отношению к своим сверстникам или животным, учащиеся школ, имеющие подобные девиации поведения при общении с окружающими.

В поиске превалирующей причины проявлений подобных психических отклонений, ученые исследовали целый ряд факторов, в число которых вошли также и экологические. В результате криминологи выявили интересную закономерность, при которой у лиц, проявивших агрессию в различных ее формах, отсутствовали генетические, физиологические, а также социальные элементы, создающие предрасположенность к насилию.

Причиной подобной девиации поведения у исследуемой группы лиц стала неблагоприятная экологи-

ческая обстановка. Люди, проживающие в районах, признанных крупными промышленными центрами, а также неподалеку от свалок и полигонов, нарушающих технологию переработки отходов, ежедневно впитывают в свой организм, вдыхая загрязненный воздух, принимая ванну из загрязненной воды, готовя пищу из продуктов, выращенных в загрязненных районах, опасную для нормального функционирования дозу токсинов. После попадания в организм, такие вещества не перерабатываются и не выводятся естественным путем, а впитываются и оседают в тканях. Данный факт подтверждали результаты анализа собранных биологических материалов, а именно волос, мочи и крови. Согласно анализу собранных биологических образцов, допустимая для нормального развития и функционирования норма содержания ряда химических элементов была многократно превышена. Это такие элементы, как цинк, хром, селен, свинец, кадмий и калий. Подобные отклонения были вызваны неблагоприятным состоянием экологической обстановки в районе, где проживали испытуемые на протяжении длительного периода времени.

Схожие девиации поведения можно отметить и у лиц, проживающих на территории нашего государства. Так, например, на территориях Уральского района и Западной Сибири процент совершения насильственных преступлений лицами, имеющими психические расстройства, не исключаяющие вменяемости, значительно превышает долю насильственных преступлений соседних регионов. Согласно данным статистики, сформированным по итогам первых двух месяцев 2022 г., одними из наиболее криминогенных районов стали: Челябинская область (9265), Свердловская область (8208), Республика Башкортостан (7785), Пермский край (5944), Оренбургская область (3638) [7]. В числе которых было зарегистрировано тяжких преступлений: Республика Башкортостан (1800), Челябинская область (1646), Свердловская область (1559), Кемеровская область — Кузбасс (1432), Пермский край (1016), Оренбургская область (796) [7]. Данный факт обусловлен наличием большого количества месторождений черной и цветной металлургии, а также дислоцирования перерабатывающих предприятий. Урал занимает первое место по объему промышленного производства.

Данному факту также свидетельствует информация о локализации месторождений и промышленных предприятий, занимающихся переработкой метал-

лургии. Уральский район добывает и перерабатывает 30 % черной и цветной металлургии страны, а также производит алюминий, медь и цинк. Основными городами переработки черной металлургии являются Магнитогорск, Нижний Тагил и Челябинск. Широко развита химическая промышленность в таких городах, как Пермь, Оренбург, Орск и Уфа. Одни из крупнейших металлургических комбинатов так же расположен на территории Западной Сибири. Полиметаллические руды, добываемые на данной территории, используют в процессе производства свинцовых концентратов и цинка.

Ученые также смогли установить зависимость формирования психических аномалий от уровня химического дисбаланса окружающей среды. А также разработали методику коррекции подобных девиаций, основанную на специальной диете, посредством соблюдения которой будет изменяться содержание лакмусовых химических элементов в организме. Диета основывается на употреблении индивидуально подобранного комплекса веществ, который будет способствовать процессу выведения токсинов из организма, либо их нейтрализации другими полезными для организма элементами.

Таким образом, основываясь на результатах исследований зарубежных криминологов, представляется возможным создание стратегии предупреждения насильственной преступности лиц, в частности с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, одним из направлений которой была бы корректировка насильственных девиаций поведения посредством улучшения неблагоприятной экологической обстановки отдельных районов, а также соблюдения специальной, индивидуально разработанной диеты, направленной на восстановление витаминно-минерального баланса организма.

Список источников

1. Криминология: учебник / под ред. В. Д. Малкова. М. : Юстицинформ, 2004.
2. Мозолевская А. Г. Личность преступника, совершающего тяжкие насильственные преступления // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 367–368.
3. Личность преступника и профилактика правонарушений: моногр. М. : Проспект, 2017.
4. Иванов Н. Г. Уголовная ответственность лиц с аномалиями психики // Государство и право. 1997. № 3. С.73.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

2-е изд. Монография. 431 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

В.П. Малахов
Н.Д. Эриашвили

Методологические
и мировоззренческие проблемы
современной юридической
теории

Второе издание

Продемонстрирована неразрывность методологических и мировоззренческих проблем, расширено понятие методологии; теория государства и права получила ряд специфических интерпретаций, выделено одно из наиболее перспективных направлений в развитии общеправовой теории, выработана матрица постановки методологических и мировоззренческих проблем юридической теории на основе органичного сочетания возможностей общеправовой теории и философии права. Рассмотрена проблема типов права, решение которой призвано быть мировоззренческой и методологической основой отраслевых наук.

5. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб. : Юридический центр Пресс, 2015.

6. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. М. : Политиздат, 1989.

7. Официальный портал правовой статистики // URL://http://crimestat.ru/offenses_rate.

References

1. Criminology: textbook / edited by V. D. Malkov. M. : Justicinform, 2004.

2. Mozolevskaya A. G. Personality of a criminal committing serious violent crimes // Young scientist. 2019. No. 49 (287). P. 367–368.

3. The identity of the criminal and the prevention of offenses: monograph. M. : Prospect, 2017.

4. Ivanov N. G. Criminal liability of persons with mental abnormalities // State and law. 1997. No. 3. P. 73.

5. Antonyan Yu. M., Kudryavtsev V. N., Emi-
nov V. E. The identity of the criminal. St. Petersburg :
Law Center Press, 2015.

6. Dubinin N. P., Karpets I. I., Kudryavtsev V. N. Genetics, behavior, responsibility. M. : Politizdat, 1989.

7. Official portal of legal statistics // URL:// http://crimestat.ru/offenses_rate.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Причины преступности // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 58–64.

2. Войде Е. Г., Мануйлова Е. В. Особенности личности насильственного преступника. // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 18–20.

3. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, Е. Ф. Эминова. М. : Юрист, 2002.

4. Криминология: учебник / под ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005.

5. Малков В. Д. Криминология: учебник для вузов. М. : Юриспруденция, 2011.

Bibliographic list

1. Antonyan Yu. M. The causes of crime // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (53). P. 58–64.

2. Voide E. G., Manuilova E. V. Personality features of a violent criminal. // All-Russian Criminological Journal. 2020. No. 3. P. 18–20.

3. Criminology: textbook / edited by V. N. Kudryavtsev, E. F. Eminova. M. : Jurist, 2002.

4. Criminology: textbook / edited by A. I. Dolgova. 3rd ed., reprint. and additional M. : Norm, 2005.

5. Malkov V. D. Criminology: textbook for universities. M. : Jurisprudence, 2011.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, почетный адвокат России;

Е. В. Мануйлова — адъюнкт 1-го года обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Laureate of the Russian Government Prize in Science and Technology, Honorary Lawyer of Russia;

E. V. Manuilova — Adjunct of the 1st year of study of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-319-325>

НИОН: 2003-0059-5/22-466

MOSURED: 77/27-003-2022-05-665

Правовое регулирование использования телемедицинских технологий при лечении бесплодия

Артур Валерьевич Ярош

Центр крови имени О. К. Гаврилова Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия, Hsoray@yandex.ru

Аннотация. Проникновение информационных технологий во все сферы общественных отношений, в том числе и в сферу здравоохранения, создает определенный темп правового развития. Рассматривая вопросы использования телемедицинских технологий в процессы оказания предоставления медицинских услуг, мы сталкиваемся с рядом вопросов, которые на сегодняшний день не отражены в нормативных правовых актах. В связи с этим автором рассмотрен как национальный, так и зарубежный опыт применения телемедицинских технологий, в том числе в период пандемии. Проведенный анализ специфики оказания медицинских услуг с применением вспомогательных репродуктивных технологий по средствам телемедицинских технологий, показывает о необходимости формирования факультативных условий договорных отношений.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, телемедицинские технологии, договор, медицинская организация, пациент, лечащий врач, информационная защищенность, мера ответственности

Для цитирования: Ярош А. В. Правовое регулирование использования телемедицинских технологий при лечении бесплодия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 319–325. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-319-325>.

Original article

Legal regulation of the use of telemedicine technologies in the treatment of infertility

Artur V. Yarosh

O. K. Gavrilov Blood Center of the Moscow City Health Department, Moscow, Russia, Hsoray@yandex.ru

Abstract. The penetration of information technologies into all spheres of public relations, including in the field of healthcare, creates a certain pace of legal development. Considering the use of telemedicine technologies in the provision of medical services, we are faced with a number of issues that are not currently reflected in regulatory legal acts. In this regard, the author considers both national and foreign experience in the use of telemedicine technologies, including during the pandemic. The analysis of the specifics of the provision of medical services with the use of assisted reproductive technologies by means of telemedicine technologies shows the need for the formation of optional conditions of contractual relations.

Keywords: assisted reproductive technologies, telemedicine technologies, contract, medical organization, patient, attending physician, information security, measure of responsibility

For citation: Yarosh A. V. Legal regulation of the use of telemedicine technologies in the treatment of infertility. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):319–325. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-319-325>.

Введение

На сегодняшний день, информационные технологии настолько сильно проникли в наше общество, что современная медицинская помощь, где решение о назначении правильного лечения пациента принимает лечащий врач, а не информационные технологии в виде искусственного интеллекта, не может без них обходиться, в том числе, телемедицинских.

Принятая на 73-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения Глобальная стратегия развития цифрового здравоохранения на 2020–2025 гг.¹ пока-

зывает масштабность мирового влияния цифровых технологий на медицинскую сферу. Как усматривается из данного документа «цифровые технологии являются важным компонентом и фактором, способствующим созданию устойчивых систем здравоохранения и обеспечению всеобщего охвата услугами здравоохранения». При этом создание устойчивости невозможно без определения правовых и этических

¹ URL://<https://www.who.int/docs/default-source/documents/gsh4dhdaa2a9f352b0445bafbc79ca799dce4d.pdf>.

© Ярош А. В., 2022

рамок, направленных, в первую очередь, на обеспечение доступности и безопасности пациентов при предоставлении медицинских услуг, а также защиту их персональных данных, в том числе сведений, составляющих врачебную тайну.

Учитывая, что с принятием поправок к Конституции РФ вопросы доступности и качества оказания пациентам медицинской помощи являются ключевыми показателями государственных гарантий для граждан нашей страны, достижение которых находится в ведении РФ и субъектов РФ².

Внедрение цифровых технологий происходит настолько быстро, что некоторые области правового регулирования остаются без внимания и образуется законодательный «вакуум», который создает ряд нерешенных вопросов, описание которых будет сделано ниже.

Как справедливо отмечает, Л. Ю. Грудцына, «важно помнить, что процессы цифровизации и ее результаты должны быть для человека, а не наоборот, и предвидеть (не допустить!) опасные ситуации в будущем, когда человеку придется «подстраиваться» под «цифровой мир» и когда искусственный интеллект начнет принимать решения, без ведома человека»³.

Применение информационных технологий в медицинской сфере приводит к созданию новых подходов оказания медицинской помощи пациентам, в первую очередь эти подходы связаны с обеспечением доступности медицинских услуг пациентам.

Во вторую очередь — направлены на создание безопасной среды по предоставлению качественных медицинских услуг пациентам путем создания благоприятных условий, направленных на внедрение информационных технологий в деятельность медицинских организаций.

В условиях распространения новой коронавирусной инфекции спрос на применение информационных технологий в сфере здравоохранения значительно вырос. Как правило, это связано с дистанционным предоставлением медицинских услуг с применением телемедицинских технологий, отслеживанием соблюдения карантина заболевшим новой коронавирусной инфекцией пациентом, проведения дистанционных конференций, в том числе и с зарубежными представителями, направленных на обмен опытом, оказание медицинской помощи заболевшим пациентам.

Также следует подчеркнуть, что вводимые ограничительные меры, связанные с предотвращением

распространения новой инфекции, дали стимул к развитию оказания медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий. Сферу телемедицинских технологий ученые разных специальностей рассматривали задолго до наступления пандемии⁴. Их интерес заключался в том, что «эта область интегрирует новейшие достижения информатики, радиоэлектроники, связи, математики, биофизики, медицинского приборостроения и других наукоемких отраслей для целей улучшения диагностики, лечения и профилактики заболеваний человека»⁵.

Вспомогательные репродуктивные технологии также не остались без внимания. Ярким примером тому является запуск в России первого телемедицинского центра по репродуктологии и экстракорпоральному оплодотворению. Функционирование информационной платформы данного центра осуществляется на базе сети клиник «Мать и дитя» при поддержке ПАО «Ростелеком»; «телемедицинский центр позволит будущим родителям опираться на лучшие российские и мировые практики в борьбе с бесплодием»⁶.

Национальная телемедицина

Впервые телемедицинские технологии нашли свое легальное закрепление в п. 22 ст. 2, ст. 36.2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁷ (далее — Закон об основах охраны здоровья) с момента принятия Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья»⁸.

Согласно п. 22 ст. 2 Закона об основах охраны здоровья «телемедицинские технологии — это информационные технологии, обеспечивающие дистан-

² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ Грудцына Л. Ю. Цифровое будущее права: к вопросу об аддитивных технологиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 14.

⁴ Mark R. G. Telemedicine system: The missing link between homes and hospital? Modern nursing home. 1974. 32 (2). P. 39–42; Владзимирский А. В. Телемедицина: Curatio Sine Tempora et Distantia. М., 2016. Тарасенко И. Ю. Телемедицина в пульмонологии // Пульмонология. 2007. № 6. С. 93–98.

⁵ Блажис А. К., Дюк В. А. Телемедицина. СПб.: СпецЛит, 2001. С. 10.

⁶ URL://https://www.kommersant.ru/doc/4743684.

⁷ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁸ СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4791.

ционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента».

При этом стоит отметить, что задолго до создания правовых основ применения телемедицинских технологий на законодательном уровне в 2000 г. Министерством здравоохранения РФ был создан Координационный совет по телемедицине в системе здравоохранения РФ⁹, одним из основных направлений деятельности которого стала организация концепции, а также разработка рекомендаций в области создания единых подходов телемедицинской сети РФ.

Организация концепции Координационного совета по телемедицине в системе здравоохранения Российской Федерации не заставила себя долго ждать и уже в 2001 г. Министерство здравоохранения РФ совместно с Российской Академией медицинских наук приказом от 27 августа 2001 г. № 344/76 «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации»¹⁰ утвердило Концепцию развития телемедицинских технологий в РФ (далее — Концепция).

Согласно утвержденной Концепции, телемедицинские технологии направлены на реализацию:

1) консультаций в ходе лечебно-диагностического процесса/эвакуационных мероприятий или обучения;

2) контроля жизненно важных функций организма;

3) образовательных (в том числе популярных) лекций и семинаров, дистанционного тестирования/экзаменов;

4) обмена мнениями (отчета) при дистанционном проведении коллегий (совещаний, советов), медицинских консилиумов, научных заседаний.

После законодательного закрепления определения «телемедицинские технологии», Министерство здравоохранения Российской Федерации, реализуя возложенные на него функции приказом от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»¹¹, утвердило порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (далее — Порядок применения телемедицинских технологий).

Согласно Порядку применения телемедицинских технологий у медицинских работников появилась

возможность выйти за рамки устоявшихся условий предоставления медицинских услуг через виртуальное пространство, тем самым предоставив пациенту, в том числе находящемуся на отдаленном расстоянии, должную доступность в медицинской сфере. Порядок применения телемедицинских технологий создал возможность для дистанционной коммуникации медицинских работников между собой в целях проведения различных мероприятий, направленных на выработку эффективного, качественного и безопасного способа представления пациенту медицинских услуг.

Внедрение телемедицинских технологий в общественные отношения, возникающие в сфере здравоохранения, порождают общественную потребность в формировании правовых актов, направленных на регулирование таких отношений.

В правовой литературе отмечается, что «медицинское сообщество даже в крупных субъектах РФ с недоверием относится к онлайн-медицине из-за отсутствия соответствующих навыков работы с компьютерами, понимания своего правового статуса, пределов компетенции и ответственности при оказании медицинской помощи с помощью телемедицинских технологий, что потребует поэтапного обучения медицинских работников»¹².

Е. М. Вавилова и М. В. Демченко, рассматривая развитие правового регулирования телемедицинских технологий, отмечают, что «действующим законодательством никак не предусматриваются риски, которые связаны с сетевыми сбоями»¹³.

О. О. Базина и С. С. Сименюра называют следующее «наиболее проблемные зоны законодательства о телемедицинских технологиях:

♦ постановка диагноза исключительно при очном приеме и протоколы ведения мониторинга пациента на «удаленке»;

⁹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 декабря 2000 г. № 444 «О создании Координационного совета Минздрава России по телемедицине» (утратил силу в связи с изданием приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 1214). Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

¹² Поспелова С. И., Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В., Каменская Н. А. Правовой режим применения телемедицинских технологий и внедрения электронного документооборота: современное состояние правового регулирования и перспективы развития // Медицинское право. 2018. № 5. С. 24–33.

¹³ Вавилова Е. М., Демченко М. В. Развитие правового регулирования телемедицины в Российской Федерации // Медицинское право. 2020. № 1. С. 48–51.

♦ полностью отсутствует преемственность (при рекомендациях обращения в скорую медицинскую помощь контроль вызова, состояния пациента до прибытия и факт прибытия бригады не контролировались);

♦ разработка методик контроля качества медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий»¹⁴.

Внедрение телемедицинских технологий в медицинскую сферу деятельности ведет за собой создание новых механизмов правового регулирования возникающих правоотношений с применением этих технологий. Как правило, дистанционное взаимодействие субъектов (пациент и лечащий врач) происходит в рамках договорных отношений, в которых следует предварительно оговорить и закрепить в договорной конструкции следующие факультативные условия:

♦ информационная защищенность пациента в части соблюдения персональных данных и врачебной тайны;

♦ определить условия получения медицинских заключений и иных медицинских документов, в том числе копий и выписок из них, в электронном виде;

♦ установить меру ответственности лиц, в случае если пациенту предоставлена неквалифицированная медицинская услуга или допущена врачебная ошибка при дистанционной обработке информационных медицинских данных;

♦ установить меру ответственности операторов информационных систем, с использованием которых предоставляются дистанционные медицинские услуги, за искажение реальной ситуации состояния здоровья пациента из-за сбоя работы облачных сервисов информационных систем телемедицины и пр.

Зарубежный опыт использования телемедицинских технологий

Чрезвычайная ситуация, связанная с распространением коронавирусной инфекцией, создала определенный толчок в применении различных инструментов, в том числе телемедицинских технологий, о эффективности которых было известно, но в силу разного рода обстоятельств их применение уходило на второй план.

Ярким примером является принятый в конце 2019 г. Парламентом Германии (Бундестаг) Закон о лучшем медицинском обслуживании посредством оцифровки и инноваций (Закон о цифровой помощи), который впоследствии был одобрен Федеральным советом (Бундесрат) и подписан президентом Германии. Данный закон, по мнению многих, является прорывом

в стимулировании и продвижении диагностики, ведении и лечении пациентов с помощью инструментов цифрового здравоохранения.

При этом стоит отметить, что применение телемедицинских технологий в период эпидемии за рубежом практиковали и ранее. Дистанционные консультации с применением телемедицинских технологий проводили на Тайване в 2003 г. «во время эпидемии тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) в отношении пациента, помещенного в больничный карантин с SARS, и в 2009 г. во время пандемии гриппа (H1N1) для пациентов, помещенных на домашний карантин»¹⁵.

Также использование телемедицинских технологий было активно применено во время вспышки болезни, вызванной вирусом Эбола в Африке с 2014 г. Министерство здравоохранения Гвинеи в рамках борьбы с этим вирусом открыло Национальную горячую линию по борьбе с Эболой, в рамках которой осуществлялись бесплатные телемедицинские консультации, направленные в том числе на выявление подозрительных случаев. Как отмечает французский ученый R. Ohannessian, «использование телемедицины в эпидемических ситуациях имеет высокий потенциал для улучшения эпидемиологических исследований, контроля заболеваний и ведения клинических случаев, позволяя при этом мировому сообществу здравоохранения поддерживать местных медработников»¹⁶.

В целях предоставления возможности пациентам, в том числе пожилым людям, общаться со своими врачами, во избежание риска их заражения, в случае если они приедут в медицинскую организацию, Управление по гражданским правам Министерства здравоохранения и социальных службы США объявило, что откажется от потенциальных штрафов за нарушения установленных правил в отношении медицинских организаций, которые обслуживают пациентов через общедоступные приложения для общения, такие как FaceTime или Skype¹⁷.

¹⁴ Базина О. О., Сименюра С. С. Телемедицина: достоинства, недостатки, реалии (правовой анализ и практическое применение) // Медицинское право. 2020. № 3. С. 32–38.

¹⁵ Ohannessian R. Telemedicine: potential applications in epidemic situations // Eur Res Telemed/Rech Eur Télémed. 2015. 4(3). P. 95–98 // URL://<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2212764X15000308?via%3Dihub>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Heather L. Trump administration opens up access to telehealth services during coronavirus outbreak // Fierce Healthcare. March 17. 2020 // URL://<https://www.fiercehealthcare.com/payer/trump-administration-opens-up-access-to-telehealth-services-during-coronavirus-outbreak>.

Такой подход показывает, насколько гибким может быть правовой механизм при возникновении эпидемиологической обстановки в стране, и как эффективно можно применить телемедицинские технологии с учетом определенных ограничений к данному инструменту.

Оказание медицинской помощи с использованием ВРТ через телемедицинские технологии тоже дает свои положительные результаты. Так, например, в Испании «использование телемедицины в форме электронного портала пациента сокращает общее время ожидания, связанное с запросами пациентов на лечение бесплодия, и косвенно увеличивает количество пациентов, прошедших лечение, не оказывая отрицательного влияния на результат лечения»¹⁸.

В основном это связано с преодолением географического неравенства, поскольку многие пациенты лишены возможности получить соответствующие услуги из-за отсутствия в их территориальной близости специализированных медицинских центров. Как отмечают специалисты из Augusta State University, «телемедицинские технологии могут улучшить доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям в недостаточно обслуживаемых районах и привести к высокой степени удовлетворенности пациентов, а также могут сыграть ключевую роль в сокращении территориального разрыва»¹⁹. Вместе с тем, как отмечается в американском журнале *Obstet Gynecol*, «применение телемедицинских технологий в сфере охраны репродуктивного здоровья пока не получило широкого распространения»²⁰.

Этот опыт показывает, что на сегодняшний день вспомогательные репродуктивные технологии (отдельные ее этапы) находятся только в начале пути к внедрению в процессы оказания медицинских услуг телемедицинских технологиях.

Применение телемедицинских технологий при оказании репродуктивных услуг

В настоящее время из разных регионов России пациенты, страдающие бесплодием, стараются получить медицинскую помощь с применением ВРТ в специализированных и высоко оснащенных медицинских организациях как государственной, так и частной системы здравоохранения, расположенные в крупных городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Екатеринбург и др.

В большинстве случаев пациенты вынуждены обращаться в эти медицинские организации из-за отсутствия возможности получить должную медицинскую

помощь в своем регионе. Таким образом, происходит, как и в других странах, так называемое географическое неравенство в доступе к медицинским услугам среди пациентов, которое может решить внедрение телемедицинских технологий.

При этом отсутствие ясных правил правового регулирования применения телемедицинских технологий в предоставлении репродуктивных услуг лишает пациентов доверия к этим технологиям.

Вместе с тем, программы ВРТ (ЭКО, ИКСИ, суррогатное материнство), которые оказываются пациентам, в силу своей специфики не могут в полном объеме быть оказаны медицинской организацией с использованием телемедицинских технологий.

В связи с этим необходимо создавать условия для частичного внедрения телемедицинских технологий в практику репродуктивной сферы деятельности.

Вместе с тем, внедрение целесообразно проводить с большой осторожностью и осознанием преимуществ и недостатков, прорабатывая не только финансовую составляющую данного вопроса, но и учитывать профессиональный опыт специалистов, а также оценивать материально-техническое обеспечение медицинской организации, которая будет предоставлять соответствующие услуги с применением телемедицинских технологий.

На сегодняшний день, помимо положений, регулирующих вопросы применения телемедицинских технологий при оказании медицинских услуг, закрепленных в Порядке применения телемедицинских технологий, Министерство здравоохранения РФ в нормативных правовых актах дополнительно прописывает ситуации, при которых возможно использовать телемедицинские технологии при оказании медицинской помощи пациентам, а также раскрывает дополнительные вопросы правового регулирования при внедрении телемедицинских технологий.

Ярким примером является принятый Временный регламент организации и оказания консультативной медицинской помощи с применением телемедицин-

¹⁸ Hernández C., Valdera C. J., Cordero J., López E., Plaza J., Albi M. Impact of telemedicine on assisted reproduction treatment in the public health system // *J Healthc Qual Res.* 2020 Jan-Feb. 35(1). P. 27–34 // URL://<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31883955/>

¹⁹ Mikhael S, Gaidis A., Gavrilova-Jordan L. Regional disparities in access to assisted reproductive technology: assessment of patient satisfaction when employing modern technology to close the gap // *J Assist Reprod Genet.* 2021 Apr. 38(4). P. 889–894 // URL://<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7808701/>
²⁰ Implementing telehealth in practice // *Obstet Gynecol.* 2020 Feb. № 135. P. e73–e79 // URL://https://journals.lww.com/greenjournal/Fulltext/2020/02000/Implementing_Telehealth_in_Practice.44.aspx.

ских технологий гражданам с подтвержденным диагнозом COVID-19, а также с признаками или подтвержденным диагнозом внебольничной пневмонии, острой респираторной вирусной инфекцией, гриппа, получающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (на дому), утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19»²¹.

Временный регламент определил особенности организации и правила применения телемедицинских технологий при оказании пациентам, страдающим заболеванием, представляющим опасность для окружающих (коронавирусная инфекция (2019-nCoV) медицинской помощи на дому, в режиме наблюдения.

После этого документа Министерство здравоохранения РФ начало прописывать положения, касающиеся правового регулирования вопросов детального применения телемедицинских технологий в различных порядках оказания медицинской помощи.

Так, например Порядок оказания медицинской помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях, утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ от 19 февраля 2021 г. № 116н²², предусматривает возможность получения пациентом консультаций с использованием телемедицинских технологий, проведение онкологических консилиумов, а также устанавливает требования, предъявляемые к организации деятельности отдела телемедицинских технологий в медицинской организации онкологического профиля.

Можно отметить еще один нормативный правовой акт: приказ Министерства здравоохранения РФ от 26 февраля 2021 г. № 140н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по прекращению потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции, лечению табачной (никотиновой) зависимости, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»²³, согласно которому с применением телемедицинских технологий могут проводиться консультации и консилиумы врачей.

На сегодняшний день Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению, утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н (далее — Порядок использования ВРТ)²⁴ предусматривает определенный

особенности оказания медицинской помощи с применением ВРТ, которые выражают специфику данной деятельности. Данную специфику предоставления репродуктивных услуг необходимо учитывать при использовании телемедицинских технологий.

Во-первых, применение ВРТ при лечении бесплодия возможно исключительно при наличии медицинских показаний, связанных, в том числе, с различными патологиями пациента²⁵.

Во-вторых, необходимо проведение первичного (очного) приема пациента для проведения обследования с целью выявления неэффективности лечения бесплодия, для корректного установления их причин.

В-третьих, проведение медицинских манипуляций (пункция фолликулов яичников, операции по получению сперматозоидов, перенос эмбрионов), которые проводят врачи в рамках различных программ ВРТ, осуществляется только в медицинской организации.

В-четвертых, использование телемедицинских технологий для коррекции ранее назначенного лечения, в том числе корректировка гормональной терапии, возможна при условии установления лечащим врачом диагноза и назначения лечения по данному обращению на очном приеме (п. 47 Порядка применения телемедицинских технологий). Вместе с тем, п. 49 Порядка применения телемедицинских технологий допускает обращение пациента в медицинскую организацию без предварительного установления диагноза и назначения лечения на очном приеме, по результатам которого медицинский работник может дать рекомендации о необходимости проведения предварительного обследования путем проведения очного приема (осмотра, консультации).

При этом перечисленные ситуации, связанные с проведением очного мероприятия, не являются исчерпывающими действиями, которые проводятся специалистами непосредственно в медицинской организации с целью надлежащего оказания пациенту медицинской помощи с применением ВРТ.

Однако, еще до внедрения телемедицинских технологий, например, при проведении гормональной

²¹ URL://<http://pravo.gov.ru>.

²² URL://<http://pravo.gov.ru>.

²³ URL://<http://pravo.gov.ru>.

²⁴ URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

²⁵ П. 10 Порядка использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению, утвержденного приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н.

терапии в ЭКО, пациенты, находясь в контакте со своим лечащим врачом, сообщали ему о своем состоянии и самочувствии дистанционно, с использованием средств телефонной связи — лечащий врач давал рекомендации или корректировал схему лечения.

В подобных ситуациях мы наблюдаем возможности применения дистанционных консультаций, в которых есть свои плюсы, выражающиеся в том, что врач на связи с пациентом, в случае непредвиденной ситуации (открылось кровотечение) он может дать рекомендации по дальнейшим действиям; минусы — в случае, если лечащий врач предоставил некорректную информацию относительно действий пациента в сложившейся ситуации, доказать действия лечащего врача при возникновении спора будет затруднительно.

В этой связи, как указывалось выше, введение правовых норм, направленных на использование телемедицинских технологий в медицинской сфере, является основой создания комфортного, доступного и безопасного способа предоставления медицинских услуг в дистанционном режиме.

Сегодня развиваются не только телемедицинские технологии, но и информационные технологии, в том числе и в репродуктивной сфере деятельности, которые позволят в будущем расширить область применения телемедицинских технологий.

В настоящее время существуют новый высокопроизводительный анализ для измерения прогестерона в слюне с помощью Liquid chromatography tandem mass spectrometry, который позволяет в домашних условиях без участия медицинского персонала измерить гормоны²⁶. Такие достижения дают право полагать, что «возможно в ближайшем будущем пациенты смогут пройти гормональное наблюдение в домашних условиях или где бы они ни находились, и что результаты могут быть оценены в реальном времени с помощью их гинеколога без необходимости очного посещения медицинской организации»²⁷.

Следовательно, при правильном подходе телемедицинские технологии в репродуктивной сфере могут быть хорошим гибким механизмом, работающим в режиме реального времени при принятии различных решений.

Обобщая вышеизложенное полагаем, что для правильного использования телемедицинских технологий при оказании медицинских услуг с применением ВРТ, необходимо:

1. Учитывая специфику оказания медицинских услуг с применением ВРТ, четко определить перечень ситуаций, при которых медицинская организация может предоставить пациенту услугу с использованием телемедицинских технологий. Такие ограничения целесообразно закрепить в Порядке использования ВРТ.

При этом стоит закрепить за лечащим врачом право определения ситуации возможной для использования телемедицинских технологий.

2. Обеспечить закрепление в нормативном правовом акте факультативных условий предполагаемого к заключению договора на оказание медицинских услуг с применением ВРТ по средствам телемедицинских технологий.

Сюда предлагается включить вопросы информационной защищенности (персональные данные и врачебная тайна), определить условия получения медицинских заключений (иных медицинских документов), меру ответственности (медицинского персонала, оператора информационной системы).

²⁶ Schiffer L., Adaway J.E., Baranowski E. S., Arlt W., Keevil B. G. A novel high-throughput assay for the measurement of salivary progesterone by liquid chromatography tandem mass spectrometry // *Ann. Clin. Biochem.* 2019. № 56. P. 64–71 // URL://https://www.researchgate.net/publication/325341584_ANNALS_EXPRESS_A_novel_high-throughput_assay_for_the_measurement_of_salivary_progesterone_by_liquid_chromatography_tandem_mass_spectrometry.

²⁷ Valdera Simbryn C. J., Hernández Rodríguez C. Telemedicine in assisted reproduction // *RBMO.* 2021. № 1. P. 269–272 // URL://[https://www.rbmojournal.com/article/S1472-6483\(20\)30632-5/fulltext](https://www.rbmojournal.com/article/S1472-6483(20)30632-5/fulltext).

Информация об авторе

А. В. Ярош — аналитик Центра крови имени О. К. Гаврилова Департамента здравоохранения города Москвы, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Yarosh — Analyst of the O. K. Gavrillov Blood Center of the Moscow Department of Health, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 351.72

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-326-329>

ИПОН: 2003-0059-5/22-467

MOSURED: 77/27-003-2022-05-666

Латентность как фактор коррупции в системе государственных закупок

Александр Владимирович Грачев¹, Лидия Васильевна Сикорская²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ grachevalexunder@rambler.ru

² lid6557@mail.ru

Аннотация. Рассматривается количественная оценка латентности коррупции в системе государственных закупок. Расчетным путем определены нижняя и верхняя границы коэффициента латентности коррупции в системе государственных закупок. Латентность в совокупности с высоким доходом рассматриваются как факторы, определяющие выгодность коррупционных сделок в системе государственных закупок.

Ключевые слова: коррупция, латентность, государственные закупки, экономическая безопасность

Для цитирования: Грачев А. В., Сикорская Л. В. Латентность как фактор коррупции в системе государственных закупок // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 326–329. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-326-329>.

Original article

Latency as a factor of corruption in the public procurement system

Aleksandr V. Grachev¹, Lidiya V. Sikorskaya²

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ grachevalexunder@rambler.ru

² lid6557@mail.ru

Abstract. A quantitative assessment of the latency of corruption in the public procurement system is considered. The lower and upper limits of the latency coefficient of corruption in the public procurement system have been calculated. Latency combined with high income are considered as factors determining the profitability of corrupt transactions in the public procurement system.

Keywords: corruption, latency, public procurement, economic security

For citation: Grachev A. V., Sikorskaya L. V. Latency as a factor of corruption in the public procurement system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):326–329. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-326-329>.

Введение. Коррупция — явление, признаваемое угрозой национальной и экономической безопасности государства как научной мыслью, так и в национальных документах о безопасности стратегического характера (Стратегией национальной безопасности РФ [1] и Стратегией экономической безопасности РФ на период до 2030 г. [2]). Также актуальность противодействия коррупции определена и на ведомственном уровне МВД России. Так, можно обратиться к Концепции реализации в системе МВД России государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД России от 14 октября 2021 г. № 760 [3], в которой:

♦ обозначена актуальность такого направления деятельности органов внутренних дел, как защита бюджетных средств, предоставленных для финансирования национальных проектов, где основной мас-

сив нарушений связан с преступлениями, связанными с неправомерным завладением денежными средствами, выделенными из бюджетов в рамках реализации национальных проектов для исполнения государственных и муниципальных контрактов, заключенных с коммерческими организациями на строительство и ремонт социальных, промышленных объектов, автомобильных дорог, поставку, монтаж оборудования;

♦ высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере определен в числе основных угроз экономической безопасности РФ, относящихся к непосредственной компетенции органов внутренних дел в сфере обеспечения экономической безопасности;

♦ противодействие нецелевому использованию и хищению бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов, обозначено в числе наиболее значимых направлений обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности.

© Грачев А. В., Сикорская Л. В., 2022

Коррупция неразрывно сопряжена со сферой реализации государственных функций чиновниками, к которой, безусловно, относится и система государственных закупок.

Методы. Базируясь на постулатах экономической теории преступности, латентность и высокий доход от коррупционной сделки определены как факторы распространения коррупции в системе государственных закупок.

На основе методов математического анализа расчетным путем определена нижняя и верхняя граница коэффициента латентности коррупции в системе государственных закупок.

Результаты. Система государственных закупок направлена на обеспечение органов власти, государственных учреждений и компаний необходимой продукцией. Так как средства, за счет которых идет приобретение необходимой продукции, бюджетные, то в отсутствие специально установленных нормами права регламентов, чиновник не заинтересован в поиске лучшего по соотношению цены и качества поставщика. Таким образом, распоряжение бюджетными, а не личными, средствами является первым и ключевым фактором коррупции в системе государственных закупок.

Другим важным фактором коррупции в системе государственных закупок является наличие у должностных лиц заказчика, ответственных за осуществление государственных закупок, дискреционных полномочий, т. е. полномочий, связанных с самостоятельным принятием управленческих решений. Несмотря на достаточно жесткую регламентацию деятельности должностных лиц заказчика, на стадии планирования закупок, а также при исполнении контрактов осталось достаточно вариативности в поведении должностных лиц.

Фактором коррупции в государственных закупках выступает ее выгода для участников коррупционной сделки, что обусловлено, во-первых, высокой латентностью данного явления и низкой вероятностью применения санкций, а во-вторых, значительными суммами оборота в государственных закупках, где издержки исполнителя в виде так называемых «откатов» нивелируются полученной прибылью от всего контракта. О высокой латентности свидетельствует тот факт, что по специальным статьям УК РФ за коррупцию в сфере государственных закупок, введенным в 2018 г., за 2019–2020 гг. привлечено к ответственности только восемь человек, которые получили условные сроки. Что касается значительных сумм оборота, то это подтверждается данными мониторинга государственных закупок в 2020 г., со-

гласно которому в 2020 г. было заключено 3,4 млн контрактов на общую сумму 8,9 трлн руб. [4]. Таким образом, средняя стоимость одного государственного контракта составляет 2 617 647 руб.

Конечно, из-за латентности коррупции вообще, и в системе государственных закупок в частности, точных данных о масштабах данного явления нет и быть не может. Однако мы можем привести некоторые экспертные оценки. Данные Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ по состоянию на конец 2021 г.: объем коррупционного рынка при государственных закупках составляет 6,6 трлн руб., 70 % поставщиков сталкиваются с коррупционными выплатами, размер «отката» составляет 22,5 % от суммы контракта [5]. Следовательно, мы можем рассчитать средний размер «отката» в рублях:

$$\text{средний размер «отката»} = 2\,617\,647 * 0,225 = 588\,970,6 \text{ руб.}$$

Расчитанный размер сопоставим с данными МВД России о состоянии коррупции в системе государственных закупок. Однако последний раз они были представлены по состоянию на 2015 г., когда средний размер «отката» по данным правоохранительного ведомства составил 431 400 руб., количество выявленных откатов составило 1802, а привлечено к ответственности 533 коррупционера в сфере государственных закупок [6].

Исходя из имеющихся данных, мы можем рассчитать коэффициент латентности коррупции в системе государственных закупок.

Так, по данным мониторинга государственных закупок за 2015 г. было заключено 3,2 млн контрактов [7]. Применяя установленный экспертами Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ процент поставщиков, сталкивающихся с «откатами», получим количество контрактов, заключенных с использованием коррупционных схем в 2015 г.: $3,2 * 0,7 = 2,24$ млн контрактов.

Коэффициент латентности определяется через соотношение выявленных и совершенных преступлений и будет равен:

$$1802 / 2\,240\,000 = 0,0008.$$

С большой степенью условности можно сказать, что выявляется только 0,08 % коррупционных сделок в системе государственных закупок.

Условность и приблизительность полученных нами данных связана с тем, что не все коррупционные сделки в системе государственных закупок даже при их выявлении будут квалифицированы как уголовные преступления, а также как уголовные пре-

ступления коррупционной направленности. В этой связи коэффициент латентности все же будет выше.

Однако, даже если мы отнесем к системе государственных закупок все преступления коррупционной направленности, выявленные в 2015 г. (17 477 [8]), то коэффициент латентности будет равен:

$$32\,455 / 2\,240\,000 = 0,0145.$$

Исходя из таких допущений, только 1,45 % коррупционных сделок в системе государственных закупок выявляется правоохранными органами.

Аналогичный расчет максимальной величины коэффициента латентности посредством отнесения всех выявленных правоохранными органами преступлений коррупционной направленности к системе государственных закупок произведен нами по данным 2016–2020 гг. (2020 г. — последний на момент проведения расчетов, когда имеются данные мониторинга государственных закупок). Результаты расчетов представлены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что коэффициент латентности, рассчитанный по количеству выявленных преступлений коррупционной направленности в 2016–2020 гг., находится в диапазоне от 0,0121 (2017 г.) до 0,0145 (2015 г.). Таким образом, определена нижняя и верхняя границы коэффициента латентности коррупции в системе государственных закупок, который находится в диапазоне от 0,0008 до 0,0145. Это еще раз подтверждает тезис о выгодности коррупции в данной сфере для участников коррупционных сделок по причине низкой вероятности выявления и применения санкций, а также высокого уровня получаемой выгоды.

Заключение. Обоюдная выгодность коррупции для заказчика и исполнителя создает почву для взаимных действий участников коррупционных сделок, направленных на сокрытие следов коррупции как в документации, так и посредством использования специальных форм создания видимости чистого отбора исполнителя.

Высокая латентность коррупции в системе государственных закупок обусловлена отсутствием потерпевших, которым наносится ущерб, так как ущерб наносится, прежде всего, бюджету. Ощутить данный бюджет конкретному человеку или даже персоналу конкретного государственного органа (учреждения) на себе достаточно сложно. Значительная часть преступлений правоохранными органами выявляется на основе обращений к ним потерпевших. Относительно преступлений коррупционной направленности в системе государственных закупок ни заказчик, ни исполнитель, вступивший в коррупционную сделку с заказчиком, не являются жертвами преступления, которым нанесен ущерб. В этой связи предусмотренные законодательством конкурентные способы определения поставщиков можно рассматривать в качестве антикоррупционной меры не только с позиции возможного сокращения цены исполнения контракта, но и с точки зрения использования контролирующими и правоохранными органами проигравших вследствие неучастия в коррупционных сделках с заказчиком поставщиков в качестве дополнительных источников информации о допущенных нарушениях.

Таблица 1.

Расчет и анализ коэффициента латентности коррупции в системе государственных закупок

№ п/п	Показатель	Период					
		2015	2016	2017	2018	2019	2020
1	Количество заключенных контрактов (млн)	3,2	3,3	3,5	3,6	3,6	3,4
2	Количество контрактов, заключенных с использование коррупционных схем (млн) (70 % от количества заключенных контрактов) (0,7 * стр. 1)	2,24	2,31	2,45	2,52	2,52	2,38
3	Количество выявленных сотрудниками МВД России «откатов» (ед.)	1802	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
4	Количество выявленных сотрудниками правоохранных органов преступлений коррупционной направленности (ед.)	32 455	32 924	29 634	30 495	30 991	30 813
5	Коэффициент латентности по количеству выявленных «откатов» (стр. 3 / стр. 2 / 1 000 000)	0,0008	-	-	-	-	-
6	Коэффициент латентности по количеству выявленных преступлений коррупционной направленности (стр. 4 / стр. 2 / 1 000 000)	0,0145	0,0143	0,0121	0,0121	0,0123	0,0129

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL://http://pravo.gov.ru.
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
3. Приказ МВД России от 14 октября 2021 г. № 760 «Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации».
4. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020 г. // URL://https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/05/main/44-FZ.pdf.
5. Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках // Материалы сайта РБК // URL://https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51.
6. Борьба со взятками в отделе продаж: подробное руководство // URL://https://www.kom-dir.ru/article/1522-borba-s-vzyatkami.
7. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2015 г. // URL://https://goszakaz.ranepa.ru/files/Monitoring_44_2015.pdf?ysclid=11v2j9wfy.
8. Данные ГИАЦ МВД России // URL://https://мвд.пф.

Информация об авторах

А. В. Грачев — начальник кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России;

Л. В. Сикорская — старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the authors

A. V. Grachev — Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

L. V. Sikorskaya — Senior Lecturer of the Department of Accounting, Analysis and Audit of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 08.08.2022. The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 338.24

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-330-333>

ИПОН: 2003-0059-5/22-468

MOSURED: 77/27-003-2022-05-667

Цифровая трансформация деятельности субъектов хозяйствования: плюсы и минусы

Маргарита Викторовна Михеева¹, Мадина Робертовна Накова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ mvmikheeva@mail.ru

² gama-r@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка обособления разнообразных терминов, объединенных процессом цифровизации; также рассмотрены перспективы, возможные плюсы и минусы цифровой трансформации бизнес-среды. В рамках анализа происходящих трансформационных процессов уделено внимание кадровым рискам и угрозам, оказывающим влияние на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровая трансформация бизнеса, цифровые технологии, экономическая безопасность хозяйствующего субъекта

Для цитирования: Михеева М. В., Накова М. Р. Цифровая трансформация деятельности субъектов хозяйствования: плюсы и минусы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 330–333. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-330-333>.

Original article

Digital transformation of the activities of business entities: pros and cons

Margarita V. Mikheeva¹, Madina R. Nakova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ mvmikheeva@mail.ru

² gama-r@mail.ru

Abstract. An attempt is made to isolate a variety of terms united by the process of digitalization, as well as prospects, possible pros and cons of digital transformation of the business environment are considered. As part of the analysis of the ongoing transformation processes, attention is paid to personnel risks and threats that affect the economic security of economic entities.

Keywords: digitalization, digital economy, digital transformation of business, digital technologies, economic security of an economic entity

For citation: Mikheeva M. V., Nakova M. R. Digital transformation of the activities of business entities: pros and cons. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):330–333. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-330-333>.

В современном мире жизнедеятельность каждого отдельного человека, общества и государства в целом неотделимы от таких понятий, как цифровизация, цифровая трансформация и других близких по смыслу процессов. Данные термины стремительно «ворвались» в обиход, при этом четкого и однозначного понимания того, что они обозначают, до сих пор в научном сообществе нет. Итак, попробуем разобраться. Наиболее часто употребляемыми являются такие понятия, как «цифровизация», «цифровая экономика», «цифровая трансформация», в основе которых лежит слово-родоначальник «цифра». Обратившись к словарю, найдем определение: «цифра — символ

(знак) для обозначения числа». Исходя из этой логики, самое простое определение цифровизации — это числовое описание окружающего мира. Но следует признать, что такое определение не полностью передает сущность цифровизации, которую человечество вкладывает в протекающие в современном мире процессы. Так, более точным является понимание цифровизации как процесса создания цифровой картины мира в формате, пригодном для обработки компьютером. Отсюда становится очевидной основная цель, или предназначение, данного процесса, а именно систематизация информации, упрощение и ускорение работы с информацией об окружающем мире.

© Михеева М. В., Накова М. Р., 2022

Стоит отметить, что нормативная правовая база РФ не дает определение понятию цифровизации, однако в официальных документах Российской Федерации, касающихся стратегических планов развития информационного общества, можно найти такие понятия, как «цифровая экономика», «цифровая трансформация», «цифровые технологии», «цифровая грамотность» и др.

Так, согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, «цифровая экономика — хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производств, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Получается, что если индустриальная экономика базировалась на таких факторах производства, как земля, труд, капитал, постиндустриальная экономика — на информации и знаниях, то ведущим фактором производства в цифровой экономике выступают цифровые данные и цифровые технологии и платформы, с помощью которых эти данные обрабатываются и используются обществом (рис. 1).

Наконец, цифровая трансформация представляет собой совокупность действий субъекта, направленных на изменение его деятельности за счет использования цифровых данных и платформ в целях повышения эффективности его работы. Применительно к субъектам хозяйствования (организациям и предприятиям различных организационно-правовых форм и форм собственности, работающим в различных сферах материального и нематериального производства) цифровая трансформация означает, прежде всего, внедрение и использование цифровых технологий и платформ в наиболее важных направлениях своей работы, а именно: в управлении бизнес-про-

цессами, в контроле и анализе бизнеса, в предоставлении услуг или производстве и доставке товаров, логистике и маркетинге. По мнению специалистов, переход компании в режим работы «онлайн» является одним из фактов, свидетельствующих о ее цифровой трансформации.

Если рассматривать цифровизацию как подход к повышению эффективности деятельности хозяйствующего субъекта, то необходимо проанализировать инструменты цифровой трансформации бизнеса. К таким инструментам относятся:

- ◆ облачные хранилища данных, доступ к которым открыт в любой точке планеты и в любое время;
- ◆ сервисы для коммуникации между сотрудниками компании;
- ◆ цифровые платформы для удаленного управления проектами;
- ◆ CRM (Customer Relationship Management) системы, т. е. системы взаимодействия с клиентами;
- ◆ технологии, обеспечивающие безопасность цифровых данных и др.

Вышеприведенный перечень инструментов цифровой трансформации бизнеса далеко не полный. Более того, он будет постоянно пополняться за счет разработки новых цифровых технологий и платформ, поскольку такая задача прямо стоит перед российскими и зарубежными IT-компаниями. Что дает цифровая трансформация бизнесу? Во-первых, главным экономическим эффектом таких инноваций становится сокращение расходов и, одновременно, повышение производительности. Во-вторых, это возможность функционировать удаленно, что особенно актуально в периоды пандемии. В-третьих, создание нового, более качественного для потребителя, а также, возможно, и более прибыльного для производителя продукта за счет улучшения коммуникативных связей с клиентами и создания новых цепочек добавления стоимости. В-четвертых, использование новых «прорывных» технологий повышает инвестиционную привлекательность бизнеса и потенциально дает возможность российским компаниям выдержи-

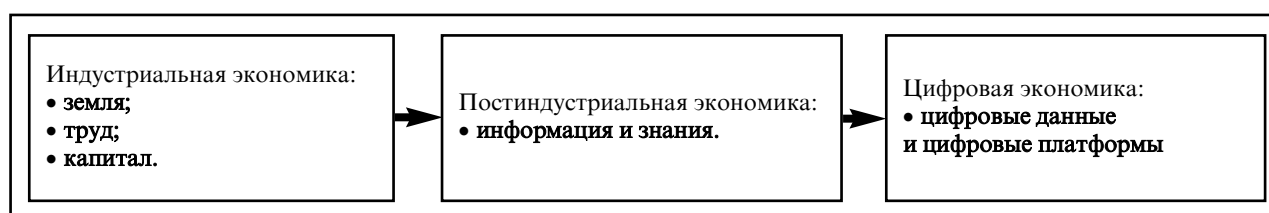

Рис. 1. Эволюция экономических укладов

вать конкуренцию на международных рынках. Список преимуществ цифровой трансформации бизнеса можно продолжать и далее, но экспертов, помимо положительных сторон данного процесса, интересуют также угрозы и риски, которые таит в себе цифровизация бизнес-среды.

В условиях нарастающих темпов цифровизации актуализируется вопрос обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Становится очевидным, что формируется «новый свод правил» конкурентной борьбы, где победителем будет тот, кто быстрее, современнее, а, главное, технологичнее. Последняя характеристика неразрывно связана с объемами финансирования приобретения цифровых технологий и внедрения их в работу. Преимуществами в такой конкурентной борьбе явно будут обладать крупные компании, способные в нужных объемах осуществлять финансирование процессов цифровой трансформации бизнеса. Малому бизнесу остается рассчитывать на свою высокую мобильность, адаптивность и предпринимательскую находчивость при ограниченных финансовых ресурсах. Однако, как отмечают исследователи [1], абсолютно для всех хозяйствующих субъектов, независимо от их размеров, сферы деятельности и обеспеченности ресурсами, в сложившихся условиях особую актуальность приобретают проблемы экономической безопасности, связанные с кадровыми рисками. Эта проблема не является новой для бизнес-сообщества. По статистике, ежегодно четверть материальных потерь, которые несут компании, связаны с действиями, в том числе мошенническими, или же бездействием сотрудников и должностных лиц. Однако, в нынешних условиях фраза «кадры решают все» как никогда актуальна.

В частности, И. В. Манахова и Е. В. Левченко в своей статье [1], на основании проведенного анализа исследований, систематизировали кадровые риски в условиях цифровизации, условно разделив их на три группы:

- 1) риски на входе в организацию;
- 2) риски внутри организации;
- 3) риски на выходе из организации.

К первой группе рисков авторы относят нехватку кадров с высоким уровнем цифровых компетенций (знаний, умений и навыков в сфере цифровых технологий). Вторая группа кадровых рисков отличается большим разнообразием и включает в себя

как профессиональные риски, организационно-технические, так и психологические риски, например: возможность кражи информации, несоблюдение «цифровой культуры», неумение синхронизировать ИКТ с хозяйственной деятельностью компании, низкая мобильность и сосредоточенность, отторжение и боязнь трансформационных процессов, информационная перегруженность, несоблюдение «цифровой диеты», непонимание концепции цифровой трансформации, отсутствие инструментов мотивации, большая дифференциация в уровне цифрового развития сотрудников. Третья группа кадровых рисков подразумевает потерю кадрового потенциала, а также разглашение информации о компании, составляющей коммерческую и иную охраняемую законом тайну, в сети.

Кроме того, отдельно исследователями [2] уделяется внимание к лидерским качествам руководителей компаний, вставших на путь цифровой трансформации. К необходимым индивидуально-личностным качествам лидера относят высокую организационную адаптивность, умение мобилизовать работу в условиях технологических и информационных изменений, умение «видеть» и быстро реагировать на новые экономические возможности, связанные с ИТ-системами. К организационным качествам лидера следует отнести такие, как способность генерировать, трансформировать и направлять эмоциональные потоки в коллективе, умение локализовывать информационный прессинг и развивать культуру использования информации. Как отмечают эксперты, неразвитость навыков цифрового лидерства может быть источником кадровых рисков в компании и негативно влиять на результаты ее деятельности. Но самым существенным кадровым риском на данный момент является непонимание, прежде всего, руководителем, а также сотрудниками того, как использовать цифровые технологии в реальной деятельности компании. Такие субъекты хозяйствования обречены на технологическую отсталость и проигрыш в конкурентной борьбе.

Становится понятным, что процесс цифровизации проникает в различные сферы жизнедеятельности человека и общества, это и государственное управление, и экономика, и здравоохранение, и образование, и многие другие. Цель цифровых преобразований одна — повышение качества предоставляемых услуг, повышение эффективности и производительности

компаний, технологический прорыв на качественно новый уровень развития производительных сил. Однако, следует помнить и учитывать, что цифровой трансформации бизнес-процессов должны сопутствовать процессы обучения, переобучения и даже информационного «воспитания» кадровых ресурсов.

Список источников

1. Манахова И. В., Левченко Е. В. Обеспечение экономической безопасности компании в условиях цифровизации экономики // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. Вып. 1.
2. Сундуков А. В. Лидерство как управленческая технология развития организаций в информационной экономике // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 11 (139). С. 185–189.

References

1. Monakhova I. V., Levchenko E. V. Ensuring the economic security of the company in the conditions of digitalization of the economy // Izvestiya Saratov Univer-

sity. Ser. Economy. Management. Right. 2020. Vol. 20. Issue 1.

2. Sundukov A.V. Leadership as a management technology for the development of organizations in the information economy // Bulletin of the Tambov University. Ser. Humanities. 2014. No. 11 (139). P. 185–189.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
2. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 9, 2017 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030».
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1632-r dated July 28, 2017 «On approval of the program «Digital Economy of the Russian Federation».

Информация об авторах

М. В. Михеева — доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук;

М. Р. Накова — доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the authors

M. V. Mikheeva — Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

M. R. Nakova — Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 01.08.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 01.08.2022.

Научная статья

УДК 339.187.62

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-334-338>

ИПОН: 2003-0059-5/22-469

MOSURED: 77/27-003-2022-05-668

Оценка состояния и перспектив российского рынка лизинговых услуг в условиях экономических санкций

Александр Викторович Орлов¹, Андрей Сергеевич Лошаков²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ alexandr_orlof@mail.ru

² loshakov@inbox.ru

Аннотация. Проводится оценка состояния и перспектив развития российского рынка лизинговых услуг в условиях санкционного давления со стороны стран Запада. Лизинг рассматривается в качестве инвестиционного ресурса — разновидности кредита в материально-вещественной форме, который используется в тех же целях, что и кредитное финансирование компанией лизингополучателем (арендатором). В современных условиях лизинг дает возможность предприятию без особых сложностей обновить технологическое оборудование и, таким образом, повысить экономический потенциал компании. От способности своевременно и качественно переоснащать производственные фонды предприятия напрямую зависит его конкурентоспособность в рыночной среде. При этом мы можем говорить о выгоде лизинга всем сторонам данного процесса так как: лизингополучателю он предлагает возможность осуществлять производственные капиталовложения, а лизингодателю обеспечивает гарантированный доход. Однако в условиях разрыва международных хозяйственных связей лизинговые механизмы оказались под угрозой.

Ключевые слова: санкции, лизинг, реальные инвестиции, альтернативное финансирование, финансовые услуги, экономическая безопасность

Для цитирования: Орлов А. В., Лошаков А. С. Оценка состояния и перспектив российского рынка лизинговых услуг в условиях экономических санкций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 334–338. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-334-338>.

Original article

Assessment of the state and prospects of the Russian market of leasing services in the context of economic sanctions

Alexandr V. Orlov¹, Andrey S. Loshakov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ alexandr_orlof@mail.ru

² loshakov@inbox.ru

Abstract. The assessment of the state and prospects of development of the Russian leasing services market in the conditions of sanctions pressure from Western countries is carried out. Leasing is considered as an investment resource — a kind of loan in a material form, which is used for the same purposes as credit financing by the lessee (lessee) company. In today's conditions, leasing makes it possible for an enterprise to upgrade technological equipment without much difficulty, and thus increase the economic potential of the company. Its competitiveness in the market environment directly depends on the ability to re-equip the production assets of an enterprise in a timely and high-quality manner. At the same time, we can talk about the profitability of leasing to all parties of this process because: it offers the lessee the opportunity to make production investments, and the lessor provides a guaranteed income. However, in the context of the rupture of international economic ties, leasing mechanisms were under threat.

Keywords: sanctions, leasing, real investments, alternative financing, financial services, economic security

For citation: Orlov A. V., Loshakov A. S. Assessment of the state and prospects of the Russian market of leasing services in the context of economic sanctions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):334–338. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-334-338>.

Лизинг как самостоятельный сегмент экономики в настоящее время достиг значительных объемов и по информации Министерства финансов составляет 5,6 трлн руб. В России это вторая по величине фи-

нансовая отрасль, после банковской, которая дает 1,3 % от ВВП и продолжает расти довольно быстрыми темпами. По данным исследования «Эксперт РА» и лизинговой ассоциации «ОЛА», объем нового

© Орлов А. В., Лошаков А. С., 2022

бизнеса российских лизинговых компаний за три квартала 2021 г. составил 1,5 трлн руб. Это почти в 1,5 раза больше, чем за аналогичный период 2020 г.

Таким образом, на сегодняшний день лизинговый бизнес — один из сложнейших видов инвестиционной деятельности.

В настоящее время очередной виток экономического кризиса, связанный с новыми санкционными мероприятиями Евросоюза и Америки, коснулся интересов практически всех российских лизинговых компаний. Несмотря на то, что некоторые отечественные лизингодатели акцентируют внимание на том, что у них по итогу 2021 г. произошел рост бизнеса, в большинстве своем ситуация в данном секторе экономики очень неблагоприятная. В настоящее время в отдельных случаях произошла заморозка инвестирования большинства новых бизнес-проектов; уже увеличилось количество неплательщиков-лизингополучателей; как следствие — произошло сокращение сотрудников, реструктуризация филиальной сети предприятий. В этих условиях, необходимость нахождения путей развития лизинга в России становится особенно актуальной как инструмента способного вывести из кризисного состояния промышленные предприятия реального сектора экономики с большой долей морально устаревшего оборудования и низкой эффективностью его использования. Ведь не секрет, что большинство промышленных предприятий в настоящее время испытывает постоянный «голод» оборотных средств. И лизинг как механизм альтернативного финансирования может сыграть чрезвычайно важную роль в выполнении задач переоснащения основных фондов этих предприятий.

Сложности, связанные с эффективным развитием предоставляемых лизинговых услуг в России, обусловлены, прежде всего, с необходимостью обновления технических средств, так как в России до сих пор большой объем морально устаревшего оборудования, а так же низкая эффективность его использования, нет обеспеченности запасными частями и т. д. В этих условиях Правительство РФ предпринимает решительные шаги в исправлении ситуации. Так, на сегодняшний день уже решен вопрос о выделении 12 млрд руб. на поддержку программы льготного лизинга сельскохозяйственной техники. Это, безусловно, послужит на благо отечественной экономике в предстоящей посевной кампании.

В Российской Федерации становление лизинговых отношений вводилось нормативно-правовыми актами УНИДРУА. На сегодняшний день УНИДРУА (Международный институт по унификации частного права) в рамках проекта LIX-A осуществляет реализацию Модельного закона о лизинге, принятого 13 ноября 2008 г.

Принятие данного закона основывалось на ключевом акте, регламентирующем процессы унификации норм права о лизинге, мирового финансового лизинга, которым являлась Конвенция о международном финансовом лизинге.

Россия ратифицировала данную Конвенцию 1 января 1999 г. Вместе с тем, наша страна присоединилась к данной Конвенции с оговоркой, озвученной в Федеральном законе от 8 февраля 1998 г. № 16-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге», которая заключается в том, что Россия, вместо положений п. 3 ст. 8 Конвенции (положение об освобождении лизингодателя от ответственности перед третьими лицами), будет применять нормы своего гражданского законодательства.

Кроме того, к группе универсальных источников международного права, действующих в сфере лизинговых отношений, необходимо отнести Конвенцию по международной гражданской авиации, подписанную в Чикаго 7 декабря 1944 г. В данном документе присутствуют некоторые нормы международного права, которые относятся и к авиационному лизингу, в частности, следующие положения: споры в отношении воздушных судов, зарегистрированных в соответствии с Конвенцией по международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г., разрешаются на основе права страны, в которой такие суда зарегистрированы. Данное положение имеет существенное значение для лизинговых отношений, так как позволяет разрешать возникающие споры более оперативно и эффективно не в месте нахождения первоначального собственника, а в месте непосредственной эксплуатации и нахождения лизингополучателя.

Однако, после начала «специальной военной операции» Евросоюз и США закрыли свое воздушное пространство для самолетов из России. В ответ Россия закрыла небо для самолетов из 36 стран. Позже западные страны ввели запрет на поставку новых самолетов, техническое обслуживание, и страхование

лайнеров, а взятые в лизинг машины должны быть возвращены лизингодателям в течение марта.

После того как самолет авиакомпании «Уральские авиалинии» не смог вылететь из Египта по причине обращения к авиавластям Египта иностранного лизингодателя, Минтранс РФ предложил удерживать на территории России иностранные самолеты, которые были взяты в лизинг у зарубежных компаний, и платить за эти лайнеры в рублях.

У большинства авиаперевозчиков в мире эксплуатируемые самолеты не в собственности, а в лизинге. Например, из почти 1400 самолетов российских перевозчиков в лизинге более половины. Сейчас российский авиапарк в основном простаивает. Но, речи не идет о возврате их иностранным лизингодателям. Более того, принятый Госдумой закон о мерах поддержки транспортной отрасли в условиях санкций предусматривает возможность регистрировать права на иностранные самолеты, находящиеся в лизинге у российских компаний. И очень вовремя, потому что бермудские авиавласти в ночь на 13 марта 2022 г. решили приостановить сертификаты летной годности большинства самолетов российских авиакомпаний, считая, что из-за запрета на поставку запчастей в Россию нельзя уверенно говорить, что «самолеты пригодны для полетов». Без этого документа летать на самолете запрещено. По информации «РБК», на 24 февраля 2022 г. у российских авиакомпаний было более 750 «бермудских» самолетов.

Возвращаясь к значимости принятой Конвенции УНИДРУА необходимо отметить, что положения конвенции включают создание Организации Международной гражданской авиации (ИКАО, ICAO), которая впоследствии стала специализированным агентством при ООН, призванным устанавливать международные нормы гражданской авиации. Рассматриваемая Конвенция вступила в силу для СССР 14 ноября 1970 г.

К универсальным источникам международного права, регулирующих лизинг, можно отнести решение такой международной межправительственной экономической организации, как Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), а именно Кодекс либерализации движения капиталов, разработанный в 1965 г. Дело в том, что понятие лизинга в некоторых случаях связывают с понятием «прямые инвестиции». Так Закон в ст. 2 определяет, что лизинговая деятельность — это вид инвестицион-

ной деятельности по приобретению имущества и передаче его в лизинг.

Вследствие того, что данный Кодекс был разработан в рамках ОЭСР, он имеет принципиально важное значение, так как на долю государств-членов ОЭСР приходится около 60 % мирового ВВП. Так, в соответствии с положениями Кодекса члены ОЭСР обязуются «постепенно упразднять ограничения движения капиталов в той мере, которая необходима для эффективного экономического сотрудничества». Российская Федерация активно сотрудничает с ОЭСР по всем направлениям деятельности, что подтверждается подписанием Федерального закона «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и ОЭСР о привилегиях и иммунитетах Организации в Российской Федерации», принятый Госдумой 23 июня 1995 г. Так, в Соглашение включены, в частности, статьи о привилегиях и иммунитетах ОЭСР, а именно, о судебном-процессуальном иммунитете, неприкосновенности имущества, неприкосновенности помещений, неприкосновенности архивов (ст. 4–7). Подписание данного Соглашения благоприятным образом влияет на развитие всесторонней деятельности ОЭСР в России, в том числе и в сфере лизинга.

На универсальном международном уровне принято еще несколько документов, которые содержат положения, регулирующие прямые инвестиции, и, тем самым, опосредованно относящиеся к источникам международного права в сфере лизинговых отношений. Например, Сеульская Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций от 11 октября 1985 г. По состоянию на 2021 г. в ней участвуют более 30 развитых стран и порядка 140 развивающихся. Россия участвует в Конвенции с 1992 г.

Исходя из проведенного анализа универсальных источников международного права в сфере лизинговых отношений, следует, что лизинговые отношения находят довольно подробное регулирование на уровне универсальных конвенций и решений международных межправительственных организаций. В тоже время, лизинговые отношения, учитывая их стремительное развитие и важнейшее значение для экономик разных стран, требуют более тщательного подхода и проработки как на универсальном, так и на региональном уровнях.

Среди основных региональных источников, регулирующих лизинг и отношения сторон при за-

ключении договора лизинга в странах Европейского Союза, следует назвать Римскую конвенцию о праве, применимом к договорным обязательственным отношениям, от 19 июня 1980 г. Российская Федерация не является участником данного соглашения, так как не входит в состав государств-членов ЕС.

Важным этапом региональной международной унификации права в области лизинга, осуществляемой в рамках стран-членов СНГ, явилось подписание в Москве 25 ноября 1998 г. Конвенции о межгосударственном лизинге. Конвенция вступила в силу 30 августа 2001 г. для трех государств СНГ — Белоруссии, Армении и Таджикистана (Российская Федерация не участвует в Конвенции). Несмотря на то, что Конвенция не имеет силы для большинства стран СНГ, все же нельзя отрицать положительного значения разработки данной Конвенции, так как она является свидетельством динамики в развитии нормативной базы о лизинге в СНГ.

Активнее всего в рамках СНГ работа по разработке нормативных актов, регулирующих лизинг, ведется в рамках Экономического Совета СНГ.

Таким образом, как следует из проведенного анализа, значение лизинговых отношений в рамках Содружества возрастает, что влечет за собой развитие нормативной базы региональных межгосударственных соглашений. Данная тенденция носит, несомненно, позитивный характер, так как лизинг (в том числе авиационный) является одним из ключевых видов активных финансовых операций.

В региональных международных организациях, участницей которых является Российская Федерация, также разрабатываются проекты документов, которые после процедуры их принятия и вступления в действие можно считать источниками регулирования лизинга.

Необходимо отметить, что для развития лизинговых отношений в некоторых регионах мира характерно наличие одного лидера в этой области, который определяет вектор развития лизинга в регионе.

Таким образом, как в рамках Европейского союза, так и в рамках Содружества Независимых государств прослеживаются тенденции, связанные с признанием роли лизинга в экономическом развитии не только отдельно взятого государства, но и целого региона. Страны стремятся к большей унификации регулирования вопросов, связанных с лизингом (применимое право, условия поставки, банковские операции, повышение эффективности лизинга и др.) путем заключения региональных соглашений, двухсторонних и многосторонних договоров.

Определение термина «Лизинг» прописывается в двух нормативно-правовых актах — ГК РФ (ст. 665) и Федеральном законе РФ «О финансовой аренде (лизинге)».

Так, в Федеральном законе лизинговая сделка рассматривается как комплекс экономико-правовых взаимоотношений, формирующихся на основе условий лизингового договора, по отношению к которому лизингодатель рассматривается как покупатель

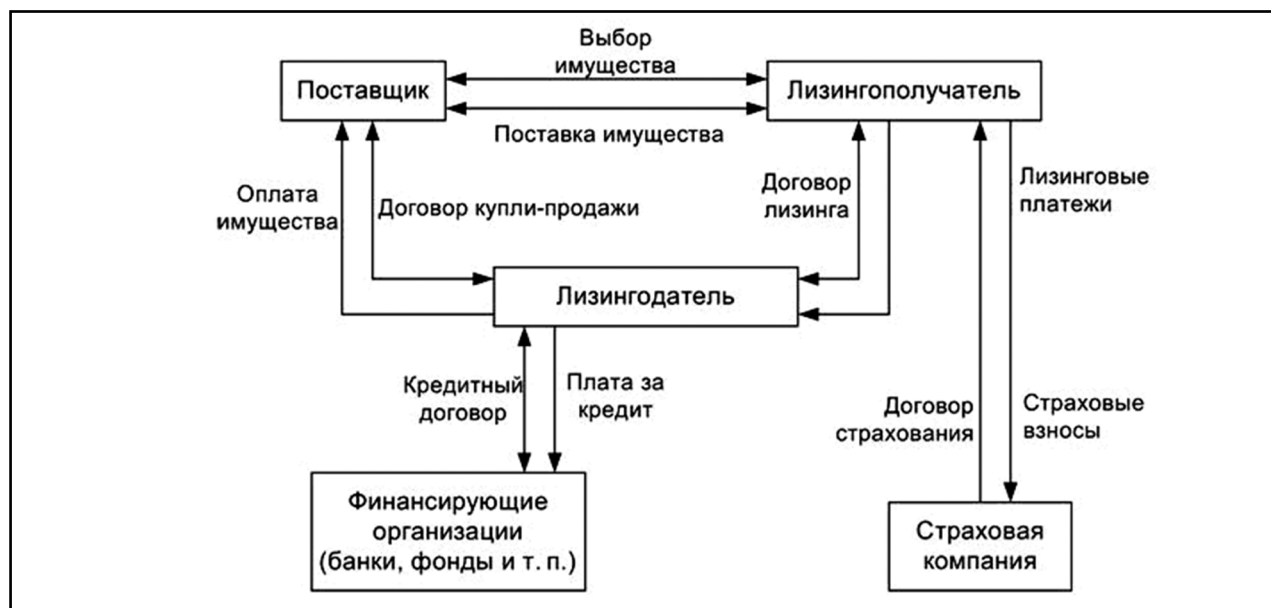

Рис. 1. Блок-схема лизинговой операции и финансовых потоков
Источник: Газман В. Д. Лизинг за рубежом. 2011. № 3. С. 24.

материальных средств, отмеченных лизингополучателем у продавца и выставление лизингополучателю этих материальных средств за плату на период временного использования.

Классический лизинговый процесс представлен на рис. 1.

После начала спецоперации России на Украине под американские санкции попали крупнейшие лизинговые компании. В целом проблемы возникли у всех участников рынка, а не только так или иначе попавших под международные ограничения.

Ключевая проблема для лизинговых организаций в настоящее время — поиск финансовых ресурсов. Ситуация для сегмента осложняется и дефицитом предметов лизинга. Традиционно инструмент был ориентирован на европейских производителей техники, которые сейчас покинули российский рынок.

Нужно и можно переориентироваться на азиатских производителей, но перестройка бизнес-процессов займет много времени. Есть и логистические проблемы. Негативным моментом является и волатильность валюты, риски в проведении взаиморасчетов за предметы лизинга и позиция иностранных партнеров, ограничивающих сотрудничество с российскими компаниями.

Библиографический список

1. Boris Veldhuijzen van Zanten // URL://<https://pandia.ru/text/78/551/30135.php>.

2. Михайлова А. А. Лизинг автотранспортных средств: сб. публикаций преподавателей и студентов по итогам факультетских и межвуз. науч.-практ. конф. М. : Спутник+, 2019. С. 41–45.

3. Полина Трифонова. Лизинг буксует // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/5249880>.

4. Родченкова О. А., Чернецова Ю. А., Накова М. Р. Собственный капитал организации: нормативные правовые и бухгалтерские аспекты // Роль бухгалтерского учета, контроля и аудита в обеспечении экономической безопасности России: сб. науч. трудов. М. : Научный консультант, 2017. С. 136–143.

Bibliographic list

1. Boris Veldhuijzen van Zanten // URL://<https://pandia.ru/text/78/551/30135.php>.

2. Mikhailova A. A. Leasing of motor vehicles: collection of publications of teachers and students based on the results of faculty and inter-university. scientific and practical conf. M. : Sputnik+, 2019. P. 41–45.

3. Polina Trifonova. Leasing is stalling // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/5249880>.

4. Rodchenkova O. A., Chernetsova Yu. A., Nakova M. R. The organization's own capital: regulatory legal and accounting aspects // The role of accounting, control and audit in ensuring economic security of Russia: collection of scientific works. M. : Scientific Consultant, 2017. P. 136–143.

Информация об авторах

А. В. Орлов — доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент;

А. С. Лошаков — заместитель начальника кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Orlov — Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

A. S. Loshakov — Deputy Head of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 21.06.2022; принята к публикации 01.08.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 01.08.2022.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-339-342>

ИПОН: 2003-0059-5/22-470

MOSURED: 77/27-003-2022-05-669

Цифровые технологии в налогообложении

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, staroverova05@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы преобразования налоговой системы Российской Федерации в условиях цифровой реальности. Ставится задача адаптации системы налогообложения под современные реалии путем ее внедрения в цифровую бизнес-среду. Приведены примеры, показывающие эффективность цифровизации налогообложения после внедрения программно-информационных комплексов. Сделаны основные выводы, требующие от государства разработки продуманных мер налогового стимулирования организаций и осуществления эффективной налоговой политики.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация налогообложения, налоговая система, налоговая политика, налоговое администрирование, уклонение от уплаты налогов и сборов, цифровая бизнес-среда

Для цитирования: Староверова О. В. Цифровые технологии в налогообложении // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 339–342. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-339-342>.

Original article

Digital technologies in taxation

Olga V. Staroverova

Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Moscow, Russia, staroverova05@mail.ru

Abstract. The main problems of transformations of the tax system of the Russian Federation in the conditions of digital reality are considered. The task is to adapt the taxation system to modern realities by introducing it into the digital business environment. Examples are given showing the effectiveness of digitalization of taxation after the introduction of software and information systems. The main conclusions are drawn that require the state to develop well-thought-out measures of tax incentives for organizations and the implementation of an effective tax policy.

Keywords: digital economy, digitalization of taxation, tax system, tax policy, tax administration, tax evasion, digital business environment

For citation: Staroverova O. V. Digital technologies in taxation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):339–342. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-339-342>.

В настоящее время цифровые решения и инновации последних лет применяются во всех сферах жизни общества, в том числе в отрасли налогообложения. Давайте попытаемся разобрать отличие «цифровой экономики» от «обычной»? Вслед за авторами [2; 7; 9], будем считать, что самое полное и авторитетное определение цифровой экономики сформулировано Всемирным банком, согласно которому «цифровая экономика — это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» [2]. За последние десятилетия появились такие составляющие цифровой экономики, как электронные платежи, интернет-банкинг, e-commerce, цифровые платформы онлайн-образования [10] и др.; также резко выросла

криптосфера — головная боль налоговиков. Поэтому все эти аспекты создают проблемы для налоговых систем множества стран и заставляют их идти в ногу со временем, адаптируясь под новую цифровую реальность.

Одним из главных приоритетов в условиях цифровизации экономики является внедрение новых технологий в систему налогообложения как важнейшую составляющую государства. Сама «цифровая бизнес-среда» является одной из проблем, трудно поддающихся контролю налоговых органов; что и создает прецеденты для уклонения от уплаты налогов организаций и физических лиц. Поэтому, на наш взгляд, основной целью трансформации налоговой системы является модернизация контроля для пресечения различных уклонений от уплаты налогов

© Староверова О. В., 2022

организаций и физических лиц при помощи современных технологий.

Еще одной из приоритетных целей цифровой перестройки налоговой системы является также автоматизация контроля над обязательствами налогоплательщиков не только в цифровом мире, но и вне его. Под данные цели разрабатываются специальные программные комплексы, которые позволяют оптимизировать множество процессов, анализируя большие потоки данных о налогоплательщиках при помощи технологий Machine Learning, AI, Big Data и т. д.

В качестве конкретного примера таких цифровых систем можно привести отечественные информационные комплексы ПК «ВАИ» и ПК «Контроль НДС». Целью ПК «ВАИ» является предоставление данных о компаниях, их владельцах и осуществляемых выплатах в графическом виде, а целью ПК «Контроль НДС» — отслеживание цепочки движения товаров, облагаемых НДС от их появления на территории РФ до продажи конечному потребителю [2]. Благодаря цифровым технологиям, ИФНС берут на себя такие функции, как расчет налогов, полученных на основании данных ГИБДД, реестра недвижимости и иных источников. Все эти функции возможны с внедрением программных комплексов, автоматизирующих многие процессы, выполнение которых до этого занимало немало времени. Таким образом, автоматизация и выполнение вышеперечисленных функций налоговым органом снижает налоговый риск и пресекает попытки уклонения от налогов.

Одним из примеров, который показывает эффективность цифровизации налогообложения после внедрения программно-информационных комплексов, можно привести показатели собираемости налогов на НДС, считающийся самым проблемным налогом по собираемости в мире. В 2021 г. собираемость по НДС повысилась во много раз, по сравнению с 2016 г., а доля сомнительных операций в части НДС упала до 0,43 %, в то время, как еще в 2016 г. она составляла 8 % [3].

Если рассмотреть мировую практику использования цифровых технологий в налогообложении, то первым делом можно привести в качестве примера скандинавские страны, такие как Швеция, Финляндия, Дания и Норвегия. В этих государствах исполнение налоговых обязательств происходит в авто-

матическом режиме, все контролируется автоматизированной системой на стороне налогового органа, а граждане получают уведомления для проверки расчетов налогообложения [6]. В других странах — Южная Корея, Исландия, Великобритания, Швейцария, Эстония, — где присутствует электронная регистрация, на протяжении уже более десяти лет подача налоговой отчетности и оплата налогов и сборов осуществляются с использованием передовых эффективных методов электронного правительства, например, «умные» алгоритмы, big-data, искусственный интеллект и машинное обучение и т. д.

Также хочется остановиться и на принятом в 2013 г. Плате BEPS (Base Erosion and Profit Shifting — размывание налоговой базы и вывод доходов из-под налогообложения), который позволил сделать первый шаг для корректировки и унификации международных налоговых правил, а именно дал рекомендации по изучению существующих бизнес-моделей цифровой экономики [11].

Все вышеперечисленные тенденции цифровизации налогообложения являются частью проектов «цифровых правительств», которые в последнее время активно разрабатываются и внедряются во многих странах мира. Цифровое правительство ставит своей целью упрощение и построение более простых открытых взаимоотношений между государством и гражданином, в том числе, конечно же, и в сфере уплаты налогов и сборов. Для этого в России разработано множество онлайн-сервисов, доступных на сайте Федеральной налоговой службы, например самые популярные из них — это «Узнай ИНН», «Прозрачный бизнес» и др. Современные онлайн-сервисы позволяют получить налоговую услугу, сдать налоговую отчетность в электронном виде через Интернет «не выходя из дома», без посещения инспекции налоговой службы. Сейчас налоговые органы уделяют огромное внимание сервисному взаимодействию с налогоплательщиками, что полностью соотносится с миссией ФНС России, направленной на развитие эффективной контрольно-надзорной деятельности и высокого качества предоставляемых услуг налогоплательщикам [1]. Данная концепция позволит как значительно оптимизировать расходы на содержание всей налоговой системы, так и значительно повысить ее эффективность. При этом оптимизация налоговой системы выгодна как государству, так и представителям бизнеса.

Применение технологий передачи информации в режиме реального времени с использованием контрольно-кассовой техники, так называемые онлайн-кассы позволяет налоговым органам получать и контролировать розничную торговлю, что без сомнения оказывает важное влияние как на понижение налоговых рисков, так и на увеличение налоговых поступлений в бюджет. Такая автоматизация многих процессов налогообложения повышает позицию государства в рейтинге стран по легкости введения бизнеса.

Однако, применение современных цифровых технологий требует от налоговых органов и дальнейшей модернизации налогового контроля, возможность проведения камеральных проверок в автоматическом режиме, поскольку современные цифровые бизнес-модели допускают ведение бизнеса без регистрации и фактического нахождения в конкретной стране.

Думается, необходимо внедрение современных цифровых технологий в налоговое администрирование, его адаптацию к новым условиям цифровой экономики, все это позволит обеспечить прозрачность налогообложения, пресечь уклонения от уплаты налогов и сборов, снизить налоговые риски государства [4; 5]. Отмечу, что по итогам Форума по налоговому администрированию (ФТА) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), прошедшего в декабре 2020 г. (ФТА), Россия вошла в семерку стран с лучшей международной практикой в сфере осуществления налогового мониторинга. ФНС планирует запуск проекта электронного кошелька, позволяющего оплачивать налоги и сборы онлайн; в ближайшем будущем налоговый мониторинг коснется 15 отраслей и около 200 компаний. Однако, нельзя не согласиться с мнением [1], что важнейшим условием повышения рейтинга налоговой системы Российской Федерации можно считать: совершенствование организационной структуры налоговых органов, использование современных цифровых технологий контрольной работы, а также изменение концепции взаимоотношений налоговых органов и налогоплательщиков.

Вместе с тем, применение цифровых технологий в налогообложении влечет и серьезные риски в области безопасности и конфиденциальности данных, повышая риски взломов серверных хранилищ налогоплательщиков через несанкционированный доступ

к корпоративным и банковским системам. Поэтому, соблюдение и сохранение сведений, составляющих налоговую тайну, неразглашение любой информации о налогоплательщиках ставит перед налоговыми органами еще одну важную задачу как обеспечение защиты прав и законных интересов налогоплательщиков с возможностью доступа к этой информации только ответственных должностных лиц.

Таким образом, трансформация налоговой системы в условиях цифровой реальности требует от государства:

- ♦ разработки эффективных и продуманных мер налогового стимулирования организаций, занимающихся, например, развитием цифровых услуг, разработкой программного обеспечения и т. д.;

- ♦ полной интеграции налоговых сервисов в цифровую бизнес-среду, что позволит автоматически выполнять налогоплательщиками свои обязательства по уплате налогов и сборов;

- ♦ перехода налогового администрирования на качественно новый уровень, который позволит создать систему добровольного соблюдения законодательства о налогах и сборах, повысит уровень доверия между государством и налогоплательщиками.

Список источников

1. Глухов В. В., Глухов Е. В., Сенько А. Е. Влияние современных информационных технологий на взаимодействие между налогоплательщиками и налоговыми органами // URL// https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55439/1/vestnik_2017_3_006.pdf.
2. Голова Е. Е., Баранова И. В. Цифровизация налоговых процессов как способ повышения эффективности налоговой системы России // URL://<https://fundamentalresearch.ru/ru/article/view?id=42996>.
3. Иваницкий В. Цифровизация к 2025 году: чего ждать налогоплательщикам // Клерк.ру // URL://<https://www.klerk.ru/buh/articles/509766/>
4. Кирова Е. А., Кожебаткина А. В. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики // URL://<https://vestnik.guu.ru/jour/article/viewFile/2396/1854>.
5. Кирова Е. А., Морозова Н. Г., Безверхий А. С. Трансформация налоговой системы России в условиях становления цифровой экономики // Вестник университета. 2019. № 7. С. 118–124.
6. Кононенко О. В. Налогообложение в условиях цифровой экономики: вызовы и перспективы // Вест-

ник института экономических исследований 2020. № 1(17). С. 147–153.

7. Ростех «Цифровая экономика: история и перспективы» // URL://http://ar2016.rostec.ru/digital-history.

8. Сайт Федеральной налоговой службы РФ // URL://https://www.nalog.ru/rn77/

9. Уринцов А. И., Староверова О. В., Галахов Д. В. Некоторые вопросы формирования условий развития современной цифровой экономики // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 2. С. 108–111.

10. Уринцов А. И., Староверова О. В., Свиридова Е. С., Епифанов Г. М. Государственная политика РФ, направленная на развитие образования в условиях цифровой экономики // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2018. Т. 14. № 4. С. 842–850.

11. BEPS Actions // URL://http://www.oecd.org/tax/beps/beps-actions/

References

1. Glukhov V. V., Glukhov E. V., Senko A. E. Influence of modern information technologies on interaction between taxpayers and tax authorities // URL://https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55439/1/vestnik_2017_3_006.pdf.

2. Golova E. E., Baranova I. V. Digitalization of tax processes as a way to increase the efficiency of the Russian tax system // URL://https://fundamentalresearch.ru/ru/article/view?id=42996.

3. Ivanitsky V. Digitalization by 2025: what to expect for taxpayers // Clerk. <url> // URL://https://www.klerk.ru/buh/articles/509766/

4. Kirova E. A., Kozhebatkina A. V. Modernization of tax control in the conditions of digitalization of the economy // URL://https://vestnik.guu.ru/jour/article/viewFile/2396/1854.

5. Kirova E. A., Morozova N. G., Bezverhiy A. S. Transformation of the tax system of Russia in the context of the formation of the digital economy // Bulletin of the University. 2019. No. 7. P. 118–124.

6. Kononenko O. V. Taxation in the digital economy: challenges and prospects // Bulletin of the Institute of Economic Research 2020. No. 1(17). P. 147–153.

7. Rostec «Digital economy: history and prospects» // URL://http://ar2016.rostec.ru/digital-history.

8. Website of the Federal Tax Service of the Russian Federation // URL://https://www.nalog.ru/rn77/

9. Urintsov A. I., Staroverova O. V., Galakhov D. V. Some issues of formation of conditions for the development of modern digital economy // Education. The science. Scientific personnel. 2017. No. 2. P. 108–111.

10. Urintsov A. I., Staroverova O. V., Sviridova E. S., Epifanov G. M. State policy of the Russian Federation aimed at the development of education in the digital economy // Modern information technologies and IT education. 2018. Vol. 14. No. 4. P. 842–850.

11. BEPS Actions // URL://http://www.oecd.org/tax/beps/beps-actions/

Информация об авторе

О. В. Староверова — профессор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova — Professor of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Рецензия

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-343-344>

ИПОН: 2003-0059-5/22-471

MOSURED: 77/27-003-2022-05-670

Рецензия на учебник «История экономических учений», подготовленный доктором экономических наук, профессором А. В. Минаковым

Елена Ивановна Кузнецова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, elenkuz90@mail.ru

Аннотация. Представлена рецензия на учебник «История экономических учений», подготовленный доктором экономических наук, профессором А. В. Минаковым. Определена структура учебника, научная новизна, отличие представленного учебника от других изданий. Автор обеспечил в рецензируемом издании методологические закономерности экономических учений и определил новые направления развития экономической мысли.

Ключевые слова: учебник, история экономических учений, экономика, экономика и управление, экономическая безопасность

Для цитирования: Кузнецова Е. И. Рецензия на учебник «История экономических учений», подготовленный доктором экономических наук, профессором А. В. Минаковым // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 343–344. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-343-344>.

Review

Review of the textbook «History of Economic Doctrines», prepared by Doctor of Economic Sciences, Professor A. V. Minakov

Elena I. Kuznetsova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, elenkuz90@mail.ru

Abstract. A review of the textbook «History of Economic Studies» prepared by Doctor of Economic Sciences, Professor A. V. Minakov is presented. The structure of the textbook, the scientific novelty, the difference of the presented textbook from other publications are determined. The author provided methodological regularities of economic doctrines in the peer-reviewed publication and identified new directions for the development of economic thought.

Keywords: textbook, history of economic studies, economics, economics and management, economic security

For citation: Kuznetsova E. I. Review of the textbook «History of Economic Doctrines», prepared by Doctor of Economic Sciences, Professor A. V. Minakov. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):343–344. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-343-344>.

Рецензируемый учебник А. В. Минакова «История экономических учений» предназначен для студентов вузов, обучающихся по экономическим направлениям.

Учебник раскрывает теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений, может быть использован студентами для самостоятельной работы и преподавателями в качестве дополнительного материала при планировании лекционных и семинарских занятий по этой дисциплине.

В издании представлены общие рекомендации к теоретическим занятиям, даны рекомендации сту-

дентам по организации самостоятельной работы, списки рекомендованных источников литературы, необходимых для освоения дисциплины, указаны вопросы для самоконтроля и тесты.

Рецензируемый учебник полностью соответствует содержанию программы дисциплины «История экономических учений», входящей в базовую часть учебного плана специалитета по специальности «Экономическая безопасность». Уровень изложенного в нем учебно-методического материала соответствует современным достижениям экономической научной методологии, что позволяет сделать вывод о его безусловной актуальности.

© Кузнецова Е. И., 2022

Представляется, что новизна издания А. В. Минакова заключается в оригинальности авторского подхода как к пониманию задач учебной дисциплины «История экономических учений», так и к изложению предназначенного для студентов учебного и методического материала. В отличие от подавляющего большинства имеющихся учебных изданий по истории экономических учений, в которых предмет исследования и применяемые в них методы объясняются с позиции дескриптивности по принципу «кто, что и когда сказал», в данном учебнике рассматриваются фундаментальные методологические закономерности экономических учений, представляющие собой бесконечный поиск решений экономических проблем.

Основной задачей учебника А. В. Минаков видит в оказании существенной методической помощи студенту в формировании самостоятельного экономического мышления, чему посвящены указания по организации самостоятельной работы и конкретные предметные рекомендации к теоретической работе над всем курсом истории экономических учений.

Как считает автор издания, в результате решения основной задачи у студента должно сформироваться грамотное, не поверхностное представление о предмете истории экономических учений, его структуре, специфике и основных критериях эконо-

мических знаний, их роли в развитии мировой экономической мысли. А. В. Минаков справедливо полагает, что освоение истории экономических учений может способствовать преодолению студентом догматичности и узко профессиональной направленности своего мышления.

Учебник А. В. Минакова состоит из введения, десяти глав и заключения. Он представляет собой логически структурированное и иллюстрированное руководство, и с методической точки зрения полностью отвечает требованиям преподавания дисциплины «История экономических учений». Издание обладает необходимыми полнотой и качеством дидактического аппарата, в нем содержатся корректно подобранные контрольные вопросы и тесты для самоконтроля. Определения и формулировки, используемые в учебнике, точны и корректны. Учебник написан ясным и доступным языком.

Полагаю, что рецензируемый учебник А. В. Минакова «История экономических учений» отвечает всем необходимым требованиям, предъявляемым к подобного рода изданиям, может быть рекомендована к печати и использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего образования для обучающихся по экономическим направлениям.

Поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.
Submitted 11.07.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-345-349>

НИОН: 2003-0059-5/22-472

MOSURED: 77/27-003-2022-05-671

Психологические аспекты осмотра места происшествия

Асхат Абдугопорович Абдульманов¹, Дмитрий Владимирович Деулин²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, askhat002@yandex.ru

² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, ddeulin@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема психологического сопровождения работы следователя при осмотре места происшествия. Артикулируется значимость использования следователем знаний, умений и навыков из области психологической науки при раскрытии уголовных преступлений. Представлен анализ различных отечественных и зарубежных подходов к проблеме использования следователем основных положений и закономерностей функционирования психики участников уголовного расследования. По мнению авторов, опора следователя (дознателя) на психологическую науку повышает эффективность производства следственных действий, в частности, осмотра места происшествия. Делается вывод о необходимости повышения профессиональной компетентности следователя и использования современных данных психологических исследований в производстве следственных действий.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, психические процессы, психические свойства, следователь, психология следственного действия, интеллект, характер, темперамент

Для цитирования: Абдульманов А. А., Деулин Д. В. Психологические аспекты осмотра места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 345–349. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-345-349>.

Original article

Psychological aspects of the inspection of the scene

Askhat A. Abdulmanov¹, Dmitry V. Deulin²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, askhat002@yandex.ru

² All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ddeulin@yandex.ru

Abstract. The problem of psychological support of the investigator's work during the inspection of the scene is considered. The importance of the investigator's use of knowledge, skills and abilities from the field of psychological science in the detection of criminal offenses is articulated. The analysis of various domestic and foreign approaches to the problem of the investigator's use of the basic provisions and laws of the functioning of the psyche of participants in a criminal investigation is presented. According to the authors, the reliance of the investigator (inquirer) on psychological science increases the efficiency of investigative actions, in particular, the inspection of the scene of the incident. The conclusion is made about the need to improve the professional competence of the investigator and the use of modern psychological research data in the production of investigative actions.

Keywords: inspection of the scene, mental processes, mental properties, investigator, psychology of investigative actions, intelligence, character, temperament

For citation: Abdulmanov A. A., Deulin D. V. Psychological aspects of the inspection of the scene. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):345–349. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-345-349>.

Следственный осмотр представляет собой процессуальное действие, предусмотренное УПК РФ, состоящее в непосредственном наблюдении, обнаружении, восприятии, закреплении и анализе следователем различных объектов для установления их признаков, свойств, состояния, взаиморасположения и определения их значимости в качестве доказательств по делу. Цель следственного осмотра заключается в том, чтобы получить доказательства, способствующие раскрытию и расследованию преступления. Ос-

мотр места происшествия может быть составной частью других следственных действий [9].

Залогом успешной работы следователя, дознавателя, оперативного работника на месте происшествия является высокий уровень развития его психических процессов (познавательных, эмоциональных и волевых). Это позволит получить максимально объективную картину о происшедшем событии и будет иметь важное значение для успешного расследования.

© Абдульманов А. А., Деулин Д. В., 2022

Например, такой важный познавательный процесс, как внимание (профессиональное) позволяет следователю выделять из наблюдаемой обстановки все, что может оказаться существенным при расследовании, например, такие признаки, на основе которых возможно отграничить убийство от самоубийства, несчастного случая или насильственной смерти [4].

Другим немаловажным познавательным процессом, необходимым при осмотре места происшествия, является уровень развития мышления. Учитывая интеллектуальные качества человека, следует отметить, что человек, как любая материальная система, воспринимает только те сведения, к приему которых он подготовлен профессиональными и специальными знаниями. Кроме того, в момент приема этих сведений он должен быть интеллектуально активен. В этом случае он способен систематизировать поступающие данные для выдвижения и проверки версии. Проверка же версий неизбежно активизирует поиск других, новых фактических данных в строго определенных направлениях, т. е. делает работу наиболее эффективной. Работая подобным образом, следователь чувствует себя уверенным. В противоположной ситуации он способен поддаваться внушающему воздействию внешней обстановки, мнения других лиц, участвующих в осмотре. В этом состоянии неизбежно ослабляется поиск следов, по-иному объясняющих данный факт, ослабляется стремление выдвигать и проверять различные версии, что создает возможность для ошибок в выводах и т. п.

При осмотре места происшествия многие мыслительные задачи приходится решать в условиях дефицита информации, в связи с чем следователю приходится опираться на свои суждения и выводы для объяснения того или иного факта, в основном на профессиональный, жизненный опыт нередко на уровне интуитивных догадок и предположений.

О роли интуиции в процессе мыслительной деятельности следователя Н. Л. Грант и А. Р. Ратинов пишут: *«Следственная интуиция — это основанная на опыте и знаниях интеллектуальная способность быстро, непосредственно находить решения творческой задачи при ограниченном исходном материале. Она играет положительную роль в отыскании истины, собирании доказательств, выборе наиболее эффективных приемов расследования»* [5].

В процессе осмотра места происшествия следователь прибегает к мысленному моделированию со-

бытия. Это позволяет сделать целенаправленным процесс наблюдения и восприятия обстановки места происшествия. Например, при осмотре предполагаемого (в соответствии с реальными обстоятельствами и мысленной моделью) места грабежа или разбоя следователь ищет следы преступника, орудия преступления, доказательства исчезновения денег, ценностей, вещей и т. д. и мысленно воссоздает имевшее место событие преступления.

В ходе осмотра места происшествия нельзя ограничиваться выдвижением следователем лишь одной версии, поскольку она может быть неверной. Необходимо исследовать любой обнаруженный факт, явление с разных точек зрения, подвергать их сомнению и всесторонней проверке. Все это необходимо потому, что первая выдвинутая следователем версия, его мысленная модель события могут оказаться ошибочными. Как отмечает Ф. В. Глазырин, у некоторых молодых, недостаточно опытных работников (следователей, оперуполномоченных оперативных подразделений) нередко возникает своеобразное состояние, которое можно определить как «страх ошибки». Оно выражается в излишнем волнении, растерянности, снижении разумной активности, целенаправленности, приводит к неспособности осуществлять четкую мыслительную деятельность, правильно руководить действиями участников осмотра [3, с. 6–7].

Кроме психических процессов, немаловажное значение в работе следователя играют психические состояния и свойства.

Свое название «психическое состояние» получает от ведущего компонента: познавательное состояние (например, размышление, сосредоточенность следователя и т. д.), эмоциональное (например, радость, печаль оперативного работника и т. д.), волевое (решительность, настойчивость и т. д.). Бывают случаи, когда следователь при осмотре места происшествия подвергается внушающему воздействию собственных мыслей. Это воздействие возможно в тех случаях, когда исходные данные не вызывают сомнения, хотя при этом уровень профессиональных знаний может быть достаточно высок.

Психические свойства следователя также имеют важное значение при осмотре места происшествия. Являясь наиболее устойчивой особенностью личности они, прежде всего, проявляются в деятельности. Желание следователя продолжать работу может

определять результативность всего расследования в целом. Кроме того, на характер следственных действий откладывает отпечаток характер и темперамент следователя. Отсутствие профессионального опыта, растерянность, неумение управлять психологическим состоянием мешают следователю, усиливают отрицательное воздействие на его поведение и принятие правильного решения в выборе тактики проведения этого следственного действия.

Стоит обратить внимание и на психологическую компетентность следователя, наличие у него знаний в области психологии. Поскольку, понимая закономерности возникновения и протекания психических процессов, состояний и свойств человека, можно восстановить картину произошедшего и составить психологический портрет преступника. Как отмечает Ю. В. Чуфаровский, довольно часто в преступлениях могут найти отражение черты характера (жадность, злобность, агрессивность, жестокость и пр.), волевые качества преступника (осторожность, смелость, трусость, решительность и т. п.) [6]. Очень часто сама обстановка места происшествия способна отразить и определенные психологические, в частности, эмоциональные состояния, испытываемые субъектом в момент совершения им преступления. Если преступник точно выбрал время кражи, действовал продуманно и последовательно, взял наиболее ценные вещи, позаботился об уничтожении следов, от начала до конца преступления вел себя предусмотрительно (не нарушил обстановки квартиры, погасил свет, запер за собой дверь и т. п.), то это позволяет предположить, что он человек хладнокровный, расчетливый, осмотрительный.

На выработку психологической линии поведения следователя могут оказать существенное влияние следующие факторы: степень развития у него поисковых способностей; наличие или отсутствие волнения из-за страха совершить публичную ошибку или поспешные поверхностные действия; характер физических и психологических условий и др. [8].

Следователь не всегда может снять с себя или хотя бы уменьшить нервное возбуждение, напряженность, преодолеть возникающие стрессовые состояния, что значительно снижает эффективность его действий в ходе осмотра.

На эффективность осмотра также влияет так называемый психологический фон преступления. В подавляющем большинстве случаев следователь не

остается равнодушным к тому, что он обнаруживает и воспринимает при осмотре места преступления: вид жертвы, кровь, телесные повреждения, слезы потерпевших и их родственников. При этом он может испытывать чувство возмущения, негодования, сострадания, сочувствия, жалости, гнева и др. [3, с. 8]. В связи с этим, особенно важным качеством следователя в его работе представляется уровень стрессоустойчивости. Поскольку хроническое состояние психоэмоционального напряжения приводит к совершению ошибочных действий, появлению нарушений в познавательных процессах. Сохранять самообладание в критически сложных ситуациях помогут отдельные методы психокоррекции, такие, например, как психофизиологический тренинг в профессиональной деятельности специалиста [7].

Необходимо иметь в виду, что психологический фон преступления способен оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие. В первом случае испытываемые следователем чувства заставляют его овладеть собой, направить силы на достижение цели, наиболее эффективно провести осмотр и сделать все для установления истины. Такая психологическая готовность, естественно, приводит к повышению у следователя внимания, целеустремленности, сосредоточенности, настойчивости, решительности и активности при производстве осмотра.

Следователь не может выступать в качестве простого регистратора увиденного при осмотре места происшествия и ограничиваться фиксацией того, что обнаружил.

Важнейшим критерием для решения вопроса о том, какие обнаруженные факты, предметы, признаки должны быть исследованы, изъяты, отражены в протоколе, является установление их отношения к событию преступления.

Поэтому следователь в процессе осмотра должен стремиться определить наличие (или отсутствие) причинной связи между обнаруженными предметами, явлениями, признаками, с одной стороны, и расследуемым событием, — с другой [3, с. 8].

Следует отметить, что обнаружение причинной связи в процессе осмотра места происшествия является очень сложной задачей. При решении ее возможны ошибки. Следователь может не обратить внимания на те или иные факты, обстоятельства, имеющие отношение к событию преступления. Чтобы избежать или хотя бы значительно уменьшить возмож-

ность подобных ошибок, необходимо, во-первых, стремиться до начала осмотра получить как можно больше информации (от очевидцев, потерпевших, экспертов, специалистов, работников органов дознания), во-вторых, исследовать и зафиксировать как можно большее количество фактов и обстоятельств, необходимых для выдвижения версий по исследуемому событию.

Осмотр места происшествия позволяет получить сведения не только о событии преступления, но и о многих особенностях личности преступника (физических, биологических, социальных), так как характеризующие личность преступника доказательства возникают неизбежно, поскольку сам процесс их возникновения носит закономерный характер.

Информация о личности преступника, полученная в результате осмотра места происшествия, условно может быть разделена на относительно достоверную и носящую вероятностный характер [3, с. 17].

Обнаружение информации первого вида позволяет выявить определенные, например, физические признаки преступника. Так, если он проник к месту хранения ценностей через небольшое отверстие в стене или в потолке, то вероятно, что это очень худощавый и узкоплечий мужчина или подросток.

Факты и обстоятельства, наблюдаемые следователем при осмотре места происшествия, носят объективный характер, но протекающая на основе их оценки, мыслительная деятельность следователя, избираемые им версии, устанавливаемые причинные связи между наблюдаемыми фактами и обстоятельствами, имеют вероятностный характер, могут привести как к правильным, так и неверным выводам.

Необходимо обратить внимание и на такой аспект осмотра места происшествия, как установление нормативного психологического контакта между участниками осмотра. Ранее в юридической литературе формирование психологического контакта относили в основном к допросу. Однако, следует признать, что установление доброжелательного психологического контакта между участниками необходимо при производстве любого следственного действия, в том числе и при осмотре места происшествия.

Такой контакт служит созданию благоприятного психологического микроклимата, при котором каждый участник осмотра добросовестно выполняет свои процессуальные обязанности, конкретную отведенную ему роль и правильно использует свои про-

цессуальные права в интересах успешного решения задачи данного следственного действия [1].

Успешность осмотра, по мнению В.Н. Волкова, зависит от решения следующих психологических задач [2].

Первая задача — собрать всю информацию, которая может иметь отношение к расследуемому событию. На этом этапе не следует ограничиваться сбором сведений под влиянием только одной версии.

Вторая задача — проанализировать собранную информацию и на этой основе попытаться создать версию, которая объяснила бы происшедшее событие.

Третья задача — сопоставить каждую выдвинутую версию со всей обстановкой места происшествия и в ходе этого объективно отметить все противоречия (негативные обстоятельства).

Таким образом, в ходе осмотра места происшествия перед следственными работниками возникает множество вопросов, решение которых требует не только широкого кругозора, юридической культуры, специальных познаний и жизненного опыта, но и высокого уровня компетенций в области психологии.

Список источников

1. Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий // Соц. законность. 1977. № 6. С. 62.
2. Волков В. Н. Юридическая психология: учебник для вузов. М. : ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2002.
3. Глазырин Ф. В. Психология следственных действий. ВСШ, 1983.
4. Попов В. И. Раскрытие тяжких преступлений против личности // мат. конф. «Осмотр места происшествия по делам об убийствах». М., 1973. С. 74.
5. Решение следственных задач: учеб. пособие / Н. Л. Гранат, А. Р. Ратинов. Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1978.
6. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: учеб. пособие. М. : Право и Закон, 1997.
7. Федотов А. Ю. Принципы и основные технологии психологического обеспечения профессиональной надежности сотрудников силовых структур // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 216–218.
8. Юридическая психология: учебник для вузов / И. И. Аминов. М. : Омега-Л, 2011.
9. Юридическая психология: учебник для студентов вузов, курсантов и слушателей образователь-

ных учреждений МВД России юридического профиля / (И. Б. Лебедев и др.); под ред. В.Я. Кикотя. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010.

References

1. Vasiliev A. N. Tactics of individual investigative actions // Social legality. 1977. No. 6. P. 62.
2. Volkov V. N. Legal psychology: textbook for universities. M. : UNIT-DANA, Law and Law, 2002.
3. Glazyrin F. V. Psychology of investigative actions. VSSH, 1983.
4. Popov V. I. Disclosure of grave crimes against the person // mat. conf. «Inspection of the scene of the murder cases». М., 1973. P. 74.
5. Solving investigative tasks: studies. manual / N. L. Granat, A. R. Ratinov. Volgograd : NIIRIO VSS of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978.
6. Chufarovskiy Yu. V. Legal psychology: textbook. the manual. М. : Law and the Law, 1997.

7. Fedotov A. Yu. Principles and basic technologies of psychological support of professional reliability of employees of law enforcement agencies // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3(75). P. 216–218.

8. Legal psychology: textbook for universities / I. I. Aminov. М. : Omega-L, 2011.
9. Legal psychology: textbook for university students, cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia of legal profile / (I. B. Lebedev et al.); edited by V. Ya. Kikotya. 2nd ed., reprint. and additional М. : UNITY-DANA : Law and Law, 2010.

Библиографический список

1. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб. : прайм-Еврознак, 2004.

Bibliographic list

1. Bartol K. Psychology of criminal behavior. St. Petersburg : Prime-Euroznak, 2004.

Информация об авторах

А. А. Абдулманов — кандидат юридических наук, доцент;

Д. В. Деулин — кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Abdulmanov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. V. Deulin — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Научная статья

УДК 34:159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-350-355>

ИПОН: 2003-0059-5/22-473

MOSURED: 77/27-003-2022-05-672

Необходимость и целесообразность идеологии в Конституции Российской Федерации

Виталий Юрьевич Бельский¹, Игорь Иванович Кальной²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v.belskiy@bk.ru

² Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, igor_kalnoy@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются место и роль идеологии в Основном законе страны, который определяет векторы развития законодательной, исполнительной и судебной власти, а также общее направление развития общества и регламент индивидуального участия в осуществлении этого развития. Императивы Конституции — это атрибуты ее стратегии. Стратегию тактики обеспечивает идеология как система формирования взглядов человека — гражданина конкретной страны на среду своего обитания, на свое место в ней, на свое к ней отношение.

Ключевые слова: Конституция, идеология, общество, индивид, культурный код, традиция, право, образование, воспитание, просвещение, обучение

Для цитирования: Бельский В. Ю., Кальной И. И. Необходимость и целесообразность идеологии в Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 350–355. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-350-355>.

Original article

Necessity and expediency of ideology in the Constitution of the Russian Federation

Vitaly Yu. Belskiy¹, Igor I. Kalnoy²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, v.belskiy@bk.ru

² Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia, igor_kalnoy@mail.ru

Abstract. The place and roles of ideology in the Basic Law of the country, which defines the vectors of development of legislative, executive and judicial power, as well as the general direction of development of society and the rules of individual participation in the implementation of this development, are considered. The imperatives of the Constitution are the attributes of its strategy. The strategy of tactics is provided by ideology, as a system of forming the views of a person — a citizen of a particular country on his environment, on his place in it, on his attitude to it.

Keywords: Constitution, ideology, society, individual, cultural code, tradition, law, education, upbringing, enlightenment, training

For citation: Belskiy V. Yu., Kalnoy I. I. Necessity and expediency of ideology in the Constitution of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):350–355. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-350-355>.

«Кто ищет, вынужден блуждать...».

Ф. Г. Гете

Прежде чем поднимать вопрос об идеологии и ее предназначении, следует обратить внимание на общество, а после на его атрибутивность и модусы проявления этой атрибутивности.

Среди многочисленных определений общества доминирует понятие: «общество — это исторически сложившаяся совместная жизнедеятельность людей», которая структурно организована в формате системы общественных координат вертикали власти

и горизонтали коммуникативных отношений. Она имеет свою историю становления и развития, свое пространство проявления и свое время осуществления. Социальной ячейкой общества, его первокирпичиком выступает семья, а активным субъектом совместного бытия людей является человек.

Такой взгляд на общество позволяет сделать вывод о том, что общество, в отличие от природы, является искусственным образованием. Оно связано с природой исключительно через деятельность человека. Это связующее звено несет на себе печать трагедии, драмы или комедии, истоки которых следует

© Бельский В. Ю., Кальной И. И., 2022

искать в отношениях человека к миру, где он заявляет о себе в ипостаси личности конкретного общества.

Не манифестируя абсолютных принципов и претензий на истину в последней инстанции, философская антропология поставила вопросы о смысле бытия человека и его сущности, рассматривая человека как творца и как творение, вскрывая онтологические основания его свободы и смысла жизни [1].

История свидетельствует, что человек — существо пограничное. Он принадлежит одновременно к миру природному, духовному и социальному, а поэтому в силу своей эксцентричности, человек может проявлять себя в разной проекции в диапазоне от позитивной до негативной. Если генетическая программа поведения животного заложена в молекулах ДНК, то основным фактором проективного поведения людей является рациональное мышление как единство первой и второй сигнальных систем. Эволюция этих систем начинается с отражения как способности взаимодействующих тел определенным образом моделировать противодействие силе действия с последующим сохранением или изменением своей структуры или способа поведения. Труд и членораздельная речь завершили формирование головного мозга человека, обеспечив его безграничные возможности. С помощью головного мозга формируется возможность индивидуального сознания, духовной жизни человека, осмысленного отношения к миру. Эта возможность может стать действительностью только с помощью добротной образовательной системы, ее триады: воспитания, просвещения и обучения и только в условиях диалога: Воспитатель–воспитуемый, Просветитель–просвещаемый, Учитель–обучаемый [2].

Условия диалога в основном обеспечивает общество, которое прошло длительный путь своего становления и развития от биологической популяции к социальной общности людей в формате населения или народа. Первый шаг становления общества связан с культурой мифа. Эта культура удачно востребовала биологический инстинкт к самосохранению, заложив его в основание мировоззрения людей. Основу мировоззрения составила система запретов. Исчерпав свой потенциал, миф уступает свое место религии и философии. Религия обеспечила духовные скрепы общества и просветление души человеческой, а философия взяла на себя поиск ответа на два вопроса, которые постоянно беспокоят человека: какова сущность среды его обитания и какова должна быть мера его отношения к этой среде, принимая во

внимание, что в обществе человек не одинок. В обществе присутствуют и другие люди, а также представлена нормативная пирамида, регламент общественных отношений и санкции за их нарушение. Переживание страха перед наказанием не только биологически инстинктивно, но и мифологично. Через самосознание индивид, будучи многомерным и многоликим, в каждом случае проецирует себя в очередную проблемную ситуацию, идентифицирует себя с такими лицами, которые принимают его «меру» и закрепляют свое отношение к актуальной проблеме в соответствующих стереотипах и символах с ориентиром на адаптацию той идеологии, которая помогает спроектировать интеллектуальную конструкцию разрешения сложившейся проблемной ситуации на основании веры и надежды на положительный результат. Последующие события по осуществлению принятого проекта демонстрируют возможное превращение этого проекта в прожект и заставляют искать замену мифа-банкрота. Все это свидетельствует о том, что миф — это не только колыбель человечества, но и вечный спутник человека, базовое основание для его целеполагания.

В своей взаимосвязи философия и религия, культура познания и культура веры обеспечили ту новоевропейскую цивилизацию, которая зиждилась на трех «китах»: христианство, афинская школа философии и римское право. «Осевое время» включило механизмы трансформации власти авторитета в авторитет власти [3]. Общество обретает функциональную систему координат, где вертикаль власти через институт государства обеспечивает горизонталь коммуникативных отношений. На этом этапе возникает необходимость идеального образа желаемой действительности, основу которого составляет идея веры, надежды и солидарности.

В свое время, философское наследие Платона легло в основу достойного ответа историческому вызову. Оно обеспечило решение проблем эллинизма как общества переходного периода к иной цивилизации. Это 35 сочинений диалогического жанра от «Апологии Сократа» до «Государства» и «Законов». Через судьбу Сократа Платон увидел, что общество античности обречено на гибель. Неизбежность катастрофы заставила Платона противопоставить мерзопакостной реальности миф, утопию, рационализированную мечту. Власти сомнительного авторитета Платон противопоставил авторитет власти в формате Государства. Платоновскую модель авторитета власти дополнял идеальный образ человека — граж-

данина. Выстраивая свою концепцию, Платон старался не идти в ногу с разлагающимся обществом античности. Его критика исключала апологию. Она носила конструктивный характер. Естественным способом сохранить свою принципиальность явилось обращение Платона к рационализированной мифологии.

Поскольку Идея совершенного мира выходит за границы чувственного восприятия, то ее познание является исключительно прерогативой души. Поэтому высшим долгом для человека является забота о своей душе. Чтобы осуществить эту заботу следует ориентироваться в жизни исключительно на мудрость (житейскую разумность), на благо, красоту и истину, увязывая слово и дело. Поскольку изначально душа неразумна и не обуздана, то индивид обязан удерживать ее от неразумных желаний, и не разрешать ничего, кроме того, что сделает ее лучше» [4, с. 337]. Ориентируясь на философию, человек становится «хорошим и в частных делах, и в общественных» [4, с. 364].

Обращение к Идее абсолюта как своеобразной линии горизонта, заставило Платона постоянно совершенствовать идею в диалогах: «Тэтет», «Парменид», «Софист», «Политик», «Тимей», «Критий», «Законы», освобождая мудрое слово — логос от фантазии. В этих диалогах миф обретает образ рационализированного творчества с надеждой на единство Слова и Дела. Прибегая к языку метафоры, Платон мудрым Словом-Логосом фиксирует бытие мира, а средствами метафоры объясняет сущность бытия в мире. Платоновский миф больше, чем игра воображения. Это выражение философской веры с ориентиром на поиск истины. Его метафизика априори допускает особую реальность первопричины, которая может быть доступной только на уровне умопостижения, исключая факт чувственного восприятия. Перед умопостигаемостью Идея предстает в первозданном виде, но ее никогда не увидит и не примет обыватель, погрязший в прозе повседневного бытия, разрушающего тело и разъедающего душу. Приобщение индивида к Идее желаемого мира — это возможность только для постигающего и понимающего ума возвышенной души. На этот вывод обратил внимание ученик Платона — Аристотель. В своем трактате «О душе» он осуществляет классификацию, выделив «душу вегетативную, чувственную и рациональную» [5].

Идея желаемой реальности бытия в мире есть условие бытия всех остальных идей, ибо она абсо-

лютна и ничем не обусловлена. Если ты принимаешь эту Идею, то обретаешь устойчивый вектор поиска особенного на стыке общего и единичного. Если эту Идею игнорируешь, то ты обречен пребывать в границах чувственного мира, заполненного бэкономскими «призраками рода, пещеры, площади и театра», и довольствоваться своим или чужим мнением о тенях и образах чувственного уровня освоения мира в форме субъективного представления.

Значимость платоновской концепции разделяет и ярый противник объективного идеализма А. Шопенгауэр. Он считал, что платоновское наследие — истинная школа мышления, стимул развития ума. Нынешняя европейская цивилизация, включая Россию, также оказалась в состоянии общества переходного периода, как и античность далекого прошлого. Ценностные ориентиры индустриальной цивилизации уже не работают, а ориентиры постиндустриальной цивилизации еще не сложились. В этих условиях население не живет, а выживает под знаком неопределенности завтрашнего дня, ориентируясь исключительно на принцип «здесь и только сейчас» [6; 7].

Вновь актуализируется поиск идеи Общего дела. Она могла бы заявить о себе как стержень той идеологии, которая способна обеспечить гуманистическое, праведное, человеческое мировоззрение граждан России, выступить фактором (силой) трансформации населения в народ как единую общность людей с ориентиром на благополучие граждан России и обеспечение национальной безопасности своего Отечества.

Социально-политическая категория «народ» становится реальностью только в двух случаях. Если возникает угроза внешней эскалации, тогда в одном окопе оказываются все граждане — бедные и богатые, дети и взрослые, здоровые и больные, но как только исчезает опасность внешнего насилия, единая общность людей трансформируется в население, которое можно классифицировать по полу и возрасту, по этнической и конфессиональной принадлежности, по личным и общим интересам и т. д.

Народ может сложиться и в случае, когда граждане России оценят и примут идею Общего дела с ориентиром на благополучие своей Родины и безопасность своего Отечества. В этом случае складывается ассоциация свободных людей, преследующих свои интересы, но осознающих, что их частная жизнь протекает в лоне бытия публичной жизни, а осуществление их личных интересов так или иначе зависит от осуществления интересов всего общества. Только народу, как единой социальной общности

людей, под силу обеспечить оптимальные условия человеческой жизнедеятельности как на уровне индивида, так и на уровне общества.

Легитимный характер идея Общего дела может обрести только тогда, когда она станет стержнем той всенародной идеологии, которая обретет достойное место в Конституции (Основном законе страны) и выполнит свое предназначение, формируя гуманистическое мировоззрение граждан России.

Конституция Российской Федерации, принятая в декабре 1993 г. исключила из Основного Закона страны идеологию строителя коммунизма. Страна освободилась от идеалов прошлого, но при этом сплошь и рядом нарушалась разумная мера. В результате, приватизация общественной собственности обернулась «прихватизацией»; появился класс олигархов; кто был ни с чем, тот и остался ни с чем. Ориентируясь на принятую Конституцию, вся система общественных координат, включая вертикаль власти и горизонталь коммуникаций, стала на путь капитализации общества. В этих условиях социообразующие факторы, а это образовательная система и здравоохранение, а также объекты культуры и средства массовой информации, обрели статус рыночных услуг. Попытка поправить демографическую ситуацию через «материнский капитал» обернулась для определенной категории граждан в возможность рассматривать ребенка в качестве товара. Деграция семьи поставила под сомнение статус семьи как социальной ячейки общества, как отправной точки отсчета воспитания. Ребенок, не прошедший школу детства, не впитавший культурный код России, не освоивший систему категорий добра и зла, прекрасного и безобразного, обречен раствориться в толпе, где бал правит принцип «как все», исключая персональную ответственность; где поступки определяет ориентир «Здесь, все и только сейчас». Полноценное детство — это тень взрослой жизни, ее вечный спутник; внутренний голос, оппонент.

Отмеченные сюжеты ставят под сомнение качество жизни граждан, обрекают их быть населением, а не народом. Огромная часть населения попала под статус маргинала, т. е. выпала из обычной для нее профессиональной среды, а новая стала для нее лишь средой выживания. «Челночный» бизнес стал для работников заводов, КБ, НИИ и других социально значимых институтов, единственной возможностью выжить. Резко упал статус учителей, врачей, ученых, космонавтов. На первый план вышли профессии обслуживающих отраслей.

Негативную сторону этих тенденций засветил и «К-вирус». Понадобились чрезвычайные усилия, чтобы на марше в режиме ручного управления хотя бы частично возродить вместо рыночной услуги реальную медицинскую помощь. Что касается образовательной системы, то она продолжает угасать, сохраняя ориентир быть рыночной услугой, а не фактором достойного воспроизводства преемственности поколений. Об этом свидетельствует «проба пера» в формате цифровизации учебного процесса и его осуществления на дистанции, что практически сводит на нет диалог преподавателя и студента, учителя и ученика. Образование в формате рыночной услуги вытеснило из учебного процесса воспитание и не реанимировало просвещение.

В обществе переходного периода проблемный характер сохраняют объекты культуры и средства массовой информации. Они, как отмеченные социоопределяющие факторы, несут на себе печать схемы: «товар, деньги, капитал». Капитализация общества, в условиях ностальгии по утраченным ценностям ориентирам, оборачивается неопределенностью завтрашнего дня, лихорадочным поиском передела мира. Капитализация усугубляет процессы персонализации общественных отношений и деперсонализации индивида в системе этих отношений. Складывается феномен тотального отчуждения индивида от всего, от всех и даже от самого себя. За человеком остается всего лишь возможность включить механизм социализации и средствами проекции, идентификации и символизации найти своих и обрести, если не чувство справедливости, то хотя бы чувство солидарности с надеждой выжить в любых условиях социальной среды, даже если она дарит вместо уюта дискомфорт, подогревая негативные чувства зависти и ревности, критики при отсутствии самокритики.

1 июля 2020 г. прошло общероссийское голосование по Конституции Российской Федерации. Изменилась страна, изменился мир. С ориентирами образца 1993 г. можно заблудиться, потеряв дорогу веры и надежды на процветание, благополучие и безопасность; поставив под сомнение традиции, суверенитет и единство системы общественных координат, которые демонстрируют взаимосвязь вертикали власти и горизонтали коммуникаций.

Проекты поправок в формате: семейные ценности; защита человека труда; социальные гарантии; медицинская помощь, а не рыночная услуга; ставка на патриотизм; защита суверенитета и территориальной целостности; ориентир на стабильность и разви-

тие; сохранение Природы; ответственное отношение к жизни; поддержка волонтеров; сохранение культурного кода России; поддержка российской науки, нашли свое одобрение. За них проголосовало большинство лиц, принявших участие в голосовании.

К сожалению, среди этих поправок не оказалось поправки, определяющей статус образовательной системы, которая включает воспитание, просвещение и обучение; не определена и идеология как базовое основание формирования мировоззрения российского народа, полиэтнического и поликонфессионального.

Все что имеет начало, имеет и свое завершение. Состояние общества переходного периода от индустриальной к иной цивилизации когда-нибудь завершится, актуализировав необходимость еще раз вернуться к Конституции России и внести в нее жизненно необходимую статью «Идеология Общего дела российского народа». Уже сейчас надо думать о том, какая идеология нужна России.

В XXI в. человечество вошло не только с достижениями в области науки, но с большим перечнем нерешенных социальных проблем. Историческую перспективу получают только те державы, которые способны успешно решать эти нерешенные проблемы. Среди соискателей успеха может быть и Россия.

1990-е гг. развала СССР поставили под сомнение идеологию перспективы всеобщего социального равенства и торжества советского народа как единой общности людей. Нынешняя невысказанная, но подразумеваемая идеология, упрощает ситуацию. Поскольку энергетических ресурсов на всех не хватает, то общество делится на богатых и остальных. Так складывается идеология потребления. Ей содействуют условия общества переходного периода с неопределенностью завтрашнего дня, отягощенного включением в глобальные процессы современности политики поиска Нового мирового порядка, желанием супердержав видеть Россию исключительно только как поставщика дешевой рабочей силы, энергоресурсов, сырья и рынков сбыта товаров своего производства.

Политическая арена России достаточно многообразна. Это различные партии, движения, объединения. Как правило, они преследуют свои групповые интересы, но выдают эти интересы за общенародные, используя для этого сговорчивые средства массовой информации и педалируя обывательский субъективизм дистанции не дальше собственного носа. Это еще не повод рассматривать их как социальную базу пятой колонны [8]. Это, скорее, подтверждение того,

что социальная реальность России представлена ее населением, а не народом, к которому апеллирует как вертикаль власти, так и ее оппоненты. Нужно называть вещи своими именами, приняв в качестве точки отсчета социальных изменений добротную систему индикаторов, обеспечивающих социологический мониторинг количественных и качественных показателей. Поскольку система располагает осью координат, то любое явление заявит о своей прогрессивности или реакционности как на момент принятия конкретного решения, так и в процессе его осуществления, что и позволит адекватно диагностировать ту или другую проблемную ситуацию, выявить ее подлинные причины. Заявленная система всего лишь средство, инструмент идеи Общего дела. Она предполагает четко сформулированную цель и задачи ее осуществления.

Такой подход к рассмотрению заявленной проблемы предполагает обращение к ее онтологическим основаниям, атрибутами которого выступают движение, пространство и время, а также модусы их конкретного проявления в сюжетах современной реальности.

Российского человека всегда волновали вопросы: зачем существует общество и власть; зачем живет человек и что он должен делать в этом мире; смысл жизни носит подлинный или надуманный характер. Люди хотят знать, в каком направлении идет общество, каким оно будет завтра, что их ожидает. На все эти вопросы может ответить только та идеология, которая способна обеспечить формирование гуманистического мировоззрения людей как субъектов повышенной социальной активности. Без идеологии общество напоминает корабль без компаса или человека, лишенного способности остановиться, оглянуться и отредактировать пути, способы своей жизнедеятельности.

Идеология Общего дела должна принимать во внимание физическое и духовное состояние человека, а также его материальное благополучие, состояние его индивидуальности, способность проявлять не только волю к власти над обстоятельствами, но и волю к власти над собой. Только в этом случае идеология становится социальным индикатором процессов современного мира. Все это свидетельствует, что идеология должна быть социальной и исторически обусловленной, а стало быть, она должна быть научной. Только в этом случае идеология обретает способность формировать общенародную цель, определять реальные возможности и необходимые средства ее осуществления. Возможности России демонстрируют ее самостоятельность. Культурный код выступает гарантом

средств осуществления общенародной цели, а вот использование возможностей и востребованность средств демонстрируют проблемность экономики, здравоохранения и образования. Посему первоочередными стратегическими программами являются:

- ◆ новая парадигма образовательной системы;
- ◆ новое качество здравоохранения;
- ◆ новые технологии, материалы, виды энергии;
- ◆ новые дороги и транспортные системы;
- ◆ цифровизация экономики и бухгалтерского учета;
- ◆ решение демографической проблемы;
- ◆ мониторинг экологии;
- ◆ поддержание военно-промышленного комплекса с учетом необходимости;
- ◆ сохранение традиций и исторической памяти

Содержание отмеченных проектов постоянно корректируется, подстраиваясь под внутренние обстоятельства и внешнюю ситуацию. Такая способность принципиально отличает идеологию Общего дела от формальной декларации, делает идеологию инструментальной. Только такая идеология может обрести свое место в Конституции Российской Федерации и выполнить свое предназначение, обеспечив построение подлинного правового государства и действительного гражданского общества с ориентирами на перспективу и на решение социальных проблем текущего момента.

Список источников

1. Марков Б. В. *Философская антропология: очерки истории и теории*. СПб., 1997.
2. *Цивилизация и модернизация: история и современность: моногр.* / под ред. В. Ю. Бельского, Е. А. Когай. М. : СГУ, 2019.

Информация об авторах

В. Ю. Бельский — профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор;
И. И. Кальной — профессор Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского, доктор философских наук, профессор.

Information about the authors

V. Yu. Belsky — Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, Professor;
I. I. Kalnoy — Professor of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 08.08.2022. The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

3. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М. : Политиздат, 1991.
4. Платон. *Соч.* В 3 т. Т. 1. Диалог «Горгий». М. : Мысль, 1968.
5. Аристотель. *Соч.* В 4 т. Т. 1. О душе. М. : Мысль, 1975.
6. Белл Дж. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.* М.: Academia, 1999.
7. Иноземцев В. Л. *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспектива*. М. : Логос, 2000.
8. Кара-Мурза С. Г. *Оппозиция как теневая власть*. М. : Алгоритм, 2006.

References

1. Markov B. V. *Philosophical Anthropology: essays on history and theory*. St. Petersburg, 1997.
2. *Civilization and modernization: History and modernity: monograph.* / ed/ by V. Yu. Belsky, E. A. Kogai. M. : SSU, 2019.
3. Jaspers K. *The meaning and purpose of history*. M. : Politizdat, 1991.
4. Plato. *Soc.* In 3 vols. Vol. 1. The dialogue «Gorgias». M. : Mysl, 1968.
5. Aristotle. *Soc.* In 4 vols. Vol. 1. About the soul. M. : Thought, 1975.
6. Bell J. *The coming post-industrial society. The experience of social forecasting / trans. from English* M.: Academia, 1999.
7. Inozemtsev V. L. *Modern post-industrial society: nature, contradictions, perspective*. M. : Logos, 2000.
8. Kara-Murza S. G. *Opposition as shadow power*. M. : Algorithm, 2006.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-356-360>

ИПОН: 2003-0059-5/22-474

MOSURED: 77/27-003-2022-05-673

Стресс и стресс-менеджмент в деятельности педагога образовательных организаций МВД России

Наталья Юрьевна Галкина

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, galkina55@list.ru

Аннотация. Рассмотрены виды и причины стресса, возникающие в профессиональной деятельности педагога образовательных организаций МВД России. Проанализированы возможности использования педагогом методик стресс-менеджмента с целью профилактики стресса. Описаны индивидуальные методы снятия психического напряжения в профессиональной деятельности педагога.

Ключевые слова: стресс, стресс-менеджмент, причины стресса, виды стресса, признаки стресса, этапы управления стрессом, индивидуальные методы снятия психического напряжения

Для цитирования: Галкина Н.Ю. Стресс и стресс-менеджмент в деятельности педагога образовательных организаций МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 356–360. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-356-360>.

Original article

Stress and stress-management in the professional activity of a teacher of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Natalya Yu. Galkina

Far East legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia, galkina55@list.ru

Abstract. The types and causes of stress arising in the professional activity of a teacher of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. The possibilities of using stress management techniques by a teacher for the purpose of stress prevention are analyzed. Individual methods of relieving mental stress in the professional activity of a teacher are described.

Keywords: stress, stress-management, causes of stress, types of stress, signs of stress, stages of stress management individual methods of relieving mental stress

For citation: Galkina N. Yu. Stress and stress-management in the professional activity of a teacher of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):356–360. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-356-360>.

Основу профессиональной деятельности педагога образовательной организации МВД России составляет общение — процесс взаимодействия с двумя и более лицами (обучающимися, коллегами, руководителями) с целью обмена между ними информационно значимыми сведениями. Это взаимодействие может быть как конфликтным, так и безконфликтным. Именно конфликтная форма взаимодействия приводит к переживанию педагогом психологического напряжения, которое отражается, прежде всего, на его профессиональной деятельности.

Также в качестве факторов, способствующих психическому напряжению в профессиональной деятельности педагога, можно назвать:

◆ большой объем выполняемой работы и, как следствие, недостаток свободного времени;

◆ быстрое переключение внимания с одной работы на другую с возможностью позже вернуться к тому, что делалось ранее;

◆ выполнение деятельности, не связанной с прямыми обязанностями;

◆ высокая ответственность за результаты своей работы;

◆ неудовлетворенность своим профессиональным статусом и (или) выполняемой профессиональной деятельностью;

◆ субъективно-объективное ощущение недооценки значимости результатов выполняемой профессиональной деятельности со стороны руководителей и (или) коллег);

◆ личностно-ролевой диссонанс, который может испытывать педагог том случае, если осознает, что

© Галкина Н. Ю., 2022

занимается профессиональной деятельностью, к которой не готов и (или) которой не способен заниматься, что, в свою очередь, приводит к снижению трудовой активности, а также отсутствию желания реализоваться в профессии;

- ♦ отсутствие возможности профессионального роста в связи с невозможностью посещения курсов повышения квалификации по причине недостатка свободного времени и (или) соответствующих направлений;

- ♦ необходимость внешнего проявления эмоций, которые не всегда соответствуют истинно переживаемым;

- ♦ отсутствие интересов и хобби, не связанных с профессиональной деятельностью;

- ♦ острое переживание чувства несправедливости;

- ♦ влияние профессиональной деформации на изменение профессионального развития педагога, что, в свою очередь, сказывается не только на результатах профессиональной деятельности, но и профессионального общения;

- ♦ выполнение чересчур интенсивной или монотонной, однообразной деятельности;

- ♦ ощущение хронической усталости к концу учебного года;

- ♦ необходимость работы в режиме многозадачности — сформированного умения выполнять несколько дел одновременно, переключаясь с одной задачи на другую. При чем подобное переключение часто приводит к тому, что могут быть допущены определенные ошибки в выполняемой работе [3].

Описанные выше факторы отражаются не только на физическом, но и психическом здоровье преподавателя системы МВД России и приводит к переживанию ими стресса, который в психологической литературе понимается как общая, не характерная для организма, реакция на физическое или психологическое воздействие, нарушающее его гомеостаз, а также соответствующее состояние нервной системы организма или организма в целом.

Воздействие источников, провоцирующих стресс, на организм может носить как положительный, так и отрицательный характер, соответственно педагог переживает как положительный, так и отрицательный виды стресса [2].

Положительный стресс (эустресс) обычно кратковременный, мотивирует и повышает работоспособность, относительно легко переносится в физическом и психическом плане, завершается расслаблением и организма и положительными эмоциями.

Отрицательный стресс (дистресс) может быть как хроническим, так и острым, сопровождается подавлением физических и психических сил организма, приводит к снижению производительности труда и утрате способности адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, может наблюдаться физиологическое недомогание на фоне переживания негативных эмоций, а также развитие психических и соматических заболеваний.

При переживании педагогом сильного нервного напряжения (например, высокая мотивационная и личностная вовлеченность в педагогическую работу) приводит к переживанию педагогом психологического стресса.

Психологический стресс бывает личностным, межличностным, информационным и профессиональным. Личностный стресс — это острый внутриличностный конфликт, когда реальность не совпадает с ожиданиями педагога и (или) неготовность к возрастным изменениям, а также психологические и профессиональные кризисы. Межличностный стресс возникает в результате конфликтного взаимодействия с другими людьми. Например, переживанию данного вида стресса могут способствовать неприятный разговор с коллегой, несовпадение мнений с непосредственным руководителем, межличностные конфликты на работе.

Профессиональный стресс может быть вызван различного рода конфликтами в профессиональной сфере, с отсутствием возможности реализовать себя в ней или трудностями в поисках себя, а также с неблагоприятными, экстремальными или опасными условиями труда.

Причиной возникновения информационного стресса может быть избыточный, часто негативный информационный поток.

Каждый из описанные видов стресса, вызванный той или иной причиной или причинами, проходит три стадии, связанные между собой: тревоги, сопротивления и истощения.

Стадия тревоги появляется непосредственно в момент возникновения стрессовой ситуации (например, во время неприятного разговора педагога с обучающимся). Данная стадия сопровождается следующими реакциями: снижение способности адекватно оценивать собственные действия и (или) мысли; слабый самоконтроль собственного поведения; повышение уровня переживания беспокойства и (или) тревоги; изменение привычного педагогу поведения (например, эмоциональный и активный замыкается в

себе, а уравновешенный — может вспылить или проявить агрессию).

На стадии сопротивления педагог стремится к тому, чтобы справиться со стрессовой ситуацией. У человека наблюдается процесс мобилизации сил организма и снижение психологических проявлений стресса (агрессивности; процесса возбуждения; чувства тревоги). Педагог уже может выполнять поставленные перед ним профессиональные задачи с максимальным успехом. Особенностью данной стадии является то, что организм не сможет длительный период времени жить в состоянии хронического стресса. Постоянное напряжение приведет к стадии истощения нервной системы. Для данной фазы стресса характерно переживание повторного чувства тревоги, депрессия, психосоматические заболевания (например, повышение артериального давления, бронхиальная астма).

В качестве симптомов профессионального стресса в деятельности педагога образовательных организаций МВД России могут быть следующие:

- ◆ постоянная раздражительность, что приводит к увеличению конфликтов с коллегами;
- ◆ беспокойство и повышенный уровень тревожность даже когда для этого нет повода;
- ◆ пессимизм;
- ◆ недовольство собой, своими достижениями, претензии к себе из-за повышенного числа ошибок при выполнении профессиональных обязанностей;
- ◆ перекладывание ответственности за свои ошибки на других;
- ◆ чувство постоянной нехватки времени, что отражается в постоянном ощущении цейтнота;
- ◆ трудоголизм или напротив отсутствие усердия;
- ◆ проблемы с концентрацией и распределением внимания, что сказывается на невозможности работать в режиме многозадачности;
- ◆ ухудшение памяти, что также приводит к увеличению профессиональных ошибок;
- ◆ сложности с принятием решений.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что большой объем работы педагога, который ему часто приходится выполнять в режиме многозадачности, приводит к переживанию им стресса, имеющего негативные последствия для жизнедеятельности организма в целом, что, в свою очередь, сказывается на продуктивности профессиональной деятельности.

Одним из эффективных методов профилактики профессионального стресса в деятельности педагога образовательных организаций МВД России может

быть использование стресс-менеджмента, под которым понимается способность управлять стрессом.

Согласно стресс-менеджменту, испытывая стресс, личность ведет себя по одному из следующих сценариев [6].

1. Уход от стресса — стратегия, направлена на то, что проблема либо не признается, либо отодвигается на второй план, либо нивелируется ее значимость. Это самый простой и быстрый способ освободиться от влияния стресса на личность и профессиональную деятельность. Эту стратегию нельзя применять, если нет возможности уйти от проблемы, либо невозможно полностью исключить действующие стресс-факторы.

2. Изменение стресс-факторов — данная стратегия может использоваться в том случае, если у личности есть желание и возможности решить возникшую проблему. Применение этой стратегии предполагает открытое выражение своих чувств, готовность пойти на компромисс, умение управлять своим временем, грамотное использование методов стресс-менеджмента.

3. Изменение отношения к стрессорам — стратегия предусматривает критический анализ стрессовой ситуации с использованием правил «могло быть и хуже», «все, что не делается, делается к лучшему», а также стремлением в пережитой критической ситуации увидеть какие-то положительные моменты.

Несмотря на то, какой вариант поведения использует личность при переживании стресса, стресс-менеджмент выделяет следующие основные этапы управления стрессом: снижение уровня стрессовой ситуации, применение методов саморегуляции с целью управления психическими состояниями и самовосстановление.

Рассмотрим каждый из этих этапов.

I. Первый этап направлен на определение уровня напряжения в стрессовой ситуации. Для этого можно использовать следующую схему анализа:

- 1) описать стрессовую ситуацию и определить стресс-факторы;
- 2) оценить силу влияния стресса и стресс-факторов непосредственно на личность и профессиональную деятельность;
- 3) оценить положительные и отрицательные последствия переживаемого стресса, в случае негативного развития ситуации;
- 4) разработать план по снижению стресса;
- 5) использовать наиболее приемлемые для личности методы для профилактики и выхода из стресса.

II. Второй этап предусматривает владение и грамотное использование методов саморегуляции — методов воздействия человека на собственную психику с целью управления собственным психоэмоциональным состоянием. Саморегуляция может быть произвольной и непроизвольной.

Саморегуляция позволяет:

- 1) сдерживать себя в конфликтной ситуации;
- 2) мыслить рационально в стрессовой ситуации или кризисе;
- 3) способствует восстановлению сил организма;
- 4) позволяет противостоять различным стрессовым ситуациям и кризисам.

Работу с психическими состояниями необходимо строить следующим образом:

- 1) понимание человеком переживаний личности, их характеристики и особенностей проявления;
- 2) осознание собственного психического состояния в стрессовой ситуации;
- 3) использование методов саморегуляции с целью снижения негативного влияния психического состояния на личность и профессиональную деятельность.

В психолого-педагогической литературе предложены как естественные, так и специальные методы саморегуляции.

В качестве естественных методов могут быть использованы: полноценный сон и отдых; правильное питание; музыка-, книготерапия; занятия спортом; массаж и другие.

К специальным методам относятся: дыхательные упражнения; управление тонусом мышц, движением; самовнушение; рисование; синхроримнастика по методу «Ключ» Х. М. Алиева; приемы визуализации.

III. Самовосстановление — позволяет восстановить организм после переживания стрессовой ситуации. На третьем этапе могут быть использованы следующие методы:

- ◆ мышечная релаксация;
- ◆ аутотренинг — методика, которая предполагает психологическую саморегуляцию и самовнушение;
- ◆ психогигиена (например, разнообразный досуг; наличие хобби и желания им заниматься; расширение социального общения, не связанного с профессиональной деятельностью);
- ◆ грамотное планирование и управление рабочим временем (использование методов тайм-менеджмента);
- ◆ умение находить время для отдыха (например, отвлекаться от работы с документами для того, чтобы выпить стакан воды или посмотреть во окно);

- ◆ лечебные способы (массаж, баня, здоровое питание, водные процедуры);

- ◆ натуральные медикаментозные способы (витамины, травы, ароматические масла) [5].

Следовательно, в основе стресс-менеджмента лежит достаточно серьезная внутренняя работа, которая связана, в первую очередь, с осознанием личностью собственных жизненных целей, ценностей, социальных установок и поведенческих стереотипов.

К методам индивидуального снятия психического напряжения у педагога образовательной организации МВД России при выполнении профессиональных задач можно отнести.

1. Эффективное планирование и организация рабочего дня. Планировать, значит выбирать, что нужно сделать, почему и когда.

2. Управление своим рабочим временем (тайм-менеджмент) — учет, распределение и оперативное планирование собственных ресурсов времени.

Основные принципы управления временем:

- а) составление списка дел с указанием времени, в течение которого задача будет выполнена. При этом стоит оставлять запасное время на случай форс-мажора. Либо составлять два списка (план «А» и план «Б», на случай, если первый вариант выполнить не получится, то выполнить задачи из запасного плана);

- б) разделение больших задач на мелкие с их постепенным выполнением;

- в) расставление приоритетов при выполнении профессиональных задач (можно с использованием матрицы Эйзенхауэра);

- г) не отвлекаться при выполнении поставленных задач;

- д) учиться говорить «нет», там, где это возможно;

- е) стараться совмещать работу и отдых (каждый час можно выделять себе 10–15 минут, чтобы, переключившись с профессиональной задачи на что-то другое (например, порисовать или выпить чашечку кофе), отдохнуть.

3. Самообразование и профессиональное развитие (изучение и применение новых достижений в профессиональной деятельности).

4. Использование специальных методов саморегуляции в момент/сразу после переживания негативных эмоций: управление дыханием — это эффективное средство влияния на тонус мышц и эмоциональные центры мозга. Медленное и глубокое дыхание (с участием мышц живота) понижает возбудимость нервных центров и способствует мышечному расслаблению. Частое (грудное) дыхание, наоборот,

обеспечивает высокий уровень активности организма, поддерживает нервно-психическую напряженность [1].

Обобщая все вышесказанное, можно утверждать, что использование стресс-менеджмента педагогом образовательной организации МВД России направлено на формирование следующих навыков и умений:

1) навыков диагностики стрессовых ситуаций, причин, их вызывающих и последствий для профессиональной деятельности;

2) умений использовать приемы снижения негативных воздействий стресс-факторов с учетом индивидуальных особенностей личности;

3) навыков использования методов индивидуального снятия психического напряжения при планировании и выполнении профессиональных задач.

Формирование умения управлять стрессом — это одно из необходимых условий продуктивного выполнения профессиональной деятельности педагогом в современных условиях.

Список источников

1. Галкина Н. Ю. Возможности использования стресс-менеджмента в профессиональной деятельности педагога: сб. статей XXI междунар. науч.-практ. конф. «Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения». Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 123–125.

2. Галкина Н. Ю. Профилактика стресса в профессиональной деятельности педагога образовательной организации высшего образования: сб. мат. междунар. науч. конф. «III Международный научно-образовательный форум «Хэйлунцзян-Приамурье». Биробиджан : ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2019. С. 49–54.

3. Галкина Н. Ю. Профилактика стресса и профессионального выгорания личности у педагогов высшего образования в образовательных организациях системы МВД России // Актуальные проблемы науки и практики. 2019. С. 156–161.

4. Галкина Н. Ю. Стресс и методы его профилактики в профессиональной деятельности педагога: мат. междунар. науч.-практ. конф. «Фундаментальные и прикладные научные исследования». Пенза, 2019. С. 193–195.

5. Основные стратегии стресс-менеджмента // URL://<https://mydocx.ru/10-121462.html>.

6. Патрахина Т. Н., Павлова А. В. Стресс-менеджмент: сущность понятия и процесса // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 480–484.

References

1. Galkina N. Yu. The possibilities of using stress management in the professional activity of a teacher: collection of articles of the XXI International scientific and practical conference. «Science and innovation in the XXI century: current issues, discoveries and achievements». Penza : ICNS «Science and Education», 2020. P. 123–125.

2. Galkina N. Yu. Stress prevention in the professional activity of a teacher of an educational organization of higher education: sat. mat. international scientific conference «III International Scientific and Educational Forum «Heilongjiang-Amur region». Birobidzhan : IC PSU im. Sholom Aleichem, 2019. P. 49–54.

3. Galkina N. Yu. Prevention of stress and professional burnout of the personality among teachers of higher education in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Actual problems of science and practice. 2019. P. 156–161.

4. Galkina N. Yu. Stress and methods of its prevention in the professional activity of a teacher: mat. international scientific and practical conference «Fundamental and applied scientific research». Penza, 2019. P. 193–195.

5. Basic strategies of stress management // URL://<https://mydocx.ru/10-121462.html>.

6. Patrakhina T. N., Pavlova A.V. Stress management: the essence of the concept and process // Young scientist. 2015. No. 3. P. 480–484.

Информация об авторе

Н. Ю. Галкина — доцент кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

N. Yu. Galkina — Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Far East legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 27.09.2022.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-361-365>

НИОН: 2003-0059-5/22-475

MOSURED: 77/27-003-2022-05-674

Психологические условия предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций у сотрудников органов внутренних дел в ходе переговорного процесса

Юрий Михайлович Охотников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ohotnikov_ym@mail.ru

Аннотация. Раскрываются психологические условия ведения эффективного переговорного процесса по разрешению трудных ситуаций социального взаимодействия сотрудниками органов внутренних дел. Выделены психологические факторы, определяющие выбор модели переговоров, а также обоснованы стратегии поведения сотрудниками ОВД в конфликтных ситуациях переговорного процесса.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная ситуация в ходе переговорного процесса, психологические условия, разрешение конфликтных ситуаций

Для цитирования: Охотников Ю. М. Психологические условия предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций у сотрудников органов внутренних дел в ходе переговорного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 361–365. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-361-365>.

Original article

Psychological conditions of prevention and conflict resolution employees of the internal affairs bodies during the negotiation process

Yuri M. Ohotnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ohotnikov_ym@mail.ru

Abstract. The article reveals the psychological conditions for conducting an effective negotiation process to resolve difficult situations of social interaction by employees of internal affairs bodies. The psychological factors determining the choice of the negotiation model are highlighted, as well as the strategies of behavior by the police officers in conflict situations of the negotiation process are substantiated.

Keywords: conflict, conflict situation during the negotiation process, psychological conditions, conflict resolution

For citation: Ohotnikov Yu. M. Psychological conditions of prevention and conflict resolution employees of the internal affairs bodies during the negotiation process. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):361–365. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-361-365>.

В современных условиях прохождения службы, сотрудникам органов внутренних дел (далее — ОВД) часто приходится сталкиваться с конфликтными ситуациями. В их деятельности появляются новые типы конфликтов, которые требуют новых форм и методов к их предупреждению и разрешению.

В рамках Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» в гл. 10, ст. 71, 72 рассматриваются конфликты интересов в органах внутренних дел, проблемы служебных споров, проблемы их урегулирования [4].

Данные требования предлагают повышенное внимание со стороны должностных лиц, психологов

ОВД, других специалистов к существующим и возникающим конфликтам и конфликтным ситуациям в среде сотрудников и в целом ОВД.

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов определяют конфликт как «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности» [1, с. 158]. Такое определение авторов характеризует конфликт как деструктивное явление во взаимодействиях оппонентов или соперников и предполагает необходимость избегания, разрешения или урегулирования конфликтов.

Специалист в области исследований социальных конфликтов и проблем ведения переговоров Р. Джеф-

© Охотников Ю. М., 2022

фери различает некоторые способы разрешения конфликтов: доминирование (когда одна сторона пытается навязать другой стороне свою волю физическими или психологическими средствами); капитуляция или уход (одна сторона безоговорочно уступает победу другой); отказ от участия в конфликте (уход от конфликта); переговоры (когда стороны конфликта используют обмен мыслями и предложениями, что позволяет прийти к взаимно приемлемым соглашениям); вмешательство третьей стороны (лицо, не принадлежащее ни к одной стороне спорящих между собой, предпринимает усилия по продвижению к соглашению между спорящими) [2].

Психологические условия эффективного переговорного процесса по разрешению трудных ситуаций социального взаимодействия зачастую включают в себя кризисные условия, конфликтные или проблемные ситуации.

Анализ современных исследований позволяет выделить психологические факторы, определяющие выбор модели переговоров как одного из наиболее приемлемых вариантов предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций:

- ◆ субъективные представления сотрудников ОВД о предстоящих переговорах;
- ◆ действия сотрудников с учетом собственной репутации и внутренних устремлений (степень выраженности риска);
- ◆ личностные особенности (тип характера, стиль поведения, профессиональная компетентность, настрой и др.);
- ◆ коммуникативная компетентность (постановка речи, способность влиять, умение убеждать, внушать, рассуждать и др.).

Данные факторы влияют на выбор стратегии, тактики и способов ведения переговоров, а также определяют психологические условия предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций.

Как отмечают В. Ф. Родин и И. Б. Марьясис, действия по урегулированию конфликта должны быть направлены на [3, с. 60]:

- ◆ устранение причин конфликта;
- ◆ анализ ситуации с позиции достижения справедливости;
- ◆ устранение психологических барьеров;
- ◆ достижение межличностного взаимопонимания;
- ◆ проектирование условий работы, направленных на достижение максимально положительного результата;

◆ устранение причин социально-психологического характера.

Поэтому актуальность исследования выражается в целенаправленном формировании психологом ОВД научно обоснованных психологических условий, способствующих предотвращению или преодолению конфликта в переговорном процессе, и является одним из ключевых предпосылок его эффективности.

Для проверки выдвинутой гипотезы нами были применены такие методы, как наблюдение, экспертный порос, тестирование (методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению и выбора стратегии на переговорах К. Томаса, уровень конфликтности личности И. Д. Ладанова и оценки экспертами степени конфликтности личности).

Для описания типов поведения людей в конфликтных ситуациях и стилях переговоров К. Томас опирается на двухмерную модель регулирования конфликтов. В качестве основополагающих измерений К. Томасом применяется кооперация (она связана с вниманием человека к интересам других людей, вовлеченных в конфликт) и напористость (характеризует личностный акцент на защите собственных интересов или интересов организации, которую данный человек представляет на переговорах).

Исходя из этих двух измерений, К. Томасом выделяются способы урегулирования конфликтов и стили поведения в ходе переговорного процесса: сотрудничество, компромисс, избегание, соперничество, приспособление.

В рамках нашего исследования под психологическими условиями эффективного переговорного процесса понимается его бесконфликтное ведение или успешное разрешение конфликтных ситуаций с наименьшими затратами. Эффективность рассматривается в рамках положительных исходов переговоров.

Во-первых, психологически оптимальным в рамках сотрудничества будет принципиальный метод переговоров, который четко регламентирует все, что касается предмета переговоров, но предусматривает тактичный и регламентированный подход к взаимоотношениям между сотрудниками — участниками переговоров.

Во-вторых, использование таких психологических приемов как: подчеркивание общности во взглядах, а не их различие; увязка одних вопросов с другими; обсуждение вопросов от легких к сложным; прием принятия «первого предложения партнера»

являются предпосылками эффективного завершения переговоров.

В-третьих, конструктивным и приемлемым поведением в ходе переговоров будет выбор таких стратегий, как сотрудничество, компромисс, уход или уступки. Его развитию способствует линия поведения соперничества. Оптимальной, на наш взгляд, стратегией ведения переговоров для обеих сторон является сотрудничество.

На первом этапе нашего исследования путем наблюдения в процессе переговоров выявлялась и фиксировалась напряженность в отношениях участников переговоров.

На втором этапе проводились тестирования с использованием методики К. Томаса по диагностике стратегий поведения в конфликте и диагностике самооценки степени конфликтности сотрудниками ОВД, и оценки экспертом степени конфликтности личности.

В исследуемой группе были получены такие результаты: стратегию соперничества выбрали 36 % испытуемых; компромисс — 18 %; сотрудничество — 10 %; приспособление — 9%; избегание — 27 % (см. диаграмму 1).

На третьем этапе к работе были привлечены эксперты, которые оценили степень конфликтности каждого участника переговоров. Оценка конфликтности обследуемого сотрудника ОВД осуществлялось посредством баллов, где высший балл показывал деструктивный стиль поведения сотрудника в ситуации переговоров. Также экспертами оценивался и уровень конфликтности личности по методике И. Д. Ладанова, что позволило нам выявить несоответствие между самооценкой испытуемых и оценкой экспертов конфликтности личности. В данной выборке были получены средние и низкие баллы при самооценке конфликтности, но при оценке экспертами эти баллы оказались значительно выше. На основе оценок экспертов были выделены две подгруппы: повышенная или пониженная конфликтность. Результаты тестов по методике К. Томаса самооценки уровня конфликтности сотрудниками ОВД и оценки экспертов представлены в табл. 1.

Достоверность различий групп по этому показателю и по данным тестов была доказана с помощью U-критерия Манна-Уитни. Критерий позволяет выявлять различия между малыми выборками, когда $n_1, n_2 \geq 3$ или $n_2 \geq 5$.

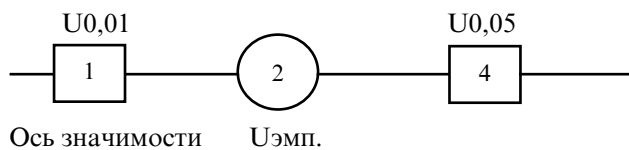
$$U = (n_1 * n_2) + n_x * (n_x + 1) / 2 - T_x,$$

Где n_1 — количество испытуемых в выборке 1; n_2 — количество испытуемых в выборке 2; T_x — большая из двух ранговых сумм; n_x — количество испытуемых в группе с большей суммой рангов.

$U_{эмп.} = 2$; табличное критическое значение для $n_1 = 5, n_2 = 5$:

$$U_{кр.} = \begin{cases} 4 & (p \leq 0,05) \\ 1 & (p \leq 0,01) \end{cases}$$

Мы можем констатировать достоверные различия, так как $U_{эмп.} = 2 < 4$

Аналогично была доказана достоверность различий по стратегии соперничества ($U_{эмп.} = 0$, при $p < 0,05$); получаем, что ранговая сумма у первой группы больше ($T_x = 40$), чем у второй, следовательно, у группы № 1 (повышенная конфликтность) стратегия соперничества выше, чем у группы № 2 (пониженная конфликтность).

При доказательстве достоверности различий стратегии сотрудничества мы тоже получили $U_{эмп.} = 0$, при $p \leq 0,05$, однако, так как ранговая сумма больше у второй группы ($T_x = 40$), мы делаем противоположный предыдущему вывод: у группы № 1 стратегия сотрудничества ниже, чем у группы № 2.

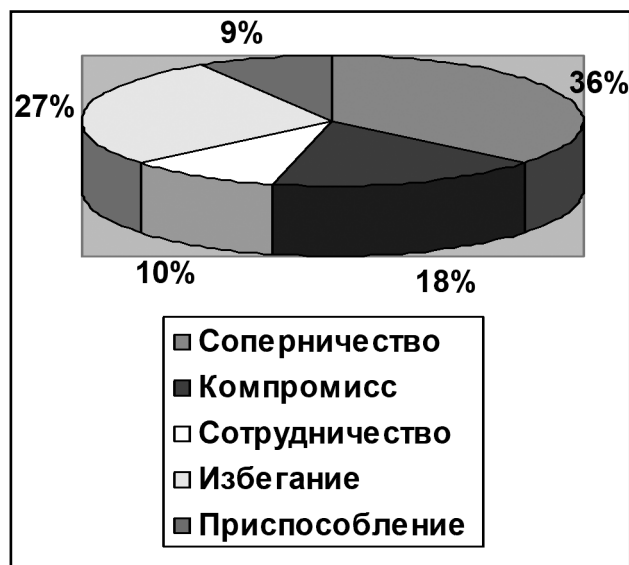

Диаграмма 1. Выбор стратегий поведения сотрудниками ОВД в конфликтных ситуациях переговорного процесса

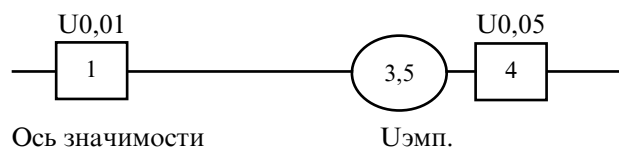
Таблица 1.

Результаты описательной статистики, полученные по методике К. Томаса, самооценки уровня конфликтности сотрудников ОВД и оценки экспертов

№ испытуемого	Ранг экспертов	Стратегии поведения сотрудников ОВД (по методике К. Томаса)					Самооценка уровня конфликтности	Оценка экспертом конфликтности участников переговоров
		Соперничество	Сотрудничество	Приспособление	Компромисс	Избегание		
Группа № 1 (повышенная конфликтность)								
6	10	12	4	4	4	6	40	56
8	9	6	6	7	5	6	36	52
4	8	8	5	4	6	5	49	50
7	7	10	4	4	4	8	50	58
2	6	8	6	5	6	5	27	60
Группа № 2 (пониженная конфликтность)								
1	5	4	9	2	8	7	45	53
3	4	2	8	4	10	6	30	46
10	3	3	7	4	8	8	30	49
9	2	2	9	4	5	10	30	40
5	1	1	7	1	7	9	21	21

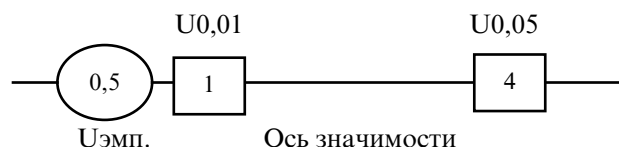
группе, с пониженной конфликтностью преобладает стратегия избегания.

По стратегии приспособления мы не можем констатировать достоверных различий между получившимися группами, так как $U_{эмп.} = 4,5 > U_{кр.}$

По уровню компромиссной стратегии вторая группа оказывается более «высоким» рядом ($T_x = 39$). Рассчитав эмпирическую величину ($U_{эмп.} = 1$ совпадает с $U_{кр.} = 1$ при $p \leq 0,01$) получаем, что у группы с пониженной конфликтностью линия поведения компромисса выше, чем у группы с повышенной конфликтностью.

Также было проведено исследование достоверности различий между выборками на самооценку уровня конфликтности по результатам шкалы самооценки. Более высокое значение ($T_x = 39,5$) средней ранговой суммы присвоено второй группе. $U_{эмп.} = 0,5$, следовательно, мы можем с высокой степенью достоверности сказать, что самооценка конфликтности у второй группы гораздо выше, чем у первой.

Так как значение $U_{эмп.}$ по линии избегания приближается к критическому ($U_{эмп.} = 3,5$ при $U_{кр.} = 4$ ($p < 4$), мы можем предполагать, что различие между выборками достоверно в некоторой степени, т. е. в

Таким образом, на основании оценок между двумя выборками по уровню признака конфликтности мы выявили следующие различия между выборками.

1. Выбор стратегии соперничества происходит при высокой конфликтности, а выбор стратегии сотрудничества (Уэмп. = 0) с большей вероятностью, и выбор стратегии избегания (Уэмп. = 3,5) с гораздо меньшей вероятностью, при низкой конфликтности.

2. Группа № 1 с повышенной конфликтностью не превосходит группу № 2 с пониженной конфликтностью в выборе стратегии приспособления.

3. Выбор стратегии компромисса предполагает низкую степень конфликтности (Уэмп. = 1).

4. Уровень самооценки конфликтности выше у низко конфликтной группы, что говорит о неадекватности самооценки.

По результатам исследования сотрудники ОВД с пониженной конфликтностью получили больше положительных выборов, что характеризует высокий показатель эффективности переговорного процесса.

Список источников

1. Анцупов А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов [и др.]. 2-е изд. Москва : Питер, 2006.

2. Джеффри Р. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение / Джеффри Рубин, Дин Пруйт, Сунг Хе Ким. СПб. : Прайм-Еврознак; М. : Олма-Пресс, 2001.

3. Родин В. Ф., Марьясис И. Б. Психология разрешения конфликтов в ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 1. С. 59–61.

4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2021 г.).

Информация об авторе

Ю. М. Охотников — доцент кафедры психологии УНК ПСД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

Yu. M. Ohotnikov — Associate Professor of the Department of Psychology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 07.10.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 07.10.2022.

References

1. Antsupov A. Ya. Dictionary of conflictologist / A. Ya. Antsupov, A. I. Shipilov [et al.]. 2nd ed. M. : Peter, 2006.

2. Jeffrey R. Social conflict: escalation, deadlock, resolution / Jeffrey Rubin, Dean Pruyt, Sung Hye Kim. SPb. : Prime-Euroznak; M. : Olma-Press, 2001.

3. Rodin V. F., Maryasis I. B. Psychology of conflict resolution in the ATS // Psychology and pedagogy of official activity. 2022. No. 1. P. 59–61.

4. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 (as amended on April 30, 2021) «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from September 1, 2021).

Библиографический список

1. Виды конфликтов и их урегулирование в органах внутренних дел Российской Федерации: учеб. пособие / В. В. Вахнина, Т. В. Мальцева, О. А. Ульянина, Т. В. Михайлова; под ред. В. В. Вахниной. М. : Академия управления МВД России, 2021.

2. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб : Питер, 2008.

Bibliographic list

1. Types of conflicts and their settlement in the internal affairs bodies of the Russian Federation: studies. manual / V. V. Vakhnina, T. V. Maltseva, O. A. Ulyanina, T. V. Mikhailova; edited by V. V. Vakhnina. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

2. Grishina N. V. Psychology of conflict. 2nd ed. St. Petersburg : Peter, 2008.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-366-376>

НИОН: 2003-0059-5/22-476

MOSURED: 77/27-003-2022-05-675

Связь представлений педагогов о половых особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивно-конфликтное поведение учащихся

Артур Александрович Реан¹, Екатерина Сергеевна Кошелева²

^{1,2} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² eskosheleva@mail.ru

Аннотация. Описаны результаты исследования, посвященного изучению взаимосвязи представлений педагогов о половых особенностях агрессии подростков со способами реагирования учителей на агрессивно-конфликтное поведение учащихся. Предметом анализа являются данные анонимного онлайн-опроса, проведенного среди учителей из семи регионов Российской Федерации. Результаты исследования показывают, что у педагогов, применяющих активные способы реагирования на ситуацию агрессивного поведения в школе, складывается более реальное представление об агрессии, чем у пассивных педагогов. Активные педагоги готовы признать, что агрессия подростков носит дифференцированный характер, обусловленный половыми различиями. Учителя, предпочитающие пассивный способ реагирования на агрессию, склонны к отрицанию подобного рода различий. Эмоционально реагирующие педагоги считают допустимым агрессивное поведение в школе, в частности среди юношей. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости обучения и подготовки преподавателей конструктивным способам совладания с агрессивным поведением в школе с учетом половозрастных различий в проявлении агрессии в подростковом возрасте.

Ключевые слова: агрессивность, стратегии совладания

Для цитирования: Реан А. А., Кошелева Е. С. Связь представлений педагогов о половых особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивно-конфликтное поведение учащихся // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 366–376. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-366-376>.

Original article

The connection of teachers' ideas about the gender characteristics of adolescent aggression with the ways of their response to aggressive and conflict behavior of students

Artur A. Rean¹, Ekaterina S. Kosheleva²

^{1,2} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

² eskosheleva@mail.ru

Abstract. The article describes the results of a study devoted to the study of the relationship of teachers' ideas about the sexual characteristics of adolescent aggression with the ways teachers respond to aggressive-conflict behavior of students. The subject of the analysis is the data of an anonymous online survey conducted among teachers from seven regions of the Russian Federation. The results of the study show that teachers who use active ways of responding to the situation of aggressive behavior at school have a more realistic idea of aggression than passive teachers. Active teachers are ready to admit that the aggression of adolescents is differentiated due to gender differences. Teachers who prefer a passive way of responding to aggression tend to deny this kind of difference. Emotionally reacting teachers consider aggressive behavior at school, in particular among young men, acceptable. The results obtained indicate the need for teaching and training teachers constructive ways of coping with aggressive behavior at school, taking into account gender and age differences in the manifestation of aggression in adolescence.

Keywords: aggressiveness, coping strategies

For citation: Rean A. A., Kosheleva E. S. The connection of teachers' ideas about the gender characteristics of adolescent aggression with the ways of their response to aggressive and conflict behavior of students. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(5):366–376. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-366-376>.

© Реан А. А., Кошелева Е. С., 2022

Введение. Проблема изучения агрессивного поведения подростков представлена в большом количестве исследований [1; 2; 10; 12; 25; 29; 31; 33], в том числе и в наших более ранних работах [11; 13–17]. Однако особенности восприятия педагогами агрессии и асоциального поведения школьников изучены недостаточно глубоко. Агрессивное поведение в учебных учреждениях становится все более распространенным явлением в современном мире. В связи с этим растет необходимость реализации комплексных мер по профилактике и предотвращению агрессии в школах.

Большую роль играют не только теоретические знания педагогов об агрессии, но и умение применить подобные знания на практике. Это связано с тем, что довольно часто преподаватели, несмотря на понимание ситуации, не готовы вмешиваться в конфликт и пресекать школьную агрессию [3; 9; 19]. К тому же многие учителя заявляют о необходимости дополнительной подготовки кадров к работе с проявлениями подростковой агрессивности [16; 33].

Ключевая роль в формировании агрессивного поведения в подростковом возрасте принадлежит семье [8; 12; 14; 19; 24; 29]. Например, было выявлено что, чем чаще родственники ребенка принимают участие в жизнедеятельности школы, тем чаще семья подростка оценивается педагогами как благополучная, а поведение самого ребенка — вписывающимся в социальные нормы [22].

Отдельное внимание необходимо уделить личностным различиям самих учащихся. Так, восприятие педагогов агрессивного поведения подростков зависит от половозрастных и национальных различий [16; 21; 23; 24; 33], от эмоций, которые проявляют как агрессоры, так и жертвы агрессии [30]. Как правило, агрессию среди мальчиков учителя считают частью нормального поведения, так как она помогает отстаивать свой социальный статус. С точки зрения педагогов, мальчики, в отличие от девочек, чаще используют независимые стратегии совладания с ситуацией. Также у учителей наблюдается склонность чаще наказывать учащихся, участников буллинга, одного с ними пола. Учителя-женщины, в отличие от педагогов-мужчин, считают буллинг более серьезной проблемой. Учителя реже вмешиваются в ситуации травли, если в нее вовлечены мальчики. Педагоги считают, что мальчики-подростки способны себя защитить [19].

В одном из исследований изучалось отношение подростков к учителям [20]. При опросе 4837 учащихся 7–11 классов было установлено, что учитель является значимым образцом для подражания для каждого шестого ученика. Девочки, по сравнению с мальчиками, воспринимают учителей как более демократичных. С возрастом и у мальчиков, и у девочек уменьшается восприятие учителя как авторитарной фигуры. Отдельно изучались ответы подростков, склонных и не склонных к девиантным формам поведения. Девиантные подростки чаще отмечают авторитарный стиль учителя во взаимодействии с учениками. Подростки, участвующие в драках, чаще говорят о жестком отношении учителя к ученикам, чем те, кто в них не участвует. Исходя из ответов респондентов подросткового возраста, можно сделать вывод о том, что отношение педагога к ученикам дифференцировано относительно пола, успеваемости и самооценки школьника в коллективе класса. По отношению к девиантным подросткам учителя проявляют более строгий стиль воспитания, и сам воспитательный процесс в данном случае основан на контроле учащихся, а не на развитии их мотивационно-потребностной сферы [20].

Для того чтобы справиться с агрессивным поведением в школе, педагоги используют различные стратегии совладания (копинг-стратегии). Часть из них эффективна, часть наоборот усугубляет ситуацию [16]. Под копингом понимаются «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие способы преодоления специфических внешних и внутренних требований, которые оцениваются человеком как значительные или превосходящие его возможности» [27]. Копинг-стратегиям посвящено большое количество исследований как отечественных [4–7; 18], так и зарубежных [26; 28; 32]. Более подробно классификация копинг-стратегий рассматривалась в наших предыдущих работах [15; 16]. Результаты исследований показали, что на выбор педагогом той или иной стратегии влияет большое количество факторов: например, установки и убеждения педагогов. Так, те, кто относились к буллингу как к норме, реже отчитывали проявляющих агрессию учеников, и чаще использовали пассивные стратегии реагирования [31]. Учителя реже вмешиваются в ситуацию травли, в которую вовлечены мальчики, так как считают, что они способны сами себя защитить. В случае, если педагог настраивал ребенка на ответную агрессивную

реакцию в сторону обидчика, — рос уровень виктимизации мальчиков и высокоагрессивных девочек. Если же учитель делал акцент на том, что жертве достаточно просто постоять за себя, то виктимизация мальчиков падала, что возможно связано с использованием неагрессивных стратегий самозащиты [19].

В настоящей статье изучается вопрос о взаимосвязи между выбираемым способом совладания с агрессивным поведением подростков и представлениями педагогов об обусловленности агрессии половыми факторами.

Структура исследования. Исследование было реализовано в форме анонимного онлайн-опроса, в котором приняли участие 5571 педагог из семи регионов РФ из пяти федеральных округов. Подавляющее число респондентов женского пола (94 %). Средний возраст респондентов 44,6 (SD = 11,7). Педагогический стаж менее пяти лет (молодые специалисты) имеют 15 % респондентов. Около 40 % — стаж более 25 лет. Большинство преподают в средней школе (66 %), около 50 % преподают в начальной школе, 40 % — в старшей школе (респондентам был задан вопрос с множественным выбором, в связи с чем сумма процентов может превышать 100 %). 23 % педагогов из рассматриваемой выборки не имеют квалификационную категорию, 37 % имеют первую квалификационную категорию, 40 % — высшую. Около 30 % педагогов имеют административную нагрузку, а более 70 % — классное руководство.

Для исследования представлений педагогов об агрессивном поведении учащихся была разработана стандартизированная анкета Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ. В настоящей статье представлен анализ ответов на следующие вопросы данной стандартизированной анкеты.

1. «С какими из нижеперечисленных утверждений о проявлении агрессивного поведения в зависимости от пола детей и подростков Вы согласны?»:

- ◆ различий в проявлении агрессивного поведения между полами нет;
- ◆ у девочек агрессия проявляется реже, чем у мальчиков;
- ◆ агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков;
- ◆ взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек;

◆ мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), а девочки вовнутрь (раздражение, обиды).

2. «Какой тип реагирования на проявление агрессивного поведения подростков в Вашем классе/школе Вы обычно предпочитаете? (выберете любое число ответов)» со следующими вариантами ответов:

◆ активное реагирование (стремлюсь как можно быстрее вмешаться в конфликт, разговариваю с учениками и их родителями, поднимаю данный вопрос на школьном собрании/совещании учителей и педагогов, обращаюсь за помощью в решении данного вопроса к школьному психологу и т. д.);

◆ пассивное реагирование (стараюсь не замечать проблемы, делаю вид, что ничего не происходит, замалчиваю данную ситуацию, допускаю проявление агрессии по отношению к определенным учащимся и т. д.);

◆ эмоциональное реагирование (стараюсь найти эмоциональную поддержку, переживаю данную проблему как личную, делюсь с родственниками, хожу к психологу, часто нервничаю, эмоционально реагирую на детей, употребляю успокоительные средства и т. д.).

3. «Какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете?»:

- ◆ провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта;
- ◆ обсуждаю случившееся с классом, провожу классные часы;
- ◆ работаю с родителями;
- ◆ привлекаю классного руководителя, психолога, социального педагога, администрацию школы.

Гипотеза исследования. Существует взаимосвязь между выбираемым способом совладания с агрессивным поведением подростков и представлениями педагогов об обусловленности агрессии половыми факторами.

Анализ данных. В связи с тем, что переменные являются бинарными, анализ был реализован с помощью следующих методов: построение таблиц сопряженности, коэффициент сопряженности и критерий Хи-квадрат Пирсона, оценка их значимости. Обработка данных осуществлялась в SPSS.

Результаты исследования и их интерпретация. Согласно результатам исследования представлений педагогов о проявлении агрессивного поведения в зависимости от пола детей и подростков, было обнаружено, что большинство респондентов согласны с тем,

что существуют половые различия в агрессии между подростками (78 %). Так же респонденты утверждают, что агрессия девочек носит более «изобретательный» характер, чем у мальчиков (75 %), и что мальчики больше проявляют агрессию вовне, а девочки вовнутрь (62 %). Большая часть педагогов не согласна с тем, что у девочек агрессия проявляется реже, чем у мальчиков (68 %), и что взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек (не согласны 72 %) (рис. 1).

Для исследования способов реагирования педагогов на проблемные ситуации в школе, им задавалось два вопроса.

1. «Какой тип реагирования на проявление агрессивного поведения подростков в Вашем классе/школе Вы обычно предпочитаете?».

2. «Какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете?».

При анализе ответов на первый вопрос удалось установить, что большинство педагогов (86 %) предпочитает активно реагировать на агрессивное поведение подростков. Данный вид реагирования подразумевает следующее: «стремлюсь как можно быстрее вмешаться в конфликт, разговариваю с учениками и их родителями, поднимаю данный вопрос на школьном собрании/совещании учителей и педагогов, обращаюсь за помощью в решении данного во-

проса к школьному психологу и т. д.». Каждый четвертый педагог выбирает стратегию эмоционального реагирования (25 %): «старюсь найти эмоциональную поддержку, переживаю данную проблему как личную, делюсь с родственниками, хожу к психологу, часто нервничаю, эмоционально реагирую на детей, употребляю успокоительные средства и т. д.». И наконец, довольно небольшая часть респондентов (7 %) реагируют пассивно: «старюсь не замечать проблемы, делаю вид, что ничего не происходит, замалчиваю данную ситуацию, допускаю проявление агрессии по отношению к определенным учащимся и т. д.» (рис. 2).

Согласно ответам на второй вопрос о предпочтительных способах разрешения конфликтов, большинство педагогов (85 %) проводят разъяснительную беседу с участниками конфликта. На втором месте по частоте использования (75 %) оказывается такая стратегия, как работа с родителями. Больше половины педагогов (60 %) для разрешения конфликтной ситуации привлекают классного руководителя, психолога, социального педагога, администрацию школы. И наконец, половина респондентов (58 %) обсуждают случившееся с классом, проводят классные часы (рис. 3).

Для изучения взаимосвязи представлений педагогов об обусловленности агрессивного поведения

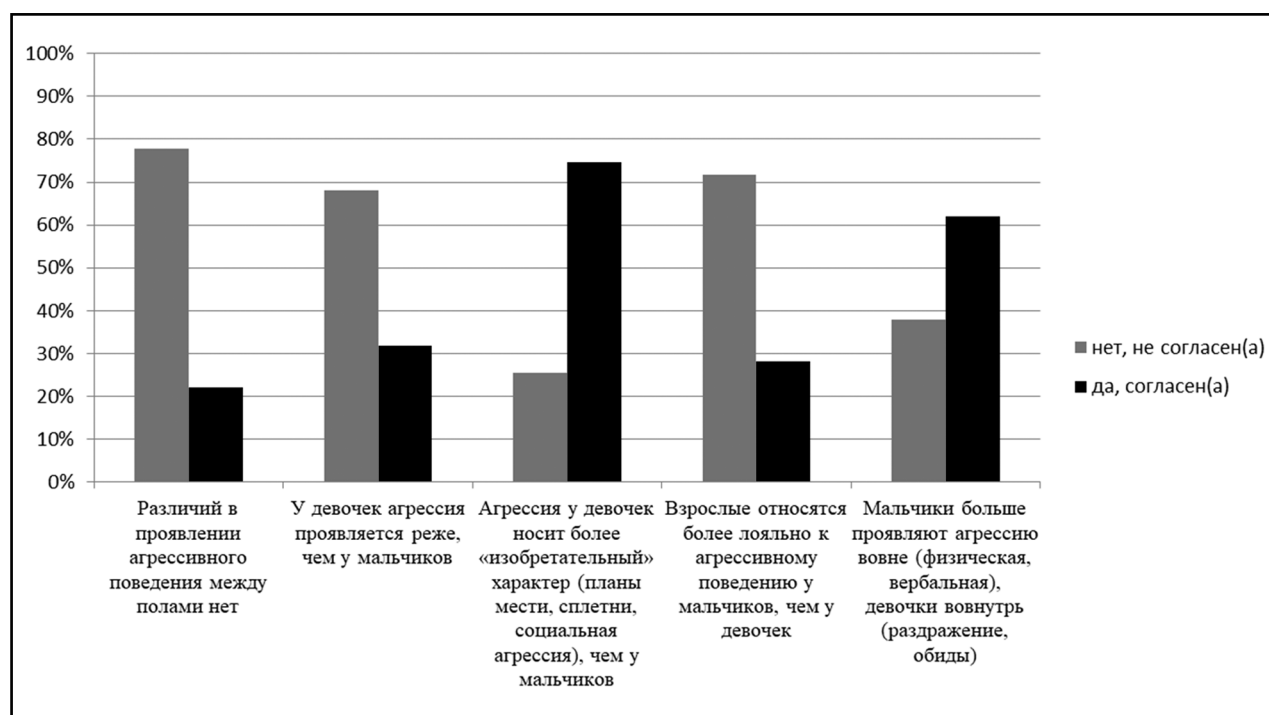

Рис. 1. С какими из нижеперечисленных утверждений о проявлении агрессивного поведения в зависимости от пола детей и подростков Вы согласны?

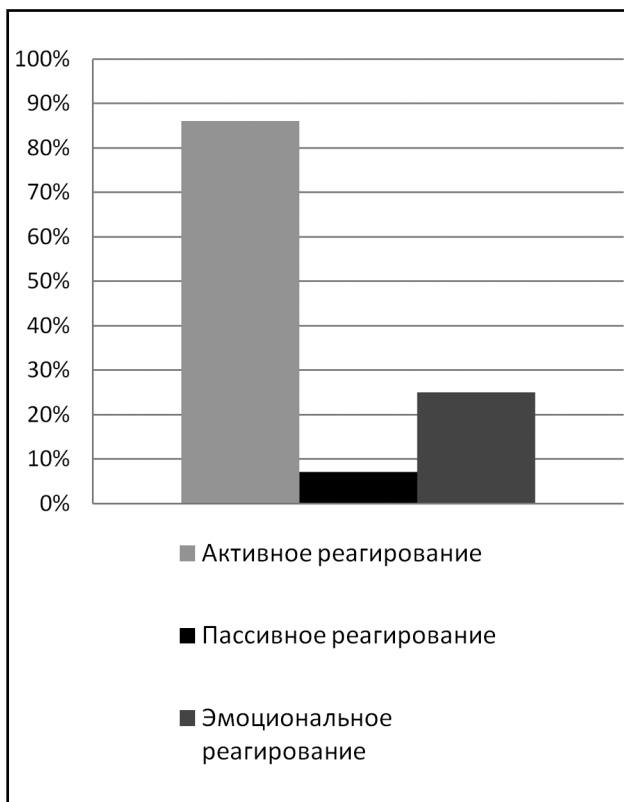

Рис. 2. Какой тип реагирования на проявление агрессивного поведения подростков в Вашем классе/школе Вы обычно предпочитаете?

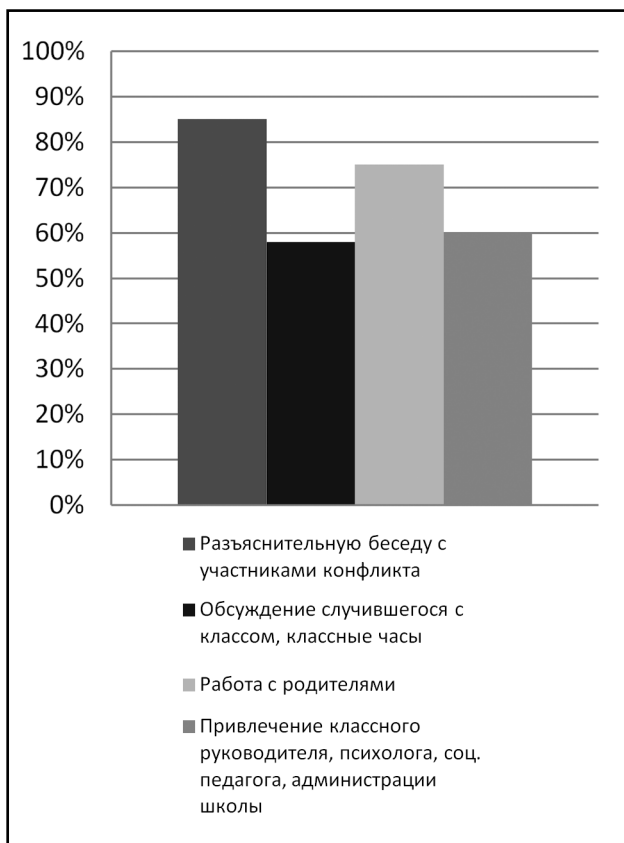

Рис. 3. Какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете?

подростков факторами пола со способами реагирования на проблемные ситуации были составлены таблицы сопряженности (так как большинство переменных являются бинарными).

В табл. 1, 2 представлены те результаты, в которых коэффициент сопряженности является значимым.

На основании данных, представленных в таблице, можно сделать вывод о том, что, респонденты, выбирающие **активную форму реагирования** на агрессию, как правило, считают что «агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» ($p < 0,001$); «мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды)» ($p < 0,001$).

Респонденты, **не выбирающие** пассивную форму реагирования на агрессию, как правило, и **не выбирают** такие варианты ответов, как: «Различий в проявлении агрессивного поведения между полами нет» ($p < 0,001$); «У девочек агрессия проявляется реже, чем у мальчиков» ($p < 0,001$); «Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек» ($p < 0,01$). При этом педагоги, **не выбирающие** пассивную форму реагирования на агрессию, как правило, **считают**, что «Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» ($p < 0,001$); «Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды)» ($p < 0,001$).

Респонденты, **не выбирающие** эмоциональную форму реагирования на агрессию, как правило, и **не выбирают** следующие утверждения: «Различий в проявлении агрессивного поведения между полами нет» ($p < 0,05$); «Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек» ($p < 0,001$). При этом респонденты, **не выбирающие** эмоциональную форму реагирования на агрессию, как правило, дают **положительный ответ** по поводу следующих утверждений: «Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» ($p < 0,05$); «Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды)» ($p < 0,01$).

При ответе на вопрос: «какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете?», респонденты, **выбравшие** такой вариант ответа, как

Таблица 1.

Какой тип реагирования на проявление агрессивного поведения подростков в Вашем классе/школе Вы обычно предпочитаете? (Q33)

Представления педагогов об агрессивном поведении	Варианты ответов	0 (% ответов «нет»)	1 (% ответов «да»)	Коэфф. сопряженности	Уровень значимости	Хи-квадрат Пирсона	Уровень значимости для Хи-квадрата Пирсона
Активное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33a)							
Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков (Q26_2c)	0 (% ответов «нет»)	5,7 %	19,5 %	0,151	p < 0,001	127,042	p < 0,001
	1 (% ответов «да»)	7,9 %	66,9 %				
Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды) (Q26_2e)	0 (% ответов «нет»)	7,2 %	30,7 %	0,125	p < 0,001	86,133	p < 0,001
	1 (% ответов «да»)	6,3 %	55,7 %				
Пассивное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33b)							
Различий в проявлении агрессивного поведения между полами нет (Q26_2a)	0 (% ответов «нет»)	72,6 %	5,20 %	0,047	(p < 0,001)	12,290	p < 0,001
	1 (% ответов «да»)	20,0 %	2,20 %				
«У девочек агрессия проявляется реже, чем у мальчиков» (Q26_2b)	0 (% ответов «нет»)	63,8 %	4,4 %	0,055	(p < 0,001)	16,328	P < 0,001
	1 (% ответов «да»)	28,8 %	3,0 %				
Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» (Q26_2c)	0 (% ответов «нет»)	22,1 %	3,1 %	0,112	(p < 0,001)	69,409	p < 0,001
	1 (% ответов «да»)	70,5 %	4,2 %				
Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек (Q26_2d)	0 (% ответов «нет»)	67,0 %	4,8 %	0,04	(p < 0,01)	8,852	(p < 0,01)
	1 (% ответов «да»)	25,7 %	2,6 %				
Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды) (Q26_2e)	0 (% ответов «нет»)	33,7 %	4,3 %	0,119	(p < 0,001)	78,226	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	59,0 %	3,1 %				
Эмоциональное реагирование на проявление агрессивного поведения подростков (Q33c)							
Различий в проявлении агрессивного поведения между полами нет (Q26_2a)	0 (% ответов «нет»)	59,2 %	18,6 %	0,030	(p < 0,05)	4,816	(p < 0,05)
	1 (% ответов «да»)	16,2 %	6,0 %				
Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков (Q26_2c)	0 (% ответов «нет»)	19,6 %	5,6 %	0,031	(p < 0,05)	5,076	(p < 0,05)
	1 (% ответов «да»)	55,8 %	18,9 %				
Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек (Q26_2d)	0 (% ответов «нет»)	56,3 %	15,5 %	0,108	(p < 0,001)	63,870	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	19,2 %	9,0 %				
Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды) (Q26_2e)	0 (% ответов «нет»)	29,5 %	8,5 %	0,039	(p < 0,01)	8,140	(p < 0,01)
	1 (% ответов «да»)	46,0 %	16,0 %				
	1 (% ответов «да»)	47,5 %	17,0 %				

Таблица 2.

Какие способы разрешения конфликтов между учениками Вы используете? (Q36)

Представления педагогов об агрессивном поведении	Варианты ответов	0 (% ответов «нет»)	1 (% ответов «да»)	Коэфф. сопряженности	Уровень значимости для коэфф-та сопряженности	Хи-квадрат Пирсона	Уровень значимости для Хи-квадрата Пирсона
Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта (Q36a)							
Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков (Q26_2c)	0 (% ответов «нет»)	6,5 %	18,8 %	0,178	p < 0,001	177,057	p < 0,001
	1 (% ответов «да»)	8,1 %	66,6 %				
Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек (Q26_2d)	0 (% ответов «нет»)	11,1 %	60,6 %	0,041	p < 0,01	8,981	p < 0,01
	1 (% ответов «да»)	3,5 %	24,8 %				
Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды) (Q26_2e)	0 (% ответов «нет»)	8,4 %	29,6 %	0,166	p < 0,001	153,336	p < 0,001
	1 (% ответов «да»)	6,2 %	55,8 %				
Обсуждение случившегося с классом, классные часы (Q36b)							
Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков (Q26_2c)	0 (% ответов «нет»)	12,8 %	12,4 %	0,109	(p < 0,001)	64,835	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	28,7 %	46,0 %				
Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек (Q26_2d)	0 (% ответов «нет»)	31,3 %	40,5 %	0,064	(p < 0,001)	22,281	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	10,3 %	17,9 %				
Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды) (Q26_2e)	0 (% ответов «нет»)	17,6 %	20,4 %	0,075	(p < 0,001)	31,133	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	24,0 %	38,0 %				
Работа с родителями (Q36c)							
Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков (Q26_2c)	0 (% ответов «нет»)	10,2 %	15,1 %	0,197	(p < 0,001)	220,000	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	15,1 %	59,6 %				
Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек (Q26_2d)	0 (% ответов «нет»)	19,5 %	52,3 %	0,067	(p < 0,05)	24,487	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	5,8 %	22,4 %				
Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды) (Q26_2e)	0 (% ответов «нет»)	13,6 %	24,4 %	0,185	(p < 0,001)	193,587	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	11,7 %	50,3 %				
Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы (Q36d)							
Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков (Q26_2c)	0 (% ответов «нет»)	14,2 %	11,1 %	0,192	(p < 0,001)	207,676	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	25,5 %	49,2 %				
Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек (Q26_2d)	0 (% ответов «нет»)	30,5 %	41,3 %	0,089	(p < 0,001)	43,757	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	9,2 %	19,0 %				
Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды) (Q26_2e)	0 (% ответов «нет»)	19,1 %	18,9 %	0,165	(p < 0,001)	152,372	(p < 0,001)
	1 (% ответов «да»)	20,7 %	41,4 %				

«Провожу разъяснительную беседу с участниками конфликта», как правило, **положительно** отвечали на следующие утверждения: «Агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» ($p < 0,001$); «Мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды)» ($p < 0,001$); при этом респонденты, проводящие разъяснительную беседу с участниками конфликта, как правило, **не согласны** с утверждением: «Взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек» ($p < 0,01$).

Респонденты, выбирающие такой способ решения конфликтов, как «обсуждение случившегося с классом, классные часы», как правило, считают, что «агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» ($p < 0,001$); «мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды)» ($p < 0,001$); при этом такие респонденты, как правило, **не согласны** с тем, что «взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек» ($p < 0,001$).

Респонденты, использующие такую стратегию как «работа с родителями», как правило, согласны с тем, что «агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» ($p < 0,001$); «мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды)» ($p < 0,001$).

Преподаватели, использующие такую стратегию как «Привлечение классного руководителя, психолога, социального педагога, администрации школы», как правило, согласны с такими утверждениями как: «агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер (планы мести, сплетни, социальная агрессия), чем у мальчиков» ($p < 0,001$); «мальчики больше проявляют агрессию вовне (физическая, вербальная), девочки вовнутрь (раздражение, обиды)» ($p < 0,001$); при этом такие респонденты, как правило, **не согласны** со следующими утверждениями: «взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек» ($p < 0,001$).

Обсуждение результатов. Согласно полученным результатам, педагоги, активно реагирующие на ситуацию агрессивного поведения в школе, как правило, признают наличие половых различий в проявлении

агрессии в подростковом возрасте. Они согласны с тем, что агрессия у девочек носит более «изобретательный» характер, чем у мальчиков, а также с тем, что мальчики чаще проявляют физическую и вербальную агрессию, в то время как девочки склонны к раздражению и обидам.

При рассмотрении стратегий пассивного и эмоционального реагирования наблюдались некоторые сложности. Это связано с тем, что педагоги выборки гораздо реже отмечали данные способы совладания, чем активный вид реагирования.

При изучении ответов на вопросы в контексте категории пассивного реагирования было установлено, что учителя, не выбирающие данную категорию, гораздо чаще признавали половые различия в агрессивном поведении подростков, чем респонденты, предпочитающие пассивный тип совладания с ситуацией агрессивного поведения. Что говорит нам о том, что педагоги, не вмешивающиеся в ситуации конфликта между подростками в школе, как правило, не обращают внимания на наличие половых различий в подростковой агрессии.

Педагоги, как выбирающие, так и не выбирающие эмоциональную стратегию, отвечали схожим образом — в сторону признания половозрастных различий в проявлении агрессивного поведения. Однако, стоит отметить, что среди тех, кто не выбирал данную стратегию, гораздо больше респондентов, положительно отвечавших на утверждения, касающиеся половозрастных различий. Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие тенденции к адекватному представлению об агрессии у педагогов, реагирующих на нее эмоционально, респонденты, отказавшиеся от данного вида стратегии совладания, смотрят на агрессию более объективно. Это связано с тем, что в нашей выборке преобладает активный вид реагирования на агрессивное поведение. Так же учителя, выбирающие эмоциональный вид реагирования на агрессию, считают, что взрослые относятся более лояльно к агрессивному поведению у мальчиков, чем у девочек. Чего мы не наблюдаем в случае активного реагирования. Это может свидетельствовать о том, что педагоги, склонные к эмоциональному реагированию, считают агрессию допустимой формой поведения среди подростков, особенно среди юношей.

Таким образом, гипотеза о наличии взаимосвязи между выбираемым способом совладания с агрессив-

ным поведением подростков и представлениями педагогов об обусловленности агрессии половыми факторами подтвердилась.

Заключение. Педагоги, активно реагирующие на агрессию подростков, готовы признать, что она носит дифференцированный характер, что существуют половые различия в агрессивном поведении подростков. Учителя, предпочитающие пассивный способ реагирования на агрессию, склонны к отрицанию наличия половых различий в агрессивном поведении подростков. Педагоги, эмоционально реагирующие на агрессивное поведение подростков, гораздо реже, по сравнению с учителями, выбирающими активную форму реагирования, признают наличие различий в проявлении агрессии, а также считают допустимым подобное поведение в школе, в частности среди юношей. Вероятно, это может быть связано с отсутствием знаний и умений по преодолению агрессивного поведения, либо с интенсивным эмоциональным переживанием ситуаций проявления подростковой агрессии.

В целом, данные нашего исследования показывают, что учителя, активно принимающие участие в действиях по предотвращению агрессии, как правило, гораздо чаще заявляют о наличии половозрастных различий в проявлении агрессивного подросткового поведения, чем остальные педагоги.

Полученные результаты имеют практическую значимость и могут учитываться при подготовке педагогов к работе с агрессивным поведением в школе.

Список источников

1. Авдулова Т. П. Агрессивность в подростковом возрасте: практ. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
2. Бочавер А. А. Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 1. С. 47–55.
3. Бочавер А. А., Жилинская А. В., Хломов К. Д. Школьная травля и позиция учителей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 1. С. 103–116.
4. Ветрова И. И. Связь совладающего поведения с контролем поведения и психологической защитой в системе саморегуляции // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М., 2008.
5. Ксенофонтова К. М. Копинг-стратегии поведения, как способ борьбы со стрессом в конфликтных ситуациях // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика. 2019. С. 302–306.
6. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. С. 37–47.
7. Нартова-Бочавер С. К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
8. Новикова М. А., Реан А. А. Семейные предпосылки вовлеченности ребенка в школьную травлю: влияние психологических и социальных характеристик семьи // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 112–120.
9. Новикова М. А., Реан А. А. Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 78–97.
10. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: моногр. / под ред. А. А. Реана. М., 2018.
11. Реан А. А., Егорова А. В. Проявление подростковой агрессии в отношении учителя: распространенность, факторы, последствия, профилактика // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 98–108.
12. Реан А. А., Коновалов И. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. 2019. № 1 (33).
13. Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессивность как предиктор дефицита ощущения счастья у подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 258–263.
14. Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессивность как предиктор отрицания семейных ценностей у подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 279–287.
15. Реан А. А., Кошелева Е. С. Роль копинг-стратегий и ппи в процессе взаимодействия учителей с агрессивными подростками // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 78–86.
16. Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессия и асоциальное поведение подростков в сознании педагогов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 305–312.
17. Реан А. А., Кошелева Е. С., Новикова М. А. Ретроспективное восприятие буллинга студентами: социоэкономические, гендерные и семейные факторы // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 63–74.
18. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. М., 2006.
19. Реан А. А., Новикова М. А. Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространенность и влияние социоэкономических факторов // Мир психологии. 2019. № 1. С. 165–177.
20. Собкин В. С., Калашникова Е. А. Отношение учителей к ученикам: мнение подростков. М., 2021.

21. Собкин В. С., Фомиченко А. С. Понимание учителями причин проявления агрессии учащихся к педагогу // Социология образования. 2012. С. 137–147.
22. Усова О. В. и др. Социальная репрезентация образа «благополучия/неблагополучия» современной российской семьи и поведения обучающегося: восприятие явления педагогами // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 6. С. 102–136.
23. Фомиченко А. С. Восприятие и понимание учителями агрессивного поведения учащихся: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2014.
24. Фомиченко А. С. Представления учителей о причинах агрессивного поведения учащихся разных классов общеобразовательной школы // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 2. С. 81–93.
25. Crawshaw M. Secondary school teachers' perceptions of student misbehaviour: A review of international research, 1983 to 2013 // Australian Journal of Education. 2015. Т. 59. № 3. С. 293–311.
26. Lasarus R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // Journal of Personality. 2006. Vol. 74, N 1. P. 9–43.
27. Lasarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York : Springer, 1984.
28. Pearlin L.I., Schooler C. The structure of coping // The journal of health and social behavior. 1978. Vol. 19. № 1. P. 2–21.
29. Rosen L. H., Scott S. R., DeOrnellas K. Teachers' perceptions of bullying: A focus group approach // Journal of school violence. 2017. Т. 16. № 1. P. 119–139.
30. Sokol N., Bussey K., Rapee R. M. The impact of victims' responses on teacher reactions to bullying // Teaching and Teacher Education. 2016. Т. 55. P. 78–87.
31. Troop-Gordon W., Ladd G. W. Teachers' victimization-related beliefs and strategies: Associations with students' aggressive behavior and peer victimization // Journal of abnormal child psychology. 2015. Т. 43. № 1. P. 45–60.
32. Wills T.A., Shiffman S. Coping and substance use: A conceptual framework // Coping and substance use. Orlando : Academic Press, 1985. P. 3–24.
33. Yoon J., Sulkowski M. L., Bauman S. A. Teachers' responses to bullying incidents: Effects of teacher characteristics and contexts // Journal of school violence. 2016. Т. 15. № 1. P. 91–113.
3. Bocharov A. A., Zhilinskaya A. V., Khlomov K. D. School bullying and the position of teachers // Social psychology and society. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 103–116.
4. Vetrova I. I. Connection of coping behavior with behavior control and psychological protection in the system of self-regulation // Coping behavior: the current state and prospects / edited by A. L. Zhuravleva, T. L. Kryukova, E. A. Sergienko. M., 2008.
5. Ksenofontova K. M. Coping strategies of behavior as a way of dealing with stress in conflict situations // Topical issues of modern science: theory, technology, methodology and practice. 2019. P. 302–306.
6. Muzdybaev K. Strategy of coping with life difficulties // Journal of Sociology and Social Anthropology. 1998. Vol. 1. Issue. 2. P. 37–47.
7. Nartova-Bocharov S. K. «Coping Behavior» in the system of concepts of personality psychology // Psychological Journal. 1997. Vol. 18. No. 5. P. 20–30.
8. Novikova M. A., Rean A. A. Family prerequisites for the involvement of a child in school bullying: the influence of psychological and social characteristics of the family // Psychological science and education. 2018. Vol. 23. No. 4. P. 112–120.
9. Novikova M. A., Rean A. A. The influence of the school climate on the occurrence of bullying: domestic and foreign research experience // Education issues. 2019. No. 2. P. 78–97.
10. Psychology of deviance. Children. Society. Law: monogr. / edited by A. A. Rean. M., 2018.
11. Rean A. A., Egorova A. V. Manifestation of adolescent aggression against a teacher: prevalence, factors, consequences, prevention // National Psychological Journal. 2021. No. 2 (42). P. 98–108.
12. Rean A. A., Kononov I. A. Manifestation of aggressiveness of adolescents depending on gender and socio-economic status of the family // National Psychological Journal. 2019. № 1 (33).
13. Rean A. A., Kosheleva E. S. Aggressiveness as a predictor of a lack of happiness in adolescents // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 258–263.
14. Rean A. A., Kosheleva E. S. Aggressiveness as a predictor of denial of family values in adolescents // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. P. 279–287.
15. Rean A. A., Kosheleva E. S. The role of coping strategies and ppi in the process of interaction of teachers with aggressive adolescents // Psychology and pedagogy of official activity. 2021. No. 3. P. 78–86.
16. Rean A. A., Kosheleva E. S. Aggression and antisocial behavior of adolescents in the minds of teachers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 305–312.

References

1. Avdulova T. P. Aggressiveness in adolescence: practice. stipend. 2nd ed., ispr. and additional M., 2018.
2. Bocharov A. A. Bullying in a children's collective: attitudes and opportunities of teachers // Psychological science and education. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 47–55.

17. Rean A. A., Kosheleva E. S., Novikova M. A. Retrospective perception of bullying by students: socio-economic, gender and family factors // *National Psychological Journal*. 2020. No. 2 (38). P. 63–74.
18. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Praktika. M., 2006.
19. Rean A. A., Novikova M. A. Bullying among high school students of the Russian Federation: prevalence and influence of socio-economic factors // *World of Psychology*. 2019. No. 1. P. 165–177.
20. Sobkin V. S., Kalashnikova E. A. The attitude of teachers to students: the opinion of teenagers. M., 2021.
21. Sobkin V. S., Fomichenko A. S. Understanding by teachers of the reasons for the manifestation of aggression of students to the teacher // *Sociology of Education*. 2012. P. 137–147.
22. Usova O. V. et al. Social representation of the image of «well-being/disadvantage» of the modern Russian family and student behavior: perception of the phenomenon by teachers // *Education and Science*. 2020. Vol. 22. No. 6. P. 102–136.
23. Fomichenko A. S. Teachers' perception and understanding of aggressive behavior of students: diss. ... cand. psikholog. nauk. M., 2014.
24. Fomichenko A. S. Teachers' ideas about the causes of aggressive behavior of students of different classes of secondary school // *Social psychology and society*. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 81–93.
25. Crawshaw M. Secondary school teachers' perceptions of student misbehaviour: A review of international research, 1983 to 2013 // *Australian Journal of Education*. 2015. Vol. 59. No. 3. P. 293–311.
26. Lazarus R. Emotions and interpersonal relationships: towards a person-centered conceptualization of emotions and coping // *Journal of Personality*. 2006. Vol. 74, N 1. P. 9–43.
27. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York : Springer, 1984.
28. Pearlin L.I., Schooler C. The structure of coping // *The journal of health and social behavior*. 1978. Vol. 19. № 1. P. 2–21.
29. Rosen L. H., Scott S. R., DeOrnellas K. Teachers' perceptions of bullying: A focus group approach // *Journal of school violence*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 119–139.
30. Sokol N., Bussey K., Rapee R. M. The impact of victims' responses on teacher reactions to bullying // *Teaching and Teacher Education*. 2016. Vol. 55. P. 78–87.
31. Troop-Gordon W., Ladd G. W. Teachers' victimization-related beliefs and strategies: Associations with students' aggressive behavior and peer victimization // *Journal of abnormal child psychology*. 2015. Vol. 43. No. 1. P. 45–60.
32. Wills T.A., Shiffman S. Coping and substance use: A conceptual framework // *Coping and substance use*. Orlando : Academic Press, 1985. P. 3–24.
33. Yoon J., Sulkowski M. L., Bauman S. A. Teachers' responses to bullying incidents: Effects of teacher characteristics and contexts // *Journal of school violence*. 2016. Vol. 15. No. 1. P. 91–113.

Информация об авторах

А. А. Реан — директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Е. С. Кошелева — аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, ассистент кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Московского педагогического государственного университета.

Information about the authors

A. A. Rean — Director of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior, Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of Moscow Pedagogical State University, Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation;

E. S. Kosheleva — Analyst of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior, Assistant of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of Moscow Pedagogical State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 26.09.2022. The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.